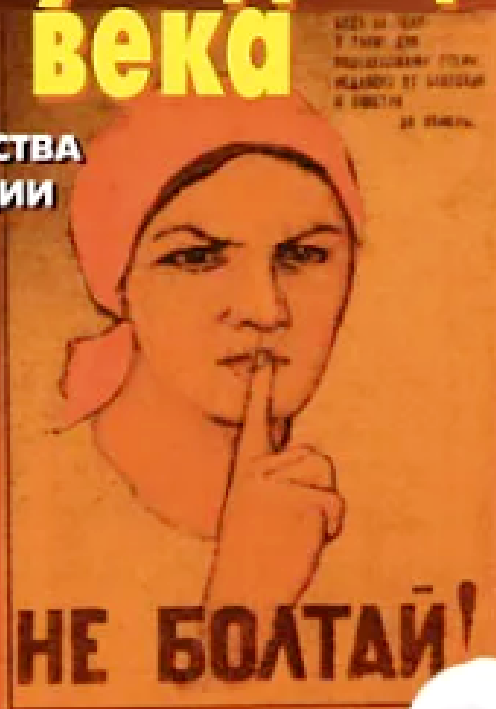

НИКОЛАЙ ЗЕНЬКОВИЧ

ТАЙНЫ уходящего века

3

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА
ФАЛЬСИФИКАЦИИ
КОМПРОМАТ

ДОСЬЕ

Annotation

После убийства И.В. Сталина на Ближней даче (в правительственном сообщении от 5 марта 1953 года лживо утверждалось о смерти в кремлевской квартире) последовала череда необъясненных до сих пор событий: арест и заключение в тюрьму под другой фамилией его сына, генерала Василия Сталина, убийство Л. Берии, расправа с маршалом Г. Жуковым, снятие с постов и высылка из Москвы членов сталинской команды — В. Молотова, Г. Маленкова, Л. Кагановича.

Задолго до этих событий, в середине Великой Отечественной войны, с боевого задания не вернулись молодые летчики Леонид Хрущев и Владимир Микоян. Есть ли связь между их исчезновением и последовавшими затем заговорами и переворотами в Кремле? Автор книги, успешно работающий в жанре «литературы факта», приводит читателей к сенсационным открытиям.

-
- [Николай Александрович Зенькович](#)
 - [Глава 1. ПРИНЦ И МЕДСЕСТРА](#)
 - [Начало легенды](#)
 - [Детство](#)
 - [Юность](#)
 - [Война](#)
 - [После войны](#)
 - [Арест](#)
 - [Секретный узник](#)
 - [По существу обвинений](#)
 - [Новиков](#)
 - [По существу II группы обвинений](#)

- Намерение встретиться с иностранными корреспондентами с целью изменить Родине
- По существу III группы обвинений
- О себе лично
- Досрочное освобождение
- На свободе
- Возвращение в камеру.
- Финал
- Глава 2. «ЗАГУБИЛИ ОТЦА, СВОЛОЧИ...»
 - Страшное обвинение
 - Приглашение на Ближнюю дачу. Ужин. Разъезд
 - После отъезда гостей
 - Первая поездка на Ближнюю дачу.
 - Вторая поездка на дачу.
 - Первая попытка сговора против Берии
 - Смерть
 - Вторая попытка сговора
 - Прощание. Похороны
 - Когда об этом сообщили
 - Избавление от свидетелей
 - Версии кончины
 - Спустя три года после смерти Сталина
 - Спустя десять лет после смерти Сталина
 - Спустя 45 лет после смерти Сталина
 - Чего он опасался
 - Арест Поскребышева и Власика
- Глава 3. МИФОЛОГИЗАЦИЯ
 - Трудный ребенок
 - Каким он был
 - Его женитьбы
 - Его проделки
 - Его окружение
 - Снятие с должности
 - Увольнение из армии

- [Первый срок](#)
- [Алкогольная версия](#)
- [Опять в темнице](#)
- [В Москве оставлять нельзя](#)
- [Теперь уже никто не узнает](#)
- [Умер, как и отец](#)
- [Глава 4. ПЕРВЫЙ РАСКОЛ В РЯДАХ ПРЕЕМНИКОВ](#)
 - [Пророчество](#)
 - [«Низкорослость» оставшихся соратников](#)
 - [Заговор против Берии](#)
 - [Плод созрел](#)
 - [Что они искали](#)
 - [Его перестройка](#)
 - [Спустя годы](#)
- [Глава 5. ВТОРОЙ РАСКОЛ В РЯДАХ ПРЕЕМНИКОВ](#)
 - [«Взвалить на мертвого...»](#)
 - [Резонанс в Восточной Европе](#)
 - [Вынос из Мавзолея](#)
 - [Подоплека предательства](#)
- [Глава 6. ТРЕТИЙ РАСКОЛ В РЯДАХ ПРЕЕМНИКОВ](#)
 - [Антипартийная группа](#)
 - [Спустя сорок лет](#)
- [Глава 7. ЧЕТВЕРТЫЙ РАСКОЛ В РЯДАХ ПРЕЕМНИКОВ](#)
 - [Опасный маршал](#)
 - [Паркетный Жуков](#)
 - [Расправа](#)
- [Глава 8. ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗАГОВОРЩИКА](#)
 - [Подготовка смещения](#)
 - [Донос](#)
 - [Смещение](#)
 - [Технические детали](#)
 - [Губительный путь](#)
- [Глава 9. САМЫЙ ТАИНСТВЕННЫЙ ЧЛЕН ПОЛИТБЮРО](#)
 -

- [Вано](#)
 - [Пропавший сын](#)
 - [В фаворе у Сталина](#)
 - [В опале у Сталина](#)
 - [27 бакинский комиссар](#)
 - [С Хрущевым](#)
 - [В Пицунде](#)
 - [После Хрущева](#)
 - [Внучок](#)
 - [ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ](#)
 - [ИСТОЧНИКИ](#)
-

**Николай Александрович
Зенькович
Тайны ушедшего века.
Лжесвидетельства.
Фальсификации. Компромат**

Глава 1. ПРИНЦ И МЕДСЕСТРА

Начало легенды

Жизнь этого человека полна былей и небылиц. И кончина его окутана плотной завесой тайны.

Впервые мне захотелось прорваться сквозь кольцо мифологем, созданных вокруг его имени, в 1985 году, когда, оказавшись по служебным делам в Казани, увидел небольшой скромный обелиск с поразившей меня надписью: «Единственному от М. Джугашвили».

На мой недоуменный взгляд приятель, показывавший достопримечательности города, утвердительно произнес:

— Сын Сталина. Василий.

На могильном холмике алел цветок. Я подошел поближе и убедился, что он свежий.

— За могилой кто-то ухаживает, — сказал приятель. — Летом цветы меняют ежедневно. Зимой — реже.

— Жена?

— Вряд ли. У него их было несколько, и все браки заканчивались разводами.

Приятель пересказал обывательские слухи, которые циркулировали в Казани вокруг бурной жизни и неожиданной смерти сосланного сюда после почти семилетней тюремной отсидки сына человека, чье имя миллионы людей на всей планете несколько десятилетий подряд произносили со священным трепетом.

Тогда-то и зародилась у меня мысль составить его жизнеописание, попытаться отделить зерна правды от плевел вымысла, непредвзято оценить масштаб личности, о которой говорили то с восхищением (гусар, гуляка, но сердцем добр, помогал всякому), то с

осуждением (пьяница, бабник, отцу родному сколько горя принес, не говоря о других).

Однако, несмотря на объявленную гласность, тема по-прежнему оставалась запретной. Люди, хорошо знавшие Василия Сталина, предпочитали держать язык за зубами и спустя тридцать лет после его кончины. Михаил Александрович Морозов, бывший помощник Ворошилова, присутствовавший при беседе своего шефа с только что вышедшим из тюрьмы сыном генералиссимуса и усердно протоколировавший запись их беседы для Президиума ЦК КПСС и лично Хрущева, помнится, остудил мой пыл:

— Не время писать об этом...

Столь же настороженно отнеслись к моим визитам и другие высокопоставленные кремлевские чиновники. Что тут скажешь — школа!

Замысел пришлось временно отложить.

Вернулся я к нему совсем недавно, когда открылся доступ к ранее закрытым архивам. Не одну жаркую неделю лета пришлось провести в прохладе бывших спецхранов Кремля, но поиски стоили потраченного времени и труда — обнаружился целый ворох уникальнейших документов, проливавших свет на события. Невероятно, но появилась возможность заглянуть даже в святая святых — в личный архив самого Сталина.

Наивно было бы полагать, что обнаруженные важные документы лежали в той же последовательности, в которой они излагаются в этой книге. Нет в архивах ни толстой, ни тонкой папки с надписью: «Дело Сталина В. И.» Материалы хранятся в разных фондах, отделах и даже архивах, которые находятся в разных точках Москвы и Подмосковья. Сбирать их приходилось буквально по крупицам, и нет уверенности, что обнаружены все. Не исключено, что впереди могут быть не менее потрясающие находки.

Но и собранного материала вполне достаточно, чтобы составить — не по рассказам, как правило, неполным и субъективным — правдивое жизнеописание человека, о котором, кроме досужих вымыслов и легенд, практически ничего не известно.

Выстроив добытые кропотливыми стараниями документы в хронологической последовательности и в очередной раз прочитав их, я подумал: а ведь, кроме них, больше ничего не надо. Блоки — главы. Детство, юность, война, падение с пьедестала после смерти отца. И все языком уникальнейших документов. Вот стержень, каркас, на котором каждый читатель сам волен строить свое видение происходившего, домысливать сюжетные ходы и коллизии, основанные на богатой фактуре, содержащейся в приведенных достоверных источниках.

В чем отличие литературы от истории? Беллетристика, как утверждали еще философы Древней Греции, рассказывает о том, как могло быть, то есть, допускает элемент иллюзии, вымысла. История повествует только о том, как было. И повествует прежде всего с помощью подлинников.

В наше прагматичное время, когда мозг высокообразованного читателя перенасыщен свежайшей информацией, его трудно удивить какими-то новыми открытиями, особенно из области того, как могло быть.

Иное дело, если речь идет о том, как было.

Детство

О взаимоотношениях в семье Сталина до последнего времени ничего не было известно. Отсутствие достоверной информации порождало массу слухов, сплетен, домыслов. Просочились они и в печать, которая изображала его тираном, самодуром.

Я внимательно изучил переписку Сталина с женой Надеждой Аллилуевой конца двадцатых — начала тридцатых годов. Супруги обменивались письмами во время отпусков, которые они нередко проводили не вместе. Это единственно заслуживающие доверия источники, по которым можно судить об отношении Сталина к семье и детям.

В первой трети XX века телефонные и другие виды связи, кроме почтовой, большого развития не получили, и даже главы государств общались с женами и членами семей посредством писем. Что, впрочем, облегчает задачу историкам и биографам. Интересно, задумываются ли над этим нынешние лидеры? Дочь крупного военачальника, скончавшегося в Москве, призналась мне: у папы ничего не осталось. Никакого архива. Ни черновиков, ни набросков.

Однако вернемся к переписке Сталина с женой. Как и уговаривались, действуем по принципу: меньше комментариев. И все же не удержусь, чтобы не отметить: грубости по отношению к супруге в письмах нет. Не удалось обнаружить и строк, на основании которых можно сделать вывод о тирании в семье. Наоборот, максимум внимания и заботы, нежные обращения, подшучивания над собой. Особенно трогательное отношение к дочери Светлане, наверное, папиной любимице.

О Василии первое упоминание в письме, направленном жене летом 1930 года. Судя по содержанию, Надежда Сергеевна в отъезде, лечится в Карлсбаде. «Татьяка! — обращается к ней Сталин. — Получил все три письма. Не мог сразу ответить, т. к. был очень занят. Теперь я, наконец, свободен. Съезд кончится 10-12. Буду ждать тебя, как бы ты не опоздала с приездом. Если интересы здоровья требуют, оставайся подольше.

Бываю иногда за городом. Ребята здоровы. Мне не очень нравится учительница. Она все бегаёт по окрестности дачи и заставляет бегать Ваську и Томика с утра до вечера. Я не сомневаюсь, что никакой учебы у нее с Васькой не выйдет. Недаром Васька не успевает с ней в немецком языке. Очень странная женщина.

Я за это время немного устал и похудел порядком. Думаю за эти дни отдохнуть и войти в норму.

Ну, до свидания.

Це-лу-ю.

Твой Иосиф».

Учительница, о которой упоминает Сталин, — это Наталья Константиновна. Она уйдет из их семьи после смерти Надежды Аллилуевой в 1932 году. В «Двадцати письмах к другу» Светлана Аллилуева высоко отзовется о своей воспитательнице, сказав, что ее уроки немецкого языка, чтения, рисования не забудет никогда. А вот отцу Наталья Константиновна почему-то не нравилась.

Васька, как вы догадались, сын Сталина. Томик — воспитывавшийся в их семье сын известного партийного и государственного деятеля Артема (Ф. А. Сергеева), погибшего в 1921 году при испытании аэропоезда.

Первое письмо сына, буквы враскорячку, с грамматическими ошибками, датировано 21 сентября

1931 года. Оно написано десятилетним ребенком по просьбе соскучившегося отца, отдохавшего в Сочи. Сталин попросил тогда: «Пусть Сатанка напишет мне что-нибудь. И Васька тоже».

Письмо пятилетней Сатанки (Светланы) хранилось в личном архиве Сталина свыше 60 лет. Вот оно: «Здравствуй папо чка приезжай скорей домой фчера ритка такой пракас сделала уж очень она азарная целую тебя твоя Сятанка». Уцелело, несмотря на чистку архивов в хрущевские времена, и письмо десятилетнего Васи:

«Здравствуй папа!

Как поживаешь? Я живу хорошо: хожу в школу, катаюсь на велосипеде, занимаюсь по ручному труду и гуляю.

Я завел породистых рыбок — вуалехвосток и гуппи, которые вывели маленьких. Этим рыбкам нужна теплая вода.

Мама давала нам летом аппарат, которым мы сделали очень много снимков.

У нас в Москве очень плохая погода идут дожди и очень грязно и холодно. Досвидания.

Вася».

Следующее письмо Василий подписывает шутливым псевдонимом Васька Красный. Отправлено оно из Сочи, где в августе 1933 года проводили отдых дети под присмотром няни. Матери, Надежды Сергеевны, уже год как не было в живых.

«Здравствуй, папа! — пишет тринадцатилетний сын. — Твое письмо получил. Спасибо. Ты пишешь, что мы можем, если хотим, уезжать в Москву? Мы решили выехать 12.VIII.

Папа, я лично просил коменданта, чтобы он устроил жену учителя, но он отказался. Учитель устроил ее в

рабочем бараке.

Папа, шлю тебе 3 камушка, на которых я сам рисовал.

Мы живы и здоровы, я занимаюсь.

До скорого свидания.

Васька Красный

5. VIII. 33 г.»

Сталина тревожит участь малолетних сына и дочери, оставшихся без матери. Его тревога объяснима: дети лишены материнского присмотра. Он прекрасно понимает, что никакая, даже самая заботливая няня, не заменит родную мать. Не заменит и отец. И он пишет записку коменданту дачи в Зубалове С. А. Ефимову собственноручно, не прибегая к помощи стенографистки или секретаря:

«Тов. Ефимов!

Няня и Светлана вернулись в Москву. Светлану надо немедля (последнее слово подчеркивает, выделяя его значимость. — *Н. З.*) определить в школу, иначе она одичает вконец. Прошу Вас и Паукера (Паукер К. В. - в 1933-1937 гг. работник Оперативного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, один из личных охранников И. В. Сталина. — *Н. З.*) устроить ее в школу. Посоветуйтесь оба с няней и Каролиной Васильевной (Тиль К. В. - домоправительница в семье Сталина. — *Н. З.*) и определите, в какую школу устроить.

С приездом няни Каролина Васильевна должна взять отпуск. Скажите ей, что она должна взять отпуск, — иначе она надорвется вовсе. Если она захочет провести отпуск в Сочи, устройте ее в Зубалове и предоставьте ей все необходимое. Она — человек хороший и заслуживает всяческого понимания. Если она

захочет взять в Зубалово свою сестру, я не возражаю против этого.

За время отпуска Каролины Васильевны в доме в Москве останется няня. Следите хорошенько, чтобы Вася не безобразничал. Не давайте волю Васе и будьте с ним строги. Если Вася не будет слушаться няни или будет ее обижать, возьмите его в шоры.

Жду от Вас ответа.

Привет!

Р. С. Держите Васю подальше от Анны Сергеевны (Аллилуева А. С. - старшая сестра жены Сталина, была замужем за чекистом Реденсом — *Н. З.*): она развращает его вредными и опасными уступками.

12. IX. 33 г.

И. Ст.»

У Сталина были основания для беспокойства за детей. По его мнению, их портили чрезмерным вниманием, жалея как «сиротинушек». Жена Сталина, Надежда Сергеевна Аллилуева, покончила жизнь самоубийством в ночь на 9 ноября 1932 года. Все желания детей выполнялись мгновенно. Постепенно желания превращались в капризы. Вася стал привыкать к тому, что все в доме и даже учителя в школе ему потакали. Отец видел, что это к добру не приведет: мальчику трудно будет найти общий язык со сверстниками за пределами того узкого круга, в котором он вращался.

Одним из тех, кто разделял, понимал и близко к сердцу принимал тревогу отца, был Паукер. Уже на другой день после получения записки Сталина, адресованной коменданту Зубаловской дачи Ефимову, Паукер, личный охранник вождя, докладывал хозяину:

«Т. Сталин!

Письмо Ваше получил 14.IX. Сегодня были с Ефимовым на квартире. Каролина Васильевна никуда ехать пока не может — она занята лечением в Москве; принимает в Кремлевской больнице углекислые ванны и массаж. После лечения думает в начале октября отдохнуть пару недель в Зубалове. Это вполне ее устраивает. У няни в дороге была повторная ангина с температурой. Теперь уже поправляется, думаю, через пару недель будет совсем здорова.

С Васей и учителем (с каждым отдельно) при Каролине Васильевне я имел серьезный разговор. Напомнил Васе все его грехи, пригрозил. Он обещал мне с сегодняшнего дня вести себя хорошо. Учителю предложил не замазывать Васины проказы и не советоваться ему с Анной Сергеевной и бабушкой, а говорить обо всем Каролине Васильевне или звонить мне.

Хорошо бы Васю перевести в другую школу. В 20-й школе очень много развинченных ребят — у меня намечена 25-я школа на Пименском пер. (Тверская). Там очень строго, большая дисциплина. В какую его группу зачислят — четвертую или пятую — покажут испытания. В эту же школу можно поместить и Светланку. Было бы хорошо взять ей учительницу. Я сегодня одну нашел. Знает немецкий, французский языки. Член партии с 19 г. Одинока, ей 41 год — хороший педагог. Она бы могла и Васе преподавать языки.

По всем вопросам прошу Вашего согласия и ответа.
Паукер».

Сталин в отпуске в Сочи. По каким-то причинам он не ответил Паукеру. Обеспокоенный охранник направляет шифровку Н. С. Власику — начальнику охраны Сталина, находящемуся вместе с ним на отдыхе:

«Из Москвы 23. IX — 33 г.

Шифровка
Тов. Власику

Нужно срочно спросить ответ на мое письмо по следующим вопросам: первое — о переводе Васи в другую школу; второе — о приеме учительницы и устройстве Светланы в школу.

На все это я спросил в письме согласия. Ответа нет. Время идет. Мне надо телеграфное или письменное согласие на все мои предложения. Не могу сам решить эти дела. Вообще срочный перевод Васи в другую школу необходим по ряду соображений. Спросите, может быть, ждать приезда.

23. IX Паукер».

На шифровке размашистая резолюция: «Согласен на все Ваши предложения о Васе и Светлане. Сталин».

Васю перевели в другую, 25-ю школу, и уже 1 октября он сообщает отцу в Сочи:

«Здравствуй, папа!

Я живу средне и занимаюсь в новой школе очень хорошей и думаю, что я стану тоже хорошим Васькой Красным.

Папа, напиши, как ты живешь и отдыхаешь. Светлана живет хорошо и тоже занимается в школе.

Привет тебе от нашего трудового коллектива.

1. X — 33 г. Васька Красный».

Июнь и июль 1934 года Василий и Светлана проводят на Кавказе. В личном архиве Сталина два письма Васи, адресованные Паукеру в Москву.

Первое, без даты, но не позднее 16 июня 1934 года (цитирую по первоисточнику, с ошибками в оригинале):

«Здравствуйте товарищ Паукер!

Я живу хорошо. С Томом мы не деремся. Ем я много и хорошо. Если вы не очень заняты то приезжайте к нам в гости.

Тов. Паукер я Вас очень прошу прислать мне флакон чернил для вечной ручки.

С приветом Вася».

И второе, имеющее точную дату — 16 июня 1934 года:

«Здравствуйте т. Паукер.

Письмо и чернила я получил, большое спасибо. Т. Паукер Вы писали, что я довел купка до слез (значение слова «купок» неясно. — *Н. З.*), но я этого не делал и со стороны Власика считаю не правильным обвинять меня в этом. Т. Ефимов передал Вам о том, что я прошу прислать мне дробовик, но дробовика я не получил. Может быть Вы забыли об этом так пожалуйста пришлите.

Вася».

В сентябре начались занятия в школе. Сталин в это время на отдыхе в Сочи. 14-го сентября Вася пишет отцу:

«Здравствуй, папа.

Я живу хорошо. Твое письмо получил, спасибо. Персики очень сладкие и я их уже почти все съел.

В школе у меня все в порядке и в смысле учебы и в смысле физкультуры. Я играю в 2 сборной школы по футболу и волейболу так что все в порядке.

С приветом. 14.IX Васька Красный».

И еще одно письмо, от 26 сентября:

«Здравствуй, папа!

Я живу ничего, хожу в школу и вообще жизнь идет весело. Я играю в первой школьной команде по футболу. Но, каждый раз, когда я хожу играть, бывают по этому вопросу разговоры, что, мол, без папиного разрешения нельзя и вообще.

Ты мне напиши, могу я играть или нет, как ты скажешь, так и будет. Светлана послала тебе письмо с Ефимовым, а я не успел и посылаю с Зинаидой Гавриловной (жена Г. К. Орджоникидзе. — *Н. З.*). У меня маленькая просьба, чтобы ты прислал немного персиков.

Васька Красный».

Но до отца, наверное, доходят сведения о неискренности сына в отношении его мнимых успехов в учебе. Огорченный Сталин пишет Светлане 8 октября из Сочи:

«Хозяюшка! Получил твое письмо и открытку. Это хорошо, что папку не забываешь. Посылаю тебе немножко гранатовых яблок. Через несколько дней пошлю мандарины. Ешь, веселись... Васе ничего не посылаю, так как он стал плохо учиться...»

Прошел еще один год. Четырнадцатилетний Вася пишет отцу на Холодную речку:

«Здравствуй, папа!

Как ты живешь? Я живу пока хорошо. Вот уже третий день хожу в школу. Нам с этого года выдали всем дневники, в которых нам будут ставить отметки за каждый вопрос и поведение в классе.

А о новых отметках нам никто ничего не говорил. Живем мы с Томом дружно. Он сначала стеснялся, а потом пошел в общую колею. До скорого свидания.

2. XI-35 Твой Вася».

И снова Вася лукавит перед отцом. Комендант Зубаловской дачи Ефимов докладывает своему начальнику Н. С. Власику, находящемуся вместе со Сталиным в отпуске:

«Здравствуйте, т. Власик!

Сообщаю Вам о наших делах. Во-первых, Светлана и Вася здоровы и чувствуют себя хорошо.

Светлана учится хорошо. Вася занимается плохо — ленится, три раза Каролине Васильевне звонила заведующая школой — говорила, что Вася один день не стал в классе заниматься по химии, через несколько дней так отказался от географии, мотивируя отказ, что не подготовился. В тетрадях по письму пишет разными чернилами, то черными, то синими, то красными, что в школе не разрешается. Бывают случаи — в школу забывает взять то тетрадь, то вечную ручку, а другой ручкой он писать не может и отказывается. 7.IX в школу не пошел совсем, говоря, что у него болит горло, но показать горло врачу отказался, температура у него была нормальная, а перед выходным днем и в выходной день он уроков не делал и по-моему в школу не пошел, не потому, что у него болело горло, а потому, что не сделал уроков и болезнь горла придумал, чтобы не идти в школу.

Вася имеет большое пристрастие к игре в футбол, так что через день после уроков в школе идет сыграть в футбол и домой приходит вместо 3 часов в 6-7 вечера, конечно, усталый, и учить уроки ему трудновато, тем более, что учителя у него нет. Я его отпустил по распоряжению «тов. С.», а с учительницей Вася занимается только по немецкому языку, а по остальным предметам он за помощью к ней не идет, говоря, что он справляется сам.

19. IX по двум предметам в школе получил отметку «плохо», так что у него есть уже 5-6 отметок на «плохо».

Несколько дней тому назад у Васи в кармане Каролина Васильевна обнаружила 10 рублей, на вопрос, откуда у него деньги, он вперед ей ответил, что не твое дело, а потом сказал, что он продал альбом с почтовыми марками, альбом этот ему был кем-то подарен.

19. IX он на листе бумаги писал все свое имя и фамилию, а в конце написал «Вася Ст...» (написано полностью) родился 1921 года марта месяца умер в 1935 году. 20.IX мне об этом сказала Каролина Васильевна. Записки я сам не видел, так как она ее уничтожила, эта надпись производит нехорошее впечатление. Уж не задумал ли он что?

Отношения у меня с ним бывают хорошие, а бывают и такие, когда он капризничает.

В Кремле с ним вместе живет Том, с которым он и проводит время. Каждый выходной день «дети» проводят в Зубалове.

Вообще Вася чувствует себя взрослым и настойчиво требует исполнения его желаний, иногда глупых. Почему у нас и происходят с ним разногласия, которые почти сейчас же аннулируются благодаря моим доводам и уговорам.

22. IX.35

Привет всем, Ефимов».

Далее идет трехлетний перерыв. Никаких документов вплоть до 1938 года. Возможно, они и существуют, но пока не обнаружены.

Итак, Васе 17 лет. 8 июня 1938 года Сталин пишет учителю сына В. В. Мартышину, который вынужден был обратиться со слезной жалобой на Васю непосредственно к его отцу. К сожалению, это письмо

не обнаружено, поэтому о проделках Васьки Красного конкретных сведений нет.

«Преподавателю т. Мартышину, — пишет Сталин. — Ваше письмо о художествах Василия Сталина получил. Спасибо за письмо. Отвечаю с большим опозданием ввиду перегруженности работой.

Прошу извинения».

Каково, а? «Прошу извинения...», «Спасибо за письмо...» И это в тридцать восьмом, в самый разгар репрессий, когда жизнь человека ничего не стоила. И к кому? К рядовому школьному учителю! Штрих, не вписывающийся в драконовский образ вождя всех народов.

Однако вернемся к письму. Отец самокритичен: «Василий — избалованный юноша средних способностей, дикаренок (тип скифа!), не всегда правдив, любит шантажировать слабеньких (руководителей), нередко нахал, со слабой, или вернее — неорганизованной волей.

Его избаловали всякие «кумы» и «кумушки», то и дело подчеркивающие, что он «сын Сталина».

Я рад, что в Вашем лице нашелся хоть один уважающий себя преподаватель, который поступает с Василием, как со всеми, и требует от нахала подчинения общему режиму в школе. Василия портят директора, вроде упомянутого Вами, люди-тряпки, которым не место в школе, и если наглец Василий не успел еще погубить себя, то это потому, что существуют в нашей стране кое-какие преподаватели, которые не дают спуска капризному барчуку.

Мой совет: требовать построже (подчеркнуто тремя линиями. — *Н. З.*) от Василия и не бояться фальшивых, шантажистских угроз капризника насчет «самоубийства». Будете иметь в этом мою поддержку.

К сожалению, сам я не имею возможности возиться с Василием. Но обещаю время от времени брать его за

шиворот.

Привет!

И. Сталин».

Вот она, разгадка: Вася шантажировал учителей угрозой самоубийства, зная, какими последствиями это для них обернется. Единственный, кто не вытерпел и обратился к Сталину, был учитель Мартышин.

В который раз перечитываю это письмо и всегда думаю об одном и том же. Был ли в Советском Союзе и есть ли в нынешних странах Содружества лидер государства, который бы столь объективно и беспощадно в первую очередь к себе самому отозвался о собственном сыне? Поражает и другое: глубина и точность оценок. «Избалованный юноша средних способностей... Не всегда правдив... Нередко нахал... Со слабой, или вернее — неорганизованной волей...» Кто из нынешних властителей способен на подобные характеристики в адрес своих закормленных любимых чадунюшек, которые с раннего детства убеждены, что они самые-самые? Жаль, что многочисленные авторы разоблачительных публикаций о Сталине, его современные биографы-ниспровергатели не читали этих документов.

Поступок школьного учителя Мартышина имел неожиданные последствия. 15 июня 1938 года помощник директора школы по учебной части Н. В. Макеев обращается с письмом на имя Сталина.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Приказом наркома просвещения я снят с работы пом. директора по учебной части. Основной причиной, по сути дела, является вопрос о воспитании и обучении Вашего сына Васи. Письмо к Вам тов. Мартышина В. В. и Ваш ответ ему сыграли решающую роль. Зам. наркома просвещения тов. Лихачев, не заслушав отчета о моей

работе и не произведя никакого обследования, сделал скороспелое заключение, не вскрывающее действительных причин неудовлетворительной работы школы и воспитания и обучения Васи.

В воспитании Васи, пришедшего из 175-й школы, были многие неправильности — подхалимство, о котором Вася, не стесняясь, рассказывал окружающим. Решено было Сталина Васю, Микояна Степана, Фрунзе Тимура и др. подчинить общешкольному режиму, беречь и любить их, но «не нянчиться» с ними. Вначале все было благополучно, а отдельные отклонения от общего режима быстро ликвидировались; напр. — застаю Васю во время кросса в комнате комсорга, делаю ему замечание и Вася немедленно идет в класс, или — получив сведения о плохом поведении Фрунзе Тимура, добиваюсь разговора по телефону с т. Ворошиловой (Екатерина Давыдовна Ворошилова — жена К. Е. Ворошилова, в семье которых воспитывался Тимур Фрунзе. — *Н. З.*), что оказало влияние на Тимура.

Результаты работы в первом полугодии были плодотворны. Во втором полугодии начались осложнения. Надо указать, что работа в школе протекала исключительно в трудных условиях: отсутствие положения о спецшколе, инертность Наркомпроса в этом вопросе, крайне бедная материальная база, недостаток и текучесть педагогических кадров. Все это усугублялось разобщенностью школы с семьей большого контингента учащихся — детей крупных ответственных работников, в частности детей членов Политбюро ЦК ВКП(б).

На отсутствие связи школы с семьей я и обращаю особое внимание, считая его кардинальным вопросом.

Вася опаздывает на уроки, не выполняет домашние задания. Вызываем его для беседы, выясняем причины и оказывается, что он просыпает, проводит много времени в манеже и т. п. Школа не может оказать в

данном случае воздействия, так как она разобщена с семьей. Вместе с тем передают Ваш приказ завести для Васи второй дневник для подробной записи дисциплины и успеваемости Васи, который об этом ничего не должен знать. Сотрудники НКВД утверждали, что Вы просматриваете дневник, подчеркивая синим и красным карандашом. Но такая система связи школы с семьей себя не оправдала.

Не наладилась связь школы с семьей и Т. Фрунзе. Запросов никогда не поступало, а вызвать представителей семьи на родительские собрания директор не разрешал. Когда у Васи начала снижаться успеваемость, мною лично с ним, при участии классного руководителя, было составлено расписание дополнительных занятий, но Вася от них уклонился и выяснить причину уклонения точно не удалось, так как в это время были отозваны сотрудники НКВД и прекращено ведение второго дневника.

Постепенно Вася все больше начал отходить от общешкольного режима, сознавая бессилие школы воздействовать на него. Комсорг и директор утверждали, что Вася требует особого подхода, что он может придти в такое состояние, когда ни за что нельзя ручаться. В конце учебного года дошло до резких выходов по отношению особенно преподавателя истории В. В. Мартышина. Инцидент с отметкой по истории за IV четверть Вам уже известен. Об этом было сообщено инспектору горно т. Крюкову. Мною было назначено Васе весеннее испытание по истории, что директором было отменено. Затем Вася стал манкировать некоторые испытания. Вызванный мною на испытания по русскому языку к 2 ч. дня, он по приезде был отпущен директором.

8 или 9 июня я с комсоргом просили принять нас зам. наркома просвещения т. Лихачева. Тов. Лихачев назначил прием на 11.VI, но прием отпал, так как в этот

день появилась заметка в «Учительской газете» — «Директор-очковтиратель», подробности которой не были тщательно рассмотрены.

Оргвыводы сделаны, но основной вопрос, вопрос воспитания и обучения Васи, Тимура, Степана и др. остается неразрешенным, пока не установится настоящая тесная связь школы и семьи и отсюда правильная ориентировка и осведомленность семьи и школы.

Только тогда, несомненно, Вася закончит школу в числе лучших учеников (он способен, но неустойчив), а учитель будет чувствовать под собой твердую почву и будет исключена возможность подвергаться взысканию наркома, сводящего на нет двадцатилетнюю педагогическую работу.

С глубоким уважением к Вам
Н. В. Макеев».

Венчает эту тему новое письмо В. В. Мартышина на имя Сталина, написанное, как считают сотрудники архива Президента Российской Федерации, где сейчас хранятся эти документы, после 5 июля 1938 года.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Пользуюсь случаем выразить Вам глубочайшее удовлетворение, перешедшее в радость, которое доставило мне Ваше ответное письмо.

Я не знаю Вас лично, но знал, что Вы ответите и ждал ответа.

Ваш ответ — выражение непосредственности и простоты, свойственной гению, — оставил неизгладимое впечатление. Теперь я могу сказать, что знаю Вас лично. Простите за нескладные обороты, т. к. пишу экспромтом.

Ваше письмо подняло на новую высоту мою ненависть к обывательщине вообще и к обывателям из

среды моих коллег, в частности, которые на мои неоднократные предложения поставить Вас в известность о работе Василия, твердили: «В лучшем случае бесполезно, а в худшем — опасно!» или: «Молчи. Молчание украшает юность».

Цель настоящего письма — доложить Вам о впечатлении от работы Василия по истории и о его настроении после Вашего вмешательства.

Василий занимался дополнительно под моим руководством с 13.VI по 5 июля с. г. и сдавал мне зачеты по частям курса, что стимулировало его на дальнейшую работу, а мне давало возможность составить твердое представление о степени его подготовленности. Продолжительность зачетов 1 час и более.

В результате могу сообщить, что достигнутые им знания сугубо относительно, не покоятся на прочном фундаменте, поверхностны, страдают многими пробелами и недостатками, в частности, схематизмом и социологизмом. Но и то, что он сумел одолеть в такой короткий срок и, что меня особенно удовлетворяет, совершенно сознательно, дает мне право выставить ему за год посредственную оценку.

Прошу извинить за навязчивость, но я не могу скрыть от Вас одного наблюдения, а именно: Василий болезненно переживает ту неприятность, которую он Вам причинил, Вам, которого он искренне любит и к которому его влечет.

Однажды, в разговоре со мной о его самочувствии, Василий заявил мне, что готов сделать все, чтобы восстановить Ваше доверие, чтобы быть ближе к Вам.

Мне понятны его потребности. Мое мнение: если Василию предоставить известную свободу в смысле сокращения до минимума опеки над ним, иногда оскорбляющей его и в то же время обеспечить систематический, но незаметный для него контроль за

тем, как он оправдывает оказанное ему доверие, Василий будет тем, чем он должен быть.

В заключение должен довести до Вашего сведения, что я по всей вероятности не смогу оправдать той доли доверия, которую Вы мне оказали, когда писали, что руководством работой Василия и его поведением я могу рассчитывать на Вашу поддержку, т. к. я не числюсь в списке преподавателей спец. школы № 2 на 1938-39 г.

Тысяча извинений.

Привет!

Ваш В. Мартышин».

Юность

С трудом одолевшего премудрости средней школы Василия Сталина направляют на учебу в Качинскую авиашколу. О серьезном вузе думать не приходилось — у юноши не было ни задатков, ни, что самое главное, желания получить высшее образование. Перед войной он окончит курсы авиаучилища, в 1943 году поступит в академию, но терпения не хватит даже на один курс, и он покинет ее стены.

В Каче готовили рядовых военных летчиков. Поступление в авиашколу сына Сталина, конечно же, стало главной сенсацией в жизни тихого поселка под Севастополем. Отец, зная характер Василия, с первых же дней пребывания в Каче потребовал полнейшую информацию о его поведении, подозревая, что, оказавшись вне поля зрения родных и охранников, сын даст волю своему необузданному нраву. И, что хуже всего, командование школы будет потакать его капризам, лебезить перед ним и тем самым окончательно развратит.

Сталин не ошибся в своих предчувствиях.

Передо мною подлинник докладной записки на его имя за подписью Л. Бериин.

«Товарищу Сталину.

Мною был направлен с письмом к начальнику Качинской авиашколы комбригу т. Иванову сотрудник, который на месте выяснил, что, узнав о приезде Васи, командование школы сделало для него исключение, с нарушением общих условий, существующих для курсантов.

По прибытии Васи в г. Севастополь на вокзале его встретили комиссар школы полковой комиссар т.

Семенов и работник особого отдела. По дороге в школу Вася сказал т. Семенову: «В этом году в Севастополь должен приехать папа отдохнуть и, вероятно, заедет на Качу».

Поместили Васю не в общежитии для курсантов, а в отдельный дом для приезжих, в так называемую гостиницу-школу.

Первые дни питание ему готовили отдельно в комсоставской столовой. Был случай, когда Вася заказал восточное блюдо, изготовление которого не было известно местным поварам и специально был послан человек в Севастополь, чтобы узнать, как готовится это блюдо.

Три-четыре раза на машине, предоставляемой командованием школы, Вася ездил в Севастополь и Мухалатку, звонил по телефону ВЧ в Москву т. Поскребышеву и в 1-й отдел ГУГБ НКВД.

24 ноября с. г. Вася с начальником штаба школы Герасименко на территории школы катались на мотоциклах. Вася упал, получил легкие царапины на лице и руках. По просьбе Васи этот факт Герасименко скрывал от командования несколько дней.

До укомплектования группы Вася занимается с преподавателями индивидуально по теории полетов, изучения материальной части самолета «У-2» и мотора «М-11», а также по уставу.

В письме, посланном в адрес начальника Качинской авиашколы т. Иванова и начальника НКВД Крымской АССР т. Якушева, мною были даны следующие указания:

а) снять гласную охрану, как неприемлемую и организовать агентурную охрану с тем, однако, чтобы была гарантирована сохранность жизни и здоровья Васи.

б) внимание и заботу в отношении него проявлять не в смысле создания каких-либо особых условий, нарушающих установленный режим и внутренний

распорядок авиашколы, а оказание помощи в деле хорошего усвоения программы школы и соблюдения учебной и бытовой дисциплины.

8 декабря 1938 г. Л. Берия».

А вот и первое письмо семнадцатилетнего курсанта Василия Сталина из Качи отцу в Москву:

«Здравствуй, дорогой папа!

Большое спасибо за письмо. Я живу хорошо. Занимаюсь много и пока успешно.

Товарища себе уже нашел, некоего Мишу Лепина, очень хорошего и умного парня.

Думаю подать заявление в партию. Придется много готовиться, но ничего, думаю, что примут.

Вообще живем очень хорошо и весело. Приехало новое пополнение курсантов и все из Москвы. Пятнадцать человек.

Погода у нас испортилась. Дуют очень сильные северные ветры, но пока погода летная, и я летаю.

До свидания, папа.

15.12.38 Твой Вася Сталин».

Следующий документ слегка озадачивает. Это копия «Летно-строевой характеристики на курсанта Василия Иосифовича Сталина» от 17 февраля 1939 года. Представлена в ЦК ВКП(б) Поскребышеву Управлением ВВС РККА за подписью командарма 2-го ранга Локтионова. Видно, поведение сына беспокоило Сталина не на шутку.

Характеристика начинается с политических качеств: «Политически грамотен. Предан делу партии Ленина — Сталина и нашей Родине. Живо интересуется и хорошо разбирается в вопросах международного и внутреннего положения. Хороший общественник, активно участвует в общественно-комсомольской организации звена.

Самокритичный, несколько резковат в быту с курсантами. Вообще с курсантами уживчив и пользуется хорошим авторитетом».

Об освоении летного дела: «Теоретически успеваемость хорошая. Может учиться отлично, мало оценивает теоретическую учебу, особенно систематическое изучение предмета. Любит учить «залпом» — сразу, не усидчивый. Летным делом интересуется. Летать любит. Усвоение отличное, закрепление хорошее, недооценивает «мелочей» в технике пилотирования, вследствие чего допускает отклонения в полете, которые после серьезного, решительного замечания изживает и не допускает в последующих полетах».

О дисциплине: «Воинская дисциплина хорошая, имел ряд нарушений в начале обучения: опаздывание в учебно-летное отделение, выход на полеты небритым, пререкания со старшиной группы, стремился оправдать их объективными причинами. В последнее время резко улучшилась дисциплина, откровенно признает и охотно изживает недостатки».

Опустим описание техники пилотирования, перенасыщенной специальными терминами и разбором наиболее типичных ошибок. Эти детали нам неинтересны, отметим только, что взлет курсант Сталин производил отлично, набор высоты — тоже отлично, а вот построение маршрута — хорошо. Все остальные элементы техники пилотирования, включая посадку, — отлично.

«Пилотаж любит и чувствует себя на нем хорошо, — говорится в заключении. — Осмотрительность в полете отличная. Пилотирует энергично, свободно. В полете инициативный, решительный. На контрольных полетах несколько волнуется.

На неудачи в полете реагирует болезненно, внутренняя досада на себя, особенно в элементах

полета, которые уже делал хорошо.

Считаю, что курсант т. Сталин к самостоятельному вылету готов.

Имеет на 3-е февраля 1939 года налет: вывозных — 54 п. 19 ч. 07 м. Контрольных — 12 п. 4 ч. 20 м.

Всего — 66 полетов 23 часа 27 минут.

п. п. Инструктор-летчик — ст. лейтенант (К. Маренков)

4. 2. 39 г.

С летно-строевой характеристикой с о г л а с е н.
Курсант т. Сталин к самостоятельному вылету подготовлен. За время обучения имел приступ аппендицита, требует соответствующего наблюдения.

Из элементов полета с трудом усваивает расчет на посадку.

п. п. Командир 3-й эскадрильи майор (Тарасенко)

Верно: начальник УВУЗ ВВС РККА комдив (Левин)

17 февраля 1939 года».

20 февраля 1939 года начальник Качинской авиашколы телеграфирует в Управление военных учебных заведений ВВС РККА:

«Москва, Упрвоенвоздухсил РККА комдиву Левину

Серия «г» Качи Крыма 02320-2 13 32

Курсант Сталин Василий сегодня выпущен самостоятельно самолете У-два оценкой отлично

Комбриг Иванов».

Копию этой телеграммы, заверенную комдивом Левиным, начальник ВВС РККА командарм 2-го ранга Локтионов в тот же день направляет в ЦК ВКП(б) Поскребышеву. Неизвестно, по инициативе самого Поскребышева, что маловероятно, или с санкции Сталина, но в тот же день, 20 февраля, по получении этой телеграммы из управления ВВС РККА на имя

командования Качинской авиашколы была отправлена телеграмма следующего содержания:

«Севастополь Кача авиашкола Иванову Семенову
Лично проверьте, не допускались ли перескакивания в летном обучении при проведении вывозных полетов курсанта Василия С.

Впредь лично и тщательно за этим следите и этого не допускать, не торопиться. Продолжать дальнейшее обучение выдержкой не переутомлять тщательным контролем и отшлифовкой с инструктором всех элементов полета особо расчета на посадку удлинить тренировку с инструктором.

Исполнение донести
Локтионов».

Сталин, зная подхалимскую натуру окружающих, подозревал, наверное, что сына плохо натаскивают в летном деле, ограждают от необходимых тренировок. То же самое, что и в средней школе. Но здесь Василий рисковал жизнью. Небо — это не Кремль и не Зубалово.

Правда, время от времени Василий пытался закалять волю, что не могло не радовать отца. Например, вот это письмо:

«Здравствуй, дорогой отец!

Как твое здоровье?

Я здоров. Настроение хорошее. Занимаюсь и летаю хорошо.

Оказывается, я не понял того твоего письма. Светлушка перепутала и сказала тебе, что я хочу к праздникам приехать в Москву, а ты разрешил приехать.

Папа! Я не приеду больше до тех пор, пока не кончу школу, хотя очень соскучился по тебе. Осталось недолго, и я решил выдержать, потому что, я думаю,

тебе будет приятней встретиться со мной уже окончившим школу, да и мне это будет во много раз приятней. Я думаю, что поймешь меня и согласишься со мной. Вот обо мне как будто все.

Погода у нас хорошая, но понемножку уже начинает портиться. Так что летать приходится меньше, но пока достаточно.

Вот обо мне и о Каче как будто все.

Большой, большой привет из Крыма.

Надеюсь, до скорого свидания.

13.11. 1939 г. Кача

Твой Вася».

Авиашколу Василий закончил ранней весной 1940 года. В личном архиве Сталина хранится копия выпускной аттестации сына от 21 марта, запрошенная неутомимым Поскребышевым.

«Выпускная аттестация
на курсанта Качинской Краснознаменной Военной
Авиационной Школы имени А. Ф. Мясникова

СТАЛИНА Василия Иосифовича

1921 года рождения. Грузин. Учащийся. Кандидат
ВКП(б) с 1939 г. Образование общ. — средн. В РККА с
1938 г. декабря мес.

Политически грамотный; предан делу партии
Ленина — Сталина и социалистической родине.
Политически и морально устойчивый. Может хранить
военную тайну. Хорошо разбирается и живо
интересуется вопросами международного и
внутреннего положения страны. Общее развитие
хорошее. Пользуется хорошим, деловым и
политическим авторитетом среди товарищей, активно
участвует в общественной жизни части. Энергичный,
инициативный, настойчивый, принятое решение
доводит до конца, требовательный к подчиненным, как

старшина отряда, внимательный к запросам подчиненных, резковат в обращении, иногда в разговорах с вышестоящими командирами. Лично дисциплинированный, может служить примером для других, охотно делится с товарищами своими знаниями. Теоретическая успеваемость отличная. Больше интересуется практическими занятиями по всем предметам, недооценивает теоретическую часть их. Хорошо усвоил полеты в закрытой кабине и штурманские, отлично выполнял полеты на высоту с кислородом, отлично летает строем. Летать любит, но недостаточно тщательно готовится к полетам, необходим контроль за подготовкой к полетам. Физически развит хорошо. Строевая подготовка отличная.

По личным и летным качествам может быть использован в истребительной части, как летчик-истребитель и достоин присвоения военного звания «лейтенанта», т. к. все предметы и технику пилотирования сдал на отлично.

Инструктор летчик-капитан (Маренков)

Аттестацию читал В. Сталин.

21 марта 1940 г.

Заключение старших начальников:

С аттестацией согласен.

Командир отряда капитан (Слюсаренко)

22. III.40 г.

Заключение аттестационной комиссии:

Школу закончил по теоретической и летной успеваемости с круглой оценкой «отлично».

Достоин присвоения звания «лейтенант» и назначения летчиком в истребительную часть на И-15.

Командир 2 эскадрильи
майор Коробко
Комиссар 2 эскадрильи
ст. политрук Мясников
23. III.40 г.

Заключение начальника и военкома школы:

Летным делом интересуется. Летает отлично и любит летать. Теоретические предметы, пройденные, усвоил отлично. Достоин выпуска младшим летчиком в истребительную авиацию с присвоением военного звания «лейтенант».

Врид н-ка школы полковник Рябченко
Военком школы полковой комиссар Семенов
25. III. 40 г.

С подлинным верно:

Н-к 1 отдела 3 управ. ВВС КА полковник (подпись)

В отличие от старшего сына Сталина, Якова, который долго не вступал в партию, несмотря на уговоры отца, младший, Василий, вступил в кандидаты, когда ему едва исполнилось восемнадцать лет. В личном архиве Сталина лежит копия партийной характеристики на кандидата ВКП(б) с 1939 года Сталина Василия Иосифовича, выданная при окончании Качинской авиашколы:

«Политически развит хорошо. В вопросах международных событий, внутренней жизни страны разбирается правильно. Краткий курс истории ВКП(б) на госзачетах сдал на «отлично». Идеологически выдержанный, морально устойчив. В партийной жизни активен. Предан делу Ленина — Сталина и социалистической родине.

Награжден грамотой Военсовета ХВО и ЦК ЛКСМУ.

Утверждена на общем собрании первичной парторганизации 2 АЭ протокол № 6 от 23. III. 40 г.

Секретарь партбюро Булыгин

С подлинным верно: начальник 1 отдела 3 управления ВВС Красной Армии полковник (Садовников) 29 марта 1940 г.»

После окончания авиашколы Василий начал службу в апреле 1940 года в должности младшего летчика. Об этом периоде его жизни красноречиво свидетельствует спецзаписка, адресованная начальнику особого отдела НКВД Московского военного округа майору государственной безопасности Базилевичу.

«В обслуживаемый особым отделением 57-й авиабригады 16-й истребительный авиаполк, — говорится в этом документе, — для прохождения дальнейшей службы прибыл лейтенант Сталин Василий Иосифович.

Учитывая авторитет отца Сталина В. И. - тов. Сталина — политкомандование 57-й авиабригады в лице комиссара авиабригады — полкового комиссара Воеводина и нач. политотдела авиабригады — батальонного комиссара Соловьева, ставят лейтенанта Сталина в такие условия, которые могут привести к антагонизму между ним и другими военнослужащими авиаполка.

Лейтенант Сталин командованием авиабригады поселен в квартире-общежитии летного состава 16-го АП в отдельной комнате нового 8-го дома гарнизона, который еще не радиофицирован. По распоряжению нач. политотдела бригады Соловьева с занятием комнаты л-том Сталиным был сделан специальный ввод радиоточки в комнату л-та Сталина, даже несмотря на то, что в квартире было 4 комнаты и остальные 3 комнаты остались нерадиофицированными.

Комиссар авиабригады — полковой комиссар Воеводин на один из последних концертов в ДКА привел

с собой л-та Сталина, причем раздел его не в общей раздевалке, а в кабинете начальника ДКА, где всегда раздевается и сам, посадил вместе с собой на 1-й ряд, отведенный для руководящего состава авиабригады.

После концерта среди военнослужащих было много разговоров, сводившихся к тому, что вот достаточно л-ту Сталину иметь отца, занимающего высокое положение в стране, так сразу же к нему совершенно другое отношение, даже со стороны комиссара авиабригады».

Спецзаписку подписал начальник особого отделения НКВД 57-й авиабригады сержант государственной безопасности Титов.

Третьего июля 1940 года на бланке «НКВД СССР. Особый отдел Московского военного округа» и с грифом «Совершенно секретно» за подписью начальника особого отдела НКВД МВО майора госбезопасности Базилевича направляется донесение на имя начальника особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга Бочкова. В документе говорится:

«28 июня 1940 года на Люберецком аэродроме во время тренировочных полетов командир эскадрильи 16 АП 57-й авиабригады Герой Советского Союза старший лейтенант Пьянков Александр Петрович, кандидат ВКП(б), пилотируя самолет И-153 № 8209, произвел посадку самолета с невыпущенным шасси, на фюзеляж.

Герой Советского Союза ст. лейтенант Пьянков невредим.

Посадка самолета с невыпущенным шасси на фюзеляж была произведена вследствие невыпуска при посадке правой ноги шасси.

Причиной невыпуска правой ноги шасси явилось заклинение задней кромки подвижного щитка между лопухом и амортизационной стойкой шасси из-за изгиба задней кромки подвижного щитка в силу недостаточной

его жесткости, что является производственным дефектом серии самолетов И-153.

В связи с выявленным производственным дефектом на самолетах И-153 командованием 57 АБ задержаны полеты самолетов И-153, имеющих штампованные подвижные щитки. Полеты на данном типе самолетов будут возобновлены после усиления подвижных щитков.

По справке командования 57 АБ, самолет И-153 № 8209 был специально заказан для летчика 16 АП Сталина В. И. заводу № 1 ВВС Красной Армии начальником Главного управления авиационного снабжения Алексеевым через военинженера 2-го ранга Францева.

Францев, после получения наряда на самолет И-153, дал указание начальнику летно-испытательной станции з-да № 1 военинженеру 3-го ранга Кутицыну, который инженеру Петрову, принимавшему самолеты И-153 для 57-й авиабригады, самолет № 8209 сдал как самолет, готовившийся по спец. указанию.

При поступлении самолета И-153 № 8209 в авиабригаду командир 57-й авиабригады полковник Сбытов приказал командиру эскадрильи 16 АП Герою Советского Союза Пьянкову самолета И-153 № 8209 лейтенанту Сталину не передавать до тех пор, пока на самолете не будет произведен общий налет не менее 10 часов с опробованием самолета как на пилотаже, так и при стрельбе и бомбометании».

Отслужив несколько месяцев после окончания авиашколы в войсках, лейтенант Василий Сталин получил отпуск и провел его в Красной Поляне, в районе Сочи. Об этом свидетельствует письмо Светланы отцу от 5 августа 1940 года: «30 июля Вася поехал на Красную Поляну, охотиться; а я — на Миссеру, на ревизию... 3-го августа с Миссеры я поехала на Холодную речку. Там тоже очень хорошо, прохладно,

дом одноэтажный — наверху балкон на всю крышу. 4-го августа днем я поехала на Красную Поляну, к Васе... На Красной Поляне ничего особенного нет, кроме беспрестанных дождей и туманов. Мы (то есть я) просидели там 1 день, и так и уехали не дождавшись Васю; он все охотится. Теперь он, вероятно, уже вернулся с охоты и прокликает меня за то, что я не подождала его...»

На размышления наводит письмо Василия отцу, датированное 4 марта 1941 года:

«Здравствуй, дорогой отец!

Как твое здоровье? Как ты себя чувствуешь?

Я недавно (22, 23-го и половина 24-го) был в Москве, по вызову Рычагова (в ту пору начальник Главного управления ВВС, генерал-лейтенант авиации. — *Н. З.*), очень хотел тебя видеть, но мне сказали, что ты занят и не можешь.

Начальник Главного управления ВВС Рычагов вызывал меня по поводу учебы. Летать тут мне опять не дают. Боятся, как бы чего не вышло. Он меня вызывал и очень сильно отругал за то, что я начал вместо того, чтобы заниматься теорией, ходить и доказывать начальству о том, что необходимо летать. И приказал об этом выводе и разговоре доложить тебе, но я тебя не видел.

Все же Рычагов приказал давать мне летать столько же, сколько летают и остальные. Это для меня самое главное, так как я уже 2 месяца не летал и если бы так пошло бы и дальше, то пришлось бы учиться сначала летать.

Вообще от курсов ожидали все слушатели большего.

В Люберцах и многих других частях летают на новых машинах МиГ, Як, ЛаГ, а у нас на курсах командиры эскадрилий летают на таком старье, что страшно глядеть. Летают в большинстве на И-15.

Непонятно, кем мы будем командовать. Ведь к июню м-цу большинство частей будет снабжено новыми машинами, а мы, будущие командиры эскадрилий, не имеем понятия о этих новых машинах, а летаем на старье. Проходим в классах И-16 и мотор М-63 и М-62. По-моему, лучше было бы нас учить мотору 105 и 35 и самолету Як и МиГ, потому что тот командир, который не знает новой материальной части, не может командовать летчиками, летающими на ней.

Слушатели получают письма от товарищей из частей и правду говоря жалеют о том, что не находятся в части, летают на старых машинах без охоты, а лишь для того, чтобы выполнить задание. Да это вполне понятно. Люди тут собрались по 1000 и 2000 часов летавшие, почти все орденосцы. У них очень большой практический опыт. И вполне понятно, что им надоело летать на старье, когда есть новые хорошие машины. Это мне все равно на чем летать, так как у меня этого практического опыта мало. А им, конечно, хочется нового.

К тому же были случаи, когда эти старые самолеты не гарантировали благополучного исхода полета. Например, отлетали фонари, отлетали щитки крепления крыльевых пулеметов. А такие случаи очень редко кончаются благополучно. В данном случае все обошлось хорошо только благодаря тому, что на этих самолетах были старые и очень опытные летчики.

Вот, отец, обо мне и курсах пока все.

Отец, если будет время, то напиши хоть пару слов, это для меня большая радость, потому что без тебя ужасно соскучился.

4. III. 41 г.

Твой Вася».

Сыграло ли это письмо роковую роль в судьбе Рычагова? 9 апреля 1941 года было принято

постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии». Этим постановлением Рычагов был снят со всех постов «как недисциплинированный и не справляющийся с обязанностями руководитель ВВС», а вскоре арестован и расстрелян.

Если письмо сына действительно повлияло на решение Сталина, то дорого обошелся Рычагову вызов Василия и разговор с ним на повышенных тонах. С другой стороны, являвшийся с августа 1940 года начальником Главного управления ВВС Красной Армии, Рычагов 8 марта 1941 года был назначен заместителем наркома обороны СССР. То есть через четыре дня после того, как Василий обратился с письмом к Сталину. Тот не успел прочесть его до 8 марта?

Есть смысл привести здесь агентурное донесение за неразборчивой подписью капитана госбезопасности в 3-е управление Наркомата обороны Союза ССР от 14 июня 1941 года. В нем говорится:

«Начальнику 3-го (истребительного) отдела 1 Управления ГУ ВВС полковнику тов. Гращенкову поручено выпустить на самолетах «ЛаГ-3» и «Як-3» сына тов. Сталина, ст. л-та тов. Сталина.

Ст. л-т т. Сталин ежедневно приезжает к полковнику Гращенкову в 16-17 часов, и едут на аэродром на полеты. Перед полетами ст. л-т т. Сталин много ездит на автомашине, тренируется на скаковой лошади, и к концу дня едет на аэродром летать уже достаточно усталым.

По рассказам полковника Гращенкова (со слов ст. л-та Сталина), ст. л-т т. Сталин почти ежедневно порядочно напивается со своими друзьями, сыном Микояна и др., пользуясь тем, что живет отдельно от отца, и утром похмеляется, чтобы чувствовать себя лучше.

9 июня с. г. ст. л-т т. Сталин взял с собой сына т. Микояна, переодел его в свою форму и попросил полковника т. Гращенкова провезти его на самолетах.

Полковник т. Гращенков, потворствуя весьма опасным забавам, взял его на самолет УТИ-4 и произвел полет.

Ст. л-т т. Сталин просил полковника Гращенкова «покрутить» т. Микояна в полете так, чтобы вызвать у него рвоту.

Т. Гращенков, правда, не разрешил себе этого, и ст. л-т т. Сталин сказал: «Вот когда полечу самостоятельно, тогда я его покручу».

Ст. л-т т. Сталин очень молодой, горячий, не встречал соответствующего руководства, а наоборот, поощряемый т. Гращенковым, может в один из дней, никого не ставя в известность, взять в полет кого-нибудь из приятелей, и думая удивить их, может позволить себе то, что приведет к катастрофе, а это вызовет непоправимые последствия в здоровье т. Сталина.

Необходимо установить надзор за поведением ст. л-та т. Сталина и исключить возможность попыток к полетам вне программы его подготовки».

Война

Оба сына Сталина в начале войны ушли на фронт.

Старшему не повезло с первых же дней боевых действий. Старший лейтенант Яков Джугашвили служил в 14-м гаубичном полку, приданном 14-й танковой дивизии. Она была разбита немцами 7 июля, а ее остатки окружены в районе деревни Лесново Витебской области. Яков попал в плен и погиб в конце 1943 года в одном из фашистских концлагерей.

Военная судьба Василия складывалась иначе.

Сохранился подлинник записки, направленной секретариатом Разведуправления Генерального штаба на запрос отдела кадров ЦК ВКП(б) о выезде на фронт Василия Сталина. Документ датирован 21 августа 1941 года:

«Заведующему отделом кадров ЦК ВКП(б)
Тов. Силину (лично)

Сообщаю — после Вашего телефонного запроса о том, имеется ли согласие отца на выезд в командировку тов. Иванова В. И. (так зашифрована фамилия Сталина В. И. — *Н. З.*), то я позвонил зам. нач. штаба ГУ ВВС Кр. Армии полковнику тов. Беляеву, который мне сообщил, что согласие отца имеется, о чем ему якобы сказал сам т. Иванов и это ему подтвердил тов. Жигарев (в 1941–1942 гг. командующий ВВС Красной Армии. — *Н. З.*). Это сообщение мною и было Вам передано.

Во время моего телефонного разговора с полковником т. Беляевым присутствовал лейтенант тов. Ефименко, который работает со мной в одной комнате.

26 августа 1941 года

Панов».

На документе примечание: «Батальонный комиссар т. Панов служит начальником секретариата Разведуправления Красной Армии».

Мудр и многоопытен был кадровый начальник из ЦК! Действительно, не спросишь же у Самого: давал ли он согласие на отправку сына на фронт? А знать цековскому кадровику надо многое. На всякий случай. А вдруг спросят: почему Василий на войне? Кто приказал? С кем согласовано?

Не позавидуешь такой работе. Но есть люди, и их немало, которые видят в ней смысл жизни, обслуживание семей власть предержащих возвышает их в собственных глазах, придает значимость, приобщает к кругу избранных.

И снова агентурное донесение, совершенно секретное, в Управление особых отделов Наркомата обороны СССР. Дата — 9 сентября 1941 года:

«8 сентября 1941 года т. Василий в 15.00 прилетел с завода № 301 с механиком т. Тарановым и приказал подготовить самолет через 30 минут, в 18.00 подъезжает на автомашине с двумя девушками, авиатехник т. Ефимов запускает мотор и вырывает на старт. Дает приказание т. Таранову сесть в автомашину и привезти девушек на старт, чтобы видеть, как он будет летать. Во время полета он делал резкие виражи и проходил на большой скорости бреющим полетом, делая затем горки. После полета самолет поставил в ангар и уехал. В ночь с 8 на 9 сентября 1941 года, во время воздушной тревоги т. Василий приехал на аэродром, вместе с ним приехала молодая девушка, он въехал на своей автомашине в ангар. Приказал автомеханику т. Таранову запустить мотор и стал требовать, чтобы его выпустили в воздух. Время было 0.15, причем он был в нетрезвом состоянии. Когда его убедили, что вылет невозможен, он согласился и

сказал: «Я пойду лягу спать, а когда будут бомбить, то вы меня разбудите».

Ему отвели кабинет полковника Грачева, и он вместе с девушкой остался там до утра.

Данный факт является серьезным и опасным тем, что он своим приказом может разрешить себе вылет.

Вылет же ночью очень опасен тем, что он ночью на этом типе самолета не летал, и кроме этого, была сильная стрельба из зенитных орудий».

Главным хранителем дворцовых тайн был, конечно же, Власик. Начальник личной охраны Сталина не пропускал ни одной мелочи, от его бдительного внимания не укрывалось ни одно происшествие.

4-го апреля 1943 года на его имя поступает такой вот документ под грифом «Секретно»:

«Зам. начальника 1-го Отдела НКВД СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга

тов. ВЛАСИКУ Н. С.

Заключение о состоянии здоровья полковника Сталина

Василия Иосифовича

Т. Сталин В. И. доставлен в Кремлевскую больницу 4.IV.43 г. в 11 часов по поводу ранений осколком снаряда.

Ранение левой щеки с наличием в ней мелкого металлического осколка и ранение левой стопы с повреждением костей ее и наличием крупного металлического осколка.

В 14 часов 4.IV.43 г. под общим наркозом проф. А. Д. Очкиным произведена операция иссечения поврежденных тканей и удаления осколков.

Ранение стопы относится к разряду серьезных.

В связи с загрязнением ран введены противостолбнячная и противогангренозная сыворотки.

Общее состояние раненого вполне удовлетворительное.

Начальник Лечсанупра Кремля
Бусалов».

Первое, что приходит на ум при чтении этого документа, — полковник был ранен на фронте. Увы, документы свидетельствуют об иных обстоятельствах ранения. Его адъютант на допросе 23 апреля 1953 года показал следующее:

«В 1943 году я, будучи адъютантом авиаэскадрильи, принимал участие в рыбной ловле, которая была организована Василием Сталиным на реке в районе гор. Осташково, Калининской области. Эта рыбная ловля кончилась тем, что один из авиаснарядов «РС», которыми мы глушили рыбу, взорвался в руках участвовавшего в ней полкового инженера. Взрывом этот инженер был убит, а летчик Котов и Василий Сталин ранены».

26 мая 1943 года нарком обороны СССР И. В. Сталин подписал приказ командующему ВВС Красной Армии маршалу авиации Новикову:

«Приказываю:

1) Немедленно снять с должности командира авиационного полка Сталина В. И. (комполка всего 22 года! — *Н. З.*) и не давать ему каких-либо командных постов до моего распоряжения.

2) Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что он портит и развращает полк.

3) Исполнение донести.

Народный Комиссар Обороны И. Сталин

26 мая 1943 года».

Отстраненный от командования полком Василий Сталин некоторое время находился не у дел, а потом был назначен на должность инспектора

истребительного авиакорпуса. Однако продержался недолго: за очередные «художества» приказом Верховного Главнокомандующего был снят и с этой должности и в течение восьми месяцев отсиживался на даче во Внуково.

Тем не менее, войну полковник Сталин закончил в должности командира 286-й истребительной авиационной Нежинской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Было ему тогда всего 24 года от роду. Об этом свидетельствует аттестация по состоянию на 10 июня 1945 года:

«1920 года рождения, грузин, член ВКП(б) с 1940 г. Образование: общее — 10 кл., военное — Качинская ВАШП в 1940 г., 1-й курс при ВВА не окончил в 1943 году, политического образования не имеет. В КА и ВВС с 1938 г. На фронтах Отечественной войны 3 г. 9 м. Офицер кадра с 1938 г. Первичное офицерское звание присвоено в 1940 г. Состояние здоровья слабое: болезнь ноги, позвоночника, особенно на перегрузке, переутомление и расстройство нервной системы. До начала Отечественной войны занимал должность инспектора-летчика по технике пилотирования Управления ВВС КА. Награжден: орденом Красного Знамени в 1942 г., орденом Александра Невского в 1943 г., орденом Красного Знамени в 1944 г., орденом Суворова 2-й степени в 1945 г., медалью «За оборону Сталинграда» в 1942 г., ранений и контузий не имеет. В занимаемой должности с февраля 1945 года.

Текст аттестации

Летает на самолетах: ПО-2, УТ-1, И-15, И-5, И-153, ЛИ-2, И-4, МИГГ-3, ЛАГГ-3, ЯК-1, ЯК-7, ЯК-9, Харрикейн, ИЛ-2, Бостон-3, ДС-3, ЛА-5, ЛА-7, общий налет — 3145 ч. 45 мин. За время участия в Отечественной войне произвел 27 боевых вылетов, в проведенных воздушных боях сбил 2 самолета противника.

Участвуя на фронтах Отечественной войны с 22.6.41 г., занимал должности — пом. нач. отдела истребительной авиации ВВС КА, командира истребительного авиаполка. За успешное выполнение боевых заданий полк под командованием тов. Сталина неоднократно отмечался благодарностями в приказах Верховного Главнокомандующего.

С января по май 1944 г. работал инспектором-летчиком по технике пилотирования 1 ГИАК (гвардейского истребительного авиакорпуса. — *Н. З.*), после чего командиром 3-й гвардейской ИАД.

Дивизия под командованием тов. Сталина принимала участие в боевых действиях по освобождению городов: Минск, Вильно, Лида, Гродно, Паневежис, Шауляй и Елгава, где произведен 1781 боевой самолетовылет, проведено 30 воздушных боев, в ходе которых сбито 16 самолетов противника.

Наряду с боевой работой вводился в строй молодой летный состав, не имеющий боевого опыта. С этой задачей дивизия справилась хорошо.

В феврале 1945 года тов. Сталин назначен командиром 286 ИАД. В период подготовки к Берлинской операции в части поступило 50 самолетов ЛА-7, за счет которых перевооружен целый полк.

За время переучивания на новую матчасть лично тов. Сталин произвел 11 учебно-тренировочных полетов, успешно справился с переучиванием и подготовил в целом весь полк для ведения боевой работы на самолетах ЛА-7.

За период проведения Берлинской операции частями дивизии произведен 961 успешный боевой самолетовылет, проведено 15 воздушных боев, в ходе которых сбито 17 самолетов противника, из них только в первый день Берлинской операции сбито 11 самолетов, при своих потерях 1 экипаж.

Сам тов. Сталин обладает хорошими организаторскими способностями, как летчик подготовлен, свой боевой опыт может передать подчиненным.

В работе энергичный, инициативный, требовательный, этих же качеств добивается от подчиненных. В выполнении приказов точен.

Командующий 16-й воздушной армии генерал-полковник авиации РУДЕНКО

20 июля 1945 г.

Верно: начальник отдела кадров ВВС МВО
подполковник (Куцыро)».

После войны

«Лично!

Товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу.

Считаю своей обязанностью доложить Вам о состоянии здоровья Василия Иосифовича.

Василий Иосифович страдает истощением нервной системы, хроническим катаром желудка и малокровием. Причиной указанных заболеваний является чрезмерное злоупотребление алкоголем.

16 ноября с. г. у Василия Иосифовича внезапно (дома около часу ночи во время просмотра кинокартины) развился эпилептический припадок — полная потеря сознания, общие судороги мышц тела, прикус языка и выделение из полости рта пенистой жидкости.

На другой же день Василий Иосифович был помещен в санаторий «Барвиха», где удалось задержать его только лишь до 26 ноября. Однако и за этот короткий срок наступило в состоянии здоровья Василия Иосифовича явное улучшение — он прибавил в весе до 5,5 кг, наладился аппетит, улучшился сон и значительно уменьшилась возбудимость нервной системы.

К сожалению, за последние 7-10 дней Василий Иосифович вновь стал много пить и в связи с этим снова появились симптомы резкой интоксикации (отвращение к пище, похудение, повышенная раздражительность, плохой сон).

Убеждения и требования врачей прекратить употребление спиртных напитков ни к чему не привели.

Прошу Вашего содействия.

Со своей стороны полагаю целесообразным поместить Василия Иосифовича на более длительный

(не менее чем на 2 месяца) срок в санаторий «Барвиха», где всегда удавалось быстро восстановить его здоровье, которое, к сожалению, после выписки скоро расшатывалось и только потому, что Василий Иосифович резко нарушал общий режим, возобновляя злоупотребление алкоголем.

Начальник Лечебно-санаторного управления Кремля
П. Егоров
9. X11. 50 г.».

Арест

27 апреля 1953 года, через полтора месяца после похорон И. В. Сталина, был арестован его сын, тридцатидвухлетний генерал-лейтенант, недавний командующий авиацией Московского военного округа, руководитель всех послевоенных воздушных парадов в Москве.

Главный допрос арестованного начался 9 мая и продолжался три дня — до 11 мая. Допрашивали высокие чины — начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР генерал-лейтенант Влодзимирский и его заместитель полковник Козлов.

Машинописный протокол допроса арестованного Василия Сталина с сопроводительной запиской, подписанной Л. Берией 16 мая 1953 года за № 62-б, поступил в Президиум ЦК КПСС на имя Г. М. Маленкова. Ознакомиться с ним стало возможно только спустя сорок лет. Все эти долгие годы документ был недоступным для исследователей. Привожу его целиком. Думаю, он не нуждается в комментариях.

Итак, «Протокол допроса арестованного Сталина Василия Иосифовича от 9-11 мая 1953 года.

Сталин В. И., 1921 года рождения, уроженец гор. Москвы, грузин, член КПСС, бывш. командующий ВВС Московского военного округа.

Вопрос. На предыдущих допросах вы признали, что в бытность вначале заместителем, а затем командующим ВВС Московского военного округа допускали незаконное расходование государственных средств. Правильны ли эти ваши показания?

Ответ. Да, правильны. Действительно, с 1947 по 1952 г. включительно я, занимая вначале пост заместителя, а затем командующего ВВС Московского

военного округа, допускал разбазаривание государственного имущества и незаконное расходование денежных средств, чем нанес большой материальный ущерб Советскому государству.

Я не отрицаю и того, что ряд моих незаконных распоряжений и действий можно квалифицировать как преступления.

Вопрос. В распоряжении следствия имеются данные о том, что вы, злоупотребляя своим служебным положением, кроме того, присваивали казенное имущество и денежные средства. Вы это признаете?

Ответ. Расхищения государственных средств и казенного имущества в целях личного обогащения я не совершал и виновным в этом себя признать не могу.

Я намерен правдиво показать обо всем, в чем я виноват. Будучи в 1948 г. назначен на должность командующего ВВС МВО, я в первую очередь занялся переоборудованием переданного ВВС под помещение штаба округа здания Центрального аэропорта, на что было израсходовано несколько миллионов рублей, но сколько именно, точно не помню. Значительная часть этих средств по моему распоряжению была растрочена на излишне роскошную внутреннюю и внешнюю отделку здания и на приобретение дорогостоящей обстановки, которая была специально заказана в Германии.

В ноябре 1951 г. я задумал и начал осуществлять строительство пятидесятиметрового водного бассейна на территории Центрального аэродрома. На это строительство было затрачено до четырех миллионов рублей.

Вопрос. Какой необходимостью вызывалось сооружение этого водного бассейна?

Ответ. Необходимости строить водный бассейн для военнослужащих ВВС МВО, безусловно, не было, причем сметных ассигнований на это строительство также не

было и оно было начато без разрешения Военного министерства. Так как вскоре выяснилось, что для окончания сооружения бассейна необходимо затратить еще четыре с половиной миллиона рублей, а такими средствами ВВС МВО не располагали и для меня было ясно, что Военное министерство требовавшихся на это денег нам не даст, строительство бассейна было «законсервировано», а вложенные в него крупные средства омертвлены.

Однако я считаю необходимым пояснить, что, приступая к строительству бассейна для плавания, я исходил из того, что в Москве нет ни одного пятидесятиметрового водного бассейна для проведения Олимпийских соревнований.

Вопрос. Явно неубедительное объяснение. Какое отношение имели ВВС Московского военного округа к спортивным сооружениям?

Ответ. Бесспорно, что я занимался не своим делом и никто, конечно, мне не поручал строить водный бассейн. Одной из побудительных причин к этому явилась мастер спорта по плаванию моя сожительница Васильева Капитолина. Васильева меня подбивала на сооружение водного бассейна и, желая угодить ей, а также рассчитывая популяризировать себя сооружением бассейна, я поставил перед собой задачу осуществить эту затею. Бассейн строился на территории одного из ангаров Центрального аэродрома без утвержденного технического проекта и смет. И только после начала строительства в конце 1951 г. я решил добиться в Военном министерстве получения ассигнований на сооружение бассейна. В ноябре 1951 г., обратившись за получением денег на строительство бассейна к Военному министру Советского Союза Василевскому, я ввел его в заблуждение, сказав, что мне поручено отцом организовать спортивную работу в ВВС. Василевский

отпустил на это строительство вначале 700 000 рублей, а затем в конце января 1952 года по моему настоянию он же дополнительно утвердил расходы еще на 1 миллион 500 тысяч рублей. Как я уже показал выше, это строительство так и не было закончено и в августе 1952 года, т. е. к тому времени, когда я был освобожден от занимаемой должности, работы по постройке водного бассейна находились только в начальной стадии.

Помимо сооружения водного бассейна, я занимался и другими делами.

Вопрос. А именно?

Ответ. В 1950 г. на территории парка культуры и отдыха было начато строительство так называемого «спортивного центра» Дома офицеров ВВС МВО. Получив согласие Военного министра Василевского на это строительство, я добился через быв. секретаря МК ВКП(б) и председателя Московского городского Совета Попова Г. М. передачи под строительную площадку территории парка культуры и отдыха Ленинградского района, в связи с чем этот парк был закрыт для пользования трудящимися.

Генерал-полковник Белокосков тоже поддержал мою инициативу о постройке «спортивного центра», предложив использовать под каркас здания демонтированный в Германии ангар. Металлические конструкции центра были доставлены из Германии в Москву. На это ушло много времени и средств. Когда, наконец, каркас ангара был доставлен в Москву, то и здесь при его разгрузке, доставке на строительную площадку и установке мы имели много хлопот, так как ни у нас в ВВС, ни в Военном министерстве не было таких мощных подъемных кранов, которые могли бы поднять отдельные металлические части конструкции этого ангара.

В 1952 г. и это сооружение было «законсервировано», так как у нас не хватило средств

на дальнейшее строительство. Насколько я помню, на это строительство было израсходовано более 5 млн. рублей.

В этом деле я повинен еще и в том, что, отняв у трудящихся Ленинградского района гор. Москвы их излюбленное место отдыха — парк культуры и отдыха, разрушив кинотеатр, уничтожив зеленые насаждения и не выстроив «спортивного центра», я фактически уподобился «собаке на сене».

Полтора миллиона рублей с санкции Военного министра Василевского я израсходовал на строительство двухэтажного здания контрольно-пропускного пункта в Куркино, чтобы наблюдать пролеты самолетов, принимающих участие в воздушных парадах в Москве, в то время как в этом не было никакой практической необходимости.

Вопрос. Следствию известно, что вы незаконно расходовали государственные средства не только на эти «строительства». Покажите об этом.

Ответ. Я уже показал, что, используя свое служебное положение, игнорируя советские законы и обманывая руководство Военного министерства, я разбазарил крупные суммы государственных средств на мероприятия, не вызывавшиеся никакой необходимостью для боевой подготовки вверенных мне воинских подразделений.

Кроме того, своим недостойным поведением, выразившимся в систематическом пьянстве, сожительстве с подчиненными мне по службе женщинами, различного рода скандальных происшествиях, получавших широкую огласку, я фактически дискредитировал себя как командующий округом. От решения насущных вопросов, связанных с качеством боевой и политической подготовки подчиненных мне воинских подразделений, отвлекало меня также и то, что большую часть своего времени я

уделял спортивной деятельности. В этой связи я должен остановиться на созданных по моему указанию при ВВС МВО спортивных командах, которые содержались за счет средств, ассигнованных на боевую и физическую подготовку войск ВВС МВО.

В период с 1947 по 1949 год в ВВС МВО были сформированы команды мастеров почти по всем видам спорта: конно-спортивная, хоккейная, мотоциклетная, конькобежно-велосипедная, баскетбольная, гимнастики, плавания и водного поло. Кроме того, я добился передачи из ВВС Советской Армии футбольной команды. Во всех этих спортивных командах числилось более 300 человек, содержание которых обходилось в сумме свыше 5 млн. рублей в год.

В связи с организацией конно-спортивной и мотоциклетной команд, я приказал за счет средств ВВС МВО перестроить три ангара на Центральном аэродроме. Один из них был переоборудован под манеж, в другом устроена конюшня, а третий ангар был перестроен под мотовелобазу. На это была незаконно израсходована значительная сумма, но сколько именно, я не помню.

Вопрос. Созданные вами спортивные команды состояли из военнослужащих ВВС МВО?

Ответ. Нет. Военнослужащих ВВС округа в этих командах не было. Они комплектовались спортсменами-профессионалами и мастерами спорта, которые по моему указанию различными незаконными способами переманивались из других спортивных коллективов.

Так, по моему указанию в 1951 г. в гор. Таллин была откомандирована тренер по плаванию Макарова с целью уговорить перейти в команду пловцов ВВС МВО эстонских пловцов Прангель и Мяги.

Я поручил Макаровой обещать Прангель и Мяги большую заработную плату и обеспечение в Москве жилищной площадью. Макарова сумела выполнить мое

задание и перетянула в Москву Прангель и Мяги. В 1952 г. Прангель и Мяги выступали в соревнованиях за коллектив ВВС МВО, а я создал для них обещанные условия. Так мне удалось усилить команду пловцов.

Таким же способом, безусловно, развращавшим спортсменов, я перетянул из добровольного спортивного общества «Спартак» в коллектив ВВС МВО мастеров спорта Новикова, Зикмунда и Тарасова, которым предоставил квартиры и присвоил офицерские звания.

Путем предоставления квартиры удалось также переманить в ВВС МВО и заслуженного мастера спорта велосипедиста Тарачкова, ранее являвшегося членом спортивного общества «Динамо».

Особенно активное участие я принимал в устройстве на работу в ВВС МВО Старостина Н. П. Стремясь перетянуть к себе Старостина, я не только незаконно стал выплачивать ему и его жене зарплату за счет спорткоманд ВВС МВО, но и в обход советских законов предпринимал меры к прописке Старостина на жительство в Москве, хотя я и знал, что Старостин, как судимый за антисоветские преступления, не имел права проживать в Москве.

Когда органы милиции отказали, несмотря на мое вмешательство, в прописке Старостина, я предложил моему адъютанту Полянскому вывезти его из Москвы в охотничье хозяйство ВВС МВО.

Однако через некоторое время Старостин милицейскими работниками был обнаружен в Москве на квартире своей жены и ему было предложено немедленно покинуть Москву.

Узнав, что Старостин выехал из Москвы, я предложил бывшему начальнику отдела контрразведки ВВС МВО Голованову и своему адъютанту Полянскому немедленно на самолете догнать поезд и доставить его ко мне на квартиру, что было ими и выполнено».

Прервем документ на этом месте. Помнится, когда в конце восьмидесятых годов журнал «Огонек» опубликовал воспоминания Старостина об этом эпизоде, многие выказывали неверие в достоверность описываемых знаменитым футболистом событий. На военном самолете — вдогонку за поездом, увозящем футболиста? Фантастика! Увы — правда.

Продолжим дальше протокол допроса:

«Вопрос. Какое же, в таком случае, отношение имели эти спортивные команды к повышению боевой и физической подготовки личного состава ВВС МВО?

Ответ. Никакого. Дело в том, что я, будучи тщеславным, пытался популяризировать свое имя и для достижения этой цели решил заняться «спортивной деятельностью». Этому «делу» я уделял основное внимание, не считаясь с затратами государственных средств. Для того, чтобы перетащить в спортивные команды ВВС МВО лучших спортсменов из других спортивных обществ, по моему указанию им создавались особые материальные условия.

По моим распоряжениям члены спортивных команд ВВС МВО зачислялись в кадры ВВС, им присваивались офицерские звания и выплачивалась зарплата по повышенным ставкам. Спортсменам, кроме того, выдавались премии, обмундирование, предназначенное для личного состава ВВС МВО, предоставлялись в неочередном порядке квартиры и санаторное лечение. Ясно, что эти мои действия ослабляли другие столичные спортивные коллективы, так как из них переманивались в команды ВВС МВО лучшие спортсмены, которые к тому же развращались созданными им особыми материальными условиями. Все это, конечно, не могло не вызывать недовольства летного офицерского и летно-технического состава, так как указанные выше льготы и преимущества спортсменам предоставлялись за их счет.

Вопрос. Только ли спортсмены пользовались этими, как вы говорите, «особыми материальными условиями»?

Ответ. Я не могу отрицать, что в расходовании средств на содержание спортивных команд мною допускались и другие злоупотребления. Ряд лиц, числившихся инструкторами и тренерами спортивных команд, фактически не имел никакого отношения к спорту и, получая зарплату за счет ВВС МВО, обслуживал меня лично.

Так, например, подполковник Дагаев, являвшийся моим адъютантом, был проведен по штату инструктором конно-спортивной команды, мои адъютанты майор Капелькин и капитан Купцов получали зарплату в качестве инструкторов 1-й категории хоккейной команды и команды гимнастов.

В 1950 году был зачислен на должность инструктора второй категории хоккейной команды Евсеев Н. В., который в действительности являлся комендантом моей дачи.

За счет спортивных команд содержались преподавательницы моих детей Новикова К. И. и Августовская М. И.

Приглашенные мною из Сочи для художественной отделки и росписи моей дачи и квартиры художник Мошкарев и его помощник, фамилию которого не помню, в течение нескольких месяцев оплачивались за счет хоккейной команды по ставке инструкторов высшей квалификации.

В таком же положении находились мои личные шоферы, массажист и даже моя сожительница Васильева Капитолина, получавшая зарплату как тренер команды пловцов, хотя в действительности она ничего в этой команде не делала.

Всем лицам, которые меня лично обслуживали, в том числе и Васильевой, ежемесячно выплачивалось до двух тысяч рублей каждому. Кроме того, большинству

из них мною были предоставлены квартиры в домах военведа и также систематически выдавалось высококачественное военное обмундирование, предназначенное для летчиков, штурманов и другого летного состава ВВС МВО.

За счет средств, предназначенных на боевую и физическую подготовку личного состава ВВС МВО, я содержал еще «охотничье хозяйство».

Вопрос. Что собой представляло это «охотничье хозяйство», когда и для чего оно было вами создано?

Ответ. «Охотничье хозяйство» было мною создано в 1948 году на месте закрытого по моему распоряжению Переславль-Залесского полигона ВВС МВО.

Это «хозяйство» занимает территорию в 55 тысяч гектаров. По моему указанию там построены три финских дома, переделана и исправлена имевшаяся узкоколейная железная дорога, для которой была специально изготовлена автодрезина. Из заповедника Аскания-Нова в охотничье хозяйство были завезены двадцать пятнистых оленей, которые обошлись в 80 тыс. рублей, а также доставлены, не знаю, откуда именно, бобры и белые куропатки.

Кроме штата специальных егерей, в «охотничьем хозяйстве» содержалась охрана из военнослужащих срочной службы.

При ВВС МВО я организовал специальное «управление охотничьим хозяйством», начальником которого назначил находившегося в запасе капитана интендантской службы Удалова Георгия Иосифовича, числившегося инструктором первой категории футбольной команды. В аппарате «управления» также находилось еще 9 человек, проведенных по штатам различных спортивных команд ВВС МВО, и в их числе Евсеева Мира Ивановна, являвшаяся женой коменданта моей дачи, которая числилась инструктором первой категории команды гимнастов.

Фактически все «работники» этого «управления», так же, как егеря и вооруженная охрана охотничьего хозяйства, бездельничали, так как в этом «охотничьем хозяйстве» я был всего два раза, а больше туда никого не допускали. Если же кто-либо из охотников осмеливался появиться в этом «хозяйстве», то стража отбирала у них ружья.

Мои поездки на охоту, конечно, выглядят весьма неприглядно. На охоту я вылетал на самолете «Дуглас» в сопровождении Васильевой, шофера Чистякова и ряда сослуживцев: моего помощника по физической и строевой подготовке Василькевича, инспектора истребительной авиации полковника Морозова. Одновременно на Переславль-Залесский аэродром направлялся самолет ЯК-12. Этот самолет использовался мною для связи с Москвой и доставки оттуда продуктов, водки и вина, так как на охоте мы находились по несколько дней. Эти мои поручения выполнял мой адъютант Капелькин.

Кроме того, из Москвы в охотничье хозяйство по моему распоряжению прибывали несколько автомашин, в том числе и «Виллис» со специальной радиоустановкой ЦСР-399. Этой радиоустановкой я пользовался для связи с Переславль-Залесским авиационно-техническим училищем, которое имеет радиотелефонную связь с ВВС МВО. Когда мне надо было во время пребывания на охоте вызвать самолет или дать какое-либо иное распоряжение для штаба ВВС МВО, я делал это, используя свою радиоустановку через Переславльское училище, поскольку мощность ее была недостаточной для связи с Москвой.

Из Тулы доставлялся известный охотник на волков Сафонов со своей сворой собак. Конечно, такая охота стоила государству немалых расходов, так как эти расходы целиком производились за счет государства.

Кроме того, я виноват в больших излишествах, которые допускал за государственный счет, используя свое положение. Особенно это имело место в оборудовании и обслуживании занимаемой мною дачи. Так, например, за счет Военного министерства СССР была построена водокачка, способная обеспечить водой около тридцати тысяч человек. По моему же ходатайству на берегу Москвы-реки, прилегающему к моей даче, была сооружена бетонная дамба и бетонированная лестница от дачи к Москве-реке, на которые было израсходовано около полумиллиона рублей.

На этом строительстве продолжительное время использовался батальон солдат Военно-строительного управления Военного министерства СССР, выделенный по моей просьбе и письменному ходатайству Теренченко заместителем министра Белокосковым. Эти же военнослужащие строили двухкилометровую асфальтированную дорогу от Успенского шоссе до моей дачи и из шлако-бетонных блоков скотный двор, рассчитанный на двух лошадей, трех коров, шесть овец, свиней и большой птичник.

На даче за счет средств ВВС МВО моим заместителем по тылу генерал-майором Теренченко и начальником административно-хозяйственного отдела ВВС МВО Касабиевым был сооружен специальный холодильник с компрессорной установкой, рассчитанный на длительное хранение большого количества продуктов. Он же, Теренченко, построил для меня баню и насадил на территории дачи за счет средств, отпущенных для озеленения штаба округа, фруктовый сад — более ста корней яблонь и вишен, доставленных из гор. Мичуринска, а также большое количество малины, смородины, шиповника и декоративных растений.

Должен сказать, что по моему распоряжению имевшиеся в моем личном пользовании две лошади, три коровы, шесть овец, свиньи, полсотня кур, цесарки и фазаны снабжались вплоть до моего ареста фуражом из ВВС МВО. Все это бесплатно обеспечивал Теренченко по заявкам моего адъютанта Капелькина. Продукты же этого моего хозяйства: молоко, масло, яйца, фрукты и овощи моя сожительница Васильева Капитолина сбывала на рынке при помощи своей матери и сестер, которые постоянно проживали на даче. Это хорошо известно коменданту дачи Евсееву.

При посредстве своего помощника генерал-майора Василькевича я взял из ВВС МВО в личное пользование две байдарки и четырехместную моторную лодку.

Кроме того, я в течение 1952 года держал в своем пользовании катер Министерства речного флота, за эксплуатацию которого ВВС МВО был предъявлен счет около семидесяти тысяч рублей. Из ВВС МВО мною была взята автоматическая телефонная станция, причем телефонные аппараты были установлены не только в жилых комнатах, но и в коридорах, ванной, бане, скотном дворе и даже в уборной дачи.

Вот и все, чем я лично пользовался за счет государства, если не считать присвоения мной автомашины «Паккард».

Числящаяся моей личной собственностью автомашина марки «Паккард» была приобретена в Германии в 1952 г. за несколько сот тысяч марок (точно ее цену не помню) для автотокоманды ВВС МВО. Мне эта машина очень понравилась, и я решил ее присвоить, сдав взамен принадлежавшую мне изношенную, дешевую и менее комфортабельную автомашину марки «Корд», которую я раньше привез из Германии.

Для покупки «Паккарда» я специально посылал в Германию своего адъютанта Дагаева, который затем по

моему распоряжению оформил документы на «Паккард» как на мою собственную автомашину.

Дагаев и начальник отделения физической подготовки ВВС МВО Соколов не раз выезжали в Германию, где закупали для ВВС МВО специальный инвентарь на большие суммы. Наряду с этим Дагаев и Соколов выполняли некоторые мои личные поручения.

Вопрос. Какие именно поручения?

Ответ. Дагаев и Соколов приобретали для меня в Германии за валюту в больших количествах различные ценные вещи, материалы на десятки костюмов, несколько комплектов ценных сервизов и много других предметов домашнего обихода, счет которым я потерял. Об этом могут сказать мои жены — Васильева и Тимошенко, которые распоряжались этими ценностями. Васильева, например, после размолвки со мной увезла от меня двенадцать чемоданов различных вещей. Не отставала от нее и другая моя бывшая жена Тимошенко Екатерина, которая, уезжая от меня в апреле 1953 года, также вывезла большое количество ценностей и другого имущества.

Вопрос. Где вы брали иностранную валюту для приобретения вещей, которые вам привозили Дагаев и Соколов?

Ответ. Я не имел валюты, и вещи, которые привозили мне Дагаев и Соколов из Германии, были куплены за счет валюты, выделенной для ВВС МВО. Обычно все вещи из Германии доставлялись самолетами ВВС МВО на военный аэродром в Кубинке в 30 километрах от Москвы, а оттуда ко мне на дачу.

Вопрос. А где должны совершать посадку самолеты по установленным правилам?

Ответ. На московском Центральном аэродроме. Здесь по установленным правилам производится таможенный досмотр прибывших на самолете грузов. С тем, чтобы не платить пошлину за доставлявшиеся из

Германии Дагаевым и Соколовым вещи, я давал распоряжение о приземлении самолетов в Кубинке, где доставленные мне из Германии вещи разгружались из самолета, грузились адъютантами на автомашину и перевозились ко мне на дачу.

Теперь я в основном показал все о своих делах, связанных с незаконным расходом, разбазариванием и присвоением государственных средств и казенного имущества. Возможно, я не сказал о некоторых отдельных фактах, которые сейчас не помню, но я постараюсь вспомнить все, что было, и не буду ничего скрывать.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан.

В. Сталин.

Допросили:

Начальник следчасти по особо важным делам МВД СССР

генерал-лейтенант (Влодзимирский)

Зам. начальника следчасти по особо важным делам МВД СССР

полковник (Козлов)

Верно:(подпись)».

Современный читатель разочарованно и иронично пожмет плечами: и это все, что ставилось в вину арестованному?

Переманивания в спортивные команды были до Сталина и после него. Дачи, охота, пьянки, приобретение автомашин — тоже. Почему же тогда арестовали именно Василия Сталина? Может, было что-то иное, чего боялись преемники его отца?

Было. Именно это, не вошедшее в протокол допроса, и вынудило новых хозяев Кремля изолировать сына

Сталина. А лучшего места для изоляции, чем тюрьма, не придумано.

О подлинных причинах ареста свидетельствует следующий документ, подписанный министром внутренних дел СССР С. Кругловым 8 августа 1953 года и направленный на имя Г. М. Маленкова. На первой странице пометка помощника Маленкова: «Тт. Молотов В. М. и Хрущев Н. С. ознакомлены. Д. Суханов. 10.IX.53 г.» Что же докладывал Круглов тогдашнему главе советского государства?

«В Президиум ЦК КПСС
товарищу Маленкову Г. М.

28 апреля 1953 года был арестован Сталин В. И., 1921 года рождения, уроженец гор. Москвы, член КПСС.

Сталину В. И. было предъявлено обвинение в том, что, являясь командующим ВВС МВО, в течение 1947–1952 гг. совершал уголовные преступления, выражавшиеся в незаконном расходовании, хищении и присвоении государственного имущества и денежных средств, склоняя к этому подчиненных ему по службе лиц.

Кроме того, допускал враждебные выпады и антисоветские клеветнические измышления в отношении руководителей КПСС и Советского государства, а также высказывал намерение установить связь с иностранными корреспондентами с целью дать интервью о своем положении после кончины Сталина И. В.»

Вот она, подлинная причина! Клеветнические измышления в отношении руководителей КПСС и Советского государства — это многократные заявления о том, что отца отравили. В «Письмах к другу» Светлана Аллилуева пишет: увидев отца мертвым, Василий сразу же вслух высказал свою догадку, слух о которой прокатился по Москве. Это утверждение он повторял и

позже, в самых разных компаниях. Высшее руководство, пришедшее к власти, объявило слова Василия пьяным бредом.

Однако вернемся к документу. В нем немало любопытного, чего нет в протоколе допроса.

«В процессе следствия, — говорится в записке Круглова, — арестованный Сталин В. И. признал себя виновным в том, что он, занимая пост командующего ВВС МВО, в течение 1947–1952 гг. систематически допускал незаконное расходование, разбазаривание казенного имущества и государственных средств, а также использовал служебное положение в целях личного обогащения. Как это установлено комиссией Министерства обороны СССР, проверявшей в мае 1953 года хозяйственную и финансовую деятельность штаба ВВС МВО и признаниями Сталина В. И. и других арестованных по этому делу, в результате допускавшейся Сталиным В. И. антигосударственной практики были произведены незаконные и нецелесообразные расходы в сумме более 20 миллионов рублей.

Стремясь к популяризации своего имени, Сталин В. И. добился создания при ВВС МВО 8 штатных спортивных команд численностью до 300 человек, на содержание которых ежегодно расходовалось свыше 5 миллионов рублей. Эти спортивные команды комплектовались из числа спортсменов-профессионалов, которые переманивались из других спортивных обществ.

Для спортсменов ВВС МВО создавалось привилегированное положение, им в первую очередь предоставлялись квартиры, присваивались офицерские звания, выдавалось летно-техническое обмундирование и удовлетворение других их прихотей, чем ущемлялись интересы личного состава ВВС МВО.

Для обеспечения спортивных команд спортивными базами, оборудованием и инвентарем, Сталин В. И. самовластно перестроил и переоборудовал четыре ангара под манежи, конюшни, спортивные залы, на что израсходовал 1 миллион 200 тысяч рублей из средств, предназначенных на боевую подготовку.

В 1950 году, также самочинно, начал строительство спортивного центра под видом переоборудования ангара, под который занял территорию парка культуры и отдыха Ленинградского района гор. Москвы. Это строительство было начато без необходимой комплексной технической документации и продолжалось в 1951 году, несмотря на то, что ассигнований Военного министерства не было. На строительство спортивного центра было израсходовано свыше 6 миллионов рублей, а в 1952 году Военным министерством оно было законсервировано.

В 1951 году без наличия технической документации и утвержденных сметных ассигнований Сталин В. И. развернул строительство водного бассейна на территории одного из ангаров и добился затем, путем использования имени Сталина И. В., отпуска на строительство средств в сумме свыше 3 миллионов рублей. Кроме того, Сталин В. И. добился перед Военным министерством СССР разрешения на размещение в Германии заказов оборудования для бассейна за счет аэродромного строительства дислоцировавшейся близ Берлина 26 воздушной армии, в сумме более 250 тысяч марок.

В 1952 году Сталин В. И. получил разрешение Министерства внешней торговли СССР на закупку в Германии спортивного инвентаря для ВВС МВО в сумме более 250 тысяч марок. На эту сумму с санкции Кобулова Б. З. был доставлен из Германии в Москву различный спортивный инвентарь — лодки, велосипеды, фотоаппараты, а

для личного пользования Сталина В. И. - автомашина марки «Паккард».

Используя служебное положение в корыстных целях, Сталин В. И. израсходовал вместо отпущенных ему на дооборудование своей дачи 296 тысяч рублей — 635 тысяч рублей.

Кроме того, сверх указанной суммы на благоустройство территории дачи и строительство различного рода хозяйственных построек израсходовано до двух миллионов рублей.

Так, на сооружение мощной подземной водокачки затрачено 500 тысяч рублей, на строительство бани, конюшни и оранжереи израсходовано 300 тысяч рублей из средств, предназначенных на аэродромно-технические сооружения, на бетонирование приусадебного берега реки — 500 тысяч рублей и значительные суммы на устройство компрессорной холодильной установки, насаждение фруктового сада, устройство телефонной автоматической станции и др.

Также за счет средств ВВС МВО систематически закупал фураж для принадлежащего ему скота, и с помощью своих адъютантов присвоил 69 тысяч рублей государственных средств путем издания фиктивных приказов о награждении сотрудников ВВС МВО денежными премиями.

Систематически нарушал штатную дисциплину и за счет спортивных команд содержал обслуживавших его пять адъютантов, коменданта дачи, трех шоферов, двух преподавательниц для детей, создал аппарат по обслуживанию охотничьего хозяйства и в течение нескольких месяцев выплачивал зарплату девяти близким ему лицам, вовсе не работавшим в ВВС МВО, на что израсходовал свыше 2 миллионов рублей.

Создал на территории Переславль-Залесского полигона охотничье хозяйство, на оборудование и содержание которого, а также покупку оленей,

фазанов, куропаток и бобров было израсходовано из бюджетных средств, отпускавшихся на боевую подготовку, 842 тысячи рублей.

Допустил излишество в строительстве контрольно-пропускного пункта в Куркино, стоившего 1 млн. 223 тысячи рублей, причем только установленная вокруг пункта железнодорожная охрана обошлась в 250 тысяч рублей.

Таким образом, своими незаконными антигосударственными действиями и распоряжениями Сталин В. И. нанес государству материальный ущерб в сумме более двадцати миллионов рублей.

Увлечшись спортивной деятельностью и другими, не свойственными ему функциями, Сталин В. И. не занимался вопросами организации боевой и политической подготовки соединений округа, месяцами не появлялся на службе, в соединениях и частях округа почти не бывал, приказов Военного министра и Главнокомандующего ВВС Советской Армии не читал, издававшиеся штабом ВВС МВО приказы не подписывал и от Военного министерства скрывал факты нарушений воинской дисциплины и чрезвычайных происшествий в соединениях округа.

Эти показания подтверждены арестованными соучастниками преступлений Сталина В. И. - бывшими его заместителями: генерал-майорами авиации Теренченко и Василькевичем, начальником АХО Касабиевым, адъютантами — Капелькиным, Полянским, Дагаевым и Степаняном, а также актом специальной комиссии Министерства обороны СССР, проверявшей боевую и политическую подготовку в соединениях округа и финансово-хозяйственную деятельность штаба ВВС МВО.

Сталин В. И. также признал, что он был недоволен решением Сталина И. В. о снятии его с поста командующего ВВС МВО, в связи с чем, не желая

учиться в Военной академии, вел праздный образ жизни и систематически пьянствовал.

После кончины Сталина И. В. стал высказывать клеветнические измышления против руководителей КПСС и Советского правительства, якобы незаслуженно уволивших его из Советской Армии и стремящихся представить его как пьяницу и разложившегося человека.

Вместе с тем Сталин В. И. осуждал мероприятия Советского правительства, направленные на обеспечение бесперебойного руководства страной после кончины Сталина И. В., а также высказывал недовольство тем, что Советское правительство якобы не проводит достаточных мероприятий по увековечению памяти Сталина И. В.

Окончательно морально разложившись, Сталин В. И. в конце марта и апреле с. г. своей жене Тимошенко, адъютантам Полянскому, Степаняну и Капелькину, слушателю Военной академии им. Ворошилова полковнику Лебедеву и шоферу Февралеву высказывал настроения встретиться с иностранными корреспондентами и дать им интервью о своем положении после кончины Сталина И. В.

Кроме того, Сталин В. И. признал, что в конце апреля с. г., встретившись у себя на квартире с парикмахершей штаба ВВС Кабановой, склонял ее к составлению клеветнического анонимного письма в адрес главы Советского правительства от имени группы летчиков, которые якобы высказывают беспокойство за его судьбу.

Эти показания Сталина В. И. подтверждены арестованными Кабановой, шофером Февралевым и адъютантами Полянским, Степаняном и Капелькиным.

Во всех представленных обвинениях Сталин В. И. признал себя виновным и следствием совершенные им преступления полностью доказаны.

Свою преступную деятельность объяснял тем, что ему легко удавалось осуществлять все свои прихоти, поэтому в нем развились дурные качества, такие, как зазнайство, тщеславие и карьеризм, результатом чего и явилось его морально-бытовое разложение, а затем и политическое падение.

В течение последнего месяца Сталин В. И. неоднократно просил следователя, ведущего его дело, ускорить прием к Берии, объясняя это тем, что хотел бы знать, какое решение по его делу будет принято Советским правительством.

Докладаваю на Ваше распоряжение.

С. Круглов.

8 августа 1953 года».

Получается, арестованный Василий Сталин не знал, что Берия находится под стражей в бункере на территории штаба Московского округа ПВО? Что отсюда вытекает? Василий не имел никакой информации — не слушал радио, не читал газеты. Он ничего не знал о событиях, происходивших за стенами тюрьмы, и наивно полагал, что Берия по-прежнему курирует спецслужбы страны.

Судя по документам, секретный узник узнал об аресте Берии только в конце декабря 1953 года. Двадцать первым числом датирована его записка на имя ближайшего друга отца:

«Уважаемый Вячеслав Михайлович,

Берия должен ответить на ряд вопросов, касающихся нашей семьи. Это необходимо для истории. Многие становятся ясным. Если невозможно это сделать мне, то должны сделать Вы, так как при постановке вопросов надо знать трагедию нашей семьи с 1930 года. Лучше Вас это знал только Киров. Многие и мне неизвестно, так как я был слишком мал. Многие мне

рассказывал Отец и многое ему было не понятно. Все это необходимо выяснить.

Ваш В. Сталин.

21 декабря 1953 г.»

На машинописной копии этого письма резолюция: «Копии послать тт. Маленкову, Хрущеву. 22 декабря 1953 г. В. Молотов».

Арестованный послал аналогичное письмо и Г. М. Маленкову.

Секретный узник

Арестованный 28 апреля 1953 года, Василий Сталин ждал суда около двух лет — до февраля 1955 года. Персонал тюрьмы не знал фамилии именитого узника — только номер. К нему не допускали родственников, для него не принимали передач.

Зимой 1955 года следствие, начатое Влодзимирским и Козловым, возобновилось. 23 февраля секретный узник, изнемогавший от одиночества и горьких дум, попросил у надзирателя бумагу и ручку и написал заявление Президиуму ЦК КПСС. 5 марта председатель КГБ при Совмине СССР Серов переслал это заявление адресату.

Вот его полный текст:

Заявление

Арестован 27 апреля 1953 г. Следствие вели Влодзимирский и Козлов.

Все предъявленные обвинения можно разделить на 3 группы.

I группа — клевета и извращенные доклады т. Сталину И. В., приведшие к снятию и аресту честных работников (названы Смушкевич, Рычагов, Новиков).

II группа — клевета на членов правительства.

Намерение встретиться с иностранными корреспондентами с целью изменить Родине.

III группа — преступления служебного порядка в период работы в ВВС МВО.

Все эти обвинения были предъявлены мне в мае 1953 г. документами за подписью Берии, Кобулова и Влодзимирского.

Сейчас, в 1955 г., при возобновлении следствия эти обвинения не сняты. Следствие продолжается по тем

же обвинениям. Ведет следствие новый следователь
Каллистов. Если при первом следствии (Влодзимирский,
Козлов) я путал следствие и заявлял, что моя подпись
не будет действительна, т. к. не согласен с
составленными протоколами, хотя и подписывал их, то
сейчас при возобновлении следствия за каждый
подписанный протокол с 12 февраля 1955 г. я несу
ответственность головой.

По существу обвинений

Смушкевич, Рычагов — период 1940-41 гг.

Смушкевича я никогда не видал и не знал. От отца слышал о Смушкевиче много хорошего: «Прям, храбр, дело знает».

Очевидно, на судьбу Смушкевича повлияла передача письма отцу от Сбытова (в 1940-1941 гг. зам. командующего, затем командующий ВВС МВО. — *Н. З.*) о М-63, которое я передал в 1940 г. И, вернее, не письмо, а вызов Сбытова в правительство и доклад его. Какой доклад — мне не известно. Знаю, что Сбытов неоднократно говорил, что Смушкевич не реагирует на его (Сбытова) сигналы о неприятностях с М-63, и нещадно ругал за это Смушкевича, говоря, что он (Смушкевич) обманывает правительство. Могу только предполагать, что Сбытов использовал вызов правительства для доклада этого своего мнения. Если Сбытов использовал вызов правительства в целях свести какие-то счеты с Смушкевичем и позже Рычаговым, то я действительно виноват в том, что помог Сбытову добиться приема правительством. Мое же мнение о ВВС, Смушкевиче или Рычагове никто не спрашивал. По мотору М-63 я действительно докладывал отцу, что «он не годится для истребителей», т. к. сам летал на этом моторе и знал его недочеты.

О Смушкевиче, Рычагове и ВВС, если бы я и сказал что-либо отцу, то он не стал бы слушать, т. к. в то время я только начал службу в ВВС, знал мало и заслуживать внимания мое мнение о Главкоме ВВС и его замах не могло.

Новиков

Мне не известно, какие обвинения предъявлены Новикову при снятии его с должности Главкома ВВС, т. к. я был в это время в Германии. Но если на снятие и арест Новикова повлиял мой доклад отцу о технике нашей (ЯК-9 с М-107) и о технике немецкой, то Новиков сам в этом виноват. Он все это знал раньше меня. Ведь доложить об этом было его обязанностью как Главкома ВВС, тогда как я случайно заговорил на эти темы. Ведь было бы правильно и хорошо для Новикова, когда я рассказывал отцу о немецкой технике, если бы отец сказал: «Мы знаем это. Новиков докладывал». А получилось все наоборот. Я получился первым докладчиком о немецкой технике, а Новиков, хотел я этого или нет, умалчивателем или незнайкой. В чем же моя вина? Ведь я сказал правду, ту, которую знал о немецкой технике.

Значимость решения, принятого ЦК и правительством, о перевооружении ВВС на реактивную технику и вывозе специалистов из Германии огромна. А в том, что не Новиков оказался зачинателем этого реактивного переворота в нашей авиации, а ЦК и Совет Министров, только сам Новиков и виноват. И по штату и по осведомленности Новиков обязан был быть инициатором этого переворота и главой его по линии ВВС. Невольно вспоминается приезд Никиты Сергеевича Хрущева в Германию. Никита Сергеевич уехал из Германии не с пустыми руками. А ведь Новиков был в Германии и должен был знать о немецкой технике в десять раз больше меня и не только мог, а был обязан доложить об этом ЦК и Совету Министров.

Говорить о причинах личного порядка, могущих склонить меня на подсиживание или тем более на

клевету на Новикова, нет смысла, так как их не было, как не было и клеветы.

По существу II группы обвинений

Из чего могло быть составлено мнение о клевете на правительство? Очевидно, из следующих высказываний:

а) Первый день похорон организован был плохо. Об этом звонили на квартиру совершенно незнакомые люди. Сам я был в таком состоянии, что к телефону не подходил, а все время принимал уколы (врач Мартынушкина), т. к. было плохо с сердцем. Мое возмущение заключалось в ответах адъютанту Полянскому и Екат. Тимошенко, которые надоедали своими рассказами о звонках и безобразиях, происходящих якобы при прощании с телом отца. Да, я возмущался вслух. Что это было? Оскорбления в адрес правительства? Нет (если отбросить Берия). Это была обида на тех, кто, не учтя всего, допустил не столько ужасов, сколько поводов для разговоров о них. Возмущался в адрес милиции и Берия, обеспечивавший порядок. Обидно было за Н. С. Хрущева (т. к. он был председателем комиссии).

Тут я должен оговориться о Берия. Отвращение к Берия внушено было мне матерью. Она ненавидела его и прямо говорила: «Он много зла и несчастья принес отцу». До сих пор смерть матери я, в какой-то мере, связываю с влиянием Берия на отца. Позже я утверждался в плохом мнении об этом человеке. Часто замечал, как он разыгрывал перед отцом «прямодушного человека». И отец, к несчастью, попадался на это, верил, что Берия не боится говорить «правду». Невозможно было в этом переубедить отца. Впервые я прямо заговорил с отцом о Берия, рассказав случай в вагоне поезда по прибытии из Германии в Москву. (Отец спал, хотя уже прибыли на место и пора было выходить. Разбудил отца Вячеслав Михайлович,

рядом находился и Берия. Отец спросонья, не разобрав, где он и что происходит, страшно рассердился и уехал один. Я случайно попал в машину Берия, в которой ехал и Меркулов. О разговоре Берия с Меркуловым об этом случае я рассказал отцу, как о нечистоплотности Берия в отношении к Вячеславу Михайловичу.) Последний разговор с Берия был в Боржоми. На этот раз отец, увидав кое-какие грузинские «порядки» своими глазами, не сердился, а задумался и даже вспомнил: «Надя его терпеть не могла». Я вынужден воспроизвести все эти разговоры с отцом, чтобы стало ясно, почему так резко о Берия я высказывался после смерти отца. Это не случайность, а последовательное, все более и более утверждающееся мнение, что он подлец. Счастье мое, что он не вызвал меня после ареста. Отец однажды при нем заставил меня повторить мое мнение о нем. Берия перевел все в шутку. Но не такой он был человек, чтобы забыть, хотя внешне разыгрывал, особенно перед отцом, моего покровителя.

б) Читая газету с постановлением Совета Министров и указом Верховного Совета, бросил реплику: «Не могли подождать до окончания похорон». Реплика, просто глупая, высказанная под впечатлением утраты, и вряд ли стоило строить на ней криминал.

в) На площади 9 марта.

При словах Берия: «Пусть не надеются наши враги на раскол», я сказал: «На воре шапка горит!» Слышали это адъютант, Екат. Тимошенко и врач Мартынушкина.

Заметил вслух, что Вячеслав Михайлович снял шапку, когда выступал, а Берия нет.

Возмущался на поведение Берия при вносе тела в Мавзолей и просто обрадовался, когда Лазарь Моисеевич обрезал его «чего ты орешь».

г) Попав домой, высказал свое мнение, что лучше бы выступил Н. А. Булганин, а не Берия, т. к. отец был

министром обороны, но от министерства обороны никто не выступил.

д) Прочитав «В Министерстве Внутренних дел» об освобожденных врачах в газете «Правда», я высказал свое мнение, что этого делать не следовало (печатать такое заявление), т. к., кроме пищи для провокаторов и сволочи, оно ничего не давало.

е) Прочитав указ об амнистии, сказал, «не слышал, чтобы в дни траура, дни смерти вождя бывали амнистии. Амнистии бывали при коронованиях и сменах династий или в дни больших праздников. Поэтому лучше было бы приурочить амнистию к 9 мая — дню Победы». По существу амнистии я высказался только положительно. Подбор же срока объявления в печати считал неудачным.

Все вышеперечисленное было сказано в присутствии Екатерины Тимошенко, адъютанта Полянского и врача Мартынушкиной.

Не знаю, может быть, я и не прав, но во мне было столько переживаний, что они должны были находить какой-то выход наружу. Если этот выход был резок и не сдержан в подборе выражений, то его нельзя отнести к разряду клеветы на правительство, этого не было и не могло быть. Она (резкость) относится к крайне раздраженному состоянию, которое вполне объяснимо обстановкой, и странно изображать ее как клевету на правительство.

Намерение встретиться с иностранными корреспондентами с целью изменить Родине

Дело было в присутствии Полянского, Екатерины Тимошенко и подошедшего позже моего однокурсника по академии и товарища полковника Лебедева В. С. Разговор этот был совершенно не такой, каким его мне предъявляют в обвинении. Я говорил: «Если бы на моем месте был сволочь и враг советского народа, то он дал бы интервью иностранным корреспондентам, а последние, подняв шумиху в прессе, нажились бы сами и дали бы ему нажиться, а потом он (сволочь) удрал бы за границу». Все «если бы» и «сволочь» отброшены, и мне предъявляется обвинение в желании связаться с корреспондентами и изменить Родине. Сплошная клевета.

Я, балда, даже не стеснялся этого говорить, т. к. не мог представить, что кому-либо придет в голову не только предъявить мне такое обвинение, но даже подумать о способности рождения в моей голове такой мысли.

Разговор начался с того, что в доме нет денег, добиваюсь на прием к Г. М. Маленкову, но не только нет надежды попасть на прием, а последнее средство связи, телефон, отключили. В это время Тимошенко, роясь в ящиках, нашла американский журнал с моим портретом. Он-то, этот портрет в журнале, и стал началом этого, вообще безобразного, но не имеющего ничего общего с предъявленным обвинением, разговора.

В дальнейшем следствие, как подтверждение моих побуждений, предъявляет мне посещение ресторана

«Метрополь». Якобы посещение «Метрополя» было первым моим шагом к сближению с иностранными корреспондентами для последующей измене Родине.

Клевета от начала до конца.

В «Метрополь» я пошел на свидание с Васильевой. Счастье мое, что у Васильевой не было телефона и мне пришлось пригласить ее через соседей и родственников, у которых телефон был. Эти люди могут подтвердить, как все это происходило.

Виноват я в том, что разговаривал о нужде в доме и своем тяжелом положении, а не явился с повинной к Н. А. Булганину. Да, в этом виноват.

Но ни по духу своему, ни тем более по крови я не враг. У меня много пороков, в которых не особенно приятно сознаваться, но они были.

В отношении же чести и Родины я чист. Родина для меня это отец, это мать.

Кроме гнуснейшего клеветника, никто не мог предъявить мне такого обвинения. Человеком, способным дать подобные сведения, могла быть только Тимошенко. К несчастью, не я первый попал в ее сети. И всех она бросала в тяжелую минуту, созданную ею же, а сама оставалась не при чем.

По существу III группы обвинений

Преступления служебного характера в период командования ВВС МВО

Не преступления по злому умыслу, а большие нарушения уставных и юридических норм были допущены мной. Акт комиссии министра обороны свидетельствует об этом.

Сами причины нарушений кроются только во мне самом — в моих распоряжениях. Подчиненные командиры не виноваты, они или вынуждены были строго руководствоваться моими распоряжениями, или покидать округ. Ссылка в акте на разрешения, данные мне свыше, на отклонения в некоторых случаях от установленных норм не может заслуживать внимания. Если такие разрешения и получались мной, то только благодаря моему докладу о необходимости таковых. Мне верили и часто соглашались.

Я не могу согласиться с тем, что делал все это со злым умыслом. Нет. Злого умысла не было. Хотелось сделать быстрее и лучше, в процессе чего прибегал к незаконным приемам, лишь бы сделать. Усугубляло такие неверные действия личное поведение, которое, вследствие пьянства и частого отсутствия непосредственно в управлении округа, порождало последователей и бесконтрольность в их работе.

Полученная задача развить спорт в ВВС, сама по себе очень нужная, на деле была превращена в погоню за призами в ущерб основной работе ВВС МВО. Вина в этом только моя и оправдания никакого мне нет. Все перечисленное и личное поведение привело к справедливому приказу министра обороны об увольнении в запас «за поступки, порочащие звание генерала Советской Армии».

О себе лично

С малых лет, оставаясь без матери и не имея возможности воспитываться под повседневным наблюдением отца, я, по сути дела, рос и воспитывался в кругу взрослых мужчин (охраны), не отличавшихся нравственностью и воздержанностью. Это наложило свой отпечаток на всю последующую личную жизнь и характер. Рано стал курить и пить. В средней школе, хотя и имел способности, занимался от зачета к зачету и поэтому выше середняка не поднимался. Готовился стать артиллеристом и поэтому пошел учиться в 1-ю Московскую арт. спец. школу. Но отец решил, что двум сыновьям в артиллерии быть не следует, и я уехал в летное училище. Училище окончил отлично со званием лейтенант. С момента окончания училища для меня разговор с отцом, как с отцом, почти перестал существовать. Каждая встреча превращалась в разговор о ВВС.

За время службы в армии с 1938 г. был на должностях: летчика, ст. летчика, к-ра звена, к-ра эскадрильи, к-ра полка, к-ра дивизии, к-ра корпуса, зам. ком. ВВС округа, ком. ВВС округа. Военное образование: училище, 3 месяца Академии ВВС, Липецкие курсы к-ров эскадрилий — и все. Военного образования для занимаемого последнего поста (ком. ВВС МВО) не хватало. Был послан в военную академию, но по состоянию здоровья и по собственной глупости к занятиям по сути дела не приступал, а считал себя обиженным, хотя кроме как на самого себя обижаться было не на кого. Докатился до увольнения в запас.

Этот приказ министра обороны, хотя и очень суров, но справедлив, т. к. оснований для него было больше чем достаточно.

В заявлении часто встречается «клевета». Может создаться мнение, что я считаю себя вообще невиновным, напрасно обиженным.

Это не так.

Да, клевета налицо. Но кто бы ей поверил? Как она могла дать такие всходы, если бы все мое поведение не было б благоприятной почвой для ее (клеветы) роста. Не было бы зацепки, повода, возможности оклеветать, не было бы и клеветы, особенно веры в нее.

Разбор всей своей жизни, в течение 22 месяцев ареста, дал возможность правильно оценить причину происшедшего со мной. Причина только во мне самом. Могли быть около меня и плохие люди, но ведь были и такие, и их больше, с которых надо было брать пример.

Ведь предупреждал меня Н. А. Булганин: «Возьмись за ум, иначе сорвешься, брось пить, приведи в порядок семейные дела». А разве я послушался? Нет. Не пожелал сам взглянуть в свое нутро и взяться за ум. Тюрьма заставила разобраться в своих собственных грехах, сбила спесь. Я смог трезво оценить пройденную жизнь и подумать о будущей. Ведь мне всего 35 лет. 17 лет в армии. 16 лет в партии и докатился до такого положения.

Виноват только сам. Обижаться не на кого.

Поверьте, что нет строже суда, чем своя совесть.

Больше всего я виноват перед отцом и партией.

Прошу Вас, дайте возможность работой смыть эту свою вину перед партией.

Дайте возможность доказать делом преданность Родине и народу.

23 февраля 1955 года В. И. Сталин

Верно: подпись».

Однако письмо не тронуло сердец тех, кому было адресовано. Секретный узник по-прежнему находился в тюремной одиночке. Судили его только 2 сентября 1955

года — через два с половиной года после ареста. Военная коллегия Верховного суда СССР сочла, что преступления Василия Сталина — злоупотребления служебным положением и антисоветская агитация — «тянут» на 8 лет лишения свободы. С зачетом срока, проведенного со дня ареста в камере-одиночке.

Мы не располагаем сведениями о том, как он воспринял приговор суда и где отбывал наказание. Известно лишь, что время от времени осужденный генерал обращался со слезными письмами к тогдашнему советскому руководству, напоминал о прошлой дружбе власть предержащих с его родителями.

Одно из таких писем датировано 10 апреля 1958 года и адресовано Н. С. Хрущеву.

«Никита Сергеевич! — говорится в письме. — Сегодня слушал Вас по радио из дворца спорта, — и опять Вам пишу.

Знаю, что надоел, но что же мне делать, но что же мне делать, Никита Сергеевич?!

Душевная тоска и опустошенность доводит до страданий невыносимых.

Я смотрю на действительных врагов, — они легко переносят заключение, гордятся им.

Их стимул: «будущего лишения, ненависти», — дает им силы, легче и самое главное, проще переносить заключение.

Но какая у меня может быть ненависть и к кому? Сегодня я Вас слушал и вспоминал 30-е годы, которые Вы упоминали. Вспомнил, как мать возила меня на ткацкую фабрику, нас брала с собой на лекцию, на которой может быть и Вы были. Знаю, что вы знали друг друга по учебе, т. к. она много говорила о Вас.

Хорошо помню похороны, ибо они, как и смерть матери, врезались на всю жизнь в мою память. Помню

Ваше выступление на похоронах матери, а фотографию Вашего выступления на Ново-Девичьем все время хранил (последний раз видел это фото у следователя в личных изъятых вещах) в семейном альбоме.

Все эти воспоминания нахлынули на меня сегодня, когда слушал Ваше простое до души доходящее выступление.

Бывают моменты, когда сливаешься с выступающим в одно единое целое. Такое ощущение было у меня сегодня, когда я слушал Вас. Буду откровенен до конца, Никита Сергеевич! Бывали и бывают моменты, когда и ругаю в душе Вас. Потому что невозможно не ругнуться, глядя на 4 стены и беспросветность своего положения со всеми этими зачетами, работой, содержанием и т. д. Ведь по всем законам 4 февраля 1958 года я должен был быть дома. Но, слушая Ваши выступления, а особенно сегодняшнее, вся злость пропадает и, кроме уважения и восхищения, ничего не остается. Ведь верно говорите и замечательно действуете! Нельзя не радоваться: за Вас, Родину и не восхищаться! Действительно, очевидно, не знающие Вас думали, что Вы способны испугаться поездки в Венгрию... Но, Никита Сергеевич, кто видел Вас под Калачем, когда была разбита Ваша автомашина и вообще положение было не из легких, — не может сомневаться в Вашей стойкости и личной отваге!

Хочется быть с Вами, помогать Вам! Хочется, чтобы Вы испытали меня в деле и поверили в меня! Вы, Никита Сергеевич, Вы сами, а не по докладам третьих лиц. Я изголодался по настоящей работе, Никита Сергеевич!

Но оглянись... опять 4 стены, глазок и т. д. Берет злость, дикая злость, Никита Сергеевич, на того, кто Вам представил меня в таком виде, что Вы соглашаетесь, даже сверх срока, держать меня в тюрьме, ибо я «враг».

Ну, как мне убедить Вас в обратном?!

Уверяю Вас, я мог бы быть, действительно преданным Вам человеком, до конца! Потому что (это мое глубочайшее убеждение) мешает такому сближению и взаимопониманию, — не разность политических убеждений, ибо они одни; не обида и желание мстить за отца, — у меня этого в голове нет, — а Ваша неосведомленность о истине моих взглядов и помыслов о дальнейшей своей жизни.

Например, я считаю, что у отца адвокат сильнее меня, — партия! Вы, достаточно ясно, говорили по этому вопросу (я Вам писал) и мне лучше не сказать!

И вообще, я считаю, что все полезное для партии должно восприниматься, как полезное! Это я о Вас говорю, Никита Сергеевич! Потому что верю, что Вы пошли на борьбу с культом не с радостью, а в силу необходимости.

Так поступить — ради партии. Были и другие, — приспособленцы. Но это мелочь, а не люди. Были и враги принципиальной линии XX съезда. Многие вначале не поняли всей величины Ваших действий, всей Вашей принципиальности (а не кощунства) ради партии. Не осознали сразу, что так надо было поступить не от хорошей жизни, а во имя партии.

Это не была месть за что-то кому-то, а был большой политической значимости акт, — вызванный необходимостью, а не личным отношением!

Уверяю Вас, что я это понял!

Но тем больше мне быть неверно понятым Вами и находиться не в числе Ваших ближайших помощников, а в числе «врагов» Ваших.

Поймите меня, Никита Сергеевич, и согласитесь, что мне невыносимо тяжело, не только физически, но и морально.

Разрубить этот «Гордиев узел» может только личная встреча, Никита Сергеевич!

В. Сталин 10.4.58 г.»

Не помогала и откровенная лесть, на которую шел именитый узник. Кремль был глух к мольбам из тюремной камеры.

Читал ли Н. С. Хрущев это послание? Читал. Никому не ведомо, какие чувства он при этом испытывал. Злорадство? Удовлетворенность? Если верна версия о том, что Сталин не пощадил его сына Леонида, прося за которого Хрущев едва ли не на коленях ползал перед Хозяином, то, наверное, можно допустить и чувство мести.

19 января 1959 года заключенный Сталин обратился с письмом, адресованным ЦК КПСС. Оно поступило с сопроводительной запиской тогдашнего председателя КГБ СССР Шелепина 22 января 1959 г. за № 170-ш. На документе пометка Г. Т. Шуйского, помощника Хрущева: «Доложено. Архив. Шуйский».

Что нового сообщает секретный узник?

«Центральному Комитету КПСС

Считаю своим долгом поделиться с Ц. К. некоторыми своими наблюдениями, касающимися членам антипартийной группы: Маленкова, Молотова, Кагановича, Булганина и Шепилова.

С Молотовым и Кагановичем мне не приходилось работать, а эпизодические встречи не могут служить мерилем знания мною этих людей, Шепилова я вообще не знал.

Полностью присоединяюсь к выводам Ц. К. о этих людях, ибо Ц. К. лучше меня их знает. Другое дело Маленков и Булганин. С тем и другим мне приходилось встречаться по служебным вопросам и наблюдать их деятельность.

Булганин. Должен признаться, что до разоблачения на суде постыдной роли Булганина в мой адрес, — я был самого высокого мнения об этом человеке. Теперь я

понял, что Булганин тоже, что и Маленков — карьерист, фарисей, только в 10 раз хитрее и скрытнее. Особое внимание обращает на себя выступление его на пленуме ЦК».

Сталин имел в виду покаянную речь Булганина, с которой он выступил на декабрьском (1958 г.) Пленуме ЦК КПСС. Булганин тогда сказал: когда в 1957 году активно развернулась антипартийная деятельность Маленкова, Кагановича, Молотова и Шепилова, он, Булганин присоединился к ним, поддержал их и стал их сторонником и соучастником. «Будучи тогда Председателем Совета Министров, — признался Булганин, — я оказался не только их соучастником, но и номинально их лидером. Антипартийная группа у меня в кабинете собиралась, сговаривалась о своей антипартийной фракционной работе».

«Создается впечатление, — продолжает Василий Сталин, — что он (Булганин. — *Н. З.*) чувствует за собой какую-то силу (?!) или считает партию настолько глупой, что позволяет себе слишком свободно каламбурить. Номинальный лидер...?! Нет, он собирался быть не номинальным лидером, как это видно из его же выступления! Номинальным же лидером (то есть пустышкой) он стал не по своей воле (ибо сие не от него зависело), а по воле партии. Выступление его не искреннее, а смесь фарисейства с трусостью.

Маленков. Об этом человеке стоит поговорить подробнее. С Маленковым, которому были поручены дела ВВС, мне пришлось сталкиваться часто: в 1941-1942-1943 и в 1945 г., когда ЦК отстранило его от шефства над ВВС и должности секретаря ЦК за обман ЦК. Мне доподлинно известно, что в так называемом Ленинградском деле Маленков видел возможность своего возвращения на пост секретаря ЦК и с этой целью создал дело, извратил действительность. Прямо говоря, на костях ленинградцев при помощи (очень

активной) со стороны Берия, — опять занял пост секретаря ЦК. Вообще, если проследить за ходом карьеры Маленкова и Берия, то легко заметить, как они друг друга тянули и вырочали. Вот довольно характерный факт их взаимного сотрудничества на заре их обоюдной карьеры еще до войны. Речь идет о С. Ф. Реденсе — одном из старейших чекистов-дзержинцев. Я его хорошо знал, ибо он являлся мужем сестры моей матери А. С. Аллилуевой. Когда Берия назначили в НКВД, Реденс был для него помехой на должности Нач. упр. НКВД Москвы, ибо Реденс знал Берия по работе в Закавказье с отрицательной стороны и был вхож к т. Сталину в любое время. Берия решил убрать Реденса с дороги. Когда Берия заговорил с т. Сталиным о необходимости ареста Реденса (я случайно был при этом разговоре), т. Сталин резко возразил Берия и казалось, что вопрос этот больше не поднимется. Но, как было не странно для меня, — Берия был поддержан Маленковым, Маленков сказал, что знает Реденса по работе в Москве и поддерживает мнение Берия о аресте. Сейчас я не помню, кем работал в то время Маленков, но, кажется, он имел отношение к кадрам партии, ибо хорошо помню слова т. Сталина: «Разберитесь тщательно в кадрах с товарищами в ЦК, — я не верю, что Реденс — враг». Как провел в ЦК этот разбор Маленков, я не знаю, но факт, что Реденса арестовали. После ареста Реденса по наущничеству Берия, вход в наш дом Анне Сергеевне был закрыт, но по ее просьбе я просил т. Сталина принять ее. Мне за это посредничество попало и было сказано: «Я не поверил Берия, что Реденс враг, но работники ЦК то же самое говорят. Принимать Анну Сергеевну я не буду, ибо ошибался в Реденсе. Больше не проси».

Такова история этого эпизода, который врезался мне в память, ибо дело шло о знакомом, уважаемом и близком человеке.

К тому же я видел и слышал, как т. Сталин защищал и отстаивал Реденса и как переживал свою ошибку (?!) доверия Реденсу. Вот, как Маленков и Берия обманывали т. Сталина и убирали с дороги честных людей. Таких фактов можно привести немало. Так подробно об этом я пишу не случайно. Вся система Берия и Маленкова была построена на принципе — не наш человек к т. Сталину не должен быть вхож. Создавалась некая изоляция, дабы любая информация к т. Сталину могла поступать только через них или контролироваться ими же.

Из-за молчания и нежелания портить взаимоотношения с Маленковым и Берия (многие члены Президиума ЦК того времени, конечно, могли разоблачить эту пару) чаще всего этот обман сходил с рук. Кто же пытался возражать Берия и Маленкову, убирался, дискредитировался или арестовывался.

Вот другой факт взаимной выручки, в 1945 г., когда на фактах ВВС было доказано, что Маленков лжец, доверие к нему было поколеблено, и он был освобожден от должности секретаря ЦК. Но из-за заступничества Берия — окончательное разоблачение Маленкова не удалось. Я ни в коей мере не сторонник умалять вину Шахурина и Новикова, этих холуев Маленкова, но их арест выручил Маленкова. Этим арестом Маленков как бы отошел на задний план и вывернулся, свалив все на этих людей, отведя вину от себя. В 1953 году, реабилитируя Шахурина и Новикова, Маленков полностью предал это дело забвению — извратив суть дела и выставив всю эту группу (и самого себя) как невинно пострадавших. Это гнусная ложь! Маленков был наказан верно, но недостаточно.

Странно, что Серов, знавший это дело, на следствии взвалил на меня вину в желании дискредитировать честного Маленкова...?! Хороша честность! Эта хитрая комбинация (в 1945 г.) снятия основной вины с

Маленкова — арестом с шумом и треском была тонко разыграна Берия и Меркуловым. Таким образом Берия и компания выручили Маленкова. Все же Маленков вынужден был притихнуть. К тому же бороться с Ждановым ни Маленков, ни Берия не решались. Ибо Жданов пользовался абсолютным доверием и был безгранично уважаем. После смерти Жданова дело изменилось. Маленков опять начал набирать силу и, как я уже выше указывал, на костях ленинградцев опять стал секретарем ЦК. После партийной конференции Москвы, когда Попов вел себя возмутительно (будучи делегатом конференции и членом МГК, я рассказывал т. Сталину о многих фокусах Попова) т. Сталин сделал серьезное замечание Маленкову: «Как же так, в одном городе — рядом и не видите...?!» Маленков обрушился на меня, но меня поддержал Поскребышев, и Маленков умолк.

Тогда же т. Сталин сказал: «Надо обязательно усилить ЦК твердым и честным человеком». Через непродолжительное время мы (москвичи) увидели секретарем МК Н. С. Хрущева, а ЦК получил твердого и честного секретаря ЦК. Из всего этого видно, что т. Сталин уже перестал безгранично верить Маленкову, но до полного разоблачения этого человека не дожил.

Маленков и Берия — одно целое. Поэтому, говоря о Маленкове, нельзя не упомянуть и о Берия. Примерно в этот же период времени (подробности знает т. Игнатьев, бывший в то время мин. гос. без.) мною было передано письмо т. Сталину о неполадках (а вернее безобразиях) в Грузии. В этом письме был прозрачный намек на роль Берия в этих неполадках. Дело дошло до того, что т. Сталин решил сам поехать в Грузию и присмотреться — и поехал (причем Берия хотел ехать вместе с т. Сталиным, но ему было в этом категорически отказано), но на этот раз Маленков выручил Берия. Он прилетел в Боржоми и свел все не к тщательному

разбору, а к снятию Чарквиани, чем и замял дело, которое повело бы к разоблачению Берия. Все это факты и их легко проверить. Вмешательства в грузинские дела Берия мне простить не мог, а Маленков за дела ВВС и МГБ, Попов полностью был солидарен с Берия — отсюда и их месть мне. Ибо т. Сталин начал проверять как Берия, так и Маленкова. Смерть т. Сталина на время спасла Маленкова и Берия от разоблачения, но разоблачение должно было наступить и оно наступило. Таковы далеко не полные некоторые наблюдения за поведением Маленкова как коммуниста и государственного деятеля. Ложь, обман, карьеризм и опять ложь его конь.

Еще раз подчеркиваю, что Маленков был единым целым с Берия. Берусь это доказать, где угодно. Еще несколько слов о Берия. Т. Сталину я называл его (причем при самом Берия): подлецом, лжецом, лицемером и т. д. — то есть доказывал, что он морально нечестный человек-карьерист. Для выражения политического недоверия у меня не было фактов — я этого не заявлял и не предполагал. Но в связи с разоблачением Берия как врага народа, мне кажется, надо в новом свете взглянуть на людей, бывших его друзьями, и на людей, которым он доверял. Конечно, не верно всех работавших с Берия лишать доверия, но людей с грешками, которых Берия брал под свое крылышко, защищал от ЦК и лелеял, — надо тщательнее проверять. Ибо вряд ли выгодно было врагу защищать от ЦК не верных ему людей и скрывать их грешки и грехи от партии. Известно также, что именно на грешках чаще всего ведется вербовка. Для примера можно назвать историю с Жигаревым из ВВС. Я не могу сказать, что Жигарев враг — я этого не утверждаю, но история стоит того, чтобы ее подробно описать. Мне приписывают (Серов), что я имел отношение к снятию Жигарева в 1942 г. Это не верно! Меня в это время в

Москве не было, и причины снятия Жигарева я узнал от Власика и Поскребышева. Вот что они рассказывали: Жигарев совершенно пьяный явился на вызов в ГКО к т. Сталину и был снят с работы за пьянство в боевое время. Из ГКО он был доставлен в кабинет Берия. (Серов был в то время зам. Берия и членом военного совета ВВС, он не мог этого не знать и его обвинения в мой адрес, что я причина снятия, как он выразился при генеральном прокуроре Руденко: «хорошего и честного Жигарева» просто не понятно) и ему грозила очень серьезная кара. Но усилиями Берия он был освобожден по собственной просьбе (?!) и направлен на ДВК (ДВК — Дальневосточный край. — *Н. З.*). Характерно, что хозяином (?) ДВК в это время был Гоглидзе. К нему-то и направил Берия Жигарева... О чем говорили Берия и Жигарев, неизвестно. Но известно, что с этого времени Жигарев стал пользоваться неограниченным доверием Берия и стал близким другом Гоглидзе.

Назначение Жигарева вновь на пост Главкома ВВС в 1950 г. было для меня, как и для всех ВВС — полнейшей неожиданностью. Мне приписывают инициативу этого назначения, видимо, потому, что я первый об этом сообщил Василевскому — министру обороны того времени. Вот как было дело. Т. Сталин отдыхал в Сочи, и я был там в это время, но на другой даче. Ночью меня вызвал т. Сталин и спросил: «Знаешь, где отдыхает Жигарев?» — «Да, знаю, — ответил я, — в санатории М.О. — Фабрициус». — «Поезжай и привези его сюда!» Я поехал и привез, не зная, в чем дело. Входим. «Справитесь с должностью Главкома ВВС?» — спросил т. Сталин у Жигарева.

«Да», — ответил Жигарев.

Мне было сказано: «Иди, отдыхай». А Жигарев остался у т. Сталина. Уйдя, я, ошарашенный такой новостью (ибо кроме хорошего о Вершинине ничего не мог сказать и слышал от т. Сталина о Вершинине тоже

только положительные отзывы), спросил у чекистов: не знаете, в чем дело? Нет, не знаем. А с кем-нибудь говорил т. Сталин перед посылкой меня за Жигаревым? Да, говорил по ВЧ с Берия. Вот все, что я мог узнать.

Рано утром я улетел в Москву и доложил об этом Василевскому. А только через 2 дня этот вопрос был поставлен в повестку заседания Сов. Министров. Вот почему меня, как первого вестника, посчитали инициатором этого назначения. И только в Москве после приезда т. Сталина из Сочи я в разговоре с ним узнал, что это назначение рекомендовал Берия. Характерно, что это второе назначение, рекомендованное Берия, почти в одно и то же время. Первое было — Кузнецов — вновь назначенный на пост главкома Военно-Морского Флота. И тоже с Д.В.К. и тоже друг Гоглидзе по Д.В.К. и тоже со старыми грехами и грешками. Глядя на Берия в новом свете, — как на врага народа, — эти рекомендации принимают новую окраску. Непонятно, почему член ЦК Серов извращает факт снятия Жигарева в 1942 г. и факт приближения Жигарева и Берия, излагая эти факты в более благоприятном для Жигарева — тоже члена ЦК — виде. Как было дело, так и говорить надо, а не фантазировать. Этого же Жигарева слишком уважал Маленков. Дело, может быть, и не в Жигареве, а в том, что очень странна любовь Маленкова именно к тем людям, которым доверял Берия. И это не единичный случай, а система Маленкова, — опираться на людей Берии.

В 1956-57-58 годах, несмотря на десятки заявлений в адрес Серова с просьбой выслушать (причем в заявлениях прямо говорилось, что дело идет не обо мне, а о Маленкове, Берия и их людях) выслушать меня не захотели. Сейчас, когда до XXI съезда остались считанные дни, а вызова не видно, я решил обратиться прямо в ЦК. Ибо, быть может, кое-что из написанного

окажет помощь в полном разоблачении Маленкова и его прихвостней. Это, конечно, далеко не все, что можно было бы написать, но я лимитирован даже в бумаге.

Член КПСС с 1938 г. В. Сталин, 19 января 1959 г.

Р. С. Позволю себе написать несколько слов общего порядка о этой антипартийной группе в связи с преодолением культа личности т. Сталина.

Очень характерно поведение этой группы в период борьбы с культом личности. Если на первом этапе, когда представлялась возможность все свалить на покойника, они ратовали (с недовольством для вида) за решения XX съезда, дабы отвести удар от себя, то когда развернувшаяся критика ошибок (и преступлений) дошла и до живых, — они стали болтать о кощунстве и под видом защиты Сталина — пытались сорвать критику ошибок, ибо тряслись за свою шкуру.

Двойные подлецы! Сначала все свалили на Сталина, а потом, кощунственно прикрываясь любовью (?!) к Сталину (вот это действительно кощунство!) хотели сорвать свое разоблачение, не стесняясь обманывать партию и народ, — и в первом и во втором случае. Якобы защищая Сталина от нападок Хрущева — повели борьбу с Хрущевым, — основной задачей, однако, имея свое собственное спасение от полного разоблачения, а, отнюдь не думая о Сталине, ибо использовали это уважаемое имя как фиговый листок, для скрyтия своей отвратительнейшей действительности. Плохо то, что многие, не поняв истинных побуждений этой группы, — клюнули на эту приманку. Это величайшая несправедливость и ее надо пресечь! Надо открыть глаза партии и народу на эту двойную игру! Надо ясно и твердо объяснить, что нет и не может быть ничего общего между этими подлецами и человеком, отдавшим всю свою жизнь делу партии и прогрессу Родины. Надо твердо и ясно сказать, что Хрущев ни в каком кощунстве не участвовал! Что Хрущев боролся за

прогресс Родины, и является вождем нашего движения вперед — чему отдал всю свою жизнь Сталин — тогда, как эта группа именно кощунствовала и ради спасения своей шкуры шла на все, даже на отрицание истины нашего движения вперед.

Нанесением вреда Родине, тормозом нашего движения вперед, обманом, интриганством и кощунством — вот чем характерна и пропитана вся деятельность этой группы!

Позволю себе пожелать всяческого успеха XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Член КПСС с 1938 г. В. Сталин. 19 января 1959 г.».

Досрочное освобождение

Пятого января 1960 года председатель Комитета государственной безопасности СССР Шелепин и генеральный прокурор страны Руденко обратились в ЦК КПСС с запиской, помеченной грифом «Совершенно секретно».

«2 сентября 1955 года, — сказано в этом документе, — Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к 8 годам лишения свободы Сталин Василий Иосифович за злоупотребления служебным положением и антисоветскую агитацию (ст. ст. 193-17 «б» и 58-10 ч. 1 УК РСФСР).

Сталин В. И. признан виновным в том, что, будучи командующим ВВС Московского военного округа с января 1948 по август 1952 года, преступно халатно относился к исполнению служебных обязанностей, систематически пьянствовал, злоупотреблял своим служебным положением, разбазаривал государственные средства и материальные ценности.

Кроме того, Военная коллегия в приговоре указала, что он проявлял недовольство проводимыми партией и правительством мероприятиями о реорганизации государственного аппарата, изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» и высказывал намерения сделать иностранным корреспондентам заявление, направленное на дискредитацию руководителей партии и правительства.

Сталин В. И. содержится в заключении 6 лет 8 месяцев. За этот период времени администрацией мест лишения свободы характеризуется положительно.

В настоящее время он имеет ряд серьезных заболеваний (заболевание сердца, желудка, сосудов

ног и другие недуги).

Учитывая вышеизложенное, просим ЦК КПСС рассмотреть следующие предложения:

применить к Сталину В. И. частную амнистию, освободить его от дальнейшего отбывания наказания и снять судимость;

поручить Моссовету предоставить Сталину В. И. в г. Москве трехкомнатную квартиру;

поручить Министерству обороны СССР назначить Сталину пенсию в соответствии с законом, предоставить ему путевку в санаторий сроком на 3 месяца и возратить изъятое при аресте лично принадлежащее ему имущество;

выдать Сталину В. И. 30 тысяч рублей в качестве единовременного пособия».

На свободе

Девятого апреля 1960 года Василия Сталина вызвали в Кремль, к Ворошилову. Климент Ефремович занимал тогда пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

За маленьким столиком в углу сидели двое — Л. Щербаков и М. Морозов. Помощники Ворошилова вели протокольную запись беседы своего шефа с проштрафившимся сыном недавнего диктатора.

«К. Е. Ворошилов. Ну, рассказывай, Василий, как дела, как ты живешь?

В. И. Сталин. Плохо, Климент Ефремович, работать надо, прошу помочь, иначе без работы пропаду.

К. Е. Ворошилов. Я тебя знаю со дня, когда ты появился на свет, приходилось нянчить тебя. И я желаю тебе только добра. Но сейчас буду говорить тебе неприятные, плохие вещи.

В. И. Сталин. Слушаю.

К. Е. Ворошилов. Конечно, тебе дадут работу, однако прежде всего ты должен стать другим человеком. Ты еще молодой, а вон какая у тебя лысина, у отца твоего не было, хотя он дожил до 74 лет. Все это потому, что ты ведешь слишком бурную жизнь, живешь не так, как нужно.

То, что с тобой произошло, не должно больше повторяться. У нас социалистическое государство, мы строим коммунизм, боремся за каждого человека. Ты носишь фамилию великого человека, ты его сын, и не должен это забывать. Ради его памяти тебе иначе надо жить. Ты не ожидал этого разговора?

В. И. Сталин. Ожидал, думал об этом.

К. Е. Ворошилов. Помнишь, когда твой отец был безнадежно болен, а ты ходил пьяный по коридору. Я

тебе говорил: брось пить, отбрось всякие нехорошие мысли. А потом ты стал пить еще больше.

Как было горько видеть, когда Сталин не раз сожалел, что ты не умеешь себя вести.

Сейчас вопрос так стоит: или тебя надо лечить, если ты не в состоянии сам начать новую жизнь, или ты соберешь свои моральные силы, возьмешь себя в руки, и будешь вести себя как следует.

В. И. Сталин. Я вас понимаю, Климент Ефремович. Вы во всем правы. Полностью с вами согласен, мне надо исправляться, но для этого надо работать.

К. Е. Ворошилов. Это не проблема. Работу дадут. Но надо понимать, что ты находишься до некоторой степени на особом положении. Я бы на твоём месте изменил фамилию.

Прямо тебе скажу. К тебе всякая сволочь лезет. Недавно ты отдыхал с дочерью в Кисловодске, и как ты там себя вел? Безобразно. Об этом нам все известно, и мы не имеем права об этом не знать.

В. И. Сталин. Я понимаю.

К. Е. Ворошилов. К тебе потянулась всякая дрянь. Ты мог бы занять себя чем-нибудь полезным, читал бы хоть книги, писал бы что-нибудь. А ты вместо отдыха устраиваешь встречи со всякими сомнительными людьми, подхалимы тебя восхваляют. Имей в виду, эта братва тебя толкнет в какую-нибудь яму. Почему эти люди не помогут тебе встать на правильную дорогу?

Вот у нас есть письмо, написанное на имя Н. С. Хрущева. Он сказал: будет у тебя Василий — прочитай ему».

К. Е. Ворошилов читает письмо полковника запаса Тимофеева на имя Н. С. Хрущева о поведении В. И. Сталина в кисловодском санатории Министерства обороны.

Во время чтения, там, где в письме говорится, что В. И. Сталин пьянствует и устраивает у себя в люксе

оргии, В. И. Сталин говорит:

— Тимофеев сволочь. Подлец он. Такие люди и хорошее могут изобразить плохим.

— Я не согласен, что Тимофеев сволочь, — возразил Ворошилов. — Он член партии с 1914 года. Ему жаль тебя, и он хочет помочь. Понятно, тебе это не нравится, а он говорит то, что было. Ты продолжаешь пить. От тебя и сейчас пахнет водкой. Я в своей жизни посмотрелся на алкоголиков и знаю, что это такое. Если ты подвержен этому пороку, ты лишен объективности. Поэтому ты должен понять, что Тимофееву жаль тебя.

— Он писатель, книги пишет, — оправдывался Сталин.

Дальнейший ход беседы тщательно фиксировался помощниками Ворошилова, которые, как видно из стенограммы, не обходили острых углов:

«К. Е. Ворошилов. Значит, он тебя лучше видит, чем другие.

В. И. Сталин. Он дал мне свою рукопись на рецензию, я прочитал и сказал, что книга дерьмо.

К. Е. Ворошилов. Ты и обозлен на него. Но дело не в этом, надо вести себя как полагается.

В. И. Сталин. Я прошу, дайте мне работу.

К. Е. Ворошилов. Работу дадут. Не в этом дело. Ты должен перестроить свою жизнь. Надо взять себя в руки и категорически прекратить пить. И это только от тебя зависит. Работу тебе дадут, но ты должен подготовить себя к этой работе, какая бы она ни была. Если ты этого не сделаешь, то тебя может постигнуть прежняя участь. У нас государство, а не лавочка, и нельзя терпеть, когда вокруг тебя околачивается всякая сволочь. Об этом к нам, кроме письма Тимофеева, поступают и другие сообщения.

В. И. Сталин. Прошу зачитать».

Ворошилов зачитывает донесение заместителя начальника Главного военно-медицинского управления

по политической части генерала Лайок. Во время чтения В. И. Сталин возмущенно пожимает плечами.

«К. Е. Ворошилов. Напрасно ты возмущаешься. Люди не могут молчать, когда ты ведешь себя безобразно. Они отвечают за порядок в санатории, а значит, и за твое поведение и, если хочешь, за твою жизнь.

В. И. Сталин. Да, я выпивал, но до утра не пропадал, ездил в Минеральные Воды и вернулся в этот же день около полуночи. Я вас понимаю, Климент Ефремович. Знаю ваше доброе ко мне отношение. После смерти отца считаю вас вторым своим отцом.

К. Е. Ворошилов. Но ты своего отца не слушался. Сколько раз он нам жаловался, когда ты еще учился в школе.

В. И. Сталин. Людям, которые пишут эти бумажки, делать, видимо, нечего. Пусть правду пишут, а здесь сплошная ложь.

К. Е. Ворошилов. А что здесь неправда? Ты не отмахивайся. Пишут правду. В тюрьму ты был посажен не так просто, а по делам. Теперь выпущен — надо ценить это. Вести себя как следует.

Вот твоя сестра Светлана живет, как полагается и на нее никаких сигналов нет. Она любит тебя. А ты ведешь себя неправильно. Если наберешься сил, энергии, то можешь исправиться.

В. И. Сталин. Спасибо, Климент Ефремович.

К. Е. Ворошилов. Ты не согласен, вижу?

В. И. Сталин. Нет, почему же? Но такие слова, конечно, не радуют.

К. Е. Ворошилов. Дочь Надя, находившаяся с тобой в санатории, — от какой жены?

В. И. Сталин. От Галины — первой жены.

К. Е. Ворошилов. Как же тебе не стыдно в присутствии 16-летней дочери устраивать пьянки?

Ты можешь махать руками и возмущаться, но, прочитав эти письма, мы все, члены Президиума, им поверили.

В. И. Сталин. Это и плохо.

К. Е. Ворошилов. Ты вышел из тюрьмы. Теперь ты на свободе, тебе помогают найти свое место в нашем обществе. Ты должен оценить это по достоинству.

Повторяю, ты необъективен к своим поступкам. Ты должен об этом хорошо подумать.

Имей в виду, в компании с тобой могут быть и провокаторы, и люди, подсланные нашими врагами.

Сестра твоя ведет себя правильно, хорошо, к ней никто не придерется. Она считает тебя неплохим человеком. Она прямо говорит — во всем виновата проклятая водка.

Повторяю, ты неправильно себя ведешь, за тебя душа болит. Наберись сил и возьми себя в руки.

В. И. Сталин. Спасибо, Климент Ефремович.

К. Е. Ворошилов. Ты должен твердо заверить, что больше такие безобразия не повторятся. Ты даешь мне слово?

В. И. Сталин. Что говорить. Надо делать. Я докажу делом.

К. Е. Ворошилов. Прежде чем начать работать, надо покончить со всем тем, что тебе мешает жить и работать. Если ты не согласишься нас, что будешь вести себя хорошо, то работы не дадим.

В. И. Сталин. Хочу просить вас помочь мне встретиться с Никитой Сергеевичем.

К. Е. Ворошилов. Я обещаю помочь, но Никита Сергеевич сейчас в отъезде.

В. И. Сталин. Куда он уехал?

К. Е. Ворошилов. На юг.

В. И. Сталин. Я бы мог поехать к нему?

К. Е. Ворошилов. Не следует этого делать. Он недели через три вернется.

В. И. Сталин. Сегодня я был у Малиновского, просил у него работу, но он сказал, что без Никиты Сергеевича решить этого вопроса не может.

Вы разрешите мне, Климент Ефремович, к вам изредка приезжать?

К. Е. Ворошилов. Не возражаю, если будешь приезжать трезвый.

В. И. Сталин. Если приеду трезвый — пустите, пьяный — выгоните. Я сейчас одинок, не с кем посоветоваться.

К. Е. Ворошилов. Какую ты хочешь работу?

В. И. Сталин. Любую. Тяжело сидеть без дела. Выпрашивать неудобно, какую дадут.

К. Е. Ворошилов. Если министр обороны не может, придется подождать. Еще раз говорю тебе — немедленно брось водку.

В. И. Сталин. Не такой уж я отпетый пьяница, больше создали славу. Пойду работать, и все встанет на свое место, исправлюсь.

К. Е. Ворошилов. И надо, у тебя есть сила воли, исправляйся. А из твоих слов выходит, пока не работаешь, можно выпивать. Возьми себя в руки.

В. И. Сталин. Будет сделано, Климент Ефремович.

К. Е. Ворошилов. Как живет сестра? Ты с ней встречаешься?

В. И. Сталин. Не знаю, я у нее не бываю.

К. Е. Ворошилов. Почему? Она любит тебя.

В. И. Сталин (с раздражением). Дочь, которая отказалась от отца, мне не сестра. Я никогда не отказывался и не откажусь от отца. Ничего общего у меня с ней не будет.

К. Е. Ворошилов. Это неправильно. Она не отказывается от всего хорошего, что сделал отец. Но в последние годы у твоего отца были большие странности, его окружали сволочи, вроде Берия. Было же так, когда он спрашивал меня, как мои дела с

англичанами, называл же он меня английским шпионом. Тысячи других невинных людей были расстреляны.

В. И. Сталин. Какая низость!

К. Е. Ворошилов. Это все мерзости Берия, ему поддакивали Маленков и Каганович. Я лишь потому уцелел, что он знал меня по фронту со времени гражданской войны. Мы жили в Царицыне рядом — он с твоей матерью, тогда невестой, я с Екатериной Давыдовной и Петей. Он знал меня по делам. Когда на меня наговаривали мерзость, он гнал ее от себя, зная, что я не способен на это. Но меня могли и убить, как убили многих. Эта сволочь, окружавшая Сталина, определяла многое.

Никто не отказывается от хорошего, что сделал твой отец. Но было много и нехорошего. У меня при И. В. Сталине не раз дело доходило с Берия и Молотовым чуть ли не до драки.

И ты не прав, когда говоришь, что Светлана отказывается от отца. Он любил ее. Но ты не можешь сказать, что ее отец был во всем прав. Не будем об этом говорить. Светлана очень хороший человек.

В. И. Сталин. Дай ей бог здоровья, желаю ей добра.

К. Е. Ворошилов. Мы строим коммунистическое общество, авторитет которого и внутри страны, и за рубежом исключительно велик. И каждый советский человек должен беречь этот авторитет. Ты не просто гражданин, ты сын великого человека вчерашнего дня, да, повторяю, вчерашнего дня. Ты должен быть человеком, который активно работает, идет в ногу со всей страной в нашем обществе. Мы должны бороться за наши идеалы, за нашу страну. А кто вертит хвостом, тот не гражданин.

В. И. Сталин. А какое ко мне имеет отношение «вертеть хвостом»?

К. Е. Ворошилов. Ты не вертишь, но почему к тебе лезут подозрительные люди, где гарантия, что они не

подосланы врагами, зачем они тебе?

В. И. Сталин. Ко мне, действительно, много народа ходит. Вы правы, по лбу не узнаешь, кто хороший, а кто плохой.

К. Е. Ворошилов. В том-то и дело. Почему эти люди тебе сочувствуют, тебе поддакивают?

В. И. Сталин. Приходит много народа, во всех не разберешься.

К. Е. Ворошилов. Среди них есть сволочь, и болтуны и, возможно, связанные с заграничными учреждениями. Твое имя враги могут использовать за рубежом в ущерб интересам нашей страны.

В. И. Сталин. Я все это понимаю. Но я тут не виноват.

К. Е. Ворошилов. Гони прочь всех шептунов и включайся в общее дело советского народа.

В. И. Сталин. Хочу помогать, работать вместе со всеми. Других помыслов у меня нет.

К. Е. Ворошилов. Я доложу о нашем разговоре ЦК и Никите Сергеевичу.

В. И. Сталин. А этот Тимофеев, письмо которого вы мне прочитали, ругал Никиту Сергеевича и Аджубея. Я его за это изматерил и на проекте его книги, которую он дал мне на отзыв, я написал, что это такое дерьмо, которое выпускать нельзя.

К. Е. Ворошилов. Ты с ним разговаривал?

В. И. Сталин. Раз пять разговаривал. Он пишет книгу очерков о штурмовиках. Во время одного из разговоров он ругал Аджубея за то, что тот, будучи редактором «Комсомольской правды», а затем «Известий», не напечатал два его очерка. Он говорит: не имей сто друзей, а имей Аджубея. Тимофеев, видимо, считает, что я к Никите Сергеевичу должен плохо относиться, а я, кроме благодарности, к нему ничего не имею. Я был у Никиты Сергеевича, он хорошо меня принял, много сделал для меня, я благодарен ему. И

когда кое-кто о нем говорит глупости, я им даю резкий отпор.

К. Е. Ворошилов. То, что ты говоришь сейчас, подтверждает мои слова. Прекрати встречи с подобными людьми. Ты сболтнешь что-нибудь в пьяном виде, они перевернут, добавят, преувеличат, и для тебя это может кончиться большими неприятностями.

В. И. Сталин. Полностью согласен с вашими словами, Климент Ефремович. Я убежден, что вы меня любите и желаете только добра.

К. Е. Ворошилов. Люблю и хочу, чтобы ты жил другой, хорошей жизнью. Помиришься с сестрой.

В. И. Сталин. Я постарше ее, и первым к ней не пойду. Придет — приму хорошо.

К. Е. Ворошилов. Ты давно с ней не встречался?

В. И. Сталин. За семь лет она ко мне ни разу не приехала. Я это ей не прощу.

К. Е. Ворошилов. Светлана много раз говорила тебе, чтобы не пил.

В. И. Сталин. Никогда она мне этого не говорила. Она странная, у нее тяжелый характер, но я ее всегда поддерживал. Случись с ней, что случилось со мной, я бы все пороги обил. Не могла приехать, когда я сидел во Владимире, хотя бы на 15 минут, дети приезжали.

К. Е. Ворошилов. Вижу, многого ты не понимаешь. Попал ты в свое время в канаву и, если не возьмешь себя в руки, опять соскользнешь с правильной дороги, на которую тебя вывели.

В. И. Сталин. Я буду отвечать не словами, а делами.

К. Е. Ворошилов. Не пей с сегодняшнего дня. Дай слово.

В. И. Сталин. Я врать не умею. Возьмите надо мной шефство, а я вас не подведу.

К. Е. Ворошилов. Вернется Никита Сергеевич, поговорим с ним, попрошу его принять тебя.

В. И. Сталин. Пока нет Никиты Сергеевича, может быть, уехать куда-нибудь отдохнуть? Он дал мне путевки на четыре месяца, а я использовал только один месяц.

К. Е. Ворошилов. Я не уполномочен руководить тобой.

В. И. Сталин. Я вам бесконечно благодарен, дорогой Климент Ефремович, за эту беседу. Мое единственное желание как можно скорее получить работу».

Возвращение в камеру

Седьмого апреля 1961 года Генеральный прокурор СССР Руденко и председатель Комитета госбезопасности Шелепин направили в ЦК КПСС под грифом «Совершенно секретно» записку следующего содержания:

«28 апреля 1961 года подлежит освобождению из тюрьмы в связи с отбытием срока наказания Сталин В. И.

За период пребывания в местах заключения В. И. Сталин не исправился, ведет себя вызывающе, злобно, требует для себя особых привилегий, которыми он пользовался при жизни отца.

На предложение, сделанное ему о том, чтобы после освобождения из тюрьмы выехать на постоянное жительство в гг. Казань или Куйбышев, Сталин В. И. заявил, что добровольно из Москвы он никуда не поедет.

На предложение о смене фамилии, он также категорически отказался и заявил, что если ему не будут созданы соответствующие условия (дача, квартира, пенсия и т. д.), то он «молчать не будет, а станет всем говорить о том, что осудили его в свое время необоснованно и что в отношении его чинится произвол». В неоднократных беседах с ним он постоянно подчеркивал, что по выходе из тюрьмы будет добиваться приема у товарища Н. С. Хрущева и у других членов Президиума ЦК КПСС, а также писать письма и заявления в различные инстанции. При этом он высказал мысль о том, что, возможно, снова обратится в китайское посольство с просьбой отправить его в Китай, где он будет лечиться и работать.

Прокуратура СССР и Комитет госбезопасности убеждены, что Сталин В. И., выйдя на свободу, будет снова вести себя по-прежнему неправильно.

В связи с этим считаем целесообразным Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, в порядке исключения из действующего законодательства, направить В. И. Сталина после отбытия наказания в ссылку сроком на 5 лет в г. Казань (в этот город запрещен въезд иностранцам). В случае самовольного выезда из указанного места, согласно закону, он может быть привлечен к уголовной ответственности. В гор. Казани предоставить ему отдельную однокомнатную квартиру.

По заключению врачей состояние здоровья В. И. Сталина плохое, и он нуждается в длительном лечении и пенсионном обеспечении. Как прослужившему в армии более 25 лет в льготном исчислении В. И. Сталину была назначена пенсия в размере 300 рублей (новыми деньгами). Однако, учитывая, что он своими действиями дискредитировал высокое звание советского генерала, предлагается установить для него по линии Министерства обороны СССР пенсию в размере 150 рублей в месяц.

По улучшении состояния здоровья его можно было бы трудоустроить на одном из авиационных заводов гор. Казани.

Считаем также целесообразным при выдаче В. И. Сталину паспорта указать другую фамилию. Перед освобождением из заключения тт. Руденко и Шелепину провести с ним соответствующую беседу».

Финал

«19 марта 1962 г.

Совершенно секретно

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР докладывает, что 19 марта 1962 года в 13 часов в г. Казани скончался ДЖУГАШВИЛИ (СТАЛИН) Василий Иосифович.

По предварительным данным, причиной смерти явилось злоупотребление алкоголем. ДЖУГАШВИЛИ В. И., несмотря на неоднократные предупреждения врачей, систематически пьянствовал.

Считаем целесообразным похоронить ДЖУГАШВИЛИ В. И. в г. Казани без воинских почестей. О смерти ДЖУГАШВИЛИ В. И. сообщить его ближайшим родственникам.

Просим согласия.

Председатель

Комитета госбезопасности В. СЕМИЧАСТНЫЙ»

Как умер кремлевский принц? После попойки, не приходя сутки в сознание. Вскрытие обнаружило полнейшее разрушение организма алкоголем.

Приехавшие на похороны родственники из Москвы и других городов с удивлением смотрели на молодую женщину, уверенно распорядившуюся на печальном мероприятии. Это была медсестра Маша, незадолго до кончины Василия Сталина зарегистрировавшая с ним брак. Маша не хотела подпускать к гробу Василия детей от его трех браков.

На надгробном памятнике генералу В. И. Сталину в Казани надпись «Единственному от М. Джугашвили» сделана его последней женой медсестрой Машей.

Так закончил я в 1995 году казавшееся мне самостоятельным произведением житие генерала Василия Сталина, и ошибся. Не медсестра Маша поставила ему памятник. А казавшееся отдельным произведением житие кремлевского принца стало первой главой большой книги, полной таинственных историй, связанных между собой не только одним историческим периодом, но и взаимообусловленностью событий.

Глава 2. «ЗАГУБИЛИ ОТЦА, СВОЛОЧИ...»

Страшное обвинение

По свидетельству Светланы Аллилуевой, ее брата Василия тоже вызвали второго марта на Ближнюю дачу. Он тоже сидел несколько часов в том большом зале, полном народа, но был, как обычно в последнее время, пьян и скоро ушел. В служебном доме он еще пил, шумел, разносил врачей, кричал, что «отца убили», «убивают», пока не уехал наконец к себе.

Он был слушателем академии Генштаба, куда его заставил поступить отец, возмущавшийся его невежеством. Но он не учился. Он уже не мог, это был совсем больной человек — алкоголик.

Он сидел на даче и пил. Ему не надо было много пить. Выпив глоток водки, он валился на диван и засыпал. В таком состоянии он находился все время. Смерть отца потрясла его. Он был в ужасе. Он был уверен, что отца «отравили», «убили», он видел, что рухнет мир, без которого ему существовать будет невозможно.

В дни похорон он был в ужасном состоянии и вел себя соответственно: на всех бросался с упреками, обвинял правительство, врачей, всех, кого возможно, что не так лечили, не так хоронили... Он утратил представление о реальном мире, о своем месте, он ощущал себя наследным принцем.

От изложенной Светланой Аллилуевой трактовки поведения Василия в первые часы, когда он узнал о болезни отца, мало чем отличается картина, нарисованная известным историком Дмитрием Волкогоновым: «Несколько раз в зале появлялся сын Сталина Василий, выкрикивавший пьяным голосом одну и ту же фразу:

— Сволочи, загубили отца.

Хрущев подходит, обнимает нетрезвого генерала за плечи, уводит в соседнюю комнату. Постепенно однообразные выкрики замолкают».

Что же произошло на Ближней даче 28 февраля 1953 года? Это одна из нераскрытых до сих пор тайн XX века. Попробуем приподнять над ней завесу секретности.

Приглашение на Ближнюю дачу. Ужин. Разъезд

Для Н. С. Хрущева день 28 февраля 1953 года начинался так.

— В феврале 1953 года Сталин внезапно заболел. Как это случилось? Мы все были у него в субботу. А происходило это после XIX съезда партии, когда Сталин уже «подвесил» судьбу Микояна и Молотова. На первом же пленуме после съезда он предложил создать вместо Политбюро Президиум ЦК партии в составе 25 человек и назвал поименно многих новых людей. Я и другие прежние члены Политбюро были удивлены, как и кем составлялся этот список? Ведь Сталин не знал этих людей, кто же ему помогал? Я и сейчас толком не знаю. Спрашивал Маленкова, он ответил, что сам не знает. По своему положению Маленков должен был принимать участие в формировании Президиума, подборе людей и составлении списка, но не был к тому допущен. Может быть, это сделал сам Сталин? Сейчас я по некоторым признакам предполагаю, что он при подборе новых кадров воспользовался помощью Кагановича. Внутри Президиума действовало более узкое Бюро. Президиум фактически и не собирался, все вопросы решало Бюро. Это Сталин выдумал такую, совершенно неуставную форму: никакое Бюро не было предусмотрено в Уставе партии.

Для чего Сталин создал Бюро Президиума? Ему было, видимо, неудобно сразу вышибать Молотова и Микояна, и он сделал расширенный Президиум, а потом выбрал Бюро узкого характера. Как он сказал, для оперативного руководства. И туда ни Молотова, ни Микояна не ввел, то есть «подвесил» их. Я убежден, что если бы Сталин прожил еще какое-то время, то

катастрофой кончилась бы жизнь и Молотова, и Микояна. Вообще же сразу после XIX съезда партии Сталин повел политику изоляции Молотова и Микояна, не приглашал их никуда — ни на дачу, ни на квартиру, ни в кино, куда мы прежде ходили вместе.

Но Ворошилов был избран в Бюро Президиума. Характерно для Сталина, что, как-то, когда мы сидели у него за затянувшейся трапезой, он вдруг говорит: «Как пролез Ворошилов в Бюро?» Мы не смотрим на него, опустили глаза. Во-первых, что за выражение «пролез»? Как это он может «пролезть»? Потом мы сказали: «Вы сами его назвали, и он был избран». Больше Сталин эту тему не развивал. Однако его заявление понятно, потому что Ворошилова еще до XIX съезда он не привлекал к работе как члена Политбюро. Никакого участия тот в заседаниях не принимал, документов не получал. Сталин же говорил нам в узком кругу, что подозревает Ворошилова как английского агента. Невероятные, конечно, глупости. А Молотова он как-то «заподозрил» в моем присутствии. Я находился на даче у Сталина, кажется, в Новом Афоне. И вдруг ему взбрело в голову, что Молотов является агентом американского империализма, продался американцам, потому что в 1945 году ездил через США по делам ООН в железнодорожном салон-вагоне. Значит, имеет свой вагон, продался! Мы разъясняли, что у Молотова никаких своих вагонов не могло быть, там все принадлежит частной железнодорожной компании. Вот какие затмения находили уже на Сталина в последние месяцы его жизни.

И вот как-то в субботу от него позвонили, чтобы мы пришли в Кремль. Он пригласил туда персонально меня, Маленкова, Берию и Булганина. Приехали. Он говорит: «Давайте посмотрим кино». Посмотрели. Потом говорит снова: «Поедемте покушаем на Ближней даче».

Однако рассказ Хрущева не подтверждается журналом регистрации посетителей кабинета Сталина. После 17 февраля 1953 года записи в журнале отсутствуют. Только недавно выяснилось, что 17 февраля Сталин отбыл на дачу в Кунцево и не выезжал оттуда до самой своей смерти. В его кремлевский кабинет посетители войдут только 2 марта, но уже без него. Об этом пишет и автор новейшего исследования о Сталине Э. Радзинский.

Что представляла собой Ближняя дача, на которой разыгралась одна из самых таинственных драм столетия? Здесь Сталин жил последние двадцать лет после смерти второй жены Надежды Аллилуевой.

По рассказу их дочери Светланы, дом недалеко от подмосковного Кунцева построил в 1934 году архитектор Мирон Иванович Мержанов. По его проектам для Сталина было возведено еще несколько дач на юге. Первоначально дом был сделан очень славно: современная, легкая одноэтажная дача, распластанная среди сада, леса, цветов. Наверху во всю крышу был огромный солярий — там маленькой Светлане очень нравилось гулять и бегать.

Дом много раз перестраивали — по желанию отца. Должно быть, он просто не находил покоя, потому что так случалось каждый раз: куда бы он ни приезжал отдыхать на юг, к следующему сезону дом весь перестраивали. То ему не хватало солнца, то нужна была тенистая терраса; если был один этаж, пристраивали второй, а если их было два, то один сносили...

Так и на Ближней. В пятьдесят третьем там было два этажа, причем во втором этаже никогда никто не жил. Сталин был один в доме. «Быть может, ему хотелось поселить там меня, брата, внуков? — задумывалась Светлана. — Не знаю, он никогда не говорил нам об этом». Второй этаж был пристроен в

1948 году. Позже, в 1949-м, там, в большом зале, был огромный прием в честь китайской делегации. Это был единственный раз, когда второй этаж был использован. Потом он пустовал.

Сталин жил всегда внизу и, по существу, в одной комнате. Она служила ему всем. На диване он спал (ему стелили там постель), на столике возле него стояли телефоны, необходимые для работы. Большой обеденный стол был завален бумагами, газетами, книгами. Здесь же, на краешке, ему накрывали поесть, если он был один. Тут же стоял буфет с посудой и с медикаментами в одном из отделений. Лекарства он выбирал себе сам, а единственным авторитетом в медицине был для него академик В. Н. Виноградов, который раз-два в год смотрел его. В комнате лежал большой мягкий ковер и был камин — единственные атрибуты роскоши и комфорта, которые Сталин признавал и любил. Все прочие комнаты, некогда спланированные Мержановым в качестве кабинета, спальни, столовой, были преобразованы по такому же плану, как и эта. Иногда Сталин перемещался в какую-либо из этих комнат и переносил туда привычную обстановку.

Почти каждый день (в последние годы, после войны) к нему съезжалось «обедать» все Политбюро. Обедали в большом зале, тут же принимали приезжавших гостей. «Я бывала там редко, — вспоминает Светлана Иосифовна, — и видела в этом зале только Иосипа Броз Тито в 1946 году, но в этом зале побывали, наверное, все руководители братских компартий: англичане, американцы, французы и итальянцы. В этом зале отец лежал в марте 1953 года, и один из диванов возле стены стал его смертным одром».

Когда-то Мержанов сделал в доме и детские комнаты. Позже их соединили в одну, безликую, как все

остальные, с диваном, столом, ковром на полу. Бывшая спальня сделалась просто проходной комнатой. Там стояли шкаф с одеждой, книжный шкаф, рояль, так как в большом зале он «мешал» Сталину. Когда появился этот рояль в доме и для чего, никто не знает. Вероятно, им никогда не пользовались.

Что было приятно в этом доме, так это его чудесные террасы со всех сторон и прекрасный сад. С весны до осени Сталин проводил дни на этих террасах. Одна была застеклена со всех сторон, две — открытые, с крышей и без крыши. Особенно он любил в последние годы маленькую западную терраску, где видны были последние лучи заходящего солнца. Она выходила в сад. Сюда же, в сад, прямо в цветущие вишни, выходила и застекленная веранда, пристроенная в последние годы.

Когда Светлана была у него здесь последний раз, за два месяца до болезни и смерти, она была неприятно поражена: на стенах комнат и зала были развешаны увеличенные фотографии детей, кажется, из журналов: мальчик на лыжах, девочка поит козленка из рожка молоком, дети под вишней... В большом зале появилась целая галерея рисунков (репродукций, не подлинников) художника Яр-Кравченко, изображавших советских писателей: Горький, Шолохов, еще кто-то. Тут же висела в рамке под стеклом репродукция репинского «Ответа запорожцев султану». Хозяин дачи обожал эту вещь и, по словам Светланы, очень любил повторять кому угодно непристойный текст этого самого ответа... Повыше на стене висел портрет Ленина, по мнению дочери, тоже не из самых удачных. Все это было для нее абсолютно непривычно и странно: отец вообще никогда не любил картин и фотографий. Только в их кремлевской квартире, после смерти его жены, висели ее огромные фотографии в столовой и в кабинете. Но так как он не жил в квартире, то и это тоже не

выражало, по существу, ничего... Вообще формула «Сталин в Кремле» выдумана неизвестно кем, и означает она только то, что его кабинет, его работа находились в Кремле, в здании Президиума ЦК и Совета Министров.

Из «надиктовок» Н. С. Хрущева.

— Поехали, поужинали. Ужин затянулся. Сталин называл такой вечерний, очень поздний ужин обедом. Мы кончили его, наверное, в пять или шесть утра. Обычное время, когда кончались его «обеда». Сталин был навеселе, в очень хорошем расположении духа. Ничто не свидетельствовало, что может случиться какая-то неожиданность. Распрощались мы и разъехались.

Когда выходили в вестибюль, Сталин, как обычно, пошел проводить нас. Он много шутил, замахнулся, вроде бы пальцем, и ткнул меня в живот, назвав Микитой. Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня по-украински Микитой. Мы тоже уехали в хорошем настроении, потому что ничего плохого за обедом не случилось, а не всегда обеда кончались в таком добром тоне. Разъехались по домам. Я ожидал, что, поскольку завтра выходной день, Сталин обязательно нас вызовет, поэтому целый день не обедал, думал, может быть, он позовет пораньше? Потом все же поел. Нет и нет звонка! Я не верил, что выходной день может быть пожертвован им в нашу пользу, такого почти не происходило. Но нет! Уже было поздно, я разделся, лег в постель.

В интерпретации допущенного властями постсоветской России к архивам Политбюро историка Дмитрия Волкогонова эта сцена подается так.

Версия Д. Волкогонова. Ближайшие люди из сталинского окружения разъехались со сталинской дачи в четыре часа утра. Был, по обычаю, ночной ужин. Пили, говорили и опять пили. Сталин теперь пил мало:

только немного грузинского вина. Однако Хрущев утверждает, что «Сталин был довольно пьян...» Сталин вначале был в приподнятом настроении, затем пришел в раздражение. Выговорил почти каждому из собеседников, особенно Молотову и Берии. Он был недоволен всем: если бы не ГУЛАГ, то промышленность, лесное хозяйство, горное дело, дороги, электростанции — никто бы не выполнил планов... Чем занимаются члены Президиума? В руководстве кое-кто считает, жестко говорил Сталин, что можно жить старыми заслугами... Ошибаются. Да, ошибаются!

За столом, уставленным многочисленными блюдами, наступила гробовая тишина. Сталин никогда не бросал угроз на ветер. От них холодело под сердцем.

Не смогли сохранить в лагере Югославию, раздраженно продолжал вождь, упустили момент, а с ним и победу в Корее, в стране вновь появились явные признаки крупномасштабного вредительства... «Дело врачей» тому явное подтверждение. Почему должен обо всем заботиться только он?

Берия, Маленков, Булганин несколько раз пытались в паузах монолога успокоить вождя: «Примем меры...», «Ваши указания, товарищ Сталин, будут выполнены...», «Положение обязательно исправим...»

«Диктатор обвел присутствующих медленным тяжелым взглядом, — пишет Волкогонов в своих «Семи вождях», — с усилием поднялся, бросил салфетку на стол и, сухо кивнув всем, ушел к себе. Соратники тихо поднялись и тоже молча вышли. Везде, как обычно, стояла охрана, оберегая земного Бога. Разъезжались еще в темноте. Маленков, что бывало часто, сел в машину к Берии: они жили на дачах рядом».

Откуда Волкогонову известно, что обсуждали за трапезой гости и что именно говорил Сталин? Запись беседы не велась, следовательно, в архивах ее нет. Н. С. Хрущев, единственный из участников ужина, кто

оставил воспоминания, рассказывает об этом эпизоде совершенно по-иному. Кто лжесвидетельствует и почему?

Еще один голос из прошлого. Дмитрий Трофимович Шепилов (помните, человек с самой длинной фамилией «И примкнувший к ним Шепилов») рассказывал автору этой книги:

— Из кремлевских сфер я знал такую версию события. 1 марта у Сталина был обычный деловой день на Ближней даче. Известно было, что последние два десятка лет, после того, как в 1932 году его жена Надежда Аллилуева покончила с собой, Сталин никогда не ночевал в своей квартире в Кремле. Он постоянно жил и работал на Ближней даче, расположенной в стороне от Можайского шоссе, не доезжая Кунцева, у реки Сетунь.

Вечером 1 марта все шло как обычно. Было заседание в Кремле. Затем все приехали на Ближнюю ужинать. К столу по традиции подавались горячие жирные с острыми приправами и пряностями кавказские, русские, украинские блюда: харчо, чахохбили, борщ и жареная колбаса, икра, белая и красная рыба. Набор коньяков, водок, вин, лимонада. Как всегда, прислуги никакой не было. Каждый наливал и накладывал себе сам. Разъехались по домам далеко за полночь.

В далеком и теперь уже «заграничном» Ташкенте разговорился молчавший почти полвека бывший член Президиума и секретарь ЦК КПСС Н. А. Мухитдинов:

— Первого марта 1953 года я прилетел в Москву на заседание комиссии правительства, которое состоялось 2 марта. В тот же день вечером из ЦК позвонили в постпредство и передали, чтобы зашел к ним, а 3 марта нас — пять или шесть членов ЦК — пригласил Н. Н. Шаталин и сообщил, что в ночь на 2 марта у товарища Сталина произошло кровоизлияние в мозг и он

находится в тяжелом состоянии. Для лечения привлечены лучшие медицинские силы.

Тут же нас познакомили также с проектом правительственного сообщения о болезни товарища Сталина. Предполагалось, что 4 марта это сообщение от имени ЦК КПСС и Совета Министров будет опубликовано в печати и передано по радио, а бюллетень о состоянии здоровья Сталина и ходе лечения будет публиковаться ежедневно. Нас просили задержаться в Москве.

О некоторых деталях того, что произошло на Ближней даче, Н. А. Мухитдинов лично слышал от пришедших к власти после смерти Сталина новых руководителей.

Вот что заставляет его призадуматься. 28 февраля к Сталину приехали Берия, Маленков, Хрущев и Булганин. Сидели, пили, ели, смотрели кинофильм до четырех часов утра 1 марта. Отпустив их, Сталин сказал охране, чтобы его не будили, он, мол, хочет поспать, и выключил свет. Как известно, он жил один, никого из членов семьи с ним не было. Вставал он около 11-12 часов утра. А в тот день от него долго не было звонка. Охрана и прикрепленные начали беспокоиться. Вечерело, а он все еще не давал о себе знать, но никто не смел стучать, тем более заходить к нему. Наконец, чувствуя неладное, один из них звонит Маленкову и говорит о ситуации. Тот, выслушав и ничего не ответив, кладет трубку. Через полчаса звонит сам и говорит, что нигде не может найти Берию, поручает охране разыскать его и доложить о ситуации. Берию находят лишь поздно вечером и по телефону докладывают ему.

Берия тут же приказывает никому ничего не сообщать, никуда не звонить.

Такие вот подробности стали известны Мухитдинову от членов хрущевской команды, имена которых он не раскрывает. Это информация, как говорится, сверху, от

самых высокопоставленных деятелей, среди которых вращался узбекский выдвигенец. Но наверняка были свидетели и попроще, без всяких рангов: охранники, шоферы и прочая обслуга.

И точно, в 1977 году, на очередную годовщину смерти Сталина, бывший офицер его охраны А. Рыбин собрал оставшихся в живых коллег, несших службу на Ближней даче в мартовские дни 1953 года, и записал их рассказы.

Разногласий по поводу лиц, приезжавших на дачу к Сталину, у охранников не было. Все их прекрасно помнили: Берия, Хрущев, Маленков, Булганин. Они находились там до четырех часов утра. При Сталине в этот день дежурили старший сотрудник для поручений М. Старостин и его помощник В. Туков. У коменданта дачи Орлова был выходной, и дежурил его помощник П. Лозгачев. На даче находилась также кастелянша М. Бутусова.

Вот что рассказал Рыбину старший помощник для поручений при Сталине М. Старостин:

— С 19 часов нас стала тревожить тишина в комнатах Сталина. Мы с Туковым боялись без вызова входить в его покои, и доложили о странной тишине в покоях помощнику коменданта П. Лозгачеву. Тот и обнаружил Сталина лежащим на полу у стола.

При знакомстве с записями А. Рыбина обращает на себя внимание странная деталь: перед тем, как лечь спать, Сталин отдал невероятное распоряжение охране. О нем вспомнил В. Туков:

— После ухода гостей Сталин сказал обслуге и комендантам: «Я ложусь спать, вас вызывать не буду, можете и вы ложиться». Такого распоряжения Сталин никогда раньше не давал.

Свидетельство В. Тукова подтвердил бывший помощник коменданта Ближней дачи П. Лозгачев:

— «Я, — сказал Сталин, — ложусь спать, и вы ложитесь спать...» В прошлом не помню, чтобы Сталиным давалась такая команда: «Всем спать».

Ссылки на указание вождя об отходе ко сну не было только у Старостина. Почему?

Драматург Э. Радзинский, заинтересовавшись, решил встретиться с Лозгачевым. Он оказался маленьким, еще крепким, широкоплечим стариком с доброй улыбкой. В его квартирке в Крылатском на крохотной кухне Радзинский записал его показания.

— В ночь на 1 марта я был на даче — дежурил... Орлов, комендант дачи, только что пришел из отпуска и был выходной. При Сталине дежурили старший прикрепленный Старостин, его помощник Туков, я и Матрена Бутусова. В ту ночь на объекте должны были быть гости — так Хозяин называл членов Политбюро, которые к нему приезжали. Как обычно, когда гости к Хозяину приезжали, мы выработывали с ним меню. В ночь с 28 февраля на 1 марта у нас было меню: виноградный сок «Маджари»... Это — молодое виноградное вино, но Хозяин его соком называл за малую крепость. И вот в эту ночь Хозяин вызвал меня и говорит: «Дай нам сока бутылки по две...» Кто был в ту ночь? Обычные его гости: Берия, Маленков, Хрущев и бородатый Булганин. Через некоторое время опять вызывает: «Еще принеси сока». (А как же рассказы Хрущева о крепкой выпивке? — *Н. З.*). Ну принесли, подали. Все спокойно. Никаких замечаний. Потом наступило четыре утра... В пятом часу подаем машины гостям. А когда Хозяин гостей провожал, то прикрепленный тоже провожал — двери закрывал за ними. И прикрепленный Хрусталева Иван Васильевич закрывал двери и видел Хозяина, а тот сказал ему: «Ложитесь-ка вы спать. Мне ничего не надо. И я тоже ложусь. Вы мне сегодня не понадобится». И Хрусталева пришел и радостно говорит: «Ну, ребята, никогда

такого распоряжения не было...» *И передал нам слова Хозяина...* — Здесь Лозгачев прибавил: — И, правда, за все время, что я работал, это был единственный раз, когда Хозяин сказал: «Ложитесь спать...» Обычно спросит: «Спать хочешь?» — и просверлит тебя глазами с ног до головы. Ну, какой тут сон!.. Мы были, конечно, очень довольны, получив такое указание, и смело легли спать.

— Подождите, но при чем тут Хрусталева? — остановил драматург рассказчика. — Ведь вы не говорили, что *Хрусталева тоже был на даче.*

— Прикрепленный Хрусталева был на даче только до десяти утра, потом он уехал отдыхать. Его сменил Старостин Михаил Гаврилович, — ответил Лозгачев.

Так вот почему в рассказе Старостина, записанном Рыбиным, не упоминается о странном приказе Хозяина — он его попросту не слышал!

Слово — драматургу Эдварду Радзинскому:

— В ту ночь на Ближней даче пили легкое вино. Никаких крепких напитков, которые могли спровоцировать приступ, не было. Хозяин, по словам Лозгачева, «был добрый», а «когда он чувствовал себя неважно, у него настроение менялось — лучше не подходи».

Но главное — удивительная фраза: «Ложитесь-ка вы все спать», — которую Лозгачев от Хозяина «слышит впервые». *Точнее, не от Хозяина — от прикрепленного Хрусталева. Это он передает приказ Хозяина, а утром уезжает с дачи.* Приказ, который так удивил и Лозгачева, и другого охранника, Тукова. Они-то знают, как беспощадно Хозяин следит за порядком. Эта фраза нарушала священный порядок: разрешала им всем спать, то есть *не охранять* его комнаты и не следить друг за другом.

Что и произошло.

После отъезда гостей

Версия Д. Волкогонова. Весь следующий день Сталин никого не беспокоил: не вызывал, не звонил, не требовал почту, даже не обедал. Сначала это не вызывало особого беспокойства: Сталин часто ложился глубокой ночью и отдыхал до 11-12 часов дня. Но после полудня у обслуги появилась большая тревога. Однако без вызова никто не смел входить к вождю: так повелевала инструкция Берии. Но вот к вечеру в кабинете у вождя зажегся свет, затем в столовой. Охрана вздохнула с облегчением, правда, опять никакого звонка...

Что происходило в это время в апартаментах Сталина? Ведь смертельный удар с ним произошел где-то в районе 20-21 часа еще 1 марта, когда, плохо себя почувствовав, вождь прошел в столовую выпить минеральной воды. Никто и никогда не ответит на эти вопросы. Мир человека — огромный, необъятный, загадочный космос. Уходит человек, исчезает навсегда и этот неповторимый, уникальный мир... Но о его мире, ушедшем навсегда, мы знаем больше, чем о других. Он материализовался в гигантских стройках, подневольном сословии крестьян, в атомной бомбе, гигантском ГУЛАГе, могучей крепости-государстве, полутора десятках его ясно-примитивных томов сочинений, десятках тысяч памятников. Но и это окажется не вечным...

О чем думал Сталин накануне рокового удара? Кто знает? Может быть, его обуревали мысли о своем одиночестве? Бренности этого мира? Достигнув фантастической власти, покорив сотни миллионов людей, став обладателем невиданной мощи, он оказался абсолютно одиноким на своей холодной

вершине. Вокруг суетится множество лакействующих людей, но ему не с кем спорить, некому что-то доказывать, не перед кем оправдываться... Леденящая пустота... С ним только его мысли, все чаще зовущие в прошлое...

В тот последний долгий вечер со своими соратниками он почему-то заговорил о Коминтерне. Сколько выбросили золота, ценностей на создание компартий, а мировой пожар революции зажечь не удалось. Хотели вызвать революцию не только в Европе, но и в Азии: в Персии, Индии, Китае. Вспомнил, как на заседании Политбюро 27 июля 1922 года решили, что даже Япония переживает предреволюционный период. Решили усилить агитационную работу в Азии путем создания радиостанции около Владивостока. Почему-то вспомнилось еще одно заседание Политбюро 3 мая 1923 года, когда уже Ленин безнадежно болел. Выработали инструкцию Иоффе на переговорах с Японией: не возражать против продажи Сахалина за миллиард долларов. Девять десятых наличными. Но, как оказалось, сделка не состоялась. Сталин мог вспомнить, что вопрос о Северном Сахалине вновь поднял японский министр иностранных дел Мацуока 12 апреля 1941 года.

(«Мог вспомнить...» Вот цена всей достоверности версии Волкогонова, допущенного в архивы Политбюро!)

Во время их двухчасовой беседы, когда, как явствует из сталинского архива, оба остались довольны друг другом, Мацуока вдруг предложил продать северную часть Сахалина. Сталин немедленно среагировал:

— Ведь вы нас тогда «закупорите и задушите»... Зачем вам нужен холодный Сахалин?

— Для спокойствия, — ответил Мацуока.

И все же эта версия, как она ни правдоподобна, не документирована. Трудно сказать, о чем думал Сталин в последние часы. Наверное, ближе всех к истине Д. Шепилов, сказавший: «Последующий ход событий никто толком не знает».

— Утром Сталина нашли в бессознательном состоянии, лежащим на полу у дивана в библиотеке, то есть в той самой первой комнатке при входе направо, где он больше всего любил работать. По-видимому, после разъезда членов Президиума Сталин удалился в библиотеку. Здесь ночью у него произошло кровоизлияние в мозг. Сталин потерял сознание и упал на пол у дивана. Так он пролежал до утра без сознания и без медицинской помощи. Да она и не могла быть оказана. В комнату, где он находился, запрещено было входить кому бы то ни было из охраны или прислуги.

Слово бывшему помощнику коменданта Ближней дачи П. Лозгачеву:

— На следующий день было воскресенье. В десять часов мы, как обычно, уже все были на кухне, начинали дела на сегодняшний день планировать.

Э. Радзинский:

— Да, в результате приказа Лозгачев добросовестно спит. И естественно, не знает, что делали ночью его товарищи, к примеру, тот же Хрусталив, передавший этот невероятный для Хозяина приказ и утром уехавший домой.

П. Лозгачев:

— В 10 часов в его комнатах нет движения (так у нас говорилось, когда он спал). Но вот пробило 11 — нет и в 12 — тоже нет. Это уже было странно: обычно вставал он в 11-12, иногда даже в 10 часов он уже не спит.

Но уже час дня — и нет движения. И в два — нет движения в комнатах. Ну, начинаем волноваться. В три, в четыре часа — нет движения. Телефоны, может, и

звонили к нему, но когда он спит, обычно их переключают на другие комнаты. Мы сидим со Старостиным, и Старостин говорит: «Что-то недоброе, что делать будем?» Действительно, что делать, идти к нему? Но он строго-настрого приказал: если нет движения, в его комнаты не входить. Иначе строго накажет. И вот сидим мы в своем служебном доме, дом соединен коридором метров в 25 с его комнатами, туда ведет дверь отдельная, уже шесть часов, а мы не знаем, что делать. Вдруг звонит часовой с улицы: «Вижу, зажегся свет в малой столовой». Ну, думаем, слава Богу, все в порядке. Мы уже все на своих местах, все начеку, бегаем, и... опять ничего! В восемь — ничего нет. Мы не знаем, что делать, в девять — нету движения, в десять — нету. Я говорю Старостину: «Иди ты, ты начальник охраны, ты должен забеспокоиться». Он: «Я боюсь». Я: «Ты боишься, а я герой, что ли, идти к нему?» В это время почту привозят — пакет из ЦК. А почту передаем ему обычно мы. Точнее, я, почта моя обязанность. Ну что ж, говорю, я пойду, в случае чего, вы уж меня, ребята, не забывайте. Да, надо мне идти. Обычно входим мы к нему совсем не крадучись, иногда даже дверь специально громко хлопнешь, чтобы он слышал, что ты идешь. Он очень болезненно реагировал, когда тихо к нему входили. Нужно, чтобы ты шел крепким шагом и не смущался, и перед ним чтоб не тянулся. А то он тебе скажет: «Что ты передо мной бравым солдатом Швейком вытягиваешься?» Ну, я открыл дверь, иду громко по коридору, а комната, где мы документы кладем, она как раз перед малой столовой, ну я вошел в эту комнату и гляжу в раскрытую дверь в малую столовую, а там на полу Хозяин лежит и руку правую поднял... вот так. — Здесь Лозгачев приподнял полусогнутую руку. — Все во мне оцепенело. Руки, ноги отказались подчиняться. Он еще, наверное, не потерял сознание, но и говорить не мог.

Слух у него был хороший, он, видно, услышал мои шаги и еле поднятой рукой звал меня на помощь. Я подбежал и спросил: «Товарищ Сталин, что с вами?» Он, правда, обмочился за это время и левой рукой что-то поправить хочет, а я ему: «Может, врача вызвать?» А он в ответ так невнятно: «Дз... дз...» — дзыкнул и все. На полу лежали карманные часы и газета «Правда». На часах, когда я их поднял, полседьмого было, в половине седьмого с ним это случилось. На столе, я помню, стояла бутылка минеральной воды «Нарзан», он, видно, к ней шел, когда свет у него зажегся. Пока я у него спрашивал, ну, наверное, минуту-две-три, вдруг он тихо захрапел... слышу такой легкий храп, будто спит человек. По домофону поднял трубку, дрожу, пот прошибает, звоню Старостину: «Быстро ко мне, в дом». Пришел Старостин, тоже оторопел. Хозяин-то без сознания. Я говорю: «Давай его положим на диванчик, на полу-то неудобно». За Старостиным Туков и Мотя Бутусова пришли. Общими усилиями положили его на диванчик, на полу-то неудобно. Я Старостину говорю: «Иди звонить всем без исключения». Он пошел звонить. А я не отходил от Хозяина, он лежал неподвижно и только храпел. Старостин стал звонить в КГБ Игнатьеву, но тот испугался и переадресовал его к Берии и Маленкову. Пока он звонил, мы посоветовались и решили перенести его в большую столовую на большой диван... Мы перенесли потому, что там воздуха было больше. Мы все вместе это сделали, положили его на тахту, укрыли пледом, видно было, что он очень слаб, пролежал без помощи с семи вечера. Бутусова отвернула ему завернутые рукава сорочки — ему, наверное, было холодно. В это время Старостин дозвонился до Маленкова. Спустя примерно полчаса Маленков позвонил нам и сказал: «Берию я не нашел». Прошло еще полчаса, звонит Берия: «О болезни товарища Сталина никому не говорите».

Первая поездка на Ближнюю дачу

День 1 марта для Н. С. Хрущева начался так.

— Вдруг звонит мне Маленков: «Сейчас позвонили от Сталина ребята (он назвал фамилии), чекисты, и они тревожно сообщили, что будто бы что-то произошло со Сталиным. Надо будет срочно выехать туда. Я звоню тебе и известил Берию и Булганина. Отправляйся прямо туда». Я сейчас же вызвал машину. Она была у меня на даче. Быстро оделся, приехал, все это заняло минут пятнадцать. Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным. Зашли туда, спросили: «В чем дело?» Они: «Обычно товарищ Сталин в такое время, часов в одиннадцать вечера, обязательно звонит, вызывает и просит чаю. Иной раз он и кушает. Сейчас этого не было». Послали мы на разведку Матрену Петровну, подавальщицу, немолодую женщину, много лет проработавшую у Сталина, ограниченную, но честную и преданную ему женщину.

Чекисты сказали нам, что они уже послали ее посмотреть, что там такое. Она сказала, что товарищ Сталин лежит на полу, спит, а под ним подмочено. Чекисты подняли его, положили на кушетку в малой столовой. Там были малая столовая и большая. Сталин лежал на полу в большой столовой. Следовательно, поднялся с постели, вышел в столовую, там упал и подмочился. Когда нам сказали, что произошел такой случай и теперь он как будто спит, мы посчитали, что неудобно нам появляться у него и фиксировать свое присутствие, раз он находится в столь неблагоприятном положении. Мы разъехались по домам.

Много лет спустя, уже после распада Советского Союза, Сергей Никитич, сын Никиты Сергеевича Хрущева, делаясь о первых впечатлениях после переезда

в Москву из Киева, рассказывал о ритуале приглашения отца на обеды к Сталину:

— Еще одной новостью, вошедшей в нашу жизнь, стали звонки от Самого. На самом деле лично Сталин не звонил никогда. Звонили из секретариата. Но одна возможность подобного звонка заставляла, услышав требовательный дребезг «вертушки», вскакивать в нервном напряжении.

Особенно неприятно отец себя чувствовал в выходные. Вставала дилемма: садиться за семейный обед или нет. Ведь, пообедав дома, там, если вызовут, будет не по себе. О сталинских обедах говорено много, и я воздержусь от повторений. Иногда звонок раздавался, и отец поспешно уезжал. Порой Бог миловал.

Последний раз отец ждал звонка в начале марта 1953 года, в воскресенье, 1 числа. Накануне, вернее, в то утро, он вернулся домой на дачу часов в семь. Отец не сомневался, Сталин не выдержит одиночества выходного дня, затребует их к себе. Обедать отец не стал, пошел пройтись, наказав: если позвонят оттуда, его немедленно позвать. Такое распоряжение он сделал для проформы, все прекрасно знали, что надо делать в этом случае. Звонка отец так и не дождался. Стало смеркаться. Он перекусил в одиночестве и засел за бумаги. Уже совсем вечером позвонил Маленков, сказал, что со Сталиным что-то случилось. Не мешкая, отец уехал.

Мы, конечно, не знали, кто звонил, что сказал. Да и не интересовало это никого. Каждый занимался своими делами.

Некоторое удивление вызвало скорое возвращение отца, он отсутствовал часа полтора-два. Однако вопросов никто не задавал, он молча поднялся в спальню и вновь углубился в свои бумаги.

Версия Д. Волкогонова. Сталин ушел с ужина и весь следующий день не появлялся. Тревога росла. Вождь не выходил из своих покоев. Обнаружила его лежащим на полу охрана, самовольно войдя вместе со служанкой Матреной Петровной в помещение около 11 часов вечера 1 марта. Перенесли на диван. Сталин был без сознания и хрипел. Но приехавший Берия, которого с трудом разыскали, шипел на прислугу:

— Не видите, товарищ Сталин крепко спит! Марш все отсюда и не нарушайте сон Иосифа Виссарионовича...

Н. А. Мухитдинову это запомнилось так:

— Через несколько часов, уже поздно ночью, Берия приезжает вместе с Маленковым. (В рассказе Мухитдинова третий приехавший, Хрущев, отсутствует. — *Н. З.*) Открыв дверь, заходят в малую столовую и видят Сталина полулежащим, опершимся рукой о кресло. Подойдя ближе, Берия внимательно посмотрел в лицо Сталина, возвратился и обругал охрану, обвинив людей в том, что распространяют провокационные слухи, когда товарищ Сталин просто крепко спит. Маленков и Берия вместе уезжают, приказав охране никому не звонить, никого не приглашать. Видя, что Сталину плохо, кто-то из прикрепленных подошел к нему и спросил, как он себя чувствует. Сталин приоткрыл глаз, но ответить не смог, так как речь была уже парализована. Его перенесли с пола на кровать и, невзирая на указания Берии, позвонили Молотову.

Вячеслав Михайлович тут же приехал (вспомним, как обошелся с ним Сталин недавно, на XIX съезде. — *Н. З.*). Увидев состояние Сталина, он счел необходимым немедленно сообщить членам Президиума ЦК (они сразу же прибыли), а также срочно вызвать министра здравоохранения Третьякова с врачами. И вот только после этого, уже ночью 2 марта, прибыли врачи,

началось обследование и лечение. Поэтому не случайно первый бюллетень о болезни Сталина датирован по состоянию на 2 часа ночи 2 марта.

Итак, по Хрущеву получается, что вся четверка, гостившая накануне у Сталина, сразу же приехала на дачу, как только стало известно о несчастье. Однако, узнав о неблагоприятном положении Хозяина, из деликатности уехала.

Снова лжесвидетельство. По словам Лозгачева, все происходило совершенно иначе. Машина с четверкой пришла только через четыре часа после телефонного звонка.

П. Лозгачев:

— В 3 часа ночи слышу — подъехала машина. Приехали Берия и Маленков. У Маленкова ботинки скрипели, помню, он снял их, взял под мышку. Они входят: «Что с Хозяином?» А он лежит и чуть похрапывает... Берия на меня матюшком: «Что же ты панику поднимаешь? Хозяин-то, оказывается, спит преспокойно. Поедем, Маленков!» Я им все объяснил, как он лежал на полу, и как я у него спросил, и как он в ответ «дзыкнул» невнятно. Берия мне: «Не поднимай панику, нас не беспокой. И товарища Сталина не тревожь». Ну и уехали.

Тут и Э. Радзинский не без сарказма замечает: «Итак, объявив, что 74-летний старик, пролежавший четыре часа в луже мочи, «преспокойно спит», соратники уезжают, вновь оставив Хозяина без помощи».

Вторая поездка на дачу

События раннего утра 2 марта в памяти П. Лозгачева запечатлелись так:

— Опять остался я один. Думаю, надо опять Старостина звать, пусть он всех опять поднимет. Говорю: «Иначе он умрет, а нам с тобой крышка будет. Звони, чтоб приехали».

У Н. С. Хрущева:

— Прошло небольшое время, опять слышу звонок. Вновь Маленков: «Опять звонили ребята от товарища Сталина. Говорят, что все-таки что-то с ним не так. Хотя Матрена Петровна и сказала, что он спокойно спит, но это необычный сон. Надо еще раз съездить». Мы условились, что Маленков позвонит всем другим членам Бюро, включая Ворошилова и Кагановича, которые отсутствовали на обеде и в первый раз на дачу не приезжали. Условились также, что вызовем и врачей.

У С. Н. Хрущева:

— Как он уехал вторично, я уже не слышал, наверное, лег спать. На этот раз отец не возвращался очень долго, до самого утра. Мы все еще ничего не знали. Только на следующий день он рассказал, что Сталин болен, состояние очень тяжелое и они с Булганиным будут по ночам дежурить у постели больного на Ближней даче. Сообщение о болезни Сталина появилось в газетах только 4 марта. До этого казалось, теплится еще какая-то, пусть призрачная надежда. На мои вопросы отец ничего вразумительного не отвечал, отделялся короткими фразами: «Лечат, делают все возможное...»

Подобная публикация в газетах могла означать только одно: больше надежд не осталось. Ведь все, что касалось Сталина, держалось за семью замками. Отец

подтвердил худшие опасения, сказал: «Всякое может случиться, надо подготовить народ». Помню, он еще произнес: «А то получается: жил-жил и нет его. Здесь очень много можно напридумывать. Да и когда Ленин заболел, регулярно публиковались медицинские бюллетени».

Я окончательно понял: все. Особенно меня поразило упоминание о ленинских бюллетенях, ведь они завершились некрологом.

Я попытался расспросить отца о подробностях, но он не стал распространяться, да и что он мог мне, мальчишке, рассказать?

Продолжим монолог Н. С. Хрущева:

— Опять приехали мы в дежурку. Прибыли Каганович, Ворошилов, врачи. Из врачей помню известного кардиолога профессора Лукомского. А с ним появился еще кто-то из медиков, но кто, сейчас не помню. Зашли мы в комнату. Сталин лежал на кушетке. Мы сказали врачам, чтобы они приступили к своему делу и обследовали, в каком состоянии находится товарищ Сталин. Первым подошел Лукомский, очень осторожно, и я его понимал. Он прикасался к руке Сталина, как к горячему железу, подергиваясь даже. Берия же грубовато сказал: «Вы врач, так берите как следует».

Лукомский заявил, что правая рука у Сталина не действует. Парализована также левая нога, и он не в состоянии говорить. Состояние тяжелое. Тут ему сразу разрезали костюм, переодели и перенесли в большую столовую, положили на кушетку, где он спал и где побольше воздуха. Тогда же решили установить рядом с ним дежурство врачей. Мы, члены Бюро Президиума, тоже установили свое постоянное дежурство. Распределились так: Берия и Маленков вдвоем дежурят, Каганович и Ворошилов, я и Булганин. Главными «определяющими» были Маленков и Берия.

Они взяли для себя дневное время, нам с Булганиным выпало ночное. Я очень волновался и, признаюсь, жалел, что можем потерять Сталина, который оставался в крайне тяжелом положении. Врачи сказали, что при таком заболевании почти никто не возвращался к труду. Человек мог еще жить, но что он останется трудоспособным, маловероятно. Чаще всего такие заболевания непродолжительны, а кончаются катастрофой.

Мы видели, что Сталин лежит без сознания, не сознает, в каком он состоянии. Стали кормить его с ложечки, давали бульон и сладкий чай. Распоряжались там врачи. Они откачивали у него мочу, он же оставался без движения. Я заметил, что при откачке он старался как бы прикрыться, чувствуя неловкость. Значит, что-то сознает. Днем (не помню, на какой именно день его заболевания) Сталин пришел в сознание. Это было видно по выражению его лица. Но говорить он не мог, а поднял левую руку и начал показывать не то на потолок, не то на стену. У него на губах появилось что-то вроде улыбки. Потом стал жать нам руки. Я ему подал свою, и он пожал ее левой рукой, правая не действовала. Пожатием руки он передавал свои чувства. Тогда я сказал: «Знаете, почему он показывает нам рукой? На стене висит картина, вырезанная из «Огонька» репродукция с картины какого-то художника. Там девочка кормит из рожка ягненка. А мы поим товарища Сталина с ложечки, и он, видимо, показывая нам пальцем на картину, улыбается: мол, посмотрите, я в таком же состоянии, как этот ягненок».

Как только Сталин свалился, Берия в открытую стал пылать злобой против него. И ругал его, и издевался над ним. Просто невозможно было его слушать! Интересно, впрочем, что, как только Сталин пришел в чувство и дал понять, что может выздороветь, Берия бросился к нему, встал на колени, схватил его руку и

начал ее целовать. Когда же Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся на ноги и плюнул на пол. Вот истинный Берия! Коварный даже в отношении Сталина, которого он вроде бы возносил и боготворил.

Версия Д. Волкогонова. Лишь рано утром 2 марта протрезвевший Берия приехал вместе с членами Президиума и с целой группой врачей. Растерянные соратники находились в соседней комнате, где лежал Сталин. Лишь Берия ходил из угла в угол комнаты. Все молчали. После суетливого осмотра перепуганные профессора доложили партийному анклаву: «Медицинское заключение о состоянии здоровья тов. И. В. Сталина.

Консилиум в составе начальника ЛСУК (Лечебно-санитарное управление Кремля) тов. Куперина И. И., профессоров Лукомского П. Е., Глазунова И. С., Ткачева Р. А. и доц. Иванова-Незнамова В. И. 2-го марта в 7 час. утра освидетельствовали состояние здоровья тов. И. В. Сталина.

При осмотре в 7 час. утра — больной лежит на диване на спине, голова повернута влево, глаза закрыты, умеренная гиперемия лица, было непроизвольное мочеиспускание (одежда промочена мочой). При попытке врача прощупать пульс на левой лучевой артерии проявилось двигательное беспокойство в левой руке и левой ноге. Дыхание не расстроено. Пульс 78 в 1 минуту с редкими выпадениями. Тоны сердца глуховаты. Кровяное давление 190/110. В легких спереди хрипов нет. В области правого локтевого сустава следы ушиба (экскорация и небольшая припухлость).

Больной в бессознательном состоянии. Правая носогубная складка опущена. При поднимании век глазные яблоки уходят то влево, то вправо. Зрачки средней ширины, реакция на свет снижена. Движения в

правых конечностях отсутствуют, в левых временами двигательное беспокойство.

Диагноз: гипертоническая болезнь, общий атеросклероз с преимущественным поражением сосудов головного мозга, правосторонняя гемиплегия вследствие кровоизлияния в бассейне средней левой мозговой артерии; атеросклеротический кардиосклероз, нефросклероз.

Состояние больного крайне тяжелое.

Назначения: абсолютный покой, оставить больного на диване; пиявки за уши (поставлено 8 шт.); холод на голову, гипертоническая микроклизма (1 стакан 10 %-ного раствора сернокислой магнезии). Снять зубные протезы. От питания сегодня воздержаться.

Установить круглосуточное дежурство невропатолога, терапевта и медсестры. Осторожное введение с чайной ложечки жидкости при отсутствии поперхивания».

Подготовив диагноз и отпечатав его, руководитель группы врачей И. И. Куперин подошел к Берии и Маленкову, которые все время о чем-то шепотом переговаривались.

Вспоминает Н. А. Мухитдинов:

— Собравшиеся несколько членов Президиума выслушали мнение врачей. И тогда четверо самых приближенных к Сталину уединились готовить те изменения, которые были доложены и приняты 4 марта.

Быть может, не все происходило в точности так, кое в чем краски сгущены. До сих пор, например, нет ясности по поводу того, что много позже сообщил в печати присутствовавший там один из прикрепленных (так называли членов личной охраны И. В. Сталина. — *Н. З.*), находившийся у постели Сталина: медики сделали какой-то укол, тело Сталина вздрогнуло. Прошло минут десять, больной сделал глубокий вздох и скончался. Но что это означало?

День 2 марта для Светланы Аллилуевой начался так:
— Ощущение, что что-то привычное, устойчивое и прочное сдвинулось, пошатнулось, началось для меня с того момента, когда 2 марта меня разыскали на уроке французского языка в Академии общественных наук и передали, что «Маленков просит приехать на Ближнюю». Это было уже невероятно, чтобы кто-то иной, а не отец, приглашал приехать к нему на дачу... Я ехала туда со странным чувством смятения.

Когда мы въехали в ворота и на дорожке возле дома машину остановили Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин, я решила, что все кончено... Я вышла, они взяли меня под руки. Лица обоих были заплаканы. «Идем в дом, — сказали они, — там Берия и Маленков тебе все расскажут».

В доме, уже в передней, было все не как обычно. Вместо привычной тишины, глубокой тишины, кто-то бегал и суетился. Когда мне сказали, наконец, что у отца был ночью удар и что он без сознания, я почувствовала даже облегчение, потому что мне казалось, что его уже нет.

Мне рассказали, что, по-видимому, удар случился ночью, его нашли часа в три ночи лежащим вот в этой комнате, вот здесь, на ковре, возле дивана, и решили перенести в другую комнату на диван, где он обычно спал. Там он сейчас, там врачи, ты можешь идти туда.

Двоюродный брат Светланы Владимир Аллилуев придерживается иного мнения. Он считает, что так это было представлено Светлане. Но, как стало известно ему позднее, многое тогда от нее утаили и просто исказили. Утаили эти люди тот факт, что вся четверка была у Сталина накануне рокового для него дня 28 февраля. Ушли они от него поздно, а на следующий день, как рассказывали сотрудники из обслуживающего персонала, Сталин дольше обычного не выходил после сна. Они все пытались определить, есть ли в комнате,

где он спал, какое-то движение или нет. Потом наконец-то вошли к нему и увидели Сталина лежащим на ковре возле дивана. Сразу же доложили об этом Берии. Однако тотчас подъехавшие Берия, Маленков, Хрущев и Булганин не подпускали долгое время к Сталину врачей, мотивируя тем, что товарищ Сталин спит, и не надо его беспокоить.

Вот и выходит, что в течение двенадцати — четырнадцати часов после того, как персонал обнаружил лежащего без сознания Сталина, он все это время находился без врачебной помощи. А когда с ним случился удар, неизвестно. Известно только, что спустя пятнадцать-восемнадцать часов после отъезда четверки его нашли в тяжелом, бессознательном состоянии. И если прибавить к этим двенадцати-четырнадцати часам еще несколько часов, то картина получается чудовищная — после такого тяжелейшего удара он длительное время находился без какой-либо врачебной помощи. Разве это не покушение на жизнь, спрашивает В. Аллилуев.

Сохранилась рукопись «Воспоминаний о болезни и смерти И. В. Сталина» крупнейшего советского терапевта А. Л. Мясникова, обнаруженная в архиве ЦК КПСС в годы горбачевской гласности, спустя четверть века после смерти этого выдающегося врача. «Поздно вечером 2 марта 1953 года, — писал А. Л. Мясников о тех днях, — к нам на квартиру заехал сотрудник спецотдела Кремлевской больницы: «Я за вами — к больному хозяину». Я быстро простился с женой, мы заехали на улицу Калинина, там ждали нас проф. Н. В. Коновалов (невропатолог) и Е. М. Гареев, и помчались на дачу Сталина в Кунцево (напротив нового университета). Мы в молчании доехали до ворот, колючая проволока по обе стороны рва и забора, собаки.

Наконец мы в доме (обширном павильоне с просторными комнатами, обставленными широкими тахтами; стены отделаны полированной фанерой). В одной из комнат уже был министр здравоохранения (новый — А. Ф. Третьяков; Е. И. Смирнов был еще в декабре снят в связи с ревизией министерства правительственной комиссией и перешел вновь в военное ведомство на прежнее амплу начальника Военно-санитарного управления), проф. П. Е. Лукомский (главный терапевт Минздрава). Известные невропатологи Роман Ткачев, Н. Филимонов, Иванов-Незнамов — терапевт Лечсанупра Кремля.

Министр рассказал, что в ночь на второе марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг, с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги. Еще вчера до поздней ночи Сталин, как обычно, работал у себя в кабинете. Дежурный офицер из охраны еще в 3 часа ночи видел его за столом (он смотрел в замочную скважину). Все время и дальше горел свет, но так было заведено. Сталин спал в другой комнате, в кабинете был диван, на котором он часто отдыхал. Утром в седьмом часу охранник вновь посмотрел в замочную скважину и увидел Сталина распростертым на полу между столом и диваном. Был он без сознания. Больного положили на диван, на котором он и пролежал все дальнейшее время».

Однако вернемся к рассказу Светланы Аллилуевой.

— Я слушала, как в тумане, окаменев. Все подробности уже не имели значения. Я чувствовала только одно, что он умрет. В этом я не сомневалась ни минуты, хотя еще не говорила с врачами, — просто я видела, что все вокруг, весь этот дом, все уже умирает у меня на глазах. И все три дня, проведенные там, я только это одно и видела, и мне было ясно, что иного исхода быть не может.

В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу. Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного (академик В. Н. Виноградов, много лет наблюдавший отца, сидел в тюрьме) ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни. Все делалось, как надо. Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти.

Где-то заседала специальная сессия Академии медицинских наук, решая, что бы еще предпринять. В соседнем небольшом зале беспрерывно совещался какой-то еще медицинский совет, тоже решавший, как быть. Привезли установку для искусственного дыхания из какого-то НИИ, и с ней молодых специалистов, кроме них, должно быть, никто бы не сумел ею воспользоваться. Громоздкий агрегат так и простоял без дела, а молодые врачи ошалело озирались вокруг, совершенно подавленные происходящим. Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю. Где я ее видела?... Мы кивнули друг другу, но не разговаривали. Все старались молчать, как в храме, никто не говорил о посторонних вещах. Здесь, в зале, совершалось что-то значительное, почти великое, — это чувствовали все — и вели себя подобающим образом.

Тех «ошалело озиравшихся вокруг» молодых врачей в 1998 году разыскал корреспондент газеты «Комсомольская правда» Андрей Павлов. Владимиру Александровичу Неговскому было 89 лет, Галине Дмитриевне Чесноковой — чуть меньше. Журналист взял интервью у последних живых из тех, кто был на сталинской даче в Кунцеве 2–5 марта 1953 года. Оно появилось в газете 5 марта 1998 года.

Вспоминает Г. Д. Чеснокова:

— В ту ночь я дежурила во Второй градской больнице, оперировала больного. Операция была самой обычной, удалялся желчный пузырь. Я закончила все, но еще находилась в операционной. И вдруг ко мне подходят и говорят: «Галина Дмитриевна, вас срочно просят подойти...» Что, как, зачем? Молчат. Выхожу. Стоят двое милиционеров.

Они меня крепко взяли под руки и не отпускали, пока не вывели на улицу и не посадили в машину. Я даже не переоделась, на мне были халат, маска, шапочка. Спрашиваю: «Куда вы меня везете?» Молчат. А тогда многих врачей сажали, поэтому я подумала, что и меня взяли, как остальных.

Я сидела и спрашивала, куда меня везут, пока, наконец, один из милиционеров спокойно не сказал: «Погодите немного, приедем — сами увидите». Ехали мы, ехали. И вдруг нас обгоняет машина, и из нее кто-то машет рукой. Это был Неговский. Это с его подачи меня вызвали к Сталину. Неговский знал, что я работаю над проблемами нарушения функций головного мозга, у меня и диссертация была с этим связана.

В беседу включается В. А. Неговский:

— Как меня пригласили на дачу? Мне позвонил кто-то. По-моему, даже дочка Сталина... как ее? Да, Светлана. И кто-то еще, кто возглавлял работы по лечению Сталина, звонил. Я тогда заведовал лабораторией экспериментальной физиологии по оживлению организма. Мы взяли с собой аппарат искусственного дыхания. Это был еще несовершенный аппарат для вдувания мехами воздуха в легкие. Это уже история, таких аппаратов давно нет.

Народу на даче было очень много. Почти все известные невропатологи того времени, терапевты. Всего человек пятнадцать. Среди них ведущие специалисты по нервной системе, по дыханию. Все знаменитости были собраны там! Я был среди них

самым молодым врачом. Рекомендации определенные давал, говорил об искусственном дыхании, о массаже сердца. Я рассказывал о вещах, которые не получили еще широкого утверждения. Я был единственный из молодых ученых, который занимался реаниматологией.

Продолжает Г. Д. Чеснокова:

— Приехали в Кунцево. Я была раздета, у меня мерзли ноги, поскольку я была в одних туфельках. Меня сразу завели в зал. Это небольшая кунцевская дача. Там стояли все члены правительства. Ворошилов и Берия наперебой стали меня расспрашивать, кто я такая, что я закончила и что я собираюсь делать. Я им и говорю: «Я не знаю, во-первых, куда я приехала...» Берия ответил: «Сейчас мы все вам покажем...» И нас повели в спальню.

Иосиф Виссарионович лежал на раскрытой тахте. Я испугалась. Сталин казался совершенно мертвым. Это был очень старый, бледный человек с вытянутыми вдоль тела руками. Рядом с ним стояла его дочь Светлана, в той же комнате находились врачи из «кремлевки». Ясно было, что нас пригласили как реаниматоров, оживлять. Я стояла в сторонке, когда меня вдруг Светлана позвала. Она говорит: «Идите ко мне, вы женщина, я хочу постоять вместе с вами... Я боюсь одна». Иногда говорят, что и сын Сталина Василий находился там. Но его к Сталину не пустили, так как он был сильно пьян.

Вот так я со 2 по 5 марта и провела четыре дня в этой комнате. Я почти никуда не отлучалась, никуда не ходила. Иногда присаживалась на стул, когда ноги уже не держали. Не ела ничего, иногда пить забывала. Только когда Светлана воду пила, иногда мне предлагала, и я чувствовала, какая страшная у меня жажда. В туалет меня сопровождала милиция.

В. А. Неговский:

— А я спал на диванчике в одной из комнат. Хотя отдыхать особенно не приходилось.

Г. Д. Чеснокова:

— Все правительство плакало... А я ничем не могу помочь. Была уверенность, что тут ничего нельзя поделывать. Он стопроцентно должен был умереть! Тринадцать часов пролежал без сознания, никто ему тогда не помогал, кровоизлияние в мозг было. Мы приехали, когда он уже умирал. У него были полуоткрытые глаза, они едва двигались. Дыхание поверхностное, еле заметное.

Незадолго до смерти Сталин неожиданно приподнял левую руку. Казалось, что он пришел в сознание, и хочет что-то сказать. Все правительство, которое стояло за нами, напряглось, приумолкло. Но он уронил руку обратно и ничего не сказал.

Из неопубликованной рукописи А. Л. Мясникова о болезни и смерти Сталина:

«Болезнь Сталина, конечно, получила широкий отклик в нашей стране и за рубежом. Но, как говорится, от великого до смешного один шаг. В медицинских учреждениях — ученом совете министерства, президиуме академии, в некоторых институтах — были проведены совещания для обсуждения, как помочь в лечении Сталина. Вносились предложения о тех или иных мерах, которые предлагалось направлять консилиуму врачей. Для борьбы, например, с гипертонией советовали способы лечения, разработанные в институте терапии (и было странно читать направленные мне мои же рекомендации). Далее прислали описание метода лекарственного сна, а между тем больной был в глубоком бессознательном состоянии — сопоре, то есть спячке. Профессор Неговский предлагал лечить расстройство дыхания аппаратом искусственного дыхания, разработанным им для спасения утопающих и отравленных угарным газом.

Его машины даже подогнали к дому, но, увидев больного, автор согласился не настаивать на своем методе (зато он «примазался» к консилиуму, что было ему как партийному человеку, конечно, интересно; однако бюллетень ему не давали подписывать, и поэтому его имя не печаталось в газетах)».

Д. Т. Шепилов, с которым я провел немало часов в беседах о хрущевской эпохе, мало чего добавил к уже собранному мною материалу на эту тему. Фактически он повторил то, что говорили другие:

— 2 марта утром Сталин был уложен на диван в маленькой комнатке. Сознание к нему не возвращалось. Кровоизлияние захватило жизненно важные области мозга. Парализованы были правая рука и правая нога, наступила потеря речи. Сталин лежал на диване с закрытыми глазами. Грудь высоко вздымалась, дыхание было неритмичным и прерывистым.

Президиум ЦК собрался утром здесь же, на даче. Было установлено круглосуточное дежурство у постели больного.

Версия Д. Волкогонова. Здесь же, в соседней комнате, в 12 часов дня провело заседание Бюро Президиума ЦК КПСС. Председательствовал Г. М. Маленков. За столом молча, подавленные сидели члены Бюро Президиума Л. П. Берия, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, Н. С. Хрущев, а также члены Президиума А. И. Микоян, В. М. Молотов, Н. М. Шверник, М. Ф. Шкирятов. Докладывал начальник Лечебно-санитарного управления Кремля И. И. Куперин, в стороне с бумагами сидел профессор Р. А. Ткачев.

Куперин страшно волновался; впервые докладывать такому составу... Он не забыл, что два месяца назад Сталин подписал распоряжение министру здравоохранения СССР Е. И. Смирнову «Об устранении серьезных недостатков в работе Лечебно-санитарного

управления Кремля», связанное с «делом врачей». Ждали новых арестов.

Выслушав доклад «Заключение врачебного консилиума об имевшем место 2 марта у товарища Сталина И. В. кровоизлиянии в мозг и тяжелом состоянии в связи с этим его здоровья», соратники молчали. Для всех исход был почти ясен с самого начала. Но, разумеется, об этом никто не сказал ни слова. Но и говорить о надеждах, перспективе, выздоровлении не решались. Могли не так понять. Лишь Берия зловеще произнес, обращаясь к Куперину: «Вы отвечаете за жизнь товарища Сталина, вы это понимаете? Вы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти товарища Сталина».

Куперин, и без того бледный, стал совсем белым...

Маленков зачитал заготовленный текст проекта постановления, который гласил:

«1. Одобрить меры по лечению товарища Сталина, принятые и намеченные к проведению врачебным консилиумом в составе начальника Лечсанупра Кремля т. Куперина И. И., проф. Лукомского П. Е., проф. Глазунова И. С., проф. Ткачева Р. А. и доцента Иванова-Незнамова В. И. (см. медицинское заключение консилиума).

2. Установить постоянное дежурство у товарища Сталина членов Бюро Президиума ЦК.

3. Назначить следующее заседание Бюро Президиума сегодня в 8 часов вечера, на котором заслушать сообщение врачебного консилиума».

Приняли, как все принимали раньше, «единогласно». По существу, «лечили» не врачи, а Президиум ЦК, как когда-то Ленина; «одобряли» приглашение одних врачей, отводили других... Страшные гримасы системы. Никому не казалось чудовищно нелепым, что все назначения врачей должны быть **утверждены** высшим партийным

органом. То была уродливая пирамида власти, достигшая вершины своего абсурда.

(Между прочим, зря бывший заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, которое, как известно, функционировало на правах отдела ЦК КПСС, обрушился на Президиум ЦК за то, что он взялся за «лечение» своего Генерального секретаря. Во всех странах, включая, разумеется, и демократические, решения по персоналиям врачей, лечащих королей, президентов, премьеров принимают, как правило, высшие органы государственной власти. Можно поинтересоваться, кто определял состав и уровень врачебных бригад, пытавшихся спасти американского президента Джона Кеннеди после смертельных выстрелов в Далласе, кто и по чьему указанию пытался вернуть к жизни погибшего в результате теракта израильского премьера Ицхака Рабина, разбившуюся в автоаварии английскую принцессу Диану и других высокопоставленных лиц.)

Вечером провели еще одно заседание Бюро Президиума ЦК КПСС. Куперин доложил:

Заключение: «состояние больного по сравнению с состоянием в 7 час. утра стало еще более тяжелым: больной по-прежнему находится в бессознательном состоянии, появилось нарушение ритма дыхания, пульс стал более частым, аритмия выражена резко, кровяное давление по сравнению с 7 час. утра стало несколько выше (210/120).

Назначения: строгий постельный режим, повторно поставить на область сосцевидных отростков 6–8 пиявок. Свеча с эфиллионом (0, 3) после клизмы из 200,0 мл 10 %-ного раствора сернокислой магнезии. Ввести внутримышечно 5,0 мл 25 %-ного раствора сернокислой магнезии. Поить с чайной ложечки

сладким чаем при условии отсутствия поперхивания. Периодически холод над головой (отменить)».

Высший орган, вновь обменявшись мнениями, одобрил меры «по лечению товарища Сталина, принятые врачебным консилиумом», добавив, однако, еще новый пункт:

«Привлечь дополнительно к лечению товарища Сталина следующие медицинские силы: действительных членов Академии медицинских наук Мясникова А. Л., Тареева Е. М., Коновалова Н. В. и зав. кафедрой Второго Московского медицинского института Филимонова И. Н., введя их в состав врачебного консилиума».

Первая попытка сговора против Берии

Из «надиктовок» Н. С. Хрущева:

— Наступило наше дежурство с Булганиным. Мы и днем с ним приезжали к Сталину, когда появлялись профессора, и ночью дежурили. Я с Булганиным тогда был больше откровенен, чем с другими, доверял ему самые сокровенные мысли и сказал: «Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком положении, что Сталин скоро умрет. Он явно не выживет. Да и врачи говорят, что не выживет. Ты знаешь, какой пост наметил себе Берия?» — «Какой?» — «Он возьмет пост министра госбезопасности (в ту пору министерства государственной безопасности и внутренних дел были разделены). Нам никак нельзя допустить это. Если Берия получит госбезопасность — это будет начало нашего конца. Он возьмет этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это сделает!»

Булганин сказал, что согласен со мной. И мы стали обсуждать, как будем действовать. Я ему: «Поговорю с Маленковым. Думаю, что Маленков такого же мнения, он ведь должен все понимать. Надо что-то сделать, иначе для партии будет катастрофа». Этот вопрос касался не только нас, а всей страны, хотя и нам, конечно, не хотелось попасть под нож Берии. Получится возврат к 1937–1938 годам, а может быть, даже похуже. У меня имелись сомнения: я не считал Берию коммунистом и полагал, что он просто пролез в партию. У меня маячили в сознании слова Каминского, что он был чужим агентом, что это волк в овечьей шкуре, влезший в доверие к Сталину и занявший высокое

положение. Сам Сталин тяготился им. Мне казалось, что были дни, когда Сталин боялся Берии.

На подобные мысли наводил Никиту Сергеевича, по его словам, и такой инцидент. Как-то сидели они у Сталина. Вдруг он смотрит на Берию и говорит: «Почему сейчас у меня окружение целиком грузинское? Откуда оно взялось?» Берия: «Это верные вам, преданные люди». — «Но отчего это грузины верны и преданны? А русские, что, не преданны и не верны, что ли? Убрать!» И моментально как рукой сняло этих людей.

Хрущев был уверен: Берия способен через своих людей сделать со Сталиным то, что проделывал с другими людьми по поручению того же Сталина: уничтожать, травить и прочее. Поэтому Сталин, видимо (если рассуждать за него), считал, что Берия способен сделать то же самое и с ним. Значит, надо убрать окружение, через которое Берия имеет доступ и в покои, и к кухне.

Но Сталин не понимал по старости, что тогдашний нарком госбезопасности Абакумов докладывает ему обо всем уже после того, как доложит Берии и получит указания, как сообщить Сталину. Сталин думал, что он выдвинул своего человека и тот делает только то, что велит Сталин. В ту же сторону раскрутилось «мингрельское дело». Сталин продиктовал тогда решение (и оно было опубликовано), что мингрелы связаны с турками, что среди них есть лица, которые ориентируются на Турцию. Конечно, чепуха! Хрущев считал, что тут имела место акция, направленная Сталиным против Берии, потому что Берия — мингрел. Таким образом, он готовил удар против Берии. Тогда много было произведено арестов, но Берия ловко вывернулся: влез в это дело как «нож Сталина» и сам начал расправу с мингрелами. Бедные люди. Тащили их тогда на плаху как баранов.

Существовали и другие факты, которые свидетельствовали о вероломстве Берии, о недоверии Сталина к Берии. Итак, поговорил Хрущев обо всем с Булганиным, кончилось их дежурство, и Никита Сергеевич уехал домой. Хотел поспать, потому что долго не спал на дежурстве. Принял снотворное, лег.

О Берии очень плохо отзывалась С. И. Аллилуева:

— Только один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался в этот ответственный момент, как бы не перехитрить, и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного. Отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза. Он желал и тут быть «самым верным, самым преданным», каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал...

С оценкой состояния Берии, описанного Светланой Аллилуевой, не согласен профессор-медик В. А. Неговский:

— У меня не сложилось впечатления, что Берия был очень возбужден, как вспоминает Светлана Аллилуева. Да, начальствующий тон, но ничего другого сказать не могу. В отношении меня был корректен, вежлив. Ничего мне не приказывал. Даже поддерживал: «Находите нужным, делайте!»

Смерть

И снова из «надиктовок» Н. С. Хрущева:

— Только лег, но еще не уснул, услышал звонок. Маленков: «Срочно приезжай, у Сталина произошло ухудшение. Выезжай срочно!» Я сейчас же вызвал машину. Действительно, Сталин был в очень плохом состоянии. Приехали и другие. Все видели, что Сталин умирает. Медики сказали нам, что началась агония. Он перестал дышать. Стали делать ему искусственное дыхание. Появился какой-то огромный мужчина, начал его тискать, совершать манипуляции, чтобы вернуть дыхание. Мне, признаться, было очень жалко Сталина, так тот его терзал. И я сказал: «Послушайте, бросьте это, пожалуйста. Умер же человек. Чего вы хотите? К жизни его не вернуть». Он был мертв, но ведь больно смотреть, как его треплют. Ненужные манипуляции прекратили.

С. И. Аллилуева:

— Отец был без сознания, как констатировали врачи. Инсульт был очень сильный; речь была потеряна, правая половина тела парализована. Несколько раз он открывал глаза — взгляд был затуманен, кто знает, узнавал ли он кого-нибудь. Тогда все кидались к нему, стараясь уловить слово или хотя бы желание в глазах. Я сидела возле, держала его за руку, он смотрел на меня — вряд ли он видел. Я поцеловала его и поцеловала руку, больше мне уже ничего не оставалось...

Кровоизлияние в мозг распространяется постепенно на все центры, и при здоровом и сильном сердце оно медленно захватывает центры дыхания и человек умирает от удушья. Дыхание все учащалось и учащалось. Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо

потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю, так ли на самом деле, но так казалось, — очевидно, в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть, — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела.

Я думала, что сама задохнусь, я впилась руками в стоявшую возле молодую знакомую докторшу. Она застонала от боли, мы держались с ней друг за друга.

Душа отлетела. Тело успокоилось, лицо побледнело и приняло свой знакомый облик; через несколько мгновений оно стало невозмутимым, спокойным и красивым. Все стояли вокруг, окаменев, в молчании несколько минут — не знаю, сколько, — кажется, что долго.

Потом члены правительства устремились к выходу, надо было ехать в Москву, в ЦК, где все сидели и ждали вестей. Они поехали сообщить весть, которую тайно все ожидали. Не будем грешить друг против друга — их раздирали те же противоречивые чувства, что и меня, — скорбь и облегчение...

Все они (я не говорю о Бериин, который был единственным в своем роде выродком) суетились тут

все эти дни, старались помочь и вместе с тем страшились, чем все окончится? Но искренние слезы были в те дни у многих. Я видела там в слезах и К. Е. Ворошилова, и Л. М. Кагановича, и Г. М. Маленкова, и Н. А. Булганина, и Н. С. Хрущева. Что говорить, помимо общего дела, объединявшего их с отцом, слишком велико было очарование его одаренной натуры, оно захватывало людей, увлекало, ему невозможно было сопротивляться. Это испытали и знали многие — и те, кто теперь делает вид, что никогда этого не испытывал, и те, кто не делает подобного вида.

Врач Г. Д. Чеснокова:

— К вечеру 5 марта сердце начало останавливаться. Мы с Неговским решили — надо делать массаж сердца. Мы открыли его грудь. Сталин был одет в домашний халат, под ним рубаха без пуговиц, брюки. Я распахнула халат, спустила брюки. Рубашка мешала. Я сначала хотела ее стянуть, а потом просто разорвала. Руками. Я сильная была. А ножницы искать уже времени не оставалось. Было видно, что сердце останавливается, счет шел на секунды. Я обнажила грудь Иосифа Виссарионовича, и мы с Неговским начали попеременно делать массаж — он пятнадцать минут, я пятнадцать минут.

Так мы делали массаж больше часа, когда стало ясно, что сердце завести уже не удастся. Искусственное дыхание делать было нельзя, при кровоизлиянии в мозг это строжайше запрещено. Наконец, ко мне подошел Берия, сказал: «Хватит!» Глаза у Сталина были широко раскрыты. Мы видели, что он умер, что уже не дышит. И прекратили делать массаж.

Версия Д. Волкогонова. Начиная со 2 марта, с 7 часов утра, дежурные врачи стали вести краткую хронологию истории течения болезни. Она пространна — десятки страниц. Показания и результаты наблюдений записывались через каждые двадцать —

тридцать минут. Мы не можем привести весь этот перечень физических признаков, когда душа навсегда покидает тело, когда старая христианская истина «суета сует» становится особенно очевидной. Агония была долгой, страшной, но бессознательной. Правда, Хрущев утверждает, что был момент, когда Сталин всех узнал и даже пожал некоторым руки... Врачебные записи этого не подтверждают. Мы приведем лишь несколько из множества зафиксированных в медицинском дневнике штрихов, физиологически характеризующих великое таинство — смерть.

Ведь, по сути, смерть — это часть, заключительная часть человеческой жизни, многогранной и безмерной. Для простого смертного жизнь — это детский смех и солнечные пятна на лице матери, шепот дождевых капель за окном и груз усталости на плечах, это ожидания и надежды, подвижничество и борьба с подлостью. Для такого смертного, как Сталин, жизнь — это бесконечная гонка, борьба, стремление к власти, ее сохранению, укреплению, расширению... Власть в обществе — явление необходимое и неизбежное, но греховное по своей сути. И тем более греховное, чем менее оно общественное.

Лучше других большевистских бонз знавший Священное писание, обращался ли Сталин в минуты просветления к Богу или только хотел выжить, чтобы еще припасть к наркотическому источнику власти?... Этого теперь уже никто и никогда не скажет.

Смерть пришла к человеку. Не к просто обычному человеку, а к самому крупному диктатору XX века...

(Действительно, в записях врачей нет упоминаний о том, что Сталин приходил в сознание и пожимал соратникам руки. Снова лжесвидетельство? Вот некоторые фрагменты из медицинских дневников, хранящихся в архивном личном фонде И. В. Сталина.)

2 марта 1953 г.

12. 35. «Бессознательное состояние. Дыхание глубокое, ровное, 28 в 1 мин. Пульс 80 в 1 мин., удовлетворительного наполнения и напряжения...»

13. 50. «Состояние тяжелое, бессознательное. Пульс 80 ударов в 1 мин., удовлетворительного наполнения и напряжения... Тоны сердца приглушены. Артериальное давление 210 /120 мм. Заметно участились подергивания левой ноги».

Версия Д. Волкогонова. Над Сталиным склонилась в халатах, словно стоя белых чаек, целая группа седовласых профессоров, судорожно пытающихся продлить агонию. Никто из них не мог сказать вслух, что положение диктатора безнадежно.

Уставшие от ожидания и неизвестности соратники Сталина сидят в креслах неподалеку от больного, в соседних комнатах. Иногда встают, тихо переговариваются, выходят позвонить. Кто-то распорядился принести бутерброды. Берия (один) уезжал часа на два-три в Кремль. Приехал возбужденный. Врачи по-прежнему непрерывно тихо совещаются, ставят пиявки, делают уколы, пытаются поить сладким чаем с ложечки, делают клизму, свечи с эйфиллином, подают холод над головой. Все фамилии врачей этнически «безупречны»: Третьяков, Куперин, Ткачев, Глазунов, Иванов, Тареев, Филимонов, Мясников, Коновалов... Ни одного еврея. Ведь «дело врачей» еще не отменено...

(В журнале истории болезни появлялись все новые записи.)

16 час. «Состояние больного по сравнению с состоянием в 7 часов утра стало еще более тяжелым; больной по-прежнему находится в бессознательном состоянии, появилось нарушение ритма дыхания, пульс стал более частым, аритмия выражена резче...»

Версия Д. Волкогонова. В ночь на 3 марта состоялся новый консилиум. Врачи вновь доложили

Бюро Президиума ЦК КПСС о ходе лечения. Привыкшие к ночным бдениям, еще не потерявшие силы, соратники вновь утверждают заключение врачей:

«Консилиум подтверждает диагноз больного и считает состояние его крайне тяжелым. Проводимые лечебные мероприятия консилиум считает правильными. На ближайшее время считать целесообразными следующие мероприятия:

1. Слегка приподнять голову и верхнюю часть туловища, положив небольшую подушку.

2. На ближайшие сутки ограничить питание введением через рот глюкозы с лимонным соком.

3. Грелки к ногам, преимущественно левой, температурой до 39–40 градусов на 1–2 часа.

4. Пенициллин 3 раза в сутки по 300 тыс. единиц на растворе новокаина...

3 марта 1953 года

Великая страна притихла. Работали заводы, шли поезда, читались лекции в университетах, летали самолеты. А «органы» НКВД докладывали о настроениях людей. Ощущение обрушившегося горя было неподдельным. Люди, как это было принято считать, «любили» Сталина. Но никто не знал, любил ли он их... Все как бы стихло. Лишь радио без конца передавало бодрые сводки успехов в народном хозяйстве.

В 10 час. 15 мин. 3 марта консилиум в том же составе, как накануне, доложил Бюро Президиума: «Состояние остается крайне тяжелым... Зрачки узкие, вяло реагируют на свет. При дыхании правая щека отдувается. В правой руке и ноге движения отсутствуют... Временами двигательное беспокойство в левых конечностях...»

А. Л. Мясников в своей неопубликованной рукописи о болезни и смерти Сталина любовь народа к вождю не заключал в кавычки: «С почтой шли трогательные

обращения и письма. В адрес консилиума врачей выражалась вера в спасение жизни гениального вождя, отца и учителя, мольба об этом излагалась с акцентом грозного требования, хотя чаще в духе доверия и уверенности в силе советской медицины. Молодые офицеры и красноармейцы предлагали свою кровь для переливания — всю до капли, и некоторые писали, что не колеблясь готовы отдать свое сердце: «Пусть хирурги вырежут мое молодое сердце и вставят товарищу Сталину».

Д. Т. Шепилов, вспоминая о тех днях, коснулся и темы сталинского просветления, о которой остались противоречивые суждения:

— Утром четвертого марта под влиянием экстренных лечебных мер в ходе болезни Сталина как будто наступил просвет. Он стал ровнее дышать, даже приоткрыл один глаз, и присутствовавшим показалось, что во взоре его мелькнули признаки сознания. Больше того, им почудилось, что Сталин будто хитровато подмигнул этим полуоткрывшимся глазом: ничего, мол, выберемся! Берия как раз находился у постели. Увидев эти признаки возвращения сознания, он опустился на колени, взял руку Сталина и поцеловал ее. Однако признаки сознания вернулись к Сталину лишь на несколько мгновений, и Берия мог больше не тревожиться.

Продолжим цитировать фрагменты из медицинских записей.

4 марта

Врачи фиксировали безжалостную эволюцию болезни Сталина:

23. 00. «Дыхательных пауз было относительно немного, и они устранялись механическим раздражением грудной клетки, в этот период кислород не применялся. С 2. 30 снова участились паузы, в связи с чем был применен кислород (2 подушки). После

вдыхания кислорода цианоз уменьшился. В целом положение больного стало критическим».

5 марта

Врачи обреченно, но методично, скорее, по инерции пытались что-то сделать. Хотя надежд уже абсолютно не было. Камфора, кофеин, строфантин... Уже несколько раз пришлось прибегать к механическим раздражениям грудной клетки: все чаще наблюдалось выпадение дыхания...

3. 35. «Через каждые 2-3 минуты наступает пауза продолжительностью 4-5 секунд. Двигательное беспокойство в левой ноге и в пальцах левой руки в течение 1-2 минут, но потом исчезло. Дыхание — 27 в минуту, пульс — 108 в минуту. Дан через подушку кислород. Дыхание несколько улучшилось».

11.30. «Внезапно наступили позывы на рвоту. Состояние больного сразу же ухудшилось. Наступило резкое побледнение лица и верхнего отдела туловища. Дыхание стало весьма поверхностным, с длительными паузами. Пульс частый, слабого наполнения. Наблюдалось легкое движение головы, 2-3 тикообразных подергивания в левой половине лица и судорожные толчки в левой ноге...»

Куперин, постучавшись, зашел в комнату, где сидели члены Президиума. Тихо сказал: «Положение угрожающее...»

Все молчали. Лишь Берия, приехавший из Кремля, вновь громко заявил:

— Принимайте все меры к спасению товарища Сталина!

В Москву шли тысячи писем и телеграмм с горячими пожеланиями скорейшего выздоровления товарища Сталина. Люди надеялись на выздоровление вождя. В полдень — вновь консилиум. Результаты докладывают окончательно измученным и измятым членам Президиума, которые по одному, по два выходят в

соседние комнаты и засыпают тут же в самых нелепых позах в креслах... Все как бы в полусне и бреду. И как только держались врачи...

12.00. «Расстройства дыхания усилились и были особенно резко выражены во вторую половину ночи и утром 5 марта. В начале девятого у больного появилась кровавая рвота, не обильная, которая закончилась тяжелым коллапсом, из которого больного с трудом удалось вывести...»

12.15. «Дыхание поверхностное, 31 в 1 мин. Пульс 120 в 1 мин. Значительная потливость. Кожные покровы бледны, губы и кисти рук цианотичны... Временами дрожание головы...»

21.30. «Резкая потливость. Больной влажный. Пульс нитевидный. Цианоз усилился. Число дыханий 48 в 1 минуту. Тоны сердца глухие. Кислород (1 подушка). Дыхание поверхностное».

21.40. «Карбоген (4,6 % CO) 30 секунд, потом кислород. Цианоз остается. Пульс едва прощупывается. Больной влажный. Дыхание учащенное, поверхностное. Повторен карбоген (6 % CO) и кислород. Сделаны инъекции камфоры и адреналина. Искусственное дыхание».

Врачи непрерывно делали искусственное дыхание. Тщетно. Приходит момент, когда каждый человек перешагивает невидимую тонкую линию, делящую земное бытие от «того» мира. Никто, даже диктаторы, не могут перешагнуть обратно...

21.50. «Товарищ И. В. Сталин скончался».

Г. Д. Чеснокова:

— Светлана плакала. После смерти Сталина Неговский отошел, а меня Светлана не пускала. Она попросила причесать его. Он был всклокочен и брови в беспорядке. Я причесала брови, потом волосы. Назад зачесывала и немного направо. Волосы у него были не очень жидкие. Потом Светлана обратила внимание, что

у него открыты глаза. Я стала закрывать ему глаза, но они никак не закрывались. Тогда я попросила Светлану дать мне пятаки. Она говорит так растерянно: «А у меня нет...» И тогда я еще раз опустила ему веки и долго-долго держала, чтобы глаза закрылись. Потом отпустила, но веки все равно чуть-чуть приподнялись и слегка приоткрыли белки.

Ворошилов плакал. Маленков был спокоен. Берия кричал, носил мундир Сталина, что-то еще на улицу, в машину. «Скорую» он вызывал, чтобы отвезти тело в Кремль.

Потом Чеснокову, по ее словам, напоила чаем Светлана. Она попила и вышла на улицу. Но там стоял Берия. Он схватил врача за руку и, ни слова не говоря, завел в комнату и, как ей показалось, закрыл.

В этой комнате Чеснокова почти сутки просидела без сна, не знала, как ей выйти. За стеной что-то двигали, кто-то говорил. Чеснокова была в шоке.

Потом ей стало совсем невыносимо, она подошла к двери, которая оказалась открытой. Чеснокова вышла на улицу. И прямо в халате, замерзшая, пошла домой. Ее подвезла немного какая-то машина, а так, в основном, все пешком добиралась.

Муж был военный, в командировке. Чеснокова упала на кровать и больше не могла встать.

После всего случившегося она сильно заболела. У нее был нервный срыв, она целый месяц лежала дома, ни с кем не разговаривая. Ей было очень страшно. И после этого она никому ни о чем не рассказывала. Знали о случившемся только муж, Неговский и некоторые врачи.

Снова вернемся к свидетельствам политиков. Сын Никиты Сергеевича С. Н. Хрущев:

— Пятого марта 1953 года отец возвратился домой раньше обычного, где-то перед полночью. «А как же дежурство?» — пронеслось у меня в голове. Пока отец

снимал пиджак, умывался, мы молча ожидали, собравшись в столовой. Он вышел, устало сел на диван, вытянув ноги. Помолчал, потом произнес: «Сталин умер. Сегодня. Завтра объявят». Он прикрыл глаза.

Я вышел в соседнюю комнату, комок подкатился к горлу, а в голове сверлила мысль: «Что же теперь будет?»

Я искренне переживал, но мое второе «я» как бы со стороны оценивало происходящее, и я внутренне ужаснулся, что глубина моих чувств недостаточна, не соответствует трагизму момента. Однако большего не получилось, я вернулся в столовую.

Отец продолжал сидеть на диване, полуприкрыв глаза. Остальные застыли на стульях вокруг стола. Я никого не замечал, смотрел только на отца.

Помявшись, спросил: «Где прощание?» — «В Колонном зале. Завтра объявят», — как мне показалось, равнодушно и как-то отчужденно ответил отец. Затем он добавил после паузы: «Очень устал за эти дни. Пойду посплю».

Отец тяжело поднялся и медленно направился в спальню.

Я был растерян и возмущен: «Как можно в такую минуту идти спать? И ни слова не сказать о нем. Как будто ничего не случилось!» Поведение отца поразило меня.

(Что тут скажешь? На людях плакал, а дома завалился спать.)

Вторая попытка сговора

День 5 марта для Н. С. Хрущева отложился в памяти так.

— Как только Сталин умер, Берия тотчас сел в свою машину и умчался в Москву с Ближней дачи. Мы решили вызвать туда всех членов Бюро или, если получится, всех членов Президиума ЦК партии. Точно не помню. Пока они ехали, Маленков расхаживал по комнате, волновался. Я решил поговорить с ним: «Егор, — говорю, — мне надо с тобой побеседовать». — «О чем?» — холодно спросил он. — «Сталин умер. Как мы дальше будем жить?» — «А что сейчас говорить? Съедутся все, и будем говорить. Для этого и собираемся». Казалось бы, демократический ответ. Но я-то понял по-другому, понял так, что давно уже все вопросы оговорены им с Берией, все давно обсуждено. «Ну, ладно, — отвечаю, — поговорим потом».

Некоторые подробности первой попытки сговора сталинских соратников приводит по-женски наблюдательная С. И. Аллилуева:

— В последние минуты, когда все уже кончалось, Берия вдруг заметил меня и распорядился: «Уведите Светлану!» На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто и не подумал пошевелиться. А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывававший торжества: «Хрусталев! Машину!»

По мнению дочери Сталина, Берия был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже ее отца, которого вообще-то трудно было обмануть. Многие из того, что творила «эта

гидра», пало потом пятном на имя отца, во многом они повинны вместе, а то, что во многом Лаврентий сумел хитро провести отца и посмеивался при этом в кулак, для нее несомненно. И это понимали все «наверху»...

В те минуты, продолжала Светлана Иосифовна, все его гадкое нутро перло из него наружу, ему трудно было сдерживаться. Не одна она, многие понимали, что это так. Но его дико боялись и знали, что в тот момент, когда умирал Сталин, ни у кого в России не было в руках большей власти и силы, чем у этого ужасного человека — Берии.

Версия Д. Волкогонова. В стороне Маленков и Берия, иногда к ним присоединяется Хрущев, что-то негромко обсуждают, звонят по телефону. Речь идет о предстоящем совместном заседании Президиума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Нужно позаботиться о власти... Идет ее дележ. Но Сталин еще жив...

Вечером все уехали в Кремль. У постели умирающего Сталина оставили Булганина. Умчавшиеся на черных лимузинах заседать полагали, что смерть вождя — дело нескольких минут. В 20 час. 40 мин. началось заседание ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР. Почему открытие задержали на 40 минут? Берия, Маленков и Хрущев все время ждали звонка от Булганина о кончине Сталина. Но звонка все не было.

Государственный переворот?

Из «надиктовок» Н. С. Хрущева:

— Вот собрались все. Тоже увидели, что Сталин умер. Приехала и Светлана. Я ее встретил. Когда встречал, сильно разволновался, заплакал, не смог сдержаться. Мне было искренне жаль Сталина, его детей, я душой оплакивал его смерть, волновался за

будущее партии, всей страны. Чувствовал, что сейчас Берия начнет заправлять всем. Последует начало конца, подготовленного этим мясником, этим убийцей. И вот пошло распределение «портфелей». Берия предложил назначить Маленкова Председателем Совета Министров СССР с освобождением его от обязанностей секретаря ЦК партии. Маленков предложил утвердить своим первым заместителем Берию и слить два министерства, госбезопасности и внутренних дел, в одно Министерство внутренних дел, а Берию назначить министром. Я молчал. Молчал и Булганин. Тут я волновался, как бы Булганин не выскочил не вовремя, потому что было бы неправильно выдать себя заранее. Ведь я видел настроение остальных. Если бы мы с Булганиным сказали, что мы против, нас бы обвинили большинством голосов, что мы склочники, дезорганизаторы, еще при неостывшем трупце начинаем в партии драку за посты. Да, все шло в том самом направлении, как я и предполагал.

Молотова тоже назначили первым замом Предсовмина. Кагановича — замом. Ворошилова предложили избрать Председателем Президиума Верховного Совета СССР, освободив от этой должности Шверника. Очень неуважительно выразился в адрес Шверника Берия. Сказал, что его вообще никто в стране не знает. Я видел, что тут налицо детали плана Берии, который хочет сделать Ворошилова человеком, оформляющим в указах то, что станет делать Берия, когда начнет работать его мясорубка. Меня Берия предложил освободить от обязанностей секретаря Московского комитета партии, с тем чтобы я сосредоточил свою деятельность на работе в ЦК партии. Провели мы и другие назначения. Приняли порядок похорон и порядок извещения народа о смерти Сталина. Так мы, его наследники, приступили к самостоятельной деятельности по управлению СССР.

Версия Д. Волкогонова. У членов Президиума первый шок прошел; все думали, но никто не произносил вслух одного-единственного вопроса: «Кто?»

Кто возглавит партию и страну? Кто? Все боятся даже представить, что кабинет Сталина займет этот плотный человек со зловещим блеском пенсне. Берия страшней всех. А он уже не мог скрыть радостного возбуждения. Как вспоминала Светлана Аллилуева, у смертного одра «... один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть...»

(В ночь на 5 марта Маленков и Берия подготовили проект постановления Бюро Президиума ЦК КПСС, которое было единогласно принято партийной верхушкой. Оно называлось так: «О совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР».)

Документ состоял из двух пунктов:

1. Созвать 5 марта в 8 часов вечера совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР.

2. Принять и внести на рассмотрение совместного заседания Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР следующее решение:

В связи с тяжелой болезнью товарища Сталина, которая влечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности, считать на время отсутствия товарища Сталина важнейшей задачей партии и правительства обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей

жизнью страны, что, в свою очередь, требует величайшей сплоченности руководства, недопущения какого-либо разброда и паники...

Поручить тт. Маленкову Г. М., Берии Л. П., Хрущеву Н. С. принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина, как действующие, так и архивные, были приведены в должный порядок».

Версия Д. Волкогорова. Берия вновь уехал в Кремль. Теперь у него была возможность спокойно проверить личные сейфы Сталина. «Приводить их в должный порядок». Без Хрущева и Маленкова. У государственного палача могло быть подозрение о существовании завещания Сталина. Он как-то однажды дал понять, что надо бы «для будущего кое-что написать...» А при охлаждении «старика» к нему он не мог ждать от последней воли вождя ничего хорошего... Да и вообще: у Сталина была старая толстая тетрадь в темном переплете, в которую он порой что-то записывал... Может, и о нем? Существовало мнение, что диктатор, видимо, подумывал составить завещание соратникам. Возможно, и составил. Но если оно и было, то, скорее всего, мы о нем никогда не узнаем. Берия побывал в личном сейфе Сталина раньше других...

Здесь самое время сделать одно существенное замечание. На закончившемся за один час десять минут совместном заседании высших органов власти страны соратники Сталина, не дождавшись сигнала о смерти Сталина, еще живым л и ш и л и его поста Председателя Совета Министров СССР и назначили Г. М. Маленкова. Сталин был еще жив, а его отправили, умирающего, в отставку... Не дожидаясь кончины. Резко сократили состав Президиума ЦК, увеличенный Сталиным до 25 человек. Оставили одиннадцать. Правда, Сталина сохранили в Президиуме как члена (ведь не умер же еще...). Решили, чтобы Хрущев «сосредоточился на работе в Центральном Комитете

КПСС». Объединили МГБ СССР и МВД СССР в одно министерство. Естественно, возглавил его Берия. В 17 пунктах постановления совместного совещания определили все главные властные должности.

Власть превыше всего... Даже такой всесильный диктатор, как Сталин, как оказалось, не мог рассчитывать на достойное к нему отношение после кончины. Соратники отправили его в отставку, когда он еще дышал.

Из протокола совместного заседания Пленума Центрального Комитета КПСС, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР от 5 марта 1953 года:

Заседание началось в 20 час., закончилось в 20 час. 40 мин.

Председательствует тов. Хрущев.

Тов. Хрущев предоставляет слово министру здравоохранения СССР т. Третьякову для информационного сообщения о состоянии здоровья товарища Сталина И. В.

Сообщение т. Третьякова принимается к сведению.

Тов. Хрущев сообщает, что с самого начала болезни товарища Сталина у его постели непрерывно находятся члены Бюро Президиума ЦК. Сейчас дежурит тов. Булганин, поэтому он не присутствует на заседании.

Слово предоставляется тов. Маленкову.

Тов. Маленков говорит:

— Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас.

Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве.

Вот почему Бюро Президиума Центрального Комитета партии созвало настоящее совместное заседание высших органов нашей страны — Пленума

Центрального Комитета партии, Совета Министров Союза ССР, Президиума Верховного Совета СССР.

Затем слово предоставляется тов. Берии.

Тов. Берия говорит, что Бюро Президиума ЦК тщательно обсудило создавшуюся обстановку в нашей стране в связи с тем, что в руководстве партией и страной отсутствует товарищ Сталин. Бюро Президиума ЦК считает необходимым теперь же назначить Председателя Совета Министров СССР. Бюро вносит предложение назначить Председателем Совета Министров СССР тов. Маленкова Г. М.

Затем тов. Хрущев предоставляет слово тов. Маленкову.

Тов. Маленков вносит по поручению Бюро Президиума ЦК КПСС следующие предложения:

1. О назначении первыми заместителями Председателя Совета Министров СССР тт. Берии Л. П., Молотова В. М., Булганина Н. А., Кагановича Л. М. (Многочисленные возгласы с мест: «Правильно!», «Утвердить!»)

2. Иметь в Совете Министров СССР вместо двух органов — Президиума и Бюро Президиума — один орган — Президиум Совета Министров СССР...

4. Объединить Министерство государственной безопасности СССР и Министерство внутренних дел СССР в одно министерство — Министерство внутренних дел СССР.

Назначить министром внутренних дел СССР тов. Берию Л. П.

13. Бюро Президиума ЦК предлагает иметь в Центральном Комитете КПСС вместо двух органов ЦК — Президиума и Бюро Президиума — один орган Президиум Центрального Комитета КПСС, как это определено Уставом партии.

В целях большей оперативности в руководстве определить состав Президиума в количестве 11 членов

и 4 кандидатов.

Утвердить следующий состав Президиума Центрального Комитета КПСС:

Члены Президиума ЦК — тт. Сталин И. В., Маленков Г. М., Берия Л. П., Молотов В. М., Ворошилов К. Е., Хрущев Н. С., Булганин Н. А., Каганович Л. М., Микоян А. И., Сабуров М. З., Первухин М. Г.

Кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС — тт. Шверник Н. М., Пономаренко П. К., Мельников Л. Г., Багиров М. Д.

16. Признать необходимым, чтобы тов. Хрущев Н. С. сосредоточился на работе в Центральном Комитете КПСС, и в связи с этим свободить его от обязанностей первого секретаря Московского Комитета КПСС...

Затем тов. Маленков сообщает, что Бюро Президиума ЦК поручило тт. Маленкову, Берии и Хрущеву принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина, как действующие, так и архивные, были приведены в должный порядок...

Совместное заседание Пленума Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР единогласно утверждает внесенные Бюро Президиума ЦК предложения о мероприятиях по организации партийного и государственного руководства.

Председатель Совместного заседания
Пленума Центрального Комитета КПСС,
Совета Министров СССР
и Президиума Верховного Совета СССР Н. Хрущев

О том, как его вызвали на это заседание и как оно проходило, рассказывал мне Д. Т. Шепилов:

— Старинное крыльцо с железным навесом — это вход в служебное помещение Сталина, а поскольку все, связанное с его именем, считалось секретным и зашифровывалось, то это место называлось «уголок», а

вызов сюда именовался «вызовом на уголком». Небольшой темноватый вестибюль. Вешалка. Здесь полагалось раздеваться. Я только успел снять пальто, как послышалось шуршание подъезжающих машин, хлопанье дверей и шум голосов. Оказывается, после звонка Сулова ко мне о немедленном приезде на Ближнюю дачу решили: членам Президиума не оставаться с покойным, а вернуться в Москву, в кабинет Сталина, где обычно проходили заседания Политбюро, и там обсудить все неотложные вопросы. В несколько приемов поднялись лифтом вверх. Небольшой проходной зал. Направо дверь в широкий коридор. Там массивная дверь вела в просторную приемную Сталина. Большой стол и тяжелые стулья. На столе обычно лежали важнейшие иностранные газеты — американские, английские, французские и т. д., - стопки бумаги и карандаши. Отсюда дверь вела в кабинет помощника Сталина Поскребышева. Около его письменного стола во время заседания Политбюро или приема у Сталина находились два-три полковника или генерала из охраны Сталина. Но в тот день никто не задерживался в приемной или у Поскребышева. Все прибывшие члены Президиума ЦК сразу проследовали в кабинет Сталина. Сразу приглашен был и я.

В последующие месяцы и годы я часто вспоминал это ночное заседание в часы и минуты, когда на Ближней даче остывало тело усопшего диктатора. Когда все вошли в кабинет, началось рассаживание за столом заседаний. Председательское кресло Сталина, которое он занимал почти тридцать лет, осталось пустым, на него никто не сел. На первый стул от кресла Сталина сел Маленков, рядом с ним — Хрущев, поодаль — Молотов; на первый стул слева сел Берия, рядом с ним — Микоян, дальше с обеих сторон разместились остальные.

Берия и Хрущев были как-то весело, по-недоброму возбуждены, то тот, то другой вставляли скабрзные фразы. Смешанное чувство скрытой тревоги, подавленности, озабоченности, раздумий царило в комнате. В силу ли фактического положения, которое сложилось в последние дни, в силу ли того, что вопрос о новой роли Маленкова был уже обговорен у изголовья умирающего, все обращались к нему. Он и резюмировал все, что говорилось за этим столом. Так или иначе, на первом заседании был решен ряд важных вопросов.

Слово Н. А. Мухитдинову, еще одному участнику того заседания:

— 4 марта утром мне позвонили в номер гостиницы и попросили прибыть к одиннадцати часам в Свердловский зал Кремля. Туда, оказывается, были приглашены все находившиеся в эти часы в Москве члены и кандидаты в члены ЦК, члены Ревизионной комиссии, правительства и Президиума Верховного Совета СССР. Все мы, собравшиеся, ожидали появления руководства. Когда расселись, Маленков, подойдя к трибуне, сказал буквально следующее: «Товарищи, из опубликованного сегодня сообщения правительства и бюллетеня врачей вы знаете, что товарищ Сталин серьезно заболел — кровоизлияние охватило важнейшие жизненные органы. По всей вероятности, Иосиф Виссарионович больше не вернется к работе, а государство, партию, всю страну нельзя оставить без руководства. В связи с этим признано целесообразным посоветоваться с вами о реорганизации ряда руководящих органов и перестановках на соответствующих постах работников с тем, чтобы не нарушать ни на один час функционирование всех органов власти. Вы понимаете, что это крайне необходимо как по внутренним, так и по внешним соображениям. Я оглашу наметки, предварительно

составленные членами Президиума ЦК. Давайте сообща обсудим и примем решение».

Предложенные собравшимся изменения касались как состава Совета Министров, Президиума Верховного Совета, так и руководящих органов ЦК КПСС. Было предложено также существенно реорганизовать министерства. Не касаясь частных, остановлюсь на принципиально важных заменах в руководстве, сыгравших в дальнейшем решающую роль в жизни страны. По предложению Маленкова все изменения было решено внести от имени ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета, для чего 6 марта было проведено их совместное заседание.

Все предложения были приняты без изменений и дополнений. Председателем Совета Министров СССР стал Г. М. Маленков, а Н. С. Хрущева сочли целесообразным освободить от обязанностей первого секретаря МК, чтобы он «сосредоточился на работе в ЦК КПСС». Первыми заместителями Маленкова стали Берия, Молотов, Булганин, Каганович. Все они, кроме Кагановича, оставались министрами. Членами Президиума ЦК были избраны Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин.

Еще из воспоминаний Н. А. Мухитдинова:

— В те дни, когда Сталин болел и был прикован к постели, не в стране, не в партии, а в Кремле развернулась страшная схватка за пост Первого секретаря ЦК КПСС, то есть первого лидера партии и государства, всего Советского Союза.

Наибольшую активную и целеустремленную борьбу за пост первого человека в Кремле развернули Маленков, Берия, Хрущев. Очевидно, были и другие среди членов высшего руководства, кто в душе не прочь был оказаться на этом месте, но, зная, что у них нет

реальных шансов, они помалкивали, выжидая исхода противоборства.

Прервем на этом месте рассказ бывшего видного члена партийной верхушки и попытаемся проанализировать ситуацию. Итак, принято постановление совместного заседания ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР о реорганизации руководящих органов и кадровых назначениях. В печати не была указана точная дата его принятия. Возникают вопросы: кто же авторы этих постановлений и перестановок? Как удалось им сговориться? Почему решили обсудить их, когда Сталин лежал в предсмертной агонии? Что думает по этому поводу мой собеседник?

— Есть предположение, — ответил Н. А. Мухитдинов, — что самые близкие к нему деятели того времени — Берия, Маленков, Хрущев, Булганин — это и есть авторы, которые, разделив посты между собой, договорились о других кандидатурах, согласовав с каждым эти перемещения в личной беседе или по телефону. Впрочем, некоторые узнали о своем новом назначении прямо на заседании — с ними не успели переговорить. Кстати, в кулуарах заседания после доклада Маленкова «негласно», шепотом распространялся слух, что все это предложено самим Сталиным, является его завещанием. Конечно, здесь нет ни грана правды.

— Нуриддин Акрамович, могли ли эти лица, пришедшие к власти, так договориться между собой после с м е р т и Сталина?

— По всей вероятности, нет, потому что все они были разными людьми, с разными намерениями, имевшими разногласия, вплоть до давней и открытой неприязни. Боясь, что все будет выглядеть, как захват власти еще при жизни Сталина, они, договорившись о

перемещениях, 4 марта получили согласие членов ЦК и окончательно оформили как постановление 6 марта.

То, что произошло 5 марта, когда Сталин был еще жив, более определенно охарактеризовал В. Ф. Аллилуев.

— В те тревожные мартовские дни, — делится он своим мнением, — когда тяжелая болезнь поразила Сталина и он прощался с жизнью, «святая троица», Берия, Маленков, Хрущев и еще примкнувший к ним Булганин, торопя события, начала действовать. До кончины Сталина оставалось еще немного времени — 1 час 50 минут, но они поспешили провести совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором, отстранив от власти избранный XIX съездом КПСС Президиум ЦК КПСС, захватили все ключевые посты в партии и правительстве. Это, по существу, был тихий **государственный переворот.**

Из рассказа В. Ф. Аллилуева вырисовывалась такая картина. В последние годы своей жизни Сталин все больше стал задумываться о будущем партии, ее руководящем ядре. Он понимал, что монопольное положение партии в государстве не только сила, но и слабость партии, и искал пути обновления ее роли в обществе, возвращения ее к собственным партийным основам. У него созрела идея о создании устойчивой системы коллективного руководства КПСС, обновлении ее руководящего состава за счет расширения центрального органа партии и включения в него новых молодых кадров. Видимо, надежд на старые кадры у него уже не было. Эти идеи нашли свое воплощение на XIX съезде партии, избравшем новый руководящий орган партии — Президиум ЦК КПСС в составе 36 человек. Этим актом был обозначен курс на дальнейшую демократизацию партии.

Пятого марта задуманная Сталиным новая **система коллективного руководства была порушена**. Избранный новый состав Президиума ЦК КПСС был сокращен более чем втрое — с 36 до 10 членов и четырех кандидатов. Из руководства были удалены почти все, кого Сталин выдвинул на XIX съезде.

У власти опять оказались те же лица, что создавали культ личности Сталина, всемерно его развивали, кто руководил и осуществлял репрессии 30-40-50-х годов и теперь имел возможность замести эти следы, найдя «козла отпущения». Г. М. Маленков стал Председателем Совета Министров СССР, Л. П. Берия — министром объединенного Министерства государственной безопасности и внутренних дел, сосредоточив в своих руках неслыханную власть, Н. А. Булганин — Военным министром СССР, К. Е. Ворошилов стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Н. С. Хрущев освободился от обязанностей первого секретаря МК КПСС, чтобы сосредоточиться на работе в ЦК КПСС, готовясь в его первые секретари. Разумеется, все эти кадры стали членами сильно урезанного Президиума.

Так был сделан, на взгляд В. Ф. Аллилуева, первый шаг по тому пути, который в конечном счете привел страну и партию к катастрофе.

А теперь посмотрим на эту абсолютно неисследованную в советской историографии проблему глазами видного диссидента, зарубежного политолога А. Авторханова. Анализ этой темы посвящена его книга «Загадка смерти Сталина», длительное время являвшаяся недоступной даже для партийного актива. Впервые я прочел ее в 1988 году в фонде специального хранения библиотеки ЦК КПСС. В постсоветское время она неоднократно переиздавалась в Москве и в других городах СНГ.

«Кампанию против «врачей-вредителей» отменили те, — читаем в этой книге, — кто, начиная с 1 марта

1953 года, караулил смерть Сталина. Эти «караульщики» в лице четверки — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин — совершили в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года переворот, завуалированный ссылкой на болезнь Сталина, «временно» отошедшего от власти. Четверка немедленно распределила между собой власть в обход Президиума ЦК КПСС. Всем же остальным наследникам Сталина из Политбюро — старым, законным, но не участвовавшим в перевороте, — достались вторые роли.

Сталин тем временем умирал, умирал медленно, но верно, по всем правилам «вредительского лечения», которое он сам на себя накликал... Кстати, в первом «Правительственном сообщении» оказалась и другая ложь. В нем говорилось, что удар у Сталина — кровоизлияние в мозг — произошел в ночь на 2 марта, *когда он находился в Москве на своей квартире*, а на самом деле, как выяснилось позже, это случилось не в Москве, а в Кунцеве. Если все происходит естественно и совесть у учеников Сталина чиста, то зачем они скрывают действительное место его смерти? Зачем нужно от имени ЦК и Совета Министров грубо обманывать собственную партию и народ, если не для того, чтобы создать себе алиби?»

Из участников того заседания, оформившего, по мнению некоторых политических деятелей и историков, самый настоящий государственный заговор, мне удалось побеседовать с П. Е. Шелестом. В свое время он сделал блестящую партийную карьеру, но в брежневские времена его звезда закатилась. В горбачевскую эпоху, когда я работал в ЦК КПСС, он уже давно был на пенсии, но числился рядовым инженером на одном из оборонных предприятий в Москве, и несколько раз приходил ко мне на Старую площадь. Далеко за полночь я оставался в кабинете, торопливо занося в блокнот то, что услышал от человека,

делавшего в числе немногих кремлевских небожителей советскую историю. Несмотря на уважаемый возраст, Петр Ефимович обладал удивительно ясной памятью. Хорошо, что эти листки не затерялись в ворохе других бумаг, что их удалось вынести из заблокированного толпами здания ЦК в августе девяносто первого.

— Мне тогда еще не было известно (я узнал об этом гораздо позже из уст Н. С. Хрущева), что, когда И. В. Сталин в своей московской загородной даче лежал уже смертельно больной, тогда еще при живом вожде его соратники вели интриги в борьбе за власть, — делился со мной жгучей кремлевской тайной бывший член Политбюро. — Эти соратники в одиночку и группами заискивающе спрашивали о состоянии здоровья Иосифа Виссарионовича у дежуривших врачей. С тревогой посматривали на дверь комнаты, где лежал Сталин, и каждый из них думал: «А что, если сейчас оттуда выйдет Сталин? Он ведь сразу наведет порядок». Какая же грязная штука эта «большая политика»! Страна, партия, народ сами по себе переживают искреннее горе, а в верхах «соратники», каждый в отдельности и группами, рвутся к власти — делят ее при живом руководителе, и в этом их главная цель.

У Шелеста эмоции перехлестывали через край, оттесняя на задний план детали протокола. Мухитдинов более сдержан, хотя, казалось бы, должно быть наоборот — Нуриддин Акрамович восточный человек. Но он предпочитает язык фактов.

— 14 марта в Свердловском зале состоялся Пленум ЦК КПСС, — бесстрастно излагает он. — По предложению Г. М. Маленкова, председательствовавшего на Пленуме, почтили память И. В. Сталина минутой молчания. Приступив к обсуждению повестки дня, избрали Президиум ЦК КПСС в составе, который был утвержден на совместном заседании 6 марта. При рассмотрении состава

секретарей утвердили четверых, как это было решено тогда же, и дополнительно, по предложению Н. С. Хрущева, избрали секретарем ЦК КПСС М. А. Суслова.

Дело в том, что Михаил Андреевич еще на первом Пленуме ЦК, образованном на XIX съезде партии, был избран членом Президиума и секретарем ЦК КПСС, однако на совместном заседании 4 марта не вошел никуда — ни в Президиум, ни в Секретариат ЦК, оказался «ником». Через десять дней это поправил Хрущев. Несомненно, Суслов был ему очень нужен.

Пленум освободил Г. М. Маленкова от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с назначением его Председателем Совета Министров СССР. Вместе с тем обусловили, не принимая специального решения, что он будет заниматься делами и Президиума ЦК КПСС, а также председательствовать на заседаниях Президиума и Пленума ЦК.

Затем в Кремлевском Дворце состоялась сессия Верховного Совета СССР, также открывшаяся минутой молчания в память Сталина. Депутаты без обсуждения утвердили структурные изменения и персональный состав новых назначений в Президиуме Верховного Совета СССР, Совете Министров Союза, министерствах и ведомствах. Утвердили также необходимые изменения и дополнения к Конституции СССР, вытекающие из этих перестановок. На этом сессия закрылась.

Так в течение десяти дней были осуществлены крупные изменения в высших звеньях партии, государства, общества, всего того, что было создано при Сталине и под его непосредственным руководством.

И все же почтенный аксакал предпочел осторожную оценку. Мухитдинов не назвал вещи своими именами, как это сделал, например, Авторханов в далеком Мюнхене. Наверное, так и должен поступать настоящий диссидент.

«Шестого марта 1953 года, — безжалостно рубит он в своей книге «Загадка смерти Сталина», — сталинский Президиум ЦК из 25 человек и 11 кандидатов был разогнан меньшинством этого Президиума — четверкой. Было восстановлено то старое Политбюро, которое Сталин ликвидировал фактически в октябре 1952 года и которое он хотел ликвидировать физически в связи с «делом врачей».

Совершить переворот у заговорщиков хватило мужества, но открыто заявить об этом они побоялись, ибо еще думали, что убили бога, а не лжебога, и если сообщить народу о его преступлениях (что было сделано только через три года на XX съезде), то армия может возмутиться поруганием своего Верховного.

Четверка реорганизует и Секретариат ЦК, изгнав оттуда тех, на кого Сталин собирался опереться при уничтожении старого Политбюро — Пономаренко, Брежнева, Игнатова, Аристова и Пегова, — но введя помогшего организовать заговор против Сталина бывшего министра госбезопасности Игнатьева. Немедленно изгоняется узкая военная клика, на которую опирался Сталин: снимается министр обороны маршал Василевский (для виду его оставляют «заместителем», хотя фактически заместителем был назначен опальный маршал Жуков), смещаются командующий Московским военным округом генерал-полковник Артемьев и комендант города Москвы генерал-лейтенант Синилов. Изгоняется и арестовывается весь руководящий аппарат Министерства госбезопасности во главе с заместителем министра Рюминым (он непосредственно руководил делом врачей-«вредителей»).

Разгром происходит в крупнейших центрах страны, где орудовали личные ставленники Сталина: в Ленинграде исчезает первый секретарь Ленинградского обкома и член Президиума ЦК КПСС Андрианов, в Киеве

— первый секретарь ЦК Украины и член Президиума ЦК КПСС Мельников, в Минске — первый секретарь ЦК Белоруссии и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Патоличев.

Главные посты в партии и правительстве достаются не тем, кого считали в партии и стране законными наследниками Сталина (Молотов, Каганович, Ворошилов), а тем, кто произвел переворот: Маленков делается Председателем Совета Министров СССР, Берия назначается его первым заместителем и министром внутренних дел СССР (Министерство внутренних дел и Министерство госбезопасности объединены теперь в одно Министерство внутренних дел), Булганин назначается министром обороны (Военное министерство объединено с Военно-морским министерством), Хрущев становится исполняющим обязанности Первого секретаря ЦК КПСС.

Заговорщикам очень нужны имена старых членов Политбюро, сотрудников Ленина и соратников Сталина, для создания видимости законной исторической преемственности. Поэтому они назначают Молотова и Кагановича тоже «первыми заместителями» Председателя Совета Министров. Но это фикция. Первый заместитель бывает всегда первым, и эту должность занимает Берия: при перечислении членов Президиума ЦК его фамилию называют сразу после фамилии Маленкова. Для той же бутафории Ворошилов назначается на действительно бутафорскую должность — «президентом», то есть Председателем Президиума Верховного Совета СССР».

Прощание. Похороны

У Евгения Евтушенко есть фильм «Похороны Сталина», у профессионального режиссера Алексея Германа фильм «Хрусталив, машину!». Оба произведения созданы в условиях отсутствия коммунистической цензуры. Те, кто их видел, а также читал подробные воспоминания о траурных днях в Москве, может сравнить одностороннюю трактовку предлагаемых для новых поколений видеосюжетов и публикаций с первоисточниками.

С. И. Аллилуева:

— Все разошлись. Осталось на одре тело, которое должно было лежать здесь еще несколько часов, таков порядок. Остались в зале Н. А. Булганин и А. И. Микоян, осталась я, сидя на диване у противоположной стены. Погасили половину всех огней, ушли врачи. Осталась только медсестра, старая сиделка, знакомая мне давно по кремлевской больнице. Она тихо прибирала что-то на огромном обеденном столе, стоявшем в середине зала.

Это был зал, где собирались большие застолья и где съезжался узкий круг Политбюро. За этим столом — за обедом или ужином — решались и вершились дела. «Приехать обедать» к отцу — это и означало приехать решить какой-то вопрос. Пол был устлан колоссальным ковром. По стенам стояли кресла и диваны; в углу был камин, отец всегда любил зимой огонь. В другом углу была радиола с пластинками, у отца была хорошая коллекция народных песен — русских, грузинских, украинских. Иной музыки он не признавал. В этой комнате прошли все его последние годы, почти двадцать лет. Она сейчас просталась со своим хозяином.

Пришли проститься прислуга, охрана. Вот где было истинное чувство, искренняя печаль. Повара, шоферы, дежурные диспетчеры из охраны, подавальщицы, садовники, — все они тихо входили, подходили молча к постели и все плакали. Утирали слезы как дети, руками, рукавами, платками. Многие плакали навзрыд, и сестра давала им валерьянку, сама плача. А я-то, каменная, сидела, стояла, смотрела, и хоть бы слезинка выкатилась... И уйти не смогла, а все смотрела, смотрела, оторваться не могла.

Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина — Валечка, как ее все звали, — экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей.

Все эти люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту, наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислужгой, а если и распекал, то только «начальников» — генералов из охраны, генералов-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо, и никогда не получали отказа. А Валечка — как и все они — за последние годы знала о нем куда больше и видела больше, чем я, жившая далеко и отчужденно. И за этим большим столом, где она всегда прислуживала при больших застольях, повидала она людей со всего света. Очень много видела она интересного, конечно, в рамках своего кругозора, но рассказывала мне, когда мы виделись, очень живо, ярко, с юмором. И как вся прислуга, до последних дней своих, она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец. И не переубедить их всех никогда и ничем.

Поздно ночью — или, вернее, под утро уже — приехали, чтобы увезти тело на вскрытие. Тут меня

начала колотить какая-то нервная дрожь, ну, хоть бы слезы, хоть бы заплакать. Нет, колотит только. Принесли носилки, положили на них тело. Впервые увидела я отца нагим — красивое тело, совсем не дряхлое, не стариковское. И меня охватила, кольнула ножом в сердце странная боль — и я ощутила и поняла, что перестало жить и дышать тело, от которого дарована мне жизнь, и вот я буду жить еще и жить на этой земле.

Всего этого нельзя понять, пока не увидишь своими глазами смерть родителя. И чтобы понять вообще, что такое смерть, надо хоть раз увидеть ее, увидеть, как «душа отлетает», и остается брэнное тело. Все это я не то, чтобы поняла тогда, но ощутила, все это прошло через мое сердце, оставив там след.

И тело увезли. Подъехал белый автомобиль к самым дверям дачи, все вышли. Сняли шапки те, кто стоял на улице, у крыльца. Я стояла в дверях, кто-то накинул на меня пальто, меня всю колотило. Кто-то обнял за плечи, это оказался Н. А. Булганин. Машина захлопнула дверцы и поехала. Я уткнулась лицом в грудь Николаю Александровичу и, наконец, разревелась. Он тоже плакал и гладил меня по голове. Все постояли еще в дверях, потом стали расходиться.

Я пошла в служебный флигель, соединенный с домом длинным коридором, по которому носили еду из кухни. Все, кто остался, сошлись сюда, — медсестры, прислуга, охрана. Сидели в столовой, большой комнате с буфетом и радиоприемником. Снова и снова обсуждали, как все случилось, как произошло. Заставили меня поесть что-то: «Сегодня трудный день будет, а вы и не спали, и скоро опять ехать в Колонный зал, надо набраться сил!» Я съела что-то и села в кресло. Было часов пять утра. Я пошла в кухню. В коридоре слышались громкие рыдания — это сестра, проявлявшая здесь же, в ванной комнате,

кардиограмму, громко плакала. Она так плакала, как будто погибла сразу вся ее семья... «Вот, заперлась и плачет — уже давно», — сказали мне.

Через пятьдесят лет после происшедшего поделился своими впечатлениями сын Лаврентия Павловича Берии — Серго Лаврентьевич, взявший после расправы с отцом фамилию матери Гегечкори. Одна из больших его тайн, почему он это сделал. Вынудили? Или сам, чтобы не вызывать определенного к себе интереса? Но ведь до ареста отца он не стеснялся фамилии, которую носил, наоборот, гордился ею — она была как волшебный ключик ко всем замкам.

Но сейчас не об этом.

— Смерть Сталина я воспринял, скажу откровенно, двояко, — рассказывал в 1993 году Серго Лаврентьевич, грузный и седой от пережитого. — В основном мне было жаль Светлану, его дочь. Она ведь — я это хорошо знал — и до того была одиноким человеком, а после смерти Сталина жизнь ее и вовсе не заладилась. Внешне, конечно, и Хрущев, и Ворошилов, к примеру, ее опекали, на самом же деле эти люди прекрасно знали очень слабую психику Светланы и подталкивали ее к тому, что в конце концов и случилось...

О том, что произошло со Сталиным, Серго Лаврентьевич, по его словам, узнал от мамы, когда пришел домой пообедать. Обычно в это время приезжал и отец, но в тот день его не было. Мама сидела заплаканная и сразу же сказала сыну, что у Иосифа Виссарионовича удар и, по всей вероятности, он не выживет.

— Ну а ты-то что плачешь? — спросил Серго. — Помнишь ведь, что отец говорил...

Речь шла о том, что готовил им Сталин.

Нина Теймуразовна, мать, разумеется, обо всем знала: Лаврентий Павлович действительно предупредил семью о том, что может случиться.

— Знаешь, — ответила, — я все понимаю, но мне его все равно жаль — он ведь очень одинокий человек.

Серго сел обедать, а Нина Теймуразовна поехала к Светлане.

— И о смерти Сталина, — рассказывал Серго Лаврентьевич, — и о поведении его близких и соратников в те дни написано много, но в основном это пересказы или явные домыслы. Широко известно, скажем, что Светлана у кровати Сталина чуть ли не сутками сидела. Мы же знали, что она находилась дома и была совершенно спокойной. Я не хочу сказать, что она не любила своего отца, но это была отнюдь не та безумная любовь, о которой столько написано, в основном ею же... На похоронах Сталина я был, разумеется.

Вот и разберись после этого, кто лжесвидетельствует — дочь Сталина или сын его ближайшего сподвижника? Посмотрим, что говорили по этому поводу другие участники траурных мероприятий.

П. Е. Шелест, работавший тогда в Киеве директором оборонного предприятия, начал издавека:

— Газеты, радио оповестили о смерти И. В. Сталина, и это был действительно всенародный, горький до слез траур. По заданию горкома КП(б)У я совместно с парткомом провел траурный митинг на заводе. Выступить мне было очень тяжело, многие присутствующие буквально плакали навзрыд. У всех на устах был один вопрос: а что же будет дальше? Да, действительно, вопрос серьезный, что будет? Нам говорили, что есть партия, ленинский ЦК — все это так. Но ушел руководитель — авторитет партии, народа, с которым мы жили 30 лет, при этом воспиталось целое поколение. Из истории известно, что меняется руководитель — меняется и политический курс. Тем более это было тревожно в масштабе нашего огромного государства.

У меня появилось неудержимое желание поехать в Москву и проститься с И. В. Сталиным — отдать ему свой сыновний последний долг. Из Киева в Москву летел спецсамолет с венком и цветами для И. В. Сталина от ЦК КП(б)У, Совмина и Президиума Верховного Совета Украины. Я попросил разрешения, и мы с женой Ириной полетели этим самолетом в Москву с венком от коллектива завода.

Гроб с телом И. В. Сталина был установлен в Колонном зале Дома союзов. Что творилось в Москве — представить и вообразить невозможно, не будучи очевидцем. Все улицы, проходные дворы, подворотни были перекрыты, оцеплены войсками и милицией. На улицах сотни тысяч людей, улицы перекрыты в три-четыре ряда грузовыми машинами, шеренгами солдат, работниками органов милиции. Доступ к гробу И. В. Сталина был только по специальным пропускам и организованными колоннами. Напор людской массы невероятный, имелись сотни жертв.

Предъявив удостоверение директора завода и члена бюро горкома КП(б)У, мне вместе с Ириной удалось все же пройти в Колонный зал, пройти у гроба И. В. Сталина и проститься с ним. Я видел, как там плакал народ, и это была особенная торжественная и гнетущая грусть. Видел и многих тех, кто стоял в почетном карауле — еще окончательно не разделили власть между собой, но они стояли уже смиренно, спокойно: ведь Сталин уже мертв, опасности для них никакой. Все, что мне пришлось увидеть в это время в Москве при прощании со Сталиным, на меня произвело тяжелое впечатление, и до конца своих дней я этого забыть не могу. Мне тяжело было, но я остался доволен, что отдал последний долг такому великому человеку, каким был И. В. Сталин.

— Петр Ефимович, а вы видели Светлану, дочь Сталина? Ее действительно не было у гроба отца?

Разговор с П. Е. Шелестом был уже не на Старой площади, а на «нейтральной» территории — на скамеечке в скверике. Шло лето девяносто третьего.

— Честно говоря, не помню. Да и далек я был в ту пору от кремлевских семей...

Что ж, спасибо и на этом. Уж лучше такой ответ, чем демонстрация своей осведомленности в ущерб истине, на что столь охочи иные очевидцы. И еще спасибо за непредвзятое, несмотря на политические зигзаги советской эпохи, отношение к историческим событиям. Оказывается, узнав о смерти вождя, люди все же ощущали нечто иное, нежели втолковывают сейчас многие инженеры демократических душ.

А сейчас обратимся к свидетельству уже знакомого нам видного в прошлом кремлевского деятеля Н. А. Мухитдинова.

— Очень тяжело было, — рассказывает он, — постоянно находиться в Колонном зале. Симфонический оркестр непрерывно играл траурные мелодии, терзавшие душу. Не видел ни одного посетителя, кем бы он ни был: государственным деятелем, партийным работником, ветераном мирового коммунистического и рабочего движения, рядовым советским человеком, — кто глубоко не переживал бы, многие плакали.

Вошел в зал Брежнев — один, не в составе руководства. Его трудно было узнать: глаза красные, в слезах, веки и все лицо побагровели. Подойдя к гробу и увидев покойного, буквально в голос зарыдал, так что член похоронной комиссии маршал А. М. Василевский подошел к нему и тихо сказал: «Леонид Ильич, возьмите себя в руки. Все смотрят на вас».

Брежнев словно очнулся, осмотрелся вокруг и быстрыми шагами вышел из зала. Откровенно говоря, мне стало его жаль. Ведь всего несколько дней назад он был членом высшего руководства, ездил на «Чайке» с охраной, жил в особняке, пользовался дачей. Не так

легко было попасть к нему на прием. Его портреты носили на праздничных демонстрациях. А теперь он всего лишь заместитель начальника Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Как потеря должностей и почестей могут изменить человека!..

В начале девяностых годов видный чекист, руководитель одного из управлений НКВД СССР генерал-лейтенант П. А. Судоплатов делился со мной запомнившимися ему подробностями. Он, конечно же, смотрел на происходившее с точки зрения особенностей своей службы:

— Я был на похоронах Сталина и видел, как непрофессионально Серов, Гоглидзе и Рясной контролировали положение в городе. Прежде чем я смог добраться до Колонного зала, чтобы встать в караул от моего министерства, кордон из грузовиков перекрыл путь, так что мне пришлось пробираться через кабины грузовиков. Не продумали даже, как разместить все делегации, прибывавшие на похороны. Была какая-то идиотская неразбериха, из-за которой сотни скорбящих людей, к сожалению, погибли в давке.

Павел Анатольевич признавался: во время похорон Сталина его горе было искренним.

— Я думал, что его жестокость и расправы были ошибками, совершенными из-за авантюризма и некомпетентности Ежова, Абакумова, Игнатьева и их подручных.

Когда об этом сообщили

В годы горбачевской гласности пресса много писала о том, что Сталин якобы умер гораздо раньше, чем об этом сообщили народу. Мол, сталинские преемники умышленно скрывали правду, чтобы не стала известна их закулисная борьба за власть.

Обратимся к мнению авторитетного антисоветчика А. Авторханова.

«В «Правительственном сообщении» от имени ЦК КПСС и Совета Министров, — пишет он в уже упоминавшейся книге «Загадка смерти Сталина», — опубликованном только 4 марта 1953 года, сказано: «В ночь на 2 марта у т. Сталина, когда он находился в Москве на своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи».

О тяжелой, смертельной болезни Сталина сообщают только на четвертый день, ибо фактически удар у Сталина был вечером 1 марта. «Правительственное сообщение» о болезни Сталина, видно, составлено заговорщиками без консультации с врачами, иначе Сталин не потерял бы сначала сознание, а потом речь. Для лечения Сталина создается комиссия из восьми врачей — академиков и профессоров. Во главе комиссии — новый министр здравоохранения СССР Третьяков и новый начальник Лечебно-санитарного управления Кремля Куперин. В сообщении говорится, что «лечение т. Сталина проводится под постоянным наблюдением ЦК КПСС и Совета Министров СССР», то есть «вредительское лечение» исключается.

5 и 6 марта выходит несколько бюллетеней о ходе болезни Сталина. Составленные на этот раз, по всей видимости, с использованием последних и лучших

медицинских работников, бюллетени поражают подробностью и изобилием непонятных, сугубо медицинских терминов, частично тут же переведенных на русский язык. За внешней озабоченностью ходом болезни Сталина и «энергичными мерами» его лечения, иногда даже вызывающими частичное улучшение состояния больного, чувствуется, что смерть Сталина — дело решенное.

5 марта 1953 года Сталин умирает. Тогда «наследники» прибегают к неслыханной мере, они создают совершенно новую комиссию академиков и профессоров из семи человек во главе с теми же Третьяковым и Купериным для подтверждения правильности диагноза болезни Сталина и правильности его лечения под руководством ЦК. Комиссия дала авторитетное заключение: «Результаты патологоанатомического исследования полностью подтверждают диагноз, поставленный профессорами-врачами, лечившими И. В. Сталина. Данные патологоанатомического исследования установили необратимый характер болезни И. В. Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительный результат и предотвратить роковой исход» («Известия», 7.3.53).

Это не врачи, а Берия и его соучастники заручились свидетельством, чтобы доказать свое алиби. Они знали, что не только Василий Сталин будет утверждать, что «они убили Сталина». Но одно то, что им понадобилось такое свидетельство, выдает их с головой».

А вот свидетельство С. И. Аллилуевой, не отходившей, по ее словам от умиравшего отца, что, как мы знаем, опровергает сын Берии.

— Все как-то неосознанно ждали, — вспоминает она, — сидя в столовой, одного: скоро, в шесть часов утра по радио объявят весть о том, что мы уже знали.

Но всем нужно было это *услышать*, как будто бы без этого мы не могли поверить. И вот, наконец, шесть часов. И медленный, медленный голос Левитана или кого-то другого, похожего на Левитана, — голос, который всегда сообщал нечто важное. И тут все поняли: да, это правда, это случилось. И все снова заплакали — мужчины, женщины, все... И я редела, и мне было хорошо, что я не одна, и что все эти люди понимают, что случилось, и плачут со мной вместе.

(Сомнение Светланы Иосифовны было небезосновательным. Сообщение о смерти Сталина по радио зачитывал не Левитан. В ранее вышедшей книге «Вожди и сподвижники» я косвенно упомянул об этом эпизоде и спустя некоторое время получил от читателя из Москвы А. А. Павловского письмо, в котором он, ссылаясь на то, что знал голоса дикторов «наизусть», уточнил: этим диктором был не Левитан, а Юрий Ярцев.)

Однако продолжим монолог С. И. Аллилуевой.

— Здесь все было неподдельно и искренне, — вспоминала она, — и никто ни перед кем не демонстрировал ни своей скорби, ни своей верности. Все знали друг друга много лет. Все знали и меня, и то, что я была плохой дочерью, и то, что отец мой был плохим отцом, и то, что отец все-таки любил меня, а я любила его.

Никто здесь не считал его ни богом, ни сверхчеловеком, ни гением, ни злодеем. Его любили и уважали за самые обыкновенные человеческие качества, о которых прислуга судит всегда безошибочно.

Д. Т. Шепилов, касаясь этой темы, сказал следующее:

— Я сидел в своем рабочем кабинете в «Правде». Готовили очередной номер газеты на 6 марта 1953 года. Около десяти часов вечера зазвонил кремлевский телефон-«вертушка»: «Товарищ Шепилов? Говорит

Суслов. Только что скончался Сталин. Мы все на Ближней даче. Приезжайте немедленно. Свяжитесь с Чернухой и приезжайте возможно скорей».

— Чернуха? Эта фамилия мне знакома. Кажется, он встречал на аэродроме Жукова после его возвращения из Югославии. Как представитель ЦК КПСС, верно? Какую должность он занимал?

— Чернуха был вторым, после Поскребышева, помощником Сталина, — разъяснил Д. Т. Шепилов. — О звонке Суслова я никому не сказал в редакции. Предупредил, что еду в Кремль, к Поскребышеву, и спустился на улицу.

Н. А. Мухитдинова, по его рассказу, пригласили на Старую площадь.

— Пятого марта ночью, — вспоминал он, — нас пригласили в ЦК, где Шаталин и еще два работника ЦК сообщили, что только что умер Сталин, что утром 6 марта будут переданы по радио и опубликованы в печати обращение к партии и народу, а также медицинское заключение. Ознакомили с решениями об образовании комиссии по организации похорон. Сообщили, что гроб с телом Сталина будет установлен в Колонном зале Дома союзов. Затем нас, несколько членов ЦК, попросили постоянно быть в Колонном зале, чтобы помогать комиссии.

Избавление от свидетелей

Снова обратимся к исследованию А. Авторханова. «Вот за тех, кто знал слишком много, и взялся Берия сразу после смерти Сталина, — читаем в книге «Загадка смерти Сталина». — К ним, кроме соучастников Берии, относились: 1) две комиссии врачей: одна — «лечившая» Сталина, и другая — засвидетельствовавшая, что Сталина лечили «правильно»; 2) охрана и прислуга Сталина на даче в Кунцеве.

Большинство врачей из этих двух комиссий исчезли сразу после смерти Сталина. Один из врачей, участвовавших во вскрытии тела Сталина, профессор Русаков, «внезапно» умер. Лечебно-санитарное управление Кремля, ответственное за лечение Сталина, немедленно упраздняется, а его начальник И. И. Куперин арестовывается. Министра здравоохранения СССР А. Ф. Третьякова, стоявшего по чину во главе обеих комиссий, снимают с должности, арестовывают и вместе с Купериным и еще двумя врачами, членами комиссии, отправляют в Воркуту. Там он получает должность главврача лагерной больницы.

Реабилитация их происходит только спустя несколько лет, а это доказывает, что заметал следы не один Берия, а вся четверка.

Не менее круто поступил Берия с кунцевской охраной и службой Сталина: ведь эти люди не только были свидетелями того, что происходило вокруг Сталина, но, очевидно, и рассказали Василию Сталину, как бериевские «врачи» залечили его отца.

Если бы Сталин умер естественной смертью «под постоянным наблюдением ЦК и правительства», как гласило правительственное сообщение от 4 марта 1953

года, то не происходили бы те «странные события» в Кунцево, о которых рассказывает, впрочем, не вдаваясь в причины происходящего, дочь Сталина».

Действительно, после кончины хозяина Ближней дачи там началось непонятное.

— Дом в Кунцево пережил после смерти отца, — вспоминает С. И. Аллилуева, — странные события. На второй день после смерти его хозяина — еще не было похорон — по распоряжению Берии, созвали всю прислугу и охрану, весь штат обслуживавших дачу, и объявили им, что вещи должны быть немедленно вывезены отсюда (неизвестно куда), а все должны покинуть это помещение.

Спорить с Берией было никому невозможно. Совершенно растерянные, ничего не понимавшие люди собирали вещи, книги, посуду, мебель, грузили со слезами все на грузовики, все куда-то увозилось, на какие-то склады... Подобных складов у МГБ — КГБ было немало в свое время. Людей, прослуживших здесь по десять — пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу. Их разогнали всех, кого куда. Многих офицеров из охраны послали в другие города. Двое застрелились в те же дни. Люди не понимали ничего, не понимали, в чем их вина? Почему на *них* так ополчились? Но в пределах сферы МГБ, сотрудниками которого они все состояли по должности (таков, увы, был порядок, одобренный самим отцом!), они должны были беспрекословно выполнять любое распоряжение начальства. Я узнала об этом много позже — тогда, в те дни, меня не спрашивали.

Как рассказывали мне в середине восьмидесятых годов «долгожители» Старой площади, позже, когда «пал» сам Берия, Ближнюю дачу стали почему-то восстанавливать. Свезли обратно вещи. Пригласили бывших комендантов, подавальщиц. Они помогли снова расставить все по своим местам и вернуть дому

прежний вид. Оказывается, готовились открыть здесь музей, наподобие Ленинских Горок. Но затем последовал XX съезд партии, после которого, конечно, идея музея не могла прийти кому-либо в голову.

Версия Д. Волкогонова. Не многие теперь уже знают, что после похорон Президиум ЦК решит «организовать на подмосковной даче, где жил и работал вождь, музей И. В. Сталина». Даже директора назначили, штаты утвердили, большие деньги отпустили. Но, слава Богу, скоро одумались...

А. Авторханов прямо называет еще одну группу свидетелей — соучастников Берии: Маленков, Хрущев и Булганин. «Сами по себе личности не выдающиеся, — пишет он, — они все-таки представляли важнейшие институции: Маленков — государственную бюрократию, Хрущев — партийный аппарат, Булганин — армию. С ними Берия думал поступить так, как поступает всякий уважающий себя бандит: честно поделить добычу — власть. Будучи на вторых ролях во время «лечения» Сталина, они после его смерти получили от Берии всю юридическую партийно-государственную власть с одной негласной оговоркой, запечатленной в новом кремлевском протоколе иерархии вождей: Берия согласился быть вторым лицом в государстве, чтобы управлять первым».

А теперь о том, как представлялись описываемые события сотрудникам охраны Ближней дачи.

— Никто нас не звал проститься с мертвым, — вспоминал комендант П. Лозгачев в беседе с драматургом Э. Радзинским, — мы сами ходили. Светлана была недолго (свидетельство, подтверждающее версию Серго Берии. — *Н. З.*). Был и Вася. Не сказал бы, что он был пьян, но в волнении. Потом приехала машина с носилками, положили его и при мне понесли. И все... И никого — только мы стоим и смотрим.

— Говорят, у Хозяина на теле был какой-то кровоподтек, будто его толкнул кто-то? — спросил драматург.

— Никакого кровоподтека не было и не могло быть, никто его не толкал. *Хрусталеv был*, когда его бальзамировали, и говорил нам, что в легких, правда, нашли какой-то огарок. Может быть, когда кислород вводили, что-то попало. А так ничего.

— А что было потом с прикрепленными?

— Ну, а дальше всех разогнали, вызывают такого-то и отправляют из Москвы, «чтоб немедленно выезжали с семьей». Такая неожиданность! Старостин, Орлов, Туков решили зайти к Берию, попросить не отправлять. Пришли, а он говорит: «Не хотите быть там — будете там», — и пальцем указал на землю. Ну, они и поехали.

— А что было потом с Хрусталевым?

— Хрусталеv заболел и вскоре умер. Орлова со Старостиным назначили во Владимир, а я остался на объекте — объект пустой, а я завхоз. Объект передали Министерству здравоохранения. Так вот и закончилась Ближняя...

Версии кончины

Подозрения о насильственной смерти Сталина возникли уже через несколько суток после его смерти.

Еще в годы работы в ЦК КПСС как-то мне попало на глаза в архиве одно любопытное письмо. Его автором, несомненно, была женщина, но она по каким-то известным только ей причинам предпочла не называть свою фамилию. Письмо датировано 9 марта 1953 года. Адресовано Н. С. Хрущеву. Привожу его полностью, потому что таких писем поступало множество. Наверное, они в какой-то мере отражали настроения, сложившиеся в массовом сознании.

«Дорогой Никита Сергеевич!

Считая Вас после незабвенного товарища Сталина наиболее близким нам человеком и питая некоторую надежду, что это письмо все же попадет к Вам в эти трудные дни, решила высказать вам откровенно, как член партии, то, что меня, как и тысячи других людей, волнует.

1. Правдой является то, что 90 % нашего народа не верит в то, что товарищ Сталин умер естественной смертью. Народ считает, что это — дело рук подлых убийц, так искусно совершивших свое злодеяние, что даже медицинские эксперты не смогли ничего открыть. От этого факта нельзя отмахнуться, народ хочет знать истинную правду. Почему неизвестны последние дни и силы товарища Сталина? В каком он был окружении? Каково его здоровье было последние дни? Почему эти вопросы скрываются от масс? Что послужило непосредственным толчком к такой внезапной болезни? Народ все это хочет знать, тем более скрывается это партией, которая сильна своей связью с массами.

Если это нельзя по каким-либо причинам или соображениям опубликовать в печати, то можете сообщить в закрытом письме к членам партии. Партия имеет право знать все о своем вожде.

2. Уберите из правительства евреев, народ им не верит, ибо имеет на это все основания. Их дальнейшее пребывание у власти погубит еще не одного дорогого нам человека. Большинству нашего народа чужд антисемитизм, но деятельность абсолютного большинства евреев поневоле вызывает возмущение. Отрицать это — значит, закрывать глаза на действительные факты, что не к лицу партийным руководителям сталинского типа.

Это паразиты на шее народа. Разве им нужен коммунизм? Им нужно золото и возможность обдирать глухых, по их мнению, Иванов. Американский образ жизни наиболее подходит. Особенно опасны они потому, что у них существует кастовая обособленность, круговая порука, взаимное восхваление и выручка во всех темных махинациях.

Уже одно то, что они не стоят на принципиальных партийных позициях, считают свою касту интеллектуально выше других, а также вытягивают один другого, является проявлением расизма и буржуазного национализма.

Вас интересуют факты? Вникните в жизнь, и Вы найдете тысячи, их всех не сыщешь. Кстати, Вам не составит труда получить такие статистические данные: сколько евреев было в санаториях и домах отдыха в 1951-1952 гг. и какой это % составляет ко всей нации по сравнению с другими.

Если не бежать от фактов, то Вы придете к определенному выводу.

3. Народ наш предан партии Ленина — Сталина.

Не скрывайте ничего от членов партии, которые мобилизуют народ на выполнение многих задач.

Например, совершенно неясна перестановка в правительстве, созданном при жизни товарища Сталина.

Каковы были дебаты на объединенном заседании ЦК, Совета Министров и Президиума ВС СССР? Почему сняты с постов товарищи Шверник и Горкин, которые продолжительное время работали на этих постах?

Все эти вопросы должны быть ясны народу, ибо он сам может дать объяснение, возможно, даже не соответствующее действительности».

Не меньший интерес представляют и ежедневные секретные сводки, которые готовились Министерством государственной безопасности СССР для узкого круга лиц из высшего партийного и государственного руководства страны. Тема — настроения в армии в связи с болезнью И. В. Сталина. Вот сведения только за один день, 5 марта 1953 года.

Документ так и озаглавлен: «О настроениях в армии в связи с болезнью товарища И. В. Сталина». Адресован Г. М. Маленкову, Л. П. Берию, Н. А. Булганину, Н. С. Хрущеву. Подписан министром госбезопасности С. Игнатьевым. По вполне понятным причинам исключаю из сводок фамилии лиц, попавших в поле зрения «органов».

«Докладываем Вам о реагировании военнослужащих и вольнонаемных Советской Армии и Военно-Морского Флота на болезнь т. И. В. Сталина.

Вольнонаемная работница военной базы Московского военного округа: «Как жаль, что он так тяжело заболел! Не приложили ли руку к его здоровью евреи?»

Начальник отдела штаба Московского военного округа, полковник: «Как же так, не уберегли т. Сталина, нужно было лучше его сохранять».

Вольнонаемная работница штаба ВВС Московского военного округа: «В тяжелой болезни т. Сталина

виновны те же врачи-убийцы. Это, видимо, они и т. Сталину давали отравляющие лекарства замедленного действия». Сотрудник управления коменданта Московского Кремля, подполковник: «Все возможно. У т. Сталина повышенное давление крови, а его враги направляли на юг лечиться. На юге же находиться с такой болезнью противопоказано. Это тоже, видимо, делали врачи».

Слесарь эксплуатационно-технического отдела: «Возможно, что т. Сталин тоже отравлен. Да, настала тяжелая жизнь, всех травят, а правду сказать нельзя, у нас такой порядок — сразу посадят и будешь сидеть. Настанет время, когда евреи русским скажут: «Ну-ка, долой, хватит вам сидеть у власти, теперь мы придем к власти». Это будет так. Наши органы все проморгали. Если не выздоровеет т. Сталин, как бы рабочие не устроили погром еврейских палаток и магазинов. Если не выздоровеет т. Сталин, то нам надо пойти на Израиль и громить евреев».

Полковник в отставке, еврей, член КПСС: «Судя по тону сообщения — это конец. Сейчас в ЦК КПСС начнутся раздоры и взаимная борьба за власть, секретарь ЦК КПСС... (в тексте документа пропуск фамилии) будет сейчас стремиться расставить на высокие руководящие посты близких ему людей, чтобы обеспечить себе единовластное руководство. Мы будем наблюдать такую же обстановку, которая происходила в период борьбы с оппозицией. Вообще наше положение и авторитет значительно ухудшатся и по вопросам внешней политики. Возьмите страны народной демократии, они сейчас, естественно, будут стремиться к большей самостоятельности и к освобождению от нашей повседневной опеки. Особенно это положение относится к Китаю, который и до сих пор чувствовал себя наиболее самостоятельно, а сейчас трудно сказать, как могут повернуться наши

отношения, тем более что США принимают все меры, чтобы вбить клин в наши отношения с Китаем».

Заведующий столовой в мотострелковой дивизии, старшина: «Заболел тяжело, можно через три дня ожидать... Тогда некому будет и пожаловаться. Сейчас чуть что получится, говорят: «Товарищу Сталину пожалуемся», — а тогда некому будет. Возьмем такой пример. Почему нет евреев в колхозах, а все они на высоких занимаемых постах? Был бы Ленин, то их бы не было, он всех их сослал бы в Палестину».

Солдат отдельного КПП Главного управления пограничных войск МГБ СССР «Москва — Аэропорт»: «Не может быть, чтобы это обошлось без подлых врачей-убийц».

Сотрудник управления коменданта Московского Кремля: «Вполне возможно, что тут врачи замешаны. Если это дело подтвердится, у народа еще больше будет возмущения против евреев».

Начальник отдела ВВС Московского военного округа, старший лейтенант: «Если Сталин умрет, то Россию растащат на куски».

Офицер охраны отдельного офицерского батальона, лейтенант: «Хотя и говорят, что есть заменимые люди, но т. Сталин — незаменим».

Начальник клуба артиллерийской базы: «Туда и дорога». (Дано указание документировать и арестовать.)

Сержант артиллерийской бригады Прикарпатского военного округа, латыш: «Ну и хорошо». (Дано указание документировать и арестовать.)

Инспектор политического управления Прикарпатского военного округа, подполковник: «А стоит ли его лечить?» (Проводится оперативное расследование.)

Солдат бронетанкового склада: «Сталин долго не протянет, да это даже лучше. Посмотрите, как все сразу

изменится». (Проводится оперативное расследование.)

Это кто писал, что «органы» направляли «наверх» только ту информацию, которую там хотели увидеть? То-то. Что слышали, то и отражали.

Наш старый знакомец Н. А. Мухитдинов тоже не хочет кривить душой.

— О самом факте смерти Сталина, — признается он спустя полвека, — были потом слухи, что его якобы отравили, хотя врачи, ученые, проводившие патологоанатомические исследования, подтвердили, что никаких следов отравления не обнаружено. Но можно ли было продлить жизнь Сталина? Не знаю. Лечили его самые квалифицированные врачи. В то же время возникает другой вопрос: было ли заинтересовано ближайшее окружение в его выздоровлении? Рискну сказать, что навряд ли.

А что думал по этому поводу главный патологоанатом советских вождей? Его мнение в начале девяностых годов было определяющим. Еще бы, он единственный, кого демократические власти допустили к секретным архивам КПСС. Мнения тех, кто раньше беспрепятственно имел к ним доступ, в расчет не принимались, поскольку они до кончиков волос были ангажированы коммунистической идеологией.

Версия Д. Волкогонова. Не все понимают, что власть времени — власть абсолютная. Е г о время кончилось. Земные боги тоже смертны... Мало кто знает, что Берия, возможно, ускорил кончину диктатора. Дело в том, что Сталин, находясь в сибирской ссылке, привык к русской парной бане. До начала пятидесятых годов он не изменял этой привычке: раз в неделю ходил париться. Здесь, на даче, ему срубили из сибирских сосен хорошую баньку. Но когда давление стало подсакивать до опасной черты, академик Виноградов уговорил Сталина не ходить в баню. Почти два года Сталин воздерживался. Но за две

недели до удара Берия сказал, что врачам надо поменьше верить: столько среди них вредителей... Сталин вновь сходил несколько раз в парную. Вначале почувствовал облегчение, а затем...

(Помнится, в одной из бесед, коснувшись этой щекотливой темы, Д. Т. Шепилов не стал отрицать того, что в течение нескольких дней по Москве ползли слухи о тяжелом заболевании Сталина. Передавали разное: одни говорили, что у Сталина инфаркт сердечной мышцы, другие — что его разбил паралич, третьи — что Сталина отравили.)

Версия Д. Волкогонова. Сталин после войны особо заботился о здоровье. Правда, он не доверял своим врачам, пришлось их посадить в тюрьму, а больше полагался на настои трав, которые готовил его верный оруженосец-помощник Поскребышев, фельдшер по профессии (пока и того не удалил). Много отдыхал. Иногда по несколько дней не приезжал в Кремль. Бумаги возили ему на дачу. Он устал от людей, пресытился властью и могуществом. Мог часами смотреть из окна дачи на верхушки берез, где кружилась стая ворон. Думал. Больше о прошлом. Часто вспоминал о жене Надежде. Лишь иногда ночной концерт на даче или балет в Большом театре поднимали его настроение...

Наверное, крупный демократический историк и военный воспитатель Д. Волкогонов действительно знал, о чем думал Сталин.

О состоянии здоровья И. В. Сталина в годы, предшествовавшие его заболеванию и в конечном итоге смерти, написал и врач А. Л. Мясников в своей неизданной рукописи.

«Необходимо отметить, — указывал он, — что до своей болезни — последние, по-видимому, три года — Сталин не обращался к врачам за медицинской помощью, во всяком случае так сказал нам начальник

Лечсанупра Кремля. Несколько лет назад, живя на своей даче под Мацестой, Сталин заболел гриппом — у него был Н. А. Кипшидзе (из Тбилиси) и М. М. Шихов, работающий в Бальнеологическом институте в Сочи. Рассказывали, что он был суров и недоверчив. В Москве он, по-видимому, избегал медицины. На его большой даче в Кунцеве не было даже аптечки с первыми необходимыми средствами. Не было, между прочим, даже нитроглицерина, и если бы у него случился припадок грудной жабы, он мог бы умереть от спазма, который устраняется двумя каплями лекарства. Хоть бы сестру завели под видом горничной или врача под видом одного из полковников — все-таки человеку 72 года!

С каких пор у него гипертония, тоже никто не знал (и он ее никогда не лечил). Светлана, его дочь, интеллигентная и симпатичная молодая жена Ю. А. Жданова, сына Жданова (доцента-химика, заведовавшего отделом науки ЦК), рассказывала, что на ее просьбы показаться врачам «папа отвечал категорическим отказом». Тут же я вспомнил слова, сказанные Сталиным Г. Ф. Лангу, когда тот жил у больного Горького: «Врачи не умеют лечить. Вот у нас в Грузии много крепких столетних стариков, они лечатся сухим вином и надевают теплую бурку».

Н. А. Мухитдинов тоже не отказался поделиться своим мнением по спорному вопросу.

— В последние годы жизни он страдал от старых и новых недугов... Левая рука его навсегда осталась полусогнутой вследствие жандармских побоев в тюрьме. Во время бегства из туруханской ссылки получил воспаление легких, давшее затем осложнения. В последние же годы его мучили гипертония, ревматизм и другие болезни, о чем он говорил недавно на Пленуме ЦК...

Нуриддин Акрамович Мухитдинов имел в виду организационный Пленум ЦК ВКП(б), который состоялся сразу же после окончания XIX съезда в октябре 1952 года. Это был последний съезд партии, в котором участвовал Сталин, съезд, принявший решение о переименовании ВКП(б) в КПСС.

— Пленум открылся 16 октября утром в Свердловском зале Кремля, — вспоминает Мухитдинов. — И. В. Сталин, объявив открытие первого Пленума ЦК нового состава, внес предложение: в соответствии с утвержденным на съезде Уставом упразднить Политбюро, вместо него образовать Президиум ЦК КПСС из 25 человек, а внутри него — Бюро из 9 человек. Упразднить Оргбюро ЦК, возложив его функции на Секретариат ЦК КПСС, образовав его из 11 человек.

«Нам нужно избрать также, — сказал он, — состав и председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, а члены Центральной ревизионной комиссии выберут своего председателя». Затем он предложил упразднить название Генерального секретаря и вместо него избрать Первого секретаря ЦК КПСС.

Далее, по словам Нуриддина Акрамовича, действие развивалось так. Сидевший во втором ряду президиума Каганович сказал:

— Надо избрать председателя партии.

Сталин, повернувшись к нему, спросил:

— Кого?

Каганович повторил:

— Председателя партии.

Сталин снова:

— Повтори громче, кого предлагаешь.

Уже растерявшись, дрожащим голосом Каганович повторил:

— Председателя партии...

Сталин отрезал:

— Никакого председателя!

Общий хохот в зале. На Кагановича жалко было смотреть. Побледневший, он опустил голову.

Затем Сталин сказал примерно следующее:

— Товарищи, не выдвигайте меня на пост Первого секретаря ЦК. Здоровье мое ухудшается, физически я не могу уделять должное внимание деятельности партии, которую нам нужно активизировать.

Тут же поднялся Маленков, подошел к трибуне и говорит:

— Товарищи! Я считаю крайне необходимым, чтобы партию, как и до сих пор, возглавлял товарищ Сталин. Нам нужно избрать Иосифа Виссарионовича Первым секретарем ЦК.

Из зала раздалось: «Правильно! Правильно!» Вспыхнули аплодисменты. Маленков вернулся на свое место в президиуме.

Сталин продолжал:

— Товарищи! В последнее время я неважно себя чувствую. Повышается давление, одолевают головные боли, общее недомогание, долго не могу сидеть на одном месте. Было бы лучше выдвинуть человека помоложе и поздоровее.

Маленков снова спустился к трибуне и сказал:

— Мы все искренне желаем товарищу Сталину крепкого здоровья, но вы знаете: товарищ Сталин активно работает, все наши достижения и успехи связаны с именем и деятельностью товарища Сталина. Давайте попросим Иосифа Виссарионовича дать согласие на избрание Первым секретарем.

В зале раздалась голоса: «Просим! Просим!» Вспыхнули овации.

Сталин, подняв руку, предложил успокоиться. В зале — абсолютная тишина. Он вытащил из кармана лист бумаги и начал оглашать состав Политбюро:

— Первый секретарь — Сталин.

Все в зале, стоя, долго аплодировали.

Д. Т. Шепилов, будучи в то время главным редактором центрального органа партии газеты «Правда», тоже знал кое-какие подробности, не выходявшие за пределы узкого круга особо посвященных в кремлевскую повседневность.

— Судя по некоторым внешним признакам, — рассказывал он, — у Сталина за последние годы развились гипертоническая болезнь и атеросклероз. Иногда мы даже говорили между собой: как хорошо Сталин выглядит, свежий, розовый, не зная, что эта «розовость» гипертоническая. Не зная потому, что, как передавали приближенные люди, Сталин не признавал врачей. Он годами не показывался специалистам. Только уезжая в отпуск к морю, он иногда разрешал посылать туда известного ему зубного врача. После же организации чудовищного по своей патологии «дела врачей» Сталин в каждом враче видел скрытого врага и террориста. Поэтому истинное состояние здоровья Сталина никому не было известно...

Развивая эту тему, Шепилов подчеркивал, что никаких внешних признаков недомогания у него, впрочем, не было. Частенько после заседания Президиума он с друзьями часами проводил у себя на даче время за ужином. Ел горячие жирные блюда с пряностями и острыми приправами. Пил алкогольные напитки, часто делал только ему ведомые смеси в стакане из разных сортов коньяка, вин и лимонада. Поэтому все считали, что Сталин здоров. Конечно, очень близкие к нему люди не могли не замечать все большего нарастания у Сталина за последние годы психопатологических проявлений. Так, в разгар веселого ужина с самыми близкими ему людьми — членами Президиума ЦК — Сталин вдруг вставал и деловым шагом выходил из столовой в вестибюль.

Оказавшись за порогом, он круто поворачивался и, стоя у прикрытой двери, напряженно и долго вслушивался, о чем говорят без него. Конечно, все знали, что Сталин стоит за дверью и подслушивает, но делали вид, что не замечают этого. Сталин подозрительно всматривался во всякого, кто по каким-либо причинам был задумчив и невесел, требовал, чтобы все были веселы, пели и танцевали.

Очень ценны свидетельства С. И. Аллилуевой, которой, как никому другому, были известны многие детали его домашнего быта.

— Я была у него 21 декабря 1952 года, — вспоминала дочь Сталина, — в день, когда ему исполнилось семьдесят три года. Тогда я видела его в последний раз.

Высказанное в начале шестидесятых годов мнение никогда потом не менялось ею: отец в тот день выглядел плохо. Может быть, предположила она, в связи с болезнью он дважды после XIX съезда, состоявшегося в октябре 1952 года, заявлял в ЦК о своем желании уйти в отставку. Этот факт хорошо известен составу ЦК, избранному на XIX съезде. По-видимому, он чувствовал признаки болезни, может быть, гипертонии, так как неожиданно бросил курить и очень гордился этим: курил он, наверное, не меньше пятидесяти лет.

Очевидно, он ощущал повышенное давление, но врачей не было. Виноградов был арестован, а больше он никому не доверял и никого не подпускал к себе близко. Он принимал сам какие-то пилюли, капал в стакан с водой несколько капель йода, откуда-то брал он сам эти фельдшерские рецепты. Но он сам же делал недопустимое: через два месяца, за сутки до удара, был в бане, построенной у него на даче в отдельном домике, и парился там по своей старой сибирской привычке. Ни один врач не разрешил бы этого, но врачей не было...

«Дело врачей» происходило в последнюю зиму его жизни. Валентина Васильевна Бутузова, сестра-хозяйка на Ближней даче, рассказывала Светлане позже, что отец был очень огорчен таким оборотом событий. Она слышала, как это обсуждалось за столом во время обеда. Она подавала на стол, как всегда. Сталин говорил, что не верит в их «нечестность», что этого не может быть, ведь «доказательством» служили доносы доктора Тимашук, — все присутствовавшие, как обычно в таких случаях, лишь молчали...

Валентина Васильевна, по мнению Светланы, очень пристрастна. Прислуга явно не хотела, чтобы на Сталина падала хоть какая-нибудь тень. И все-таки Светлана слушала, что она рассказывала, стараясь разобраться, кто же прав в истории с этими «врачами-убийцами». Все-таки Валечка, так ее называли на даче, была в доме отца последние восемнадцать лет безотлучно, а дочь у него гостила редко.

Профессиональным чекистским взглядом на объект медицинских споров, продолжающихся до наших дней, взглянул в свое время и лубянский генерал П. А. Судоплатов. В конце февраля 1953 года его вызвал в свой кабинет министр госбезопасности С. Игнатъев. Там находились Гоглидзе, его первый заместитель, и Коняхин, заместитель начальника следственной части.

Игнатъев сказал, что они едут в «инстанцию». Так на языке сотрудников Лубянки именовался ЦК КПСС. Был поздний час. Игнатъев, Гоглидзе и Коняхин вошли в кабинет Сталина, а Судоплатов около часа оставался в приемной. Потом Гоглидзе и Коняхин вышли, а его попросили зайти.

— Я был очень возбужден, когда вошел в кабинет, но стоило мне посмотреть на Сталина, как это ощущение исчезло. Сталин очень изменился. Его волосы сильно поредели, и хотя он всегда говорил медленно, теперь он явно произносил слова как бы через силу, а

паузы между словами стали длиннее. Видимо, слухи о двух инсультах были верны: один он перенес после Ялтинской конференции, а другой — накануне семидесятилетия, в 1949 году.

А. Авторханов в своей книге рассказывает, что первым от Хрущева узнал, что Сталин умер не в Москве, бывший губернатор Нью-Йорка, посол США в Москве во время войны Аверелл Гарриман. Ему же Хрущев рассказал, как четверка охраняла смерть Сталина.

Вот что говорит об этом Гарриман:

«Так называемый заговор врачей, по которому несколько врачей обвинялись в заговоре с целью убийства некоторых руководящих коммунистов, был, очевидно, состряпан Сталиным, чтобы начать новую чистку. Некоторые иностранные наблюдатели России намекали, что люди из окружения Сталина, боясь потерять свою собственную жизнь в связи с новым массовым террором, сами убили старика. Я все время искал ответа на это. В моей недавней продолжительной беседе с Хрущевым он рассказал свою версию смерти Сталина. Позднее, по моей просьбе, он разрешил мне опубликовать это.

Сталин, говорил мне Хрущев, стал в последние годы очень подозрительным, деспотичным и безжалостным. «Он никому не верил, и никто из нас ему тоже не верил. Он не давал нам делать работу, на которую сам давно не был способен. Нам было очень трудно. Однажды в субботу, ночью, он пригласил нас на обед к себе на дачу за городом. Сталин был в хорошем настроении. Это был веселый вечер, и мы хорошо провели время. Потом мы поехали домой. По воскресеньям он обычно звонил нам, чтобы обсуждать дела, но в то воскресенье он не звонил, что нас поразило. В понедельник он также не вернулся в город. В понедельник вечером звонит начальник его личной охраны и говорит, что Сталин болен. Все мы — Берия, Маленков, Булганин и я —

немедленно отправились на дачу, чтобы увидеть его. Он уже потерял сознание. Одна рука и одна нога были парализованы, отнялся язык. Мы находились с ним три дня, но сознание к нему не возвращалось. Потом на некоторое время к нему вернулось сознание, и тогда мы вошли к нему в комнату. Сиделка поила его чаем с ложки. Он пожал нам руки и старался шутить с нами, силясь смеяться, показал здоровой рукой на картинку, висевшую над его постелью. На ней был нарисован козленок, которого маленькая девочка кормила с ложки. Вот теперь, как бы говорил он жестом, он такой же беспомощный, как и этот козленок. Через некоторое время он умер. Я плакал. Прежде всего мы были его учениками и обязаны ему всем».

Я спросил Хрущева, выбрал ли Сталин себе наследника. Хрущев резко ответил: «Он никого не выбрал. Он думал, что будет жить всегда».

Из этого рассказа видно, заключает А. Авторханов, что Хрущев не рассказал Гарриману всю правду. Он раскрыл государственную тайну, назвав место смерти Сталина — Ближнюю дачу, но не упомянул о не менее важной тайне — о первой поездке в Кунцево, когда они 1 марта вечером были вызваны к больному Сталину, однако почему-то не стали вызывать врачей, более того, отказались видаться с ним и вернулись в Москву. Позднее Хрущев взвалит вину на Берию: мол, это он решил, что товарищ Сталин спит.

Многие до сих пор называют Берию убийцей Сталина. Рассмотрим имеющиеся на сей счет доказательства и прежде всего аргументы В. Ф. Аллилуева.

Итак, лечащий врач Сталина был посажен под арест и полностью от него изолирован. Берия, создав «дело врачей», таким образом шел прямой наводкой к своей цели — укоротить жизнь Сталина, поставить его

здоровье под угрозу и тем самым простимулировать летальный исход.

Одновременно с «делом врачей» произошел еще ряд событий, которые выстраиваются в одну цепочку. Был арестован генерал Н. С. Власик, начальник личной охраны И. В. Сталина. В тот же год отстранен от обязанностей секретаря А. Н. Поскребышев. За этим также, как считает В. Ф. Аллилуев, прячутся длинные руки Берии. Именно Берия был в первую очередь заинтересован в портрете вождя в черной траурной каемочке.

— В конце своей жизни, — высказывает убеждение В. Ф. Аллилуев, — Сталин понял, кто такой Берия. Вот ведь как получается! Многие говорили Сталину, что Берия человек чуждый. В нашей семье об этом открыто говорили дед, бабушка, моя мать. Но Сталин вроде бы и не реагировал на это, даже спорил. Может быть, он что-то и «наматывал на ус», но никаких притеснений Берии не чинил, карьеру его не ломал. Циник до мозга костей, человек абсолютно чуждый идеям и идеалам коммунизма, ловкий карьерист и интриган, Берия умел работать и справлялся с любым поручаемым ему делом. А дела ему поручались ответственные. Ведь разработка атомного оружия проводилась под личным контролем Берии, и это поручение дал ему Сталин. В годы войны патронировал боеприпасы, изготовление новых видов оружия.

В. Ф. Аллилуев считает, что именно дьявольская организационная хватка Берии импонировала Сталину, и он ему многое прощал. Но как ловко ни прятал Берия концы своей грязной работы, как ловко ни скрывал свое прошлое, что-то и прорывалось наружу. Аналитический ум Сталина сопоставлял отдельные факты, препарировал их и постепенно приходил к определенным выводам. Вот, например, кадры. Стоило Сталину кого-то выделить, похвалить, подумать о

выдвижении и продвижении отдельных руководителей, как они потом куда-то исчезали. Где Вознесенский, Косарев, Кузнецов? Что со Ждановым, Орджоникидзе?

Почему умные, перспективные работники вдруг становились врагами народа? Тут было над чем поразмыслить...

И последний, «семейный» аргумент В. Ф. Аллилуева:

— Светлана рассказывала мне, что незадолго до своей смерти Сталин сказал: Берия, как он теперь понял, враг, и у него будет с ним **поединок**. Позднее прозрение! Времени на поединок ему уже не дали...

А. Л. Мясников, как и подобает врачу, подходит к этой загадке с медицинской точки зрения, но оставил для потомков строки, свидетельствующие о заинтересованности партийной верхушки в нежелательности выздоровления вождя.

«Третьего утром консилиум, — бесстрастно записывал он то, чему свидетелем был сам, — должен был дать ответ на вопрос Маленкова о прогнозе. Ответ наш мог быть только отрицательным — смерть неизбежна. Маленков дал нам понять, что он ожидал такого заключения, хотя и надеется, что медицинские мероприятия смогут если не сохранить жизнь, то продлить ее на достаточный срок. Мы поняли: речь идет о необходимом фоне для подготовки организации новой власти, а вместе с тем и общественного мнения.

Тут же мы составили первый бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина (на 2 часа 4 марта). В нем имелась многозначительная фраза: «Проводится ряд терапевтических мероприятий, направленных на восстановление жизненно важных функций организма». Этим как бы выражалась в осторожной форме некая надежда на «восстановление», то есть расчет на некоторое успокоение страны. Тем временем всем членам ЦК и другим руководителям партийных и советских органов был послан вызов срочно прибыть в

Москву для обсуждения положения в связи с предстоящей смертью главы государства».

Серго Берия, по его признанию, тогда, в марте пятьдесят третьего, не был уже тем мальчишкой из тбилисской школы, боготворившим вождя.

— Я многое знал, и многое понимал, — рассказывал он 1993 году. — Сегодня могу сказать совершенно однозначно: проживи Сталин еще несколько лет, и в Президиуме ЦК не осталось бы никого из тех, кто пережил Сталина. Мой отец, разумеется, не исключение. Его уничтожение готовилось еще при жизни Сталина, о чем он и рассказывал нам с матерью.

Серго запомнил, как уже после смерти Сталина, когда отец рассказывал матери, какие реформы тот предложил провести Хрущеву, Маленкову и другим, она сказала: «Какая разница, сделал бы это Иосиф Виссарионович или они... Если бы он — было бы не так обидно».

Нина Теймуразовна прекрасно знала сталинское окружение и не верила, что мужу позволят осуществить свои замыслы. Во всяком случае, никаких сомнений, что его отстранят, у нее не было и тогда...

— Вне всяких сомнений, — продолжал Серго Лаврентьевич, — смерть Сталина спасла жизнь его окружению. Он неизбежно заменил бы своих соратников совершенно новыми людьми, которые не знали бы всего того, что знали Молотов, Маленков, Хрущев и другие, включая, повторяю, моего отца. Убрал бы Сталин, вне всяких сомнений, и министра государственной безопасности Игнатьева. Сталин уже готовился войти в историю как абсолютно, я бы сказал, чистый человек, создавший великое государство, выигравший великую войну. Будем объективны: уходя, Сталин оставлял действительно великую страну, вполне обоснованно гордившуюся многими достижениями. Другой вопрос, какой ценой это было достигнуто...

Отец, по словам Серго Лаврентьевича, все это отлично понимал, но хотя и имел столкновения со Сталиным, как ни один другой член Политбюро, смерть главы государства его расстроила. Здесь не было наигранности, как, скажем, у Хрущева. Смерть Сталина, несмотря ни на что, Берия переживал чисто по-человечески. Наверное, это звучит несколько странно в контексте того же «мингрельского дела», но это так. Серго Лаврентьевич считает, что отец не был ни жестоким, ни злопамятным человеком. И об этом знали многие.

А как же тогда понимать слова Светланы Аллилуевой: «Страшную роль сыграл Берия в жизни нашей семьи. Как боялась и ненавидела его мама!»

— Дело в том, что моего отца мать Светланы, Надежда Аллилуева, не могла ни любить, ни ненавидеть. Они просто-напросто не были знакомы. Жена Сталина застрелилась в 1932 году, за шесть лет до переезда нашей семьи в Москву. Светлана была еще ребенком... Светлану я понимаю, хотя и не могу, естественно, согласиться с тем, что она сказала. Ей просто хотелось, чтобы ее отец выглядел не так ужасно... Широко известно имя человека, официально обвиненного во всех преступлениях, так что можно писать о нем что угодно. Мораль здесь, насколько понимаю, отступает на другой план...

У А. Авторханова свое, не заангажированное видение этой темной истории: «Итак, когда же, собственно, у Сталина был удар — в субботу 28 февраля, когда его посетила четверка; в воскресенье 1 марта, когда она его уже покинула (обе эти даты начала болезни названы Хрущевым); в ночь на 2 марта, как утверждает «Правительственное сообщение» (оно солгало о месте нахождения Сталина, могло солгать и о дате), или вечером того же 2 марта, как рассказывал Хрущев Гарриману?»

Названы четыре даты, поэтому трудно с уверенностью сказать, какая из них истинная. Я склоняюсь к дате *28 февраля*, ибо, как указывалось выше, уже 1 марта фактически власть была в руках четверки (объективное доказательство этого — внезапное прекращение 1-2 марта кампании в «Правде» против «врагов народа»). Однако заговорщикам очень важно скрыть не только от народа, но и особенно от партии и армии то, что происходит со Сталиным, чтобы выиграть время для беспрепятственного и успешного завершения переворота. Поскольку заговорщики заинтересованы в создании безупречного алиби, то они приглашают детей Сталина и двух избранных членов Политбюро (Ворошилова и Кагановича) к постели умирающего на второй или третий день болезни, а народу сообщают на четвертый или пятый день, когда смерть Сталина уже неизбежна.

Стало быть, после Сталина власть фактически была в руках Берии, но так как Сталин теперь лежал без сознания, то власть и над Сталиным — жить или умереть ему — тоже была в его руках. И Хрущев, и Аллилуева единодушны в своих наблюдениях: Берия желал смерти Сталина, а когда она наступила — он торжествовал. Теперь мы подошли к самому загадочному вопросу: не ухаживали ли за больным Сталиным по методу, который Сталин приписывал арестованным врачам Кремля, ставя неправильный диагноз и давая противопоказанные лекарства?»

А. Авторханов склонен верить исключительно важному свидетелю, присутствовавшему при смерти Сталина. Он категорически и во всеуслышание утверждал: Сталина отравили, Сталина убили! Это был сын Сталина — генерал-лейтенант Василий Сталин.

А. И. Солженицын, касаясь этой темы, высказал следующее предположение:

— Есть признаки, что перед смертью Сталина Берия был в угрожаемом положении и, может, через него-то Сталин и был убран.

С ним категорически не согласен генерал с Лубянки П. А. Судоплатов:

— Все сплетни о том, что Сталина убили люди Берии, голословны. Без ведома Игнатьева и Маленкова получить выход на Сталина никто из сталинского окружения не мог. Это был старый, больной человек с прогрессирующей паранойей, но до своего последнего дня он оставался всемогущим правителем. Он дважды открыто объявлял о своем желании уйти на покой, первый раз после празднования Победы в Кремле в 1945-м и еще раз на Пленуме Центрального Комитета в октябре 1952 года, но это были всего лишь уловки, чтобы выявить расстановку сил в своем окружении и разжечь соперничество внутри Политбюро.

У А. Авторханова новые аргументы, не считаться с которыми нельзя: «В разгар бешеной кампании «Правды» против «убийц в белых халатах» происходят еще два убийства, выданные тогда за естественную смерть. Но теперь уже ясно, что одна смерть нужна была Сталину, а другая — Берии.

17 февраля газета «Известия» сообщила, что «безвременно» умер генерал Косынкин, руководитель комендатуры Кремля, ответственный за безопасность Сталина. Генерал был назначен на этот пост прямо из личной охраны Сталина. Человек относительно молодой, вполне здоровый, фанатично преданный Сталину и чувствовавший себя независимым от Берии, он недооценил возможностей Берии, а потому и умер «безвременно». Второе убийство, нужное Сталину, было организовано весьма естественно, даже торжественно, чтобы все подумали: человек умер на боевом посту. Речь идет о Льве Мехлисе.

В историческом становлении Сталина-тирана по части идеологии Мехлис был тем же, что Ежов и Берия по части полиции. Мехлис был единственным членом ЦК, который мог бы сказать: «Я проложил Сталину идеологическую дорогу к власти через все трупы старой гвардии Ленина, я же его сделал и великим вождем партии, и гениальным корифеем всех наук». Достаточно взять комплекты «Правды» 20-х и 30-х годов, чтобы увидеть, как ее редактор Мехлис преуспевал в достижении этой цели. Благодарный Сталин ответил взаимностью: бывшего слушателя Института красной профессуры Мехлиса сначала сделали заместителем главного редактора, потом и главным редактором «Правды», а после «великой чистки» Сталин ввел его в состав ЦК и его Оргбюро (коллегия, распределявшая высшие кадры партии и государства). Во время войны Сталин назначил его своим заместителем по Министерству обороны и начальником Главного политического управления Красной Армии в чине генерал-полковника (Хрущев, член Политбюро, был только генерал-лейтенантом). После войны Сталин его сделал министром Государственного контроля и вновь членом ЦК (на XIX съезде). Сейчас, после «дела сионистов» и нового «дела врачей-вредителей», Сталин вспомнил известный «дефект» Мехлиса — он был евреем. Плоская логика антисемита ему и подсказала: если еврей, то сионист, а если сионист, то мог дать задание сионистским врачам (не только пациентом, но и покровителем которых он был) убить своего давнишнего соперника и преемника на посту начальника Главного политического управления Красной Армии, бывшего однокашника по ИКП А. Щербакова. И вот, пока врачи-«вредители» ожидали суда, Сталин послал Мехлиса в «важную командировку» в Саратов. Там без шума и без свидетелей его арестовали. Переведенный в больницу

Лефортовской тюрьмы в Москве, он дал нужные Сталину показания и 13 февраля 1953 года умер.

Мехлиса торжественно похоронили на Красной площади в присутствии многих членов Политбюро, маршалов, министров, но без Сталина. Вероятно, Сталин решил, что лицемерие тоже должно иметь меру. По крайней мере, он отсутствовал не по болезни, так как 17 февраля принял посла Индии К. Менона и долго беседовал с ним. По словам К. Менона, Сталин, несмотря на свои семьдесят три года, выглядел совершенно здоровым человеком. Во время беседы Сталин рисовал на листках блокнота волков и высказал мысль, не только не относящуюся к дипломатическому разговору, но даже и не «дипломатическую». Как бы комментируя собственные рисунки, он заметил, что крестьяне поступают мудро, уничтожая бешеных волков! Сталин, конечно, думал не о своем визави и не о его ненавистном Сталину шефе Неру, а о «бешеных волках» в Политбюро».

Снова обратимся к неопубликованной рукописи врача А. Л. Мясникова: «Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило. Как это объяснить?»

Для поддержки падающего давления непрерывно вводились различные лекарства. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревогах и догадках. Дежурил от ЦК Н. А. Булганин. Я заметил, что он на нас посматривает подозрительно и, пожалуй, враждебно. Он блеснул маршальскими звездами на погонах, лицо одутловатое, клок волос вперед — немножко похож на какого-то царя Романова или, может, на генерала периода русско-японской войны. Стоя у дивана, он обратился ко мне: «Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?» Я ответил: «Возможно, это результат мелких

кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера в связи с гипертонией и инсультом». — «Возможно?» — передразнил он неприязненно. — А может быть, у него рак желудка, у Сталина? Смотрите, — прибавил он с оттенком угрозы, — а то у вас все сосудистые да сосудистые, а главное-то и про...» (Он явно хотел сказать: провороните или прошляпите, но спохватился и закончил: «Пропустите».)

Врачи же почему-то не удосужились взять рвоту на исследование».

Спустя три года после смерти Сталина

В 1956 году была предпринята первая попытка разобраться в подозрительных обстоятельствах смерти И. В. Сталина. А. Авторханов, живший в Мюнхене, собрал все существовавшие на то время версии. Их было несколько.

«Первая версия принадлежит Илье Эренбургу, — писал исследователь, — подставному лицу, рупору тогдашнего руководства Кремля. Поручая Эренбургу эту миссию, Кремль преследовал те же цели, что и в постановлении ЦК от 30 июня 1956 года о культе личности: дать понять, что, когда Сталин создавал дело врачей-«вредителей», руководители ЦК не сидели, сложа руки. Свою версию Эренбург рассказал французскому философу и писателю Жан-Полю Сартру. После публикации во французской прессе она обошла и всю мировую печать».

Вкратце рассказ Эренбурга сводился к следующему. 1 марта 1953 года происходило заседание Президиума ЦК КПСС. На этом заседании выступил Л. Каганович, требуя от Сталина: 1) создания особой комиссии по объективному расследованию «дела врачей»; 2) отмены отданного Сталиным распоряжения о депортации всех евреев в отдаленную зону СССР (новая черта оседлости).

Кагановича поддержали все члены старого Политбюро, кроме Бериин (?!). Это необычное и небывалое единодушие показало Сталину, что он имеет дело с заранее организованным заговором. Потеряв самообладание, Сталин не только разразился площадной руганью, но и начал угрожать бунтовщикам самой жестокой расправой. Однако подобную реакцию

на сделанный от имени Политбюро ультиматум Кагановича заговорщики предвидели. Знали они и то, что свободными им из Кремля не выйти, если на то будет власть Сталина. Поэтому они приняли и соответствующие предупредительные меры, о чем Микоян заявил бушующему Сталину: «Если через полчаса мы не выйдем свободными из этого помещения, армия займет Кремль!» После этого заявления Берия тоже отошел от Сталина. Предательство Берии окончательно вывело Сталина из равновесия, а Каганович вдобавок тут же на глазах Сталина изорвал на мелкие клочки свой билет члена Президиума ЦК КПСС и швырнул Сталину в лицо. Не успел Сталин вызвать охрану Кремля, как его поразил удар: он упал без сознания. Только в 6 часов утра 2 марта к Сталину были допущены врачи.

«Выстрелом» Эренбурга, по мнению А. Авторханова, послесталинский ЦК хотел убить трех зайцев: во-первых, он не бездействовал, когда Сталин хотел создать новую черту оседлости для советских евреев; во-вторых, Сталин умер не без вины членов Политбюро; в-третьих, Берия, как всегда, был со Сталиным, но перешел на их сторону, когда увидел, что армия с ними. Авторханов отмечал, что, как и в будущих рассказах Хрущева, в версии Эренбурга врачи к Сталину вызывались только на второй день его смертельного удара.

В 1957 году Кремль, по версии Авторханова, инспирировал выступление за границей бывшего члена Президиума ЦК КПСС и секретаря ЦК КПСС, а потом посла СССР в Голландии П. К. Пономаренко. И хотя Пономаренко, по существу, лишь подтвердил рассказ Эренбурга, его версия, поскольку он был официальным лицом и членом ЦК, была подхвачена мировой прессой как величайшая сенсация.

Вот эта версия. Сталин якобы в конце февраля 1953 года созвал заседание Президиума ЦК и сообщил о показаниях врачей-«вредителей», как они умерщвляли видных деятелей партии и как они собирались делать это и дальше. Одновременно Сталин представил на утверждение Президиума ЦК проект декрета о депортации всех евреев в Среднюю Азию. Тогда выступили Молотов и Каганович с заявлениями, что такая депортация произведет катастрофическое впечатление на внешний мир. Сталин пришел в раж, начал разносить всех, кто осмеливался не соглашаться с его проектом. Еще раз выступил Каганович, на этот раз резко и непримиримо, демонстративно порвал свой партбилет (по другой версии — удостоверение члена Президиума ЦК КПСС. — *Н. З.*) и бросил его на стол перед Сталиным. Каганович кончил речь словами: «Сталин позорит нашу страну!» Кагановича и Молотова поддержали все, и негодующий Сталин вдруг упал без сознания — с ним случился коллапс. Берия пришел в восторг и начал кричать: «Тиран умер, мы — свободны!» Но когда Сталин вдруг открыл глаза, Берия якобы стал на колени и начал просить у Сталина прощения. Эта банальная сцена с Берией присутствовала во многих советских инспирациях.

Виктор Александров, записавший версию Пономаренко, спрашивал: «Было ли Сталину разрешено умереть своей смертью, или, как упорно утверждают слухи, против него организовался заговор его наследников?»

Ответ содержался в рассказе Эренбурга: сам Сталин был глубоко убежден, что члены Политбюро организовали заговор с целью убить его. Только очень странно, а в свете дальнейших событий просто необъяснимо, что Сталин перепутал воображаемых заговорщиков с подлинными. В рассказе, приписываемом Эренбургу, говорится: «После XIX

съезда стало ясно, что у Сталина мания преследования... Он готовил самую великую кровавую чистку, хотел физически уничтожить ЦК XIX съезда. Он в разговорах высказывал мысль, что Ворошилов, Молотов, Каганович, Микоян хотят убить его».

Эти высказывания или подозрения Сталина, по мнению А. Авторханова, полностью согласовывались с его повседневным поведением и его отношением к своим соратникам. Как мы видели, Сталин их всех открыто обвинял в измене.

Спустя десять лет после смерти Сталина

После XXII съезда КПСС вновь встал вопрос о смерти Сталина. Неужели тиран, совершивший столько преступлений, о которых говорили на съезде не только Хрущев, но и все новые члены Президиума ЦК, умер своей смертью?

Как раз через десять лет после смерти Сталина, после двухлетней интенсивной антисталинской пропаганды со времени XXII съезда Хрущев впервые отважился осветить некоторые подробности драматической ночи на Ближней даче. Сделал он это перед деятелями Польской компартии. Или круг слушателей был слишком широк, или это входило в планы Хрущева, но кое-какие рассказанные им новые детали попали на страницы французского журнала «Пари матч» и были перепечатаны с комментариями в немецком журнале «Шпигель».

Свой анализ «Шпигель» начал с утверждения: «Целый ряд улик говорит за то, что Сталин ни в коем случае не умер естественной смертью, как нас в свое время хотели уверить официальные сообщения».

Эта версия Хрущева рисовала события так. Сталин умер вовсе не на кремлевской квартире, а на кунцевской даче. Там, полностью изолированный от внешнего мира, Сталин был «пленником собственного страха». В ночь на 2 марта охраной Сталина сюда были срочно вызваны Хрущев, Маленков, Берия и Молотов (мы уже знаем, что Молотова среди них не было, но был Булганин. — *Н. З.*). Охрана сообщила, что Сталин уже много часов не подает признаков жизни. Охрана не могла узнать, в чем дело, из-за сложности внутренней системы сообщения между тремя отдельными

помещениями, в одном из которых находился Сталин. Открыть двери мог только он сам при помощи специального электрического механизма. Так как никто из охраны не знал, в какой именно комнате находился Сталин, пришлось взламывать все двери подряд: открыли одну, открыли вторую — и здесь нашли Сталина. Он, безжизненный, лежал на полу, одетый в форму генералиссимуса (Никиту Сергеевича снова понесло. Его буйная фантазия даже не подтверждалась другими очевидцами. — *Н. З.*). Первым отозвался Берия. «Тиран мертв, мертв, мертв!» — торжествующе кричал он. В этот момент Сталин широко открыл глаза. Нет, он жив. Маленков, Хрущев, Молотов вышли из комнаты. Берия, постоянно носивший с собой ампулы с ядом, остался наедине со своим мстительным владыкой. Только через пять часов — якобы из-за большой гололедицы на дорогах (снова неуклюжее оправдание!) — вызвали врачей.

Такова версия Хрущева, поляков, французского журнала. Очень важно заметить, что немного ранее (8 марта 1963 года) Хрущев на приеме представителей советской интеллигенции совершенно недвусмысленно намекнул, что Берия не только не скрывал своего торжества по поводу смерти Сталина, но и был заинтересован в его преждевременной смерти («Шпигель»). Если в смерти Сталина был заинтересован только один Берия, и об этом знали другие члены Президиума, зачем тогда его оставили наедине, да еще с ядом, как утверждал Хрущев, с беспомощным, тяжело больным Сталиным?

Существовала еще одна версия, исходившая из кругов реабилитированных старых большевиков. Эта версия была получена А. Авторхановым при исключительных обстоятельствах, о которых он не стал говорить. За нее так же трудно ручаться, как и за предыдущие.

«Многие из реабилитированных еще при жизни старых большевиков, — повествует А. Авторханов, — принимали видное участие в комиссиях по расследованию преступлений Сталина (некоторых из них автор этих строк хорошо знал по Москве и Кавказу). Их-то в первую очередь интересовало: при каких все-таки обстоятельствах умер Сталин?»

Версия старых большевиков, конечно, тоже могла родиться под влиянием Хрущева, который очень хотел морально реабилитировать себя перед ними: здесь инициатором устранения Сталина выступает Хрущев, а Берию поручается лишь «грязная» работа».

Согласно этой версии события 28 февраля — 1 марта развиваются так, как рассказано у Хрущева: четверка посетила Сталина, они вместе мирно и весело ужинали, но встреча состоялась вовсе не по инициативе Сталина. Ее предложил Маленков под предлогом, что нужны указания Сталина по вопросам, которые будут обсуждаться на заседании Совета Министров в понедельник 2 марта. За неделю до этого Сталин сообщил Бюро Президиума ЦК, что процесс над врачами-«вредителями» назначен на середину марта, и вручил им копии обвинительного заключения, подписанного Генеральным прокурором СССР.

Этот документ, как и комментарии Генерального прокурора, ставленника Берию, Сафонова, в беседе со Сталиным окончательно рассеял всякие сомнения в истинных намерениях вождя. Выходило, что американцы во время войны сумели создать свои агентурные точки не только в кремлевском Лечебно-санитарном управлении, но даже в ЦК (Лозовский) и МГБ (Абакумов). Англичане то же самое сделали еще до войны, а во время войны расширили свою сеть, завербовав туда членов ЦК Кузнецова, Попкова, Родионова. Об армии ничего не говорилось, кроме того, что ее второстепенные лидеры были предназначены к

отравлению — Василевский, Говоров, Штеменко, Конев. Но и здесь между строк было видно, что только такие обиженные маршалы, как Жуков, Воронов, Юмашев, Богданов, могли быть заинтересованы в устранении Сталина. Вопрос о том, кто был заинтересован в умерщвлении Жданова и Щербакова, оставался открытым. Однако все знали, что Берия и Маленков никогда не были в хороших отношениях с ними, и если, например, Сталин действительно убил Жданова, то он его убил руками Берии, как Кирова — руками Ягоды.

Словом, стало ясно, что процессом врачей дело не кончится, а, как в 1937 году, полетят головы и у многих членов Политбюро. Когда Берия, Маленков, Хрущев и Булганин проштудировали этот документ, то по предложению Хрущева они решили коллективно обсудить положение. Встреча состоялась в подмосковном лесу под видом охоты. В четырех стенах на данную тему никогда не говорилось. Было решено — из-за состояния здоровья Сталина, не позволяющего ему участвовать в оперативной работе партии и правительства, предложить ему подать в отставку со всех постов. Но ведь Сталин, чтобы выиграть время, мог подписать любой документ, а потом уничтожить его инициаторов. Как быть? Хрущев якобы обратился к Берии:

— Лаврентий Павлович! Ты специалист в таких делах, а мы в этом ни черта не понимаем, скажи, как сделать так, чтобы Сталин и дальше жил, но не вмешиваясь в дела партии и государства?

Берия понял намек и без всяких экивоков ответил, что Сталин за решеткой был бы еще более опасен, чем на воле. Он и после смерти еще долго будет вмешиваться в дела, если от него не отмежеваться. Однако ничего конкретного Берия не предложил.

Тогда Маленков предложил заставить Сталина прочесть заявление об отставке по радио и

телевидению, а потом изолировать его от всего мира на Соловецком острове. Берия это решительно отверг:

— Оттуда его освободят китайцы — из сочувствия, или американцы — из любопытства, как во время войны немцы освободили Муссолини.

Но, ободренный предложением Маленкова, Берия заявил, что он и чекисты могут ручаться только за мертвого Сталина. Это было то, что думал и Хрущев, но он хотел это услышать от Берии.

Искренность Берии была несомненна: ведь и его собственная голова находилась в опасности. Маленков не без колебания присоединился к Берии и Хрущеву. После этого Берии поручили разработать план «отставки Сталина». Плану дали даже кодовое наименование «Моцарт» — по пушкинскому «Моцарту и Сальери». Тем самым как бы предreshалось, что в ход будет пущен яд.

Через несколько дней Берия пригласил к себе на дачу Маленкова, Хрущева и Булганина послушать только что полученные из-за границы пластинки классической музыки, в том числе и Моцарта. Во время новой лесной прогулки Берия и «сыграл» им две «пластинки Моцарта» — предложил два детально разработанных плана: «малый» и «оптимальный».

«Малый план» предусматривал «отставку Сталина» без участия посторонних сил. У Сталина на очередном ужине с четверкой в Кунцеве должен случиться смертельный удар — такой, чтобы он сразу не умер, но и не смог бы выжить. Умирать Сталин должен был при свидетелях, в том числе таких, как его дети и врачи.

«Оптимальный план» предусматривал взрыв дачи Сталина, когда он спит, значит, в первой половине дня. Под видом продуктов нужно было доставить динамит для взрыва не только помещения Сталина, но и прилегающих зданий, чтобы заодно ликвидировать и лишних свидетелей.

За успех «малого плана» должны отвечать все четверо, ответственность за успех «оптимального плана» Берия брал на себя лично. В каждом из этих планов предусматривались и превентивные меры. Из Москвы надо было удалить под разными предлогами явных сторонников Сталина, особенно тех, кто ведал средствами коммуникации и информации: Министерством связи, радио и телевидения, ТАСС, редакциями «Правды» и «Известий», а также некоторых видных руководителей из Министерства обороны, МГБ, МВД и комендатуры Кремля. В то же время наиболее надежных сторонников четверки — маршала Жукова и других — следовало вызвать в Москву. Все средства связи дачи Сталина, его кремлевской квартиры и служебных кабинетов, начиная с определенного X-часа, выключались из всех общих и специальных правительственных проводов. Все машины дачи Сталина, охраны и obsługi «конфисковывались» с начала X-часа. Все дороги к даче и от нее, как по земле, так и по воздуху, закрывались для всех, в том числе для всех членов Президиума ЦК, кроме четверки.

Функции членов четверки были четко разграничены: Берия отвечал за «оперативную» часть плана, Маленков — за мобилизацию партийно-государственного аппарата, Хрущев — за столицу и коммуникации, Булганин — за наблюдение за военными. С самого начала X-часа четверка объявляла о «тяжелой болезни» Сталина и брала в руки власть «до его полного выздоровления». Так легализовались все действия заговорщиков.

Самым оригинальным в этом рассказе надо считать, пожалуй, то, что заговорщики утвердили оба плана сразу! Начать решили с «малого плана», но в случае его провала тут же пускался в ход запасной, «оптимальный план». Если заговор, так с абсолютно гарантированным

успехом — этому учил ведь и сам Сталин («Бить врага надо наверняка!»).

После такой подготовки и состоялась встреча четверки со Сталиным на его даче в Кунцеве вечером 28 февраля 1953 года. Поговорив по деловым вопросам и изрядно выпив, Маленков, Хрущев и Булганин уезжают довольно рано, но не домой, а в Кремль. Берия, как это часто бывало, остается под предлогом согласования со Сталиным некоторых своих мероприятий. Вот теперь на сцене появляется новое лицо: по одному варианту — мужчина, адъютант Берии, а по другому — женщина, его сотрудница. Сообщив Сталину, что имеются убийственные данные против Хрущева в связи с «делом врачей», Берия вызывает свою сотрудницу с папкой документов. Не успел Берия положить папку перед Сталиным, как женщина плеснула Сталину в лицо какой-то летучей жидкостью, вероятно, эфиром. Сталин сразу потерял сознание, и она сделала ему несколько уколов, введя яд замедленного действия. Во время «лечения» Сталина в последующие дни эта женщина, уже в качестве врача, их повторяла в таких точно дозах, чтобы Сталин умер не сразу, а медленно и естественно.

«Во всех версиях, — итожит А. Авторханов, — рассказанных двумя членами Президиума сталинского ЦК и одним советским писателем, поразительно неизменны три утверждения:

1) смерть Сталина сторожат из Политбюро только четыре человека — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин;

2) к Сталину врачей вызывают только на вторые сутки;

3) в смерти Сталина заинтересован лично Берия.

Отсюда два логических вывода:

1) несмотря на исключительную тяжесть болезни Сталина (потеря сознания), к нему намеренно не

вызывали врачей, пока четверка не убедилась, что смертельный исход неизбежен;

2) поскольку вызовом врачей распоряжался (даже по долгу службы) один Берия, то он, очевидно, вызывал тех, кто будет исполнять его волю — поможет Сталину умереть.

Предположение о причине болезни Сталина также может быть двояким:

1) Сталина хватил удар, когда ему предъявили ультиматум о врачах-«вредителях» с угрозой пустить в ход вооруженные силы;

2) Берия отравил Сталина ядом замедленного действия.

Короче: удар от Политбюро или яд от Берии?

В двух версиях (Эренбурга и Пономаренко) до XXII съезда (1961) говорится, что причиной смерти Сталина был удар от волнения, и нет даже намека на насильственную смерть; только после XXII съезда появляются новые версии причины смерти — применение яда или других видов насилия».

А вот точка зрения бывшего сотрудника кремлевской охраны С. П. Красикова. Он высказал ее в 1997 году:

— Версия отравления Сталина до сих пор не исключается. Оказавшись в полной изоляции, Поскребышев ненадолго пережил своего хозяина и при встречах со знакомыми с опаской говорил: «Сталина убил Берия» — и торопливо отходил в сторону.

Спустя 45 лет после смерти Сталина

Говорит Э. Радзинский, автор международного бестселлера «Сталин», одной из самых последних версий политической биографии вождя, написанной после распада Советского Союза, когда коммунистов уже не было во власти и никто не препятствовал свободе творчества:

— Мы никогда не узнаем, что же произошло ночью в запертых комнатах Хозяина. Но есть только два варианта происшедшего: или Хозяин обезумел и действительно отдал приказ всем спать, и по удивительному совпадению той же ночью с ним случился удар... Или Хрусталеву было кем-то приказано уложить спать своих подчиненных, чтобы остаться наедине с Хозяином — ему или кому-то еще, нам неизвестному. После ареста Власика Берия, конечно же, завербовал кадры в оставшейся без надзора охране. Он должен был использовать последний шанс выжить.

Проник ли в неохраняемую комнату сам Хрущев или кто-то еще? Сделали ли укол заснувшему после «Маджари» Хозяину? Спровоцировал ли этот укол удар? Проснулся ли Хозяин, почувствовав дурноту, и пытался ли спастись, но сумел дойти только до стола? Все это предположения... Но если все так и было, становится понятной поражающая смелость соратников: узнав о происшедшем, они не спешат примчаться на помощь, будто точно *знают, что произошло*, уверены, что Хозяин уже безопасен.

Но в обоих вариантах четверка *сознательно* бросила Хозяина умирать без помощи.

Так что в обоих вариантах они *убили* его. Убили трусливо, как жили. И Берия имел право сказать

Молотову слова, которые тот потом процитировал: «*Я его убрал*».

Чего он опасался

Снова и снова вчитываюсь в слова Д. Т. Шепилова, надиктованные им в конце восьмидесятых годов:

— В связи с прогрессирующей подозрительностью Сталина нужно было в его присутствии вести себя очень осмотрительно. Вспоминаю такой эпизод. В 1949 году на заседании Политбюро ЦК под председательством Сталина слушался вопрос о присуждении Сталинских премий. Как заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК, я присутствовал и выступал на этом заседании. По окончании его я решил спросить у Сталина, как обстоит дело с учебником политической экономии, последний вариант которого давно уже находился у него на просмотре. Почти все разошлись. Сталин по среднему проходу направился к выходу, некоторые члены Политбюро еще толпились у боковой двери. Я торопливым шагом пошел навстречу Сталину. Бросив на меня тяжелый, пристальный и умный взгляд исподлобья, он на секунду задержался на месте, а затем круто повернулся вправо и пошел к боковой двери, где еще задержались некоторые члены Политбюро. Я догнал его и изложил свой вопрос. И увидел, как в его глазах большая настороженность и недоумение сменились на доброжелательность, а в уголках глаз появились веселые искорки. Подошли А. А. Жданов, Г. М. Маленков, еще кто-то.

Жданов сказал мне потом, что я вел себя очень неосторожно. Тогда я не знал всех кремлевских тайн и даже не совсем понял смысл его предостережения.

С годами подозрительность, страхи, маниакальные настроения у Сталина явно прогрессировали. Сталин обычно всю ночь проводил за работой: рассматривал бумаги, писал, читал. Читал он невероятно много — и

научной, и художественной литературы, и все накрепко и по-своему запоминал и переживал. Ложился он, как правило, лишь с наступлением рассвета. Перед тем как лечь, нередко пристально всматривался через окна: нет ли на земле или на снегу следов, не подкрадывался ли кто к окнам. В последнее время он даже запрещал сгребать свежий снег под окнами — ведь на снегу скорее увидишь следы. Одержимый страхами, он часто ложился спать не раздеваясь, в кителе и даже сапогах. А чтобы свести мнимую опасность к минимуму, он ежедневно менял место сна, укладывался то в спальне, то в библиотеке на диване, то в кабинете, то в столовой. Прислуга, учитывая это, незаметно с вечера стелила ему постели в нескольких комнатах одновременно.

А. Авторханов тоже не обошел тему подозрительности вождя, не отвечая, впрочем, на вопрос, чем она была вызвана и имелись ли для нее достаточные основания, упростив проблему до особенностей национального характера: «Относительно возможного покушения на его жизнь у Сталина был определенный комплекс всех восточноазиатских деспотов — он боялся именно отравления. Сталин считал потенциальным отравителем любого из членов Политбюро. Хрущев рассказывает просто анекдотические случаи, когда, садясь со своими соратниками за стол, Сталин сначала заставлял каждого из них под различными, хотя и весьма прозрачными предлогами пробовать все, что подано, и лишь после этого сам начинал пить и есть. Лишь Берия не должен был пробовать пищу: он ел только зелень и привозил ее с собою. Это не очень правдоподобное исключение для Берии (от которого, по рассказам Хрущева, Сталин ожидал любой подлости) Хрущев делает, видимо, чтобы показать, что Берия мог перехитрить самого Сталина.

Что Сталин больше всего боялся отравления, показывает и та тщательность, с которой он оградил свою крепость-дачу от проникновения яда не только в пищу, но и в воздухе, о чем рассказывала его дочь Светлана: «К его столу везли рыбу из специальных прудов, фазанов и барашков из специальных питомников, грузинское вино специального разлива, свежие фрукты доставляли с юга самолетом. Он не знал, сколько требовалось транспортировок за государственный счет, чтобы регулярно доставлять все это к столу... «База» существовала главным образом для того, чтобы специальные врачи подвергали химическому анализу на яды все съедобное, поставлявшееся ему на кухню. К каждому свертку с хлебом, мясом или фруктами прилагался специальный «акт», скрепленный печатями и подписью ответственного «ядолога»: «Отравляющих веществ не обнаружено». Иногда доктор Дьяков появлялся у нас на квартире в Кремле со своими пробирками и «брал пробу воздуха» из всех комнат».

Разумеется, когда сам Берия захочет отравить Сталина, все эти предосторожности не будут играть никакой роли, тем более что «внутренний кабинет» Поскребышева исчез, как и генерал Власик, как и все врачи Сталина. После этого Сталин жил только милостью Берии».

Тут с А. Авторхановым можно и поспорить: пища для первых лиц государства, включая и демократические общества, всегда проверяется специальными лабораториями. Знающие люди утверждают, что такой порядок существовал и в постсоветском Кремле, при дворе Бориса Ельцина.

Первый секретарь ЦК Албанской компартии Энвер Ходжа был в наилучших отношениях с Москвой почти до XXII съезда КПСС. Судя по всему, единственным его недостатком было то, что он оставался убежденным

сталинцем, когда в Москве таковых уже давно не было. Непрерывавшаяся критика Сталина в эпоху Хрущева заставила его задуматься: не свидетельствует ли эта критика о нечистой совести наследников Сталина, не совершили ли они злодеяние, которое хотят оправдать задним числом? Самые интенсивные поиски правды в коммунистических кругах СССР и Восточной Европы привели Энвера Ходжу к катастрофическому для него выводу: «Советские лидеры — заговорщики, которые имеют наглость открыто рассказывать, как это делает Микоян, что они тайно подготовили заговор, чтобы убить Сталина». Так заявил Энвер Ходжа в речи от 24 мая 1964 года.

Поскольку было ясно, что устами Энвера Ходжи хрущевский Кремль обвиняет сам Мао Цзэдун, Кремль не мог не ответить на это выступление, не сказать, почему же сталинцы убрали Сталина. Ответ дал лично Хрущев на митинге 19 июля 1964 года в честь венгерской партийно-правительственной делегации во главе с Яношем Кадаром. И время, и делегация были избраны не случайно. Кадар, арестованный по приказу Сталина, подвергался на допросах нечеловеческим пыткам и остался жив лишь благодаря смерти Сталина. В этой речи, передававшейся через прямую трансляцию по всему СССР и через Интервидение по всей Восточной Европе, Хрущев во всеуслышание признался в насильственной смерти советского диктатора:

— Сталин стрелял по своим. По ветеранам революции. Вот за этот произвол мы его осуждаем... Напрасны потуги тех, которые хотят руководство изменить в нашей стране и взять под защиту все злоупотребления, которые совершил Сталин... И никто не обелит... Черного кобеля не отмоешь добела. (Аплодисменты.)... *В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором.*

Ветераны Старой площади, готовившие текст выступления Хрущева для печати, рассказывали мне, что выделенные слова о тиранах в газетах не появились — их вычеркнули где-то на самом верху, но в эфире их слышали многие миллионы людей в СССР и Европе. Слова о тиранах, правивших при помощи топора и от топора погибших, были сказаны прямо по адресу Сталина в присутствии руководителей ЦК и правительства.

Не в том загадка смерти Сталина, был ли он умерщвлен, а в том, как это произошло. Поставленные перед альтернативой: кому умереть, Сталину или всему составу Политбюро, — члены Политбюро выбрали смерть Сталина. Такой вот выбор.

Арест Поскребышева и Власика

Ни один современный историк не рассматривал еще арест личного секретаря Сталина А. Н. Поскребышева и начальника охраны Н. С. Власика как предшествовавшие устранению вождя звенья одной цепи. Задача довольно трудная, но все же сделаем попытку. Для начала обратимся к воспоминаниям П. А. Судоплатова.

— Генерал-лейтенант Власик, — рассказывал Павел Анатольевич, — начальник кремлевской охраны, был отправлен в Сибирь на должность начальника лагеря и там тайно арестован. Власику предъявили обвинения в сокрытии знаменитого письма Л. Тимашук, которое Рюмин использовал для начала «дела врачей», а также в подозрительных связях с агентами зарубежных разведок и тайном сговоре с Абакумовым.

После ареста Власика немилосердно избивали и мучили. Его отчаянные письма к Сталину о невинности остались без ответа. Власика вынудили признать, что он злоупотреблял властью, что он позволял подозрительным людям присутствовать на официальных приемах в Кремле, на Красной площади и в Большом театре, где бывали Сталин и члены Политбюро, которые, таким образом, могли быть подставлены под удар террористов. Власик оставался в заключении до 1955 года, когда его осудили теперь уже за растрату фондов на проведение Ялтинской и Потсдамской конференций, а потом амнистировали. Несмотря на поддержку маршала Жукова, его просьбы о реабилитации были отклонены.

Увольнение Власика вовсе не означало, что Берия теперь мог менять людей в личной охране Сталина. В 1952 году, после ареста Власика, Игнатьев лично

возглавил Управление охраны Кремля, совмещая эту должность с постом министра госбезопасности.

Еще до беседы с П. А. Судоплатовым я узнал, что Власик был арестован 15 декабря 1952 года. Но суд над ним состоялся через два года после смерти Сталина — 17 января 1955 года.

Фрагмент из показаний на суде:

Председательствующий. Когда вы познакомились с художником С-ом?

Власик. В 1934 или в 1935 году. Он работал на оформлении Красной площади к торжественным праздникам.

Председательствующий. Что вас сближало с ним?

Власик. Конечно, сближение было на почве совместных выпивок и знакомств с женщинами...

Председательствующий. Подсудимый Власик, вы раскрыли перед С-ом секретных агентов МГБ. Он показал: «От Власика мне стало известно, что моя знакомая Кривова является агентом органов, и что его сожительница Рязанцева тоже сотрудничает».

Признав это, Власик показывает:

— Но в вопросах службы я всегда был на месте. Выпивки и встречи с женщинами были за счет моего здоровья и в свободное время. Признаю, женщин у меня было много.

— Глава правительства вас предупреждал о недопустимости такого поведения?

— Да, в 1950 году он говорил мне, что я злоупотребляю отношениями с женщинами.

— Вы показали, что вам доложил Саркисов о развороте Берии, а вы заявили: «Нечего вмешиваться в личную жизнь Берии, надо охранять его».

— Да, я от этого устранился, так как считал, что не мое дело в это вмешиваться, ибо это связано с именем Берии.

— Как вы могли допустить огромный перерасход государственных средств по вашему управлению?

— Грамотность у меня сильно страдает, все мое образование заключается в трех классах приходской школы.

— Подсудимый Власик, расскажите суду, что из трофейного имущества вами было приобретено незаконным путем, без оплаты?

— Насколько я помню: пианино, рояль, три-четыре ковра.

— А что вы можете сказать о четырнадцати фотоаппаратах? Откуда у вас хрустальные вазы, бокалы, фарфоровая посуда в таком количестве?

Все, достаточно. Пианино, ковры, фотоаппараты — это не более чем повод. Главное совсем в другом. И об этом главном говорит А. Авторханов, имея в виду обстановку в начале пятидесятых годов: «Два человека вновь приобретают свое бывшее значение: генерал-лейтенант А. Н. Поскребышев и генерал-лейтенант Н. С. Власик. Никто не может иметь доступ к Сталину, минуя этих лиц, даже члены Политбюро. Исключения бывали, если Сталин сам вызывал кого-нибудь, чаще всего на обеды-попойки. Сталин не только управлял текущими делами через этих двух лиц, но им он доверил и свою личную безопасность. Посторонняя сила могла подкрасться к Сталину только через кризис этой идеальной службы его личной безопасности. Иначе говоря, никто не мог бы убрать Сталина раньше, чем не уберет этих двух лиц. Но убрать их тоже никто не мог, кроме самого Сталина».

Авторханов дал нелестную характеристику Поскребышеву. Да, по натуре помощник. Да, не самостоятельная фигура. Что же представлял собой другой временщик Сталина, генерал Власик? По мнению исследователя, это был Аракчеев и Распутин в одном лице: бездушный солдафон и хитрейший мужик.

В русской и советской армиях, пишет А. Авторханов, это, вероятно, единственный случай, когда малограмотный, простой солдат, минуя всякие курсы и школы, добрался до чина генерал-лейтенанта. Мало того, он выступал толкователем мнений Сталина по вопросам культуры. Власик побил рекорд по длительности служения у Сталина — он единственный, сумевший удержаться с 1919 года и почти до самой смерти Сталина.

Чеченцы говорят: волк, шествующий к горной вершине, рискует своей жизнью. Так погибло много «сталинских волков» — от рук самого же Сталина. Но, жертвуя такими волками, как Поскребышев и Власик, Сталин не знал, что он впервые в своей жизни стал орудием чужой воли.

Не во многом расходится мнение зарубежного политолога советского происхождения, который, кстати, никогда не видел Власика, и мнение дочери Сталина, хотя она знала главного телохранителя отца с детства:

— Генерал Николай Сергеевич Власик удержался возле отца очень долго, с 1919 г. Тогда он был красноармейцем, приставленным для охраны, и стал потом весьма властным лицом за кулисами. Он возглавлял всю охрану отца, считал себя чуть ли не ближайшим человеком к нему и, будучи сам невероятно малограмотным, грубым, глупым, но вельможным, дошел в последние годы до того, что диктовал некоторым деятелям искусства «вкусы товарища Сталина»... А деятели слушали и следовали этим советам... Наглости его не было предела... Не стоило бы упоминать его вовсе — он многим испортил жизнь, — но уж до того была колоритная фигура, что мимо него не пройдешь. При жизни мамы он существовал где-то на заднем плане в качестве телохранителя. На даче же отца, в Кунцеве, он находился постоянно и «руководил»

оттуда всеми остальными резиденциями отца, которых с годами становилось все больше и больше... Власик данной ему властью мог сделать все, что угодно...

Существенные детали в портрет Н. С. Власика добавляет писатель К. Столяров, который, судя по его произведениям, неплохо изучил лубянские персонажи:

— Охранять Сталина было занятием хлопотным и нервным, потому что, как утверждал Власик, рядом всегда были интриганы, пытавшиеся отстранить его от этой работы. Впервые такая попытка имела место в 1934 году. А в 1935-м он, Власик, своим телом прикрыл Сталина, когда прогулочный катер был обстрелян с берега постом погранохраны, и, не растерявшись, организовал ответный пулеметный огонь, после чего выстрелы по катеру прекратились. Вождь проникся доверием к Власику, десять лет Николая Сергеевича не беспокоили интригами, а затем снова начались треволения...

Впрочем, об этом эпизоде рассказал сам Власик в письме из мест отбытия наказания: «В 1946 году мои враги оклеветали меня, и я был снят с должности начальника Управления охраны МГБ СССР. Но т. Сталин отнесся к этому со всей чуткостью, сам разобрался во всех выдвинутых против меня обвинениях, абсолютно ложных, и, убедившись в моей невинности, вернул мне прежнее доверие.

В 1948 году был арестован комендант дачи «Ближняя» Федосеев. Следствие вел Серов под непосредственным руководством Берии. У Федосеева было взято показание на меня, что я якобы хотел отравить т. Сталина. Т. Сталин усомнился в этом и лично проверил, вызвав на допрос Федосеева, где тот заявил, что это ложь, которую побоями заставили его подписать. Дело Федосеева передали из МВД в МГБ...

Вскоре Серов вызвал на допрос нового коменданта дачи «Ближняя» Орлова и тоже требовал, чтобы тот

подписал на меня ложный протокол, но Орлов отказался. А добиться санкции на арест Орлова Серов не смог...»

«Крупные неприятности выпали на долю Власика весной 1952 года, — читаем у писателя К. Столярова, — когда комиссия ЦК ВКП(б) под председательством Г. Маленкова выявила вопиющие безобразия: пользуясь бесконтрольностью, верные телохранители кремлевской элиты на господских дачах центнерами пожирали черную икру и балыки, предназначенные для номенклатурных желудков! В ответ на вопрос: «А ты куда смотрел?» — Власик объяснил, что ввиду малограмотности ему трудно было заниматься финансово-хозяйственной деятельностью, поэтому контроль за этой стороной работы главка он возложил на своего зама. Что же касается тех коньяков и балычков, которые привозили с дачи Сталина для его личного потребления, Николай Сергеевич ответил: «Да, такие случаи были, но за эти продукты я иногда платил деньги. Правда, были случаи, когда они доставались бесплатно».

Судя по всему, Николаю Сергеевичу было невдомек, чего к нему пристают из-за каких-то рыб?! Ежели он по занимаемой должности десятки лет бесплатно столовался у Сталина, то — мать-перемать! — велика ли разница: съест он полкило икры на глазах у вождя или же возьмет с собой ту же икру, так сказать, «сухим пайком»?

Справедливости ради отмечу, что четкой регламентации на сей счет не существовало, если не считать стародавнего лакейского правила: прислуге дозволяется брать себе только то, что не доели за столом сами хозяева и приглашенные ими лица — фрукты из ваз, нарезанную лепестками семгу, лососину, ветчину, хоть и полные, но уже раскупоренные бутылки со спиртными напитками и т. п. Но, с другой стороны,

обязан ли был генерал Власик руководствоваться нормами поведения для лакеев, коль скоро он сам из бедняка-поденщика давным давно превратился если не в социалистического графа, то по меньшей мере в барона или виконта, ведь у него была своя шикарная госдача с персональным поваром, которого Николай Сергеевич форменным образом терроризировал и с которым, согласно показаниям свидетельницы П., «разговаривал исключительно с применением отборного мата, не стесняясь присутствующих женщин»?

По версии К. Столярова, вешать на Власика ярлык несуна не захотели, однако наказали его примерно, исключив из партии и с позором назначив не на генеральскую, а на офицерскую должность заместителя начальника исправительно-трудового лагеря на Урале, в городе Асбесте. Там он прослужил всего лишь шесть месяцев, а в декабре 1952 года был арестован за измену Родине — оказывается, это он, Власик, в 1948 году должным образом не отреагировал на донос Лидии Тимашук о злодейском умерщвлении А. Жданова.

Когда же выяснилось, что врачи-убийцы были только врачами, но отнюдь не убийцами, Берия, как уже говорилось, не спешил освободить Власика. Точно так же поступили и те, кто пришел на смену Берии. В ходе следствия обнаружилось кое-какие факты, позволявшие призвать Власика к ответу. Например, при обыске в его доме нашли трофейный сервиз на 100 персон, 112 хрустальных бокалов, 20 хрустальных ваз, 13 фотоаппаратов, 14 фотообъективов, 5 перстней и — так записано в протоколе — «инострannую гармонь», которые Власик приобрел незаконным путем без оплаты. Кроме того, Власик признал, что в 1945 году по окончании Потсдамской конференции «вывез из Германии три коровы, быка и двух лошадей, из них своему брату отдал корову, быка и лошадь, сестре —

корову и лошадь, племяннице — корову; скот был доставлен в Слонимский район Барановичской области на поезде Управления охраны МГБ СССР».

Но это еще не все. Следствие установило, что Власик морально разложился, систематически пьянствовал и сожительствовал с женщинами, получавшими от него пропуска на трибуны Красной площади и в правительственные ложи театров, а также поддерживал знакомство с лицами, не внушавшими политического доверия, разглашал в беседах с ними секретные сведения, касавшиеся охраны руководителей партии и советского правительства, хранил у себя на квартире служебные документы, не подлежащие оглашению.

Невзирая на то, что Власик с жаром доказывал, будто выпивки и бессчетные связи с женщинами происходили только в свободное от работы время, Военная коллегия Верховного суда СССР 17 января 1955 года вынесла приговор:

«Власика Николая Сергеевича лишить звания генерал-лейтенанта, на основании статьи 193-17 п. «б» УК РСФСР с применением статьи 51 УК РСФСР подвергнуть ссылке на 10 (десять) лет в отдаленную местность СССР. В силу статьи 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии сократить это наказание наполовину, т. е. до 5 (пяти) лет, без поражения в правах.

Лишить Власика медалей: «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «В память 800-летия Москвы», «XXX лет Советской Армии и Флота», двух почетных знаков «ВЧК — ГПУ».

Возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении Власика правительственных наград: трех орденов Ленина, четырех орденов Красного Знамени, ордена Красной

Звезды, ордена Кутузова 1-й степени и медали «XX лет РККА».

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит».

В приговоре наспех инкриминированная статья об измене Родине отсутствовала, она была заменена на злоупотребление служебным положением. Власик вскоре подпал под амнистию и вернулся в Москву. Добиться реабилитации ему не удалось, несмотря на заступничество таких влиятельных лиц, как прославленные маршалы Жуков и Василевский.

А вот и вывод, к которому пришел А. Авторханов: «В решающие минуты около Сталина не оказалось никого: ни «старой гвардии» Сталина — молотовцев, ни «вернейшего оруженосца» Поскребышева, ни пожизненного лейб-охранника Власика, ни преданного сына Василия, ни даже личного врача Виноградова. Смерть Сталина караулит и регулирует Берия при неизменном присутствии трех его соучастников — Маленкова, Хрущева, Булганина, изменивших и Сталину, и Берии, и самим себе».

А теперь о другом наиболее приближенном к Сталину человеке — А. Н. Поскребышеве, без доклада которого никто не мог пройти в кабинет вождя. Рассказывает бывший сотрудник кремлевской охраны С. П. Красиков:

— Личную канцелярию вождя — особый сектор — долгое время возглавлял генерал-майор Александр Николаевич Поскребышев, которого хозяин именовал «главным», давая тем самым понять, что все вопросы, касающиеся его самого, сначала следует согласовать с Поскребышевым.

Примерно за год до смерти Сталина Берия с помощью Маленкова расформировал слаженную личную охрану вождя. Николай Сергеевич Власик был обвинен в растратывании государственных средств и в

попытке присвоения и сокрытия важных правительственных документов. После одного из заседаний Бюро Президиума ЦК КПСС, проходившего на даче Сталина в Волынском, Власик, осматривая помещение, обнаружил на полу совершенно секретный документ и положил его в карман с тем, чтобы передать Поскребышеву. Но, по приказу Сталина, при выходе из дома был задержан и обыскан, потом отстранен от работы. Сам ли вождь подкинул компрометирующий материал Власику или по подсказке кого, но машине был дан ход. Поскребышев был обвинен в потере бдительности...

А теперь об одной живучей легенде. После смерти Поскребышева ходили слухи, будто он оставил то ли дневниковые записи о годах работы со Сталиным, то ли чуть ли не завершённые мемуары. В годы моей работы в ЦК КПСС я интересовался у многих старожилов, так ли это. Помнится, один из ветеранов общего отдела пересказал слова своего бывшего шефа К. У. Черненко:

— Поскребышев не мог вести дневниковые записи в силу специфики работы у «самого» и из-за особенностей своего скрытного характера. После его смерти мы ничего не обнаружили. А мне ли не знать — изъятием архивов в то время занимался наш отдел.

Константин Устинович в ту пору заведовал Общим отделом ЦК КПСС.

Впрочем, это не значит, что Поскребышев действительно не оставил после себя никаких мемуаров. То, что они пока не обнаружены, еще не свидетельство того, что их не существует.

И все-таки Поскребышев, при всей важности его поста, был «бумажным» генералом. Документы на подпись, регулирование посетителей. Другое дело — Власик, непосредственно отвечавший за безопасность вождя. Почему его убрали? Кто был разработчиком хитроумной многоходовки?

С. П. Красиков, готовя свои записки к изданию, беседовал с людьми, хорошо осведомленными в этом весьма загадочном деле, но не желающими раскрывать свои фамилии. Один из таких разговоров он приводит в своей книге «Возле вождей» в форме вопросов и ответов.

Вопрос. Так ли уж были сильны злоупотребления «девятки» (Девятого управления КГБ СССР, отвечавшего за безопасность высшего советского руководства. — *Н. З.*), что следовало арестовывать начальника личной охраны вождя Н. Власика?

Ответ. Причиной его отстранения послужило «дело врачей». Власика обвинили в том, что он с 1948 года скрывал у себя письмо Лидии Тимашук, где главными обвиняемыми должны были стать Ворошилов, Микоян и Молотов.

Вопрос. Не кажется ли вам, что Георгий Максимилианович Маленков специально обезоруживал своего благодетеля, чтобы обречь его на беззащитность и одиночество? А Берия в этом помогал ему? Помнится, накануне болезни вождя его личную охрану расформировали по разным подразделениям. А некоторых выслали даже туда, где, как говорится, Макар телят не пас. Тех, кто пытался беззаконию противостоять, расстреливали на месте. И все это при живом Иосифе Виссарионовиче.

Ответ. Помню. Вся главная охрана тогда обескуражена была таким поворотом событий... Ветераны службы охраны разогнаны, а неоперившаяся молодежь была способна лишь трепетать перед членами Политбюро, а не требовать от них безукоризненного соблюдения правил служебных предписаний. По рассказам полковника С. В. Гусарова, служившего в то время в охране И. В. Сталина, скоропостижная смерть вождя, который накануне чувствовал себя достаточно сносно, породила разные

кривотолки. Одной из версий его внезапной смерти было преднамеренное убийство.

Тот же полковник Гусаров не исключал и того, что этот гнусный акт совершил кто-то из ближайшего окружения.

Вопрос. Но кто мог быть в этом заинтересован? Берия? Он в то время находился на крючке Маленкова и знал, что за каждым его шагом следят, или Хрущев? Маленкову не было никакого резона отправлять батюшку вождя к праотцам, который, по сути, передавал ему руководство партией и страной...

Ответ. Завещать-то вроде бы и завещал, да не отдавал. Раздразнил аппетит, а сам живет-поживает, правит страной, руководит партией. Когда окочурится, неизвестно. Георгий же Максимилианович вне подозрений, ему и карты в руки.

Вопрос. Игра не на жизнь, а на смерть, любовь и ненависть?

Ответ. Не знаю. Но в ночь с двадцать восьмого февраля на первое марта Сергей Васильевич Гусаров стоял на посту у входа в главный дом дачи, видел, как выходили примерно в четыре часа утра Маленков, Берия и Хрущев. Ему запомнилось, что Маленков тогда облегченно вздохнул, и все они разъехались по домам.

Вопрос. На что вы намекаете? Подумаешь, облегченно вздохнул. Что следует из того?

Ответ. Ничего. Однако какую-то тяжесть с души, выходит, Маленков снял. Какую?... Когда Молотову был задан вопрос: «Могло ли быть, что они (Маленков, Берия и Хрущев) отравили Сталина, когда распивали с ним чай в последний день перед болезнью?» — он ответил без тени сомнения: «Могло быть. Могло быть... Берия и Маленков были тесно связаны. Хрущев примкнул к ним и имел свои цели...»

Вопрос. Но Хрущев в своих мемуарах утверждает, что единственным человеком, заинтересованным в

смерти Сталина, был Лаврентий Берия.

Ответ. В создавшейся ситуации заинтересованным в смерти Сталина был и Г. М. Маленков. Не Берия разгонял сталинскую охрану и подводил под арест Власика и Поскребышева, а именно Г. М. Маленков, но, как хитрый лис, делал это руками Л. П. Берии, чтобы комар носа не подточил. А стоило Сталину уйти к праотцам, тут же состряпал дело против Берии и избавился от него.

Вопрос. Ужасные подозрения. Могло ли быть такое?

Ответ. Оснований для этого, на мой взгляд, более чем достаточно. При допросе шефом КГБ Л. П. Берией начальника личной охраны Сталина Власика у Николая Сергеевича создалось впечатление, что Берия досконально знал о его сугубо личных беседах с И. В. Сталиным. Что лишний раз дает основания предполагать о прослушивании службами Л. П. Берии кабинета и квартиры генсека. Кстати, сын Лаврентия Павловича Серго Лаврентьевич владел системой подслушивания в совершенстве, о чем он и поделился своими воспоминаниями в книге «Мой отец — Лаврентий Берия».

Уместно здесь привести и ответы Л. М. Кагановича на вопросы писателя Ф. Чуева:

— Кажется, что Сталина убили?

— Не могу сказать.

— Молотов к этому склонялся. Знаете, что он мне сказал?

— Что?

— На мавзолее 1 мая 1953 года, последний раз, когда Берия был, он сказал Молотову: «Я его убрал». — «Но Берия не мог на себя нарочно наговорить, чтобы придать себе вес», — говорил Молотов. — И еще Берия сказал: «Я вас всех спас!» — Над Молотовым тоже висело...

— Может быть.

— А вы не допускаете, Лазарь Моисеевич, что, поживи Сталин еще немного, могли и с вами расправиться, с Молотовым...

— Не могу сказать. Нельзя так: если бы да кабы...

И в заключение — фрагмент из эксклюзивного интервью С. И. Аллилуевой главному редактору газеты «Совершенно секретно» Артему Боровику. Беседа проходила в Лондоне летом 1998 года. Это была уже совсем другая женщина — усталая, предельно искренняя, взвешивавшая каждое свое слово.

— Когда с ним случился удар поздним вечером, — рассказывала она, — утром следующего дня мне сказали приехать на дачу, не известив о случившемся. А накануне я все время пыталась проехать к нему. Я чувствовала, что я должна была там быть. Я думаю, что он меня как-то звал, без слов. Какой-то крик души. Я звонила несколько раз охранникам. Но, поскольку они знали, что он без сознания, меня не пустили. Я пыталась пробиться всю ночь. Потом, поздно ночью, я поехала к Шверникам, не знала, куда деваться. На дачу. Там крутили кино. Старый фильм с Москвиным «Станционный смотритель». Это меня совершенно выбило из колеи. Потому что фильм был немой. Немая русская классика. Такой трогательный фильм о любви старенького отца к своей дочери, которую умыкнул проезжий офицер и увез. И бедненький старичок решил пойти в город и замерз. Потом через несколько лет приезжает красивая пролетка. Выходит из нее красивая столичная дама и идет на могилу. И там плачет. Я этот фильм смотрела в эту ночь. Мне предлагали остаться ночевать. Но я не могла. Поехала быстренько домой. И утром меня позвали. Оказывается, вчера вечером у него был удар.

У меня было абсолютное чувство, что он меня звал, что он хотел, чтобы я там была, чтобы там был кто-то из своих.

А они меня не пустили. Они же делали, что хотели. Не пустили меня. Не позвали врачей. Гораздо большим преступлением было, что они врачей не звали. Врач был в другом помещении. Можно было позвать, но они же этого не сделали.

Глава 3. МИФОЛОГИЗАЦИЯ

Тащили ли его за уши наверх?

Я опять должен вернуться к Василию Сталину с учетом рассказанного во второй главе. Не так все просто было на Ближней даче в начале марта 1953 года.

А можно ли верить документам? Ведь их создают люди под влиянием конкретных исторических обстоятельств. В первой главе были преимущественно одни документы. Сейчас — слово мнениям, суждениям, точкам зрения. Многие из них, как увидит читатель, идут вразрез с составленными полвека назад документами.

По мнению его сестры Светланы, судьба Василия трагична. Он был «продуктом» и жертвой той самой среды, системы, машины, которая породила, возвращала и вбивала в головы людей *«культ личности»*, благодаря ему он и смог сделать свою стремительную карьеру. Василий начал войну двадцатилетним капитаном и окончил ее двадцатичетырехлетним генерал-лейтенантом...

Его тащили за уши наверх, утверждала сестра, не считаясь ни с его силами, ни со способностями, ни с недостатками, — думали «угодить» отцу. В 1947 году он вернулся из Восточной Германии в Москву, и его сделали командующим авиацией Московского военного округа, несмотря на то, что, будучи алкоголиком, он сам уже не мог летать. С этим никто не считался тогда. Отец видел его состояние, ругал его беспощадно, унижал и бранил при всех, как мальчишку, — это не помогало, потому что с болезнью надо было бороться иначе, а этого Василий не желал, да и никто не

осмеливался ему это предложить... Отец был для него единственным авторитетом, остальных он вообще не считал людьми, стоящими внимания.

Но вот мнение противоположное. И принадлежит оно человеку компетентному, не понаслышке знающему о порядках в авиации, в прошлом боевому летчику С. В. Грибанову:

— Когда речь о Сталине и его сыне Василии заходит, тут ни логики в рассуждениях, ни простого здравого смысла. Одно талдычат: папаша продвигал, папаша сынишке карьеру делал...

Но вот одна деталь, о которой почему-то помалкивают, когда речь заходит о полковнике Сталине. Командование дивизией Василий принял, когда у него был налет 3105 часов! Он летал на всех типах истребительной авиации, состоявшей на вооружении нашей армии, на многих бомбардировщиках. А еще на штурмовиках, на американских да английских боевых машинах. Много это или мало — 3105 часов в воздухе? Сравним с другими.

Например, заместитель командира авиадивизии А. Ф. Семенов к тому времени налетал 1960 часов. Командиры авиационных полков этой дивизии В. А. Луцкой — 1387, В. А. Яманов — 1115, Е. М. Горбатьюк — 1106 часов.

И все равно папаша толкал! Не мог этот Василий в 23 года командовать дивизией...

Минутку, а были ли прецеденты столь стремительного служебного роста среди воздушных бойцов? Да сколько угодно! У С. Грибанова множество примеров.

Например, летчик А. К. Серов в 1938 году был всего лишь старшим лейтенантом, командиром эскадрильи, а через год он уже комбриг, начальник Главной летной инспекции ВВС РККА. В. С. Хользунов в 1936 году был

капитаном, командиром эскадрильи, а в 1937 году — командующий авиационной армией особого назначения. А. А. Губенко в 1936 году был старшим лейтенантом, командиром звена, а в 1938 году — полковник, заместитель командующего ВВС округа. Г. Н. Захаров в 1938 году — командир звена, старший лейтенант, а в 1939 году — командующий ВВС округа. Георгий Нефедович в кабинет наркома обороны вошел старлеем, а вышел полковником. Г. П. Кравченко в 1937 году был капитаном, а в 1941 году — генерал-лейтенантом, тоже командующим ВВС округа. П. В. Рычагов в 1937 году — старший лейтенант, командир звена, а в 1940-генерал-лейтенант, начальник ВВС РККА. Да и у авиационных штурманов таких примеров много. Г. М. Прокофьев в 1937 году был штурманом эскадрильи, а на следующий год он уже флаг-штурман ВВС.

А Василий Сталин, кстати, был и младшим летчиком, и рядовым инспектором-летчиком, и летчиком-инструктором. Так что по поводу его лампасов и суесловить по большому счету стыдно. На генеральское звание он имел право рассчитывать согласно занимаемой должности еще весной 1944 года! Но прошел год войны. Закончилась Вторая мировая. Под хорошее настроение победителям вручали и Золотые Звезды Героев, многим повторно, и генеральские звания. А Василий все в полковниках — как командир полка. В этом звании он прослужил больше четырех лет, и генерал-майором авиации стал после трех представлений. Отец дал согласие, уступив настойчивым ходатайствам министра обороны Булганина. Иосиф Виссарионович спросил у него: «Вы что, действительно считаете, что он достоин?» Только тогда и было подписано соответствующее решение.

Камня на камню от мифа, будто Василий Сталин был плохим летчиком, а в служебном отношении рос лишь

благодаря покровительству отца, не оставляет и В. Ф. Аллилуев:

— Осенью 1942 года Василию было присвоено звание полковника. И еще он вставил себе платиновые коронки, которыми очень гордился. А мне они не нравились, и ничего красивого я в них не находил, они были темными и просто уродовали его рот, не говоря уже о том, что из-за этих коронок Василий выглядел значительно старше. В нашей стране платиновые коронки не употреблялись, зато в Германии ими пользовались.

Поздней осенью того же, 1942 года в нашей семье шли свои события. А Василий продолжал маяться в своей инспекции. Я часто задумываюсь над вопросом, где истоки той страшной беды Василия, которая называется алкоголизмом. Я вижу ее в одном: его нельзя было держать в тылу, в этой инспекции тем более. Человек он был активный, моторный, смелый. Летал прекрасно, на фронт рвался, и его место, безусловно, было там, он тяготился своим тыловым положением и страдал от того, что люди думают, будто он хорошо устроился за отцовской спиной. Пить он начал именно тогда, когда работал в инспекции. А тут еще его втянули в создание какого-то фильма о летчиках, который он должен консультировать. Так Василий познакомился с Каплером, а через него со многими деятелями литературы и искусства. В Зубалове начались гульбища и застолья, в них принимали участие А. Я. Каплер, Р. Кармен со своей красавицей женой Ниной, К. Симонов, М. Слуцкий, В. Войтехов, А. Мессерер и его племянница Суламифь, В. Серова, Л. Целиковская и многие другие, всех не упомнишь. Закончилось все, как и должно было, большим скандалом.

В 1998 году газета «Совершенно секретно» (№ 6) опубликовала статью заслуженного юриста России А.

Сухомлинова «За что сгноили сына отца народов». Автор изложил совершенно другой взгляд на личность Василия Сталина.

Друг В. И. Сталина, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник авиации А. Е. Боровых рассказывал А. Сухомлинову, что после гибели сына Микояна Владимира, сына Фрунзе Тимура, после загадочного исчезновения в бою сына Хрущева Леонида Василию Сталину категорически запретили боевые вылеты. Он звонил отцу, требовал разрешить. Тот ответил: «Мне одного пленного уже достаточно!»

Но Василий продолжал летать.

Как видно из документов, «специалисты» от авиации, рассказывающие, что Василий рос «как на дрожжах» и «купался в наградах и почестях», мягко говоря, не правы. Он как начал войну полковником, так полковником ее и закончил. Четыре ордена получил заслуженно. За всю войну в должности повышен лишь один раз — назначен командиром дивизии.

Миф о баловне судьбы и никудышном летчике развенчивает и А. Авторханов: «Василий Сталин к началу войны окончил военно-авиационную школу. Всю войну провел на фронтах, летал на истребителях, командовал дивизией, корпусом, авиационным соединением в Германии после войны. Потом он был назначен командующим военно-воздушными силами Московского военного округа. Всеми традиционными воздушными парадами под Москвой, а во время праздников и над Красной площадью командовал лично Василий Сталин. Конечно, в возрасте двадцати пяти — двадцати шести лет офицеры генералами не делаются, исключением был разве только Наполеон (на то он и был Наполеон), но Василия тоже надо считать своего рода исключением — он был сыном Сталина. Сталинские маршалы, чтобы угодить самому Верховному, раболепствовали перед его сыном и

осыпали его чинами и орденами. Однако сколько бы ни рассказывали, что Василий любил выпить, никто не оспаривал его отваги и мужества во время войны, да трусы и не лезут в летчики реактивной истребительной авиации».

Трудный ребенок

Из дневника родственницы первой жены И. В. Сталина М. А. Сванидзе, запись от 17 ноября 1935 года: «За ужином говорили о Васе. Он учился плохо. И. дал ему 2 мес. на исправление и пригрозил прогнать из дому и взять на воспитание 3 вместо него способных парней. Нюра плакала горько, у Павла тоже наворачивались на глаза слезы. Они мало верят в то, что Вася исправится за 2 мес., и считают эту угрозу уже осуществившейся. Отец верит, наоборот, в способности Васи и в возможность исправления. Конечно, Васю надо привести в порядок. Он зачванился тем, что сын великого человека, и, почивая на лаврах отца, жутко ведет себя с окружающими. Светлану отец считает менее способной, но сознающей свои обязанности. Обоих он считает холодными, ни к кому не привязанными, преступно скоро забывшими мать...»

Причины неровного поведения мальчика его двоюродный брат В. Ф. Аллилуев видит в семейной драме родителей.

— Самоубийство Надежды дважды ударило по ее детям: оно рано лишило их матери и крайне ожесточило отца. Сильнее всего удар этот прошелся по Василию, которому в 1932 году было 12 лет. Этот возраст сложный, ломкий, если еще учесть, что Василий с детства был «трудным ребенком». Такие дети особенно остро нуждаются в близком человеке, способном понять подростка и направить его неумемную энергию в нужное русло, не дать ему «разболтаться», обрести внутренний контроль за поступками, не допустить вседозволенности.

Но, считает В. Ф. Аллилуев, судьба распорядилась иначе, рос он почти беспризорным. Мать, которую

Василий сильно любил, обязана была ради сына пожертвовать своим «я». Но... она перепоручила воспитание сына, да и дочери тоже, Муравьеву Александру Ивановичу, человеку, быть может, и очень хорошему, но не близкому детям. В конце концов, такое отношение к детям обернулось против нее самой, она не обрела в них опору и радость.

В «Двадцати письмах к другу» С. И. Аллилуева воспроизвела диалог, услышанный Александрой Андреевной Бычковой (няней Светланы. — *Н. З.*), который произошел незадолго до самоубийства ее матери. На вопрос подруги: «Неужели тебя ничего не радует в жизни?» — мать ответила: «Ничего не радует. Все надоело! Все опостылело!» — «Ну а дети, дети?» — «Все, и дети...» Услышав это, няня поняла, что Надежде действительно надоела жизнь.

Не потому ли, оставшись в детстве без матери, Василий рос парнем хулиганистым, учился неровно и часто спустя рукава.

Хрущевский зять А. И. Аджубей рассказывал, что тесть помнил Василия безнадзорным мальчиком, пропадавшим целыми днями в гараже Кремля. Шоферы и механики отмечали его любовь к технике, желание копаться в моторах. Мальчиком он научился управлять автомобилем.

По рассказам близких родственников, отец разбирался в характере сына, «художеств» его не поощрял и требовал того же от его наставников, воспитателей и командиров. Это подтверждается многими фактами: к примеру, начальник Качинской Краснознаменной авиашколы имени А. Ф. Мясникова был снят с должности за создание привилегированных условий курсанту Василию Сталину, а от руководителей 16-й воздушной армии, в которую был во время войны направлен Василий, Сталин требовал «...не делать каких-либо исключений для сына».

Конечно, восклицает В. Ф. Аллилуев, эта вечная перегруженность работой не прибавляла внимания к сыну, а он в нем ох как нуждался! Отец занимался его воспитанием урывками, страдал от этого, но ничего уже изменить не мог. Время было упущено, Василий рос в педагогическом отношении запущенным ребенком. Возможно, плохую услугу оказали парню сердобольные родичи — бабушка с дедушкой, перенесшие на него всю свою любовь к его матери. Баловали Василия, многое ему прощая и защищая от праведного гнева отца.

Как бы то ни было, учеба Василия с грехом пополам продолжалась, сначала он перешел в Артиллерийскую школу, а затем в 1939 году поступил в Качинское авиационное училище, которое и окончил перед войной.

Каким он был

Больше всего любил Василий быструю езду и компании. Ездить он обожал на всем — от лошадей до самолетов. Техникой владел безупречно, хорошо ездил на мотоцикле, прекрасно водил автомобиль любой марки, классно летал.

— Я предпочитал с ним ездить на машине, которая в его руках была легка и покорна, как живое существо. На мотоцикле тоже с ним катался, но страшновато было, уж больно лих он был на виражах, — рассказывает В. Ф. Аллилуев.

Его всегда окружала куча друзей. Он с ними гонял в футбол, ездил на рыбалку, парился в бане. Ребята эти были веселые, бескорыстные. Но постепенно эти компании все больше притягивали к себе людей, которым что-то надо было от сына вождя. Кстати, отец этого терпеть не мог и всегда внушал Василию и Светлане, чтобы они были поразборчивее с друзьями и не привечали тех, кто не прочь использовать их в своих корыстных интересах. К сожалению, эти увещевания помогали мало...

— Я часто общался с Василием, и в моей памяти он был и остался порядочным человеком. Он был намного проще и, я бы сказал, мягче Светланы. Его отличала исключительная доброта и бескорыстие, он мог спокойно отдать последнюю свою рубашку товарищу. На моих глазах он подарил прекрасную «татру» одному своему другу, который просто не мог скрыть своего восхищения машиной. Хорошо зная эти его качества, я никогда не поверю, что он мог присвоить себе какие-то казенные деньги, спекулировать заграничными шмотками. Он был очень прост и демократичен с

людьми, но Холуев не переносил и не упускал случая над ними поиздеваться.

Это и другие свидетельства В. Ф. Аллилуева очень важны, поскольку в бесконечных писаниях современных авторов на темы кремлевской жизни превалирует один и тот же заезженный мотив: заевшиеся барчуки, пользовавшиеся привилегиями родителей. Но нет-нет, да и проклюнутся изредка зерна правды. Сын Василия Сталина, ныне режиссер Театра российской армии, А. В. Бурдонский убежден: все легенды насчет того, что сталинские дети могли себе много позволить, — вранье. То, что вытворял его отец, сходило ему с рук только потому, что не всегда об этом докладывали Сталину. Хотя у него действительно характер тяжелый был, он мог и подрататься.

Его мать рано ушла из жизни. Занимались им чужие люди. По словам Александра Васильевича, в четырнадцать лет какие-то бабы уже тащили его в койку... Каждый хотел извлечь из этого какие-то выгоды. Он был с детства лишен искреннего к себе интереса — не как к сыну Сталина, а просто как к обычному ребенку... Это, наверное, определило во многом его характер, за который он и расплачивался жестоко. Он был командующим авиацией Московского военного округа, пока Сталин не снял его после скандала на параде на Красной площади. А Капитолина Васильева, третья жена его, говорила Александру Бурдонскому, что часто он вообще не приносил домой зарплату. Приходил, допустим, и говорил: сейчас несколько месяцев денег не будет, потому что я все отдаю — команда ВВС разбилась...

И тут есть еще одна вещь, много значившая в трагедии его судьбы. Когда мама Александра начинала всерьез пилить Василия, как каждая жена пилит мужа, он всегда говорил: «Галка, запомни, я жив до тех пор, пока жив Сталин». Через месяц после смерти Сталина

его арестовали. И выпустили тогда, когда он, в общем, был уже обречен.

В книге Л. П. Тарховой «Заложники Кремля» описан такой эпизод.

Во время войны на аэродром литовского города Шяуляя, где стояли советские войска, внезапно прорвались немецкие танки. Началась паника, летчики побежали прочь от своих самолетов. А к Василию в этот день как раз прилетела из Москвы жена. Он посадил в открытую машину свою Галю, она тоже была не робкого десятка, и выехал на взлетную полосу, перегордив дорогу бегущим.

— Трусы! Вот женщина и та не боится! — кричал он.

И наступило отрезвление, пилоты вернулись к своим самолетам, их удалось поднять в воздух.

С таким же жаром он мог отдаться и любой прихоти, исполнение которой требовало и мужества и нередко — изобретательности. В том же Шяуляе, только в другой раз, провожая жену домой, он попросил ее забрать на соседнем аэродроме небольшую поклажу. Галина очень удивилась, когда ей показали... раненую лошадь, которую следовало прихватить в Москву. Галя не выполнила экстравагантной просьбы мужа, но Василий все-таки переправил животину в Москву и потом выходил ее у себя на даче.

Марфа Максимовна Пешкова, внучка Горького, вышедшая замуж за сына Лаврентия Берии Серго, рассказала известному знатоку тайн кремлевских жен писательнице Ларисе Васильевой поистине гусарскую историю.

В Ташкент, где жила в эвакуации их семья, зимой 1942 года прилетел на военном самолете Вася Сталин. Он стал уговаривать Марфину маму отпустить Марфу с ним — в школе каникулы — слетать в Куйбышев к его сестре Светлане, Марфиной подруге.

— Светлана там скучает, — настаивал Вася.

Мама отпустила, и они полетели. Василий сам вел машину — он был замечательный летчик, лихой, очень ловкий. С ними летел Иван Павлович Ладыжников, издатель Горького. В эвакуационной спешке затерялся один из ящиков с дедушкиными рукописями, и Ладыжников надеялся найти его в Куйбышеве.

В какой-то момент полета Марфа с Иваном Павловичем заметили, что иллюминаторы стали покрываться маслом. Оно хлестало все сильнее и сильнее. Команда забегала.

Самолет против обледенения заправляют спиртом, но этого не сделали: спирт Васиных приятели употребили по другому назначению.

Машина стала обледеневать. Вышла из строя рация. Там, в Ташкенте, мама Марфы все время звонила на аэродром. Ей отвечали, что самолет в пути. И вдруг говорят: с экипажем потеряна связь.

Вася сидел за штурвалом, он делал все, что мог. Ему повезло — внизу был лес с поляной. Посреди поляны — заснеженный стог сена. Он исхитрился посадить машину в стог. Если бы уткнулись в дерево, то все погибли бы.

Сели. Василий стал принимать сердечные лекарства. Самолет военный, без мягких, теплых кресел. Лавки по краям. Пассажиры стали замерзать. Кто-то из команды пошел искать населенный пункт. К счастью, неподалеку было село. Председатель колхоза дал розвальни.

Летчики, попав в домашнее тепло, тут же начали праздновать счастливый исход посадки. Жена председателя колхоза, увидев пьяную компанию, от греха подальше заперла Марфу в своей комнате. Наутро девушку на машине отправили к какому-то вокзалу.

Марфа, по ее словам, несколько не испугалась во время полета и посадки: когда Василий сидел за штурвалом, можно было не беспокоиться.

После этих свидетельств диссонансом выглядят такие, например, подробности, которые излагал известный советский футболист Н. П. Старостин. Их разговор за обедом обычно начинался с одного и того же вопроса:

— Николай Петрович, вы знаете, кто самый молодой генерал в мире?

Футболист понимал, куда он клонит.

— Наверное, вы.

— Правильно. Я получил звание генерала в 18 лет. А вы знаете, кто получил генерала в 19 лет? — И сам же отвечал: — Испанец Франко.

Несмотря на бесконечные повторы, такая викторина, по словам Старостина, видимо, доставляла Василию удовольствие. Сказывались тщеславие и обостренное самолюбие. Футболисту представлялось, что благодаря этим качествам он мог бы стать неплохим спортсменом. Спорт он действительно любил и посвящал ему все свободное время. Хорошо водил мотоцикл, прекрасно скакал верхом. Из рассказов адъютантов и других людей из его окружения Старостин знал, что Василий очень смело и дерзко летал на истребителе. В этом отношении он был далеко не неженка, хотя выглядел довольно тщедушным. Если и весил килограммов шестьдесят, то дай-то Бог...

Его женитьбы

Несть числа слухам о любвеобильности Василия Сталина, о несметном количестве его жен. Давайте разберемся, сколько их было в действительности, что здесь правда, а что досужий вымысел.

Первой женой сына вождя была Галина Бурдонская. История их знакомства и вступления в брак довольно неординарна. Здесь не обошлось и без возвышенной романтики, преодоления некоторых трудностей, в том числе возражений родителей, как со стороны невесты, так и жениха.

Журналистка Л. Тархова, написавшая большую книгу о кремлевских детях, узнала из достоверных источников, что Василий познакомился со своей суженой во время одного из приездов домой на каникулы на самом популярном тогда в Москве катке на Петровке, 26. Галина Бурдонская была студенткой полиграфического института. Вася всегда умел кружить головы девушкам. Ухаживая за новой знакомой, он не раз выделывал трюки на самолете над станцией метро «Кировская», где жила неподалеку Галина, прямо у нее на глазах. Почти по Валерию Чкалову, легендарному летчику, совершившему в 1937 году первый беспосадочный перелет Москва — Северный полюс — Ванкувер в Канаде. Тот, как известно, пролетел, красуясь перед возлюбленной, под мостом.

По словам Александра Бурдонского, его родителей познакомил знаменитый хоккеист Владимир Меньшов, ухаживавший тогда за Галиной.

— Был такой каток на Петровке, там Володя и познакомил свою невесту Галю с моим отцом... Им было всего по 19 лет.

Получается, сын Сталина отбил у друга невесту? В нем было что-то, что привлекало женщин. Помимо того, что он был сыном Сталина. В нем шарм был, особое обаяние. Он умел красиво ухаживать. Способен был пролететь над ее домом на Кировской на самолете и бросить цветы в окно. Или на мотоцикле на одном колесе провезти ее вокруг станции метро. Они познакомились в январе 1940-го, а поженились в декабре. Причем отец ее был категорически против.

— Он говорил дочери: за Василия ты замуж пойдешь только через мой труп. А бабушка, мамина мама, отвечала ему: нет, пускай выходит. Он кричал: ты пойми, он проститутка в брюках! А бабушка говорила: ничего страшного, пусть моя дочь будет царицей.

У Галины, между прочим, тоже не было недостатка в ухажерах. Она была типичная девушка 30-х годов — занималась спортом, писала стихи, хорошенькая была очень. Ей было из кого выбирать. Но она его любила. У нее было потом еще два мужа, романы, но все-таки, говорила она, Васька — это была любовь. Когда он вернулся из тюрьмы, он ведь к ней пришел. Хотя они были давно разведены.

— Мамапустила его в дом, но сама ушла. Он стал говорить, что ради детей — а мы взрослые уже были, — давай снова жить вместе... Но она сказала: нет. Простить она его простила, но забыть... Все-таки она очень с ним настрадалась. Их жизнь должна была сложиться счастливо. Они друг друга любили. Он безумно хотел сына — родился сын.

Среди кремлевской охраны ходила молва, о которой упоминает бывший сотрудник «девятки» С. П. Красиков, будто бы Галина Бурдонская на самом деле была киноактриса, вывезенная из Франции специально к замужеству.

Разносчики слухов в чем-то не ошибались: прадедом Г. А. Бурдонской по линии отца был французский солдат

Шарль Поль Бурдоне, который во время Первой мировой получил ранение под Волоколамском, взят в плен и еще раз пленен русской красавицей. А после лирического пленения остался в России навсегда.

Отец Галины Александр Бурдонский до революции освоил автомобиль, в первые годы советской власти возил Ф. Э. Дзержинского и навсегда связал судьбу с ОГПУ — НКВД. Жил он с семьей в старом двухэтажном доме на улице Кирова. Следил за обучением детей и был очень рад, когда его дочь поступила на редакционно-издательский факультет Московского полиграфического института. Помимо занятий в институте, дочь активно занималась легкой атлетикой на стадионе «Динамо», где и встретилась с хоккеистом Владимиром Меньшовым. Владимир подумывал о том, чтобы сделать Гале предложение стать его женой, да в 1940 году, на свою беду, познакомил подругу с Василием Сталиным.

Василий оказался кавалером галантным. Дарил Гале цветы, водил на танцплощадки, приглашал в лучшие рестораны. 1 января ему предстояло ехать в Липецк на курсы командного состава. А за месяц до отъезда он Гале объявил:

— Наши отношения зашли далеко. Я должен ехать в Липецк, но не могу расстаться с тобой. На коленях умоляю, стань моей женой.

Галя оторопела.

— Стать женой? А как на это посмотрит Иосиф Виссарионович?

— При чем тут отец, — парировал Василий. — Я самостоятельный человек, летчик и в состоянии прокормить свою семью. К тому же я люблю тебя и хочу получить твое согласие. Если согласна поехать со мной в Липецк, мы будем вместе. Решай!

Галя согласилась, и 30 декабря 1940 года молодожены зарегистрировали брак в одном из загсов

Москвы. Свадьбу пышную не справляли. Из родни Бурдонских на торжествах присутствовала только мать Гали, отец на свадьбу не пришел. А Иосифа Виссарионовича Василий поставил в известность только из Липецка.

Союз с этой милой, симпатичной девушкой, к сожалению, распался. И не по ее вине. Хотя она, как вспоминает В. Ф. Аллилуев, легко вошла в их семью, ее полюбили родственники жениха.

События вдруг развернулись так, как никто ни ожидать, ни представить себе не мог. Василий сошелся с женой Р. Кармена, а у Светланы начался роман с Люсей — так друзья звали Алексея Каплера. Произошло это на даче в Зубалове, где собиралась молодежь, предоставленная сама себе.

Из рассказа В. Ф. Аллилуева:

— Дальше события приняли совсем дурной оборот. Василий выгнал Галину, а затем и деда, и мою мать, и всех нас из Зубалова, так как в нашей семье все возмущались его поведением, не стесняясь говорить ему в лицо о его безнравственных поступках. На Василия будто нашло затмение, он ни на что не реагировал и продолжал бражничать со своими дружками, пока о его делах не стало известно отцу. То ли Р. Кармен написал ему письмо, то ли Власик наконец решился доложить Сталину, но факт остается фактом — о проделках Василия Сталину стало скоро известно.

Что было дальше, В. Ф. Аллилуеву доподлинно не известно, так как в Зубалове они уже не жили, но если верить главному маршалу авиации А. Е. Голованову, Сталин поручил разобраться с Василием Генеральному прокурору СССР. Круто!

Генеральный прокурор поинтересовался у Василия, живет ли у него жена Р. Кармена. Василий ответил утвердительно. На вопрос, почему она живет у него, Василий ответил, что сам не знает этого. А почему же

он не отпускает ее, а держит взаперти? Василий заверил, что Нина Кармен совершенно свободна и может уйти от него в любое время. Таким образом жена возвратилась к мужу, а Василий получил пятнадцать суток ареста строгого режима.

Последний штрих Васиных «чужачеств» — это рыбная ловля под аккомпанемент реактивного снаряда, которая кончилась трагически: напарник погиб, а Василий с сильным ранением в ногу угодил в госпиталь. После этого Зубалово закрыли, а Василия отовсюду выгнали.

— Василий после госпиталя пришел жить к нам, — рассказывает В. Ф. Аллилуев, — притащив с собой целый арсенал всевозможного стрелкового оружия, которым можно было, наверное, вооружить целый взвод. У нас уже долгое время жила Галина, с которой он сразу же и помирился.

В 1943 году у Василия и Галины родилась дочь, ее назвали Надеждой. Все они жили в доме на набережной в четвертом подъезде, напротив Большого Каменного моста.

Однако госпожа водка свою разрушительную работу вела неуклонно. Василий стал все более неразборчив в людях, связях, все меньше чувствовал свою ответственность перед семьей. Он бросил жену с двумя детьми и женился на дочери маршала С. К. Тимошенко, красивой молодой женщине с иссиня-черными волосами и голубыми белками глаз. От второго брака у него появились сын и дочь, но алкоголь отца пагубно отразился на здоровье детей, сегодня их уже нет в живых, умерла и его вторая жена. Что касается детей от первого брака, то сын Александр, как мы уже знаем, стал режиссером театра Советской, сейчас Российской, армии.

Дочь Надежда, 1943 года рождения, вышла замуж за актера А. А. Фадеева — сына знаменитого советского

писателя и актрисы МХАТа А. И. Степановой, жила в Москве. Надежда Васильевна при бракосочетании Фадеевой стать не захотела, осталась Сталиной и тем самым стала последней из рода Сталиных, сохранившей его фамилию. В ноябре 1999 года она умерла от инсульта. Ее мама Галина Бурдонская умерла в 1990 году.

Но и со второй женой счастье было недолговечным.

Их роман возник еще в начале 1946 года. Он снова выгнал из дома свою первую жену Галину Бурдонскую, с которой на какое-то время помирился, и женился на Екатерине Тимошенко. С ней он познакомился на Потсдамской конференции. Никакого развода, конечно, не оформлялось, он просто заменил свои документы, где уже стояла отметка о новом браке.

Екатерина Тимошенко была женщиной жестокой, хуже всего пришлось детям от первого брака Василия — Саше, ему тогда было четыре с половиной годика, и Наде — трех лет. Внимания на них никто не обращал, они были обойдены родительской лаской, их иногда забывали даже покормить.

— Бабушка и мама ссорились и ругались с Василием, — продолжает рассказ В. Ф. Аллилуев, — но это мало что меняло. Галина жила у нас и целыми днями плакала, ожидая, что Василий, как и в прошлый раз, одумается и вернется к ней. Но этого, увы, не случилось. Василий все больше пил, и было ясно, что и этот брак недолговечен.

Третьей женой Василия стала Капитолина Васильева. Как она рассказывала журналистке Л. Тарховой, начало было довольно обычным. С Василием Сталиным она познакомилась на соревнованиях, и сразу между ними пробежала искра.

Хотя очевидцы утверждают, что очередной роман сына вождя начинался так: после заплыва, в котором Капитолина пришла первой, награды вручал Василий

Сталин. Молодой, красивый командующий Военно-воздушными силами Московского округа часто появлялся на соревнованиях и обожал участвовать в торжественных церемониях. Это придавало вес его персоне. Здесь он был в центре всеобщего внимания, ловил восхищенные взгляды. Сильнейшие и быстрейшие получали награды из его рук.

— Первое место — Капитолина Васильева! — объявил он.

Но Капа не сделала полагающегося шага вперед. Генерал повторил, уже громче:

— Первое место — Капитолина Васильева!

Тогда она выступила из общего ряда и наклонила голову, чтобы молодой генерал надел ей на шею чемпионскую ленту.

— Почему ты не вышла в первый раз? — спросил потом Василий.

— Хотела обратить на себя внимание, — рассмеялась она.

Но после Капитолина Георгиевна утверждала, что в первую минуту просто не услышала Василия Сталина, потрясенная тем, что видит воочию сына великого вождя. Как бы там ни было, но стройная, красивая Капитолина могла привлечь внимание охочего до женской прелести генерала и без этих штучек.

Через три дня в общежитии, где Капа жила с матерью и дочкой, случился переполох. К обшарпанному подъезду подкатил на шикарнейшей машине адъютант генерала Василия Сталина — узнать, каковы жилищные условия мировой рекордсменки. А еще через некоторое время позвонил сам генерал и пригласил Капу к себе в гости.

При встрече он был краток и прям:

— Я сейчас в разводе, свободен. Предлагаю руку и сердце.

— Да вы меня не знаете! — вырвалось у Капы.

— Все знаю. Мне рассказали.

— Но у меня есть жених.

— Ну, это мы посмотрим.

Дальше история развивалась в том же бешеном темпе. Он прислал ей роскошные цветы. Потом — билеты на Красную площадь, на майский парад 1949 года, предмет вожделений миллионов советских людей.

Потом, ничего не объясняя, повез Капу на дачу в Зубалово, где к нему бросились двое детей, выглядевших сиротами: мальчик, постарше, и девочка. Это были Саша и Надя, дети Василия от первого брака. Оставляя Галину Бурдонскую, он забрал детей и строго-настрого запретил матери видеться с ними.

Говорят, Галина пила, и «трезвенник» муж не мог доверить ей ребят. Был грех, пила, утверждает Л. Тархова. Это очень важное обстоятельство, которое во всех публикациях обычно замалчивалось. Обвиняли в пьянстве только одного Василия. Кто был виноват в том, что он начал чаще, чем следовало, прикладываться к рюмке? Пьющая жена в доме куда страшнее и опаснее, чем компания пьющих друзей. Но и в друзья ему навязывались почему-то исключительно те, кто любил веселые попойки.

Теперь ясно, почему Василий, уйдя от первой жены, не оставил с ней детей, а забрал сначала во вторую, а затем и в третью семью. Их мать была пьющей!

Из рассказа третьей жены Василия Сталина К. Г. Васильевой:

— Наш брак не был, да и не мог быть зарегистрирован. По паспорту Василий еще оставался мужем Галины Бурдонской, хотя после этого уже и Катя Тимошенко успела побывать его женой, родила ему сына и дочь. Саша и Нина Бурдонские жили вместе с Василием, моей мамой и моей дочерью Линой в особняке на Гоголевском бульваре. А дети Тимошенко жили с маменькой. Лину Василий удочерил, она стала

Линой Васильевной Васильевой. Лина и Саша Бурдонский — одногодки, учились в одном классе, правда, по-разному — у Лины в дневнике «пятерки», а у Саши встречалось всякое. Василий, бывало, налетал на Сашу с кулаками за то, что сын учится «так себе». Я вставала между ними...

Нежностей в их браке хватило на два-три месяца. Потом начались проблемы. Капитолина, по ее словам, отдала молодость, чтобы спасти Василия от рюмки. Увы, ей это оказалось не под силу. Известный врач Виноградов предупреждал ее, что она взвалила на себя непосильную ношу. Капитолина приглашала нарколога, умевшего внушить отвращение к водке... Оказалось, этот «специалист» сам алкоголик. Василий так смеялся над женой!

Из бесед с подругами Василия Л. Тархова сделала заключение, которое может сделать только женщина. Касаясь причин его успеха у представительниц прекрасного пола, она пишет, что в Василии ощущалось то, что Хемингуэй называл «запахом зверя», — грубая, победительная, мужская сила. Но когда он терял контроль над собой, то превращался просто в зверя. Жестокий, не уверенный в себе, изломанный... Но никто, кроме близких, не знал, каким он мог быть нежным.

Капитолина Георгиевна говорит: Василий был художник. Она никогда, например, не умела выбирать себе наряды. Что ни купит — то не по фигуре, то не к лицу. После войны на прилавках магазинов лежала только пыль в изобилии. Но в спецмагазинах, куда Капа получила доступ, был коммунизм. Она чувствовала себя там не в своей тарелке. И чтобы лишний раз не появляться в элитном магазине, накупала отрезков ткани, на сколько хватало денег.

Стоило Василию бросить взгляд на пестрый ворох, и он уже все «видел»:

— Это отдай сестре, это для нее. Это сразу выбрось. А из этого — шей. Это для моей женщины.

Как он умел смотреть!

Однажды Сталин спросил у Капы, сколько они вдвоем с Василием зарабатывают. Оказалось, у Васи, генерала, оклад — пять тысяч. У нее, продолжавшей преподавать на кафедре физкультуры Военно-воздушной академии, — две с половиной. На алименты Екатерине Тимошенко, у которой от Василия осталось двое детей, уходили полторы тысячи.

— Той скромности, в какой мы жили, сейчас даже не поверят, — убеждена Капитолина Георгиевна. — У Василия был единственный штатский костюм, и тот купили, когда я взмолилась: не могу ходить все время с генералом! На него же все обращали внимание. А сейчас даже не хочу никому об этом рассказывать, все равно не поверят.

Безусловно, он был далеко не ангелом. Детская память сына, Александра Бурдонского, сохранила большие и малые обиды, неприятные эпизоды:

— Отец бывал невыносим. Уже когда мама ушла от него, стрелял по нашим окнам. Пуля попала бабушке в бриллиант серьги и, отскочив, разбила статуэтку. Просто так, примчался и пострелял. Или караулил, или «под этим делом», пьяный был.

Родители не были разведены, так до смерти не развелись. Мать, расставшись с отцом, потеряв детей, ко всему этому еще и не могла устроиться на работу. Как увидят штамп «Зарегистрирован брак со Сталиным Василием Иосифовичем», так у людей руки дрожат, глаза бегают. Эта печать в паспорте стала проклятием. Ведь слухи о том, что сын Сталина расстался с первой женой, и расстался не по-доброму, от детей ее отлучил, имели довольно широкое хождение. Люди боялись проявить доброту к отверженной.

Выручила одна тетка из жэка, мать Александра ее описывала так: мужская стрижка, гребень в волосах, маленькая, кряжистая. Она сказала:

— Давай-ка сюда свой паспорт.

И не успела мама опомниться — бросила его в печку. Новый паспорт выдали ей уже без штампа, и она сразу же нашла работу.

— Она не вышла больше замуж? — спросила корреспондентка.

— Еще как вышла! Дважды! Была замужем за таким историком, философом... Он ее любил бесконечно, во всех отношениях положительный человек. С ним она посчитала необходимым расстаться в 1953 году, когда появилась возможность забрать нас. И бабушка ее поддержала:

— Галя, у детей было столько мам, теперь им отцов надо запоминать? Разводись.

Потом, когда дети подросли, Галина поняла, что жизнь уходит, и вышла за прелестного человека, тоже историка. Он внезапно, в секунду умер: где-то оторвался тромб.

Тут у нее начались проблемы с ногами. «Сосуды курильщика». Ей ампутировали ногу. После этого она прожила тринадцать с половиной лет. Врачи, уже после ее смерти, сказали: это чудо, что она столько жила. У нее не было ни мелких сосудов, ни вен, все сгорели. Не зная, кто она, доктор сказал: видно, эта женщина пережила страшные трагедии...

Его проделки

О кутежах в Зубалове я уже упоминал. О неудачной рыбалке тоже. Новые подробности в эту историю, обросшую немислимыми слухами, внес двоюродный брат Василия В. Ф. Аллилуев.

В начале войны, когда Яков попал в плен, услужливое окружение придумало для Василия какую-то инспекторскую должность, чтобы подальше держать его от фронта. Возможно, в этом и был некий политический резон, но на пользу Василию это не пошло. Он маялся от безделья и пристрастился к спиртному. На даче в Зубалове устраивались шумные застолья. Однажды Василий привез туда известного деятеля кино А. Каплера, и произошло его знакомство со Светланой.

Слухи об этих гулянках дошли до Сталина, и в конце концов произошел грандиозный скандал, Зубалово закрыли, все — и дед, и бабушка, и мать В. Ф. Аллилуева — получили «по мозгам». А Василий опять «выкинул номер», он решил воспользоваться для глушения рыбы реактивным снарядом. Рыбалка закончилась трагедией, спутник Василия погиб, а его, сильно раненного в ногу, положили в госпиталь.

Конечно, Сталину об этом доложили, и он пришел в ярость. Василия отовсюду выгнали, и он, выйдя из госпиталя с перевязанной еще ногой, какое-то время жил у тетки, часто жалуясь ей, что его не хотят послать на фронт: «Этими руками только чертей душишь, — возмущался Василий, — а я сижу здесь, в тылу!»

Но своего он добился и отправился на фронт, где совершил двадцать семь боевых вылетов и сбил один фашистский самолет.

По свидетельству В. Ф. Аллилуева, с отцом сын помирился только в 1945 году во время Потсдамской конференции.

Но, по-моему, самые любопытные детали содержатся в публикации заслуженного юриста России А. Сухомлинова в газете «Совершенно секретно». Пожалуй, впервые темой исследования стала фронтовая деятельность сына Сталина. Как правило, во всех статьях о нем преобладало смакование его похождения — любовных флиртов, кутежей, самодурства. Складывалось впечатление, будто он только тем и занимался, что отбивал чужих жен, гулял в дорогих московских ресторанах, совершал другие сумасбродные поступки. Ссылки на архивные источники укрепляли веру в то, что, кроме пьяных выходок высокопоставленного сына, в документах и фиксировать было нечего.

А. Сухомлинов одним из первых опроверг тенденциозно вдалбливаемую версию, которую «заглохнуло» не одно поколение доверчивых людей, лишенных возможности ознакомиться с тщательно замалчивавшимися документами.

До 1942 года Василий служил в Главном штабе ВВС в Москве.

На фронт он прибыл летом 1942 года, а на должность командира 32-го гвардейского авиационного истребительного полка заступил в феврале 1943 года и сразу — в самое пекло.

Герой Советского Союза С. Ф. Долгушин был тогда командиром эскадрильи этого полка. Он рассказывал Сухомлинову: «Василий полком командовал старательно, прислушивался к нам, более опытным летчикам. Как командир полка, он мог делать боевые вылеты и руководить ими в составе любой эскадрильи, но чаще летал почему-то в моей. Об эскадрилье Сергея Долгушина ходили легенды, про таких летчиков снят

фильм «В бой идут одни старики». В течение февраля — марта 1943 года с участием Василия мы сбили несколько самолетов врага. 5 марта он сбил самостоятельно ФВ-190... Помню, однажды в бою он допустил ошибку, характерную для молодых летчиков, хотя был уже «стариком» — в 22 года! Погнался за «фоккером», в горячке оторвался от группы, был атакован шестеркой. Всей эскадрильей мы его выручали. Вернулись на аэродром. Василий был полковник, а я капитан, он командир полка, а я — комэск. В авиации у нас чинопочитание не очень развито. Я отвел его в сторонку и устроил свой «разбор полетов»: отmaterил как следует. Вообще-то мы его уважали, любили и даже немного гордились, что нами командует Сталин».

А. Сухомлинов («да простит меня Сергей Федорович!») поехал в подмосковный Подольск в Центральный архив МО проверять его рассказ. Нашли они там с начальником отдела подполковником С. Ильенковым журнал боевых действий 32-го полка, в котором к концу войны было восемнадцать Героев Советского Союза.

«5 марта 1943 г. 17.30 час.:

В районе дер. Семкина Горушка на высоте 200 м и ниже встретились 6 ФВ-190. Вели воздушный бой. Сделано 10 атак. В результате воздушного боя гв. полковник Сталин сбил одного ФВ-190, который упал горящим в районе дер. Семкина Горушка. Младший лейтенант Вишняков сбил ФВ-190, который упал в этом же районе. Сбитые самолеты подтверждают летчики Холодов, Баклан, Лепин. Падение сбитых самолетов наблюдали с Байкал-3».

В наградном листе, подписанном командующим 16-й воздушной армией генерал-полковником авиации С. Руденко, указано, что В. Сталин сбил еще один самолет врага. Итого — два. Да плюс сбитые в группе, о чем

говорил С. Ф. Долгушин. «Хотелось бы, конечно, побольше, на Героя не тянет, но уж сколько есть, — констатирует Сухомлинов. — Для командира полка за месяц — нормально».

А. В. Бурдонский:

— Он был классный летчик, как мне говорили, просто ас, и рвался в бой, но почти в самом начале войны, когда Яша (Яков Джугашвили. — *Н. З.*) попал в плен, и потом погиб Володя Микоян, сын Микояна, — после этого отцу запретили делать боевые вылеты. А ведь до этого он, командуя авиаполком, летал, у него даже самолеты сбитые есть.

По-иному оценивает своего кремлевского сверстника С. Л. Берия:

— Что представлял собой Василий Сталин? В сорок четвертом Сталин решил послать несколько человек на стажировку в Англию. Старшим группы назначил меня. Я отказался. Дайте, говорю, возможность доучиться в академии. Тогда Сталин впервые в жизни меня обругал:

— Ты такой же упрямый, — сказал, — как и вся ваша семья.

А я, если честно, отказался не только потому, что действительно хотел окончить Военную академию, но и еще по одной причине. В группу входил Василий Сталин. Очень душевный парень, но уже тогда был неуправляемым. Спросили бы с меня...

А вот этого как раз и не отрицают честные исследователи жизни Василия. И А. Сухомлинову не к чему наводить парадный глянец на портрет героя, он рисует его со всеми слабостями и недостатками.

В личном деле В. Сталина А. Сухомлинов обнаружил запись: «Горяч, вспыльчив, нервная система слабая, имели место случаи рукоприкладства к подчиненным». Что было, то было. Но ведь и зафиксировано! Без боязни вызвать гнев папаши — Верховного Главнокомандующего. Кстати, в личном деле В. И.

Сталина ни в довоенный период, ни после нет ни слова о пьянстве. Я тоже обратил на это внимание. Есть, правда, одно взыскание за то, что, находясь на переформировании в районе города Шяуляй в 1943 году, он «на тракторе выехал в деревню, а на обратном пути избил сотрудника НКВД».

Конечно, иронизирует А. Сухомлинов, Василий был не прав: за самогоном нужно было послать ординарца, а сотрудника НКВД вообще нельзя было трогать. Что же касается выпивки... В военной авиации, надо сказать прямо, всегда пили. Служба опасная, смерть рядышком ходит. Первая рюмка пьется за взлеты, вторая за посадки и за то, чтобы эти показатели совпадали. Третья — стоя и не чокаясь — за тех, у кого они не совпали. Четвертая — за женщин. В других видах вооруженных сил этот «недуг» тоже имеет место быть. Рассказывали, маршал И. И. Якубовский на военном совете как-то возмущался: «Почему вы так много пьете, ну выпил свои восемьсот, и хорош...»

Знарок биографии Василия Сталина и в целом истории советской авиации, сам в прошлом боевой летчик С. В. Грибанов отмечает:

— Вообще-то Василий старался не наказывать людей. Искал другие пути для поддержания в полках порядка и дисциплины. За сентябрь 1944 года он объявил 53 поощрения и только одно взыскание.

Грибанов обнаружил в военном архиве обращение командира дивизии полковника Василия Сталина к председателю военного трибунала 3-й воздушной армии. В нем говорилось:

«Представляю материал на летчика вверенного мне 32-го истребительного авиаполка лейтенанта Урюпина Евгения Ивановича.

Ходатайствую о снятии судимости с упомянутого. Тов. Урюпин за время пребывания в дивизии проявил себя смелым и отважным летчиком-истребителем и в

воздушных боях с немецкими захватчиками вполне искупил совершенный им ранее проступок. Командир дивизии полковник Сталин».

Особенно комдив заботился о поощрении своих бойцов, возмущался, когда в оценку боевой работы его подчиненных вмешивались посторонние, которым сверху якобы виднее было, кого, за что и как награждать.

И все же, как он воевал? Все говорят только о его пьяных да любовных похождениях. Сбитые в воздушных боях самолеты? Конечно, это несомненный показатель личной храбрости, но для командира дивизии этого, согласитесь, недостаточно. На то он и командир крупного войскового соединения, чтобы, управляя им, добиваться выполнения оперативно-тактических задач.

С. В. Грибанов собрал убедительные доказательства того, что Василий Сталин проявил на фронте несомненные способности, необходимые командиру его уровня.

2 июля 1944 года Верховный Главнокомандующий отмечал в своем приказе успешные действия 3-го Белорусского фронта, войска которого перерезали сообщения немцев из Минска в Вильно и Лиду; 1-го Белорусского — в результате удара их конницы, танковых соединений и пехоты были отрезаны пути сообщения немцев из Минска на Брест и Лунинец.

В 20–25 километрах восточнее Минска оказалась 4-я немецкая армия. Ликвидация ее означала катастрофу группировки противника на Минском направлении, а это уже зависело от того, кто будет действовать более энергично: наши — наступать или немцы — отступать.

Эта преамбула для того, чтобы пояснить ситуацию, в которой оказался 23-летний командир авиадивизии Сталин в ночь на 6 июля.

К тому времени полки и управление 3-й истребительной авиационной дивизии перелетели и

разместились на аэродроме Слепянка неподалеку от Минска. И тут оставшаяся окруженной группировка немцев общей численностью до пяти пехотных дивизий с артиллерией и танками, стремясь прорваться на запад, к своим войскам, ринулась на Минск. Немцы полагали, что город еще в их руках.

Как повел себя молодой командир 3-й гвардейской истребительной авиадивизии, видно из его донесения на имя командира авиакорпуса: «Я принял решение спасти материальную часть, гвардейские знамена, секретные документы штаба дивизии и штабов частей. Для этого отдал приказ об эвакуации их на северо-восточную окраину Минска. Начальнику штаба дивизии подполковнику Черепову поручил организовать наземную оборону на подступах к аэродрому для охраны материальной части, так как с наступлением темноты без заранее организованного ночного старта поднять в воздух летный эшелон было невозможно.

Сам на У-2 убыл ночью на аэродром Докуково для организации там ночного старта. Организовав старт, оставил для приема экипажей капитана Прокопенко и на Ли-2 вернулся в Слепянку. В случае крайней необходимости я уже был готов поднять самолеты в воздух.

К моему возвращению эвакуация штабов была закончена. Она прошла исключительно организованно и быстро. Под минометным обстрелом было вывезено необходимое имущество, знамена, документация штабов.

Начальником штаба нашей дивизии, командирами 43-й истребительной артиллерийской бригады и 1-й гвардейской Смоленской артбригады была организована надежная оборона на подступах к аэродрому.

Утром на штурмовку противника произвели 134 боевых вылета, израсходовали 13115 снарядов.

Штурмовка парализовала группировку противника и раздробила его на мелкие группы.

После штурмовки летный эшелон был выведен из-под удара и перебазирован на аэродром Докуково. Личный состав управления дивизии вместе с техническим составом частей, взаимодействуя с артбригадами, уничтожил в наземном оборонительном бою 200 солдат и офицеров и захватил в плен 222 человека.

В борьбе с немецкими захватчиками стойкость и мужество проявили офицеры, сержанты и рядовые управления и частей дивизии, из числа которых отмечаю...

...3-я гвардейская истребительная авиационная Брянская дивизия вверенного вам корпуса готова к выполнению любых боевых задач».

После окончания войны слухов и сплетен вокруг имени генерала Василия Сталина не поубавилось. Об интересном эпизоде из дальневосточной страницы своей жизни поведал известный советский футболист Николай Старостин.

По его словам, более грязного и мрачного места, чем привокзальная площадь Комсомольска-на-Амуре, он никогда не видел ни в одном городе. Но запомнил ее на всю жизнь по другой причине: прямо к ней примыкала территория гаража Амурлага, где он имел счастье жить почти два года. Счастье в прямом смысле слова: ведь гараж не зона.

К тому времени Старостина уже мало чем можно было удивить. Но он честно признается: когда глухой ночью 1948 года к его камерке подкатила машина первого секретаря горкома партии Комсомольска и приехавший на ней запыхавшийся капитан с порога выпалил: «Одевайтесь! Вас срочно требует к телефону Сталин!» — Старостин подумал, что у него начались галлюцинации.

Через полчаса он был в кабинете первого секретаря у телефона правительственной связи. Рядом навтыяжку стояли не понимающие, что происходит, начальник Амурлагеря генерал-лейтенант Петренко и хозяин кабинета. Старостин поднес к уху трубку аппарата и услышал голос сына Сталина Василия.

У всей этой фантазмагии, как ни странно, имелось объяснение. До войны, в конце 30-х годов, в конноспортивной школе «Спартака» вместе с сыновьями Микояна верховой ездой занимались дочь Старостина Евгения и дочь другого футболиста, Станислава Леута, Римма, будущая неоднократная чемпионка Союза. С ними тренировался худощавый, неприметный паренек по фамилии Волков. И только Старостин, как руководитель «Спартака», знал, что его настоящее имя Василий Сталин. К моменту следующей встречи он успел стать генерал-лейтенантом, а Старостин- политзаключенным.

Его неожиданно проявившийся — через столько лет — интерес к бывшему футболисту вызывался отнюдь не детскими воспоминаниями. Будучи командующим Военно-воздушными силами Московского военного округа, он, используя особое влияние и положение, мог удовлетворить любую свою прихоть. В частности, желание иметь «собственную» футбольную команду ВВС, куда — кого уговорами, кого в приказном порядке — пытался привлечь лучших игроков из других клубов.

Что ж, наверное, можно и так оценить его действия. Старостин делился своими воспоминаниями о Василии в конце восьмидесятых годов, когда беспощадному остракизму подвергалось все, связанное с именем и делами его отца. Пройдет неполных десять лет, и о заслугах Василия на спортивном поприще заговорят по-иному. Я вернусь еще к этой теме, а сейчас продолжу рассказ знаменитого нашего футболиста в той модной

обвинительной тональности, в какой он звучал в конце восьмидесятых.

Итак, по вечерам Василий Сталин во время застолья в своем доме-особняке любил обсуждать с игроками, среди которых оказалось и несколько бывших спартаковцев, текущие спортивные дела.

И вот однажды при очередном таком кворуме один из них, Саша Оботов, брякнул:

— Василий Иосифович, да что мы все думаем-гадаем, как нам поправить дела. Надо назначить тренером Николая Петровича.

Все его дружно поддержали. Командующий на секунду сдвинул брови, видимо, что-то про себя прикидывая, потом вызвал своего адъютанта, тоже хорошо известного в то время футболиста Сергея Капелькина, и произнес фразу, положившую начало двухмесячной эпопее: «Соедините меня со Старостиным».

Все это Николай Петрович узнал много позже в Москве. А тогда ночью в Комсомольске-на-Амуре, сделав шаг к черному телефону правительственной связи, он шагнул навстречу судьбе.

— Старостин слушает.

— Николай Петрович, здравствуйте! Это тот Василий Сталин, который Волков. Как видите, кавалериста из меня не получилось. Пришлось переквалифицироваться в летчики. Николай Петрович, ну что они вас там до сих пор держат? Посадили-то попусту, это же ясно. Но вы не отчаивайтесь, мы здесь будем вести за вас борьбу.

— Да я не отчаиваюсь, — ответил Старостин бодрым голосом и почувствовал, как его прошиб холодный пот. За один такой разговор он вполне мог получить еще десять лет.

— Ну, вот и хорошо. Помните, что вы нам нужны. Я еще позвоню. До свидания.

От телефонисток по Амурлагу мгновенно разлетелась весть: Старостин разговаривал со Сталиным. Фамилия завораживала. В бесконечных пересудах и слухах терялась немаловажная деталь: звонил не отец, а сын. Местное начальство, конечно, знало истину, но для них и звонок отпрыска значил очень много.

Шел 1948 год — до конца срока оставалось четыре года. Но судьба благоволила к футболисту.

Директором одного из заводов Комсомольска был инженер Рябов из Москвы, с Красной Пресни, наудачу оказавшийся болельщиком «Спартака». Он сумел использовать то, что отцы города и Амурлага, сбитые с толку особой расположенностью к Старостину сына вождя, позволили немислимую вещь: не только зачислили политического заключенного на завод, но и допустили его к работе на станке. Как вскоре объяснил Рябов, теперь при условии выполнения плана за день полагалось два дня скидки со срока заключения.

Так прошли два года, которые были зачтены ему за четыре. Срок истек. Местный народный суд на основании представленных документов утвердил досрочное освобождение. Старостину выдали паспорт, где черным по белому были перечислены города, в которых он не имел права на прописку. Первой в этом списке значилась Москва.

И тут вновь позвонил Василий:

— Николай Петрович, завтра высылаю за вами самолет. Мы ждем вас в Москве.

— Как в Москве... Я же дал подписку...

— Это не ваша забота, а моя. До встречи... — И в трубке раздались частые гудки...

Прямо с подмосковного аэродрома Старостина привезли в особняк на Гоголевском бульваре — резиденцию Сталина-младшего.

Когда Старостин вошел, Василий поднялся.

— С возвращением, Николай Петрович!

— Спасибо.

— Выпьем за встречу.

— Василий Иосифович, я не пью.

— То есть, как не пьете? Я же предлагаю «за встречу». За это вы со мной должны выпить.

Стоявший сзади Капелькин потихоньку толкнул Старостина в бок, а Саша Оботов из-за стола начал подавать знаки: мол, соглашайся, не дури. Старостин замялся, но деваться некуда — выпил. И, усталый после перелета, голодный да еще и непривычный к алкоголю, сразу захмелел.

А Василий, смачно хрустнув арбузом, тут же перешел к делу.

— Где ваш паспорт?

— При мне, конечно.

— Степанян, — позвал «хозяин» одного из адъютантов, — срочно поезжай и оформи прописку в Москве.

Офицер моментально исчез.

Вскоре, так же незаметно, он появился и вернул Старостину паспорт. Футболист открыл — и не поверил глазам: прописан в Москве постоянно по своему адресу, Спиридоньевский переулок, 15, квартира 13.

Чем ближе подходил он к Спиридоньевке, тем отчетливее понимал, чего ему больше всего не хватало все эти годы — ощущения, что его ждут. И когда он, переступив порог квартиры, увидел плачущую жену и дочерей, понял, как мало, в сущности, нужно человеку для счастья.

На следующий день его доставили в штаб ВВС Московского округа, где правил бал Василий Сталин. Вся эта суета после Комсомольска-на-Амуре казалась футболисту игрой в оловянных солдатиков. Главное — вскоре он должен был получить возможность вновь окунуться в любимую атмосферу футбольной жизни.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Через несколько дней к нему на квартиру явились два полковника из хорошо знакомого ведомства.

— Гражданин Старостин, ваша прописка в Москве аннулирована. Вы прекрасно знаете, что она незаконная. Вам надлежит в 24 часа покинуть столицу. Сообщите, куда вы направитесь.

Подумав, назвал Майкоп. В его распоряжении оставались сутки.

Не теряя времени, отправился в штаб ВВС МВО и доложил о случившемся командующему.

— Как они посмели без моего ведома давать указания моему работнику? Вы остаетесь в Москве!

— Василий Иосифович, я дал подписку, что покину город в 24 часа. Это уже вторая моя подписка, первую я дал в Комсомольске о том, что не имею права находиться в столице. Меня просто арестуют...

Василий задумался.

— Будете жить у меня дома. Там вас никто не тронет.

Василий Сталин решил бороться за футболиста не потому, что считал, будто невинно отсидевший действительно имеет право вернуться домой. Он был ему нужен как тренер. Но тогда и это отошло для него на задний план. Суть заключалась в том, что он ни в чем не хотел уступать своему заклятому врагу — Берии, которого люто ненавидел, постоянно ругал последними словами, совершенно не заботясь о том, кто был в тот момент рядом.

Переехав в правительственный особняк на Гоголевском бульваре, Старостин не сразу осознал свое трагикомическое положение — персоны, как он выразился, «приближенной к отпрыску тирана». Оно заключалось в том, что они были обречены на

«неразлучность». Вместе ездили в штаб, на тренировки, на дачу.

— Даже спали на одной широченной кровати, — свидетельствовал знаменитый футбольный тренер. — Причем засыпал Василий Иосифович, непременно положив под подушку пистолет. Только когда он уезжал в Кремль, я оставался в окружении адъютантов. Им было приказано: «Старостина никуда одного не отпускать!» Несколько раз мне все-таки удавалось усыпить бдительность охраны и незамеченным выйти из дома. Но я сразу обращал внимание на двух субъектов, сидящих в сквере напротив, вид которых не оставлял сомнений в том, что и Берия по-прежнему интересуется моей особой. Приходилось возвращаться в «крепость»...

Где здесь правда, а где, мягко говоря, подвела память? Ну конечно же, Василий Иосифович с утра каждый день ездил в Кремль, как будто там располагался штаб ВВС Московского военного округа. С точки зрения футболиста, куда еще мог ездить сын Сталина? Ну конечно же, другой кровати или хотя бы заваливающей раскладушки в огромном особняке не нашлось, и Василий Иосифович укладывал гостя в свою постель. Ну конечно же, сын Сталина на ночь засовывал под подушку пистолет. Ну и, разумеется, на квартиру к футболисту нагрянули сразу аж два полковника — не будут же заниматься проверкой паспортного режима какие-то там старшие лейтенанты да капитаны.

Странное впечатление производит и лексика рассказчика: «отпрыск тирана». Как никак — вызволил «отпрыск тирана» из заключения, более того, приютил в собственном доме. Откуда же неприкрытая неприязнь, явное неуважение? Ответ ясен — так требовалось, так полагалось говорить в горбачевскую эпоху, содержанием которой было развенчание Сталина и его идей.

К сожалению, Николая Петровича уже нет в живых. Может быть, сегодня он все рассказывал бы по-другому? Впрочем, он и тогда признавался, что был не самый подходящий собеседник для разговоров на темы, отвлеченные от спорта и футбола.

— Беседы наши, как правило, — вспоминал Николай Петрович, — происходили по утрам: с семи до восьми с ним можно было обсуждать что-то на трезвую голову. Потом он приказывал обслуге: «Принесите!» Все уже знали, о чем речь. Ему подносили 150 граммов водки и три куса арбуза. Это было его любимое лакомство. За два месяца, что я с ним провел, я ни разу не видел, чтобы он плотно ел. С похмелья он лишь залпом опорожнял стакан и закусывал арбузом. Затем из спальни переходили в столовую. Там и оставалось полчаса для обмена разного рода соображениями. Чаще всего спортивными, но которые — хочешь, не хочешь — всегда задевали текущие общественно-политические события. Мой «покровитель», как я вскоре убедился, очень слабо представлял себе проблемы и заботы обычных людей. Характер у него был вспыльчивый и гордый. Возражений он не терпел, решения принимал быстро, не тратя время на необходимые часто размышления...

Стакан водки и ломоть арбуза по утрам — эта деталь с легкой руки Николая Петровича прочно вошла в публицистический арсенал обличения Сталина и его семьи. Только самый ленивый журналист не использовал запущенного в оборот Старостиным яркого штриха, характеризовавшего деградацию личности сына вождя всех народов. Но нигде, ни в каком другом источнике я не смог найти подтверждения, что завтрак Василия состоял из столь необычных блюд. Нет доказательств ни в письменном, ни даже в устном виде.

Между тем, по рассказу Старостина, его постоянное присутствие в особняке непрерывно напоминало

Василию о необходимости решать этот вопрос. Тем более что сама ситуация — проживание бывшего политзаключенного без всяких документов (паспорт был переслан в Майкоп) у члена семьи руководителя партии и государства — становилась двусмысленной и давала Берии прекрасный шанс для компрометации сына в глазах отца. Реального выхода для себя футболист не видел, нервы были напряжены до предела. Может быть, поэтому допустил ошибку: решил, несмотря на риск, снова повидать семью. Дождавшись, по его словам, когда Василий, уже основательно набравшись, уснул (будто действие происходило в каком-нибудь общежитии на стройке. — *Н. З.*), он незаметно выбрался в сад, перелез через ограду и оказался на Гоголевском бульваре. Оглянулся — никого. Свернул к Никитским воротам и пошел на Спиридоньевку. Воодушевленный тем, что так удачно обманул бериевских агентов, забыв об элементарной осторожности, остался ночевать дома.

Ровно в шесть часов утра раздался звонок в дверь, и два знакомых ему полковника (два полковника! В шесть утра! Словно обыкновенные участковые милиционеры! — *Н. З.*) вошли уже без всяких церемоний.

— Одевайтесь. Мы за вами. Почему вы не уехали, хотя давали подписку?...

— Не уехал потому, что мне не разрешил командующий.

— У нас есть указание отправить вас в Майкоп немедленно.

Старостин в очередной раз собрал чемоданчик, положил туда плащ, рубашки. И в сопровождении «почетного конвоя» прибыл на Курский вокзал. Буквально через несколько минут ему принесли билет и сказали:

— Следуйте до Краснодара. Там явитесь в городское управление МВД и получите направление в Майкоп и свой паспорт.

Потом один из полковников вышел в соседнюю комнату, и Старостин услышал, как он докладывал кому-то по телефону:

— Товарищ генерал, Старостин на вокзал доставлен. Отправляем его в Краснодар ближайшим поездом. Нет, не сопротивляется, ведет себя спокойно...

Старостин притулился в купе. Напротив еще трое. Вычисляет: который из них приставлен следить? Во время стоянки в Орле вдруг видит в проходе вагона знакомую фигуру начальника контрразведки Василия Сталина, которого встречал в особняке на Гоголевском бульваре. С ним стоял старостинский верный Санчо Панса — Василий Куров — и подавал чуть заметные знаки: мол, идите сюда. Когда Старостин вышел в тамбур, начальник контрразведки сказал:

— Николай Петрович, мы догнали вас на самолете. Василий Иосифович приказал любыми средствами вернуть вас в Москву.

— Мне нельзя в Москву.

— Николай Петрович, он вас ждет. Вы даже не представляете, как он рвет и мечет!

Поезд вот-вот тронется, надо что-то решать. Старостин пытается найти для себя последнюю зацепку:

— Там мои вещи. И, потом, за мной, скорее всего, следят.

— Черт с ними, с вещами и вашим шпиком. Надо лететь.

Была, не была! Старостин соскакивает с поезда. Бежит на привокзальную площадь. Там уже ждет «джип». Быстро в него — и на аэродром. Короче, когда футболист переступил порог кабинета Василия Сталина, то имел в прямом и переносном смысле очень

бледный вид. Но тот не обратил на это никакого внимания. Истерично кричит:

— Кто?! Кто вас брал?

— Они не назывались, но в разговоре один из полковников упомянул фамилию Огурцов.

— Ах, Огурцов! Ну, хорошо...

Хватается за телефон и набирает какой-то номер. Из трубки слышится голос:

— Генерал-лейтенант Огурцов у аппарата...

— Вы не генерал-лейтенант Огурцов, вы генерал-лейтенант Трепло. Это я вам говорю, генерал-лейтенант Сталин!

Тот явно с испугом:

— Товарищ генерал! Что случилось?

— Я с вами разговаривал два часа назад. Спрашивал, где Старостин. Вы сказали, что не знаете, где он.

— Действительно не знаю.

— Как вы не знаете, когда вам докладывали с вокзала, что его отправили в Краснодар.

— Вас кто-то ввел в заблуждение.

И тут Василий, уже успокоившись, отчеканил:

— Меня ввел в заблуждение Старостин, который сидит напротив. Но вы должны знать, что в нашей семье обид не прощают.

И бросил трубку.

У Старостина, по его словам, одно желание — побыстрее умыться и отоспаться. Но командующий не унимается.

— Николай Петрович, сегодня «Динамо» играет с ВВС. Идите, пообедайте, и поедем на футбол. Сейчас мы их всех там накроем.

Игра пошла ва-банк. Подъезжают к «Динамо» — ворота стадиона настезь, все сразу навтыжку: «Здравия желаем, товарищ генерал!» Входят в

центральную ложу, которая забита до отказа. При появлении Василия все поднялись с мест.

— Познакомьтесь, — говорит он Старостину, — это генерал Огурцов. А это, — обращается к генералу, — Николай Старостин, которого вы сегодня утром выслали из Москвы.

Побагровевший Огурцов демонстративно покинул ложу.

— Видите, — обратился ко всем Василий, — какой он нервный? Значит, чувствует свою вину.

Остальные офицеры последовали примеру Огурцова.

Присутствие Василия Сталина в первом ряду центральной ложи вызвало повышенное любопытство болельщиков на трибунах.

Василию не сиделось. Он сказал:

— Пошли, они все в буфете.

Вошли в буфет.

Генералы встали и ушли в ложу. Обслуга в недоумении. Никто ничего не понимал.

— Ну, все, — подвел он итог. — Выпейте кофе, а я добавлю водочки, и пойдем к команде. Считаю, что мы им отомстили.

После всего происшедшего Старостин более ясно осознал, в какую историю втянул его Василий, и даже не хотел предполагать, чем она может закончиться. Все осложнялось тем, что как раз в это время Василий был в опале: на рыбалке, когда он с друзьями глушил рыбу, осколками одной из гранат ранило его и убило военного летчика, говорили, что личного пилота Сталина. После этого отец очень рассердился на сына. Василий считал, что Берия преподнес этот инцидент специально в искаженном виде, чтобы поссорить его с отцом.

Через день Василий сказал Старостину за завтраком:

— Берия улетел из Пицунды. Отец остался там. Я сегодня вылетаю к нему. У меня есть несколько неотложных вопросов, и одновременно я постараюсь поговорить о вас. Будете дожидаться моего возвращения на базе. Никто вас там не тронет. Берите с собой жену и дочерей. С вами поедет мой адъютант Полянский. Отдохнете, половите рыбу в озере...

Для Старостина это предложение было заманчиво, потому что рядом, буквально в 18 километрах — деревня, где в то время жили его мать и сестры с детьми.

Василий вызвал майора Полянского.

— Возьмите в сопровождение две машины охраны. Одна из них пойдет впереди, другая — сзади. В середине поедет Николай Петрович с семьей.

— Что я должен делать, если по дороге люди Берии захотят арестовать Старостина, если они попытаются захватить его силой?

— Отстреливаться...

— Василий Иосифович, как отстреливаться? — вмешался Старостин. — Мы будем стрелять в чекистов, а они в нас? Я не поеду.

Тогда Полянский предложил:

— Мы можем долететь туда на двух самолетах. Там есть маленький аэродром. В воздухе Берия не сможет нас перехватить.

— Хорошо, действуйте. Но учтите, отвечаете за Старостина головой.

И вот младшая дочь (старшая из-за учебы осталась дома), жена, Куров, Полянский и футбольный тренер на двух самолетах приземляются на аэродроме.

Роскошная территория базы, прекрасное озеро, рыбалка... Это немного отвлекло от мрачных мыслей.

Через несколько дней позвонил из Пицунды Василий, сообщил:

— С отцом хуже. Врачи к нему не пускают. Не сегодня-завтра сюда опять должен прилететь Берия.

«Все, — решает Старостин, — больше не вмоготу. Надоело. И рыбная ловля, и охрана. Да и жена волнуется: в Москве как-никак старшая дочь осталась».

Просит соединить с Пицундой.

— Василий Иосифович, я принял решение — еду в Краснодар. По прибытии извещу, куда меня направят. Это самый реальный и простой выход. Я уже два месяца мотаюсь между небом и землей. Не хочу чувствовать себя камнем на вашей шее.

Через два-три дня после приезда в Краснодар Старостина вызвали в городской отдел МГБ:

— Москва не разрешила оставить вас в Краснодаре. Вам придется ехать в Майкоп.

— Хорошо, — согласился, — поеду в Майкоп.

Но и здесь в прописке отказывают.

В конце концов, прописали у какой-то старухи в Ульяновске, и Старостин начал тренировать ульяновское «Динамо».

Проходит год. Все идет своим чередом: Старостин тренирует команду, ездит с ней на матчи. И вот однажды на вокзале подходит к нему высокий парень и говорит:

— Товарищ Старостин, можно вас на минутку... Вам придется поехать со мной.

— Почему?

— Команда поедет с Куровым, а у меня есть приказание сопровождать вас отдельно от команды.

Вышли на привокзальную площадь — там стоит тюремная машина. Приводят в кабинет к начальнику областного управления МГБ О. М. Грибанову.

— Николай Петрович, извините, что так вышло. Пришло постановление коллегии. За злостное нарушение паспортного режима вы осуждены на пожизненную ссылку в Казахстан. Я пытался как-то это

смягчить. Все, что можно было, сделал. Но... Распишитесь, что вы ознакомлены с решением коллегии.

Старостин понял, что наступила расплата за московскую эпопею, за его дерзкое появление в центральной ложе стадиона «Динамо».

Опять тюремный вагон. Направление следования — Акмолинск. Господи, когда же кончится эта маета?!

Из воспоминаний А. Тарасова, знаменитого хоккейного деятеля того времени:

— Я думаю, в конце жизни он о многом жалел. Что пил. Почему-то кажется, чувствовал вину за гибель футбольной команды ВВС. История такая. В матче ЦСКА — ВВС я играл за армейцев, я был играющим тренером. И мы в ключевом матче победили со счетом 3:1. Следующая игра у команды ВВС была назначена в Челябинске, а у нас — в Свердловске. Ко мне на следующий день пришел брат, а он играл за ВВС, и сказал: из-за того, что мы их команду обыграли, Сталин ломает расписание матчей, посылает игроков потренироваться тоже в Свердловск.

Наша команда поехала поездом, а Сталин был нетерпелив, потребовал для своей команды самолет... Получили мы в Свердловске в гостинице номера. Я собираю ребят, и тут подходит ко мне один игрок и говорит что-то совершенно невероятное: команда ВВС разбилась. Подлетая к городу, самолет рухнул рядом со взлетной полосой.

Я:

— Нет, нет, не может быть!

— Точно!

У меня нашелся телефон военного округа. Звоню по одному номеру, по другому. Информации не дают. Наконец говорят:

— Тебя вызывает Жуков.

Маршал Жуков в то время был в «ссылке», командовал Уральским военным округом. От него и узнал, что команда действительно погибла и с ней мой брат.

Василий организовал похороны, обеспечил приезд родственников — все было, как сейчас бы сказали, по первому разряду. Он все любил так делать...

Я знал двух его жен, после Екатерины была еще Капитолина Васильева. Обе красивые, видные. Капа Васильева — пловчиха, героическая женщина, стала многократной чемпионкой СССР, показывала мировые рекорды. Так Василий в ее честь построил бассейн, он до сих пор действует на стадионе ЦСКА. Василий ничего не делал вполсилы. Если уж дарить, так бассейны.

Наверное, так и было, как рассказали Старостин и Тарасов. Если и возникают сомнения, то не в подлинности сведений, не в достоверности фактов, а в преобладании обвинительной интерпретации.

Чем можно объяснить поведение Василия? Ведомственным патриотизмом, конкуренцией? Он ведь тоже живым человеком был, ему хотелось соревноваться с другими, расширять свое влияние, как-то зарекомендовать себя, проявить, не уступить пальму первенства. Государству-то в итоге без разницы, какому ведомству принадлежат спортивные звезды. Главное, чтобы они были, чтобы было на кого равняться другим, с кого брать пример.

К спортивной теме я еще вернусь. Не беру на себя смелость опровергать все свидетельства современников о проделках Василия, но что многие измышления были заказными, сегодня не вызывает сомнения. Исключением являются разве что детские впечатления его сына от первого брака Александра Бурдонского.

Пожалуй, Бурдонский не лукавит, когда говорит, что он в детстве боялся отца. Боялся и не любил. В этих

высказываниях, по-моему, нет политической конъюнктуры. Потом, когда стал старше, он его жалел и сейчас жалеет. С высоты прожитых лет многое воспринимается по-иному.

— По сути, он мальчик был, — собирает на лбу горестную складку морщин пятидесятилетний мужчина, — когда его посадили в тюрьму, только-только за тридцать. Избалованный мальчик, которого развращали, кто как мог. Не знаю, можно ли выдержать такое давление и не сломаться. Он маме как-то, когда она ругала за что-то, сказал: «Галка, ты меня тоже пойми, ведь я жив, пока жив отец!»

И ведь так и случилось.

Вряд ли, наверное, можно с полным доверием относиться, например, к свидетельствам того же Полянского. С одной стороны, адъютант, стало быть, близкий и потому много знавший человек. Но, с другой, могущественный шеф арестован, отец шефа то ли убит соратниками, то ли сам скончался. Все адъютанты под следствием, и они прекрасно понимают, каких признаний ждут от них на допросах. Шефа, конечно, жаль, но что может быть дороже собственной жизни? Словом, спасайся, кто как может. Вот Полянский и спасался, рассказывая то, что хотели от него услышать:

— Пьянствовал Василий почти ежедневно, неделями не появлялся на работе, ни одной женщины не пропускал... Этих связей у него было так много, что если бы у меня спросили, сколько, то я не смог бы ответить.

Находились десятки людей, дождавшихся своего часа. Шли в органы добровольно, оговаривали, пользуясь моментом, мстили по-мелкому, из зависти за собственную никчемность, бесталанность.

Б. В-в, писатель:

— Зимой, в конце 1949 года, приехав на квартиру второй своей жены, актрисы Марии П., застал ее в

растерзанном виде — сказала, что только что у нее был в гостях Василий и пытался принудить ее к сожительству. Я поехал к нему на квартиру, где он пил в компании летчиков... Василий встал на колени, назвал себя подлецом и негодяем и заявил, что сожительствует с моей женой. В 1951 году мы помирились, у меня были денежные затруднения, и он устроил меня в штаб референтом. Работы я не выполнял никакой, а зарплату получал, как спортсмен ВВС.

Претензии были даже у шофера А. Брота:

— У него в штабе был свой большой гараж. Для него дорожных правил не существовало. Когда он был выпивши, он, сидя рядом со мной, нажимал ногой на педаль газа, требовал мчаться. Требовал часто, чтобы мы выезжали на встречную полосу.

Выгораживая себя, адъютант А. Капелькин давал волю бурно разыгравшейся фантазии:

— Как-то ночью, перед ноябрьскими праздниками, он позвал меня на квартиру, сказал: «Мы должны допросить террориста». Он был пьян и сообщил, что начальник контрразведки полковник Голованов арестовал группу террористов, которые имели будто бы намерения совершить теракт против И. В. Сталина. Василий заявил, что будет пытать одного из них — бывшего сотрудника отдела кадров майора Кашина. Он приказал одному из подчиненных разуться и встать коленями на стул. И стал его бить хлыстом по ступням ног, проверяя оружие пытки. Когда привезли Кашина, Василий ударом кулака сбил его с ног. После такого вступления начался допрос Кашина. Майор не признавал себя виновным. Ему велели встать на стул коленями, однако после первого удара по его ступням хлыст сломался. Тогда мы все начали бить Кашина, чтобы сознался. Когда он падал, били ногами. А потом все начали пить.

Его окружение

К сильным мира сего всегда льнули и льнут предприимчивые, умеющие прогибаться в нужный момент люди. Они молча сносят пренебрежительное к себе отношение, не замечают наносимых обид, поскольку начисто лишены чувства собственного достоинства. Они ждут своего звездного часа, когда хозяин, будучи в хорошем настроении, может выполнить их просьбу. Кто-то мечтает о квартире, кто-то о досрочном воинском звании, кто-то и вовсе довольствуется самым малым. Совместной попойкой в ресторане, единовременной денежной подачкой — «маме на лекарства».

Не был исключением и Василий. По словам его сестры Светланы, какие-то темные люди — футболисты, массажисты, спортивные тренеры и «боссы» — постоянно толклись вокруг него, подбивая на разные аферы, на махинации с футбольными и хоккейными командами, на строительство за казенный счет каких-то сооружений, бассейнов, дворцов культуры и спорта... Он не считался с казной, ему было дано право распоряжаться на службе огромными суммами, а он не знал цены деньгам.

Жил он в своей огромной казенной даче, где развел колоссальное хозяйство, псарню, конюшню... Ему все давали, все разрешали — Власик стремился ему угодить, чтобы Василий смог в нужную минуту выгородить его перед отцом. Он позволял себе все: пользуясь близостью к отцу, убирал немилых ему людей с дороги, кое-кого посадил в тюрьму. Ему покровительствовали и куда более важные лица, чем Власик (Берия, Абакумов, Булганин), им вертели как марионеткой, ему давали ордена, погоны, автомобили,

лошадей, его портили и развращали, пока он был нужен. Но, когда после смерти отца он перестал быть нужен, его бросили и забыли...

Серго Берия тоже считает, что Василия погубило окружение.

Н. П. Старостин, знавший этих людей не понаслышке, рассказывал, что в основном вокруг него крутились типы, которые устраивали свои личные делишки: «пробивали» себе квартиру, звания, служебное повышение. Молва о нем слыла такая, что если попадешь к нему на прием, то он обязательно поможет. И действительно, он никому не отказывал, отдавая устройству чужих дел половину своего рабочего времени.

Разномастные чиновники не давали ему прохода. Он наивно выполнял бесчисленное количество просьб оборотистых людей, которые его использовали. Все вопросы решались обычно с помощью одного и того же приема — адъютант поставленным голосом сообщал в телефонную трубку: «Сейчас с вами будет говорить генерал Сталин!» Пока на другом конце провода приходили в себя от произнесенной фамилии, вопрос был практически решен.

Говорили, что Василию нравилась роль вершителя чужих судеб, он пытался в этом подражать отцу.

И тут Н. П. Старостин снова не преминул пнуть своего спасителя. По словам футбольного тренера, вращаясь в пределах высшего партийного круга, с высот которого кажется, что в жизни все просто, не приученный даже к минимальным умственным усилиям, он не был расположен к серьезной государственной деятельности. Заниматься какой-либо научной работой тоже был не в состоянии. Вот какие футбольные тренеры были у нас: они, оказывается, могли не только судить об игре на стадионе, но и знали, у кого есть предрасположенность к государственной деятельности,

а у кого нет. Старостин видел, что Василий не всегда работал дома с теми служебными документами, которые не успевал просмотреть в штабе, и на этом основании делал вывод о его неспособности к умственной деятельности.

Впрочем, чему тут удивляться? Каждый человек смотрит на окружающий мир со своей колокольни. С точки зрения землекопа чисто одетый человек, прогуливающийся вдоль пруда, никакой не писатель, а праздный бездельник, потому что писатель должен сидеть за письменным столом. Так и в представлении футбольного тренера государственный деятель непременно должен все время работать с документами. Как, например, Борис Ельцин.

Не мною замечено, что воспоминания у нас чаще всего пишут люди из обслуги. Вот и недавно в одной из газет промелькнуло сообщение: некий метрдотель из Кремля сочинил и скоро издаст свои мемуары. Подобного рода литература в первую очередь является автопортретом самих сочинителей. Нижний чин, как говаривали в старину наши не такие уж и глупые предки, и есть нижний чин, хотя он и напялил на себя генеральские сапоги.

Нет, не простая это задача — понять, как воспринимал мир тот или иной исторический персонаж, особенно из недавнего прошлого. Увы, чаще всего они предстают перед нами такими, как их понимают авторы кремлевских бестселлеров — недавние охранники, повара, метрдотели, врачи, шоферы. Исходя, разумеется, из собственных представлений, сформированных особенностями их профессий.

Поэтому трудно передать те чувства, которые испытываешь при знакомстве с текстами, чьи авторы выбиваются из надоевшего пошлого ряда кремлевских стражников, врачей, толмачей и прочей обслуги. Обратимся к уже знакомому нам юристу А.

Сухомлинову, который одним из первых попытался по-новому взглянуть на личность Василия Сталина.

В 1948-м он стал командующим ВВС Московского военного округа. Что представлял собой тогда этот округ?

Пятнадцать областей центра России, по которым прошла война, были сожжены дотла. А стране нужна была мощная авиация. Значит, необходимо было строить аэродромы, «сажать» на них авиационные части, подводить коммуникации и средства связи, размещать службы обеспечения, ремонта и тыла, обеспечивать быт городков, личного состава, семей и, самое главное, обеспечить «налет», как говорят в авиации.

В кратчайшие сроки были построены аэродромы в Подмосковье, в Тверской, Брянской, Тульской, Смоленской областях. Это Василий Сталин «выбивал» фонды и стройматериалы, технику, людей, контролировал ход строительства.

В подольском архиве Министерства обороны сохранились документы об итогах соцсоревнования в ВВС «василесталинского периода». «Справка. ВВС МВО: 1947 г. — 10-е место, 1948 г. — 2-е место; 1949-1950, 1951 гг. — 1-е место среди воздушных армий и ВВС военных округов. Налет составляет 3 нормы часов, по рационализаторской работе ВВС МВО — 1-е место, Серпуховское авиационное училище ВВС МВО по итогам подготовки курсантов — 1-е место среди технических вузов ВВС».

Ничего здесь не припишешь, если даже захочешь...

Директивой Генерального штаба в 1948 году было создано подразделение ВВС «Спортивный клуб армии». Заметьте: не ВВС МВО, а ВВС с подчинением Главному штабу ВВС. Но той же директивой «жизнеобеспечение» клуба «повесили» на ВВС МВО. Наверное, зная о том,

как любил спорт В. И. Сталин, — он был председателем Федерации конного спорта СССР.

Потом этот клуб и эта любовь боком выйдут Василию.

Все эти годы В. И. Сталин обеспечивал летную работу, проводил военные советы и инспекторские проверки, контролировал строительство, занимался бытом летного и технического составов. Ветераны вспоминают, что именно он «пробил» 500 финских домиков, в которых расселились семьи летчиков и техников трех гарнизонов, ютившиеся до этого в бараках да казармах. Это он строжайшим письменным приказом заставил офицеров ходить в вечерние школы, чтобы у всех было как минимум десятиклассное образование.

Когда в 1950 году потребовалось срочно направить дивизию для оказания помощи братской Корее, Василий Сталин весь ноябрь жил в Кубинке и лично готовил летчиков. Дивизия эта во главе с полковником Иваном Кожедубом с задачей справилась блестяще, почти без потерь вернулась назад, а летчик Евгений Пепеляев сбил 23 реактивных самолета противника и стал Героем Советского Союза.

Это при В. И. Сталине летный состав МВО начал переучиваться — пришла эра реактивных МИГов. За успехи в службе командующий войсками МВО Маршал Советского Союза К. А. Мерецков представил В. И. Сталина к награждению орденом Ленина. 18 февраля Василий был избран депутатом Верховного Совета РСФСР. Ему была присвоена квалификация «Военный летчик 1-го класса».

Ни Старостин, ни Тарасов, ни другие спортсмены об этом и словом не обмолвились в своих интервью и книгах. Они обращали внимание только на то, что способны были понять — внешние детали быта. Но ведь и Иммануил Кант выглядел в глазах добропорядочных и

недалеких кенигсбергцев чудачком, над которым потешались все, кому не лень, да и великий писатель Лев Толстой изъяснялся в быту вовсе не чудным литературным языком, а с точки зрения какого-нибудь обывателя быт Федора Достоевского был похлеще, чем у Василия Сталина.

В Костроме в 1998 году проживал В. Пашин, ветеран 1-го гвардейского авиакорпуса, которым в 1946–1947 годах командовал В. Сталин. Пашин рассказывал, что их командира почему-то все звали Рыжим. «Рыжий Васька прилетел», «Рыжий на КП», «Рыжий в столовке!» И всем было ясно, о ком идет речь. Вроде и не был он рыжим, скорее — шатен. Но вот кто-то когда-то брякнул, и — «как пачпорт, на вечную носку».

Прилетал Василий в части своего корпуса нежданно-негаданно, чтобы застать врасплох полковое начальство и нагнать страх на офицеров батальонов аэродромного обслуживания. Особенно боялись его начпроды. Этот самый неуважаемый в армии контингент офицерского состава был вечным козлом отпущения за все армейские грехи и упущения.

Рыжий любил делать внезапные налеты на столовую младших специалистов. Один, без сопровождающих, вихрем врывается он в зал, садился за стол, наливал из бачка порцию супа, откладывал ложку и обращался к соседям: «Вкусно?»

«Дежурный!» — на всю столовую выкрикивал Василий. «Я!» — вытягивался в струнку дежурный по кухне. «Зови начпрода!» «Я здесь!» — выскакивал из-за спины дежурного перепуганный насмерть лейтенант. «Ну-ка, навалите ему миску до краев», — распоряжался Сталин. Мотористы рады стараться. «Садись, ешь». — «Да я только что пообедал, товарищ генерал», — заикаясь, лепетал начпрод. — «Тебе говорю — ешь!» Бедняга брал ложку, медленно приступал к трапезе. А Василий следил и подгонял: «Давай-давай, работай...

Что, не вкусно?... Не привык к солдатской еде?...
Ничего, ничего, я тебя научу Родину любить... Чем
кормишь защитника Отечества?» — «Других круп не
дают, товарищ генерал». — «Врешь! Пошевелить
пальцем не хочешь... Заботу не проявляешь».

Снятие с должности

Множество легенд ходит по поводу его отстранения от должности командующего авиацией столичного военного округа. Самая новая версия, появившаяся после распада Советского Союза, — это одно из звеньев зловещего плана, предусматривавшего изоляцию его отца от преданных ему Поскребышева, Власика, Косынкина, врача Виноградова. Снятие с должности сына руками отца было предусмотрено разработчиками дьявольской операции с целью оставить обреченного генералиссимуса без надежной поддержки авиации, которой командовал сын.

Так ли это было? Или всему виной собственная безалаберность Василия, и никакого злодейского плана умерщвления его отца не было?

Первой в открытой печати эту тему затронула его сестра С. И. Аллилуева в книге «Двадцать писем к другу». Среди лубянских генералов до сих пор бытует мнение, что знаменитая книга Светланы, наделавшая столько шуму, не что иное, как «активное мероприятие» зарубежных спецслужб. Есть свидетельства, что этой точки зрения придерживался и Юрий Андропов. Известны имена людей, «помогавших» Светлане в работе над разоблачительной рукописью и переправке ее на Запад. Чужая рука участвовала и в написании других книг С. Аллилуевой.

Из записки в ЦК КПСС председателя КГБ СССР Ю. Андропова от 5 ноября 1969 г. за № 2792-А:

«По имеющимся в Комитете госбезопасности сведениям, противник рассматривает издание новой книги С. Аллилуевой «Только один год» как одну из мер по расширению антисоветской кампании, приуроченной к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

За последний период в газете «Нью-Йорк таймс» и других американских изданиях появились материалы, посвященные изданию книги «Только один год», в которых проводится мысль о том, что Сталина несправедливо обвиняют в создании «диктатуры и полиции». В действительности он все унаследовал от Ленина и «именно Ленин несет ответственность за все, что происходит в СССР». «Сталин не был извращением Ленина. Он был единственным возможным результатом Ленина».

Учитывая вышеизложенное, в целях отвлечения мировой общественности от клеветнической кампании, проводимой противником с использованием книги С. Аллилуевой «Только один год», предлагаются следующие мероприятия:

В связи с письмом Иосифа Аллилуева и Екатерины Ждановой в Политбюро ЦК КПСС, в котором выражается возмущение по поводу изменнического поведения их матери, считаем возможным подготовить и опубликовать за рубежом открытое письмо детей С. Аллилуевой, адресованное известному политическому обозревателю Г. Солсбери, заместителю главного редактора газеты «Нью-Йорк таймс», который неоднократно брал интервью у С. Аллилуевой и в личном плане относится к ней с оттенком презрения.

Это мероприятие будет подстраховано публикацией упомянутого письма и интервью с детьми С. Аллилуевой в одном из ведущих европейских журналов.

Продвинуть в западную печать тезисы о том, что новая книга С. Аллилуевой является результатом коллективного труда таких лиц, как Д. Кеннан, Л. Фишер, М. Джилас, Г. Флоровский, А. Белинков и других, зарекомендовавших себя яркими противниками СССР и специализирующихся на фальсификации истории Советского государства...

...Поручить Отделу пропаганды ЦК КПСС провести анализ книги «Только один год» в плане определения новых позиций и устремлений противника, возможно содержащихся в книге, на базе которых будет вестись идеологическая подрывная кампания, приуроченная к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Просим рассмотреть».

Письмо отпечатано на бланке КГБ СССР. Имеются следующие пометы: «Согласиться. М. Суслов». «Тов. Крючкову В. А. (КГБ) сообщено. Тов. Яковлев А. Н. ознакомлен. 19.XI.69 г.».

Однако вернемся к «Письмам к другу».

Историю с Василием нужно было изложить так, чтобы ни у кого не было сомнений относительно ее достоверности. Как-никак — родная сестра, кому же еще лучше знать подоплеку этого загадочного происшествия из жизни брата? Дело было сделано, опережающая информация была запущена в оборот и стала основным источником для всех последующих публикаций.

Рассмотрим все существующие на 1998 год версии.

По свидетельству Светланы Аллилуевой, с Московского округа Василия снял еще отец. Это случилось летом 1952 года. 1 мая 1952 года командование запретило пролет авиации через Красную площадь, так как было пасмурно и ветрено, но Василий распорядился сам, и авиация прошла, плохо, вразброс, чуть не задевая шпили Исторического музея... А на посадке несколько самолетов разбилось... Это было неслыханное нарушение приказа командования, имевшее трагические последствия. Отец сам подписал приказ о снятии Василия с командования авиацией Московского округа.

Куда было деваться генерал-лейтенанту? Отец хотел, чтобы он закончил академию Генштаба, как это сделал Артем Сергеев (старый товарищ Василия с

детских лет, с которым он давно раздружился). «Мне семьдесят лет, — говорил ему отец, — а я все учусь». — И указывал на книги, которые он читал: история, военное дело, литература... Василий согласился, поступил в академию, но не был там ни разу — он *не мог*. Его надо было срочно отправлять в больницу и лечить, лечить от алкоголизма, пока еще не поздно, но он сам не желал, а кто же будет лечить насильно генерала? Да еще такого генерала?

В версии А. Сухомлинова этот факт вроде не оспаривается. Автор соглашается с тем, что в 1952 году за неудачный парад (при посадке разбились два самолета) В. Сталин, по указанию отца, передал должность генерал-полковнику С. Красовскому и был зачислен слушателем Военной академии Генерального штаба. Но, подчеркивает Сухомлинов, после этого удара Василий действительно впал в депрессию, пристрастился к спиртному.

Неужели те, кто подтолкнул отца к принятию такого решения, не предвидели последствий этого шага? Может быть, они как раз и рассчитывали на то, что отстраненный от любимого дела генерал, с учетом его характера, закуролесит... Правда, Сухомлинов такую догадку не высказывает, но она сама вытекает из его текста.

Эта история с воздушным парадом темна, как «вода во облацех». Сколько рассказов — столько и мнений.

Из рассказа его третьей жены, пловчихи К. Г. Васильевой:

— Я отдыхала в Карловых Варах, а в Москве был парад ВВС. Над Красной площадью должны были лететь «красные соколы», летчики Василия. Праздник. Я наказала маме, чтобы она взяла детей на Красную площадь — и парад посмотреть, и за Василием Иосифовичем приглядеть: воздушные асы еще и не начинали, а в палатку, где был «штаб» Василия, несут

уже второй графин водки. Мама предостерегала зятя: «Васенька, тебе еще парадом командовать...» Он рассердился: «Бери своих детей в охапку и уезжай!»

Мама с детьми уехала. Вскоре приехал Василий и лег спать. И вдруг звонок: срочно вызывают к Иосифу Виссарионовичу, он собрал у себя «мальчишник» в честь праздника, приглашены все высшие военные чины, Политбюро...

Василия, когда он пьян, никто не мог разбудить, кроме меня. А я-то в Карловых Варах! Словом, едва растрясли, в машине его еще больше укачало. Василий вошел, когда все сидели за столом. Качнулся влево, качнулся вправо. Ему подвинули стул. Плюхнулся. Иосиф Виссарионович сидел на другом конце стола, через весь стол спросил: «Ты пьян?! Выйди вон!» Василий заплетающимся языком отрицает очевидное. Иосиф Виссарионович повторяет приказ: «Выйди вон!» Василий, пятясь, как японец, вышел. На следующий день он уже не был командующим авиацией округа.

Может быть, Капитолина Георгиевна и права. Все могло быть, как она рассказала. Но кто-то же успел напоить Василия! Наверняка зная, что после парада состоится прием в Кремле.

Эту версию разделяет... кто бы вы думали? Антисоветчик, перебежчик А. Авторханов. Вот что значит не быть в плену у расхожих идеологов.

Мюнхенский аналитик рассуждает так. Сталин-отец, в молодости тоже отважный и мужественный, сказал однажды о сыне, что тот за него пойдет в огонь и в воду. Вот из-за этой его преданности генерал-лейтенанта Василия Сталина и убрали с поста командующего Военно-воздушными силами Московского военного округа, убрали руками самого Сталина так же, как впоследствии уберут генералов Поскребышева и Власика.

Аллилуева видит причину его снятия в другом. Мол, 1 мая в Москве была пасмурная погода, приведшая к драматично закончившемуся авиационному параду. Однако Авторханов приводит сенсационный аргумент. Нет, мюнхенский аналитик не обвиняет Аллилуеву в сознательной дезинформации. Он мягок: возможно, Аллилуевой тут изменяет память. По крайней мере, по описанию «Правды» в Москве 1 мая 1952 года была прекрасная погода, и воздушный парад был образцовым, что доказывает фотография четкого и стройного полета авиации через Красную площадь. «Правда» в номере за 2 мая писала: «С первыми лучами весеннего солнца проснулась Москва в это майское *золотое утро...* Органически вливаясь в торжественный строй парада, как бы олицетворяя четкое взаимодействие всех родов оружия, над Красной площадью появляется боевая советская авиация. Сверкая в лучах солнца, эскортируемый реактивными истребителями, плывет многомоторный флагманский корабль командующего воздушным парадом гвардии генерал-лейтенанта В. И. Сталина».

Если даже при посадке разбилось несколько самолетов, то выходит, что это случилось не из-за погоды и не из-за Василия, ибо его собственная машина села нормально. Не вяжется и другое: парад был 1 мая, а Василия Сталина сняли только летом, так что парад тут явно ни при чем. Василий, не в пример отцу, был, как видно, человеком широкой натуры плебейского пошиба, любил общество, лучше чувствовал себя «на дне», чем на верхах. В отличие от отца он был грузином — темпераментным, гостеприимным, добродушным, открытым, доступным, веселым, пьющим, ухаживающим за женщинами и преданным друзьям; поэтому организовать против него какое-нибудь «бытовое дело» было для Берии легче легкого. А убрать Василия с его поста для заговорщиков было весьма важно: узнав о

заговоре против отца, он мог бы использовать против них военно-воздушные силы. Кроме того, Василий все-таки был не младший лейтенант, а генерал-лейтенант, и при встречах Сталин, видимо, говорил с ним не только о самолетах, но и о политике, о своих проблемах и трудностях, о своих подозрениях, о своих неблагодарных соратниках, например: «Смотри, сын, в оба, видишь, с кем ты имеешь дело».

Если Сталин когда-нибудь и кому-нибудь открывал хоть частицу того сокровенного, что он думал о своих сподвижниках из Политбюро, то, скорее всего, только беззаветно преданному ему сыну. Отношения между отцом и сыном остались нормальными и после снятия Василия с его должности. Это видно хотя бы из того, что, по совету отца, он поступил в Академию Генерального штаба. Василия Сталина, как и его сестру, об «ударе», случившемся с отцом, известили, как уже указывалось, лишь на второй или третий день, когда Сталин уже не владел речью. В таком состоянии умирающие уже не жалуются.

Темна, очень темна история с первомайским авиационным парадом 1952 года. Ее пытался расследовать и известный историк советских ВВС С. В. Грибанов. Что удалось ему установить?

В мае 1952 года готовился пролет над Красной площадью нашей новейшей боевой техники. Предполагалось, что пойдет дивизия Ту-4 от дальней авиации, затем дивизия фронтовых бомбардировщиков Ил-28 и под занавес истребители МиГ-15. Грибанову повезло — он разыскал непосредственного участника воздушного парада, начальника главного контрольного пункта полковника Бориса Арсентьевича Морозова. Он был тогда одним из руководителей, принимал решения, так что его рассказ очень важен. Кстати, то же самое подтверждал Грибанову и генерал С. А. Микоян.

Первого мая с утра небо затянуло облаками. Был сильный ветер. Командование сомневалось — поднимать ли в воздух такую армаду. Ведь малейшая ошибка, оплошность — и могло случиться непоправимое. Но расчет производился лучшими военными штурманами — с точностью до секунд, и Василий Сталин решил работать. К тому времени у него был большой опыт, он провел в воздухе тысячи часов. Он верил, надеялся, что с заданием справятся и остальные.

— Первым взлетел и точно прошел над Красной площадью сам Василий, — вспоминал Борис Арсентьевич Морозов. — За ним следовала дивизия Ту-4. Но бомберы растянулись на петле — последний полк отстал секунд на тридцать, и нагнать ушедших вперед было уже трудно. А летели низко: высота всего-то метров шестьсот. Тут, гляжу, появилась группа «илов» генерала Долгушина. Что делать? Пустить — столкнутся. Скорость-то у «илов» больше. Я принимаю решение не пускать группу Долгушина. Даю команду: «Разворот влево!» — и отправил всех в Монино...

Дальше дело повернулось не лучшим образом. Полковник Морозов распорядился: «Пробивай эту пленку!» — рассчитывая, что «илы» соберутся, как всегда, на так называемой петле. Но они решили выполнить это под облаками. В результате самолеты перемешались. Один на малой высоте зацепил за сосну, да так и прилетел с ней, другой обломал на своей машине трубку ПВД — приемника воздушного давления. А два Ил-28 и того хуже — разбились на посадке...

Василий Сталин успел спросить по радио: «Что там у тебя?» Морозов ответил: «Каша...» И тут же звонит главком Жигарев: «Почему не прошел Долгушин? Пусть мне и министру обороны рапортом доложит!..»

После воздушного парада все его руководство собрал министр обороны Булганин. Состоялась

эмоциональная массовая порка. Тут же из ЦК консультант по авиационным вопросам появился. По поводу той «каши», которая заварилась на воздушном параде, цековский представитель придумал приказ и зачитал его на разборе полетов. В нем заместителю министра обороны маршалу Василевскому за отсутствие руководства командованием ВВС и обман правительства объявляли выговор; главкому ВВС генерал-полковнику авиации Жигареву за отсутствие руководства парадом — тоже выговор; генералу Сталину за плохое проведение парада — выговор.

Но все эти выговоры, как подсказывает житейский опыт, приходят и уходят. А вот командующего авиацией округа генерала Сталина наказание ждало потяжелее. В той напряженной обстановке, сложившейся в воздухе в минуты парада, Василий закатил в эфир не слишком изысканную фразу. Она долетела до отца. Иосиф Виссарионович поинтересовался, кто так «нэкрасыво» ругается. «Ваш сынок», — услужливо доложили ему. Никаких дополнений и изменений Сталину больше не требовалось. Принято было за основу. И тут же последовало распоряжение — от полетов Василия отстранить, с должности командующего авиацией округа снять и отослать на Дальний Восток, в самый дикий угол.

Потом что-то спасло Василия, может, смилостивился отец. Во всяком случае, письменный приказ ни от кого не поступил, и тогда его зачислили в Академию Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова. От академии Василий отказался. Этого его эмоционального протеста против решения отца оказалось достаточно. Больше он не летал.

Есть несколько версий этого события, зафиксированных писательницей Ларисой Васильевой.

Первая: бывший командующий дальней авиацией Руденко вошел в конфликт с Василием, и Василий

пожаловался министру обороны, тот приказал разобраться Главнокомандующему военно-воздушными силами страны Жигареву. Возмущенный разборкой, Василий бросил Жигареву на стол бумагу, в которой просил снять с него ответственность за парад в мае, полагая, что Жигарев на это не пойдет. Но Жигарев спокойно подписал отставку. Василий обиделся и запил.

Руденко рассказывал: «На репетиции парада приходил пьяным. Пробовал даже командовать в таком состоянии. Но мы перевели всю связь на другую волну, и летчики выполняли только наши команды. На торжественный обед к отцу в день майского авиапарада Василий приехал пьяным. Отец приказал вывести его, снять с должности и отправить на Дальний Восток».

Вторая версия: по окончании парада Иосиф Виссарионович объявил в эфир благодарность исполнителям высшего пилотажа. Пьяный Василий пришел в восторг и решил тут же лично засвидетельствовать почтение отцу. Он смело вошел в охраняемое здание Тушинского аэропорта, где руководители партии и правительства отмечали успехи парада. Охрана хорошо знала его, и проблемы «пускать — не пускать» не было. Василий, качаясь, вошел в зал. Отец повернулся к нему:

— Это что такое?

— Я устал, — ответил Василий.

— И часто ты так устаешь?

— Нет! — Пьяный мозг еще пытался уберечь Василия.

— Часто! — раздался голос командующего ВВС Жигарева.

Василий, повернувшись к своему начальнику Жигареву, грубо выругался.

— Садись! — громко сказал Сталин.

Василий продолжал покачиваться.

Наступила тишина. Муха жужжала над тарелками с закуской.

— Вон отсюда! — тихо сказал Сталин.

Утром следующего дня приказом Булганина Василия сняли с должности. Сын Сталина не уехал на Дальний Восток — там было место простых офицеров, не защищенных великим именем.

В заключение остается привести справедливое высказывание Серго Берии:

— О неуправляемости Василия достаточно много написано, в том числе и теми людьми, кто сам этому способствовал. Что-либо добавить к этому трудно.

Верное суждение. Но факты, где факты?

Увольнение из армии

Офицер кремлевской охраны С. П. Красиков рассказал любопытные детали, подтверждающие слова, сказанные в 1998 году Светланой Иосифовной в лондонском интервью Артему Боровику о том, что 1 марта 1953 года она сердцем почувствовала — с отцом неладно. По свидетельству Красикова, то же почувствовал и Василий.

Вечером 1 марта он, словно услышав голос свыше, позвонил отцу. Трубку, к его удивлению, никто не поднял. Через некоторое время он позвонил снова. К телефону подошел дежурный офицер и сказал, что Иосиф Виссарионович отдыхает. Около четырех утра Василий позвонил еще раз. Сыновнее сердце почувствовало недоброе. Ответил Берия: «Товарищ Сталин устал. Ему надо отдохнуть. Вам приезжать не надо». И в трубке раздались гудки.

Василий попал к отцу только утром 2 марта. Все происшедшее с Иосифом Виссарионовичем он сопоставил только по разговорам обслуживающего персонала, происходившим в служебном помещении. Василий узнал, что отцу не была своевременно оказана медицинская помощь. Примерно тринадцать — четырнадцать часов он лежал без врачебного осмотра. Ему не была сделана и необходимая операция.

Все это навело Василия Иосифовича на мысль, что его отцу «помогли» уйти из жизни. Разумеется, много в рассуждениях Василия Иосифовича представлялось спорным, однако подозрения его были не без оснований.

Детали увольнения Василия Сталина из армии через две недели после смерти отца в запущенной в массовый оборот версии через книгу его сестры чрезвычайно

скупы. Брата вызвали к министру обороны (тогда это был Булганин) и посоветовали утихомириться. Предложили работу — ехать командовать в один из округов. Он наотрез отказался. Только Москва, только авиация Московского округа, не меньше! Тогда ему просто предъявили приказ: куда-то ехать и работать там. Он отказался. «Как, — сказали ему, — вы не подчиняетесь приказу министра? Вы, что же, не считаете себя в армии?» — «Да, не считаю», — ответил он. — «Тогда снимайте погоны», — сказал министр в сердцах. И он ушел из армии. И теперь уже сидел дома и пил — генерал в отставке.

Кремлевская охрана знает много. Ее сотрудник С. П. Красиков много лет спустя подтвердил, что и с памятью офицеров Девятого управления КГБ все в порядке:

— Девятого марта состоялись официальные похороны И. В. Сталина, а 26 марта генерал-лейтенант авиации В. И. Сталин был уволен из Советской Армии по статье 59, пункт «Е», без права ношения военной формы.

Тридцатидвухлетний генерал-лейтенант авиации прослужил в армии 14 календарных лет и 4 месяца, что в льготном исчислении составило 30 лет и 4 месяца. Ему была установлена пенсия 4950 рублей в месяц плюс единовременное пособие в размере шести окладов.

Василий с произволом не смирился. 23 апреля 1953 года он приехал в штаб ВВС заплатить партийные взносы. Но их у него не приняли. Из парткома он позвонил министру обороны маршалу Булганину, но тот от разговора с Василием отказался.

По выходе из штаба Василий встретил на улице трех курсантов из Севастополя, прибывших в Москву для участия в майском параде. Пригласил их к себе домой на Гоголевский бульвар. Угостил. Покрутил им кинофильмы, поиграл в бильярд, отдал почти все

наличные деньги, а затем отвез в подразделение на Ходынское поле.

Серго Берия очень осторожен и осмотрителен:

— Смерть отца на него, конечно же, подействовала. Стал пить еще больше, не очень следил за тем, что говорил.

Писательница Л. Васильева, как человек творческой профессии, более смела и раскованна в своих предположениях:

— Пьяные крики Василия: «Отца убили!» — не могли не раздражать тех, кто затолпился возле опустевшего сталинского места в попытках занять его. Они звучали едва ли не обвинением им. Берии, Маленкову, Молотову это не могло нравиться. Есть мнение: его убрали по замыслу Хрущева. Василий якобы «много знал о нем и его окружении». Василий мог стать фигурой в большой игре, еще неизвестно в какой. Думаю, послесталинские вожди дружно согласовали между собой арест Василия: от греха подальше.

Юрист А. Сухомлинов:

— 26 марта, то есть всего 21 день спустя после смерти отца, Василия, не имевшего в личном деле ни единого взыскания, приказом министра обороны Н. А. Булганина увольняют в запас без права ношения военной формы. Тогда это называлось «уволить по пункту «е» за морально-бытовое разложение. Вообще-то за то же самое смело можно было увольнять самого Николая Александровича, поскольку пил он не меньше Василия и балерин Большого театра использовал «не по целевому назначению».

В личном деле В. Сталина есть служебная записка начальника Главного управления кадров МО СССР генерал-полковника А. Желтова на имя министра обороны Н. Булганина о том, что В. Сталина целесообразно уволить в запас по состоянию здоровья, с установлением военной пенсии. Но мнение главного

кадровика не учли — уволили по дискредитирующим основаниям.

Точка зрения из Мюнхена более определена, чем наши. А. Авторханов бескомпромиссен: «Аллилуева, вероятно, склонна думать, что брат бушует под действием алкоголя. Однако в дни похорон, очевидно, совершенно трезвый, неся гроб отца рядом с Молотовым, он вновь повторяет, что «отца убили».

Уверенность Василия, что отца убили, о чем он настойчиво и многократно повторял каждому, кто это хотел слышать (Василий, вероятно, надеялся, что армия заступится за своего Верховного), не была и не могла быть бредом пьяного. Он знал слишком много. Он знал, что заговорщики «организовали болезнь» Сталина, он знал также, что его отец думал о готовящемся заговоре. Бесстрашный молодой генерал, знающий тайну смерти отца, мог сделаться знаменем, даже организатором нового переворота против узурпаторов отцовской власти. Поэтому его дни на воле оказались считанными.

Сначала постарались избавиться от него по-хорошему. Министр обороны Булганин вызвал его к себе и предложил ему поехать в провинцию, в один из военных округов, но он отказался, желая остаться в Москве. Тогда его разжаловали, арестовали и посадили в знаменитую теперь своим зверским режимом Владимирскую тюрьму».

А теперь слово представителям стороны, заинтересованной сначала в изоляции сына Сталина, а потом, естественно, в замалчивании подлинной картины происшедшего. По словам хрущевского зятя А. И. Аджубея, Никита Сергеевич нередко вспоминал свои встречи со Светланой и Василием Сталиным. Он принимал их после смерти отца. Знал, что нелегко брату и сестре определить новый образ жизни. Светлана стойко отнеслась к перемене в своей судьбе.

Иное дело Василий. На фоне непрерывных пьянок после похорон Сталина у него появилась маниакальная жажда мести, он угрожал какими-то разоблачениями. По Москве поползли слухи, что Сталина отравили.

Никита Сергеевич пытался усовестить Василия, помочь ему. Предложил пойти учиться в академию, сохранив звание генерал-лейтенанта. На какое-то время Василий успокоился. Светлана поблагодарила Хрущева за брата.

После разговора с Хрущевым Василий крепился недолго. Вновь запил, бросил академию. Никакие предупреждения уже не действовали.

Снова, как видим, старая песня — пил, кутил, говорил что-то непотребное. Что? Нет ответа. Раз пил, значит, нес какую-то ахинею. Но новейшие исследования не подтверждают усиленно навязывавшийся в течение полувека образ опустившегося пьянчужки.

Тот же С. В. Грибанов впервые раскрыл некоторые страницы его государственной и общественно-политической деятельности. В 1949 году генерал Сталин был избран депутатом Верховного Совета СССР. Раз в неделю он аккуратно являлся в приемную, встречался там со своими избирателями и, как правило, разрешал многие их проблемы.

В жизнь штаба ВВС округа молодой командующий внес тоже свой энергичный задор. Бывало, до полуночи сидели в кабинетах на скучных партсобраниях, заседаниях, травили анекдоты, курили часами махорку забуревшие штабисты. Василий запретил протирание штанов. Только начальникам отделов было позволительно задержаться на полчаса после рабочего дня.

Василий был молод, у него хватало энергии организовывать и коллективные посещения театров, концертов, вечеров отдыха в Центральном Доме

Советской Армии, и выезды на охоту. В штабе ВВС его распоряжением открылись книжный киоск, затем театральная касса. И зачастую одичавшее от бесцельного торчания в кабинетах штабное воинство начало приобщаться к культуре.

Порой, когда читаешь в периодике о жизни Василия в эти годы, складывается впечатление, что не жизнь у него была, а сплошная пьянка. Хорошо бы нынешние трезвенники успели столько сделать, сколько успел «наследный принц», «инфант-генерал», «царевич Сталин»... Как только нынче не называют Василия. А он, между прочим, руководил боевой подготовкой авиации округа, много летал сам, был председателем Федерации конного спорта СССР. Селекция лучших пород скакунов — его заботы. Ветераны-конники, пережив после войны все исторические периоды — и волонтаризм, и застой, и коммунизм 80-го года, и развитой социализм, и перестройку, — по-светлому вспоминают те, в общем-то, нелегкие послевоенные годы. И о Василии Сталине, при всех неровностях его характера, горячности, отзываются по-доброму.

Добротой-то этого человека те, кто похитрее да половчее, не брезговали пользоваться.

За что?

Есть такая фотография: улыбающиеся Никита Хрущев и сын Сталина Василий в летной форме. Кто бы мог подумать тогда, что пройдет некоторое время, и Никита Сергеевич упечет сына вождя в тюрьму. Мудра русская пословица: «От сумы да тюрьмы не зарекайся».

И все же тюрьма — это не снятие с должности и не увольнение из армии без права ношения генеральского мундира. Чем же прогневил бывших соратников отца Василий?

Светлана Аллилуева рассуждала по-женски: свою третью жену он выгнал. Вторая жена, которую он снова привел в дом, ушла от него сама. Он был невозможен. И он остался совершенно один, без работы, без друзей, никому не нужный алкоголик...

Тогда он совсем потерял голову. Апрель 1953 года он провел в ресторанах, пил с кем попало, сам не помнил, что говорил. Поносил всех и вся. Его предупреждали, что это может кончиться плохо, он на все и на всех плевал, он забыл, что времена не те, и что он уже не та фигура... После попойки с какими-то иностранцами 28 апреля 1953 года его арестовали.

Из заслуживающих доверия источников я узнал такие детали. О грядущем аресте сыну Сталина стало известно от друзей-летчиков по телефону. Друзья позвонили, рискуя при этом должностями и звездами на погонах (телефон-то прослушивался!), и предупредили. Никто не знает, естественно, что думал в те мгновения Василий Сталин, но одна мысль пронеслась в его голове наверняка: «Дядя Лаврик, дядя Жора! Предали, мерзавцы!» Не мог же он не вспомнить тогда, как эти «папины друзья» угощали его конфетами, гладили по головке, играли с ним «в ямку бух!», плавали наперегонки на крымской даче. И вдруг... Действительно — в ямку.

Арест — все равно что смерть. Человека просто вычеркивают из жизни. Видно, так решил про себя и Василий. Перебрал все свои бумаги, кое-что сжег, потом застрелил из табельного револьвера любимую овчарку и принялся ждать. Наутро пришли бугаи-чекисты (хромовая кожа, морды в «шипре», шляпы на глазах): «Товарищ генерал (самим-то, небось, страшно произносить эти слова, страшно смотреть в его глаза), вот ордер на ваш арест!» Вслед за Васей пошли в Лефортово два его заместителя, начальник хозчасти,

четыре адъютанта, шофер и даже парикмахерша штаба.

Но это эмоции. А если говорить строгим юридическим языком? За что его арестовали? А. Сухомлинов считает, что этого до сих пор никто толком не знает. Ни родная сестра Светлана Аллилуева, ни двоюродный брат Владимир Аллилуев, ни жена Капитолина Васильева, ни дети Надя и Саша, ни ветераны-сослуживцы. Были только версии. Например, по версии журнала «Шпигель» его арестовали за драку в ресторане.

Сухомлинов цитирует футбольного тренера Николая Старостина: «С похмелья он лишь залпом опорожнял стакан и закусывал арбузом. Я не припомню, чтобы он при мне занимался служебными делами. Мы вместе ездили в штаб, на тренировки, на дачу. Даже спали на одной широченной кровати».

Что сказать про это повествование? По мнению юриста Сухомлинова, это самое заурядное вранье. Он у В. И. Сталина не квартировал. Это подтверждает и жена Василия Капитолина.

Кто и с какой целью запустил в оборот лжесвидетельство?

Далее, все авторы пишут: мол, арестован за какие-то жуткие злоупотребления по службе, но за какие именно — ни полслова. Поговаривали, что Василий в подарок своей жене Капитолине (лучшей пловчихе СССР тех лет!) решил построить самый большой бассейн всех времен и народов. За это, мол, и повязали...

Но и это не так.

В. Ф. Аллилуев:

- После смерти отца жизнь Василия покатила под откос и сложилась трагически. Он оказался за решеткой. Интересно отметить, что после ареста Василия была создана комиссия Министерства обороны

по проверке ВВС Московского округа, которыми он командовал последнее время...

По свидетельству полковника И. П. Травникова, которое приводит военный историк А. Колесник в книге «Семья Сталина», «по боевой и политической подготовке он получил хорошую оценку, но, тем не менее, все плохое повесили на Василия, и его арестовали. Напрашивается законный вопрос — за что? Нам стало известно, якобы за незаконное использование денежных средств не по назначению (построил водный бассейн, причем, первый в Москве закрытый, где обучались и обучаются плавать тысячи детей, приступил к строительству закрытого катка в Чапаевском переулке: быстро сделали фундамент, поставили металлический каркас, привезенный из Кенигсберга, заказали в ГДР оборудование)».

С. П. Красиков:

— По уверениям Серго Микояна, Василия арестовали за то, что он ходил в посольство КНР, говорил там, что отца убили, страну ведут в пропасть и упрасивал посла КНР выдать ему визу на жительство в Китай, под покровительство Мао Цзэдуна.

О грядущем аресте Василий узнал по телефонному звонку друзей. Он прекрасно понимал, что предстоящий арест будет равносителен смерти. Сын Сталина перебрал и сжег хранившиеся бумаги.

Обвинили в разбазаривании средств. Прием довольно избитый. Допрашивать по иезуитским методам начали 9 мая 1953 года. Участника войны, боевого генерала решили допрашивать в День Победы СССР в Великой Отечественной войне. Допрашивали генерал-лейтенанта В. И. Сталина начальник следственной части по особо важным делам генерал-лейтенант Влодзимирский и его заместитель Козлов.

Первый срок

В 1953 году он получил первый срок — восемь лет. Официальная версия, которая тогда не была обнародована, — превышение власти, злоупотребления.

Вероятнее всего, считает С. П. Красиков, Василий был подвергнут аресту на основании решения особого совещания КГБ СССР. Л. П. Берия, после смерти И. В. Сталина завладевший многими личными документами вождя, среди которых, вероятно, имелись досье на членов Политбюро и на самого Л. П. Берия, опасался, что Василий мог об этом знать и в запальчивости проговориться.

Юрист А. Сухомлинов разыскал бывшего сотрудника Владимирской тюрьмы А. С. Малинина и записал его рассказ о пребывании там Василия Сталина.

— Его привезли поздно ночью, я тогда был на дежурстве, — вспоминал А. С. Малинин. — Одет он был в летнюю кожаную куртку, худощавый такой, с усиками. Мы уже знали, что он будет числиться по тюремному делу как «Васильев Василий Павлович». Это было согласовано с Москвой... Через месяц его перевели в третий корпус на третий этаж, в угловую камеру. Там он и отбывал весь срок — до осени 1959 года, когда его опять увезли в Лефортово. Официально от всех скрывали, что это сын Сталина, но почти все мы это знали и звали его просто Василий. Раза два он болел, нога у него сохла, с палочкой ходил, лежал в нашем лазарете. В тюрьме работать нельзя (только сидеть!), но для него, по его просьбе, сделали исключение и разрешили работать в нашей слесарной мастерской, так он инструменты из Москвы выписывал — чемоданами... Ничего плохого про него сказать не могу. Вел себя спокойно, корректно, и мы относились к нему так же.

Помню, вызывает меня начальник тюрьмы: «У твоей жены сегодня день рождения, возьми и передай поздравления». Дают мне корзину, а в ней 35 алых роз. Я сначала не понял, с чего это такая забота о моей жене. А потом выяснилось: 24 марта Василию исполнилось в тюрьме 35 лет, ему передали корзину цветов, а он в камеру их нести отказался. «Завянут быстро, — говорит, — без света. Отдайте кому-нибудь из женщин». Жена моя до сих пор этот букет забыть не может. Таких цветов ей в жизни никто никогда не дарил...

А. Сухомлинов ставит кардинальные вопросы: взял бы Берия на себя ответственность в одиночку казнить сына вождя, слезы по которому у народа еще не просохли? Нет. Хрущев? Он пока находился в тени и пришел к власти только на июльском Пленуме ЦК. Молотов, Булганин, Ворошилов самостоятельно ничего не решали. Оставался Маленков. Эти два месяца он был первым человеком в государстве. Кстати, именно ему докладывал министр внутренних дел С. Круглов о ходе следствия по делу Василия Сталина. Так что своими нарами на Лубянке Василий, скорее всего, обязан товарищу Маленкову, которого И. В. Сталин уважал и любил больше других.

Арест 29 апреля 1953 года санкционировал Генеральный прокурор СССР Сафонов, а утвердил лично Берия. Постановление подписано начальником следственной части по особо важным делам генерал-лейтенантом Влодзимирским (это он потом выбивал показания и сам их редактировал), согласовано с замминистра внутренних дел СССР Кобуловым. 23 декабря 1953 года Берия, Кобулов, Влодзимирский были расстреляны, в том числе и за «злоупотребление властью и фальсификацию следственных материалов», Сафонов снят с должности.

«Чем же мешал далекий от политики Василий?» — спрашивает А. Сухомлинов.

Как известно, расправы над членами семей всегда были нашей славной традицией. Таким образом новая власть утверждала свою силу, показывала народу, что возврата к плохому старому не будет.

Сын «отца народов» мешал, причем всем. Он был потенциальный наследник культа личности, а значит, как бельмо в глазу. По всем законам жанра его нужно было если не стереть в порошок, то хотя бы держать под надзором, да с таким ярлыком, чтобы каждому было ясно — там ему, гаду, и место! Поэтому когда через два месяца главой государства стал Хрущев, он сразу дал понять, что ему вмешиваться в это дело «не с руки», не он же его арестовывал, значит, и спрос не с него.

Кроме А. Сухомлинова, никто не высказывает своего предположения, кто мог быть инициатором заключения Василия в тюрьму. Даже С. И. Аллилуева. Правда, у нее есть косвенный намек, что этого добивались освобожденные после смерти Сталина из заключения крупные авиационные начальники, к аресту и осуждению которых был причастен Василий.

— Началось следствие, — вспоминает Светлана Иосифовна. — Всплыли аферы, растраты, использование служебного положения и власти сверх всякой меры. Выплыли случаи рукоприкладства при исполнении служебных обязанностей. Обнаружились интриги на весьма высоком уровне, в результате которых кто попал в тюрьму, а кто погиб... Вернули маршала авиации А. А. Новикова, попавшего в тюрьму с легкой руки Василия... Теперь все были против него. Теперь уж его никто не защищал, только подливали масла в огонь... На него «показывали» все — от его же адъютантов до начальников штаба, до самого министра обороны и генералов, с которыми он не ладил... Накопилось

столько обвинений, что хватило бы на десятерых обвиняемых...

А. Сухомлинов, проведший гигантскую работу по установлению истины, выяснил, что для «успешного» расследования «дела Василия Сталина» следователь Следственного управления МГБ полковник Мотовский арестовал двух заместителей В. Сталина — генералов Теренченко и Василькевича, начальника АХО Касабиева, адъютантов Капелькина, Степаняна, Полянского, Дагаева, старика-шофера Февралева, который вместе с Гилем возил В. И. Ленина. Около года их держали под стражей, потом освободили, получив нужные показания.

Для того чтобы расследовать инкриминируемые Василию обвинения, опытному следователю нужно не более недели. Допросить Сталина, Февралева и адъютантов, приобщить пленку с подслушанным разговором и получить характеристику. Постановление ЦИК СССР о порядке расследования дел этой категории от 1 декабря 1934 года устанавливало 10 суток. Дело Василия Сталина расследовалось около двух с половиной лет. Пока следователи скрупулезно разбирались в тонкостях служебной деятельности авиационного генерала, он содержался под стражей. Интересно, что после сдачи должности командующего ВВС МВО С. Красовскому прошел почти год. Акт о приеме-передаче должности подписан Главкомом ВВС, все службы штаба ВВС МВО представили письменные акты о том, что у них полный ажур и никаких претензий к бывшему командующему нет.

И вот год спустя оказалось, что претензии есть, и все на грани уголовщины. Следствие вела следственная часть по особо важным делам МГБ. Создали специальную комиссию МО СССР, члены которой, не зная толком, что от них требовалось, «устанавливали» все подряд, а это «все подряд» потом автоматически

переехало в обвинительное заключение и в приговор. Отказываться бессмысленно.

Лично его, признается А. Сухомлинов, сильно насторожила литературная обработка показаний Василия, как и то, что «до аэродрома в Кубинке 30 км» (так записано в протоколе его допроса), хотя каждый солдат ВВС МВО знает, что до Кубинки 70 километров, а сам он командовал не округом, а ВВС округа, и спутать это не мог.

Военная коллегия дала ему восемь лет тюрьмы. Он не мог поверить. Он писал в правительство письма полные отчаяния, с признанием всех обвинений, и даже с угрозами. Василий забывал, что он уже ничто и никто...

В марте 1955 года из Владимирской тюрьмы арестованного перевезли на лечение в Центральный госпиталь МВД СССР и поместили в терапевтическое отделение. У посаженного в клетку сокола открылась язва желудка. Ему выделили отдельную маленькую палату и поручили проводить лечение заведующей госпиталем Л. С. Сметаниной.

По памяти Василий Иосифович набрал телефонный номер футболиста Г. И. Джелавы.

Они встретились, расцеловались. Джелава потом вспоминал, что он впервые увидел на его глазах слезы, хотя он не переносил плачущих мужчин. Сказал, что ему очень плохо. Нет, со здоровьем все в порядке. Зачем его перевели в госпиталь, он сам не знает. Считает, что все еще находится в заключении. Надо было выпить за встречу, да ничего нет, он теперь сам себе не принадлежит. Джелава достал из портфеля бутылку доброго грузинского вина. Он опять прослезился.

Его третья жена Капитолина Георгиевна Васильева, по ее словам, бывала во Владимире еженедельно, часто вместе с Надей. Чтобы провести с Василием

воскресенье, приходилось выезжать из Москвы в субботу вечером.

Начальство свиданиям не препятствовало, напротив, предоставляло для встреч специальную комнату. Такой вот семейный уик-энд с икоркой и, чего греха таить, рюмкой водки за колючей проволокой. В Москве Василия Сталина уже не боялись, но в провинциальном городе Владимире имя самого скандального зэка Союза по-прежнему вызывало трепет.

О причинах перевода Василия в госпиталь поведала Светлана. Оказывается, над ним просто сжалились. Зимой 1954-1955 годов он болел, и его решили немного подлечить. Из тюремного госпиталя его должны были отправить в больницу, потом — в санаторий «Барвиха», а затем уже домой на дачу. Светлане сказал об этом Н. С. Хрущев, вызвавший ее к себе в декабре 1954 года. Он искал решения, как вернуть Василия к нормальной жизни.

Но все вышло иначе. В госпитале его стали навещать старые дружки — спортсмены, футболисты, тренеры. Приехали какие-то грузины, привезли бутылки. Он опять сошел с рельсов. Забыв про обещания, снова шумел, снова угрожал, требовал невозможного... В результате из госпиталя он попал не домой, а назад, во Владимирскую тюрьму. Приговор Военной коллегии оставили в силе.

Во Владимир Светлана ездила навещать его вместе с его третьей женой Капитолиной Васильевой, от всего сердца пытавшейся помочь ему.

Этого мучительного свидания Светлана, по ее словам, не забудет никогда. Они встретились в кабинете у начальника тюрьмы. На стене висел — еще с прежних времен — огромный портрет их отца. Под портретом сидел за своим письменным столом начальник, а они, брат с сестрой, — перед ним, на

диване. Они разговаривали, а начальник временами бросал на них украдкой взгляд. В голове его туго что-то ворочалось, и, должно быть, он пытался осмыслить: что же это происходит?

Начальник был маленького роста, белобрысый, в стоптанных и латаных валенках. Кабинет его был темным и унылым. Перед ним сидели две столичные дамы в дорогих шубах и Василий... Начальник мучился, на лице его отражалось умственное усилие...

Василий требовал от сестры с Капитолиной ходить, звонить, говорить, где только возможно о нем, вызволять его отсюда любой ценой. Он был в отчаянии и не скрывал этого. Он метался, ища, кого бы попросить? Кому бы написать? Он писал письма всем членам правительства, вспоминал общие встречи, обещал, уверял, что он все понял, что он будет другим...

Капитолина, мужественная, сильная духом женщина, говорила ему: не пиши никуда, потерпи, недолго осталось, веди себя достойно. Он набросился на нее: «Я тебя прошу о помощи, а ты мне советуешь молчать!»

Потом он говорил с сестрой, называл имена лиц, к которым, как он полагал, можно обратиться. «Но ведь ты же сам можешь писать кому угодно! — говорила Светлана. — Ведь твое собственное слово куда важнее, чем то, что я буду говорить».

После этого он прислал еще несколько писем с просьбой писать, просить, убеждать... Была у него даже идея связаться с китайцами. «Они мне помогут!» — говорил он не без основания... Сестра с Капитолиной, конечно, никуда не ходили и не писали... Светлана, по ее словам, знала (ой ли?), что Хрущев сам стремился помочь ему.

Между тем за стенами Владимирского централа, где отбывал наказание секретный узник, прокатывались бурные события. Произошел самый первый раскол

среди заговорщиков, отправивших на тот свет своего лидера. Раскол закончился новым заговором, который был направлен против Берии. Его внезапно, из-за угла, арестовали.

Но Василия никто не освобождал. Значит, не Берия был виноват в его изоляции. Иначе бы выпустили. На него тогда навесили кучу обвинений, и какие-то, очевидно, были небезосновательными. Но, очевидно, главное было в другом. Уже во время похорон отца Василий публично бросил обвинения членам Политбюро, что они приложили руку к его смерти.

В приговоре ему инкриминировали строительство различного рода спортивных сооружений, в том числе спортивного центра ВВС, бассейна на территории Центрального аэродрома, на которые были израсходованы крупные денежные средства.

А. Сухомлинов провел юридическую экспертизу судебного приговора и пришел к однозначному выводу — приговор явно был кем-то заказан и преследовал цель избавиться от нежелательного свидетеля.

В обязанности командира, доказывает А. Сухомлинов, согласно Уставу внутренней службы ВС СССР, занятие строительством не входило и не входит сейчас. Этим должны заниматься строительные организации и их структуры согласно смете. Контроль за расходом финансов, выделенных для этих целей, ведет финансовая служба. Она и должна следить за правильностью финансирования любого строительства, для чего есть соответствующие специалисты. Обо всех случаях финансовых нарушений финслужба должна докладывать по команде. Ежегодно проводятся ревизии финансово-хозяйственной деятельности вышестоящим органом. В данном случае — финслужбой округа, Главного штаба ВВС и ЦФУ.

В приговоре сказано: «В. И. Сталин занялся комплектованием при ВВС МВО спортивных команд. Им

были созданы команды: конно-спортивная, конькобежно-велосипедная, баскетбольная, гимнастическая, плавания, водного поло. Спортсмены переманивались из других команд, им незаконно присваивались офицерские звания... Премияльный фонд В. И. Сталин расходовал для награждения спортсменов. Им было премировано 307 спортсменов и только 55 человек летно-технического состава.

Из 227 квартир, полученных ВВС МВО, спортсменам предоставлено более 60 квартир. На обеспечение спортсменов летно-техническим обмундированием израсходовано 700 тыс. рублей. Предоставление таких привилегий спортсменам не вызывалось деловыми соображениями».

А. Сухомлинов легко доказал несостоятельность этих обвинений. Во-первых, спортсменами ВВС (спортивный клуб армии ВВС создан и его штат разработан директивой Генерального штаба) в течение 1948–1952 годов установлено: 92 рекорда вооруженных сил, 60 рекордов СССР, подготовлено 30 чемпионов СССР.

В составе олимпийской сборной СССР 1952 года было 14 спортсменов ВВС, в том числе футболисты В. Бобров, К. Крижевский и другие.

Во-вторых, правом присвоения офицерских званий командующий ВВС округа не был наделен.

В-третьих, предоставление квартир и премирование в армии производится на основании решений соответствующих комиссий, коллегиально.

В-четвертых, по данным Центрального спортивного клуба армии, например, за 1997 год, в крытом 50-метровом бассейне ЦСКА (это его «строил» Василий Сталин) регулярно занимаются плаванием 1650 детей в составе детской спортшколы и 150 пятиборцев, а также офицеры и генералы центрального аппарата МО РФ и ветераны Вооруженных Сил СССР.

Невооруженным глазом видно, что на В. Сталина «навешивали всех собак». Причем никакого следствия не было, чувствуется безграмотная работа «объединенной комиссии» с партийным уклоном во главе со следователем КГБ. Фигурируют в деле и «отделка служебной дачи», и «использование инвентарной мебели», и «добровольное подписание офицерами фиктивных ведомостей для получения денежных сумм». (Таким способом собирали деньги на похороны хоккейной команды ВВС.) И даже «доставка на дачу саженцев из Мичуринска»...

В обвинении записано, что на дачу возили ему фураж, которым адъютанты кормили двух лошадей, теленка, кур, семь индюков и двадцать голубей. Общая сумма этого «великого ущерба», нанесенного боевым генералом и, между прочим, сыном вождя, не указана. Иск не предъявлялся.

Опись арестованного имущества — 76 пунктов. Самое ценное — коллекция ружей, в основном подаренных отцом, шашек, подаренных К. Е. Ворошиловым, седло — подарок С. М. Буденного. Больше ничего интересного нет: настольные часы, охотничьи сапоги, ремни, фотоаппарат, киноаппарат, две байдарки, два велосипеда, два мотоцикла (подарок И. В. Сталина), автомашина «паккард».

В 1946-1947 годах Василий был командиром корпуса в Германии. Одна его дивизия стояла в Гроссенхайне, в 30 минутах езды от Дрезденской картинной галереи. Другой полк стоял под Потсдамом. Это резиденция прусских королей. Да при желании он мог столько культурных ценностей вывезти, что «друг Гельмут» по сю пору искал бы формы обмена...

Андрей Сухомлинов — заслуженный юрист России. Вот его мнение по прочтении приговора: он не выдерживает критики. Доказательства не приводятся, юридическая аргументация выводов суда отсутствует,

ссылок на нормативные акты нет, квалификация не мотивирована. В приговоре не решен вопрос о возмещении ущерба: если считать, что он был, то нужно было заявлять гражданский иск. Далее, никто не может объяснить, почему Василий отбывал наказание в тюрьме, хотя по приговору он должен был находиться в исправительно-трудовом лагере. Кто хоть чуть-чуть знаком с этим вопросом, знает, что «крытая» тюрьма и лагерь — это большая разница. День тюрьмы идет за три дня лагеря.

Нет сомнений, что опасного свидетеля решили просто упрятать подальше от глаз.

Алкогольная версия

Во время сбора материалов о Василии Сухомлинов нашел обращения Василия и его тетки А. С. Аллилуевой к Хрущеву, Швернику, Ворошилову, Булганину, Серову, Горкину с просьбой разобраться в деле. В письме Хрущеву Анна Сергеевна Аллилуева умоляла вернуть Василия, так как он тяжело болен — поражена нога, заражение крови, истощение — и может погибнуть. Письма были явно некстати: грянул XX съезд КПСС, а затем и XXI с их историческими решениями по И. В. Сталину. Ответы не даны, письма даже не зарегистрированы.

Наконец, 9 января 1960 года больного Василия освобождают, испугавшись, как бы он не умер в тюрьме — международный скандал был бы обеспечен.

По словам С. И. Аллилуевой, этому предшествовало одно немаловажное событие. В январе 1960 года ее вызвал Хрущев. Был план — неизвестно кем придуманный — предложить Василию жить где-нибудь не в Москве, работать там, вызвать семью, сменить фамилию на менее громкую. Светлана сказала, что, по видимому, он не пойдет на это. Она все время стремилась доказать, что его алкоголизм — болезнь, что он не может отвечать за все свои слова и поступки подобно здоровому человеку, но это не убеждало.

Тут я должен заметить, что некоторые отставные лубянские генералы высказывают очень интересное суждение по поводу того, почему Светлана упорно настаивала на алкогольной подоплеке поведения своего непутевого брата. По их мнению, она пыталась спасти Василия, называя его обличения пьяным бредом, чтобы развеять подозрения Н. С. Хрущева и других членов Политбюро в наличии у Василия сколько-нибудь

серьезных оснований по поводу насильственной смерти отца. Возможно, это ей и удалось.

Во всяком случае, вскоре после разговора со Светланой, в ходе которого она снова уверяла, что ее брат законченный алкоголик и не стоит прислушиваться к его пьяной болтовне, Н. С. Хрущев вызвал Василия и говорил с ним больше часа. Прошло почти семь лет со дня его ареста... Василий потом говорил, что Хрущев принял его «как отец родной». Они расцеловались и оба плакали. Все кончилось хорошо: Василий оставался жить в Москве. Ему дали квартиру на Фрунзенской набережной и дачу в Жуковке — недалеко от Светланиной. Генеральское звание и пенсия, машина, партийный билет — без перерыва стажа — все это было ему возвращено вместе с боевыми орденами. Его просили лишь об одном: найти себе какое-нибудь занятие и жить тихо и спокойно, не мешая другим и самому себе. И еще просили не ездить в Грузию — Василий с первого же слова просил отпустить его туда...

Январь, февраль, март 1960 года он жил в Москве и быстро почувствовал себя снова тем, чем был и раньше. Вокруг него немедленно собрались какие-то люди из Грузии, затаскивали его в ресторан «Арагви», пили с ним, славословили, курили ему фимиам... Опять он почувствовал себя «наследным принцем»... Его звали в Грузию — вот там он будет жить! Разве это квартира? Разве это мебель? Стыд и позор — ему, ему, давать такую мебель! Там ему построят дачу под Сухуми, там он будет жить, как ему подобает... Нашлась немолодая грузинка, которая немедленно предложила ему жениться на ней и ехать с ней в Сухуми.

Его дети — уже большие тогда юноша и девушка — отговаривали его, умоляли выгнать всех этих грузин вон, предупреждали, что опять это плохо кончится. Он отвечал, что сам знает, не им его учить... Он опять пил,

он не в состоянии был сам удержаться, а дружки, и особенно грузины, поили его беспощадно...

Наконец, в апреле он уехал «лечиться» в Кисловодск. Его дочь Надя поехала с ним и писала оттуда, что опять сплошные попойки, что он ведет себя шумно, скандально, всем грозит и всех учит, что посмотреть на него сбегается весь Кисловодск. Из Грузии приехали опять какие-то проходимцы на машинах, звали его с собой. Он не поехал с ними, но куда-то исчез, и через пять дней появился — оказывается, он пропал здесь же в домике у какой-то стрелочницы...

Когда он возвратился в Москву, то пробыл дома недолго.

Двоюродный брат Василия Владимир Аллилуев, чья интерпретация эпизодов его жизни во многом расходится с утверждениями Светланы, на этот раз с ней солидарен:

— Через некоторое время Василия освобождают с условием, что он изменит свой образ жизни и поведения. Василий пообещал, но скоро сорвался, его «дружки» снова к нему присосались, пошли пьянки, угрозы и т. п. и т. д. Опять тюрьма, он должен был досидеть данные ему по приговору восемь лет.

Серго Берия называет причину водворения Василия в камеру:

— Во второй раз его отправили в тюрьму после автомобильной аварии. Знали ведь, что ему пить нельзя, но напоили, посадили за руль. Снова тюрьма, ссылка.

Подробности этого злосчастного дорожно-транспортного происшествия находим у Л. Тарховой:

— Однажды, будучи пьяным, он стал причиной автомобильной аварии, в которой пострадал работник иностранного посольства. К тому же Василий еще и нещадно обругал его. Иностранец — это было уже

слишком! Терпение властей лопнуло. Василия вновь заключили под стражу. Правда, досиживал срок он уже в Москве, в Лефортове, где условия содержания были получше. Ему даже удалось — какая удача! — подписаться в тюрьме на дефицитную тогда, как это было во все годы советской власти, художественную литературу. Он подарил подписку дочери к празднику. Книги эти, наверное, до сих пор стоят у нее дома.

А. Сухомлинов излагает это событие лаконичным языком юридических протоколов. Правда, версия юриста иная, автомобильная авария здесь отсутствует. 16 апреля (всего три месяца спустя) В. Сталин вновь арестован КГБ «за продолжение антисоветской деятельности». Это выразилось в посещении посольства КНР, где он якобы сделал «клеветническое заявление антисоветского характера». Так записано в документе. В. Сталин, говоря языком юристов-практиков, возвращен в места лишения свободы «для отбытия оставшейся части наказания».

Целый год — до 28 апреля 1961 года — он находится в Лефортове, хотя «китайское» дело было прекращено. Зато всплыло новое. Как свидетельствуют документы, он «сколотил вокруг себя группу националистически настроенных грузин» (за три-то месяца?), чтобы потом на родине отца занять пост партийного секретаря в целях подготовки государственного переворота...

И все-таки легенда автомобильной аварии живуча. Она присутствует и в рассказе С. П. Красикова:

— По выходе из тюрьмы Василий уехал на встречу со своим сослуживцем, бывшим командиром полка, и попал в автомобильную катастрофу.

Опять в темнице

Итак, в апреле 1960 года, после трех месяцев пребывания на свободе, его снова возвратили в тюрьму «досиживать» восьмилетний срок и выпустили в 1961-м полным инвалидом, с больной печенью и прогрессирующей язвой желудка.

По воспоминаниям его дочери Надежды Васильевны, после смерти И. В. Сталина отец каждый день ожидал ареста. И на квартире, и на даче он был в полном одиночестве. Однажды, вернувшись из школы, девочка обнаружила пустую квартиру. Отца уже увели, в доме шел обыск. Тогда многие документы пропали безвозвратно. Во 2-й Владимирской тюрьме отца содержали под фамилией Василия Павловича Васильева. Надя с мамой каждую неделю навещали его. Это были одночасовые встречи в обеденный перерыв. Отец любил эти приезды, очень ждал их.

Во время одной из встреч он утверждал, что суда над ним не было. Часто, когда они его ожидали, через открытую дверь в коридоре было видно, как его вели. В телогрейке, ушанке, кирзовых сапогах, он шел, слегка прихрамывая, руки за спиной. Сзади конвоир, одной рукой придерживавший ремень карабина, а другой державший палку отца, которую ему давали в комнате свиданий. Если отец спотыкался и размыкал руки, тут же следовал удар прикладом. Он действительно был в отчаянии. В письмах, которые он передавал через жену и посылал официально, постоянно доказывал, что вины его ни в чем нет. Он требовал суда. Но все было бесполезно.

Еще эпизод, сохранившийся в детской памяти. После ареста отца Надя, как обычно, явилась в школу. Но в гардеробе ее встретила директор школы. Сорвав с

вешалки пальто и швырнув его девочке в лицо, она прокричала: «Иди вон к своему отцу и деду». — «Мне идти некуда! Отец в тюрьме, а дед в могиле!» Но из школы пришлось уйти. Училась она тогда в седьмом классе.

Семь лет, пока отец был в тюрьме, дни тянулись очень медленно. Как-то она сидела вечером одна дома, когда раздался телефонный звонок. Надя подняла трубку. Знакомый голос сказал: «Дочка, это я, твой папа, я звоню с вокзала. Скоро буду».

Она так растерялась, что спросила: «Какой папа?» Его ответ запомнила дословно: «У тебя что, их много? Отец бывает только один».

Через полчаса он приехал с белым узелком и тростью в руках. На другой день он пошел оформлять документы. При выписке паспорта ему предложили принять другую фамилию. Он отказался. После этого его вызвал Шелепин. Разговор был долгий. Вернувшись от него, сказал, что он лучше будет жить без паспорта, чем с другой фамилией. Его поселили в гостинице «Пекин», а через некоторое время — на Фрунзенской набережной. Тогда же отца осмотрел профессор А. Н. Бакулев. Его вывод был такой: сердце в порядке, печень здорова, единственное, что вызывает опасение, так это болезнь ноги и чрезмерное употребление табака.

На свободе он пробыл всего два с половиной месяца. За это время побывал с дочкой в санатории, загорел, чувствовал себя хорошо. Как-то ему передали вино, Надя настояла, чтобы бутылки отослали сестре-хозяйке.

После отдыха его тянуло к работе. Он говорил дочери, что хотел бы работать директором бассейна. Такая у него была мечта. Вообще он был очень добродушный человек. После перевода в Лефортово ограниченность в движении отрицательно сказалась на нем и во многом подточила его здоровье. Что касается

автомобильной катастрофы, то, на взгляд дочери, она была подстроена. Все это было на ее глазах, когда она ехала с отцом.

Светлана Аллилуева, по ее словам, в конце апреля узнала, что он опять «продолжает свой срок» — те самые восемь лет, которые ему так милостиво разрешили прервать, чтобы начать новую жизнь... А теперь его «попросили» досидеть срок до конца, поскольку на свободе он не вел себя должным образом.

Срок он отсидел не полностью. Весной 1961 года его все-таки отпустили из Лефортовской тюрьмы по состоянию здоровья. У него была больная печень, язва желудка и полное истощение всего организма — он всю жизнь ничего не ел, а только заливал свой желудок водкой...

А. Сухомлинов дает другую оценку состояния здоровья вышедшего на свободу узника. Он категорически опровергает утверждения хрущевской пропаганды о том, что сын Сталина одряхлел, совершенно опустился (за отсутствием водки выпрашивает у санитаров туалетную воду для волос и зараз выпивает по несколько пузырьков залпом), по отношению к другим заключенным ведет себя вызывающе, все время пишет «подобострастные прошения о помиловании».

Секретное досье свидетельствует об обратном. В своем заявлении «Васильев» (называть свою фамилию Сталину было строжайше запрещено) называет свой арест «незаконным», утверждая, что все свидетельские показания получены «в результате побоев, угроз и запугивания», а обвинения «выдуманы от начала и до конца». Подполковник Козик пишет в спецдонесении: «В обращении с администрацией вежлив, много читает, физически окреп...»

Владимир Аллилуев, наоборот, склонен разделить точку зрения своей двоюродной сестры Светланы о

состоянии здоровья Василия. Аллилуев ссылается на свидетельства полковника Травникова, считавшего, что «Хрущеву доложили о критическом состоянии здоровья Василия, и если он умрет в тюрьме, это примет политическую окраску. Поэтому-то Хрущев и принял решение освободить Василия и пригласил на прием. При встрече и беседе Хрущев, кривя душой, положительно отозвался об отце Василия, даже говорил то, что произошла ошибка при аресте Василия (это о приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР, которая осудила Василия Сталина на 8 лет). Это Василий рассказал бывшему своему заместителю Е. М. Горбатьку».

Ему возвратили все — от воинского звания до партбилета — с условием, что он проявит волю и возьмет себя в руки. Но уже было поздно, алкогольная болезнь так глубоко пустила свои корни в его организм, что никакой воли уже не было и быть не могло. Снова тюрьма, из которой Василия освобождают по состоянию здоровья весной 1961 года.

Расхождения в оценке состояния здоровья Василия заметила журналистка Л. Тархова. Действительно, во многих публикациях о Василии есть общее место: он вышел из тюрьмы инвалидом. Но это противоречит свидетельству дочери, которая помнит, что отца тогда осмотрел профессор Бакулев, лечивший его с детства. Вывод знаменитого клинициста был таков: сердце, печень и другие внутренние органы в порядке. Единственное, что может вызывать серьезные опасения, — болезнь ноги от многолетнего курения.

— У него бычье сердце! — еще раз подчеркнул Бакулев... и заплакал.

Так рассказывала Надя Сталина. Тархова права: это обстоятельство важно принять к сведению, чтобы правильно оценить то, что случилось позднее.

И еще одну любопытную особенность подметила писательница Л. Васильева. Каждый раз, освобождая Василя из тюрьмы, власти в лице Хрущева и тех, кто поддерживал с Василием прямой контакт, ставили ему одно и то же условие: не ездить в Грузию. По мнению Л. Васильевой, его неоднократные возвращения в тюрьму в значительной степени объяснялись тем, что грузинские связи Василя Сталина расширились с большой быстротой. Чего боялся Хрущев, не желая связей Василя с Грузией? Идеи «наследного принца»?

Грузия неоднородна. Грузины умеют хранить память об отцах, тем более вождях, тем более память о единственном в истории грузине, около тридцати лет правившем Россией. Россией!

Хрущев, несомненно, боялся роста грузинских настроений в пользу Василя, боялся, что в Грузии может возникнуть движение, способное как-то возвысить сына Сталина и противопоставить его... Кому?

Достаточно нелепая эта мысль могла выглядеть не столь уж нелепо для тех, кто замахнулся на Сталина.

В Москве оставлять нельзя

После выхода из Лефортова его сразу выслали из Москвы в Казань сроком на пять лет. Дальнейшую связь родственники поддерживали с ним по телефону.

По некоторым сведениям, место проживания ссыльный мог выбрать сам. Он захотел в Казань. Город был закрыт для иностранцев, что устраивало КГБ. Там жили бывшие сослуживцы Василия, что устраивало экс-генерала. В Казани он узнал о выносе 31 октября 1961 года тела его отца из Мавзолея. Там же Василий внезапно скончался 19 марта 1962 года.

С. И. Аллилуева:

— Его отпустили снова, но уже на более жестких условиях... Ему разрешили жить, где он захочет, — только не в Москве (и не в Грузии...). Он выбрал почему-то Казань и уехал туда со случайной женщиной, медсестрой Машей, оказавшейся возле него в больнице...

В Казани ему дали однокомнатную квартиру, он получал пенсию, как генерал в отставке, но он был совершенно сломлен и физически, и духовно.

С. П. Красиков:

— В Казань он привез с собой серебряный рог, бурку и пластинку с грузинскими песнями.

Надежда Васильевна, дочь Василия Сталина:

— 18 марта 1962 года он позвонил мне, мы говорили долго. Он очень просил приехать. Встреча, к сожалению, не состоялась. Смерть моего отца до сегодняшнего дня для меня загадка. Заключения о его смерти не было.

С. П. Красиков:

— В Казани Василий Иосифович жил на улице Гагарина в Ленинском районе в однокомнатной

квартире № 105 на последнем этаже пятиэтажного блочного дома.

31 октября 1961 года его застала весть о выносе из Мавзолея тела И. В. Сталина. Личная жизнь сына вождя также не сложилась. После смерти, наступившей 19 марта 1962 года, у него осталось семеро детей: четверо своих и трое приемных.

С. В. Грибанов:

— В казанской ссылке произошла встреча Василия с девушкой, которую потом он ласково звал Мариша...

«Думаю, что моя встреча с Василием Сталиным не была случайностью, — вспоминала она спустя годы. — Оба моих дяди были летчиками и служили под началом Василия... Когда я услышала от дяди о его приезде, я позвонила ему, представилась, напомнила о встрече на стрельбище. Он обрадовался и тут же пригласил меня в гости...»

Опальный генерал после восьми лет тюремной камеры-одиночки снова ринулся навстречу своей изменчивой судьбе, а она поплевала, поплевала на пальчик и перелистнула последнюю страницу.

«Материально мы жили очень скромно. Василий получал пенсию 300 рублей, из которых 150 отсылал первой жене. И еще мой оклад. Вставал всегда очень рано, шел на кухню, готовил завтрак. Из дома никуда не выходил, только пенсию получать ездил в КГБ на Черное озеро, да и то всегда вместе со мной. Его ни на миг не покидало предчувствие, что его заберут...» Это рассказ о последних месяцах жизни Василия, который записала при встрече с Маришей, сейчас научным сотрудником одного из казанских вузов Марией Николаевной, журналистка Майя Валеева. Фамилии своей Мария Николаевна просила не называть, что вполне объяснимо. А вот свидетельства ее о гибели Василия более чем ценны — от них по швам трещит

официальная правительственная версия смерти Иосифа Сталина.

Мария Николаевна вспоминает, как Василий послал ее в Москву с поручением тетке Анне Сергеевне. Он верил, что она поможет ему избавиться от преследований КГБ, вызволит из ссылки. И вот однажды Мариша отправилась в столицу — искать правду. Поехала она вместе со своей мамой, пришла в «дом на набережной», где жила тетка любимого Васико, и передала ей все его просьбы. Анна Сергеевна сказала, что помочь в этом деле сможет только один человек — Ворошилов.

И вот просители от сына Иосифа Сталина — у его боевого друга Клима Ворошилова. «Он встретил нас, старенький, потухший, испуганный. Выслушал и сказал: «Я все понимаю, но ничем не могу помочь, я ничего не решаю».

Трагическая развязка истории с летчиком Василием приближалась с каждым днем. Только Мариша приехала из Москвы — ночью телефонный звонок.

— Я тебя поздравляю!

— С чем?

— Ну, ты ведь замуж вышла.

— Кто это говорит?

— Свои.

— Кто — свои?

— Завтра узнаешь! — И женский голос замолк.

А на следующий день, вечером, без разрешения в дом вошла какая-то женщина. «Я открыла, — вспоминает Мария Николаевна, — незнакомая женщина влетела прямо в комнату, где лежал Василий. Он приподнялся: «Зачем ты пришла?» Но женщина заявила мне: «Оставьте нас вдвоем». Василий тут же крикнул: «Мариша, сядь и не уходи!» — «Ты очень болен, может, я смогу тебе помочь?» — ворковала женщина. Я решила, что это, видимо, его давняя знакомая, и ушла на кухню.

Они говорили долго. Потом услышала голос Васи: «Уходи!» — «Нет, я никуда не уйду». И тут она заявила мне: «Если вам не трудно, уйдите домой сегодня». Я обомлела от ее наглости, прошу Васю: «Васико, объясни, я ничего не пойму!» «Потом, потом...» — страдальчески сказал он. Разозленная, в смятении, в ревности, я оделась и ушла».

Утром Марию Николаевну уже вызвали в районное отделение внутренних дел, обвинили в том, будто она учинила скандал в квартире, где живет без прописки. Тонко намекнули: «Мы о вас знаем все».

Спустя несколько дней Василий позвонил Марише и попросил прийти. Объяснить, что происходит, он не смог. Сказал, что три дня был без сознания, на вопрос, кто та женщина, отвечать отказывался: «Потом, потом...»

Но «потом» так и не получилось. Словно с неба свалившаяся незнакомка глубокими выражами носилась вокруг Василия, чем-то колола его, изображала заботу о больном. Василий сказал, что ему колют снотворное, но когда Мариша незаметно взяла одну использованную ампулку, та женщина коршуном метнулась к ней, выбила ампулу из рук и раздавила ее на ковре: «Уколетесь!..»

Ну а дальше, следуя женской логике, было и столь логичное решение Мариши: незнакомка — прежняя Васина любовь, а третий, известно, лишний — и разошлись, как в море корабли.

Только в марте после звонка врача Барышевой Мариша приехала к Василию. Состоялся разговор в присутствии все той же женщины.

- Почему ты не позвонил сам?
- Я не мог. Меня не было.
- Как?
- Меня увозили.
- Куда увозили?

— Не имеет значения...

Когда на минуту Василий и Мариша остались одни, он сказал шепотом:

— Имей в виду, тебе могут наговорить очень многое. Ничему не верь...

Было еще два звонка Василия — Марише и ее матери. «Не проклиняйте меня...» — просил он. Потом говорил, что ему плохо и что его опять куда-то увозили.

18 марта 1962 года Василий позвонил дочери в Москву, очень просил Надю приехать. Разговаривали долго. А 19 марта Василия Сталина не стало...

Теперь уже никто не узнает

По словам С. И. Аллилуевой, он умер, не приходя в сознание после попойки с какими-то грузинами. Вскрытие обнаружило полнейшее разрушение организма алкоголем. Ему был сорок один год.

Его сын и дочь от первого брака ездили на похороны вместе с его третьей женой Капитолиной, единственным его другом.

На похороны собралась чуть ли не вся Казань... На детей и Капитолину смотрели с удивлением: медсестра Маша, незаконно успевшая зарегистрировать с ним брак, уверила всех, что она-то и была всю жизнь его «верной подругой»... Она еле подпустила к гробу детей.

В Казани стоит сейчас на кладбище могила генерала В. И. Джугашвили с претенциозной надписью, сделанной Машей, — «Единственному».

Так описала Светлана смерть брата в книге «Двадцать писем к другу». Эта книга была создана летом 1963 года в дачном поселке Жуковка, недалеко от Москвы, в течение 35 дней. Я уже упоминал об истории ее написания. Чем больше времени проходит с тех пор, тем чаще берется под сомнение достоверность сведений, приведенных в ней.

Вот и у С. В. Грибанова возникли возражения. Да, Василия Сталина хоронили в Казани, на Арском кладбище. Светлана Аллилуева пишет, что на похороны собрался чуть ли не весь город. Напротив, почти никого не было. Сын, дочь, Капитолина Васильева да несколько любопытных зевак собрались у подъезда, когда выносили гроб. Быстренько погрузили его на катафалк какие-то «товарищи». Захлопнули дверцы — и по газам! Никаких речей, никаких прощальных слов...

Еще чего!

С. П. Красиков:

— Он похоронен на Арском (Ершовом) поле-кладбище Казани. В глубине центральной аллеи — первая с левой стороны могила Василия Иосифовича Сталина. Двадцать семь раз Василий Сталин выходил в бой, двадцать семь раз становился лицом к лицу со смертью, и только за это он должен быть почитаем и уважаем.

Владимир Аллилуев рассказывает, что их семья обращалась с просьбой к Н. С. Хрущеву похоронить Василия рядом с его матерью, в семейной могиле, но никакого понимания не нашла. Василий Сталин похоронен в Казани. Владимир Аллилуев до сих пор убежден, что это несправедливо и прах Василия должен лежать не в Казани, а в Москве, на Новодевичьем возле его матери Надежды Сергеевны Аллилуевой-Сталиной. Мертвых не наказывают...

Его перезахоронили-таки в Москве. Но не рядом с матерью на Новодевичьем, а рядом с последней женой Марией Нузберг на Троекуровском кладбище. Случилось это в ноябре 2002 года. Дочь Татьяна пробилась в августе 2002 года к министру обороны Сергею Иванову и попросила оказать содействие в перезахоронении отца. Министр дал соответствующее поручение.

Среди документов отделения КГБ г. Казани недавно обнаружен самый короткий из всех виденных мною отчетов: «Справка. Расходы на похороны «Флигера» составили 426 рублей 05 коп.».

«Флигер» — это не кто иной, как Василий Сталин. Под такой кличкой он проходил в бумагах госбезопасности. Она к нему была равнодушна и во время пребывания во Владимирской тюрьме. Как следует из секретного спецдонесения начальника тюрьмы подполковника Козика, Василий Сталин был помещен в камеру 4-36 с двумя заключенными (тоже по

58-й), один из которых, по словам Козика, «наш источник».

Умер, как и отец

Вопреки утверждению Светланы Аллилуевой, медицинского заключения о смерти Василия не было. Как пишет С. В. Грибанов, спустя некоторое время его дочь обратилась в КГБ к генералу Н. Ф. Чистякову — что известно о смерти В. Сталина? Чекист удивился:

— Как! Разве вы не знаете, от чего он умер?

Нет, не знала Надежда Васильевна ничего. Генерал принялся что-то искать среди бумажек на столе, но, понятно, ничего не нашел и как бы о само собой разумеющемся сообщил:

— У него же было кровоизлияние...

Ни о кровоизлиянии, ни о чем другом никто никаких свидетельств после смерти Василия не сделал.

— Я знаю, что в Казани врач отказался дать медицинское заключение, которое от него требовали, — заметила генералу от КГБ Надежда Васильевна. — Меня спросят: вашего отца застрелили? Я скажу: очень может быть. Спросят: его отравили? Я отвечу: возможно.

— Что вы!.. Как же так... — неподдельно заволновался представитель компетентного органа.

Новый штрих в полувековую загадку добавил известный драматург и писатель Э. Радзинский, работавший в президентском архиве. Он установил, что после похорон И. В. Сталина соратники установили непрерывное подслушивание в квартире его сына. В архиве Президента Российской Федерации находятся записи этих разговоров. Вот фрагмент одного из них.

Василий (разговаривает с шофером Февралевым о похоронах): «Сколько людей подавили, жутко! Я даже с Хрущевым поругался... Был жуткий случай в Доме союзов. Приходит старуха с клюкой... У гроба в

почетном карауле стоят Маленков, Берия, Молотов, Булганин... И вдруг говорит им старуха: «Убили, сволочи, радуйтесь! Будьте вы прокляты!»

Через три недели после смерти отца генерал-лейтенант Василий Сталин был уволен из армии без права ношения военной формы. Еще через месяц его арестовали. Из тюрьмы всесильный сын цезаря окончательно вышел только весной 1961 года. Вышел, чтобы умереть.

Его сослали в Казань, и уже 19 марта 1962 года он умер.

Или помогли ему умереть — в соответствии с традициями Хозяина?

Вслед за Василием в тюрьме оказался и посадивший его Берия. Потом пали Маленков, Молотов, Каганович... И наконец — Хрущев.

И. П. Травников (полковник в отставке, ветеран двух войн):

— Василия убрали по злому умыслу Хрущева. Василий много знал о нем и его окружении, об их недостатках. При борьбе все средства хороши, даже взятые из давней истории, как надо расправляться с неугодными.

С. Л. Берия:

— На похороны я не попал, но из писем общих друзей узнал, что Василия убили в драке ножом.

А. И. Аджубей:

— Очередной приступ белой горячки закончился трагически. Василий умер, не дожив до пятидесяти лет.

Через 25 лет после книги «Двадцать писем к другу» С. И. Аллилуева, находясь в США, написала там новую — «Книга для внуков». В ней события полувековой давности описываются уже по-другому:

— Ему тоже «помогли умереть» в его казанской ссылке, приставив к нему информантку из КГБ под видом медицинской сестры. О том, что она была

платным агентом КГБ, знали (и предупреждали меня) в Институте Вишневского, где она работала и где Василий лежал некоторое время на обследовании. Он был тогда только что освобожден Хрущевым из тюрьмы и болел язвой желудка, сужением сосудов ног и полным истощением. Там его и «обворожила» эта женщина, последовавшая затем за ним в Казань, где она незаконно вступила с ним в брак. Незаконно, так как мой брат не был разведен еще с первой своей женой и был, по сути, троеженцем уже до этого, четвертого, незаконного брака.

Права на него нужны были Маше для определенного дела, а КГБ с милицией помогли ей зарегистрировать этот брак. Она делала уколы снотворного и успокоительных ему *после* того, как он продолжал пить, а это разрушительно для организма. Наблюдения врачей не было никакого — она и была «медицинским персоналом». Последние фотографии Василия говорят о полнейшем истощении. Он даже в тюрьме выглядел лучше! И 19 марта 1962 года он умер при загадочных обстоятельствах. Не было медицинского заключения, вскрытия. Мы так и не знаем в семье: отчего он умер? Какие-то слухи, неправдоподобные истории... Но Маша воспользовалась правом «законной вдовы» и быстро похоронила его там же, в Казани. А без доказательства незаконности ее брака *никто* не может приблизиться к могиле Василия, учредить эксгумацию, расследование причин смерти... Надо подать в суд, представить как свидетельницу первую, не разведенную жену... Этого хотят друзья Василия, этого хотят его дети и хочу я. Однако Громыко не удостоил меня встречей по этому вопросу, когда я была в Москве, и даже не ответил на мое письмо, хотя меня заверили, что он его получил. Значит, еще не хотят раскрытия всех обстоятельств...

Василий, конечно, знал куда больше, чем я, об обстоятельствах смерти отца, так как с ним говорили

все обслуживающие кунцевскую дачу в те же дни марта 1953 года. Он пытался встретиться в ресторанах с иностранными корреспондентами и говорить с ними. За ним следили и в конце концов арестовали его. Правительство не желало иметь его на свободе. Позже КГБ просто «помог» ему умереть.

Ему был только 41 год и, несмотря на алкоголизм, он не был физически слабаком. Остались три жены и трое детей, и, как ни странно, никто не помнил зла. Он был щедр и помогал всем вокруг, часто не имея ни рубашки, ни носков для себя. Его имуществом (именным оружием, орденами, мебелью) после смерти завладели две женщины, каждая претендуя на «права». Сыну не удалось получить на память «даже карандаша», как он сказал мне. Место Василия не в Казани должно быть, а в Москве, на Новодевичьем кладбище, возле мамы, всегда так волновавшейся из-за его бурного характера. Он же любил мать без памяти, и ее смерть совершенно подорвала нервы подростка. Правительство пока что не желает поднимать все это из забвения. О смерти Сталина созданы какие-то официальные версии, наверное, продажные писатели напишут по указке партии, «как все было». Я уже слышала кое-что об этом во время пребывания в Москве — фабрика лжи работает. Но когда-нибудь придется сказать и правду. Нужно будет собрать материалы свидетелей — имеются неизданные мемуары А. Н. Поскребышева, имелись записи в семье Н. С. Власика и его колоссальный фотоархив о жизни Сталина, с которым он провел более 30 лет как глава охраны. Архив этот, как и мемуары Поскребышева, были «арестованы» КГБ. Нужно будет раскрыть свидетельства обслуживающих дачу в Кунцеве, таких, как подавальщица Матрена Бутузова, сестра-хозяйка Валентина Истомина; офицеров личной охраны — Хрусталева, Кузьмичева, Мозжухина, Ефимова, Ракова. Всех их «послали на пенсию» — в

лучшем случае еще 30 лет тому назад, но остались записи и разговоры, потому что молва не спит.

Теперь кунцевскую дачу показывает редким, избранным посетителям некто Волков и, утверждая, что он «тоже был там», рассказывает небылицы — или же официальные версии. *Не было* там никакого Волкова в те дни, это я знаю, и выдумки, которые я слышала, не раскрывают настоящую картину происходившего.

Совершенно иная трактовка событий, не правда ли? Наверное, название «Книга для внучек» обязывало говорить правду. Говорят, что под старость Светлана Иосифовна стала чаще обращаться к Богу, в ней пробудилась религиозность.

Прав был А. Авторханов, заметивший в своем благополучном Мюнхене: сестра его думает, что он умер от алкоголизма, но, увы, есть в мире еще и другая, более безжалостная болезнь — политика. От нее он и умер.

К. Г. Васильева была уверена, что в этой истории не все чисто. Ее исповедь, записанная журналисткой Л. Тарховой, — важный элемент этой донельзя запутанной драмы.

— Последние полгода в казанской ссылке Василий жил с медсестрой Марией Нузберг и двумя ее дочерьми, — начала Капитолина Георгиевна печальную повесть. — Он умер 19 марта, за несколько дней до своего дня рождения. Я планировала приехать в Казань на его день рождения. Думала, остановлюсь в гостинице, привезу ему деликатесов. Была рада, что он не один, что есть кому за ним посмотреть. Отношения наши к тому времени давно кончились, собиралась к нему как к брату.

А тут звонок из Казани: приезжайте хоронить Василия Иосифовича Сталина.

Я подхватила Сашу и Надю — детей Василия от первого брака. Приехали. Василий лежит на столе.

Спросила Машу, от чего он умер. Говорит, накануне пьянствовал с гостями из Грузии, выпил бочонок вина. Алкогольная интоксикация. Но при интоксикации делают промывание желудка, а он лежал и мучился 12 часов, как и его отец в свое время. «Скорую помощь» не вызвали. Почему? Эта дама говорит, что сама медик и сделала ему укол. Украдкой я осмотрела кухню, заглянула под столы, шкафы, тумбы, в мусорное ведро — никакой ампулы, подтверждающей, что делали укол, не нашла.

Спросила, было ли вскрытие и что оно показало? Да, говорят, было. Отравился вином...

Попросила Сашу постоять «на стреме» возле дверей комнаты, в которой лежал Василий, чтобы никто внезапно не вошел. Саша прикрыл плотно дверь. Я подошла к гробу. Василий был в кителе, распухший. Ощупала его грудь, живот. Характерного шва не нашла. Решила расстегнуть китель, чтобы окончательно убедиться в догадке. Расстегиваю... Руки трясутся... Расстегнула пуговицу, другую... Нет следов вскрытия. И тут в комнату врываются два мордоворота, отшвырнули Сашу так, что он ударился о косяк, Надю едва не сбили с ног. Оттолкнули меня... Кричат: «Что вы делаете?! Не имеете права!»

Хоронили Васю без почестей, положенных генералу. Собралось человек 30 казанских зевак с авоськами да кошелками. Несмотря на весну, в Казани не было цветов, а Вася их любил, я объехала цветочные магазины, купила цветы в горшочках. Медсестра Маша принесла куций искусственный венок. Ни одного военного! Только один мальчик пришел, курсант в форме летчика... Накрыли гроб какой-то пошлой тюлью, мне хотелось к Васе, сорвать ее, но одумалась: «Зачем? К чему? Кто это поймет?»...

— Подозреваете, что новая подруга Василия выполняла задание спецслужб? — спросила

журналистка.

— Утверждать не могу, но не исключаю этого.

Рассказ сына Василия Сталина А. В. Бурдонского в главном не отличался от версии его мачехи, хотя насчет вскрытия тела у них разночтения:

— Я не был с отцом близок особо, но на похороны в Казань я, конечно, приехал. Это был 62-й год. Там был такой чиновник из КГБ, кажется, и мачеха моя Капитолина Васильева, все его спрашивала: какой диагноз? Почему умер? Он отвечал что-то невнятное. Размягчение мозга... Пил...Упал и разбился на мотоцикле... Сердце... Никаких бумаг и документов нам не дали. Но за ним ведь тянулся шлейф того, что он пил. Поэтому легко говорить, что это естественная смерть. За год до смерти его смотрел Бакулев, знаменитый врач, который лечил его с детства. У него отец был вместе с моей сестрой. И когда отец переодевался после осмотра, Бакулев вдруг заплакал. И Надежда жутко перепугалась. Она в отличие от меня очень любила отца. А Бакулев говорит: подумать только, у него совершенно умирают ноги. И сердце, бычье сердце. У курильщиков такое бывает.

Когда мы приехали в Казань, он лежал еще даже не в гробу, и когда Капитолина подняла простыню, я сначала заметил, что вскрытие уже было сделано, но было странно, что у него синяки на запястьях. И лицо было разбито — будто он ударился перед смертью. Мне почему-то бросились в глаза эти синяки на руках.

Наручники? Не думаю. Впрочем, в России стольким царским детям помогали уйти из этой жизни...

Л. Тархова, записавшая беседу с А. Бурдонским, замечает, что никто из близких не поверил в естественность этой смерти. Уж слишком внезапной она казалась. Да и медицинского заключения сделано не было. До сих пор члены семьи убеждены, что ему

«помогла» уйти из жизни его четвертая жена, по слухам, агент КГБ, медсестра Маша, Мария Нузберг.

Они познакомились, когда Василий угодил из тюрьмы в госпиталь с обострением язвы. Маша последовала (была направлена?) за ним в Казань. Там она сумела зарегистрировать с бывшим пациентом брак, что по всем советским законам было невозможно: ведь Василий, как известно, до конца дней не был разведен с первой женой. По этой именно причине и Екатерина Тимошенко, и Капитолина Васильева официально зарегистрированы с ним не были и штампа о браке в паспорте не имели.

Четвертая супруга с чьей-то могущественной помощью этот штамп получила. Более того, Марии Нузберг удалось даже дать фамилию Джугашвили двум своим дочерям от прежнего брака. Василий их удочерил!

Из Москвы Василий уезжал в относительно добром здравии. За шесть месяцев медсестра Маша довела его до состояния полутрупа, это удостоверяет и сохранившаяся фотография Васи последних дней. Маша щедро колола ему (Светлана Аллилуева пишет в воспоминаниях, будто та сама в этом призналась) успокоительное — *«чтобы не буйствовал»*.

И, наконец, об изысканиях журналиста Д. Лиханова. Он тоже включился в поиск правды о последних днях Василия Сталина.

По его версии, в январе шестьдесят второго в Казани неожиданно появилась некая Мария Нузберг, о которой было известно, что ГБ привезла ее из Сибири специально для ухода за Васей и даже выделила ей отдельную квартиру. Более об этой Нузберг ничего не известно, однако совершенно очевидно, что она приехала в Казань и несколько месяцев жила на Гагарина, 105 по специальному заданию госбезопасности. И именно с появлением Нузберг сын

Сталина «заболел странной болезнью», от которой не оправился уже до конца своих дней.

«Тогда, в январе, — вспоминает последняя жена Василия Мария Николаевна, — я вынуждена была уйти от Васи. Эта Нузберг постоянно находилась в квартире, делала ему уколы». Супруге говорили, что это инъекции снотворного, однако когда она попыталась рассмотреть одну ампулу, медсестра тут же ее выхватила и раздавила ногой на полу.

«В марте мне на работу позвонила врач Барышева, — продолжает бывшая супруга Василия. — «Ваш муж очень плох. Он очень просит вас приехать». Я приехала. Ему и в самом деле было плохо.

Василий еще больше похудел и стал непохож на себя. Нузберг сидела тут же, не оставляла нас ни на минуту вдвоем. «Почему ты не позвонил сам?» — спросила я. «Я не мог. Меня не было». — «Как?» — «Меня увозили». — «Куда увозили?» — «Не имеет значения». Куда его увозили? Зачем? Что они там с ним делали? У меня не было ответов на эти вопросы, и никто не собирался мне их давать. А он лежал передо мной беспомощный, худой и страшный...»

17 марта Василия снова увозили в неизвестном направлении, а всего через два дня сын Сталина умер. Умер в возрасте сорока одного года. Пройдя через девять лет Лефортова и Владимирки, этот молодой, крепкий мужик в казанской ссылке «сгорел» подозрительно скоропостижно.

И последний штрих. Когда на Арском кладбище открыли гроб для прощания, жена не узнала Василия. Его лицо было синим от гематом, а нос — разбит. Она подумала: «Наверное, это кукла». Гроб опустили в могилу. Сверху приладили красный фанерный обелиск со звездочкой. Вместо имени — жестяная табличка с номером. Два года спустя друзья поставят здесь гранитный памятник с надписью «Единственному от М.

Джугашвили» и фотографией Василия на фарфоровой пластинке, однако через несколько дней кто-то расстреляет фотографию несколькими выстрелами в упор...

Кто же это — Нузберг? Как пишет Светлана Аллилуева, это «информантка из КГБ», приставленная к Василию под видом медицинской сестры. Именно она однажды вечером вошла в квартиру Василия и сказала: «Ты очень болен. Может, я смогу тебе помочь...»

Еще одна загадка Арского кладбища — кем установлен памятник Василию? Считалось, что он от медсестры Нузберг, успевшей зарегистрировать с ним брак. В первой главе я тоже говорил об этом. Но, по свидетельству С. В. Грибанова, у Нузберг был муж в Сибири, двое дочерей, которых тоже успели отнести на имя Василия Сталина и оформить юридически. Как же тогда понять надпись на плите «Единственному от М. Джугашвили»?

Вот что рассказывает по этому поводу Мариша, Мария Николаевна, невенчаная жена Василия: «Я никогда не говорила, что хочу поставить памятник. Еще когда Вася был жив, был у него товарищ, который часто приходил к нам, — Дмитрий Иванович. Вот он и говорит мне: «Ты памятник собираешься ставить? Тебе это будет дорого. Мы, Васины друзья, сами ему памятник поставим. Если хочешь, от твоего имени». Я отказалась. Но он настаивал, сказал, что все уже договорено. Через неделю позвонил мне: «Приходи, завтра ставим памятник»...

Мария Николаевна считает, что надпись «Единственному от М. Джугашвили» придумана удачно, ведь Нузберг тоже звали Мария.

Известный журналист Е. Додолев в газете «Совершенно секретно» (№ 4, 1994) обращался к Шелепину, Семичастному, оперативникам и разработчикам КГБ СССР и Управления КГБ по городу

Казани, которые имели отношение к делу Василия Иосифовича Сталина в 1953–1962 годах, к врачу Барышевой, к Марии Нузберг с вопросом: куда увозили сотрудники госбезопасности Василия и почему за два дня до его смерти он был зверски избит?

Ответа до сих пор ни от кого не последовало.

Безответным осталось и обращение к Рудольфу Пихое, занимавшемуся рассекречиванием архивных материалов.

Так и не ясно, почему комиссия по рассекречиванию архивных материалов «дела Василия Сталина» рассекретила их только часть, а именно страницы: 93–94, 113, 134–135, 151–172, 198–199?

До сих пор не рассекречены, а по некоторым сведениям, отсутствуют в деле страницы, где находится медицинское заключение о смерти Василия Сталина, а также оперативные и агентурные дела на него.

Юрист А. Сухомлинов считает, что, по нынешним российским законам, Василия Сталина нужно признавать жертвой политических репрессий и реабилитировать. За исключением, возможно, «уголовного эпизода», связанного с кражей «фуража» для индюков, голубей и кур.

И вот свершилось. Осенью 1999 года Военная коллегия Верховного суда России рассмотрела протест Главной военной прокуратуры на приговор, вынесенный в 1955 году генерал-лейтенанту авиации Василию Сталину по обвинению в антисоветской пропаганде и злоупотреблении служебным положением. Сына вождя полностью реабилитировали по политической статье 58–10 части 1 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»), сняв судимость за то, что он «высказывал клеветнические измышления в отношении высшего руководства страны по поводу организации похорон его отца».

В части обвинения в злоупотреблении служебным положением и преступной халатности Военная коллегия переквалифицировала статью 193-17 пункт «б» УК РСФСР на ту же статью, но пункт «а», который исключает «особо отягчающие обстоятельства» и подпадает под амнистию 1953 года. На этом основании Военная коллегия посчитала Василия Сталина «осужденным на 4 года лишения свободы и, в соответствии со статьей 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии, освобожденным от этого наказания». То есть, Василия Сталина полностью реабилитировали.

К таким результатам привело обращение большой группы его сослуживцев к Главному военному прокурору с просьбой о реабилитации своего бывшего командира.

Глава 4. ПЕРВЫЙ РАСКОЛ В РЯДАХ ПРЕЕМНИКОВ

Пророчество

Последние годы Сталин, собирая соратников в кабинете, ругая их за какие-нибудь просчеты, часто говорил:

— Что вы будете делать без меня? Вы же сами ничего не можете решить и сделать...

Смерть Сталина не могла не поставить перед его преемниками вопрос о том, как жить и действовать дальше.

По словам хрущевского зятя, Никита Сергеевич вспоминал, что в последние годы, а может быть, месяцы жизни Сталин говаривал: «Останетесь без меня — погибнете... Вот Ленин написал завещание и перессорил нас всех».

Почему Хрущев вспоминал эти слова, что стояло за ними? Предупреждал ли кого-то Сталин или в какие-то минуты реальнее представлял истинное положение дел в стране и, оглядывая свой жизненный путь, в чем-то раскаивался? Любые размышления тут могут строиться лишь на догадках. Многие в жизни Сталина было окружено тайной.

«Низкорослость» оставшихся соратников

Термин «низкорослость» применительно к наследникам Сталина ввел Д. Волкогонов. Действительно, после ухода с политической сцены двух гигантов большевизма, Ленина и Сталина, сразу стала видна историческая «низкорослость» оставшихся «соратников». Сталин не диктовал, как вождь октябрьского переворота, своего «Завещания», но оставил после себя могучую и загадочную империю. Суетившиеся вокруг умирающего диктатора пигмеи унаследовали гигантскую державу, которой они должны были управлять. Но, по большевистской традиции, должен быть обязательно первый вождь, а его не было...

Диктаторы не любят заранее назначать своих преемников, ибо им кажется, что они будут жить вечно. Отсутствие демократического механизма передачи власти всегда ведет к глухой, скрытой борьбе оставшейся без вождя верхушки. Так было и после смерти Сталина, хотя самым распространенным словом на заседании сталинского Президиума, решавшим вопросы похорон, было «единство», «монолитность ленинского руководства», «верность делу Ленина — Сталина».

С особой подозрительностью «единомышленники» приглядывались к связке Маленков — Берия. Не случайно после ареста Берии Маленков особенно беспокоился по поводу изъятия личных документов Берии, хранившихся в нескольких сейфовых шкафах. Там, как теперь стало ясно, находилось много записок, докладных Г. М. Маленкова Берии, которые могли

серьезно скомпрометировать одного из претендентов на высшие посты в партии и государстве.

При отсутствии очевидного «первого» вождя и традиционно безмолвствующем народе сталинские наследники, однако, понимали, что сохранить прежний ленинский курс и безграничный контроль над огромной страной можно только на основе дальнейшего повышения престижа и роли партии. Она и без того стала уже давно государственным образованием, но последние два десятилетия магическим средством тотального управления в стране было имя вождя, его «гениальные указания», «мудрые решения», «великое предвидение». Диктатора не стало. Было ясно, что равноценной ему фигуры нет. Все понимали, что так называемое «коллективное руководство» — в немалой степени фикция. Кто станет у руля партии, тот и будет очередным вождем.

Однако избрать генерального секретаря (должность, которую после 1934 года никто не упоминал, но и не упразднял) даже не пытались.

Освободившись от свинцового пресса Сталина, его наследники не спешили создавать нового вождя. И хотя Хрущева сделали председателем комиссии по организации похорон Сталина (у большевиков это всегда очень много значило!), прямо вручить ему власть над партией, а значит, и страной еще не решились. Поручили просто «сосредоточиться на работе в ЦК».

Его внешнее добродушие, мужицкая простота, открытое лицо с курносый носом и оттопыренными ушами, неподдельные веселость и энергия никак не вязались с обликом возможного очередного диктатора. Члены Политбюро (Президиума) так долго находились в объятиях трудно скрываемого постыдного страха, что им по-человечески хотелось иметь на «партийном деле» более податливого и покладистого соратника.

С марта по сентябрь 1953 года Никита Сергеевич Хрущев был просто одним из секретарей ЦК, «сосредоточенным» на работе в аппарате. После ареста Берии, в котором главную скрипку сыграл Хрущев, седьмого сентября этого же года его сделали Первым секретарем ЦК КПСС. «Бериевское дело» сразу же подняло его над товарищами по Президиуму. Именно здесь находится исток его грядущих бесстрашных шагов. К «Генеральному» секретарю возвращаться пока не решились. Этот уникальный должностной титул вручат спустя годы Брежневу.

Через много лет состарившийся в подмосковном дачном поселке Жуковка В. М. Молотов, один из несостоявшихся сталинских преемников, говорил:

— Я считаю, что Хрущев был правый человек, а Берия еще правее. Еще хуже. У нас были доказательства. Оба правые. И Микоян. Но это все разные лица. При всем том, что Хрущев — правый человек, насквозь гнилой, Берия — еще правее, еще гнилее. И это он доказал на германском вопросе. У Хрущева оказалась как раз жилка русского патриотизма, шовинизма русского, чего не оказалось у Берии, поэтому Хрущев и поддерживал меня по германскому вопросу.

Но он не революционер. В 1918 году только в партию вступил — такой активный! Простые рабочие были в партии. Какой же это у нас лидер партии оказался! Это абсурд. Абсурд.

Он на четыре года меня моложе, но он не был ребенком. Первая революция у нас была, Февральская, 1917 год. Активный человек, он был в Юзовке, а это меньшевистский центр...

Хрущев мог бы стать бухаринцем, а пошел в другую сторону, потому что нельзя. Хрущев по существу был бухаринец, но при Сталине он не был бухаринцем...

Роль Хрущева очень плохая. Он дал волю тем настроениям, которыми он живет... Он бы сам не мог этого сделать, если бы не было людей. Никакой особой теории он не создал в отличие от Троцкого, но он дал возможность вырваться наружу такому зверю, который сейчас, конечно, наносит большой вред обществу.

Хрущев, он же сапожник в вопросах теории, он же противник марксизма-ленинизма, это же враг коммунистической революции, скрытый и хитрый, очень завуалированный... Нет, он не дурак...

К оценкам личности Хрущева мы еще вернемся. Это очень острая и мало разработанная тема. А сейчас обратимся к тем дням, когда маленькие вожди остались без самого большого вождя.

По свидетельству Н. А. Мухитдинова, положение в высшем руководстве сложилось так, что партия не имела лидера — Первого секретаря, Секретариат ЦК не имел ведущего, поскольку все пять секретарей были равны, а Президиум ЦК оказался в руках Председателя Совета Министров и его заместителей.

Так партия без лидера действовала в течение семи месяцев. За это время скрытый раскол, негласное противоборство между руководителями в Кремле не прекращались, а постепенно углублялись.

— Спустя много лет, — рассказывает Нуриддин Акрамович, — мы с Андреем Андреевичем Андреевым, будучи в Индии, сидели лунным вечером на даче ее президента за прекрасным столом, беседовали и вспоминали прошлое.

Отвечая на мой вопрос, он сказал, что обстановка сразу же после смерти Сталина сложилась так, что три деятеля начали претендовать на лидерство: Маленков, Берия, Хрущев. Все они были близки к Сталину, пользовались его особым вниманием, но ни один не обладал необходимыми возможностями, как

субъективными, так и объективными, чтобы сразу же заменить Сталина.

После смерти Сталина Маленков, Берия, Хрущев, претендуя на его место, не имели серьезной программы действий, которую могли бы обнародовать, и просто дрались за личную власть. Ситуация сложилась так, что руководство, по существу, перешло к Маленкову, у Хрущева не было больших прав, и он не имел широкой поддержки снизу, а Берия шел напролом. Каждый из них, кроме голого карьеризма, обладал определенными силами. Вот и попробуй в такой суматохе верно определить, на какую лошадь делать ставку...

А. А. Андреев сформулировал коренной вопрос политической философии, на какую лошадь делать ставку. Самой агрессивной и опасной лошадью в предстоявшем забеге на короткую дистанцию был, безусловно, Л. П. Берия.

Уже на другой день после похорон И. В. Сталина кто-то позвонил в дверь Светланиной квартиры. Она открыла и увидела какого-то незнакомого грузина. Пригласила войти в дом. Едва переступив порог, он сказал: «Я Надирашвили! У меня есть документы, изобличающие Берию как врага народа! Я послал копии этих документов вашему отцу, но, к сожалению, слишком поздно! Помогите мне встретиться с Г. К. Жуковым или К. Е. Ворошиловым. Больше я никому не верю!»

Светлана вначале растерялась и вдруг вспомнила. Ей же называл эту фамилию отец! Совсем незадолго до своей смерти Сталин позвонил Светлане и спросил: «Это ты положила мне на стол бумаги Надирашвили?» Изумленная Светлана ответила отрицательно, и Сталин тут же положил трубку.

— Жукова я не знаю, — ответила Светлана. — Знаю только, что живет он на улице Грановского. А вот с Климентом Ефремовичем я поговорю и попрошу его

принять вас. Вот мой телефон, позвоните мне через день-два.

В тот же день Светлана позвонила супруге Климента Ефремовича Екатерине Давыдовне и попросила договориться с ним о встрече. Ворошилов принял ее тотчас. Но как только Светлана изложила ему суть вопроса, Ворошилов побледнел и закричал на нее:

— Как вы смеете клеветать на этого кристально честного человека!

На этом разговор и завершился. Светлана побрела домой, понимая, что эта история ничего хорошего ей не сулит.

Через день ей позвонил сам Лаврентий Павлович, справлялся, не нужно ли ей чего, просил звонить ему, не церемонясь, «как брату», и потом поинтересовался: не знает ли она, где сейчас обитает этот склочник Надирашвили?

Светлана, разумеется, этого не знала. Но на этом история не закончилась. Спустя несколько дней ее и секретаря парткома Академии общественных наук, где Светлана училась, пригласили в Комитет партийного контроля к его председателю М. Ф. Шкирятову.

— Что ж, ты, милка, связалась с этим склочником Надирашвили? — сказал он и объявил ей строгий выговор с занесением в личное дело, чем и поверг бедного секретаря парткома в состояние полной прострации, ибо он ничего не знал и не понял. А потом был арестован Берия. И снова Светлану пригласили вместе с секретарем парткома АОН в КПК, принесли ей извинения и сняли с нее партийное взыскание. И снова секретарь парткома изумился и ничего не понял.

Эту историю своему двоюродному брату Владимиру Аллилуеву рассказывала Светлана дважды, один раз еще в пятидесятые годы, а потом перед отъездом в США, когда жила у него со своей Ольгой. Владимир спросил у нее:

— А почему ты не рассказала об этом случае ни в первой, ни во второй своей книге?

— Еще не пришло время...

Этот звонок отца по поводу Надирашвили озадачил и сильно удивил Светлану и глубоко запал в память. Сталин ей сам никогда не звонил. Станный звонок...

Действительно, странный. Кто такой таинственный Надирашвили, какие бумаги сумел он передать Сталину, что в них было — этого, наверное, мы уже никогда не узнаем. Может быть, их постигла участь других документов, которые, как уверяют, были изъяты Берией во время болезни Сталина, когда Лаврентий Павлович один отлучался на несколько часов с Кунцевской дачи в Кремль.

Что мы знаем о Берии? Хрущевская пропаганда годами вбивала в головы обывателей стандартный стереотип кровавого монстра, палача и убийцы. Легковерные люди без труда поддались лжесвидетельствам и фальсификациям. И вот уже выросли поколения, убежденные в правоте оценок, рожденных в конкретных условиях конкретной борьбы между кремлевскими кланами.

Одним из первых, кто нарисовал отталкивающий образ бывшего хрущевского друга, был зять Никиты Сергеевича Алексей Аджубей. В книге «Те десять лет», изданной во времена горбачевской гласности, Аджубей пишет, что ему несколько раз приходилось видеть Берию вблизи. Слышал его выступление на торжественном заседании, посвященном 34-й годовщине Октябрьской революции. Говорил Берия хорошо, почти без акцента, четко и властно. Умело держал паузы, вскидывал голову, дожидаясь аплодисментов. Доклад ему составили нестандартно.

Внешне Берия — располневший, с одутловатым, обрюзгшим лицом — был похож на рядового «совслужащего» 30-х годов. Шляпа обвислыми полями

налезала на уши, плащ или пальто сидели на нем мешковато. Но за ординарной внешностью, по мнению Аджубея, скрывалась натура беспринципная, хитрая и безжалостная. Берии боялись все, и было отчего.

— Случилось в ту пору, — рассказывал мне Алексей Иванович, презентуя свою книгу, к выходу которой я, работая тогда в ЦК КПСС, имел отношение, — в моей жизни несколько странных событий, значение которых я понял позже. Моя мать шила платья жене Берии. Нина Теймуразовна, агрохимик, кандидат наук, ценила талант и деловитость матери, отсутствие навязчивой услужливости. Как-то Нина Теймуразовна обронила с ноткой сожаления: «Зачем Алеша вошел в семью Хрущева?» Мать расстроилась. Мы с Радой только что поженились и были, конечно, обескуражены. Тем более что из МГБ Никите Сергеевичу передали анонимку, в ней описывалась наша «болтовня» по поводу «красивой жизни» в семье Хрущевых. Никита Сергеевич дал нам прочесть анонимку, но не комментировал.

Из беседы с А. И. Аджубеем следовало, что «под колпаком» были не только квартиры, дома и семьи высших руководителей партии, правительства, вообще всех, кто интересовал Берию, но и служебные кабинеты.

После возвращения Никиты Сергеевича в 1949 году в Москву из Киева Берия стремился сблизиться с Хрущевым, завоевать его расположение. Случалось, поздней ночью поджидал его на шоссе по дороге на дачу, чтобы побеседовать. Если Аджубей возвращался с Никитой Сергеевичем, то приходилось пересаживаться в машину грозного человека. Усатый шофер даже головы не поворачивал в сторону хрущевского зятя. Сидел неподвижно, как сфинкс, и казалось, машина движется сама по себе. Пассажиры первой машины беседовали. Алексей Иванович не без юмора рассказывал, что ему оставалось разглядывать стволы берез, мелькавших по обочинам Успенского шоссе.

Березовые рощи в том районе Подмосковья — такие фотогеничные, их много раз снимали в разных фильмах... Однажды он не выдержал и спросил у шофера, можно ли закурить. Он не удостоил пассажира ответом, но как-то выразил запрещение. Может быть, движением офицерского погона с майорской звездочкой? И в самом деле, грешно было курить в автомобиле, пахнувшем свежей кожей.

Заговор против Берии

В январе 1998 года популярный еженедельник «Аргументы и факты» опубликовал в подборке необычных историй, когда-либо приключавшихся с читателями или услышанных ими, письмо москвича Ю. В. Земскова.

История, которую он описал, происходила с 5 по 8 марта 1953 года. Ее Земскову рассказал дед, в то время один из руководителей 4-го Управления МГБ СССР.

Как известно, в тот же день, когда умер Сталин, МГБ и МВД были объединены под единым руководством Л. Берии. Такая власть в одних руках не на шутку перепугала очень многих в Кремле, ведь никто в тот момент не знал, что у Берии в голове, на чем он остановится, да и будут ли вообще какие-то границы. И это при том, что главой государства стал Маленков, с которым у Берии были неплохие отношения.

Я не знаю, пишет Земсков, известно ли это, но руководство МГБ прощалось со Сталиным по ночам (с полуночи до пяти утра), так как в дневные часы из-за скопления людей сделать это было невозможно.

И вот, получив специальный пропуск, дед со своей семьей направился к главному входу. Неожиданно их попросили остановиться. Не успели они этому даже удивиться, как мимо в траурный зал быстро прошли Берия, его заместитель Кобулов, жена Берии и еще два-три человека охраны.

На выходе дед столкнулся со своим знакомым, сотрудником МГБ. Они постояли, покурили. Хотя курить можно было только в «предбаннике», пепельницы (в виде ромбов на высоких золотистых ножках) стояли и в коридоре, который вел в зал, где проходило совещание.

Через 2–3 недели под различными предлогами были тихо уволены все сотрудники, которые охраняли Колонный зал в те незабываемые три дня.

26 июня в Кремле арестовали Берию. Начались очередная чистка органов (к счастью, уже без расстрелов), бесконечные вызовы к руководству, объяснения и рапорты. Вызывали на Лубянку и деда Земскова. В коридоре он встретил знакомого, с которым курил в Колонном зале. И вот что тот рассказал.

Именно в тот день и в тот час, когда Берия появился в Колонном зале, его должны были устранить: бомба с дистанционным управлением была в одной из пепельниц. Но офицер не смог ее взорвать, когда Берия с охраной проходил мимо. Он лихорадочно «тыкал» кнопку на пульте, но она не срабатывала. Нет, техника не отказала. Надо было просто нажать кнопку и не отпускать ее 3 секунды. Тогда бы и прозвучал взрыв...

Много лет назад, пишет Земсков, он разговаривал об этом случае с Быстролетовым Дмитрием Александровичем. Он сказал, что также слышал эту историю.

Что показалось подозрительным Хрущеву в поведении Берии? На основании чего Никита Сергеевич пришел к заключению, что Берия вынашивает планы захватить власть?

Алексей Иванович Аджубей в своей книге приоткрыл краешек завесы тайны над мотивами упреждающего удара Хрущева.

Оказывается, Берия придумал хитрый ход с амнистией после смерти Сталина. Она касалась больших групп заключенных. Берию беспокоило, что он уже не был властен автоматически продлевать сроки заключения тем, кто был отправлен в лагеря в годы массовых репрессий и свое отбыл. Они возвращались по домам и требовали восстановления справедливости. А Берии было крайне необходимо вновь отправить в

ссылку неугодных, задержать оставшихся там. Тогда-то и начали выпускать уголовников и рецидивистов. Они тут же принялись за старое. Недовольство и нестабильность могли дать Берии шанс вернуться к прежним методам.

Такая вот мотивация предложенной Берией акции по амнистии, как написал Аджубей, «уголовников». Я прочел принятый по этому поводу Президиумом Верховного Совета СССР указ, проект которого был представлен ведомством Берии. Речь в указе шла об амнистии отбывавших наказание несовершеннолетних, женщин, у которых были грудные дети, а также беременных женщин. Освобождению подлежали в основном «бытовики», то есть получившие небольшие сроки за преступления бытового характера, виновные в дорожно-транспортных происшествиях, осужденные по пресловутому закону «о трех колосках», или, как бы сказали в брежневские времена, мелкие несуну.

И вот эти безобидные категории заключенных выдавались официальной хрущевской пропагандой за несметные полчища матерых уголовников, которые могли дестабилизировать общественный порядок в стране, что было бы выгодно Берии. Воспользовавшись беспорядками, он мог бы под возгласы одобрения ввести подчиненные ему войска государственной безопасности и внутренних дел в Москву, другие крупные города и установить личную диктатуру. То есть совершить переворот.

Что касается второго «компромата» на Берию, приведенного в книге хрущевского зятя, то он вообще смешон. Алексей Иванович приводит случай, о котором рассказала его теща. Дело происходило во время поездки Хрущева летом 1952 года на Кавказ. Отдыхал там и Берия. Он, конечно, приехал к Хрущеву. Пригласил посмотреть Абхазию. Поднялись на перевал, устроили завтрак на смотровой площадке неподалеку

от Сухуми. Синее море, золотая долина внизу. Берия раскинул руки и молвил: «Какой простор, Никита. Давай построим здесь наши дома, будем дышать горным воздухом, проживем сто лет, как старики, в этой долине». Никита Сергеевич спросил: «А стариков куда денем?» Спросил как бы вскользь, без упрека. Берия тут же, не задумываясь, ответил: «А переселим куда-нибудь...»

Проверял ли Берия настроения Хрущева? Или хотел в свой срок обвинить в безнравственности, настроить против него абхазцев? Теща рассказывала зятю, что Никита Сергеевич вернулся домой взбешенный.

Не мог не коснуться этой жгучей темы и мюнхенский перебежчик А. Авторханов. По его мнению, если бы Берия пошел на переворот, он бы победил. Москва была тогда окружена и оцеплена его полицейскими войсками. Берия легко мог занять один из постов Сталина — главы правительства, или главы ЦК, или даже оба вместе. По утверждению Хрущева, Берия дважды, сначала в 40-х, а потом в 50-х годах (после смерти Сталина) «делал маневры» стать во главе партии и государства. Если он от этого намерения отказался, то тут роль, вероятно, сыграли соображения чисто психологического порядка: после двадцатилетней тирании в СССР грузина Сталина другому грузину, чтобы занять его пост, надо было бы быть дважды Сталиным, а перед такой перспективой должен был спасовать даже Берия.

Авторханов называет и другую не менее вескую причину, в силу которой Берия не претендовал ни на один из бывших сталинских постов: профессиональный чекист Берия в глазах народа был не слугой Сталина, а суверенным соучастником, порою даже вдохновителем сталинских преступлений. Если бы Берия мог открыто заявить: «Я его родил, но я его и убил», — то еще неизвестно, как пошла бы дальнейшая история. Есть

очень серьезные основания думать, что он это и собирался сделать — и не на словах, как потом Хрущев, а на деле.

Однако, по верному замечанию Авторханова, Берия был не только полицейским. Как политик он был намного выше своих коллег и понимал, что Сталиным кончалась целая эпоха, что отныне стать великим и успешно править может только анти-Сталин. Действительно, выяснилось, что штыками можно завоевать и собственную страну, но управлять ею, вечно сидя на этих штыках, более чем неудобно. «Спуск на тормозах» — такой представлялась Авторханову политическая программа Берии.

Однако вернемся снова к хрущевской концепции необходимости устранения Берии. Как уже отмечалось, впервые эту концепцию огласил хрущевский зять А. И. Аджубей, подтвердив, что именно Хрущев принял твердое решение обезвредить Берию, не дать ему возможности захватить власть. На чем основано его убеждение? На рассказах Никиты Сергеевича, который, подчеркивает Алексей Иванович, когда эти тревожные недели миновали, не раз вспоминал, что и как происходило. Да, это — важное свидетельство. Не могли не видеть близкие, что перед самым арестом Берии Никита Сергеевич вдруг появлялся на даче в разгар рабочего дня и к нему в разные часы приезжали Молотов, Ворошилов, Маленков, Булганин, Микоян. Обычно Никита Сергеевич надолго уходил с приехавшим товарищем к реке.

Рассказывал Хрущев и о реакции на его предложение. Все высказывались за арест. Важно было согласие Маленкова и Молотова — позиция первого беспокоила Никиту Сергеевича. За многие годы Маленков и Берия притерлись друг к другу. Но Маленков был тверд, сказав, что объявит на заседании Президиума ЦК об аресте Берии. Никита Сергеевич

вспомнил, что, когда он начал разговор с Ворошиловым, тот поначалу стал расхваливать Берию. Когда же выслушал Никиту Сергеевича, расплакался. Он-де считал Хрущева чуть ли не другом Берию, видел, как тот обхаживает Никиту Сергеевича, и просто боялся за себя. Ворошилов готов был сам арестовать этого авантюриста.

Было еще одно обстоятельство, которое важно своими последствиями. Хрущев после смерти Сталина не был избран Первым секретарем ЦК. Как член Президиума ЦК Хрущев возглавлял работу Секретариата, однако в центре политического руководства страной стояли Маленков, Берия, Молотов. Они возглавляли и Совет Министров СССР.

К кому стремились старые коммунисты, большевики-ленинцы, вырвавшиеся из ссылок? Где, у кого рассчитывали найти понимание, поддержку, а главное, опору в своих убеждениях? У Маленкова, Молотова, которые работали рядом с Берией? Люди пробивались в ЦК. Там сосредоточивались чрезвычайно важные сведения, и Хрущев из первых уст узнавал подробности гибели многих коммунистов, в том числе и многих товарищей, которых знал лично.

Понимал, конечно, что может его ожидать при аресте Берию. Необходимо было проявить максимум выдержки до самого последнего момента. Осведомители Берию могли проникнуть всюду. Хрущев пошел на более рискованный шаг. Еще по Украине он знал Серова, заместителя Берию. Видимо, объяснился и с ним. Серов сдержал слово, и бериевских сторонников в МГБ изолировали. Аджубей оставлял в стороне мотивы, по которым он это делал, во всяком случае, важная часть рискованной операции была им выполнена. Существенно было и то, что Никита Сергеевич получил полную поддержку армии.

Генерал-майор контрразведки КГБ СССР В. Н. Удилов в то время был молодым лубяньским офицером. Как ему запомнились события тех смутных дней, арест главного чекистского божества?

— Политическая обстановка в стране после смерти Сталина требовала изменений, — говорит Вадим Николаевич. — Новые вожди во главе с Никитой Хрущевым решили выпустить из народа пар возмущения, приписав все грехи одному человеку. Такая тактика уже применялась при Сталине. Достаточно вспомнить судьбы наркомов НКВД Ягоды и Ежова. После смерти Сталина надо было отчитаться перед народом за промахи в периоды подготовки и ведения войны, за «ленинградское дело», за дело «врачей-вредителей», за тысячи и тысячи других незаконных дел. Конечно, лучшей фигуры, на которую можно было списать государственные грехи последних десятилетий, чем Берия, не было! Берия все знали как главу МГБ и МВД СССР. Конечно, он много знал о закулисной деятельности лиц из государственной верхушки. Они тоже знали или догадывались об имеющихся на них досье по ведомству Берии. Многие его просто боялись: неуравновешенность и жесткость характера Берии были общеизвестны. Многие были бы рады его исчезновению с политического горизонта. Подобное желание, видимо, появилось и у Хрущева. Исчезновение Берии — это возможность, с одной стороны, списать на него все грехи, убрать опасного соперника, расчистить себе путь к единовластию; с другой стороны, ликвидация Берии — это возможность отомстить за сына...

Да-да, генерал Удилов имел в виду родного сына Никиты Сергеевича Хрущева Леонида, к истории таинственного исчезновения которого мы обратимся в следующей главе.

Версия Д. Волкогонова. В составе Президиума ЦК после смерти Сталина остались в основном проверенные: Булганин, Берия, Ворошилов, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Хрущев да двое сталинских выдвиженцев — Первухин и Сабуров. Было ясно, что в этой десятке по крайней мере трое — Берия, Маленков и Хрущев — претендуют на безоговорочную первую роль. Уже поэтому можно было предсказать грядущую жестокую схватку (возможно, не единственную) за лидерство. Как заявил полтора десятилетия спустя один из соратников Хрущева, А. Н. Шелепин: «После Сталина пришел Хрущев. Тоже вождь. И психология вождя осталась». У него было много воли, чтобы стать первым.

Здесь и проявил себя в полном большевистском блеске Хрущев. Он, как и другие, понимал, что у Берии, которого боялись все, были главные козыри в виде всемогущего Министерства внутренних дел. Можно было ожидать самого худшего. И Хрущев начал смело действовать.

Уверен, выступив против Берии, Хрущев вначале попытался просто спасти себя и других членов Президиума. Ни одного намека протеста против сталинской системы в словах и действиях Хрущева до кончины вождя найти невозможно. Но политическая, дворцовая борьба имеет свою логику. Начиная борьбу с Берией, он был совсем не тем Хрущевым, который навсегда вошел в историю как первый советский лидер, бросивший вызов Сталину. Но, вероятно, его «заговор» против Берии и стал той начальной политической платформой, опираясь на которую он смог со временем нанести первый, но самый страшный удар по сталинскому тоталитаризму.

Хрущев, бывший обычным птенцом сталинского гнезда, раньше других стал понимать, сколь мрачным и зловещим оно являлось.

Важны для понимания расстановки политических сил в Кремле после кончины Сталина и высказанные в ряде бесед со мной на Старой площади суждения Д. Т. Шепилова. По мнению Дмитрия Трофимовича, Маленков не претендовал на первую роль в партии, он лишь председательствовал в тот период на совещаниях Президиума ЦК. Секретариат ЦК возглавлял Хрущев. Берия и Хрущев были несовместимы. У них были совершенно различные точки зрения на решение буквально всех вопросов. Например, Берия предлагал в Литве, Белоруссии и в других республиках провести полную национализацию руководящих кадров, убрав всех русских из органов управления, прежде всего из органов внутренних дел. Хрущев, наоборот, был категорически против, выражал недоверие национальным кадрам.

Еще одно свидетельство представителя старой кремлевской верхушки, работавшего при Сталине и Хрущеве. Вспоминает Н. А. Мухитдинов:

— В 1953 году Берия, сталкивая сподвижников между собой, заигрывая то с одним, то с другим, умело используя слабости каждого, сам в то же время продумывал и пытался осуществить планы общегосударственного масштаба. Долгое время занимаясь МВД и КГБ, Берия всюду расставил своих людей. До мозга костей был связан с разведкой и контрразведкой, досконально знал и мастерски умел осуществлять дискредитацию неугодных ему людей и, если нужно, уничтожение их, выдвигать и использовать в собственных интересах слабости лиц с темным прошлым.

Что было бы, если бы Сталин не умер столь внезапно? Назначил бы он своего преемника? Не будь он в бессознательном состоянии во время странной болезни, если бы она протекала в какой-то другой форме, сохранявшей ясный ум, может быть, соратники

услышали бы его мнение о престолонаследнике. Или запись с именем того, кто должен был его заменить, Берия изъял вместе с другими сталинскими документами? Увы, история не знает сослагательных наклонений.

— История действительно не знает сослагательных наклонений, — говорит представитель сталинской семьи Владимир Аллилуев. — Но я уверен, история страны пошла бы более праведными путями, если бы Сталину удалось провести свой поединок с Берией. И та команда «четырех» (Маленков, Берия, Хрущев, Булганин. — *Н. З.*), что собралась у оврага вождя, сколотилась не случайно, это были союзники Берии против Сталина. Их политические биографии, особенно у Маленкова, Хрущева и Берии, не раз пересекались, их связывали общие дела: Берия был назначен первым заместителем народного комиссара внутренних дел в 1938 году по рекомендации Маленкова; Хрущев вместе с Берией и Маленковым принимали самое активное участие в раскрытии «заговора» Вознесенского, Кузнецова и Родионова.

Эти люди, считает Аллилуев, отлично понимали, что в случае распоряжения Сталина об аресте Берии он потащит их всех за собой, общая опасность их объединила в тот момент накрепко. И они начали действовать, не теряя времени.

Логика умозаключений Аллилуева проста, но довольно убедительна. Для каждого из «четверки» Берия был человек опасный, и его стремление к личной власти могло стать общей катастрофой. Берию ненавидели и боялись все, и на его устранении можно было не только обрести внутреннюю устойчивость, но получить серьезный политический капитал, личный авторитет в партии и у народа. Сильный партийный контроль над государственными органами, в том числе и силовыми учреждениями, давал Н. С. Хрущеву

реальную возможность рассчитывать на успех. Здесь важно было точно найти время выступления — не опоздать, но и не проявить опасную торопливость, плод должен созреть и быть сорван внезапно.

У П. А. Судоплатова, тоже немало знавшего об интригах в кремлевских и лубяньских кругах, своя точка зрения. Оказывается, Хрущев был далеко не так прост, как казалось со стороны, он давно уже плел затейливую паутину своей собственной игры.

— Во время последних лет сталинского правления Хрущев использовал союз с Маленковым и Берией, чтобы усилить свое влияние в партии и государстве. Он добился редкой чести обратиться к XIX съезду КПСС с отдельным докладом по Уставу партии. Одержав победу над своими соперниками с помощью интриг, он расставлял своих людей на влиятельных постах. Редко замечают, что Хрущев умудрился в последний год правления Сталина внедрить четырех своих ставленников в руководство МГБ — МВД: заместителями министра стали Серов, Савченко, Рясной и Епишев. Первые трое работали с ним на Украине. Четвертый служил под его началом секретарем обкома в Одессе и Харькове.

Сразу после Пленума ЦК в апреле 1953 года Маленков потерял свое руководящее положение в аппарате ЦК КПСС. Таким образом, его положение в руководстве теперь полностью зависело от союза с Берией. Он не понимал этого и преувеличивал свой авторитет, все еще думая, что он второй после Сталина человек в партии и государстве и что все, кто вокруг него, включая Президиум ЦК, заинтересованы в хороших с ним отношениях. Однако после смерти Сталина поведение членов советского руководства стало более независимым, и каждый хотел играть собственную роль. Таким образом, возникла новая

обстановка, открывшая путь к восхождению Хрущева к вершинам власти.

А. Авторханов вообще отказывает Хрущеву в авторстве идеи десталинизации. Наоборот, поначалу тот был против развенчания сталинских методов управления страной. По мнению мюнхенского политолога, начало кампании по десталинизации и даже возникновение самого выражения «культ личности» ошибочно связываются с Хрущевым и XX съездом: впервые это выражение было употреблено через три месяца после смерти Сталина, когда Берия был фактически правителем страны.

Действительно, в редакционной статье «Коммунистическая партия — направляющая и руководящая сила советского народа», безусловно, напечатанной по решению Президиума ЦК, «Правда» от 10 июня 1953 года писала: «Пережитки давно осужденных партией антимарксистских взглядов на роль масс, классов, партии, элементы культа личности до самого последнего времени имели место в пропагандистской работе, проникли на страницы отдельных книг, журналов и газет». Статья констатировала: «Сила нашего партийного и государственного руководства в его коллективности», а «существо политики нашей партии изложено в выступлениях Г. М. Маленкова, Л. П. Берии и В. М. Молотова».

Эту скрытую антисталинскую программу Берии, несомненно, разделял и Маленков, но Хрущев был против нее, ибо она вела к популярности Берию и Маленкова, что не входило в его честолюбивые планы. Никакой собственной программы при этом у Хрущева не было, его только не устраивало создание новой «тройки» — Маленков, Берия, Молотов.

Как и всякому выученику Сталина, Хрущеву была важна не программа, сталинская или антисталинская, а

власть, важно было взять этот самый «руль партии и государства» из «тех рук» в свои собственные руки. Мы уже знаем: Хрущев этого потом добился, но добился благодаря тому, что никто из его коллег и не помышлял, что ему по плечу такая задача.

Но вернемся к Берии и культуре личности. Действительно, лучшее доказательство того, что первым инициатором курса десталинизации был Берия, кроется в идеологической жизни партии. Как только покончили с траурной тарабарщиной в марте, имя Сталина стало постепенно исчезать со страниц газет и журналов. Сочинения Сталина прекратили издавать — последним оказался том 13. Издания уже подписанных к печати следующих томов его Сочинений (14 и 15) приостановили, а потом вообще набор рассыпали. Если в апреле и мае в передовых статьях «Правды» все еще встречалось имя Сталина, то с конца мая по 29 июня на Сталина сослались только один раз! Зато после ареста Берии имя Сталина названо лишь за одну неделю 12 раз со всеми прилагательными в превосходной степени.

В фонде закрытого хранения библиотеки ЦК КПСС я наткнулся на бюллетень «Радио Свобода», в котором нашел распечатанный радиоперехват передачи «Новые сведения о деле Берии», прозвучавшей в эфире 27 января 1972 года. Вот цитата из той радиопрограммы.

«Берия, вероятно, понимал яснее и дальновиднее, чем его соратники в Президиуме ЦК, что вся эта система (сталинская) так или иначе обречена и что лучше всего взять инициативу в свои руки и опрокинуть эту систему. Но даже в таком случае можно сказать с уверенностью, что Берия не мог сам начать в 1953 году процесс десталинизации... По многим причинам можно предположить, что Маленков стоял на более умеренном, либеральном крыле партии, тогда как Хрущев в это время еще противился десталинизации».

На это указывают общеизвестные факты: 1) положение Хрущева усилилось после падения Берии (в сентябре Хрущев стал Первым секретарем ЦК), тогда как положение Маленкова ослабло; 2) в «Правде» определилась новая линия культа Сталина: главный редактор «Правды» Д. Шепилов стал союзником Хрущева как против курса Берии на десталинизацию, так и против либерального курса Маленкова в экономике с приоритетом развития легкой промышленности. Программа Маленкова о «крутом подъеме» потребительской индустрии, оглашенная им на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 года, сделала его весьма популярным в стране, что очень напугало Хрущева.

В том же плане десталинизации Берия начал пересмотр пресловутой «сталинской национальной политики». В национальных республиках приступили к ликвидации института вторых секретарей. Его создал Сталин. Он сводился к следующему: первый секретарь ЦК партии союзной республики назначается из националов, а второй секретарь ЦК — русский, прямо из Москвы. Ни языка, ни истории, ни культуры местного народа он не знает и знать ему не надо. Он глаза и уши Москвы против потенциального «сепаратизма». Лишь безнадежные донкихоты из местных первых секретарей могли всерьез воображать себя первыми. Такими были, например, Бабаев в Туркмении, Мустафаев в Азербайджане, Даниялов в Дагестане, Мжаванадзе в Грузии, которых ЦК поэтому снял. На самом деле первый — это второй, а номинальный первый секретарь — всего лишь национальная бутафория при нем. Это все знали, и к этому все привыкли. В национальных республиках были должности, которые вообще могли быть заняты только русскими или обрусевшими националами. Таковы должности командующих военными округами, начальников гарнизонов,

начальников пограничных отрядов, председателей КГБ республик, министров внутренних дел, управляющих железными дорогами и воздушными линиями, министров связи республик, директоров предприятий союзного значения, заведующих главными отделами ЦК.

Первые заместители председателей Советов Министров союзных республик и первые заместители всех министров, где министр не русский, тоже обязательно русские.

Берия понял и, вероятно, убедил других, что в интересах самой партии отказаться от этой уродливой великодержавной практики и взять курс на коренизацию партийного и государственного аппарата. Начали с Украины. Там тоже первым секретарем ЦК был русский Л. Мельников. Его заменили украинцем Кириченко. В Латвии второго секретаря ЦК В. Ершова заменил латыш В. Круминьш.

До других союзных республик очередь так и не дошла: 26 июня Берия арестовали. В числе прочего его обвинили в ставке на «буржуазных националистов», как примеры приводились Украина, Белоруссия и Латвия!

Вот эти два вопроса — десталинизация политической жизни вообще и национальной политики в особенности — были теми двумя китами, на которых Берия собирался строить свою новую программу.

И все же, претендовал ли Берия на высший государственный пост в стране? По рассказам близко знавшего лубянского министра и в итоге поплатившегося за эту близость 15 годами тюрьмы генерала П. А. Судоплатова, в апреле 1953 года в поведении Берии он стал замечать некоторые перемены. Разговаривая по телефону в присутствии Судоплатова, а иногда и еще нескольких старших офицеров госбезопасности с Маленковым, Булганиным

и Хрущевым, он открыто критиковал членов Президиума ЦК партии, обращался к ним фамильярно, на «ты».

Однажды, зайдя в кабинет к Берии, Судоплатов услышал, как он спорил по телефону с Хрущевым:

— Послушай, ты сам просил меня найти способ ликвидировать Бандеру, а сейчас ваш ЦК препятствует назначению в МВД компетентных работников, профессионалов по борьбе с национализмом.

Развязный тон Берии в общении с Хрущевым озадачивал: ведь раньше он никогда не позволял себе такую вольность, когда рядом были его подчиненные.

По словам П. А. Судоплатова, мингрельское происхождение Берии и раньше мешало его карьере, а в конечном счете оказалось роковым. Сердечной дружбе Берии и Маленкова наступил конец в мае 1953 года. Известный драматург Мдивани, лично знавший Берию, вручил начальнику его секретариата Людвигову письмо, в котором обвинял Маленкова, только что ставшего Председателем Совета Министров СССР, в том, что он в своем докладе на XIX съезде партии будто бы использовал материал из речи царского министра внутренних дел Булыгина в Государственной думе, когда говорил, что нужны новые Гоголи и Щедрины, чтобы поднять духовную атмосферу в обществе. Обвинение в таком заимствовании — речь шла о партийных документах — являлось серьезным делом, особенно во время борьбы за власть, обострившейся после смерти Сталина. Берия с возмущением приказал Людвигову списать это письмо и прекратить общение с «грузинской сволочью». Однако письмо в мае 1953 года из секретариата Берии было переслано в секретариат Маленкова — «сердечной дружбе» пришел конец.

В мае того же года Берия, используя свое положение первого заместителя главы правительства, без предварительного согласования с Маленковым и

Хрущевым, отдал приказ о подготовке и проведении испытания первой водородной бомбы.

Плод созрел

Обезвредить Берию было очень сложно. Он руководил гигантским аппаратом двух объединенных после смерти Сталина министерств — государственной безопасности и внутренних дел. Небывалая мощь тайных механизмов, пронизывавших все поры партийного и государственного управления, находилась в его руках. Осведомителями Берии кишели все учреждения, его люди были буквально везде — на дачах, в приемных, в гаражах. О всех сколько-нибудь подозрительных словах, не говоря уже о попытках действий немедленно доносилось шефу могущественной секретной службы.

Сговориться втайне оппонентам Берии было практически невозможно. Словно предчувствуя это, Лаврентий Павлович неотлучно находился в Москве. И тут, как всегда, на помощь заговорщикам пришел господин случай. О нем и поведал спустя три десятилетия сын Хрущева Сергей.

В июньские дни пятьдесят третьего года, за десять дней до ареста Берии, новому кремлевскому руководству пришлось столкнуться с первым серьезным кризисом. 17 июня в Германской Демократической Республике, в Берлине, начались волнения. Они быстро распространились и на другие районы страны. В Москве на эти события отреагировали мгновенно. На заседании Президиума ЦК было решено ввести в города советские войска, в первую очередь танки. В случае необходимости разрешалось применять оружие.

Представителем Советского правительства в Берлин командировали Берию, наделив его чрезвычайными полномочиями. В этом выборе, отмечает Сергей Никитич, просматривался мрачный юмор истории. Берия

после смерти Сталина выступал против поддержки образованной в 1949 году ГДР, предлагал уступить ее Западу. Здесь он столкнулся с Молотовым, энергично поддержанным Хрущевым. Они считали позицию Берии в корне неверной: социалистическая Восточная Германия будет служить привлекательной витриной, демонстрирующей преимущества социалистического образа жизни, своим примером увлечет пролетариат Западной Европы, и не только Европы.

И вот Берии решением Президиума ЦК вменили железной рукой навести порядок в оккупационной зоне. И он навел. Обстановка быстро стабилизировалась, на всех мало-мальски заметных перекрестках мятежных городов стояли танки, расчехленные орудия не позволяли сомневаться в серьезности намерений их экипажей.

В ряде мест прозвучали выстрелы, имелись убитые и раненые, оккупационная армия не шутила, требуя от поверженного врага безоговорочной капитуляции.

Восстание в ГДР и подготовка к аресту Берии столкнулись во времени. Командировка Берии в Берлин стала настоящим подарком судьбы для заговорщиков. В своих воспоминаниях Хрущев не раз останавливался на опасениях, что предпринимаемые ими усилия могли выйти наружу. Ведь все они, члены Президиума ЦК, являлись заложниками Берии, без службы охраны МВД никто из них и шагу ступить не мог.

В отсутствие Берии дела пошли живее. К его возвращению в Москву все было оговорено. Сомневался один Микоян. Именно утром 26 июня Хрущев предпринял последнюю попытку склонить его на свою сторону. Но безуспешно. По свидетельству Сергея Хрущева, Анастас Иванович на арест Берии согласия не дал.

О том, откуда и когда он узнал об операции по устранению Берии, рассказывает П. А. Судоплатов:

— 26 июня, возвращаясь с работы на дачу, я с удивлением увидел движущуюся колонну танков, заполнившую все шоссе, но подумал, что это обычные учения, плохо скоординированные со службой ГАИ. Когда я пришел на Лубянку на следующий день, то сразу понял: произошло что-то чрезвычайное. Портрет Берии, висевший у меня в приемной на седьмом этаже, отсутствовал. Дежурный офицер доложил, что портрет унес один из работников комендатуры, ничего не объяснив. В министерстве обстановка оставалась спокойной. Вопреки широко распространенным слухам не было издано никаких приказов о переброске войск МВД в Москву. Примерно через час меня вызвали в малый конференц-зал, где уже собрались все руководители самостоятельных отделов и управлений и все заместители министра, кроме Богдана Кобулова. Круглов и Серов сидели на председательских местах. Круглов сообщил, что за провокационные антигосударственные действия, предпринятые в последние дни, по распоряжению правительства Берия арестован и содержится под стражей, что министром внутренних дел назначен он. Круглов обратился к нам с просьбой продолжать спокойно работать и выполнять его приказы. Нас также обязали доложить лично ему обо всех известных нам провокационных шагах Берии. Серов дополнил Круглова, объявив, что остается на посту первого заместителя министра. Он сообщил также об аресте Богдана Кобулова, его брата Амаяка и начальника военной контрразведки Гоглидзе за преступную связь с Берией. Кроме них, сказал Серов, арестованы министр внутренних дел Украины Мешик, начальник охраны Берии Саркисов и начальник его секретариата Людвигов. Мы все были поражены. Круглов поспешил закрыть заседание, сказав, что доложит товарищу Маленкову: Министерство

внутренних дел и его войска остаются верны правительству и партии.

Судоплатов, по его словам, тут же позвонил секретарю партбюро 9-го отдела, вызвал его и проинформировал о том, что сказал им Круглов: Берия арестован как враг народа. Тот уставился на генерала с недоверием. Судоплатов призвал его проявлять бдительность, но сохранять спокойствие и предупредить членов партии, чтобы они не распространяли никаких слухов. Круглов, сказал Судоплатов, потребовал, чтобы арест Берии и его приспешников оставался в тайне до опубликования официального правительственного сообщения.

Судоплатов рассказывал, что список арестованных озадачил его тем, что в него попали не только большие начальники, но и простые исполнители вроде Саркисова, отстраненного Берией за три недели до своего ареста. После этого Саркисова назначили на должность заместителя начальника отдела по специальным операциям контрразведки внутри страны, но начальник отдела полковник Прудников отказался взять его к себе. Заместитель Берии Богдан Кобулов заявил Прудникову, участнику партизанской войны, Герою Советского Союза:

— Во-первых, кто ты такой, чтобы оспаривать приказы министра? А во-вторых, не беспокойся, Саркисов скоро уедет из Москвы. Твоей карьере он не угрожает.

Словом, было совершенно ясно, что Саркисов не в фаворе. Это свидетельствовало о том, что решение об аресте Берии было принято раньше, когда Саркисов был еще близок к нему, или же его принимали люди, не знавшие, что Саркисов снят с поста начальника охраны министра.

Берия был арестован по приказу Маленкова. Однако Судоплатов, по его словам, все же не мог себе

представить, чтобы Берия выступил против Маленкова, с которым был в доверительных отношениях. Как только 26 июня 1953 года Берию арестовали, все сотрудники его секретариата, знавшие о письме Мдивани, порочившем Маленкова, были немедленно арестованы и брошены в тюрьму. И лишь после падения Хрущева, одиннадцать лет спустя, их амнистировали.

Сам Н. С. Хрущев в своих «надиктовках» об операции по аресту Берии рассказывал так:

— Как мы и условились, я предложил поставить на Пленуме вопрос об освобождении Берии (это делает Президиум ЦК) от всех постов, которые он занимал. Маленков все еще пребывал в растерянности и даже не поставил мое предложение на голосование, а нажал сразу секретную кнопку и вызвал таким способом военных. Первым вошел Жуков, за ним Москаленко и другие. Жуков был тогда заместителем министра обороны СССР. К Жукову тогда у нас существовало хорошее отношение... Почему мы привлекли военных? Высказывались такие соображения, что если мы решили задержать Берию, то не вызовет ли он чекистов, охрану, которая была подчинена ему, и не прикажет ли нас самих изолировать? Мы оказались бы бессильны, потому что в Кремле находилось большое количество вооруженных и подготовленных людей Берии... Вначале мы поручили арест Берии Москаленко с пятью генералами. Он с товарищами должен был иметь оружие, а их с оружием должен был провезти в Кремль Булганин. В то время военные, приходя в Кремль, сдавали оружие в комендатуре. Накануне заседания к группе Москаленко присоединились маршал Жуков и еще несколько человек. И в кабинет вошло человек десять или более того. Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову: «Предлагаю вам как Председатель Совета Министров СССР задержать Берию». Жуков скомандовал Берии: «Руки вверх!»

Москаленко и другие обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал на подоконнике, у него за спиной. Я схватил Берию за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле. Потом проверили: никакого оружия там не было, ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал какое-то рефлексивное движение.

Далее события разворачивались следующим образом. Берию взяли под стражу и поместили в здании Совета Министров, рядом с кабинетом Маленкова. И тут же решили, завтра или послезавтра, так скоро, как это будет возможно, созвать Пленум ЦК партии, где поставить вопрос о Берии. Одновременно освободить от занимаемой должности Генерального прокурора СССР, потому что он не вызывал у заговорщиков доверия и они сомневались, сможет ли он объективно провести следствие по делу Берии.

Итак, Берию арестовали. А куда его девать? Министерству внутренних дел заговорщики не могли доверить его охрану, потому что это было его ведомство, с его людьми.

— Тогда его заместителями были Круглов и, кажется, Серов, — продолжал Хрущев. — Я мало знал Круглова, а Серова знал лучше и доверял ему. Считал, да и сейчас считаю, что Серов — честный человек. Если что-либо за ним и имелось, как и за всеми чекистами, то он стал тут жертвой той общей политики, которую проводил Сталин. Поэтому я предложил поручить охрану Берии именно Серову. Но другие товарищи высказались в том смысле, что нужно быть все-таки поосторожнее. Круглову мы все же не доверяли. И договорились, что лучше всего поручить это дело командующему войсками Московского округа противовоздушной обороны Москаленко. Москаленко взял Берию, поставил вокруг своих людей и перевез его

к себе на командный пункт, в бомбоубежище. Я видел, что он делает это, как нужно. На этом заседании закончилось...

В рассказе Н. А. Мухитдинова есть некоторые уточняющие детали. Как-то позднее они сидели в узком кругу, и Никита Сергеевич, будучи в хорошем настроении, откровенничая, рассказал, как изолировали Берию. По его словам, это была лично его идея. Вначале он рискнул поговорить об этом с Маленковым, хотя знал, что люди Берии следят за каждым членом руководства, разговоры подслушиваются. К тому же Маленков и Берия — давнишние друзья. Хрущев и Маленков обсудили этот вопрос шепотом в машине. Георгий Максимилианович, понимая страшную роль Берии, после некоторого раздумья все же согласился с доводами Хрущева. На следующий день состоялся конфиденциальный разговор с Ворошиловым, затем — с Кагановичем, который, выслушав, спросил:

— Кто еще поддерживает мнение Никиты Сергеевича?

Услышав ответ, дал согласие поддержать.

Булганин сразу же был решительно настроен на отстранение и изоляцию Берии. План обсуждения на Президиуме дела Берии и немедленного его ареста разрабатывался в строгой секретности. Было решено всю операцию осуществить силами военных, к ее подготовке был привлечен Г. К. Жуков, непосредственное руководство возглавил генерал К. С. Москаленко.

Как осуществлялась операция? В назначенное время члены Президиума ЦК вошли в зал заседаний. Когда одним из последних вошел и сел на свое место Берия, его охрана, прикрепленные и помощники, были тут же изолированы, эти помещения заполнили сотрудники спецгруппы во главе с К. С. Москаленко. В этот же

момент были заменены посты охраны на этажах и в Кремле.

Маленков открыл заседание Президиума и объявил:

— Давайте рассмотрим вопрос по товарищу Берии.

И дал слово Хрущеву. Тот прямо, открыто изложил суть дела. Когда Берия начал решительно опровергать сказанное, к обвинениям подключились и другие. Уяснив до конца степень опасности, Берия протянул руку к портфелю, лежавшему на столе. В эту секунду Никита Сергеевич быстро отобрал портфель, заявив: «Шалишь, Лаврентий!» Там оказался пистолет. После острых перепалок Маленков объявил:

— Давайте созовем Пленум и там все до конца обсудим.

Все, кроме Берии, согласились. Когда Берия выходил из зала заседания, прямо у дверей его арестовали и увезли.

Содержали его под стражей не в тюрьме КГБ или МВД, а в одном из абсолютно изолированных и незаметных помещений Московского военного округа. Никто и предположить не мог, что именно там сидит Берия.

Что касается дальнейшей судьбы Берии, то после окончания допросов, следствия, составления обвинительного документа полагалось начать судебный процесс, но тут возникла одна проблема. Оказалось, что если подсудимый имеет военный чин, то его может судить председатель суда, имеющий более высокий ранг или звание. А Берия был Маршалом Советского Союза и Героем Социалистического Труда. В связи с этим образовали «специальное судебное присутствие», которое возглавил маршал дважды Герой Советского Союза Иван Степанович Конев. Как завершился процесс, всем известно.

В пересказе хрущевской версии Мухитдиновым присутствует нигде больше не упоминающаяся деталь

— обнаруженный Хрущевым пистолет в портфеле Берии. Это — явное лжесвидетельство, поскольку ни один из причастных к аресту Берии генералов эту деталь не подтвердил. Наоборот, и Жуков, и Конев отмечали, что портфель, к которому инстинктивно потянулся Берия и который вырвал у него из рук Хрущев, был пуст. Никите Сергеевичу, наверное, несуществующий эпизод с пистолетом понадобился, чтобы подчеркнуть перед собутыльниками, какому риску он подвергался. Хотя знающие люди говорили мне, что Берия и стрелять не умел. Это прерогатива охраны, а не первого заместителя главы правительства.

Факт ареста Берии на заседании Президиума ЦК в Кремле подтвердил и В. М. Молотов:

— На Политбюро его забирали. Прения были. Маленков председательствовал. Кто взял первым слово, я уже не помню. Я тоже в числе первых выступал, может, я даже первый, а может, и второй. Заседание началось обычное, все были друзьями, но так как предварительно сговорились, что на этом заседании будет арест Берии, то формально так начали все по порядку, а потом, значит, перешли... Были и другие вопросы, какие, я сейчас точно не могу вспомнить. Может быть, с этого началось, начали с этого вопроса вне очереди, а вероятно, кто-то поставил вопрос: просто надо обсудить Берию, и тогда, значит, в числе первых я выступил: «Я считаю, что Берия — перерожденец, что это человек, которого нельзя брать всерьез, он не коммунист, может быть, он был коммунистом, но это перерожденец, это человек, чуждый партии». Вот основная моя мысль. Я не знал так хорошо прошлого Берии, разговоры, конечно, слышал разные, но считал, что он все-таки коммунистом был каким-то рядовым и наконец наверху где-то попал в другую сторону дела.

После меня выступил Хрущев. Он со мной полемизировал: «Молотов говорит, что Берия —

перерожденец. Это неправильно. Перерожденец — это тот, который был коммунистом, а потом перестал быть коммунистом. Но Берия не был коммунистом! Какой же он перерожденец?»

Хрущев пошел левее, левее взял. Я и не возражал, не отрицал. Это, наверное, правда была.

Берия говорил, защищался, прения же были. Выступал: «Конечно, у меня были ошибки, но прошу, чтоб не исключали из партии, я же всегда выполнял решения партии и указания Сталина. Сталин поручал мне самые ответственные дела секретного характера, я все это выполнял так, как требовалось, поэтому неправильно меня исключать...» Нет, он дураком не был.

Маленков нажал кнопку.

Берия и Маленков были друзьями. И к ним часто присоединялся Хрущев. Тоже хотел с ними быть.

Берия пришел на заседание, ничего не знал...

Против снятия Берии был Микоян, говоривший, что Берия — хороший работник и тому подобное. Видимо, боялся, что тот возьмет верх.

Комната была не оцеплена, но через комнату у Поскребышева сидела группа военных во главе с Жуковым. В комнате Поскребышева была приготовлена группа военных для ареста. Маленков нажал кнопку. Это был пароль. Маленков председателем был, ведал кнопкой. Вошли военные с Жуковым.

Маленков говорит: «Арестуйте Берию!»

Все изыскания историков по деталям ареста Берии, до того как после многолетнего молчания заговорил П. А. Судоплатов, сводились обычно к личности самого Берии. Судоплатов первым расширил диапазон проведенной операции за счет круга лиц, тоже подвергшихся арестам. Это свидетельствовало о том, что план устранения Берии тщательно обсуждался, в

нем предусматривались также меры по задержанию его ближайших сподвижников.

27 июня арестовали Богдана Кобулова. Это произошло в здании ЦК на Старой площади, куда его вызвали якобы для обсуждения кадровых назначений. Ставленника Берии министра внутренних дел Украины Мешика арестовали в помещении ЦК Компартии Украины.

Важную информацию два дня спустя после этих событий сообщил Судоплатову младший брат Константин, рядовой сотрудник Московского управления МВД. Его жена была машинисткой в секретариате Маленкова и работала в Кремле. От Константина встревоженный Судоплатов узнал, что Берия был арестован Жуковым и несколькими генералами на заседании Президиума ЦК партии и содержался в бункере штаба Московского военного округа. По ее словам, в Кремле в день ареста Берии царил нервная обстановка. Суханов, заведующий секретариатом Маленкова, распорядился, чтобы все сотрудники в течение трех часов — пока длилось заседание Президиума — оставались на рабочих местах и не выходили в коридор. От Константина Судоплатов также узнал, что в Кремле (вещь совершенно беспрецедентная!) появились более десяти вооруженных генералов из Министерства обороны, которых вызвали в Президиум ЦК КПСС. По приказу Серова и Круглова, первых заместителей Берии, охрана правительства передала им несение боевого дежурства в Кремле. Среди них был и Брежнев, заместитель начальника Главного политуправления Советской Армии и ВМФ. Арестованы были еще два сотрудника МВД, о чем никому не объявлялось: начальник управления охраны правительства генерал-майор Кузьмичев и начальник учетно-архивного спецотдела «А» генерал-майор Герцовский.

Информация брата, по словам Судоплатова, серьезно встревожила его: борьба за власть в Кремле приняла опасные размеры. При Сталине входить в Кремль с оружием было строго-настрого запрещено. Единственные, кто имел при себе оружие, были охранники. Какой прецедент создавал министр обороны Булганин, приведя группу вооруженных офицеров и генералов с оружием! Вооруженные офицеры ничего не знали о цели вызова в Кремль. Министр обороны распорядился, чтобы они пришли со своим личным оружием, но ничего не объяснил. А что, если бы офицеров со спрятанным оружием остановила охрана, у кого-то не выдержали бы нервы и в Кремле началась стрельба? Последствия могли быть трагическими. По Судоплатову, маршал Жуков услышал о плане ареста Берии всего за несколько часов до того, как это произошло.

Начальника секретариата Берии Людвигова арестовали на футбольном матче двое высокопоставленных офицеров оперативного управления МВД, поджидавшие его у выхода со стадиона «Динамо». Они официально объявили ему, что он находится под арестом, и отвезли в Бутырскую тюрьму. Позже, в тюрьме, он рассказал Судоплатову, что в тот момент решил: его арестовывают по приказу Берии, и поэтому был потрясен, когда через несколько дней на допросе следователи сказали ему, что он обвиняется вместе с Берией в заговоре против Советского правительства. Он подумал, не провокация ли это со стороны Берии, чтобы вырвать у него ложные признания и избавиться от него. Потом мелькнула мысль: раз он женат на племяннице Микояна, Берия, близко знавший Микояна и иногда ссорившийся с ним, хочет иметь на него компромат. Впрочем, достаточно скоро прокуроры убедили Людвигова в том, что

обвинения против него и Берии могут закончиться расстрелом обоих.

Начальника охраны Берии Саркисова арестовали в отпуске, и он также был совершенно уверен, что это сделано по приказу Берии.

Первый секретарь МГК КПСС и многолетний член Политбюро ЦК В. В. Гришин, оставив не по своей воле высокие посты в горбачевские времена, тоже нередко обращался к тем дням. Он провел за письменным столом немало часов, оставив ворох исписанных бумаг после своей скоропостижной смерти в узком коридоре московского райсобеса в ожидании приема по поводу пенсии. Эти бумаги потом рассортировал и подготовил к печати его бывший помощник в МГК Юрий Изюмов.

У Гришина сложилось впечатление, что Н. С. Хрущев страдал подозрительностью к людям, недоверием к работникам, боялся посягательств на его положение, на власть. По мнению Гришина, в какой-то мере этим объясняется факт ареста, осуждения и расстрела Берии. Хотя, конечно, он, может быть, больше других соратников Сталина повинен в массовых репрессиях, ибо возглавлял органы государственной безопасности. Но в осуждении его, несомненно, присутствовала и боязнь Н. С. Хрущева, что Берия мог оказаться наверху пирамиды власти. Никита Сергеевич не раз рассказывал, как после констатации смерти Сталина на Ближней даче в присутствии всех членов Президиума ЦК Берия, не поговорив ни с кем, вышел из комнаты, громко крикнул «Хрусталева, машину» и сразу куда-то уехал. Как предполагал Хрущев, в Кремль, искать, какие документы могли остаться после Сталина.

Видимо, уже тогда у Н. С. Хрущева утвердилась решимость устранить Берию. После похорон Сталина Никита Сергеевич начал переговоры прежде всего с Маленковым (тот был в дружбе с Берией), потом с другими членами Президиума ЦК. Он провел всю

подготовительную работу по обсуждению на Президиуме ЦК, аресту, осуждению судом военного трибунала Берию к высшей мере наказания — расстрелу. К этому были привлечены генералы К. С. Москаленко, П. Ф. Батицкий, которым вскоре были присвоены звания Маршалов Советского Союза, маршал И. С. Конев и некоторые другие.

В. В. Гришин занимал в 1953 году не очень высокий пост и потому не был приглашен в Кремль на открывшийся в начале июля Пленум ЦК КПСС, на котором рассматривалось дело Берию. Из здравствовавших до 1998 года участников Пленума был Нуриддин Акрамович Мухитдинов.

1 июля, вспоминает он, в Ташкент позвонили из Москвы и предложили в тот же день ему, а также другим руководителям республики Ниязову и Мельникову прилететь в Москву. Далее было сказано:

— Сообщите, каким рейсом прилетите, в аэропорту вас встретят и скажут, зачем пригласили.

Прилетели поздно вечером. Действительно, им тут же сообщили, что завтра, 2 июля, в 10.00 в Кремле в Свердловском зале откроется Пленум ЦК КПСС. Повестка дня будет оглашена при открытии Пленума.

И вот члены и кандидаты в члены ЦК, члены Центральной ревизионной комиссии и специально приглашенные собрались в зале. Члены Президиума ЦК заняли места в президиуме Пленума. Открывая его, Маленков объявил:

— На повестке дня один вопрос: «Дело Берию». Возражений нет?

Затем сообщил, что Президиум ЦК подробно рассмотрел и выявил множество вопиющих фактов нарушения Берией социалистической законности, уставных требований партии, злоупотребления служебным положением, самовольных действий, наносящих ущерб государству и народу.

Закончив речь, он предоставил слово Хрущеву. Никита Сергеевич рассказал о преступной деятельности Берии на протяжении ряда лет, о том, что Берия не только осуществлял массовые репрессии советских людей, но и в огромных размерах злоупотреблял служебным положением, что на деле граничило с уголовным преступлением, нанес огромный вред ключевым отраслям народного хозяйства, внутренней и внешней политике Союза ССР.

Эмоциональное выступление Хрущева было насыщено серьезными, конкретными примерами. В заключение он сказал, что Берия — враг партии и народа, замаскированный предатель, ему не может быть места в партии, в ЦК, государственных органах. Его место — в тюрьме.

Затем к трибуне подошел Н. Н. Шаталин. Он сообщил, что специальная комиссия обследовала рабочий кабинет Берии, приемную, дачу и квартиру, огласил результаты. Найдены документы, порочащие ряд деятелей, включая нескольких членов высшего руководства, другие секретные материалы, сведения особой важности, подлежащие хранению только в специальном архиве. Все это говорит о том, что Берия следил за другими членами руководства страны, накапливал доказательства для того, чтобы при удобном случае уничтожить этих людей. Говоря о моральном облике, нравственном уровне Берии, упомянул, что в его сейфах обнаружены дамские вещи, даже нижнее белье.

Разумеется, выступления вызвали глубокое возмущение. Раздался вопрос с места:

— Почему Берии нет здесь?

Председательствовавший Маленков ответил:

— После всестороннего обсуждения на Президиуме ЦК, во избежание провокаций и даже террора с его

стороны, Берию арестовали. Он сейчас находится в тюрьме.

По предложению руководства Пленум единогласно вынес решение о снятии Л. П. Берии со всех постов, исключении его из партии и передаче дела судебно-следственным органам.

Нетрудно заметить нотки недоброжелательности Н. А. Мухитдинова в адрес Берии. В трактовке узбекского партийного лидера негативных оценок очень много. Безусловно, трудно ожидать объективности от человека, который был снят по распоряжению Берии с поста Председателя Совета Министров Узбекской ССР и назначен министром иностранных дел этой республики. Произошло это в мае 1953 года. После ареста Берии Мухитдинов был восстановлен в прежней должности, но обида на кремлевского царедворца осталась на всю жизнь.

Для лубянских генералов никогда не было тайной, что за переворотом в Кремле стоял Хрущев и что арестовали Берию его люди, не Круглов и Серов, заместители министра внутренних дел, а военные, подчинявшиеся непосредственно Булганину, который, как было известно всем, являлся человеком Хрущева. В 30-х годах они вместе работали в Москве, Хрущев был первым секретарем МК и МГК партии, а Булганин — председателем Моссовета. Тот факт, что Берию держали под арестом у военных, свидетельствовал: Хрущев взял «дело» Берии в свои руки.

Судоплатов рассказывал, что военные, по приказу Булганина, пошли на беспрецедентный шаг и не позволили Круглову, новому министру внутренних дел, провести допрос Берии. Маленков, формально все еще остававшийся главой правительства, хотя и отдал приказ об аресте Берии, на самом деле уже мало влиял на ход событий. Будучи близким к Берии человеком в

предшествовавшее десятилетие, он, по существу, тоже был обречен.

Лубянские генералы в эпоху горбачевского правления намекали на существование писем, которые арестованный Берия адресовал из места содержания под стражей Хрущеву, Маленкову, Булганину, Кагановичу и Ворошилову. Мол, послания поступали еще в декабре 1953 года.

Такой информацией отставные генералы КГБ делились в связи с появившимися в перестроечной горбачевской печати публикациями о том, что суд над Берией был инсценирован, вместо него подсунули двойника, а самого его застрелили сразу же после ареста. По одной из версий, прямо на заседании Президиума ЦК КПСС.

Версии внесудебной расправы над отцом придерживался и его сын Серго Берия. Не изменил он своего взгляда и после распада Советского Союза.

— Ни в декабре, ни в ноябре, ни в октябре, ни в сентябре, ни в июле пятьдесят третьего года мой отец Лаврентий Павлович Берия ни писать «покаянных» писем рвавшемуся к власти товарищу Хрущеву, ни соответствующих показаний давать не мог, потому что **был убит 26 июня 1953 года в городе Москве без суда и следствия.** А было это так. Его вызвали в Кремль на заседание, но заседание почему-то отложили, и отец уехал домой. Обычно он обедал дома.

Далее, по рассказу С. Л. Берии, события развивались так.

Примерно в полдень в кабинете Бориса Львовича Ванникова, генерал-полковника, впоследствии трижды Героя Социалистического Труда, а тогда ближайшего помощника Лаврентия Берии по атомным делам, раздался звонок. Серго находился в кабинете Бориса Львовича — готовили доклад правительству о готовности к испытаниям.

Звонил летчик-испытатель Ахмет-Хан Султан, дважды Герой Советского Союза. С ним и с Сергеем Анохиным, тоже Героем Советского Союза, замечательным летчиком-испытателем, в те годы Серго вместе работал и сошелся близко.

— Серго, — кричит, — у вас дома была перестрелка. Ты все понял? Тебе надо бежать, Серго! Мы поможем...

У них действительно была эскадрилья, и особого труда скрыться, скажем, в Финляндии или Швеции не составляло. И впоследствии Серго не раз убеждался, что эти летчики — настоящие друзья.

Что налицо заговор против его отца, Серго понял сразу: что еще могла означать перестрелка в их доме? Об остальном можно было только догадываться. Но что значило бежать в такой ситуации? Если отец арестован, побег — лишнее доказательство его вины. И почему и от кого Серго должен бежать, не зная ни за собой, ни за отцом какой-либо вины? Словом, он ответил отказом и тут же рассказал обо всем Ванникову.

Из Кремля вместе с ним поехали к Серго домой, на Малую Никитскую. Это неподалеку от площади Восстания. Жила семья Берии в одноэтажном особняке еще дореволюционной постройки. Три комнаты занимал отец с матерью, две — Серго со своей семьей.

Когда они подъехали, со стороны улицы ничего необычного не заметили, а вот во внутреннем дворе находились два бронетранспортера. Позднее Серго приходилось слышать и о танках, стоявших якобы возле их дома, но сам он, по его словам, видел только два бронетранспортера и солдат. Сразу же бросились в глаза разбитые стекла в окнах отцовского кабинета. Значит, действительно стреляли... Охрана личная у отца была — по пальцам пересчитать. Не было, разумеется, и настоящего боя. Все произошло, как он понимал, неожиданно и мгновенно.

С отцом Серго и Ванников должны были встретиться в четыре часа. Не встретились...

Внутренняя охрана Серго с Ванниковым не пропустила. Ванников потребовал объяснений, пытался проверить документы у военных, но Серго уже понял все. Отца дома не было. Арестован? Убит? Когда возвращался к машине, услышал от одного из охранников: «Серго, я видел, как на носилках вынесли кого-то, накрытого брезентом...»

В Кремль возвращались молча. Серго думал о том, что только что услышал. Кто лежал на носилках, накрытых брезентом? Спешили вынести рядового охранника? Сомнительно.

Со временем он разыскал и других свидетелей, подтвердивших, что видели те носилки...

Совершенно невероятную, почти фантастическую историю рассказал С. П. Красиков. Она в значительной мере дополняет и развивает версию Серго Берии.

По словам этого офицера, в Кремль через Боровицкие ворота на очень большой скорости проскочили три машины с министром обороны маршалом Н. А. Булганиным и несколькими военными. Дежурный поста (ныне покойный) офицер Юрий Артамонов пропускать их без проверки (кроме машины с Булганиным) права не имел, и потому стал оправдываться, говоря, что он пропустил одетых в военную форму и имеющих право свободного проезда маршалов Булганина, Ворошилова и Берия. Но ответственный дежурный по ранним докладам знал, что Берия и Ворошилов находились в Кремле, и стал требовать от Артамонова исполнения инструкции табели поста и точного доклада. Артамонов вконец зарпортовался и убедительного объяснения найти не мог.

Три «ЗИЛа» с неизвестными военными на территории Кремля — дело нештучное. Ответственный

дежурный уже был готов объявить тревогу, как от генерала И. А. Серова последовал приказ тревоги не объявлять: проехали-де приглашенные на совещание Маршалы Советского Союза, список на пропуск которых дежурному скоро будет представлен.

Снятый за халатность Артамонов был снова поставлен на пост. Внутреннюю же кремлевскую охрану в здании правительства Кремля с постов сняли, загнали в караульное помещение, у входа в которое выставили офицеров контрразведки армии. Их же поставили на внутренние посты вместо снятых с постов чекистов. Заместитель председателя КГБ генерал армии И. А. Серов вошел в приемную кабинета Л. П. Берии и кинжалом перерезал телефонные провода.

После ареста Берии все спустились к автомашинам: Булганин, Маленков и Берия сели в автомашину Никиты Сергеевича.

За это время не подготовленные к постовой кремлевской службе армейские контрразведчики допустили ряд служебных нарушений пропускного режима, и их вновь заменили офицерами-кремлевцами. Вышел на выездной пост из Спасских ворот и Красиков. Только принял пост, видит, от здания правительства вдоль Кремлевской стены к нему бежит И. А. Серов. Тогда еще не было между Кремлевской стеной и зданием четырнадцатого корпуса разделительной металлической ограды и ворот.

Подбежал, командует:

— Отсеки машину охраны Берии от кортежа и прикажи вернуться в гараж.

— Они не исполнят моего приказа, товарищ генерал. Я остановлю, а вы приказывайте, что следует им исполнять.

Едва они успели обменяться тирадами, как из-за угла административного здания на бешеной скорости вылетело несколько правительственных автомобилей.

Машины прикрытия с асами-шоферами экстракласса, точно соревнуясь друг с другом в лихости езды и нарушениях правил дорожного движения, пытались сесть на хвосты автомашинам своих охраняемых.

Красиков, по его словам, включил зеленый свет на выезд, пропустил машину Хрущева и увидел в ней на заднем сиденье Никиту Сергеевича, Маленкова, Булганина, а на откидном стульчике в накинутом на плечи пиджаке Лаврентия Берию. Все четверо весело улыбались, точно только что услышали веселый анекдотец. Подняв жезл в положение «Внимание!», Красиков пригасил скорость автомашин, а автомашину прикрытия Берии, пытавшуюся на высокой скорости обойти колонну слева, остановил. Офицеры бериевской охраны покрыли его самыми непотребными словами, но шофер посадил машину на тормоза и получил строгий приказ И. А. Серова срочно вернуться в гараж особого назначения. Приказ был безоговорочно выполнен.

Не исключено, что мирно беседовавшие Хрущев, Маленков и Булганин проследовали на машинах во двор особняка Берии и там либо арестовали, либо уничтожили всесильного соперника. Ибо охрана Берии была Серовым отсечена. Но что именно они выехали из Спасских ворот вчетвером в одной машине, Красиков, по его словам, готов поклясться хоть перед Богом.

И еще одна странная история, тоже рассказанная С. П. Красиковым.

В середине 70-х годов он с женой Неллой Ивановной Счастной квартировал на берегу моря в Гантиади в особняке некоего Николая Федоровича. Заговорили об аресте Берии. По предположениям гостя, прикрепленные к Л. П. Берии Надарая и Саркисов, а также сын Серго были арестованы. Хозяин дома уверял, что он отлично знает всех троих, а с сыном Берии Серго даже водит дружбу. Более того, попросил Красикова принять участие в ленче, на который он назавтра

пригласил упоминаемых лиц. Красиков решил, что Николай Федорович его попросту разыгрывает, и с улыбкой предложение принял. Каково же было его удивление, когда в полдень названные лица явились, причем бывшие прикрепленные выглядели, как неподвластные времени люди, свежо и прекрасно, и только Серго Лаврентьевич Гегечкори (Берия) раньше времени оказался припорошенным снежком седины.

Николай Федорович потянул Красикова в компанию, но он от застолья предпочел отказаться. Ему сразу подумалось, что Надарая с Саркисовым стали бы уверять сына Берии в том, что-де не заметили, как из-под их наблюдения ушла машина с Лаврентием Павловичем, отлично зная, что оставили машину хозяина без охраны по приказу Серова. Добровольно отказаться от придуманной для них легенды они бы не посмели. Слишком многим они рисковали. Но ведь Красиков был живым свидетелем другого, о чем бы не преминул заявить. Поверил бы ему Серго? А если нет? В его глазах он бы выглядел последним лгуном, а в глазах бывших охранников шефа госбезопасности СССР Л. П. Берии — не иначе как предателем. Видя, что дело принимает дурной оборот, Красиков с женой ретировались.

Серго Лаврентьевич предположительно считает, что арест его отца произошел в особняке на улице Малой Никитской, куда члены Политбюро были приглашены его отцом на обед. Однако арест подозреваемого произошел далеко до полудня. Победители же, как известно, есть и пить из одной чаши, а тем более сидеть за одним столом с арестантами не рискуют. Скорее всего, кто-то из охраны воспротивился осаде бериевского дома или не поддался разоружению. Возникла перестрелка, в которой тот погиб и был унесен на носилках, прикрытых мешковиной.

Известно, что большинство офицеров бериевской охраны, расквартированной в особняке на Малой Никитской, накануне ареста хозяина были отправлены в отпуска и заменены на офицеров других служб. Но даже и те на короткое время были арестованы. Освободили их лишь спустя несколько месяцев. На докучливые вопросы сослуживцев, где они пребывали и что с ними произошло, они испуганно оглядывались и уходили от разговора.

Прошли годы. Сегодня уже всем ясно, что аргументация Н. С. Хрущева об упреждающем аресте Берии, который якобы готовил государственный переворот, неубедительна. П. А. Судоплатов был одним из первых, кто, вопреки сложившимся представлениям о Берии, доказал, что он не вступал ни в какие заговоры с целью захвата власти и свержения коллективного руководства. Для этого у него не было реальной силы и поддержки в партийно-государственном аппарате. Предпринятые им инициативы показывали, что он хотел лишь усилить свое влияние в решении вопросов как внутренней, так и внешней политики. Берия использовал свои личные связи с Маленковым и фактически поставил его в трудное положение, изолировав от других членов Президиума ЦК партии. Однако положение Берии целиком зависело от Маленкова и его поддержки. Берия раздражал Маленкова: в союзе с Хрущевым Берия поспешил избавиться от Игнатьева, человека Маленкова, который отвечал за партийный контроль над органами безопасности. Маленков, в свою очередь, переоценил собственные силы. Он не видел, что поддержка Берии была решающей для его положения в Президиуме ЦК. Дело в том, что Берия, Первухин, Сабуров и Маленков представляли относительно молодое поколение в советском руководстве. «Старики» — Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович, — лишённые Сталиным

реальной власти в последние годы его правления, враждебно относились к этому молодому поколению, пришедшему к власти в результате репрессий 30-40-х годов. Между этими двумя возрастными группами в марте — апреле 1953 года установилось зыбкое равновесие, но общественный престиж старших лидеров был выше, чем у Маленкова, Хрущева и Бери, которые в глазах народа являлись прислужниками Сталина, а вовсе не любимыми вождями.

Хрущев успешно маневрировал между двумя этими группами — он поддерживал Берию, чтобы ослабить Маленкова, когда Игнатъев оказался скомпрометированным после провала дела о «заговоре врачей». Поддерживал он его и тогда, когда надо было лишить Маленкова власти, которую давал ему пост секретаря ЦК. Хрущев вовремя воспользовался недовольством среди других руководителей, вызванным всплеском активности Бери, чтобы устранить его. В 1952 году был упразднен пост Генерального секретаря ЦК партии, это сделало Хрущева единственным членом Президиума ЦК КПСС среди секретарей ЦК. Для достижения высшей власти в стране ему необходимо было избавиться от Маленкова как от главы правительства и ЦК. Для этого нужно было разрушить альянс Маленков — Берия, который обеспечивал Маленкову реальную власть и контроль за работой партийного и государственного аппарата. Хрущеву необходимо было поставить во главе органов безопасности и прокуратуры преданных ему людей.

Архивные документы свидетельствуют, что Хрущев после ареста Бери перехватил инициативу. Под его нажимом Президиум ЦК снял генерального прокурора Сафонова и назначил на эту должность хрущевского протеже Руденко. Только что назначенному генеральному прокурору 29 июня 1953 года поручили расследование дела Бери. Чтобы представить себе, в

какой спешке оно проводилось, следует иметь в виду, что его вели в основном те же следователи, которые до этого занимались прокурорским надзором так называемого «сионистского заговора» и «дела МГБ». Собственно, лубянские генералы никогда не верили, что Берия организовал заговор, чтобы захватить власть.

После того, как об аресте Берии объявили официально и он был исключен из партии и назван врагом народа, состоялся партийный актив руководящего состава Министерства внутренних дел. По воспоминаниям присутствовавшего там П. А. Судоплатова, выступления Маленкова и Шаталина с объяснением причин ареста Берии для профессионалов, собравшихся в конференц-зале, прозвучали наивно и по-детски беспомощно. Аудитория молча выслушала откровения Шаталина о том, что для усыпления бдительности Берии Центральный Комитет сознательно пошел на обман, принимая заведомо ложные решения и отдавая соответствующие распоряжения. Все это было беспрецедентно. Все сидевшие в зале знали, что кремлевское руководство ни при каких обстоятельствах не приняло бы ни одной директивы для обмана членов партии даже ради самой благородной цели.

Судоплатов, по его словам, был тогда настолько наивен, что верил: при Сталине все было по-другому. Да и все полагали, что подобный цинизм невозможен. Шаталин между тем продолжал свое выступление. Он сказал, что руководство Центрального Комитета партии и товарищ Маленков вместе с прославленными военачальниками — он упомянул маршала Жукова и генералов Батицкого и Москаленко, которые помогли провести арест Берии, — совершили героический подвиг.

— Совсем непросто было спланировать и провести арест такого злодея, — сказал Шаталин.

Эйтингон, Райхман и Судоплатов, сидевшие рядом, обменялись многозначительными взглядами. Они сразу поняли, что никакого бериевского заговора не существует, был антибериевский заговор в руководстве страны.

В 1998 году полковник Первого главного управления КГБ СССР Владимир Леонидович Пещерский рассказывал автору этой книги под диктофонную запись, как проходило собрание актива внешней разведки с участием Хрущева летом 1953 года в многоэтажном клубе КГБ на Малой Лубянке.

Из воспоминаний В. Л. Пещерского. При появлении Хрущева и сопровождавшей его свиты офицеры у входных дверей вытянулись по стойке «смирно» и взяли под козырек. В просторном зале с высоким потолком Хрущев сразу же прошел в президиум собрания, не без суетоки заняли места другие члены президиума. Хрущев со знанием дела и видимым удовольствием повел заседание актива, успев во вступительном слове осудить людей, которые до этой минуты представляли основу, суть разведки.

Затем Хрущев предоставил слово Сергею Романовичу Савченко, руководителю внешней разведки. Савченко с 1922 года служил в органах безопасности, главным образом в пограничных частях и в высших погранучилищах. С 1949 года, с момента создания Комитета информации, занимал должность первого заместителя его председателя В. М. Молотова.

Догадываясь, что разговор будет трудным, но, не представляя даже приблизительно, насколько мучительным, Савченко по написанному тексту начал с привычного захода о подчиненности разведки народу и партии. Но Хрущев не намеревался слушать официальный, неизбежно скучный в таких случаях самоотчет. Развернувшись в сторону трибуны, он оборвал Савченко на полуслове.

— Ты вокруг да около не ходи. Скажи прямо, как с Берией дезинформировали правительство и партию, обманывали советский народ!

— Я прежде всего выполнял свой долг перед Родиной. Указаниям Берии следовал только потому, что он был наделен высшими полномочиями и курировал дела разведки. У меня не было оснований подозревать его в скрытом умысле.

Хрущев взорвался. Он никак не ожидал, что кто-то с самого начала примется возражать ему.

— Да как ты смеешь?! — Но через силу взял себя в руки и на полтона ниже продолжил. — Ты лапшу на уши не вешай! Скажи-ка честно своим товарищам, вот они в зале сидят, как разведку развалили, как в холуях у Берии ходил, как до такой жизни дошел?

Савченко нахмурился и уставился в доклад, намереваясь продолжить. Но Хрущев явно не желал слушать никаких объяснений.

— Чего там! — Хрущев махнул рукой. — Пусть выступает следующий.

Савченко сошел с трибуны, еще не зная, что он больше никогда не увидит этого клуба и закончит службу на низкой должности в системе госбезопасности Украины.

Вышел Арсений Васильевич Тишков. В годы войны он находился при штабе югославской Народно-освободительной армии как офицер связи и обеспечивал безопасность маршала Тито. Затем был резидентом внешней разведки в Будапеште. С 1951 года возглавлял одно из ведущих управлений разведки. Слушая его, Хрущев недовольно вертел головой и бросал в зал реплики.

— Все не то, все не о том.

Первый секретарь ЦК, чувствовалось, основательно подготовился к встрече и знал, кого и за что можно крепко прихватить.

— Ты лучше скажи собранию, — остановил он Тишкова, — смотрящим на тебя чекистам, как ты на сделку с совестью пошел и согласился стать личным представителем Берии при Тито?!

Тишков взглянул в зал, на разгоряченного Хрущева.

— Это не совсем так. Но кто рискнул бы тогда отказать в просьбе Берии? Утратить его доверие было равносильно вынесению смертного приговора.

Хрущев продолжал наседать.

— Вон ты какие песни запел. А о чем шептался с Берией, не забыл?

— Нет, Никита Сергеевич, я не трус и ничего не забыл. За ошибки готов ответить. А с Берией вел себя как офицер разведки.

Тишков обдумывал, что следует еще рассказать, но это за него решил Хрущев.

— Ты инструкции Берии помнишь? А ну ответь, как должен был внушить Тито мысль о том, что только с ним, с Берией, можно и надо вести дела в Советском Союзе. Молотов веса в советском руководстве не имел и потерял его доверие. Он бесперспективен и ориентироваться на него не следует. Так или не так было дело?

— Не знаю, кто составлял эту инструкцию, я ею не пользовался.

Тишков покинул трибуну. Назавтра он был смещен и назначен на новую должность — заместителя начальника разведывательной школы.

Хрущев выпускал далее на трибуну заместителей начальников управлений и руководителей отделов. Получив у него наглядный урок, кое-кто из них не стеснялся в выражениях, подменяя предметную критику бранью и сведением личных счетов. Хрущева забавляла эта ситуация, где он выступал высшим судьей. Вместе с тем он прислушивался к выступавшим,

стараясь почерпнуть новые сведения и понять этот сложный механизм, с которым столкнулся лицом к лицу.

Скоро в органах госбезопасности начались массовые увольнения, которые не миновали и разведку. Уволен был П. М. Фитин, с 1939 по 1946 год возглавлявший внешнюю разведку. После суда над Берией Хрущев не проявил никакого интереса к Фитину и даже не пытался восстановить справедливость. Последнему с большим трудом удалось устроиться директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы с заграницей, где он проработал до конца своей жизни. Фитин так и не добился генеральской пенсии из-за неполной выслуги лет и получал немногим более двадцати семи рублей в месяц. Под сокращение попала и З. И. Рыбкина (литературный псевдоним Воскресенская), отважная разведчица, не раз выполнявшая за кордоном сложные задания. Ее уволили из центрального аппарата и предложили возглавить в органах милиции Воркуты работу с малолетними преступниками. Имея звание полковника разведки, но ограниченную выслугу лет для получения соответствующей пенсии, она отправилась, можно сказать, на три года в добровольную ссылку. Подобные примеры были далеко не единичны.

Что они искали

Вскоре после ареста Л. П. Берии пришли и за его семьей. Сына Серго тоже доставили в Лефортовскую тюрьму.

В один из дней, когда его повели на допрос, в кабинете следователя он увидел Георгия Максимилиановича Маленкова. Член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР — в Лефортово... Зачем?

Говорили с глазу на глаз. Хотя Серго был уверен, что запись велась: все кабинеты тюрьмы были оборудованы соответствующим образом.

Маленков сразу сказал, что приехал сюда только из-за Серго.

Если коротко, разговор состоялся между ними такой. Маленков сказал: он и его коллеги считают, что как член партии и полезный член общества Серго просто обязан дать те показания, которые от него требуются. «Это нужно». Такие вещи, сказал он, в истории нашего государства уже бывали.

— Это позволит сохранить тебе жизнь и встретиться с семьей.

Арестант поблагодарил его за заботу, но сказал, что не может выдумать то, чего не было. Вымаливать себе жизнь ценой предательства отца и матери он не желает.

— Думаю, вы, Георгий Максимилианович, должны понять, что это было бы подлостью.

Маленков не стал продолжать разговор.

— Ты подумай... Я недельки через две-три еще заеду к тебе, и мы поговорим.

Маленков действительно приехал еще раз.

— Ну, как?

Помолчал.

— Хорошо. Может, в другом ты сможешь помочь? — как-то очень по-человечески он это произнес. — Ты что-нибудь слышал о личных архивах Иосифа Виссарионовича?

— Понятия не имею, — ответил Серго. — Никогда об этом дома не говорили.

— Ну, как же... У отца твоего тоже ведь архивы были, а?

— Тоже не знаю, никогда не слышал.

— Как не слышал?! — тут Маленков уже не сдержался. — У него должны быть архивы, должны!

Он явно очень расстроился.

Серго, по его словам, действительно ничего не слышал о личных архивах отца, но, естественно, если бы и знал что-то, это ничего бы не изменило. Все стало ему предельно ясно: им нужны архивы, в которых могли быть компрометирующие их материалы.

Серго слышал от отца, что Сталин держал в сейфе какие-то бумаги. Но его уже не было в живых, и где его личный архив, Серго не знал. Арестант ждал, что Маленков скажет дальше.

Тот поднялся.

— Ну, что ж, если ты сам себе помочь не хочешь...

Не договорив, повернулся и вышел.

Это была их последняя встреча. Больше Маленкова он никогда не видел.

А через какое-то время произошла самая настоящая детективная история, ставшая известной лишь узкому кругу лиц. Впервые я услышал ее от А. И. Аджубея.

Как-то Николай Александрович Булганин, в ту пору Председатель Совета Министров СССР, вернулся со службы домой, и его жена Елена Михайловна обрадованно сказала: «Коля, мы выиграли 100 000 рублей». Надо же такому случиться: Председатель Совета Министров выигрывает самую крупную сумму,

которая разыгрывалась в займах! Николай Александрович позвонил на службу и приказал привезти ему облигации данного займа У Елены Михайловны были записаны только номера и серии облигаций, а сами они хранились в сейфе служебного кабинета. Однако, когда проверили облигации, той, которая значилась в газете счастливой, в пачке не оказалось.

Булганин тут же позвонил Хрущеву и рассказал о странной пропаже. Никита Сергеевич порекомендовал сообщить по всем сберегательным кассам, чтобы задержать предъявителя. Через несколько дней в сберкассах на улице Горького явилась женщина. Ее поздравили с выигрышем, сказали, что день-два уйдет на экспертизу, так положено, а затем ей выплатят деньги. Назначили срок, когда прийти. Когда женщина явилась, ее задержали. Она назвала фамилию, имя и отчество человека, давшего ей облигацию. Тут же было установлено, что это помощник Маленкова.

Но как она попала к нему? Скоро все прояснилось. После ареста Берии именно помощнику Маленкова поручили составить опись всех предметов, хранящихся в многочисленных сейфах. Работа заняла у него не один месяц. Чего только не было в тех сейфах: косметика, отрезки тканей, драгоценности, рулоны картин выдающихся мастеров живописи, конфискованные в свое время у арестованных, оружие. Один из сейфов был туго набит облигациями. Помощник Маленкова признался, что, когда он переписывал час за часом, день за днем тысячи облигаций, его черт попутал. Несколько пачек бериевских, то есть теперь уже как бы ничьих облигаций он сунул себе в карман. Одна из них и оказалась выигрышной. Но одновременно и дважды уворованной.

Бериевские охранники, проверявшие телефоны, сейфы и кабинеты членов Политбюро ЦК партии,

конфисковывали для своего хозяина из этих сейфов все, что попадало под руку, в том числе пачки облигаций.

На Берию его соратники по Президиуму ЦК тоже собирали компромат. Выяснилось, например, что племянник жены Берии, некто Шавдия, был захвачен немцами в плен и действовал в качестве нашего агента-двойника, сотрудничая с гестапо в Париже. В 1945 году он вернулся в Москву, а затем уехал в Тбилиси. В 1951 году Сталин распорядился арестовать его за сотрудничество с нацистами и как одного из мингрельских националистов. Шавдия был приговорен к двадцати пяти годам лагерей строгого режима. Берия не освободил его из заключения, когда возглавил МВД, но родственная связь с осужденным преступником оставалась темным пятном в его биографии и таила в себе потенциальную опасность.

Странно, но такой выигрышный факт не был обнародован на июльском Пленуме ЦК, рассматривавшем дело Берии. Почему? Аналогичные обвинения могли быть предъявлены Хрущеву и Микояну? С родственниками у них тоже, как станет ясно в следующей главе, было не все гладко.

Много говорилось о том, что Берия был замаскированным английским агентом. Сегодня это обвинение вызывает разве что улыбку. Да и тогда умные люди не очень-то верили. Многолетний член Политбюро, первый заместитель главы правительства, заместитель председателя Государственного комитета обороны в годы войны, создатель советской атомной бомбы — и вдруг заурядный иностранный шпион?

С. Н. Хрущев однажды наивно спросил отца, как и какие секретные сведения Берия передавал англичанам? Отец замялся и ничего вразумительного не ответил. Сын Никиты Сергеевича не стал настаивать, решив про себя, что попытался выведать тайну, не

предназначенную для его ушей. Усомниться в прочитанном в те годы он просто не мог.

Его перестройка

На Пленуме ЦК 2 апреля 1953 года, когда еще не прошло и месяца после смерти Сталина, Берия обнародовал факты, что Сталин и Игнатьев злоупотребили властью, сфабриковав «дело врачей».

Игнатьев был человеком Маленкова. Его устранение после смерти Сталина как секретаря ЦК, курировавшего органы безопасности, устраивало Берию и Хрущева, но не устраивало Маленкова, который терял свою опору в Секретариате ЦК партии. Для Маленкова это было особенно опасно, так как в апреле 1953 года он отошел от работы в аппарате ЦК КПСС, будучи освобожденным от должности секретаря ЦК.

Поразительно, но материалы апрельского Пленума 1953 года содержат в основном все те сенсационные обвинения, которыми Хрущев в 1956 году удивил мир в разоблачительном докладе на XX съезде партии.

Не вдаваясь в оценку мотивов инициатив Берии в апреле — июне 1953 года, нельзя не признать, что в его предложениях по ликвидации ГУЛАГа, освобождении политзаключенных, нормализации отношений с Югославией содержались все основные меры «ликвидации последствий культа личности», реализованные Хрущевым в годы «оттепели». Стало быть, Хрущев просто-напросто позаимствовал новаторские идеи у Берии и выдал их за свои? Да еще автора этих идей объявил врагом и расстрелял? Получается, так.

Дальше. В течение суток с момента смерти Сталина Министерство госбезопасности и Министерство внутренних дел были объединены под единым руководством Берии. 10 марта 1953 года в министерстве были созданы четыре группы для

проверки и пересмотра фальсифицированных дел: «заговора врачей», «сионистского заговора», «мингрельского дела» и «дела МГБ».

Сообщение МВД для печати об освобождении арестованных врачей значительно отличалось от решения ЦК КПСС. В этом сообщении Берия использовал более сильные выражения для осуждения незаконного ареста врачей. Однако его предложения по реабилитации расстрелянных членов Еврейского антифашистского комитета были отклонены Хрущевым и Маленковым. Члены ЕАК были реабилитированы лишь в 1955 году. Предложения Берии по реабилитации врачей и членов ЕАК породили ложные слухи о его еврейском происхождении и о его связях с евреями. В начале апреля 1953 года Хрущев направил закрытое письмо партийным организациям с требованием не комментировать сообщение МВД, опубликованное в прессе, и не обсуждать проблему антисемитизма на партийных собраниях.

Мало кто знает, что 2 апреля 1953 года Берия адресовал в Совет Министров СССР докладную записку, в которой констатировал, что Михоэлс был оклеветан и злодейски убит по приказу Сталина группой работников МГБ, возглавлявшейся Огольцовым и Цанавой, куда входили еще пять оперативных работников. Он предложил отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении этих лиц орденами, а Огольцова и Цанаву, как исполнителей злодейской акции, арестовать по обвинению в убийстве. Однако Цанаву был арестован лишь полгода спустя, но не за участие в убийстве Михоэлса, а как «член банды Берии». Огольцова и его группу лишили наград, но под суд не отдали. Из партии Огольцова исключили только в 1954 году. За убийство Михоэлса по-настоящему никто не поплатился, если не считать того, что несколько человек должны были вернуть свои ордена.

Кстати, Берия выступил на Президиуме ЦК КПСС и представил на обсуждение проект более широкой амнистии для политических заключенных. Однако его предложения не были приняты. Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии касался всех лиц, включая и политзаключенных, осужденных на срок до пяти лет. Знаменательно, что Берия принял решение о передаче ГУЛАГа из МВД в Министерство юстиции и поставил вопрос о его ликвидации. После ареста Берии это решение было отменено.

Судоплатов, по его словам, был среди тех, кому Берия поручил подготовить докладные записки с детальным перечнем и анализом ошибок, допущенных партийными организациями и органами госбезопасности в борьбе с националистическим подпольем в Литве и на Украине. Он считал необходимым выдвигать местные кадры на руководящие посты, а на должности заместителей назначать людей славянских национальностей. В сохранившихся в архивах записках на имя Берии отмечались случаи ничем не оправданных депортаций и репрессий в отношении этнических групп, которые не занимались антисоветской деятельностью. Берия всячески настаивал на развитии традиций в области культуры и языка. В частности, его заботила проблема воспитания нового поколения национальной интеллигенции, для которой были бы по-настоящему близки социалистические идеалы. Берия предложил ввести в республиках собственные ордена и другие награды — это, считал он, поднимет чувство национальной гордости. Это предложение подверглось осмеянию на июльском Пленуме ЦК, где рассматривалось «дело Берии».

Безусловно, членов Президиума пугал нараставший поток докладных записок Берии, где излагался его реформаторский курс. Но возражать принципиально

они не смели, ибо все свои инициативы он заранее согласовывал с Маленковым, который и включал их для обсуждения в повестку дня. Так что на самом заседании Президиума ЦК можно было спорить только по мелочам или же просить на какое-то время отложить принятие окончательного решения. Именно так, например, удалось поступить с бериевской инициативой сократить налоги, взимаемые с колхозного крестьянства, и разработать систему мер по подъему сельского хозяйства за счет его материального стимулирования.

Вот так! А отмену налогов с крестьян иные историки приписывают Маленкову, ссылаясь на такой вот шедевр устного народного творчества: «Пришел Маленков — поели блинков». По-моему, поговорку от имени народа придумали эти самые историки.

После смерти Сталина Берия начал пересматривать главные задачи в работе за рубежом и внутри страны. Он круто взял инициативу в свои руки.

Намерения Берии в отношении Германии и Югославии отражали царивший при Маленкове разброд среди руководителей страны. Мысль об объединении Германии вовсе не принадлежала лично Берии. Это мало кому известно, но в 1951 году Сталин предложил идею создания единой Германии с учетом интересов Советского Союза. Проблема обсуждалась вплоть до строительства Берлинской стены в 1961 году. Министр госбезопасности Игнатьев еще до смерти Сталина утвердил специальный зондажный вопросник советских спецслужб за рубежом по этой проблеме. П. А. Судоплатов свидетельствовал, что перед самым Первомаем 1953 года Берия поручил ему подготовить секретные разведывательные мероприятия для зондирования возможности воссоединения Германии. Он сказал генералу, что нейтральная объединенная Германия с коалиционным правительством укрепит положение Советского Союза в мире. Восточная

Германия, или Германская Демократическая Республика, стала бы автономной провинцией новой единой Германии. Объединенная Германия должна была стать своеобразным буфером между Америкой и Советским Союзом, чьи интересы сталкивались в Западной Европе. Берия сказал: нам вообще не нужна постоянно нестабильная социалистическая Германия, существование которой целиком зависит от поддержки Советского Союза.

Была создана комиссия в составе Берии, Маленкова и Молотова для выработки политической линии по германскому вопросу. Комиссия должна была подготовить условия соглашения объединения Германии с учетом продления на 10 лет срока выплаты репараций в виде оборудования для восстановления промышленности и строительства автомобильных и железных дорог в СССР, что позволило бы решить транспортные проблемы и в случае войны быстро перебрасывать войска в Европу. Репарации составляли примерно 10 миллиардов долларов — это сумма, которую раньше Кремль рассчитывал получить в виде кредитов от международных еврейских организаций для восстановления народного хозяйства. План предусматривал укрепление позиции Советского Союза как в Восточной Германии, так и в Польше, где свирепствовавший в то время экономический кризис заставлял тысячи поляков бежать в Западную Германию. Вопрос о воссоединении Германии стоял остро, потому что Советскому Союзу приходилось снабжать по дешевым ценам сырьем и продовольствием и Восточную Германию, и Польшу, прежде чем коллективное сельское хозяйство и восстановленная промышленность в этих странах смогли принести свои плоды.

Ульбрихт вместе с другими руководителями ГДР в начале июня был вызван в Москву, где их

проинформировали о новом политическом курсе СССР в отношении Восточной Германии, одобренном Президиумом ЦК партии 12 июня. В связи с заявлением Молотова о том, что в то время ускоренное строительство социализма в Германии представлялось бесперспективным, Президиум принял решение «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». Этот документ обязывал руководителей ГДР Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта изменить направление своей политики и в какой-то степени отражал взгляды Берии. Сегодня имеются ссылки на это решение в ряде официальных публикаций, но сам документ не обнародован. 29 июня 1953 года, через три дня после ареста Берии, Президиум ЦК КПСС отменил свое решение от 12 июня по германскому вопросу.

Аналогичная история произошла и с Югославией. Берия убедил Маленкова в необходимости примирения с Тито. План ликвидации Тито был отменен. Но попытка примирения с Югославией не состоялась из-за ареста Берии.

Спустя годы

Прошло время. Улеглись страсти. Нет КПСС, нет КГБ, нет Советского Союза. Кем же был в действительности Берия — палачом или жертвой, зернышком между жерновами?

Говорит генерал В. Н. Удилов:

— У меня нет желания защищать его. Но квалификация юриста и историка обязывает скрупулезно разобраться во всех фактах преступной деятельности Берии с учетом сложности обстановки в стране в те годы.

С середины 50-х годов, да и в настоящее время, Берия обвиняется как один из создателей судебных «троек», как организатор массовых расстрелов государственных служащих, военных и других специалистов в 1937–1938 годах.

По мнению Удилова, кем-то допущена преднамеренная натяжка. Берия был назначен на пост наркома внутренних дел в конце 1938 года, и после ознакомления с делами и огромным хозяйством, приступил к работе в мае 1939 года. До этого он работал в Закавказье, никакого отношения к репрессиям в России, тем более в Москве, не имел. Следовательно, 1937–1938 годы с повальными арестами, истязаниями на допросах и массовыми расстрелами — дело других!

Если говорить объективно, следует отметить, что с приходом Берии на пост наркома НКВД, в 1939–1941 годах по его указанию было пересмотрено несколько десятков тысяч дел лиц, находившихся под следствием по статье 58 УК РСФСР (осужденных как враги народа, изменники Родины, шпионы, диверсанты, за антисоветскую агитацию и пропаганду).

В результате этого пересмотра несколько тысяч человек были тогда освобождены из-под стражи и вернулись к исполнению своих служебных обязанностей. Среди них были, например, будущие Маршалы Советского Союза Рокоссовский и Мерецков, генерал армии Горбатов, сотни других генералов и командиров Красной Армии. По указанию Берии из лагерей были освобождены и в начале войны направлены в Красную Армию 157 тысяч молодых узников. Многие из них стали потом Героями Советского Союза. В их числе писатель Герой Советского Союза Владимир Карпов.

Удилов отмечает также, что в сталинском окружении Берия выделялся энергией и деловитостью. Результаты деятельности многих членов Политбюро ЦК ВКП(б) известны и негативно оцениваются в обществе. Жданов «проявил» себя на поприще культуры и идеологии, Молотов — в дипломатии, Хрущев — в сельском хозяйстве, в управлении экономикой и многом другом. Но Берия, будучи ответственным за научные и практические разработки в области атомной энергии и ракетостроения, действительно потрудился немало, и без всяких кавычек! Он сумел привлечь лучшие научные силы страны. Использовал и возможности внешней разведки Советского Союза. Результат был налицо. Конечно, преступлений и ошибок у него было немало, но по сравнению с другими членами Политбюро он выглядел лучше. Во всяком случае лучше, чем Хрущев, и насильственной смерти, наверное, он не заслуживал.

А. И. Аджубей:

— Я хорошо запомнил странную фразу, брошенную однажды Ворошиловым на даче в Крыму, когда там отдыхал Хрущев, было это летом 1958 или 1959 года. Ворошилов приехал в предвечерье, погуляли, полюбовались закатом, сели ужинать. Ворошилов, как это с ним случалось, проглотил лишнюю рюмку горилки

с перцем. Он весьма жаловал забористый украинский напиток. Лицо покраснело, так и казалось, что его хватит апоплексический удар. И вдруг он положил руку на плечо Никиты Сергеевича, склонил к нему голову и жалостливым, просительным тоном сказал: «Никита, не надо больше крови...» Все поняли, о чьей крови он говорит. Отчего-то беспокоила Климента Ефремовича казнь человека, которого он ненавидел! В деле Берии могли быть страницы, не украшавшие самого Ворошилова.

С. Л. Берия:

— Отношения с партийными органами у отца всегда были непростыми. Я для себя решил этот вопрос несколько десятилетий назад, когда еще не считалось доблестью сжигать партийные билеты: категорически отказывался после заключения возвращаться в ряды партии. Отцу было сложнее: его высокие должности предполагали непременно членство в Политбюро...

Свидетельство? Безусловно. Но оно приобретает странный оттенок после знакомства с недавно обнаруженным в бывшем архиве ЦК КПСС документом, который для пущей убедительности привожу полностью.

Строго секретно

Решение

Комитета Партийного Контроля

30 октября 1958 г. (Пр. 3 1340 п. 5с)

Заявление Берия С. Л. (состоял членом КПСС с 1944 года, п.б. № 7102161).

(тт. Гуляевская, Бойцов)

Подтвердить решение Парткомиссии при Политическом управлении Министерства среднего машиностроения от 16.IV.1954 г. об исключении Берия С. Л. из членов КПСС за злоупотребление служебным

положением в корыстных целях: будучи главным конструктором КБ-1, добился обманном путем присвоения ему ученых степеней кандидата и доктора физико-математических наук, лауреата Сталинской премии и воинского звания — полковника.

СПРАВКА

БЕРИЯ Сергей Лаврентьевич, г. р. 1924, член КПСС с 1944 г., п.б. № 7102161, грузин, служащий, образование высшее. Во время привлечения к партийной ответственности находился в заключении.

19. II.1954 г. Партийной комиссией при политотделе 116 исключен из членов КПСС как сын врага народа.

16. IV.1954 г. Партийной комиссией при Политическом управлении МСМ исключение подтверждено как сына врага народа и проводившего в работе антипартийную линию.

Суть дела: Берия С. Л. при исключении из партии предъявлены обвинения в том, что он, пользуясь служебным положением своего отца, Берия Л. П., и будучи им назначен главным конструктором КБ-1, в целях личного возвеличения приписывал себе успехи коллектива научных работников КБ-1; раздувал мнимый авторитет иностранных специалистов и принижал роль советских ученых. При решении основных технических вопросов в КБ-1 отсутствовал обмен мнений и, как правило, за основу принимались только мнения иностранных специалистов. Партийные собрания не посещал, от жизни парторганизации оторвался. Всякая попытка критики деятельности С. Берия, а также лиц, лично ему преданных, приводила к увольнению с предприятия работников, критиковавших его.

В июле 1953 года Берия С. был арестован по обвинениям в том, что являлся участником антисоветской изменнической группы заговорщиков,

ставящей своей целью захват власти, ликвидацию советского строя и реставрацию капитализма.

В процессе следствия эти обвинения не подтвердились, но было установлено, что Берия С., используя служебное положение своего отца, обманным путем получил ученую степень кандидата, а затем доктора физико-математических наук, представив диссертационные работы, выполненные другими лицами.

Являясь главным конструктором конструкторского бюро при 3-м Главном управлении Совета Министров СССР, находившегося в то время в ведении Л. Берия, Берия С. незаконно получил в феврале 1953 года почетное звание лауреата Сталинской премии первой степени и денежную премию в сумме пятьсот тысяч рублей, из которых сто тысяч рублей отдал своему отцу.

Прокуратура СССР признала, что эти преступные действия Берия С. Л. подпадают под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27.3.1953 г. «Об амнистии», и на основании этого уголовное дело по обвинению Берия С. Л. производством прекратила. Одновременно поставила вопрос перед соответствующими учреждениями о лишении Берия С. Л. незаконно присвоенных ему ученых степеней кандидата и доктора физико-математических наук, почетного звания лауреата Сталинской премии и воинского звания полковника.

Решением Совета Министров СССР от 6. 2. 1958 г. Берия С. лишен ученых степеней, почетного звания лауреата Сталинской премии и воинского звания полковника.

По освобождении из заключения Берия С. переименовал свою фамилию на Гегечкори и отчество на Алексеевич.

В заявлении Берия просит разобрать его партийное дело и вернуть партбилет.

В настоящее время работает в г. Свердловске начальником лаборатории предприятия почт. ящик № 320.

Берия С. в июле 1956 г. был у члена КПК при ЦК КПСС т. Джурабаева М. Н.

Ввиду того, что Берия С. был исключен из партии в 1954 году в период нахождения его в заключении, инструктор КПК при ЦК КПСС т. Алферов в мае 1958 г. при командировке в г. Свердловск сообщил Берия С. о том, что он решением Партийной комиссии при Политуправлении МСМ в IV.1954 г. исключен из партии за злоупотребление служебным положением в корыстных целях, а также, что он лишен ученых степеней, почетного звания лауреата Сталинской премии и воинского звания полковника.

В настоящее время вызов его на рассмотрение дела считаем нецелесообразным.

Предложение:

Подтвердить решение Партийной комиссии при Политическом управлении МСМ от 16.IV.1954 г. — исключить Берия С. Л. из членов КПСС за отрыв от парторганизации и злоупотребление служебным положением в корыстных карьеристских целях: будучи главным конструктором КБ-1, добился обманном путем присвоения ему ученых степеней кандидата и доктора физико-математических наук, лауреата Сталинской премии и воинского звания полковника.

Инструктор КПК при ЦК КПСС Гуляевская

В 1998 году в Главную военную прокуратуру России обратились родственники Берии с просьбой о пересмотре его дела. О реабилитации просили и близкие его сподвижников, расстрелянных в декабре 1953 года в соответствии с решением Специального судебного присутствия Верховного суда СССР.

К высшей мере наказания тогда были приговорены министр госконтроля СССР Всеволод Меркулов, министр внутренних дел Грузии Владимир Деканозов, первый заместитель министра внутренних дел СССР Богдан Кобулов, начальник 3-го управления МВД СССР Сергей Гоглидзе, министр внутренних дел Украины Павел Мешик и начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР Лев Влодзимирский.

31 марта 1999 года Главная военная прокуратура вынесла свое заключение. Она не нашла оснований для реабилитации расстрелянных руководителей органов госбезопасности СССР, заявив, что «вина всех осужденных доказана, содеянное ими квалифицировано правильно, мера наказания соответствует характеру и степени общественной опасности совершенных преступлений, осуждены они обоснованно, а поэтому реабилитированы быть не могут».

Верховный суд России в мае 2000 года также не нашел оснований для реабилитации Лаврентия Бери. Что касается его сподвижников, то частично реабилитированы были Деканозов, Мешик и Влодзимирский. Из их обвинений исключили некоторые статьи, в том числе «измену Родине», «терроризм» и «контрреволюционную деятельность». По совокупности преступлений их приговорили к 25 годам лишения свободы каждого, исключив из старого приговора конфискацию имущества.

Глава 5. ВТОРОЙ РАСКОЛ В РЯДАХ ПРЕЕМНИКОВ

«Взвалить на мертвого...»

Заноза в памяти Сергея Хрущева: мемориальный номер журнала «Советский Союз». Он был переполнен фотографиями Сталина с подписями на разных языках.

Сигнальный экземпляр с очередной почтой из ЦК пришел отцу на квартиру в незапечатанном конверте и поэтому попал Сергею в руки первому. Содержание журнала соответствовало его настроению в те дни, и он сразу понес показать его отцу. Никита Сергеевич перелистывал фотографии, снова вернулся к обложке с красочным портретом Сталина, как бы взвесил журнал в руке и молча отложил. Сын ждал реакции. Отец молчал. Не выдержав, Сергей произнес какие-то слова восхищения в адрес публикации. Отец на его слова, казалось, не обратил внимания, и сын умолк.

Наконец он прервал паузу и, обращаясь, скорее, к себе, произнес, что выпускать журнал в таком виде не следует.

Удивлению сына не было границ, и он, конечно, любопытствовал:

— Почему?!

Никита Сергеевич еще немного подумал, видимо, подбирая нужные слова, но ничего вразумительного так и не сказал, ограничился общим замечанием, что многое предстоит еще осмыслить, а такой журнал, разошедшийся по всему свету, не сыграет положительной роли. Как позже признавался Сергей, он ничего не понял, удивился, но вопросов больше не задавал.

Еще одно удивление из этой же серии. Ю. Аксютин, кандидат исторических наук, установил, что 10 марта 1953 года, на следующий после похорон вождя день, Маленков пригласил на внеочередное заседание

Президиума идеологических секретарей ЦК М. А. Сулова и П. Н. Поспелова, а также главного редактора «Правды» Д. Т. Шепилова. Положив перед ними последний номер «Правды», он стал спрашивать, почему его речь на траурном митинге напечатана крупным шрифтом и заняла почти всю полосу, а выступления Молотова и Берии набраны обычным шрифтом и им отведено лишь по половине полосы. Строгое замечание: «Надо бы печатать одинаково». Затем он обратил их внимание на фотографию, помещенную на третьей полосе, с изображением Маленкова, сидящего между Сталиным и Мао-Цзэдуном: «Такого снимка вообще не было! Это произвольный монтаж из общего снимка, сделанного при подписании договора о союзе с Китайской Народной Республикой. И выглядит этот монтаж как провокация». Затем последовал перечень других нарушений: не полностью поименованы те, кто стоял в первом почетном карауле; из находившихся в последнем почетном карауле (а их список был утвержден в ЦК) не упомянуты члены Президиума ЦК товарищи Первухин и Сабуров; при описании почетного караула одни названы верными учениками и соратниками покойного, а другие — нет.

Общий вывод был таким: «В прошлом у нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности. И сейчас надо сразу поправить тенденцию, идущую в этом направлении. И в дальнейшем не следует цитировать только одного из выступавших на траурном митинге. Это было бы, во-первых, незаслуженно, а во-вторых, неправильно, ибо пахнет культом личности. Считаю обязательным прекратить политику культа личности!»

И по сей день не известно, сам ли Маленков был инициатором столь смелого почина или он действовал по совету Берии. Но несомненно, что давал он эти указания от имени всего Президиума, на котором они,

судя по всему, и обсуждались, и что само коллективное руководство мыслило себя абсолютно несовместимым с культом личности. С 20 марта Сталин перестал упоминаться в заголовках газетных статей, его почти не цитировали. Мало того, в апреле членов и кандидатов в члены ЦК начали знакомить с документами, свидетельствующими о роли Сталина в недавних репрессиях, о его требованиях к следователям ужесточить допросы. Но примерно через неделю чтение этих бумаг было прекращено. Успевшие с ними познакомиться высказывали тогда мнение, впоследствии подтвердившееся, что идея такого чтения принадлежала Берии.

Что предшествовало этим непонятным действиям, которые сразу же привлекли к себе внимание опытных аналитиков как внутри страны, так и за рубежом? Тональность публикаций «Правды» была своеобразным барометром, по которому судили о шкале менявшихся настроений кремлевской верхушки. Разумеется, эти тончайшие политические нюансы большинством населения огромной страны не были замечены.

Нарушим хронологию событий и дадим слово Н. С. Хрущеву. Фрагмент из его «надиктовок» о знаменитом «секретном» докладе на XX съезде КПСС, то место, где Никита Сергеевич поднимает занавес над тем, как он отважился выступить с разоблачением Сталина:

— Начался съезд. Я сделал доклад... Но я не был удовлетворен. Меня мучила мысль: вот съезд кончится. Будет принята резолюция. Все это формально. А что дальше? На нашей совести останутся сотни тысяч расстрелянных людей, две трети состава Центрального Комитета, избранного на XVII партийном съезде. Редко, редко кто удержался, а так весь партийный актив был расстрелян или репрессирован. Редко кому повезло, и он остался живым. Что же дальше?

Записка комиссии Пospelова, по словам Хрущева, сверлила ему мозг. Наконец он собрался с силами и во время одного из перерывов, когда в комнате президиума съезда были только члены Президиума ЦК, поставил вопрос:

— Товарищи, а как же быть с запиской товарища Пospelова? Как быть с расстрелами, арестами? Кончится съезд, и мы разъедемся, не сказав своего слова. Ведь мы уже знаем, что люди, подвергшиеся репрессиям, были невиновны, они не были никакими врагами народа. Это честные люди, преданные партии, преданные революции, преданные ленинскому делу строительства социализма и коммунизма в Советском Союзе. Люди будут возвращаться из ссылки, мы же держать их теперь не будем. Надо подумать, как их возвращать?

К тому времени еще не было принято решение о пересмотре дел и возврате заключенных домой.

Как только Хрущев закончил говорить, на него сразу все набросились. Особенно Ворошилов.

— Что ты? Как это можно? Разве можно все рассказать съезду? Как это отразится на авторитете нашей партии, на авторитете нашей страны? Это же в секрете не удержишь! И нам тогда предъявят претензии. Что мы можем сказать о нашей роли?

Очень горячо стал возражать и Каганович, с таких же позиций. По мнению Хрущева, это была не позиция глубоко партийного и философского анализа, а шкурная, личная. Это было желание уйти от ответственности. Если сделано преступление, то было желание замазать его, прикрыть.

Хрущев сказал:

— Это невозможно, даже если рассуждать с ваших позиций. Скрыть ничего невозможно. Люди будут выходить из тюрем, приезжать в города к родным. Они расскажут своим родственникам, знакомым, друзьям,

товарищам все как было. Достоянием всей страны, всей партии станет то, что те, кто остался в живых, были невинно репрессированы. Люди отсидели 10-15 лет, а кто и больше, совершенно ни за что. Все обвинения были выдумкой. Это невозможно.

Потом, сказал Хрущев, прошу подумать — мы проводим первый съезд после смерти Сталина. На этом съезде надо чистосердечно рассказать делегатам всю правду о жизни и деятельности партии, Центрального Комитета за отчетный период. Предстоит отчет за период после смерти Сталина, но мы, как члены Центрального Комитета, должны рассказать и о сталинском периоде. Мы же были в руководстве вместе со Сталиным, и как же мы можем ничего не сказать делегатам съезда? Съезд закончится. Делегаты разъедутся. Вернутся бывшие заключенные и начнут их информировать по-своему. Тогда делегаты съезда, вся партия скажут: позвольте, как же так? Был XX съезд — и там ничего не сказали. Вы что, не знали о том, что рассказывают люди, вернувшиеся из ссылки, тюрем? Вы должны были знать!

А что они могут ответить? Сказать, что ничего не знали, — это было бы ложью, ведь имелась записка П. Поспелова, и о ней знали многие. Знали, что репрессии были ничем не обоснованны, что это был произвол Сталина.

Ответом была опять очень бурная реакция. Ворошилов и Каганович повторяли в один голос:

— Нас притянут к ответу. Партия за это имеет право притянуть нас к ответу. Мы были в составе руководства, и если мы не знали, так это наша беда, но мы ответственны за все.

Хрущев сказал:

— Если рассматривать нашу партию как партию, основанную на демократическом централизме, то мы, как руководители, не имели права не знать. Я, да и

другие находились в таком положении, что не знали многого, потому что был установлен такой режим, когда ты должен был знать только то, что тебе поручено, а остального тебе не говорят, и сам не суй носа. Мы и не совали носа. Но не все были в таком положении. Некоторые знали, а некоторые даже принимали участие в решении этих вопросов. Поэтому здесь ответственность разная.

Короче, Хрущев был готов, как член Центрального Комитета с XVII съезда и член Политбюро с XVIII съезда, нести свою долю ответственности перед партией, если партия найдет нужным привлечь к ответственности тех, кто был в руководстве во времена Сталина, когда допускался этот произвол.

С ним опять не соглашались, возражали:

— Ты понимаешь, что будет?

Особенно крикливо реагировали Ворошилов и Молотов. Ворошилов доказывал, что нельзя, не надо этого делать.

— Кто нас спрашивает? Кто нас спрашивает? — повторял он.

Хрущев сказал:

— Преступление-то было. Надо нам самим сказать, что оно было. Когда тебя будут спрашивать, то тебя уже судить будут. Я не хочу этого, не хочу брать на себя такую ответственность.

Но согласия не было. Хрущев увидел, что добиться решения от членов Президиума Центрального Комитета не удастся. В президиуме съезда он эти вопросы не ставил, потому что не было договоренности внутри Президиума Центрального Комитета.

И тогда Хрущев выдвинул такое предложение:

— Идет съезд партии, во время съезда внутренняя дисциплина, требующая единства руководства среди членов Центрального Комитета и членов Президиума ЦК, уже не действует. Отчетный доклад сделан,

каждый член Президиума и член ЦК имеет право выступить на съезде и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой зрения отчетного доклада.

Хрущев, по его словам, не сказал, что выступит с таким докладом, но те, которые возражали, поняли, что он может выступить и изложить свое мнение по арестам и расстрелам.

Хрущев не запомнил точно, кто его поддержал персонально. Но думает, что это были Булганин, Первухин и Сабуров. Он не уверен, но думает, что, возможно, и Маленков поддержал его. Ведь он был секретарем ЦК по кадрам и его роль в этих вопросах была довольно активной. Он, собственно, помогал Сталину выдвигать кадры, а потом уничтожать их. Не говоря уже о том, что проявлял инициативу в репрессиях. В тех краях и областях, куда Сталин посылал Маленкова для наведения порядка, десятки и сотни людей были репрессированы и многие из них казнены. Вот до какого положения мы докатились, возмущался Хрущев.

Прямо противоположную точку зрения относительно XX съезда и секретного доклада на нем высказывает В. Ф. Аллилуев. Тогда он был курсантом, и в один прекрасный день офицеров и курсантов этого военного училища познакомили с секретным докладом Н. С. Хрущева.

— Помню, что уже тогда он не произвел на меня впечатления, многое мне уже было известно, я был уверен, что люди, которые сами усиленно создавали этот культ и были повинны во многих недостатках и преступлениях того времени, не способны ни бороться с культом личности как с явлением политическим, социальным и идеологическим, ни грамотно ликвидировать его последствия, ни вывести страну на качественно новые рубежи, преодолев ставшие узкими

рамки государственного социализма. А что касается всякой чуши и чепухи вроде того, что Сталин планировал военные операции по глобусу, что он был трусом и невеждой и тому подобное, то с этим примитивным поливом и спорить-то противно, поскольку клевета слишком явная, откровенная. Однако парадокс был в том, что XX съезд подтвердил правильность курса, по которому шла страна. Шла вопреки?... «Десталинизация» стала прологом будущего демонтажа социализма.

На взгляд В. Ф. Аллилуева, **XX съезд партии был вторым шагом по тому самому пути, который привел великую державу к катастрофе наших дней.**

Такого же мнения придерживается и известный писатель Владимир Крупин. В 1999 году он говорил:

— Доклад Хрущева на XX партийном съезде был вовсе не для того, чтобы разоблачить культ личности Сталина, а для того, чтобы свалить всю вину только на Сталина. Ворье закричало: «Держи вора!» Рыло у всех было в пуху, а уж у Никиты особенно.

Большие потери понесло мировое коммунистическое движение, в нем произошел раскол, от которого оно уже не смогло оправиться.

Н. А. Мухитдинов отмечает, что развенчание культа личности Сталина хотя и началось официально в феврале 1956 г. с доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, но это был, так сказать, пик тех процессов, которые вызревали в кремлевской верхушке. Симптомы изменения отношения к Сталину, переоценки его деятельности периферийные вожди почувствовали, находясь на Пленуме ЦК, состоявшемся через четыре дня после похорон Сталина, 14 марта 1953 года.

Вот несколько фактов. Иван Федорович Тевосян, крупный металлург, машиностроитель, бывший тогда заместителем Председателя Совета Министров,

министром СССР, кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, выступая на этом Пленуме и услышав в речи Маленкова слова о необходимости серьезного изменения и совершенствования работы всех звеньев партии и государства, созданных при Сталине, поднявшись на трибуну и стуча себя в грудь кулаком, с армянской эмоциональностью заявил:

— Никто не может вырвать из нашего сердца и памяти нашего дорогого учителя и великого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина!

Скоро он оказался в Токио, став советским послом в Японии.

Старейший большевик А. А. Андреев, услышав, что Маленков, будучи Председателем Совета Министров, одновременно возглавит Президиум (Политбюро) ЦК, приветствовал это, заявив, что Маленков — достойный преемник товарища Сталина. Тот немедленно подал реплику:

— Преемником является Президиум, теперь у нас коллективное руководство.

А Хрущев выразительно посмотрел на Андреева и следил за ним, пока тот не сел. Прошло немного времени, и А. А. Андреев, являвшийся тогда членом Президиума Верховного Совета, был освобожден от этой должности и стал советником Верховного Совета.

Второй виток невидимой для страны антисталинской кампании начался в 1955 году, когда в основном завершился первый этап расстановки и перестановки кадров в высшем звене. Никита Сергеевич задумал созвать XX съезд КПСС раньше уставного срока, чтобы закрепить там свое положение лидера партии, получить одобрение проведенной работы за последние два-три года и основных аспектов внутренней и внешней политики, а также значительно обновить состав ЦК и его Президиума.

Всесторонне обменявшись мнениями на Президиуме ЦК, решили созвать съезд в феврале 1956 г. Определили примерную повестку дня, после жарких споров предварительно договорились об оценке деятельности Сталина, о сборе и изучении документов о репрессиях 30-40-х годов с тем, чтобы, ознакомившись с ними, определить, кому, как и в каком объеме сказать о них на съезде.

Н. А. Мухитдинов отмечает, что идея созыва съезда с такой повесткой пришла в голову Никите Сергеевичу (как он рассказывал впоследствии в минуты откровенности в узком кругу) чуть ли не 8 сентября 1953 г., то есть буквально на следующий день после его избрания Первым секретарем ЦК. Так, без огласки, начал он готовить съезд.

Первоначально предполагалось, что секретарь ЦК КПСС П. Пospelов проинформирует XX съезд по этому вопросу. Затем стали говорить, что «рядового» секретаря ЦК маловато, что по этому вопросу должен выступить кто-то из членов Президиума ЦК. Говорили, в частности, что доклад должен сделать Сулов. Но в конце концов Никита Сергеевич сам выступил на съезде...

Все высокопоставленные деятели партии, которых я расспрашивал о подробностях, отмечали, как туго проходила подготовка и предварительное обсуждение материалов о культе личности Сталина в Президиуме ЦК. Представители «сталинской гвардии» возражали против представленного проекта доклада, считали, что он может вызвать нежелательную реакцию внутри партии и за рубежом. Докладчиком, как они предлагали, должен выступить кто-либо из секретарей ЦК, но не Первый. Никита Сергеевич настаивал на сохранении полного текста и на том, чтобы самому сделать доклад. Оппоненты продолжали упорно возражать, Хрущев проявил характер и заявил:

— В таком случае я беру на себя всю ответственность, сделаю этот доклад и оглашу документы о репрессиях, затрагивающие некоторых присутствующих здесь.

Понимая, естественно, о каких материалах и о ком идет речь, Маленков ответил:

— Мы тоже можем огласить документы, касающиеся тебя.

После небольшого перерыва состоялось новое обсуждение. В конце концов договорились о следующем. Никита Сергеевич, идя на уступки ради получения принципиального согласия, предложил:

— Давайте будем демонстрировать на съезде коллегиальность у нас в Президиуме и единство в руководстве. С этой целью переизберем всех присутствующих здесь членов Президиума ЦК, избранных на совместном совещании 4-6 марта 1953 года. Доклад по культуре личности сделаем закрытым, без иностранных гостей и приглашенных.

Согласились. Затем договорились, что обсуждения доклада о культуре личности не будет. Можно, мол, принять короткое решение, а потом, попозже, развернуть его в постановление ЦК КПСС.

Членам ЦК, которые должны были работать с иностранными делегациями, приглашенными на съезд, поручили сразу же после заседания встретиться с ними и перечислить основные положения доклада о культуре личности Сталина и о намечаемых в связи с этим шагах. Так относительно благополучно завершилась последняя часть подготовки съезда.

Все вопросы повестки дня съезда, включая выборы, прошли, как всегда, гладко, без каких-либо осложнений.

Наступил день 25 февраля, день закрытого заседания. Председательствовавший Булганин дал слово Хрущеву, объявив вопрос: «О культуре личности и

его последствиях». И сразу же в зале воцарилась тишина.

— Никита Сергеевич подошел к трибуне, уверенно начал говорить, — вспоминает Н. А. Мухитдинов. — В первом ряду, слева от Булганина, сидели Ворошилов и Молотов, а сразу за ними, во втором ряду — Жуков и я. Георгий Константинович нагнулся к впереди сидящим, и они шепотом фиксировали каждое отклонение от уже обсуждавшегося текста. Я сосредоточенно следил за реакцией зала, а также, естественно, внимательно и взволнованно слушал доклад.

По словам Мухитдинова, сначала делегаты слушали Хрущева в напряженной тишине. Но вот постепенно то в одном, то в другом месте зала начала проявляться реакция на услышанное — возгласы в виде поддержки, одобрения или возмущения, иногда вспыхивали аплодисменты. Никита Сергеевич много раз отклонялся от текста и говорил от себя. Именно эти моменты своей откровенностью и искренностью вызывали наибольшие эмоции. Наконец он закончил, и зал, находившийся в начале доклада в шоковом состоянии, теперь аплодировал ему. Договорившись о том, что сейчас нецелесообразно проводить обсуждение, приняли документ: постановление XX съезда КПСС по докладу Н. С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях».

В конце восьмидесятых годов в Центральном партийном архиве (ныне РЦХИДНИ — Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории) я читал рукописный вариант доклада «О культуре личности и его последствиях», подготовленный П. Н. Поспеловым. И тут объявился человек, заявивший, что он был причастен к обоим докладом Хрущева на XX съезде — отчету ЦК съезду и к докладу о культуре личности. Имя этого человека — Шепилов. Кто же из них готовил доклад — Поспелов или Шепилов?

— До съезда капитального обсуждения доклада не было, — рассказывал мне Шепилов во время одной из наших вечерних встреч на Старой площади. — Это точно. Говорили об этом — да, но возможность выйти на съезд с докладом многих просто пугала. Я действительно принимал участие в написании части этого доклада. Это было так. Я выступил в прениях по отчету ЦК на второй день работы съезда, значит, 15 февраля, так? После выступления я сел в президиуме, у колонны справа. Подошел Хрущев: «Я с этими (Молотовым, Кагановичем...) ничего не могу сделать, а выступить все-таки хочу с развенчанием культа. Поможете?» Я кивнул. «Тогда поедем!» Дело в том, что еще до съезда в личных беседах мы много обговаривали этот вопрос по всем параметрам. Я его полностью поддерживал. Хрущев высказывался о сталинских репрессиях откровенно, с ненавистью, говорил о необходимости реабилитировать миллионы людей. Когда мы приехали на Старую площадь, Никита Сергеевич оставил меня в моем кабинете, где я два с половиной дня сидел и писал. При этом, когда я спросил, что он считает нужным написать, коротко бросил: «Мы все с вами обговорили. Действуйте!» Он дал мне полный карт-бланш.

По словам Шепилова, он написал текст на листах бумаги. При этом никаких особых материалов у него под рукой не было, только текст Пospelова. Рукопись отдал Хрущеву, а сам поехал на съезд. Когда он потом читал доклад, Шепилов находил в нем целые абзацы. Но текст кто-то перелопатил. Кто делал окончательный вариант? Сам Хрущев?... Тогда это были диктовки, ибо Никита Сергеевич сам никогда не писал: у него были трудности с орфографией, и он это знал. Шепилов вспомнил забавный эпизод: он видел всего одну его надпись на документе в таком варианте: «Азнакомица».

Может быть, компоновали доклад помощники Хрущева — Лебедев, Шуйский? Неизвестно.

И хотя Шепилов скромно просил меня не делать его соавтором Хрущева, в архиве не удалось обнаружить ни рукописи Шепилова, ни даже машинописного текста.

Ушедшему в 1990 году в отставку с поста первого заместителя председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобкову тоже часто вспоминалось то время. Вглядываясь в пятидесятые годы с высоты девяностых, осмысливая причинно-следственные связи бурных событий, свидетелем или участником которых он был, Филипп Денисович искал ответы на мучавшие его вопросы. Почему распался Советский Союз? В чем причина краха Коммунистической партии?

Бобков прекрасно понимал, какую внутреннюю борьбу пришлось выдержать Хрущеву, прежде чем он решился на низвержение божества, чего ему стоило выйти на трибуну XX съезда! Филипп Денисович в числе немногих сотрудников госбезопасности оказался в Колонном зале, когда там устанавливали гроб с телом Сталина. По прошествии времени забылось, были ли там все члены комиссии по организации похорон, но молодому лубянской офицеру очень хорошо запомнился плачущий Хрущев. Плакали все, но Никита Сергеевич рыдал особенно безутешно.

Бобков верил в искренность тех слез так же, как верил и в его желание открыть народу всю правду о злодеяниях Сталина, снять с партии тяжелый груз прошлого и начать новую жизнь.

Не все тогда шло гладко. Идеи XX съезда с трудом пробивали дорогу. В одних кругах они находили широкую поддержку, в других встречали сопротивление, чаще всего скрытое, подспудное. Немало было руководителей во всех областях хозяйственной и политической жизни, не исключая ЦК партии и КГБ, которые не могли принять и не

принимали критику Сталина. Это объяснимо. Сталин являлся символом величия государства для подавляющего большинства населения страны и далеко за ее пределами.

Понимая шаг Хрущева и одобряя его, Бобков вместе с тем полагает, что последующие действия необходимо было тщательно продумать, чтобы не вносить сумятицу в умы людей и не раскалывать общественное мнение.

Прежде всего из доклада не следовало делать тайну для советских людей. Он ведь так и не был обнародован в Советском Союзе, хотя неоднократно публиковался на Западе. Причины порождения культа, по сути, не подвергались серьезному анализу, развенчивание его ограничивалось констатацией самого явления, что, безусловно, не способствовало извлечению уроков и выработке мер, которые препятствовали бы созданию новых культов.

Еще до XX съезда началась реорганизация спецслужб, созданных при Сталине. В марте 1954 года был образован Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР. Его председателем назначили И. А. Серова, до того работавшего заместителем министра внутренних дел. Держался Серов очень уверенно, раскованно, по-хозяйски. И это не случайно: когда Хрущев был первым секретарем ЦК партии Украины, Серов возглавлял наркомат внутренних дел, там и началась их дружба.

Кстати, ни Хрущев, ни Серов в те годы не только не препятствовали репрессиям на Украине, а способствовали их усилению. С прибытием Хрущева в Киев сместили с должности наркома внутренних дел старого чекиста, делегата XVII съезда ВКП(б) Балицкого, сдерживавшего репрессии. Возглавив НКВД, Серов взялся круто «поправлять» медлительность Балицкого. Репрессии на Украине приобрели массовый характер.

О том, как Хрущев задумал свой знаменитый доклад, он сам лучше кого бы то ни было рассказывает в своих воспоминаниях. Разумеется, он ни у кого ничего не подсмотрел, не позаимствовал — ни у Берии, ни у Маленкова. Впрочем, нет смысла повторять его версию. Она и так общеизвестна. Остановлюсь лишь на некоторых деталях, которые приводит его сын Сергей. Он подчеркивает, что эти проблемы родились не спонтанно, отец задумался над ними сразу же после смерти Сталина.

Едва новый Генеральный прокурор СССР Руденко занял свой пост, как Хрущев озадачил его непростым по тем дням вопросом: можно ли верить результатам открытых процессов 30-х годов. Главное, что не укладывалось у него в голове: действительно ли виновен Бухарин, к которому Хрущев испытывал особенно теплые чувства. Руденко ответил отрицательно. Тогда Хрущев замахнулся шире. Он поручил специальной комиссии во главе с секретарем ЦК П. Н. Поспеловым порыться в архивах, выяснить, откуда в 30-е годы вдруг выискалось такое количество «врагов народа». К началу 1956 года Хрущев получил записку с описанием сталинских преступлений. Это сейчас для прочитавших «Архипелаг Гулаг» первые разоблачения звучат лепетом. Тогда же, казалось, обрушились стены, заколебались основы. Хрущев разослал документ членам Президиума ЦК. У одних он вызвал страх разоблачения, у других ужас перед масштабом беззаконий. И те, и другие были едины: хранить эту информацию под семью замками.

Хрущев колебался. Рассказать обо всем? Замахнуться на Сталина? Такой поступок требовал недюжинной смелости. Промолчать? Попытаться выбраться из трясины беззакония и лжи, опираясь на новую ложь? Отец, по словам Сергея Хрущева, понимал — подобный шаг обречен на неудачу, сокрытие правды

о чудовищности сталинского режима смерти подобно. Политической, безусловно. Во имя того, чтобы удержаться у власти, придется или творить такие же беззакония, запутываясь во все новых преступлениях, или ждать, когда во всем разберутся другие. Возможность первого варианта отец не мог себе даже представить. Второй не отвечал его деятельной натуре, он привык, не ожидая ударов судьбы, упреждать их. И тем не менее отец никак не мог решиться. Дни шли за днями. Записка Поспелова лежала в его папке, но раздел о репрессиях в готовящемся отчетном докладе ЦК съезду пока отсутствовал.

Итак, Н. С. Хрущев полностью отвергает чью-либо инициативу в подготовке антисталинского доклада XX съезду и всецело приписывает развенчание культа Сталина своим заслугам. По утверждению Хрущева, его коллеги по Президиуму ЦК, как могли, сопротивлялись, а он призывал их покаяться перед съездом в том, что они знали о сталинских преступлениях и были причастны к ним.

На самом деле с инициативой создания комиссии, которой поручили изучить материалы массовых репрессий в период с 1937 по 1940 год, выступил... Анастас Иванович Микоян.

Однако в своих мемуарах Хрущев предпочел «забыть» об этой инициативе Микояна и представил дело так, будто бы предложение о создании комиссии исходило лично от него. «Насколько я припоминаю, — говорится в хрущевских мемуарах, — Микоян не поддержал меня активно, но и не делал ничего, чтобы сорвать мое предложение».

Между тем из «надиктовок» А. И. Микояна, найденных среди «особой важности особых папок» в сейфе заведующего общим отделом ЦК КПСС, следует несколько иная интерпретация, нежели в исполнении Н. С. Хрущева и его сына.

Микоян рассказывал, что после смерти Сталина к нему стали поступать просьбы членов семей репрессированных о пересмотре их дел. Он отправлял эти просьбы Руденко. После проверки они полностью реабилитировались. Его удивляло: ни разу не было случая, чтобы из посланных им дел была отклонена реабилитация. Еще бы — дела направлял член Президиума ЦК КПСС!

Анастас Иванович пошел к Никите Сергеевичу и один на один стал ему рассказывать... Надо когда-нибудь, если не всей партии, то хотя бы делегатам первого съезда после смерти Сталина, доложить о том, что было. Если они этого не сделают сами на съезде, а когда-нибудь и кто-нибудь это сделает, не дожидаясь другого съезда, — все будут иметь законное основание считать сталинских преемников полностью ответственными за прошлые преступления... Никита Сергеевич слушал внимательно...

Вот, оказывается, кто был подлинным инициатором расправы с мертвым Сталиным! Но и это свидетельство не окончательное. По имеющимся в моем распоряжении данным, атаку на недавнее божество повел и Берия — по своей чекистской линии. Об этом неоднократно заводил разговор В. Наумов, доктор исторических наук, профессор, нынешний начальник отдела по вопросам реабилитации жертв политических репрессий администрации Президента РФ.

Первые открытые сообщения о зверствах, которые творились в органах безопасности, появились еще весной 1953 года, уверял он меня во время нашей совместной работы на Старой площади. Инициатором публикаций был... Лаврентий Берия. После его ареста появилась информация о том, что и он несет прямую ответственность за политические репрессии 30-40-х годов. Более ранние дела стали рассматривать в середине 1955 года, и первые результаты этих

рассмотрений были получены осенью 1955 года. С того времени резко изменилась позиция Никиты Сергеевича Хрущева.

Почему же Хрущев к осени 1955 года обрел решительность?

Это важный вопрос, и он еще требует исследования. Одна из главных причин: к тому времени у Хрущева появилась уверенность в том, что о его личной причастности к преступлениям сталинской эпохи не будет сказано ни слова. Как свидетельствовал Дмитрий Волкогонов, к тому времени по распоряжению Хрущева были уничтожены многие бумаги Бери и документы Сталина, других руководителей партии. Всего было уничтожено одиннадцать бумажных мешков. По личному распоряжению Хрущева тогдашний председатель КГБ генерал Иван Серов произвел большую чистку архивов. Хрущев был убежден, что лично себя он обезопасил от прямой ответственности за репрессии.

Официальная версия времен Хрущева по поводу того, почему недавние соратники подняли руку на Сталина, такова. Уже осенью 1955 года Хрущев предлагал сказать о преступлениях Сталина делегатам предстоявшего съезда партии. Против его предложения активно выступили Молотов, Маленков, Каганович. (Получается, что «антипартийная группа» сложилась уже в 1955 году?) Спешно подготовленный доклад о культе личности был поставлен на заключительное заседание. Хрущев предложил выступить на съезде тому, кто этот доклад готовил — Петру Поспелову, однако члены Президиума единодушно настояли на том, чтобы доклад сделал Хрущев.

В своих воспоминаниях Хрущев стремился представить себя единственным членом Президиума ЦК, который добивался постановки доклада о культе личности на съезде, призывал своих коллег покаяться

перед съездом. Президиум ЦК он разделил на группы — в зависимости от вины каждого. Сам Хрущев, Булганин, Первухин и Сабуров не знали о фактах террора второй половины 30-х годов, отношения к ним не имели. Другая группа — Молотов, Ворошилов — знала все. Микоян и Каганович в целом знали, но детали им были неизвестны. Маленков не был инициатором массовых репрессий, но выступал послушным исполнителем.

Это сомнительная классификация, считает специалист по политическим репрессиям профессор В. Наумов. Документы показывают, что все было значительно сложнее. Стараясь снять с себя персональную ответственность, Хрущев причислил себя к тем членам Президиума ЦК, которые вошли в состав высшего руководства партии и страны только после Отечественной войны. На самом деле он в этом составе находился со второй половины 30-х годов, именно он «наводил порядок» в те годы и в Москве, и на Украине.

5 ноября 1955 года состоялось заседание Президиума ЦК, на котором члены Президиума обсуждали вопрос о праздновании очередного юбилея Октябрьской революции. Был поднят вопрос о предстоящем в конце декабря дне рождения Сталина. В предшествовавшие годы этот день отмечался торжественным заседанием. В пятьдесят пятом было решено заседания не проводить. Против торжеств в честь Сталина решительно выступил Л. Каганович. Ему возразил К. Ворошилов, утверждая, что «народом это решение будет воспринято нехорошо». Н. Булганин также высказался против торжеств. Уклончивую позицию занял А. Микоян, он был против заседания, но объяснял это не принципиальными соображениями, а тем, что два заседания близко друг от друга — 6 ноября и 21 декабря.

31 декабря 1955 года на заседании Президиума вновь состоялась острая дискуссия о репрессиях 30-х

годов, в частности, был поднят вопрос об обстоятельствах убийства Кирова. Высказывались предположения о том, что к этому убийству приложили руку чекисты. Было решено посмотреть следственные дела бывших руководителей НКВД Ягоды, Ежова и Медведя — бывшего начальника Ленинградского областного управления НКВД. На этом же заседании обсуждалась судьба членов Центрального Комитета, избранного XVII съездом, и его делегатов. В этой связи была создана комиссия во главе с П. Поспеловым. В ее состав вошли А. Аристов — секретарь ЦК, Н. Шверник — председатель ВЦСПС и П. Комаров — заместитель председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

1 февраля 1956 года на Президиуме снова обсуждался вопрос о репрессиях. Решили доставить в ЦК бывшего следователя по особо важным делам МГБ СССР Бориса Родоса, который за совершенные преступления находился в заключении. Его ответы поразили членов Президиума. Обсуждение продолжалось. Микоян, Поспелов и Серов приводили конкретные факты, как Сталин непосредственно руководил массовым террором, в города, области и республики давалась «разнарядка» на аресты, которая утверждалась лично Сталиным. В. Молотов тем не менее считал, что в докладе на съезде надо обязательно признать, что Сталин — великий продолжатель дела Ленина. Микоян против. Затем выступил М. Сабуров: «Если верны факты, разве это коммунизм? За это простить нельзя». Г. Маленков признал, что вопрос о Сталине ставится правильно, об этом надо сказать партии. С этим согласились М. Первухин и Н. Булганин. В поддержку Молотова безоговорочно выступил только Ворошилов, с оговорками — Каганович. «Сталин, — сказал Хрущев в заключение, — был предан делу социализма, но все

делал варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинил».

К началу февраля комиссия Пospelова закончила свою работу и представила в Президиум обширный доклад почти в 70 страниц машинописного текста. Его открывал раздел «Приказы НКВД СССР по проведению массовых репрессий». Комиссия привела наиболее важные документы, на основании которых во второй половине 30-х годов развернулись массовые репрессии. Комиссия сделала вывод: антисоветские организации, блоки и центры, якобы раскрытые НКВД, возникали на основании дел, сфабрикованных следователями с применением истязаний и пыток заключенных.

Комиссия отмечала, что фальсификации, пытки и истязания, зверское уничтожение партийного актива санкционировались Сталиным. «Сталину и некоторым членам Политбюро систематически направлялись протоколы допроса арестованных, по показаниям которых проходили работавшие еще члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, секретари нацкомпартий, крайкомов и обкомов. Проводя массу необоснованных арестов, Ежов на совещаниях открыто заявлял, что он действует по указаниям сверху».

9 февраля Президиум ЦК заслушал сообщение комиссии.

О том, что такое обсуждение действительно проводилось, говорится и в «надиктовках» А. И. Микояна.

Докладчиком был Пospelов. Он тогда был и оставался просталински настроенным. Факты были настолько ужасающими, что в местах очень тяжелых у него на глазах появлялись слезы и дрожь в голосе. Все были поражены, хотя многое они знали, но всего того, что доложила комиссия, конечно, не подозревали. А

теперь это все было проверено и подтверждено документами.

Но продолжу рассказ профессора В. Наумова.

После доклада Хрущев изложил свою позицию: «Несостоятельность Сталина как вождя раскрывается. Что за вождь, если всех уничтожил. Надо проявить мужество сказать правду». Он поставил вопрос, где сказать, и твердо ответил: на закрытом заседании съезда.

Молотов вновь попытался убедить членов Президиума в том, что в докладе должна быть формулировка «Сталин — продолжатель дела Ленина», и аргументировал это тем, что «тридцать лет партия жила и работала под руководством Сталина, осуществила индустриализацию страны, одержала победу в войне и вышла после ее окончания великой державой». Ему возражал Каганович: «Историю обманывать нельзя. Факты не выкинешь. Правильное предложение товарища Хрущева доклад заслушать... Мы несем ответственность, но обстановка была такой, что мы не могли возражать». И далее Каганович рассказал о трагической судьбе своего брата Михаила. Вместе с тем в выступлении Кагановича прозвучала осторожная нота: он предложил информировать делегатов так, «чтобы нам не развязать стихию».

Георгий Маленков: «Никакой борьбой с врагами не объясним, что перебили кадры. «Вождь» действительно был «дорогой».

Аверкий Аристов: «Сказать: мы этого не знали — недостойно членов Политбюро...»

Дмитрий Шепилов: «Надо сказать партии, иначе нам не простят...»

В ходе дискуссии определенно выявились две противостоящие позиции. В конце концов Молотов, Ворошилов, Каганович выступили против постановки на съезде отдельного доклада о культе личности. Им

противостояли остальные члены и кандидаты в члены Президиума ЦК, которые поддерживали позицию Хрущева.

Хрущев постарался сгладить остроту дискуссии и даже сказал, что «не видит расхождений», все, мол, считают, что «съезду надо сказать правду...». И добавил: «Не смаковать».

За день до открытия съезда, за несколько часов до заседания Пленума ЦК, на Президиуме ЦК развернулась дискуссия о том, кто выступит с докладом о культуре личности.

И здесь также легко увидеть, что Хрущев впоследствии лукавил. Микоян пишет, что он «предложил сделать доклад не Хрущеву, а Пospelову от комиссии». Хрущев не согласился: «Подумают, что секретарь ЦК уходит от ответственности, вместо того чтобы самому доложить о таком важном вопросе, докладчиком выступает другой».

На следующем заседании Президиума ЦК 13 февраля 1956 года было принято решение: «Внести на Пленум предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культуре личности. Утвердить докладчиком товарища Хрущева».

Существенно, что, хотя Президиум ЦК одобрил выводы комиссии Пospelова, не все они были упомянуты в докладе. Вывод комиссии о том, что все так называемые антисоветские «центры» и «блоки» были созданы следователями НКВД, недвусмысленно ставил вопрос о необходимости пересмотреть приговоры открытых процессов над лидерами бывшей оппозиции. Это мнение комиссии было проигнорировано, более того — и в отчетном докладе, и в докладе о культуре личности в особую заслугу Сталину была поставлена борьба с оппозицией. Троцкисты и бухаринцы были вновь поименованы «врагами народа».

Однако основная позиция доклада Поспелова о том, что культ личности Сталина явился следствием личных отрицательных качеств вождя, была усилена и развита в докладе.

Хотя Хрущев пишет в своих воспоминаниях, что решение заслушать доклад о культе личности было принято в последние дни съезда, на самом деле вопрос этот обсуждался до съезда. Членов Президиума ЦК беспокоило, что правда о преступлениях сталинского режима повлияет на голосование делегатов. Наиболее горячо и возбужденно по этому поводу выступал Ворошилов, он прямо предупреждал членов Президиума: после такого доклада при выборах в руководящие органы партии делегаты вряд ли проголосуют за членов Президиума ЦК. Тогда и было решено поставить доклад Хрущева 25 февраля 1956 года, после того, как пройдут выборы руководящих органов партии, а прения по докладу не открывать.

В своих воспоминаниях Хрущев представляет дело так, что вопрос о докладе на закрытом заседании был решен экспромтом накануне закрытия съезда и что этого доклада вообще не было бы, если бы не его, Хрущева, настойчивость.

И здесь дело обстояло совсем не так. Вот хроника тех событий, основанная на сведениях, почерпнутых из архивных документов, рассекреченных в постсоветское время.

9 февраля Президиум ЦК дает поручение Поспелову подготовить текст доклада.

13 февраля, за день до открытия съезда и за несколько часов до заседания Пленума ЦК КПСС, принимается решение: информировать собравшихся на Пленум членов ЦК о том, что на съезде будет сделан доклад о культе личности и этот доклад сделает Хрущев. На заседании 9 февраля Хрущев на эту роль не осмелился: «Может быть, Поспелову составить доклад и

рассказать», — читаем в записях заведующего общим отделом ЦК Малина о заседании. 13 февраля кандидатура докладчика голосовалась, и была принята большинством голосов.

Тогда же, 13 февраля, было решено подключить к работе над докладом, кроме Поспелова, и других секретарей ЦК.

18 февраля Хрущеву представляется первый вариант доклада.

19 февраля Хрущев диктует доклад стенографисткам, взяв за основу представленный ему проект.

«Надиктованный» доклад был разослан членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, которые сделали свои замечания, но в целом одобрили текст.

23 февраля доклад был полностью готов.

Словом, никакого личного экспромта. Полнейшая коллегиальность. Следовательно, в мемуарах Хрущева очень мало истины.

С текстом секретного доклада Хрущева на XX съезде вообще какая-то мистика. Я неоднократно беседовал с доктором философских наук профессором Николаем Николаевичем Михайловым, с которым вместе работал в ЦК КПСС, только я в идеологическом отделе, он в общем.

Ему пришлось быть одним из тех, кто в 1989 году готовил к печати в журнале «Известия ЦК КПСС» доклад Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда. Тогда Николай Николаевич отвечал за подготовку архивных документов и исторических публикаций в этом журнале. Мы понимали, что публикация доклада станет сенсацией, и надо ли рассказывать, с каким волнением и журналистским азартом готовили к печати этот документ? Документ, спрятанный на долгие 33 года в архиве VI сектора общего отдела ЦК КПСС — так был зашифрован архив Политбюро.

Те, кому приходилось работать с подобного рода докладами, знают, что существуют три варианта их оригинальных текстов: 1. Доклад, который произнес выступающий. 2. Правленая стенограмма этого доклада. 3. Опубликованный текст.

Понятно, что они, как правило, неидентичны, и, строго говоря, подлинно оригинальный текст — это произнесенный текст. Ведь, выступая с трибуны, именитый докладчик (а у Хрущева, как впоследствии у Горбачева, это происходило сплошь и рядом) отвлекается от написанного текста, реагирует на настроение и реплики аудитории, дает волю сиюминутным эмоциям, иногда его, что называется, «заносит», словом, выступает живой человек, и этим все сказано. Другое дело — отпечатанная по горячим следам стенограмма, которую принято давать на правку самому выступающему. В ней возможны авторские правки речевых огрехов, изъятие откровенных неуклюжестей и сказанных в запальчивости «глупостей», приглушение эмоций и т. п. Что же касается текста для печати, то он может отличаться от произнесенного весьма и весьма существенно: вступают в силу соображения политической конъюнктуры, сохранения партийной и государственной тайны, ожидаемого пропагандистского эффекта и т. п.

Так вот, публикация секретного доклада Хрущева готовилась по «третьему варианту». То есть в распоряжении Михайлова была отпечатанная типографским способом брошюра с грифом «не для печати». Такая брошюра рассылалась в 1956 году в партийные организации и зачитывалась на партийных и комсомольских собраниях. Эта брошюра печаталась по правленому тексту, который Хрущев разослал членам Президиума ЦК только 1 марта.

Возникает вопрос: насколько идентичен этот текст тому, что говорил Хрущев? Стенограммы в архиве не

было — она на съезде не велась. Но машинописный-то текст произнесенного 25 февраля доклада должен был сохраниться в архиве? Должен, но... не сохранился. Потерян!

С тех пор прошло много лет, архив Политбюро давно стал президентским архивом, но, как признался бывший руководитель Росархива профессор Р. Пихоя, окончательный вариант доклада (тот текст, который зачитывал сам Хрущев на съезде) до сих пор так и не найден.

Странная потеря. ЦК КПСС не то учреждение, где можно было потерять «исторический доклад» партийного вождя. Отсутствует и магнитофонная запись (а она наверняка велась). Изъять их из архива Политбюро мог только сам «хозяин» или его «наследники», но это тоже маловероятно. К изъятию (по существу, воровству) пришлось бы подключать работников архива, в тайне это не сохранишь. Другое дело, что оригинал доклада можно было не отдать в архив. Но почему?

«Так ли это важно?» — спросит современный читатель. Главное, что доклад опубликован, а нюансы интересны сегодня только историкам. В общем-то, это верно. И все же очень любопытно, какие изменения претерпел доклад за время от 25 февраля, когда он был произнесен, до 5 марта, когда его разослали в виде брошюры? Что вставил и что вычеркнул из своей исторической речи Хрущев, отдавая ее для распространения? Узнаем ли мы это когда-нибудь? Трудно сказать.

О реакции местных партийных органов на закрытое письмо ЦК КПСС с текстом секретного доклада Хрущева известно мало. Если верить официальной партийной информации, поступавшей из ЦК компартий союзных республик на Старую площадь в Москву, то в парторганизациях встретили зубодробительную

критику в адрес Сталина с воодушевлением, чтение доклада сопровождалось чуть ли не овациями. Но вот прошло время, и события полувековой давности предстали в другом, более близком к правде свете.

Как-то М. С. Горбачев вспомнил хрущевские времена. Он тогда работал в комсомоле. В Ставропольский крайком КПСС тоже поступила брошюра с текстом доклада Хрущева на закрытом заседании XX съезда.

Встал вопрос: как реагировать комсомолу? Пришли к общему мнению: наиболее подготовленные работники должны включиться в разъяснительную работу итогов XX съезда среди молодежи. План комсомольских действий согласовали в крайкоме партии. Горбачева направили в Ново-Александровский район. Ситуацию он застал там, можно сказать, типичную. Секретарь райкома партии по идеологии Н. И. Веретенников, к которому Горбачев зашел по приезду, узнав о его миссии, выразил искреннее сочувствие. Он, как понял Горбачев, считал, что его просто «подставили». Во всяком случае, сам находился в полнейшем смятении и абсолютно не знал, что делать. «Откровенно скажу тебе, — заметил он, — народ осуждения «культы личности» не принимает».

Что скрывается за ссылками на народ, Горбачев, по его словам, уже знал — чаще всего это настроения аппарата. И решил, что необходимо самому почувствовать настроения людей. Две недели он провел в районе, ежедневно встречался с комсомольцами, беседовал с коммунистами. Впечатления были сложные. У части собеседников, особенно в молодежной, интеллигентской среде, а также тех, кого в той или иной мере коснулись сталинские репрессии, тема «культы» находила живой отклик. Другие просто отказывались верить приведенным в докладе фактам, категорически не принимали оценки деятельности и

роли Сталина. Третьи — и таких было немало, — не сомневаясь в достоверности фактов, задавали один и тот же вопрос: «Зачем?» Зачем публично выносить «сор из избы», зачем открыто говорить об этом и будоражить народ?

Горбачев признавался, что его поразила и та версия объяснения репрессий, которая сформировалась в сознании многих простых людей. Мол, наказаны в 30-х годах Сталиным были те, кто притеснял народ. Вот им и отлились наши слезы. И это говорилось в крае, который прошел через кровавую мясорубку страшных тридцатых годов!

В «верхах», кто интуитивно, кто вполне осознанно, сразу поняли, что критика Сталина — это критика самой системы, угроза ее существованию, а стало быть, благополучию власть имущих. Это стало особенно очевидным, когда на первых же собраниях, посвященных XX съезду, руководство всех уровней услышало в свой адрес: «А где же вы тогда все были?»

Андропов, являвшийся в то время послом СССР в Венгрии, позже рассказывал Горбачеву, что сразу же после XX съезда его неожиданно пригласил на охоту тогдашний венгерский лидер Матиас Ракоши. Когда остались одни, Ракоши по-русски сказал (явно рассчитывая на то, что разговор будет передан в Москву): «Так делать нельзя. Не надо было торопиться. То, что вы натворили на своем съезде, это беда. И я еще не знаю, во что она выльется и у вас, и у нас».

Уже в первые дни пребывания в районе Горбачев понял, что нужны не публичные речи, а откровенные дружеские беседы. Свои наблюдения и предложения после этой командировки он передал в крайком партии, и они вызвали интерес. Казалось, все прошло сносно. Но удовлетворения он не почувствовал. Вопросов только прибавилось, многие из них оставались без ответа. И он понял, что одной из главных причин этого являлся сам

доклад Хрущева. Он носил не аналитический, не «рассуждающий», а, как выразился Горбачев, сугубо личностный, «эмоционально-обличающий» характер. Не доказывал, а бил по нервам. Сводил причины многих сложнейших политических, социально-экономических, социально-психологических процессов к дурным чертам личности самого «вождя». Надо было идти по пути более глубокого анализа. Но, увы...

Сумятица и неудовлетворенность еще более возросли, когда вскоре после XX съезда стали появляться признаки «обратного хода». Стало известно, что ЦК отозвал свое «информационное письмо» по докладу Хрущева. «Правда» перепечатала из китайской газеты «Жэньминь жибао» статью «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», в которой говорилось, что Сталин «выражал волю народа и был выдающимся борцом за марксизм-ленинизм».

Наконец, 30 июня ЦК принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий», указывавшее на заслуги и «преданность Сталина марксизму-ленинизму», а также на то, что никакой «культ» не мог изменить «природы нашего общественного строя».

Так или иначе, толчок обществу XX съезд дал мощный, он положил начало переоценке внутренней и внешней политики, анализу исторических фактов. Но процесс этот шел противоречиво. Старые силы не собирались уступить.

М. С. Горбачев запомнил, как в Ставрополе, когда глубокой ночью начали с помощью тракторов снимать огромную скульптуру Сталина, стоявшую в самом центре, собралась толпа, настроенная явно неодобрительно. Но все обошлось, «работу» довели до конца. Скульптуру сняли, а проспект Сталина переименовали в проспект Маркса.

Если сносом памятника Сталину и критикой его политики возмущались в традиционно спокойном Ставрополе, то можно представить, как восприняли эту весть на родине Сталина — в Грузии. Официальная хрущевская пропаганда замалчивала эти факты, и только после распада Советского Союза исследователи получили доступ к документам, в которых содержалось описание происходивших в Тбилиси событий.

Еще до рассекречивания архивных материалов и моего знакомства с ними бывший первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков рассказывал, что население Грузии чрезвычайно болезненно отреагировало на доклад Хрущева на XX съезде. Отношение к Сталину в республике сложилось особое: для большинства грузин он являлся национальным героем, и дата смерти ежегодно отмечалась возложением венков к монументам, массовыми шествиями и митингами, во время которых исполнялись его любимые песни, произносились пламенные речи.

Так продолжалось до 1956 года. Неизвестный для населения доклад Хрущева, искаженные слухи о его содержании вызвали самые разные интерпретации и всевозможные кривотолки. Многие передавали суть доклада, используя факты из обвинительного заключения по делу Берии, которое незадолго до событий читалось повсеместно в различных коллективах. Все это подлило масла в огонь.

Набережная Куры, где стоял огромный монумент кумира, не могла вместить пришедших почтить его память и выразить протест решениям XX съезда.

Несколько дней в Тбилиси, Гори, Сухуми, Батуми, Кутаиси и других городах шли непрерывные митинги.

9 марта несколько десятков тысяч митинговавших у монумента Сталину хлынули от набережной Куры по Александровскому спуску к Дому связи на проспекте

Руставели. Призвал их к захвату дома некий Кипиани, выступивший перед толпой с провокационной речью. Кто-то из толпы сделал несколько выстрелов, что еще больше накалило собравшихся.

Дом связи охраняла небольшая группа солдат, их без труда смяли и оттеснили вглубь здания. Солдаты подверглись избиению. Одному из них приставили к горлу вилку. Кто-то из солдат, защищаясь, открыл стрельбу вверх, в потолок, и пули рикошетом отскочили от бетона. В создавшейся неразберихе некоторые солдаты стреляли и в толпу. В те дни в Тбилиси погиб двадцать один человек.

Поведение тех, кто оказался в операционном зале Дома связи, свидетельствовало, что массовые выступления возникли стихийно, не было никакой организации заговора, как хотелось изобразить дело кое-кому в Москве.

Ворвавшиеся в Дом связи метались по залу, не зная, что им делать. Одни искали радиостудию, чтобы объявить миру о происходящем в Тбилиси. Другие сочиняли телеграмму в Москву с требованием не трогать Сталина. Нашлись и такие, кто поздравлял Молотова с днем рождения. События у Дома связи привели к тому, что в город ввели войска и объявили чрезвычайное положение, которое, правда, продолжалось всего одну ночь.

Так в общих чертах выглядела рассказанная по памяти генералом армии Ф. Д. Бобковым картина происшедших в Тбилиси событий в начале марта 1956 года. Но вот открылись прежде засекреченные архивы, и в моих руках оказался ценный источник — закрытое письмо С. Статникова, корреспондента газеты «Труд» по Грузинской ССР, адресованное в служебном порядке главному редактору Б. Буркову. Должен отметить, что практика привлечения корреспондентов центральных газет на местах к информированию центра о тех или

иных событиях и проблемах широко применялась в советские времена. Явления изучались всесторонне, сведения сопоставлялись по различным источникам, порой самым неожиданным.

Из докладной записки С. Статникова: «5 марта около 10 часов утра я был у здания Дворца труда (шел к себе в корпункт). Вдруг до моего слуха донеслись резкие, продолжительные гудки автомашин (автоинспекцией они запрещены), вскоре из-за угла показалась группа людей. Шли студенты (человек 120-150) без головных уборов. Процессия двигалась по середине улицы. Передний нес портрет Сталина и несколько венков. Организаторы шествия поминутно обращались к остававшимся на тротуарах публике с призывом снимать головные уборы и почтить тем самым память Сталина. Поминутно кто-либо выскакивал из колонны и, подбежав к останавливающимся автомашинам, требовал от шоферов давать продолжительные гудки. В этот день прошло несколько таких процессий. Все они направлялись на площадь к монументу Сталина и возлагали венки.

На другой день повторилось то же самое, но более организованно. Выросло их число, в особенности к середине дня, когда заканчивались занятия в институтах. К портретам Сталина прибавились портреты Ленина, появились красные флаги с траурными лентами.

В этот же день в ЦК партии в 4 часа дня состоялось совещание, на котором присутствовал и я. Сюда пригласили руководящих работников министерств, газет и журналов — 70-80 человек. Открывший совещание первый секретарь ЦК КП Грузии тов. Мжаванадзе в своей краткой речи призвал присутствующих развернуть практическую работу по осуществлению решений XX съезда партии. Он сообщил, что нас ознакомят с письмом ЦК КПСС «О

культе личности». Извинившись, он ушел, оставив вместо себя секретаря ЦК тов. Мчедлишвили.

После читки этого документа нам сообщили, что с его содержанием ознакомят всех коммунистов и комсомольцев. Вопросов никто не задавал и совещание на этом закончилось.

7 марта студенты Государственного университета имени Сталина, сорвав лекции, с утра вышли на улицы города. Их поддержали студенты сельскохозяйственного института, политехнического и некоторых других (в Тбилиси 19 вузов). К студентам присоединились учащиеся грузинских школ. Надо здесь заметить, что группы студентов насильно выводили учеников, срывали занятия, угрожали директорам, что побьют стекла, поколотят их. Вся эта масса, никем не задерживаемая, шла по главной магистрали города — проспекту Руставели — к площади имени Ленина. Примерно в 11 часов утра у Дома правительства под продолжительные гудки автомашин и автобусов хором выкрикивали: «Дидеба дид Сталинс», «Дидеба беладс Сталинс» («Слава великому Сталину», «Слава вождю Сталину»). Затем они двинулись к площади имени Ленина. Здесь опять остановились у здания горсовета. Несколько человек продекламировали стихи о Сталине, хор исполнил песни, славящие Сталина.

8 марта количество шествий росло. Появились грузовые машины, заполненные людьми. С флагами и портретами Ленина и Сталина они разъезжали по городу и кричали «Ленин — Сталин», «Слава Сталину» и т. д. Конечно, автомашин им никто не выделял, а это делалось очень просто: едущую пустую машину толпа останавливала, люди влезали в кузов и под угрозой избиения (если водитель не грузин), или действуя на грузинские патриотические чувства, они заставляли возить себя по городу. Был и такой случай, когда один из водителей отказался ехать, это произошло на мосту

имени Сталина, то хулиганы вытащили его из кабинки и сбросили с моста в Куру. Было несколько случаев избиения непослушных шоферов.

В этот день атмосфера уже накалилась. Примерно в 3 часа дня я был в гуще этой толпы на площади имени Ленина. Некоторые организаторы и провокаторы, взобравшись на трибуну, обратились к собравшимся уже с предложениями. Например, когда один крикнул: почему в городе нет траурных флагов? Почему на фасаде горсовета не вывешено имеющееся у него панно с изображением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина? И затем спросили, кто за то, чтобы вывесить, поднимите руки! В толпе поднялся гул одобрения и крики: мы требуем немедленно вывесить портреты. Группа в несколько десятков человек устремилась в Тбилгорсовет. Они разыскали коменданта, нашли это панно и с крыши, под восторженный гул толпы, спустили его над зданием. Как же реагировали работники милиции? Никак. Все, что делалось в эти дни, связывалось с именем сына грузинского народа — Сталина — Джугашвили. Эта фамилия часто упоминалась, чтобы подчеркнуть свои чувства.

Затем с трибуны крикнули, показывая на здание штаба Закавказского военного округа: «Грузины! Если хотите, чтобы был вывешен портрет Ленина — Сталина, то идите и требуйте!» Этого было достаточно, и толпа хлынула к штабу. Охрана вовремя успела закрыть железные ворота. Тогда они стали ломиться, стучать и кричать. Несколько человек под одобрительный гвалт зевая взобрались по трубе на балкон и вывесили два траурных флага. Толпа около часа горланила перед штабом, затем, видимо, дано было указание, солдаты опустили над зданием большое полотно с изображением Ленина и Сталина.

А в это время с трибуны неслись все новые и новые требования: город одеть в траур, установить

микрофоны и репродукторы, предложить поэтам и писателям выступить перед грузинским народом. Более того, предложили привести гостившего в этот день маршала Чжу Дэ (причем, немедленно снаряжена была делегация). Как потом сообщили с трибуны, они, мол, говорили с ним, но по болезни он приехать не смог.

К вечеру на площади имени Ленина и у монумента микрофоны были установлены. Тысячная толпа стала ясно слышать выступления.

Один из выступающих (на площади имени Ленина) свою длинную речь построил на перечислении заслуг Сталина и, резюмируя, заявил, что со смертью Сталина все то, что было достигнуто, уже погибает, страна, и в первую очередь Грузия, погибнет. Затем, выхватив из кармана партбилет, призвал бороться за дело Сталина, а если надо, отдать и свою жизнь. Потрясая в воздухе партбилетом, крикнул: «Кто клянется, поднимите». В воздухе мелькнуло несколько партбилетов и десятки комсомольских. Люди закричали: «Клянемся, клянемся!»

9 марта творилось что-то невообразимое. Фанатизм предельно накалился. На улицах бесновалась не только молодежь, но и взрослые. Газеты вышли с передовыми «Третья годовщина со дня смерти И. В. Сталина», помещено было фото «Ленин и Сталин в Горках (1922 г.)». На первой странице сообщалось: «Сегодня, 9 марта, на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях республики в 1 час дня состоятся митинги, посвященные третьей годовщине со дня смерти И. В. Сталина».

В 23.45 большая толпа людей бросилась к Дому связи с криками: «забрать радиостанцию», «забрать телеграф». Оказывается, до этого была послана группа в 10 человек для посылки какой-то телеграммы. Их впустили в здание и задержали (для выяснения личности), об этом стало известно толпе у монумента.

По призыву провокаторов, эта толпа и была послана спасать задержанных. Путь к зданию, естественно, преградила охрана. Кто-то из задних рядов стал стрелять в автоматчиков, одному солдату всадили нож. Толпа наседала, пришлось отбиваться прикладами. Хулиганы все пустили в ход: кулаки, ножи, камни, пояса. В воздух дали предупредительные залпы. Выстрелы в упор повторились из толпы, дезорганизаторы продолжали наседать. У бойцов выхода не было, жизнь их была под угрозой. Пришлось принять оборонительные меры. И только после этого толпа была рассеяна.

После этого с помощью танков рассеяно было скопление на площади имени Ленина. Проспект Руставели и площадь были очищены. Многие разошлись. Местом сборища остался монумент. Здесь также вынужденные меры применить нельзя было.

Подошедшие воинские части, окружив парк, предложили разойтись. В ответ посыпались насмешки и оскорбления. На неоднократные предупреждения показывались кулаки и ножи. И когда около трех часов ночи их стали оттеснять, то хулиганы и провокаторы оказали сопротивление — стали нападать на солдат, вырывать автоматы, среди военных появились раненые. Снова пришлось применить оружие».

Тему болезненной реакции на секретный доклад Хрущева не могли обойти в своих мемуарах и сторонники Никиты Сергеевича. Правда, они до сих пор говорят об этом очень коротко и глухо, не вдаваясь в подробности. И в основном о том, как была воспринята разоблачительная кампания Хрущева в странах социалистического содружества.

Бросается в глаза, что информация эта весьма и весьма дозирована. Ни один из сторонников Хрущева в своих мемуарных записках не дает общей картины. Как будто каждому кто-то отводил определенную страну —

в основном Венгрию, реже Германию, еще реже Польшу. Я попытался собрать разрозненные сведения воедино. И что выяснилось? Почти все братские партии расценили сумасшедший доклад Хрущева как угрозу самому существованию мировой социалистической системы.

Секретный доклад недолго оставался доступным одним лишь членам партии, Никита Сергеевич явно стремился довести его до сведения всех, имеющих уши. Вскоре его стали читать на комсомольских, а затем и просто собраниях. Увезли его домой и гости съезда, представители братских партий.

Едва наступила весна, как, по свидетельству хрущевского сына Сергея, доклад начал гулять по миру. Сначала на Запад ушло его переложенное журналистами на свой лад содержание. Об этом доложили Хрущеву, но мер он принимать не стал, да и не к кому. «Разве поймашь вылетевшее на свободу слово?» — высоким слогом изъясняется в послесоветское время сын советского коммуниста номер один пятидесятых — шестидесятых годов и сам тоже бывший коммунист.

Вскоре, по словам Сергея Хрущева, в руках американцев оказался уже полный текст. Пришлось учинить следствие. Следы привели в Польшу.

Ответ оказался до смешного прост. В Варшаве доклад продавали на рынке, и весьма недорого. Никита Сергеевич якобы сильно возмутился, когда ему доложили результаты расследования. Но, как признает сын, в действительности отца расстроило не то, что информация попала в чужие руки, а способ ее распространения.

Государственный департамент США выпустил текст доклада отдельной брошюрой. На этом, казалось, история поставила точку: практически все население нашей страны ознакомилось с закрытым письмом ЦК, за

пределами границ Советского Союза доклад прочитали все желающие. Но не тут-то было, гриф секретности на докладе сохранился на десятилетия. До 1964 года за этим следили, по выражению Сергея Никитича, открытые сталинисты в ЦК, после 1964-го — скрытые. Казалось, таким образом они как могут оберегают весьма подпорченный образ вождя. Все эти годы о докладе говорили вполголоса, как о чем-то не очень приличном. И в эпоху перестройки он долго оставался под замком. В Москве периодически возникали слухи: доклад вот-вот разрешат опубликовать, остались последние формальности. Хрущевскому отпрыску якобы даже показывали типографскую обложку брошюры с указанием цены на последней странице. Явное свидетельство несекретности издания. Обложка обложкой, слухи слухами, доклад же... оставался секретным.

Сложившаяся ситуация выглядела смешной, ведь за первые годы гласности о Сталине опубликовали такие факты, о которых Хрущев и не подозревал, разворошили то, к чему он не решался даже прикоснуться. И все же не смешно, скорее грустно.

Резонанс в Восточной Европе

Итак, приступаем к обещанному выше рассказу о том, как восприняли секретный доклад Хрущева братские коммунистические и рабочие партии Восточной Европы. Доклад был неожиданным и для них: в Кремле не соизволили даже предупредить их заранее о своем намерении, не говоря уже о том, чтобы выслушать и учесть мнение по поводу намечавшегося крутого поворота в политике.

Свидетельствует Н. С. Хрущев:

— Мы узнали через своего посла, что в Польше развернулись бурные события, поляки очень поносят Советский Союз и чуть ли не готовят переворот, в результате которого к власти придут люди, настроенные антисоветски.

Он позвонил в Варшаву и разговаривал с Охабом. Хрущев спросил, верна ли информация, полученная Москвой через посольство.

— Да, сейчас идет бурное заседание ЦК, обсуждаются эти вопросы.

В информации, которую советское руководство получило через посольство, говорилось, что в Польше стал бурно проявляться антисоветизм, и приход Гомулки к власти происходит в опоре на антисоветские силы.

Хрущев высказал Охабу (а они по этому вопросу уже обменялись мнениями, тут как раз собрался полный состав Президиума ЦК КПСС), что Кремль очень беспокоит происходящее...

Хрущев сказал:

— Мы хотели бы приехать поговорить с вами.

Охаб ответил:

— Мы хотим посоветоваться, дайте нам подумать.

Вскоре Охаб позвонил и говорит:

— Мы бы просили вас не приезжать, пока не закончится у нас заседание Центрального Комитета.

Казалось бы, ответ правильный, если относиться к собеседнику с доверием. Но у Хрущева в то время доверия к Охабу не было. Конечно, если относиться друг к другу с доверием, то лучше всего было бы там не появляться, с тем, чтобы не оказывать давления.

— Но сейчас мы за этим и хотели ехать, чтобы оказать соответствующее давление, — вспоминал Н. С. Хрущев. — Так как у нас возникло недоверие к Охабу, то его отказ в нашей просьбе нас еще больше возбудил, еще больше усилил подозрения, что там идет нарастание антисоветских настроений, которые могут вылиться в какие-то действия, и тогда поправить положение будет уже трудно.

Хрущев сказал Охабу, что он все-таки хочет приехать, и открыто заявил, что Польша для Кремля имеет большое стратегическое значение. В то время с Германией не был заключен мирный договор, и поэтому в Польше располагались советские войска на основании положений, вытекающих из Потсдамского соглашения. Они охраняли коммуникации, проходящие через польскую территорию. Все это было высказано Охабу, которого предупредили о приезде советского руководства в Варшаву.

Обменялись на Президиуме ЦК мнениями и составили делегацию. В нее вошли Хрущев, Микоян, Булганин. Они полетели в Польшу. Когда приземлились, на аэродроме их встретили Охаб, Гомулка, Циранкевич и другие польские руководители. Встреча была очень холодной. Московские гости прилетели очень возбужденные, и Хрущев, едва поздоровавшись, сразу на аэродроме высказал недовольство происходящим:

— Почему все это происходит под антисоветским знаменем?... Чем это вызвано? Мы всегда стояли на

позициях освобождения Гомулки, и лично я, и другие товарищи. Когда я беседовал с Охабом, то имел в виду, что Гомулка приедет в Крым, мы с ним поговорим. Он подлечится, а мы тем временем разъясним нашу позицию в деле его освобождения.

Охаб вскипел:

— Что вы ко мне предъявляете претензии? Я теперь уже не секретарь Центрального Комитета. Спрашивайте их.

Он показал на Гомулку. В его словах сквозило неприкрытое недовольство.

Хрущев подумал, что его слова при встрече по дороге из Китая насторожили Охаба, он мог подумать, что в Москве хотят его свергнуть и посадить на его место Гомулку. Хрущев в душе не был противником Охаба, но к тому времени он показал себя слабым руководителем, и Гомулка был лучшей заменой. Хрущев ценил Гомулку.

Как потом вспоминал Сергей Хрущев, дома неожиданный отъезд отца в Польшу вызвал настоящий шок. Во-первых, в те годы любая поездка за границу, даже в дружественную социалистическую страну, считалась нерядовым событием. Ее обычно приурочивали к важной дате, объявляли загодя и сопровождали обстоятельной подготовкой.

Тут же из ЦК раздался звонок: «Собирайте вещи, я лечу в Варшаву». И никаких объяснений. Вещи приготовили быстро, за многие годы до автоматизма отработался процесс сборов отца в командировку — специальный чемоданчик стоял в специально отведенном месте. В него полагалось уложить белые рубашки для ежедневной смены, белье, электрическую бритву, тапочки. Вот практически и все. Запасной костюм везли в купленном для этой цели в Женеве футляре, чтоб не мялся.

К тому же Хрущев ехал не один, вместе с ним летели Молотов и Булганин или он с ними. Что и говорить, такое сочетание свидетельствовало об одном: случилась беда, и немалая.

Хрущев заехал домой на минутку. На вопросы отвечать не стал, только буркнул: «Есть там дела», — и ушел к себе на второй этаж переодеваться.

К приготовленному стакану чая с лимоном не притронулся. Спустившись, сразу прошел в прихожую, надел темно-серое демисезонное пальто, нахлобучил такую же, в тон, шляпу, как-то отчужденно обвел всех взглядом, кивнул на прощание и вышел. Всеми своими мыслями он уже был там, в Варшаве.

В доме наступила тревожная тишина. Через несколько часов звонок из приемной ЦК от помощников: «Долетели благополучно, приступили к работе». И никаких подробностей. Что там такое стряслось? Чем вызван столь поспешный отъезд?

Домашние терялись в догадках.

И сборы, и полет — все происходило в спешке, на нервах. Никита Сергеевич потом рассказывал о своих переживаниях: ведь они так и не получили согласия Охаба на прилет в Варшаву, не было разрешения и на перелет польской границы. Отправились по своему разумению, на свой страх и риск. А у страха глаза велики, по сообщениям советского посольства, не развеянным неприятным разговором с Охабом, не исключался контрреволюционный государственный переворот. Не встретят ли в этом случае незваных гостей, самовольно пересекших границу, самолеты-перехватчики? По свидетельству Хрущева-младшего, его отец такое развитие событий считал маловероятным, но, исходя из панической информации, полностью исключить не мог.

Что же произошло после встречи на аэродроме?

Н. С. Хрущев:

— С аэродрома мы приехали в Центральный Комитет... Беседа проходила очень бурно... Разговор был грубым, без дипломатии. Мы требовали объяснений действий, которые, как мы считали, были направлены против Советского Союза. Войском Польским тогда командовал маршал Рокоссовский... Когда мы приехали, то во время обеда получили информацию от Рокоссовского, что войска, подчиненные Министерству внутренних дел, приведены в боевую готовность и стянуты к Варшаве... Эти обстоятельства еще больше возбудили наше недоверие, и даже возникли подозрения, что действия поляков умышленно направлены против Советского Союза. Уже звучали открытые требования выслать Рокоссовского в Советский Союз, так как ему нельзя доверять, он не поляк и проводит антипольскую политику.

С. Н. Хрущев:

— Как красная тряпка быка, раздражал поляков маршал Рокоссовский, «рекомендованный» на пост главы военного ведомства еще Сталиным. Они справедливо полагали, что в решительный момент он выполнит приказы Хрущева, а не Гомулки, послужит России, а не Польше. «За мной установлена слежка, и я шагу не могу сделать, чтобы это не было известно министру внутренних дел», — жаловался Рокоссовский отцу.

Н. С. Хрущев:

— Антисоветская волна у нас создала соответствующее настроение. Хотя мы считали, что это накипь, которая накопилась в результате неправильной политики Сталина. Сложнее была проблема пребывания наших войск в Польше. Правда, это право вытекало из Потсдамского соглашения и, следовательно, освящено авторитетом международного права. Необходимость присутствия наших войск в Польше определялась железнодорожными и шоссейными коммуникациями с

нашими войсками в Германии. Мы решили защищать это право. Я поговорил с Рокоссовским: «Скажите, Рокоссовский, как поведут себя войска?»

С. Н. Хрущев:

— Это был момент, за которым могло последовать непоправимое. Поэтому особенно ценно проследить, как мы тогда, в 1956 году, продвигались к грани и как остановились на самом краю. На вопрос отца Маршал Советского Союза и Маршал Войска Польского бывший сталинский узник и герой войны Константин Константинович Рокоссовский ответил: «Польские войска сейчас не все послушают моего приказа, но... есть части, которые выполняют мой приказ. Я — гражданин Советского Союза и считаю, что надо принять меры против тех антисоветских сил, которые пробиваются к руководству. Жизненно важно сохранить коммуникации с Германией через Польшу». Так что у поляков были все основания сомневаться.

Н. С. Хрущев:

— Наши силы в Польше были невелики. С нами в Варшаву приехал Конев, он в то время командовал войсками Варшавского пакта и был нам необходим. Через маршала Конева мы приказали, чтобы советские войска в Польше были приведены в боевую готовность. Через некоторое время мы приказали, чтобы одна танковая дивизия подтянулась к Варшаве. Конев отдал приказ и доложил, что войска снялись и танковая дивизия движется в направлении Варшавы.

Аналогичные распоряжения отдал еще верным ему войскам маршал Рокоссовский.

Конечно, это не осталось незамеченным поляками. Варшава начала лихорадочные приготовления к обороне, а на Гомулку выпала миссия попытаться отвести танковые экипажи.

Заседание было бурное, нервное. Хрущев отчаянно спорил с поляками. И тут к нему направляется Гомулка

и очень нервно заявляет:

— Товарищ Хрущев, на Варшаву движется ваша танковая дивизия. Я вас прошу дать приказ остановить движение и не вводить ее в город. Вообще лучше, чтобы она не подходила к Варшаве. Я боюсь, будет совершенно непоправимое.

Очень нервно Гомулка и просил, и требовал. Гомулка — экспансивный человек, у него пена на губах появилась. Выражения он употреблял очень резкие.

Завадский информировал Хрущева, что идет антисоветская агитация среди рабочих Варшавы. Заводы вооружаются. Ситуация сложилась очень тяжелая. Приехавшие из Москвы, собственно говоря, оказались пленниками.

Опять слово взял Гомулка, и своим выступлением Хрущева очень подкупил. Говорил он горячо:

— Товарищ Хрущев, я вас прошу, остановите движение войск. Произойдет непоправимое! Вы думаете, что только вы нуждаетесь в дружбе с польским народом? Я, как поляк и коммунист, заявляю, что Польша больше нуждается в дружбе с русскими... Разве мы не понимаем, что без вас не можем существовать как независимое государство? Все будет в порядке. Не допустите, чтобы ваши войска вошли в Варшаву. Тогда будет трудно контролировать события.

Был объявлен перерыв. Приехавшие из Москвы собрались своей делегацией и обсудили вопрос вместе с Рокоссовским. Хрущев проникся доверием к словам Гомулки. Он ему и раньше верил. Несмотря на его вспыльчивость и резкость, в его словах была искренность...

Хрущев говорит:

— Товарищи, я Гомулке верю, верю как коммунисту. Ему трудно. Сразу он этого не сделает. Но постепенно, если мы выразим ему свое доверие, отведем наши войска, дадим время, то Гомулка сможет справиться с

теми силами, которые сейчас стоят на неверных позициях.

Все согласились, и Хрущев отдал Коневу приказ остановить продвижение советских войск к Варшаве. Потом Хрущев объяснял, что эти войска и не двигались к Варшаве, а проводили свой военный маневр и, выполнив его, остановились в том пункте, который был им назначен. Конечно, никто не поверил хрущевским объяснениям, но все были довольны, что войска остановились. Обстановка разрядилась. Поляки поняли, что с московской делегацией можно договориться. Ввод советских войск в Варшаву действительно мог быть непоправимым. Это породило бы такие трудности, что невозможно себе представить, куда бы можно зайти.

Хрущев считал, что положение спас Гомулка. Остальное было второстепенным. Выдвижение на пост первого секретаря Гомулки у Хрущева не вызывало возражений.

Дальнейшее пребывание советских высших руководителей в Польше перестало быть необходимым. Они распрощались и улетели домой.

13 ноября министр национальной обороны Польши маршал Войска Польского Константин Рокоссовский подал в отставку со всех постов. Польское правительство на прощание наградило военачальника орденом и, не мешкая, отправило в Советский Союз. На его место назначили лишь недавно вышедшего из тюрьмы Марианна Спыхальского.

Почти одновременно вспыхнули волнения в Венгрии.

16 октября 1956 года будапештские центральные газеты опубликовали письмо Имре Надя и постановление Политбюро ЦК Венгерской партии трудящихся о восстановлении в партии И. Надя «в связи с тем, что хотя он совершил политические ошибки, но они не делали обоснованным его исключение из партии». Постановление об исключении Имре Надя из

партии от ноября 1955 года отменялось. Тогда Ракоши взял верх, теперь времена поменялись.

Хрущев, по словам его сына Сергея, лично ничего не имел против Имре Надя. Их знакомство началось давно. Еще со сталинских времен ему запомнились яростные стычки между Ракоши и Надем по крестьянскому вопросу. Имре Надь и тогда числился в «ревизионистах», выступал против поголовной насильственной коллективизации, за предоставление ограниченной свободы крестьянину, склонялся к нэпу. Дело доходило до оскорблений, Ракоши обвинял Имре Надя в измене, но Сталин только посмеивался. Видимо, у него имелись свои расчеты: свара внутри венгерского руководства его устраивала, а в «перерожденчество» Имре Надя он не верил.

Наверняка, у Сталина имелись основания не причислять Имре Надя к людям, вызывающим опасения, не хотел он отдавать его на расправу вместе с другими, не потравившими ему венгерскими лидерами. Такими, как Ласло Райк и многими, многими другими. Правда, Сталин и не встал открыто на его защиту, когда Имре Надя за правый уклон в 1949 году исключили из Политбюро. Промолчал. Но тронуть не дал.

В 1949 году Имре Надя переместили с поста министра сельского хозяйства на место председателя парламента и попутно назначили ректором сельскохозяйственного института. Там он пробыл недолго, его карьера, в отличие от других «уклонистов», стала выправляться. А в 1952 году Надь занял прежнее министерское кресло в расширившем функции ведомстве — министерстве сельского хозяйства и снабжения.

По случаю смерти Сталина Имре Надь произнес прочувствованную речь о великом вожде, продолжал его верноподданнически цитировать, а после своего

исключения из партии, уже в 1955 году, обвинил обидчиков в проведении антисталинской политики.

В те годы Хрущев провозгласил «невмешательство» в происходившие в дружеских странах дела. Конечно, это «невмешательство» носило своеобразный характер, являлось слепком со своего времени. Большим шагом вперед считалась отмена утверждения в Москве любого назначения на мало-мальски серьезный пост. Этим достижением Хрущев чрезвычайно гордился. Старался он не влезать и во внутренние свары. Хотя это далеко не всегда удавалось. Терпящая поражение сторона бежала в Москву за помощью, а победители стремились там же закрепить свои успехи.

Созвучие политики, проводимой Хрущевым, и идей, выдвигавшихся Имре Надем, становилось все более синхронным. Очевидно одно — в середине октября, как и раньше, Хрущев еще не видел в Имре Наде врага.

Начавшаяся 23 октября студенческая демонстрация в Будапеште, проходившая под лозунгами, требовавшими отставки тогдашнего венгерского руководства и прихода к власти Имре Надея, оказалась для Хрущева неожиданной. Хрущев-младший не знал, о чем докладывал советский посол Андропов. Сейчас многие отдадут дань его проницательности, проявленной в тот период, но не приводят конкретных документов. Хрущев-младший знает одно: гром грянул, конечно, не с ясного неба, тучи давно заволокли горизонт, но в Москве не ждали бури. Ситуация оценивалась как напряженная, но не более чем в предыдущие дни.

Если для Хрущева-старшего происшедшее требовало принятия чрезвычайных мер, то Хрущева-младшего сам факт демонстрации против социализма, против народной власти просто потряс. До сих пор слово «демонстрация» ассоциировалось у него лишь с парадным верноподданническим шествием в дни

праздников. А тут еще в газетах появились зловещие сообщения об «антинародной аванюре в Будапеште», сопровождаемой грабежом магазинов и битьем стекол. О перестрелке у здания венгерского радио не упоминали.

Н. С. Хрущев:

— К руководству пришел Надь Имре. У нас теплилась надежда, что если в руководстве Надь Имре, то он сохранит коммунистическое руководство в венгерском народе.

С. Н. Хрущев:

— Демонстранты мирно обтекали выползшие на узкие будапештские улицы советские танки с плотно задраенными люками. Машины казались безжизненными, они никак не противодействовали проходу людей. Казалось, их вообще не интересует происходящее в городе. Отец сказал, что войска получили строжайшее указание не вмешиваться, только демонстрировать свое присутствие. Приказ строго выполнялся. Даже когда с крыш домов по танкам стали беспорядочно стрелять, как говорят, засевшие там работники госбезопасности, они не отреагировали. Пули только щелкали по броне, не в состоянии даже сколупнуть грязно-зеленую краску.

Однако надежды Хрущева-старшего не сбылись. Имре Надь не проявил решительности, не смог овладеть положением. Или не хотел? По мнению мемуариста, Хрущева-младшего, именно не смог. По своей природе человек мягкий и интеллигентный, он старался примирить непримиримое, отвергал саму возможность применения силы. Нельзя не отметить, что и у него не было запаса времени. В отличие от Гомулки, он пришел к власти не в преддверии событий, а на их гребне. Во многом ему приходилось всего лишь констатировать происшедшее.

Хрущев-младший много раз задавался вопросом, почему отец по первому зову кинулся в Варшаву, а в Венгрию не поехал? Без сомнения, при той непростой расстановке сил в Президиуме ЦК, сложившейся после XX съезда, отец старался поровнее распределить ответственность за принимаемые решения. С одной стороны, чтобы его не обвинили в выпячивании своей фигуры, с другой — он не желал все грехи взваливать на свои плечи. Старался соблюсти некий баланс. Но главное, по мнению сына, отец недооценил опасности нарастания событий. Доклады из Будапешта в отличие от панического призыва посла в Польше не предвещали столь страшных потрясений. На первых порах казалось, что правительство Имре Надя, наладив тесный контакт с советскими эмиссарами, сможет овладеть положением.

В ночь на 25 октября Советская Армия наконец вмешалась в события, но действовала она не в одиночестве, а вместе с венграми. Еще сохранялась возможность переломить развитие событий, направить поток в безопасное русло. Именно в безопасное. О нейтральной Венгрии, стоящей вне пактов, а тем более о Венгрии, уходящей на Запад, в НАТО, в тот период острого противостояния двух лагерей, двух сил, мыслящих терминами побед и поражений, могли говорить только политические авантюристы. Это время еще не пришло.

А как происшедшие события подавались советским людям? Сын руководителя страны с иронией приводит цитату из газеты «Правда»: «По приказу Совета Министров Венгерской Народной Республики венгерская армия, внутренние войска и вооруженные рабочие отряды с помощью советских войск в ночь на 25 октября ликвидировали контрреволюционный путч».

Однако остановить сползание к кровопролитию, стабилизировать ситуацию не удалось. События

накатывались лавиной, выходили из-под контроля, в том числе из-под контроля Имре Надя. «Сегодня трудно сказать, — пишет Хрущев-младший, — что оказало большее влияние: накаленная обстановка и деструкционное стремление масс, отвергающих старые порядки, стремящихся отомстить за преступления и обиды, или попытки измазанных в крови работников госбезопасности спровоцировать столкновение с советскими войсками, устроить кровавую бойню и под ее прикрытием уйти от ответа».

По крайней мере закончившееся трагически 25 октября «братание» на будапештских улицах венгров с советскими солдатами свидетельствует о последнем. Так считает сын советского вождя Сергей Хрущев.

Весьма патриотично, не правда ли? Даже если бы было так, как он утверждает, странно читать подобные пассажи. Речь-то идет о его Родине. Впрочем, Сергей Никитич сейчас проживает в Америке, которую собирался догнать и перегнать его неистовый папаша.

Неужели американец российского происхождения Сергей Никитич Хрущев не слышал от отца и сам не знал, кто готовил восстание в Венгрии? Кто-кто, а высшее кремлевское руководство наверняка было информировано Комитетом госбезопасности, что британская военная разведка МИ-6 обучала будущих венгерских повстанцев обращению со взрывчатыми веществами и огнестрельным оружием перед путчем в Будапеште. За два года до этого восстания диссидентов тайно вывозили через венгерскую границу в британскую зону Австрии для обучения на специальных курсах. Их встречали в пограничном городке Грац и переправляли в горы.

Об этом в 1996 году писали, ничего не скрывая, сами сотрудники британских спецслужб. Один из них вспоминал в газете «Дейли телеграф»: «У меня был старый разбитый «фольксваген», и я подбирал агентов

на венгерской границе. Мы отвозили их в горы и проводили трех-четырёхдневный курс подготовки. Мне приказывали подобрать кого-то на углу улицы в определенное время, ночью, под проливным дождем».

Этот агент, чье имя сохраняется в секрете, добавил: «После того, как мы завершали их подготовку, обучали обращению со взрывчатыми веществами и оружием, я отвозил их обратно. Это было в 1954 году, за два года до восстания. Но мы знали, что это случится. Мы готовили агентов для этого восстания».

Наконец, о роли МИ-6 в подготовке восстания рассказывается в книге Майкла Смита «Новый плащ, старый кинжал». В ней говорится, что катализатором восстания стало известие о секретной речи Хрущева в 1956 году и развенчании им Сталина. Это породило требование реформ, усилившееся в связи с вынужденной отставкой в 1955 году Имре Надя, либерального премьер-министра Венгрии.

23 октября 1956 года, утверждает в книге М. Смит, 250 тысяч человек приняли участие в студенческой демонстрации в Будапеште, где звучали требования о выводе советских войск и возвращении Надя. Имели место столкновения с силами безопасности, и в толпе появилось большое количество оружия. Значительная часть его поступила с американских складов в Австрии, а другая была английского происхождения.

Сын же советского руководителя утверждает, что венгерская безопасность сама спровоцировала кровавую бойню.

У парламента раздавались выстрелы, падали убитые и раненые. Кто стрелял, осталось неизвестным. Говорили, что стрельба велась из окон домов. Хрущеву доложили: вооруженную акцию совершили контрреволюционеры. Среди венгров распространился слух: это — дело рук русских, которые решили

схитрить, усыпить бдительность восставшего народа, а затем показали свое истинное лицо.

На следующий день весь Будапешт вышел на улицы. Симпатии сместились — венгерские военные начали примыкать к демонстрантам, стали образовываться новые органы власти. В городах — революционные комитеты, на заводах, по примеру югославов, — рабочие советы. От недавних объятий с советскими солдатами не осталось и следа. По словам Хрущева-младшего, народ потребовал вывода оккупационных войск из города.

Именно так и не иначе: «Народ потребовал вывода оккупационных войск из города». Не вооруженные и обученные английскими спецслужбами боевики, а «народ».

«Оптимистические сообщения в советской печати, — пишет далее Хрущев-младший, — о том, что 25 октября в Будапеште обстановка нормализовалась и спокойствие нарушается лишь отдельными вылазками отдельных вооруженных лиц, а 27 вновь организованное под руководством Имре Надя правительство Венгрии объявило амнистию, в результате которой повстанцы в массовом порядке сдаются властям, не вязались с озабоченным видом отца». Впечатление такое, будто печать могла не подчиняться Никите Сергеевичу. Какие сообщения пеклись в хрущевском ЦК, такие пресса и публиковала. Насмешливая тональность Сергея Никитича обидна — речь-то идет о своей стране.

«С работы он приходил не поздно, — рассказывает далее Хрущев-младший, — как обычно, но гулял молча, на вопросы отвечал неохотно. Только значительно позже он расскажет о своих колебаниях в те дни. Он думал не только о происходивших тогда событиях, бился и не мог найти ответ: почему так случилось. Сначала Польша, за ней Венгрия. Вернее, ответ

напрашивался сам собой. Он, казалось, лежал на поверхности: во всем виноват Сталин, нарушение ленинских непререкаемых норм. Надо вернуться к ним, и все уляжется. Глубже отец старался не заглядывать».

Остается и мне воспользоваться приемом насмешливого мемуариста: конечно же, во всем виноват Сталин. При чем здесь Никита Сергеевич? Налицо неуклюжая попытка увести отца от исторической ответственности за события, о вине которого прямо говорят английские спецслужбы.

Так это английские! А для своих соотечественников пусть будет другая правда.

Между тем обстоятельства складывались неблагоприятно. Венгерское правительство так и не совладало с обстановкой, события бурно нарастали, а декреты за подписью Имре Надя только фиксировали стихийно происшедшие изменения. В день своего формирования новое руководство заявило, что по просьбе правительства в борьбе принимают участие советские воинские части, расположенные в Будапеште. На следующий день Имре Надя объявил о прекращении огня, пообещал распустить органы госбезопасности и потребовал вывода советских войск из города.

30 октября, на следующий день после ухода советских танков, подвергся разгрому Будапештский горком партии. На улицах города стали охотиться за ненавистными сотрудниками госбезопасности, еще недавно сеявшими страх по всей стране (снова терминология Хрущева-младшего). В сообщениях в Москву их именовали активистами и невинными жертвами.

Хочется спросить мемуариста: а кем же они были? В конце концов, речь ведь шла о дружественной нам стране. Никак не могу отделаться от ощущения: так писать может только человек со стороны.

Разоренные здания с выломанными дверями и выбитыми стеклами, следы пожаров, лежащие на улицах трупы — все это фотографировали. Новые снимки немедленно отправили в Москву. Донесения, шифровки, звонки из Будапешта звучали все тревожнее. Из них следовало, что, хотя «ни рабочие, ни крестьяне не участвуют в столкновениях, держат нейтралитет», без вмешательства наших войск перелома не добиться.

Прервем на короткое время воспоминания сына и предоставим слово отцу. Никита Сергеевич рассказывал о начавшейся охоте за партийным активом, и главным образом охоте за чекистами. Громили партийные комитеты, громили чекистские органы. Вешали, убивали. Вешали за ноги, совершали прочие издевательства.

Вызвали Конева. Он тогда командовал войсками Варшавского пакта. Спросили его: сколько потребуется времени, если ему будет поручено разгромить контрреволюционные силы и навести порядок в Венгрии.

Он подумал и сказал:

— Трое суток, не больше.

Хрущев ему сказал:

— Готовьтесь. Когда начинать, мы вам скажем дополнительно.

И снова свидетельства С. Н. Хрущева, призванные, судя по всему, служить главным первоисточником для потомков.

1 ноября пришло известие о решении венгерского правительства выйти из Организации Варшавского Договора и направленном в ООН призыве о защите. Эта информация только придавала советскому руководству уверенности. Запрошенные маршалом Коневым на подготовку операции три дня истекли 4 ноября. Никита Сергеевич считал необходимым до начала акции

заручиться поддержкой остальных союзных СССР социалистических стран.

Времени на консультации практически не оставалось. В запасе он имел полтора, максимум два дня. Решил провести встречи по частям. Он встретился с руководством Польши, Румынии, Югославии.

За эти полтора дня, которые отец провел вне Москвы, в Будапеште произошли немаловажные события. Правительство снова реорганизовалось, в него вошли люди, открыто противостоявшие союзу с Москвой. Оформилось непреклонное требование вывода советских войск с территории Венгрии. Тем временем Конев доложил, что войска направляются на исходные рубежи, он приступил к окружению аэродромов, транспортных узлов и других стратегически важных пунктов.

По сообщениям газет, в Венгрии началось настоящее побоище. С пойманными расправлялись прямо на улице. Из Австрии в Будапешт самолет за самолетом возвращались бежавшие после войны фашисты, хортисты и Бог знает кто еще.

По венгерскому радио объявили: всем бывшим сотрудникам распущенной службы государственной безопасности без промедления сдать властям, и чуть ниже — информация о насилиях над коммунистами, снова сопровождаемая фотодокументами. Сообщалось о прекращении работы предприятий и реорганизации правительства. В него взамен изгнанных коммунистов включили вернувшихся с Запада правых буржуазных деятелей.

Наконец в дело вступили военные, и события покатались по иным рельсам. Пролилась кровь, много крови. Конев штурмовал Будапешт. Вернее, штурмовал, громко сказано, захватил его. Он и постоянно находившийся рядом с ним председатель КГБ Серов за эту операцию получили ордена. Кажется, Суворова. И

не одни они. Всех участников операции, выполнявших «интернациональный долг» (эти слова сын советского вождя осуждающе заключает в кавычки), приравнивали к тем, кто воевал с гитлеровскими фашистами.

А почему бы и нет? Что здесь предосудительного? Люди-то действительно участвовали в боевых действиях, гибли, получали ранения и увечья. Всякое сравнение, безусловно, хромает, но ведь американский президент в 1991 году не жалел орденов и медалей для участников операции «Буря в пустыне», хотя, разумеется, цели армии США в Персидском заливе и советских войск в Венгрии были абсолютно разными. Советский Союз оказал военное вмешательство в дела страны, связанной с ним Варшавским пактом. К тому же позволительно задать поборнику общечеловеческих ценностей С. Н. Хрущеву и такой вопрос: а кто, собственно, награждал советских бойцов и командиров, приравняв их к воинам, сражавшимся против фашистских войск? Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждениях обсуждались и утверждались на заседаниях Президиума ЦК КПСС, на которых председательствовал Никита Сергеевич Хрущев.

Между тем, рассказывает далее Хрущев-младший, Серов прислал Никите Сергеевичу очередной альбом с фотографиями пустынных улиц Будапешта: стены домов выщерблены снарядами и пулями, витрины и окна зияли провалами или были забиты досками.

Посольство доносило: в своей массе народ поддерживает проведенную акцию. В восстании, судя по шифровкам Андропова, активно участвовала лишь горстка антикоммунистически настроенной интеллигенции. Ей удалось привлечь на свою сторону учащуюся молодежь. Рабочий класс, особенно за пределами Будапешта, не поддерживал

контрреволюционных призывов. В одних местах он держал нейтралитет, в других — изготавлялся к отпору.

По мнению посольства, не удалось вовлечь в вооруженную борьбу и крестьянство, на призывы выхода из колхозов они не отреагировали. Продолжали спокойно работать.

Следовал вывод: восстание не имело поддержки в народе, его разгром получит положительный отклик среди значительной части населения Венгрии.

Как ни странно, но сын советского вождя видит положительную роль кризиса в Польше, и особенно венгерской трагедии в том, что они оказали огромное влияние на демократические процессы не только в этих странах, но и в Советском Союзе. Хрущев-младший считает: он не погрешит против истины, если скажет, что при принятии решений вплоть до 1964 года, дальше он просто не знает, в головах членов Президиума ЦК КПСС постоянно отдавались гроыхающие залпы орудий в Будапеште.

К такому неожиданному выводу приходит человек, получивший американское гражданство, постоянно проживающий в США и преподающий там политологию. Вот уж поистине — найти оправдание можно любому поступку. И даже придать ему положительную роль. Мудра, тонка наука увода от главного! Непродуманная, волюнтаристская политика недалекого вождя привела к серьезным осложнениям в международном плане, идеологические основы мировой социалистической системы оказались подорванными, а нам, малопонятливым, вдалбливают: это пошло на пользу стране и всему коммунистическому движению. Жуткий провал выдают за великий подвиг.

Имре Надь между тем бежал в Румынию, где укрылся в югославском посольстве. Этот шаг до крайности натянул отношения Хрущева с Тито. Хрущев считал, что Тито вел двойную игру. «Ведь он поддержал

вмешательство, и не просто поддержал, а подталкивал нас», — возмутился Никита Сергеевич.

Новый глава венгерского правительства Янош Кадар обратился с просьбой к Хрущеву посодействовать выдаче Имре Надя. Хрущев после некоторых колебаний согласился, и вскоре Имре Надь оказался в венгерской тюрьме.

Имре Надя судили. Суд вынес жестокий приговор — смертную казнь. После смерти Сталина, если не считать расстрела Берию, это был первый подобный приговор в политическом процессе.

17 апреля 1958 года Имре Надя расстреляли.

С. Н. Хрущеву настолько дороги идеалы демократии и свободы, а также общечеловеческие ценности, что он восклицает: этот акт по справедливости навлек позор не только на голову Яноша Кадара, но и на голову отца.

Такое случается не часто — во имя любви к Западу не остановиться перед обвинением в позорном поступке родного отца. Впрочем, чего не сделаешь ради благосклонного к себе отношения цивилизованного мира. А может, Сергей Никитич всю свою жизнь руководствовался исключительно высокими побуждениями и никогда не шел на сделку с нравственными нормами? Действительно, если душа чиста и ей чужды несправедливые поступки, то такой человек не хочет делать исключений ни для кого, включая и близких родственников. Но к этой теме я еще вернусь, есть у меня кое-какие сведения, навеянные архивными источниками и рассказами долгожителя Лубянки Бобкова Филиппа Денисовича.

Закончить же этот подраздел хочется словами близкого Н. С. Хрущеву по говорливости и страсти к преобразованиям М. С. Горбачева. По его мнению, история никогда не забудет разоблачения Хрущевым культа личности Сталина. Плохо только то, что в его закрытом докладе на XX съезде было слишком мало

анализа и слишком много субъективных моментов. Сводить проблему тоталитаризма к внешним причинам и дурному характеру диктатора — дело нехитрое и к тому же эффективное, но не вскрывает его глубоких корней. Достаточно прозрачными были и личные политические расчеты Хрущева: выступив первым с разоблачением «культа», он сразу же блокировал своих ближайших конкурентов и противников — Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова, которые вместе с ним как раз и составляли ближайшее окружение Сталина.

Все это верно, но для истории и большой политики огромное значение имеют реальные последствия его политических действий. Критика Сталина, олицетворявшего собою режим, не только выявила тяжелейшее состояние общества в целом, извращенный характер политической борьбы, происходившей в нем, но и полное отсутствие элементарной законности. Она морально дискредитировала тоталитаризм, породила надежды на реформирование системы, дала импульс развитию новых процессов как в сфере политики и экономики, так и в духовной жизни. И это, считает Горбачев, должно быть поставлено в заслугу Хрущеву, тем, кто поддержал его.

Он уже не говорит о том, что позиция Хрущева в данном вопросе привела к массовым реабилитациям, сохранившим доброе имя сотням тысяч безвинно погибших в сталинских застенках и лагерях.

В разоблачении Сталина наиболее ярко проявилась противоречивость исторической роли Хрущева. С одной стороны, смелость и мужество, решительность, готовность пойти против течения, а с другой — ограниченность политического мышления рамками определенных стереотипов, неспособность и нежелание вскрыть глубинные основы явлений, с которыми он вел борьбу.

Видеть причину трагических событий в истории советского общества только лишь в личных качествах «злодея» Сталина, значит, оказаться в плену «культ личности» наоборот. Если дело в этом, то достаточно сменить плохого руководителя на хорошего, и общество гарантировано от повторения ошибок. Хрущев как бы обращался ко всем: вот я честно говорю о прошлом, ничего не скрывая, верьте мне, идите за мной и все будет хорошо. Иными словами, приглашал сменить один культ другим, не посягая на устои системы.

Углубиться в анализ причин тоталитаризма Хрущев не хотел, да, вероятно, и не смог бы, потому что это требовало преодоления стереотипов, ставших для него символом веры. Поэтому критика культа личности, резкая по словам, была половинчатой по существу, ей был поставлен определенный предел, а процесс реальной демократизации остановлен в самом начале.

Ну что тут сказать? Горбачев не остановился на полпути, как Хрущев, а пошел дальше, посягнув на устои. Что из этого вышло, видно каждому.

Вынос из Мавзолея

Нынешняя молодежь, наверное, и не подозревает, что когда-то в Мавзолее В. И. Ленина, вокруг которого время от времени вспыхивают дебаты, выносить или не выносить, с большой помпой был установлен и саркофаг с телом И. В. Сталина. Через восемь лет забальзамированное божество перезахоронили в обыкновенной могиле, правда, на Красной площади. Сопутствовавшее этому событию решение хорошо отложилось в памяти одного из немногих оставшихся в живых кремлевских «могикан» Н. А. Мухитдинова.

Октябрь 1961 года. XXII съезд КПСС. Однажды вечером, после очередного заседания, Нуриддину Акрамовичу передали, чтобы он зашел к Хрущеву. Заходит и видит: у него сидят Подгорный, Микоян, Суслов, Шелепин и еще кто-то. Никита Сергеевич говорит:

— Давайте уберем Сталина из Мавзолея и похороним его на Новодевичьем кладбище, где лежат его жена, родные.

Общее молчание. Тут рассказчик осмелился и, по его словам, заговорил первым:

— Никита Сергеевич, его поместили в Мавзолей по решению ЦК, Президиума Верховного Совета и Совета Министров.

Козлов перебил:

— Всем это известно, зачем повторять?

Но Мухитдинов продолжал:

— Вряд ли народ хорошо воспримет, если мы так отнесемся к останкам покойного. У нас на Востоке, у мусульман, это большой грех — тревожить тело умершего.

Микоян оборвал:

— Не навязывай нам на съезде свои мусульманские обычаи.

Нуриддин Акрамович все же досказал свою мысль:

— Трудно будет объяснить, почему нужно хоронить на Новодевичьем кладбище. За Мавзолеем лежат его соратники — Дзержинский, Свердлов, Фрунзе, Калинин и многие другие, работавшие вместе с ним. Быть может, и ему найдется здесь место?

После некоторого молчания слово взял А. Н. Шелепин:

— Переносить останки Сталина на Новодевичье кладбище опасно, рискованно. Не исключено, что кто-то может их украсть. Вряд ли возможно предотвратить это. Получится скандал, и это в то время, когда так хорошо проходит съезд.

Хрущев подумал и говорит:

— Ну, давайте предложим съезду убрать его из Мавзолея. Ему не место рядом с Лениным. Быть может, действительно, похоронить его за Мавзолеем, в ряду известных деятелей?

Все согласились. Никита Сергеевич продолжил, обращаясь к Подгорному:

— Ты, Николай Викторович, сделаешь доклад, внесешь проект постановления. Анастас займется перезахоронением. Товарищ Суслов подготовит проект решения, а товарищ Козлов продумает, кто будет выступать. Желательно, чтобы руководители крупных республик и регионов высказались в поддержку этого решения.

На этом все разошлись.

30 октября перед утренним заседанием съезда произошел небольшой казус. Вместо первого секретаря ЦК Компартии Грузии В. П. Мжаванадзе пришлось срочно готовить к выступлению Председателя Совета Министров республики Г. Д. Джавахишвили. Оказалось, что Мжаванадзе после разговора с ним Козлова пришел

утром на заседание съезда с завязанным горлом и шепотом сказал, что у него начался воспалительный процесс, что он охрип и говорить не может. Остановились на Джавахишвили, который, правда, сопротивлялся, но ему навязали это выступление, даже припугнув. Выступив в чисто грузинской манере, он заявил:

— Да, мы вынуждены согласиться с предложением о переносе праха Сталина в другое место.

От республик Средней Азии и Казахстана никто не выступал. Таким образом, в поддержку предложения первого секретаря Ленинградского обкома И. В. Спиридонова выступили первый секретарь Московского горкома партии П. Н. Демичев, Г. Д. Джавахишвили, от Ленинградской парторганизации член КПСС с 1902 г. Д. А. Лазуркина. В заключение выступил Н. В. Подгорный, который от имени ленинградской и московской делегаций, делегаций компартий Украины и Грузии внес на рассмотрение проект постановления XXII съезда КПСС о нецелесообразности дальнейшего сохранения в Мавзолее саркофага с телом И. В. Сталина.

Делегаты утвердили проект без замечаний.

Перезахороняли ночью, тайно, по-воровски. Накануне москвичи каким-то образом узнали о затеянном. На Красной площади собирались группы людей. Бывший командир отдельного Кремлевского полка Ф. Конев рассказывал мне: для того, чтобы выяснить настроения людей, он переоделся в гражданскую одежду, смешался с толпами. Велись возбужденные разговоры. Содержание их можно было свести к следующему: «Почему этот вопрос решили, не посоветовавшись с народом?»

К 18 часам того же дня наряды милиции очистили Красную площадь и закрыли все входы на нее под тем предлогом, что будет проводиться репетиция техники войск Московского гарнизона к параду.

Ф. Конев подтвердил слова Н. Мухитдинова о первоначальном замысле перезахоронить Сталина на Новодевичьем кладбище.

— Меня вызвал в здание правительства заместитель начальника управления охраны Кремля полковник В. Чекалов и приказал подготовить одну роту. Он так и сказал: для перезахоронения Сталина на Новодевичьем кладбище. Спустя некоторое время он позвонил мне по телефону и сказал, что захоронение будет за Мавзолеем Ленина у Кремлевской стены.

Ф. Конев рассказал мне, что, когда стемнело, место, где решено было отрыть могилу, обнесли фанерой и осветили электрическим прожектором. Примерно к 21 часу солдаты выкопали могилу и к ней поднесли 10 железобетонных плит размером 100 x 75 сантиметров. Силами сотрудников комендатуры Мавзолея и научных работников тело Сталина изъяли из саркофага и переложили в дощатый гроб, обитый красной материей. На мундире золотые пуговицы заменили на латунные. Тело покрыли вуалью темного цвета, оставив открытым лицо и половину груди. Гроб установили в комнате рядом с траурным залом в Мавзолее.

В 22. 00 прибыла комиссия по перезахоронению, которую возглавлял Н. Шверник. Из родственников никого не было. Чувствовалось, что у всех крайне подавленное состояние, особенно у Н. Шверника.

Когда закрыли гроб крышкой, не оказалось гвоздей, чтобы прибить ее. Этот промах быстро устранил начальник хозотдела полковник Б. Тарасов. Затем пригласили восемь офицеров Кремлевского полка, которые подняли гроб на руки и вынесли из Мавзолея через боковой выход.

В это время на Красной площади проходили стройными рядами автомобили, тренируясь к параду.

К 22 часам 15 минутам гроб поднесли к могиле и установили на подставки. На дне могилы из восьми

железобетонных плит был сделан своеобразный саркофаг. После минутного молчания гроб осторожно опустили в могилу. Предполагалось гроб сверху прикрыть еще двумя железобетонными плитами. Но полковник Б. Тарасов предложил плитами не закрывать, а просто засыпать землей.

По русскому обычаю, кое-кто из офицеров, в том числе и Ф. Конев, украдкой бросили по горсти земли, и солдаты закопали могилу, уложив на ней плиту с годами рождения и смерти Сталина, которая много лет пролежала в таком виде до установления бюста.

Подоплека предательства

И Никита Сергеевич, и его сын Сергей, и зять Алексей Аджубей, предвосхищая неизбежные вопросы будущих историков и политиков, сами спрашивали, были ли какие-то сугубо личные причины, амбиции, толкнувшие Хрущева на решительный шаг во время XX съезда — на второй доклад?

Обойти молчанием этот вопрос было нельзя. Уйти от него значило бы дать повод для многозначительных умозаключений. И все трое последовали классическому правилу: лучший способ защиты — это наступление.

По версии А. Аджубея, в дни дежурства у постели умиравшего Сталина домой Никита Сергеевич (он делил это дежурство с Булганиным) приезжал всего на несколько часов, осунувшийся, почерневший, мало говорил, вновь уезжал на Ближнюю дачу. В траурной толпе потерялись и пропадали чуть ли не сутки его сын и младшая дочь — потрясенные случившимся и рвавшиеся в Колонный зал, чтобы проститься с вождем. В один из дней Никита Сергеевич взял с собой Раду, и она, оставив грудного ребенка, до ночи пробыла у гроба, не имея сил уйти. В последние траурные минуты Хрущев плакал, как и многие другие, и не стеснялся своих слез.

Вместе с партией, которую вел Сталин, рядом со Сталиным прошла вся его жизнь. Приехав в 1929 году с Украины в Москву, в Промышленную академию, где учились наиболее энергичные, талантливые партийцы с мест, Хрущев стал не только прилежным студентом горного факультета. Вскоре его избрали секретарем парткома академии. В академии училась и жена Сталина, Аллилуева, она тоже была членом парткома.

Хрущев активно участвовал в острейшей борьбе с троцкистской оппозицией. По-видимому, Каганович, бывший в ту пору секретарем МГК партии и знавший Хрущева еще по Украине, мог рассказать о нем Сталину.

Никита Сергеевич не часто вспоминал о том, как он попал в верхние партийные круги. Иногда, уже в пенсионные годы, он мог отложить книгу, задуматься и, как бы для себя, вернуться в прошлое.

Что могло заставить Хрущева выйти на трибуну с докладом о Сталине? Чем объяснялась его решимость? Нелепо было бы утверждать, что Хрущев вовсе не знал о массовых репрессиях или не чувствовал себя виновным. Он сам говорил, что те, кто работал рядом со Сталиным, не могут снять с себя ответственности, но она должна быть соразмерной. Нина Петровна обронила как-то фразу о том, что только после XX съезда Никита Сергеевич отдал начальнику своей охраны пистолет, который хранился в его спальне. Сам Хрущев редко делился подробностями о ночных сталинских обедах-заседаниях, но одной, как бы дежурной реплике Сталина придавал особое значение. Сталин мог вдруг, прервав застолье, спросить кого-либо из присутствовавших: «Что-то у вас сегодня глазки бегают?»

«Бегающие глазки» были плохим признаком. Вопрос этот и долгая пауза вслед обескураживали. В последние месяцы жизни Сталина на таком ближайшем «прицеле» вождя были Молотов, Микоян, Ворошилов. Что это значило, каков следующий шаг, им было прекрасно известно. Знал, конечно, это и Хрущев.

Поэтому, наверное, и носил с собой пистолет? Звучит красиво. А польза от этого пистолета какая? Отстреливаться от охраны, которой Сталин даст приказ его арестовать, заподозрив, что и у него «глазки забегали»? Ну разве что застрелиться самому! Но

способен ли на такой поступок жизнелюбивый плясун и весельчак Никита Сергеевич?

По мнению хрущевского зятя, мотивы выступления с докладом о культе личности Сталина на XX съезде — следующие. К 1956 году десятки известнейших партийных работников, военных деятелей, дипломатов, писателей, ученых были реабилитированы. С мертвых снимались ложные обвинения, их имена очищались от наветов и диких оговоров. Живым нужно было не просто участие, извинения, восстановление чести и достоинства. Им вернули паспорта, выдали денежную компенсацию, помогли устроиться с жильем, подыскали работу. Но требовалось и открыто сказать о тех трагических процессах, которые приобрели массовый характер. Уже до XX съезда и, конечно, в ходе заседаний у Хрущева крепло убеждение, что сказать откровенно об этом прежде всего должна партия. Соответствующий материал, который готовила специальная комиссия ЦК, куда входили большевики-ленинцы, вернувшиеся из лагерей и ссылки, в один из последних дней работы съезда лег на его стол.

Многие подробности о «врагах народа» начали доходить тогда до Хрущева, открывая истоки и размах массовых репрессий. Наверное, стыд и ужас соседствовали в его душе. Конечно, он был причастен к репрессиям и гибели многих товарищей, ставил свою подпись на приговорах «особых» совещаний и троек.

Разные варианты восстановления истины и справедливости занимали ум Хрущева, но бесспорно одно: он не испугался личной ответственности, душа его не зачерствела.

Никита Сергеевич много раз вспоминал ночь перед последним днем работы съезда. Тогда он еще раз перечитал страницы доклада, и ему померещилось, что он слышит голоса погибших товарищей. Что творилось в его душе? Его, конечно, угнетала вина перед ними.

У каждого свое право судить Хрущева за такой поворот XX съезда, за ту роль, которую он сыграл в истории нашей страны и партии. Бесспорно, по-видимому, одно: этот съезд никого не оставил равнодушным. Стало ясно, что за зло, за преступления против народа рано или поздно придется нести ответ, что из молчания не возникнет прощения.

Когда он объявил о своем решении, его стали пугать непредсказуемыми последствиями. Чем сильнее противились Молотов, Маленков и Ворошилов, тем тверже становилось убеждение Хрущева: надо открыть все. Принять половинчатое решение, осуждающее культ личности Сталина, и не вдаваться в подробности массовых репрессий, с его точки зрения, означало обман партии. Он предложил Молотову выступить с докладом. Тот отказался. Никита Сергеевич предупредил, что не изменит решения и выступит с докладом в качестве делегата съезда. Не остановило его и то, что он ставил под удар и себя: ведь он тоже был рядом со Сталиным. Он сказал, что лгать и изворачиваться не будет. «Придут молодые, спросят: почему смолчали? Что ответим им мы? Как они отнесутся к нам? Спасали свои шкуры, не хотели ответственности? Не жгла боль за гибель товарищей?!»

Так вспоминал Хрущев тот день своей жизни.

Его решение требовало немало мужества. Поймут ли его? Поддержат? Встанет ведь и вопрос: а где же ты был раньше, дорогой товарищ, разве не знал, что арестовывают твоих друзей по партии, тех, с кем ты работал много лет бок о бок, неужели верил, что все это враги?

Члены хрущевской команды развивают эту концепцию вширь и вглубь. У Никиты Сергеевича трудилось немало способных и даже по-своему талантливых аналитиков и публицистов. Одним из них был Ф. М. Бурлацкий, написавший о той эпохе немало

ностальгически-прониновенных страниц. Бесспорный мастер тонкой детали, впечатляющего штриха. В одной из своих книг он приводит такой запоминающийся эпизод.

На одной из встреч с руководителями коммунистических и рабочих партий Хрущев, стоя с рюмкой коньяка в руке, рассказывал:

— Вот меня часто спрашивают, как это я вдруг вышел и сделал тот доклад на XX съезде. Столько лет мы верили этому человеку. Поднимали его. Создавали ему культ. И риск тоже был огромен. Как еще к этому отнесутся руководители партии, и зарубежные деятели, и вся наша страна? Так вот, я хочу рассказать вам историю, которая мне запомнилась с детства, еще когда обучался грамоте. Была такая книга «Чтец-декламатор». Там печаталось очень много интересных вещей. И прочел я в этой книге рассказ, автора не помню. Сидели как-то в тюрьме в царское время политзаключенные. Там были и эсеры, и меньшевики, и большевики. А среди них оказался старый сапожник Пиня, который попал в тюрьму случайно. Ну, стали выбирать старосту по камере. Каждая партия предлагает своего кандидата. Вышел большой спор. Как быть? И вот кто-то предложил сапожника Пиню, человека безобидного, не входящего ни в одну из партий. Посмеялись все, а потом согласились. И стал Пиня старостой. Потом получилось так, что все они решили из тюрьмы бежать. Стали рыть подкоп. Долго ли рыли, неизвестно, только вырыли. Ну, и тут возник вопрос, кому идти первым в этот подкоп. Ведь, может, тюремное начальство уже дозналось о подкопе и ждет там с ружьями. Кто первым будет выходить, того первым и смерть настигнет. На эсеров-боевиков указывают, а те — на большевиков. Но в этот момент из угла поднимается старый сапожник Пиня и говорит: «Если вы меня избрали старостой, то мне-таки и надо

идти первым». Вот так и я на XX съезде. Уж поскольку меня избрали первым, я должен, я обязан был, как тот сапожник Пиня, сказать правду о прошлом, чего бы это мне ни стоило и как бы я ни рисковал.

Идейные мотивы — это прекрасно. Но те, кто хорошо знал Хрущева, уверяют, что побудительными мотивами поступков Никиты Сергеевича не всегда было обостренное чувство справедливости. Мол, в его сердце находилось место и обидам, и высокомерию, и зависти, и мести.

О том, что у главы Советского государства Никиты Хрущева был сын от первого брака, мало кто знал. До последнего времени об этом вообще не писали, его существование замалчивал даже отец. Во всяком случае в его «надиктовках», даже в полном тексте расшифровок, эта тема не присутствует. И, как недавно открылось, скорее всего, неспроста...

Естественно, полностью ее игнорировать клан Хрущевых не мог, хотя бы во избежание нежелательных подозрений. Сергей Хрущев осветил эту щекотливую тему так.

Его брат Леонид начал войну в бомбардировочной авиации, в сорок первом году его ранило, и лечиться ему довелось в Куйбышеве. Когда нога срослась, Леонид стал рваться обратно на фронт, но теперь уже в истребители. Используя все доступные ему средства, брат добился желаемого. Однако поехать ему пришлось недолго. На Воронежском фронте в начале 1943 года его сбили — типичная судьба плохо облетанных молодых пилотов, не освоивших как следует хитрую механику воздушного боя.

Произошло все над территорией, занятой немцами, внизу простиралось болото. Соседи по строю в пылу боя и не заметили его исчезновения, только что был Леонид — и нет его. Командующий фронтом прислал отцу соболезнования, предлагал послать в предполагаемый

район падения самолета поисковую группу, но отец, поблагодарив за участие, попросил зря не рисковать другими жизнями. Делу не поможешь и сына не вернешь.

Так Леонид Хрущев попал в списки пропавших без вести, а вскоре в Куйбышеве арестовали его жену, Любовь Илларионовну. Обвинение против нее выдвинули стандартное — работа на иностранную разведку, благо, дипломатический корпус тоже эвакуировался за Волгу. Чьей она числилась шпионкой, Сергей Никитич не помнит, то ли английской, то ли шведской. Вышла она на свободу только в пятидесятых годах, хлебнув полной мерой лиха в карагандинских лагерях.

На руках у матери Сергея Нины Петровны осталась их годовалая Юля, она воспитывалась вместе с детьми Никиты Сергеевича и очень не любила свой отличный от остальных статус внучки. Нина Петровна первой заметила нарождающуюся проблему, и Юля перешла в дочки.

На первый взгляд ничего особенного. Стандартный набор — пропал без вести, жену арестовали по обвинению в связях с иностранной разведкой. Ироничное замечание «то ли английской, то ли шведской» должно оттенить абсурдность обвинения. Ничего необычного, таких примеров несть числа.

Но — пропал сын члена Политбюро ЦК. Но — арестовали невестку члена Политбюро ЦК. И он почему-то отклоняет предложение командующего фронтом о поиске в районе предполагаемого падения самолета. И ничего не делает, чтобы помочь высланной в карагандинский лагерь на пятнадцать лет жене пропавшего сына, разлученной с годовалой дочерью.

Объяснить эту ситуацию можно лишь предположением, что Леонид попал в плен. Тогда становится ясно, почему арестовали и сослали его жену

— так требовали суровые законы, принятые во время войны. Чтобы прекратить массовые дезертирства и сдачу в плен, Государственный комитет обороны СССР пошел на беспрецедентные меры. Впрочем, для сведения обличителей сталинских репрессий: аналогичные законы были приняты в годы Второй мировой войны во всех вовлеченных в кровавую бойню странах.

Еще в 1990 году в четвертом номере «Военно-исторического журнала» была опубликована статья Б. Е. Пестова «Погиб? Пропал без вести? Жив?», в которой приведено письмо майора в отставке Андреева. Ссылаясь на заместителя начальника управления кадров Министерства обороны СССР в 1945–1969 годах И. А. Кузовлева, он утверждает, что в 1943 году летчик Л. Хрущев попал в плен к немцам. По настоятельной просьбе Н. С. Хрущева Сталин дал согласие на обмен сына Хрущева на немецкого военнопленного. Обмен состоялся, но сотрудники НКВД установили, что Леонид, будучи в плену, сотрудничал с немцами. По решению военного трибунала Леонид Хрущев был приговорен к расстрелу. После вынесения такого сурового приговора Никита Сергеевич обратился к Сталину с просьбой помиловать сына, но Сталин отказал ему, мотивируя свой отказ тем, что у него нет ни юридических, ни моральных прав не согласиться с решением военного трибунала.

По мнению И. А. Кузовлева, Н. С. Хрущев запомнил это Сталину и затеял впоследствии кампанию по разоблачению культа личности в отместку за сына. Автор статьи говорит, что многое в судьбе сына Н. С. Хрущева неясно, тем более, что из личного дела Леонида при неизвестных обстоятельствах исчезла часть документов. Это, конечно, наводит на размышления многих людей. В их числе и Евгений Яковлевич Джугашвили — внук И. В. Сталина, сын его

сына Якова, погибшего в немецком плену в конце войны.

Евгений Яковлевич дослужился в Советской Армии до полковничьего чина, находился на военно-преподавательской работе. Он тоже заинтересовался судьбой исчезнувшего сына Хрущева. И вот что установил.

Одним из развлечений Леонида Хрущева была стрельба по бутылке, стоящей на голове человека. Кстати, этим тогда увлекались многие офицеры. Эдакие «гусары», подопытным материалом у которых были военнопленные. В одном из таких упражнений Леонид вместо бутылки попал в голову своему товарищу и убил его.

Об этом стало известно Сталину. Хрущев, как член Военного совета одного из фронтов, первый секретарь ЦК КП(б) Украины, начал спасать сына от наказания. На встрече с Хрущевым Сталин спросил его:

— Вы ходатайствуете о своем сыне как член Политбюро или как отец?

— Как отец, — ответил Хрущев.

Тогда Сталин задал ему вопрос:

— А вы думали о том отце, сына которого убил ваш сын? Что он скажет?

Война диктовала законы военного времени, и они были законом для всех. Леонид из офицеров был разжалован в рядовые и направлен в штрафной батальон. Вскоре попал в плен. Немцы, узнав, что среди пленных — сын члена Политбюро, стали использовать его для агитации в прифронтной полосе: выступая по радио, он агитировал советских солдат и офицеров сдаваться в плен.

Дело приняло политический характер. Сталин дал указание начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко выкрасть сына Хрущева у немцев. Когда Сталину доложили, что

Леонид доставлен в распоряжение одного из партизанских отрядов, и попросили самолет для доставки его в Москву, то Сталин ответил:

— Не надо рисковать еще одним офицером, судите Леонида Хрущева на месте.

Сын Хрущева был расстрелян как изменник Родины.

Хрущев после смерти Сталина тщательно скрывал этот факт, и даже был пущен слух, что летчик Леонид Хрущев погиб смертью храбрых в бою с несколькими немецкими истребителями. У нас умеют распускать слухи.

Сам Хрущев, будучи членом Военного совета Юго-Западного направления, то есть армий, сражавшихся под Харьковом, в критический момент, когда немцы окружили наши войска, бросил фронт и бежал в Москву. Ему грозило попасть под суд военного трибунала. От наказания его спас Молотов.

Ну, и в одном из послевоенных выступлений Сталин назвал Хрущева придурком. Может быть, все это и вылилось потом, после смерти Сталина, в открытую ненависть к Сталину, и Хрущев стал насаждать ее в народе.

Хрущев был мстительный человек. Мстя Сталину, он мстил его детям.

В. М. Молотов, судя по записям его бесед с писателем Ф. Чуевым, считал, что Хрущев в душе был противником Сталина.

— Сталин — все и вся, а в душе другое. Личное озлобление его на любые шаги толкает. Озлобление на Сталина за то, что его сын попал в такое положение, что его расстреляли. После такого озлобления он на все идет, только бы запачкать имя Сталина.

И дальше:

— У него сын был вроде изменника. Это тоже о нем говорит. Хорош политический деятель, у которого даже сын и тот...

Не договорил фразу до конца. Подытожил:

— Сталин сына его не хотел помиловать. Хрущев лично ненавидел Сталина.

Многое знают и бывшие кремлевские охранники. Майор «девятки» С. П. Красиков тоже немало наслышан об охраняемых лицах.

— Никита Сергеевич Хрущев был женат дважды. Первая жена оставила ему детей Леонида и Юлю. А от второй жены, Нины Петровны Кухарчук, родились Рада, Сергей и Елена.

У охранников свой круг общения — шоферы из кремлевского гаража, работники пищеблоков, садовники, коменданты правительственных дач. От их наблюдательного взгляда ничего не ускользало, недаром они тоже принадлежали к лубянскому ведомству и имели воинские звания, как правило, невысокие — сержантов, старшин, младших офицеров. Супружеские неверности, проблемы с детьми, семейные конфликты — все проходило на их глазах.

Не было исключением и хрущевское семейство. С. Красиков и другие люди из охраны знали, что Леониду было всего два года, когда умерла его мать. Позже он окончил ФЗУ. Работал слесарем на рентгензаводе. Поступил в училище гражданского воздушного флота. В феврале 1939 года был призван в ряды Красной Армии. Женился на Розе Трейвас. Однако отец брачное свидетельство молодоженов аннулировал и, получив назначение в Киев, приказал чекистам представить «блудного сына» пред строгие очи родителей.

Через десяток лет эстрадная певица Роза Трейвас была задействована в концерте Кремлевского Дворца съездов, устроенном после банкета советским правительством в честь китайского лидера Чжоу Эньлая. К ней с бокалом шампанского подошел бывший свекор.

— Ты Роза Трейвас? — спросил.

— Я Роза Хрущева, — уточнила певица. — Племянница Бориса Трейваса, которого вы с Ежовым расстреляли...

Борис Трейвас вместе с Хрущевым в свое время работал заведующим орготделом в Бауманском райкоме партии Москвы. Трейваса выдвинули на должность первого секретаря Калужского райкома Московской области. Но перейти на новую должность он не успел. Было срочно состряпано антисоветское дело, и затем последовал расстрел.

За двадцатипятилетнюю жизнь у Леонида Хрущева, помимо указанного греха, значился и выговор в 1940 году за неуплату вовремя комсомольских взносов. Леонид все свое унес с собой.

Леониду судьба дала и крылья, и волю, и возможность «окунуться в распрекрасную гибельную пустоту». Свободной волей, однако, он достойно распорядиться не смог и, будучи сыном первого секретаря ЦК КП(б)У, стал общаться с компанией грабителей, которые не только обирали своих жертв, но и при дальнейшем сопротивлении отправляли на тот свет. Сам Леонид в убийствах замешан не был, но, посмотрев, как они совершаются, видимо, поимел к убийствам вкус. О делах этой компании Н. С. Хрущеву было известно от наркома внутренних дел Украины Ивана Александровича Серова. Реакция первого секретаря ЦК КП(б)У оказалась поразительной.

— Закрой это дело! — приказал он.

Серов дело закрывать отказался, следствие довел до конца, и большинство участников преступной группы приговорили к высшей мере наказания — расстрелу.

Узнав об этом, сердобольный отец поспешил припасть к ногам отца всех народов. Что говорил при этом, как увещевал он Сталина, неведомо, известно лишь, что генсек Фемиду укротил, и та, сменив гнев на милость, отпустила Леониду Никитичу десять лет

лишения свободы. В первые дни войны Леонид попросился на фронт, но, по просьбе папы, его послали доучиваться в авиационное училище, после окончания которого отпрыск мужественно сражался в 134-м скоростном авиационном бомбардировочном полку, совершил тридцать три боевых вылета, был тяжело ранен, выздоровел и получил орден Красного Знамени. Однако с бомбардировщиков его потянуло на истребители. При переподготовке он совершил новое преступление: по пьянке из пистолета убил майора Красной Армии. По приговору военного трибунала его приговорили к высшей мере, но Леонид снова попросился на фронт.

Этот эпизод нашел полное подтверждение, с добавлением некоторых экзотических подробностей, в рассказе сына А. И. Микояна генерала Степана Анастасовича Микояна.

В поликлинике в Куйбышеве он познакомился с двумя старшими лейтенантами, тоже проходившими амбулаторное лечение после ранения: Рубеном Ибаррури, сыном знаменитой Долорес, и Леонидом Хрущевым. Оба уже имели по ордену Красного Знамени.

В конце июля 1941 года самолет Леонида был подбит немецким истребителем. Леонид едва дотянул до линии фронта и сел с убранными шасси на нейтральной полосе. Один из членов экипажа был убит еще в воздухе, а Леонид при посадке сломал ногу. В полевом госпитале у Леонида хотели ее отрезать, но он не дал, угрожая пистолетом. Нога очень плохо заживала — он лечился более года.

— Леонид Хрущев был хороший, добрый товарищ, — говорит о нем Степан Анастасович. — Мы с ним провели, встречаясь почти ежедневно, более двух месяцев.

К сожалению, по словам С. А. Микояна, Леонид любил выпивать. В Куйбышеве в гостинице жил в это время командированный на какое-то предприятие его

товарищ, имевший блат на ликеро-водочном заводе. Они покупали там напитки в расчете на неделю и распивали почти каждый вечер в гостиничном номере. Степан, хотя почти не пил, часто бывал там. Приходили и другие гости, в том числе и девушки. Микоян с Леонидом познакомились и подружились тогда с двумя молодыми танцовщицами из Большого театра, который был там в эвакуации. Леонид, даже изрядно выпив, оставался добродушным и скоро засыпал.

Когда Степан уехал в Москву, произошла трагедия, о которой он узнал позже от одного приятеля Леонида. Однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта. Когда все были сильно «под градусом», в разговоре кто-то сказал, что Леонид очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить выстрелом из пистолета бутылку с его головы. Леонид, как рассказывал этот приятель, долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк счел это недостаточным, сказал, что надо попасть в самую бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в лоб. Его судили и дали восемь лет с отбытием на фронте. Когда Леонид был проездом в Москве, Степан с ним встретился, но этой истории еще не знал, а тот сам ничего не сказал.

Продолжу версию С. П. Красикова. В начале марта 1943 года Н. С. Хрущев позвонил Сталину и срочно попросился на прием. Сталин приказал ему остаться на фронте. Дела там ухудшались. Но... Хрущев на свой страх и риск вылетел в Москву.

Однако беда не ходит одна. Когда Хрущев позвонил Сталину уже из Москвы, Сталин стал просто невменяем. Он разрешил Хрущеву приехать на прием и накинулся на убитого бедою соратника. Склонил к полу его голову и стал выколачивать об нее курительную трубку. Бесновался. Кричал. Но, увидев, что Хрущев ни на что не реагирует, остыл и осмотрелся. Тут-то и увидел,

усмотрел, что соратник осунулся, поблек, побледнел и выглядит значительно старше своих лет. Генсек стал оттаивать и проникся судьбой печальника: вождю было понятно, что он, переживая, не спал несколько ночей и дней. И Сталин снизошел. Поднял Хрущева с колен. Усадил в мягкое кресло и стал осторожно расспрашивать о подробностях боев на Юго-Западном фронте. Несмотря на потрясение, Хрущев отвечал кратко, со знанием дела, а сам выискивал возможность заговорить о насущном, о том, ради чего прилетел к Верховному, заговорить о судьбе своего сына.

Официантка поставила чай, и Никита Сергеевич отважился:

— Дорогой Иосиф Виссарионович! Товарищ Сталин! Вы знаете меня долгие годы. Все это время свои силы и здоровье я отдавал делу партии и социализма. Я весьма благодарен вам за оценку моего труда, считаю вас самым близким человеком моей семьи, учителем, который многое сделал в моем идейном и партийном совершенствовании...

Сталин слушал молча.

— Вся наша семья безмерно благодарна вам, дорогой Иосиф Виссарионович, за то, что вы однажды оказали нам огромную помощь и душевное облегчение по спасению сына Леонида. Сейчас у него снова страшное горе. Леонид вновь совершил преступление и должен предстать перед трибуналом. Ему грозит смертный приговор. Если это случится, я не знаю, переживу ли эту трагическую весть. Своим родным я об этом ничего не сказал и не думаю говорить. Для них это тоже будет большим ударом...

Сталин видел, как мучается сподвижник, но успокоить его не мог. А Хрущев уже впал в транс.

— Дорогой Иосиф Виссарионович, — заплакал он. — Вся наша надежда на вас. Прошу вас, помогите. Мой

сын виноват. Пусть его сурово накажут, но только не расстреливают.

Сталин набил табаком трубку и стал ее раскуривать. Ему нужно было оттянуть время, дабы Хрущев пришел в себя, успел собраться с мыслями, и Верховный смог сказать ему горькую истину о предстоящей судьбе его сына.

Хрущев встал.

Сталин медленно начал говорить:

— Я знал о случившемся с вашим сыном. Не сомневался, что у нас состоится встреча с разговором о нем. Только исходя из большого уважения к вам я прощаю вам, товарищ Хрущев, самовольный приезд с фронта в Москву. Мне очень бы хотелось помочь вам, но я... я бессилён сделать это. Однажды я поступился своей партийной и гражданской совестью, пошел вам навстречу и упросил суд помиловать вашего сына. Но он не только не исправился, а совершил второе, более тяжкое преступление. Вторично нарушать законы мне не позволяет моя совесть и горе родственников, советских граждан, ставших жертвами преступных действий вашего сына. В сложившемся положении я ничем помочь вам не могу, ваш сын будет судим в соответствии с советскими законами.

Хрущев снова упал на колени. Пополз за Сталиным, пытаясь обхватить его ноги.

— Дорогой Иосиф Виссарионович! — просил он. — Вы сами отец. Кому, как не отцу, понять отцовское горе...

Не подумал Никита Сергеевич, что может натворить он последними словами. Да, Сталин был отцом двух сыновей и дочери. Отцом сына Якова, томившегося в немецком плену. Беспокоясь о его судьбе, вождь не спал ночами. Мучился от тоски по сыну. Но в отличие от хрущевской беды сталинская беда была святой: Яков с достоинством нес тяжкий крест полонника. И реши

Сталин обменять его на фельдмаршала Паулюса, он смог бы сына спасти. Но какой ценой...

На сделку с совестью во имя своего сына вождь не пошел, а соратник вторично просил его совершить сделку с совестью во имя его сына-преступника.

— Встань, Никита! — резко оборвал Сталин. — Я, как и ты, отец, это ты правильно заметил. И как отец отцу советую: не унижайся и не позорься. Мой сын честно несет свой крест. Пусть и твой честно понесет заслуженное наказание.

Хрущев начал биться на ковре в судорогах. Сталин вызвал Поскребышева, охрану и приказал вынести посетителя в одну из соседних комнат, пригласить врачей, привести его в порядок, а затем сопроводить до места расквартирования. Когда сотрудники и врачи склонились над Хрущевым, они слышали бесконечно повторяемое: «Пощадите сына. Не расстреливайте. Неужели нельзя его помиловать? Пощадите. Пощадите сына».

Таковы различные версии о последних днях жизни Леонида Никитича Хрущева. Мог ли Сталин в последний момент передумать и не переводить сына Хрущева в штрафную авиационную часть? По мнению С. Красикова, такой вариант не исключался.

Но жена Леонида Люба тогда же, в 1943-м, была арестована за связи с иностранцами и без суда отправлена в ссылку на пятнадцать лет. Их дочь Юля все это время воспитывалась в семье дедушки Никиты Сергеевича.

Возможно, под трибунал Леонид Никитич не попал, хотя за убийство на почве опьянения в военное время майора Советской Армии такого наказания заслуживал.

По воспоминаниям других очевидцев, он вроде бы вновь попросился на фронт в штрафной батальон. Но в пехоту не попал якобы из-за покалеченной ноги. Однако травмированные летчики обычно переводились на

самолеты, летавшие потише и пониже, а Леонид, с помощью батюшки, получил перевод из бомбардировочной авиации в истребительную, в какой скорости и престиж намного выше. Он будто бы быстро прошел переучивание на Як-7Б и был направлен в 18-й гвардейский истребительный авиаполк, который входил тогда в 303-ю авиадивизию под командованием Героя Советского Союза генерал-майора авиации Г. Н. Захарова.

По воспоминаниям Захарова, Леонид прибыл в дивизию в бекеше и папахе и был определен в 18-й авиаполк истребителем. Однако привыкнуть к новому виду самолетов и переучиться, как следует, не успел.

Ибо если на Ту-4 экипаж собирается по тревоге за несколько часов и состоит из трех человек, то здесь на сборы отпускалось не более пяти минут и отвечал один за всех, а все за одного.

Леонид вроде бы успел сделать лишь шесть боевых вылетов на «ястребке», а 11 апреля 1943 года Н. С. Хрущев получил похоронку.

Из письма командующего 1-й воздушной армией генерал-лейтенанта С. Худякова:

«Члену Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенанту Хрущеву.

Дорогой Никита Сергеевич!

...11 марта 1943 года в 12.13 группа 9 Як-7Б, в составе которой находился Ваш сын, под командой гвардии капитана Мазурова вылетела на выполнение боевого задания в район Кожаковка, Ашково, Нижнее, Ясенко, Дынное, Жеребовка (все пункты 7-9 км севернее р. Жиздра).

Группе была поставлена задача: уничтожить бомбардировщики противника, не допуская бомбометания по наступающим войскам 16 А. Боевой порядок девятки был эшелонирован на высоте. Пять самолетов под командованием Мазурова летели на

высоте 2000 метров, четыре под командованием гвардии младшего лейтенанта Ляпунова — на высоте 2500 метров.

При подходе к линии фронта летчики справлялись о воздушной обстановке. Радиостанции наведения сообщили: «Самолетов противника пока нет, но будьте осторожны». После 3-5-минутного патрулирования в воздухе появилось до 8 -10 «фокке-вульф-190», которые, используя дымку, начали производить групповые атаки.

При завязке воздушного боя наши истребители разделились на три группы.

Гвардии старшие лейтенанты Заморин и Л. Н. Хрущев вступили в поединок против двух «фокке-вульф-190», постепенно оттесняя их на территорию противника.

Гвардии старший лейтенант Заморин атаковал и огнем с дистанции 50-70 метров сбил одного ФВ-190. Гвардии старший лейтенант Хрущев летел в это время справа, охраняя хвост ведущего, и, в свою очередь, был атакован вторым ФВ-190. Гвардии старший лейтенант Заморин немедленно бросился к своему ученику на выручку и огнем отогнал противника, продолжая его преследовать, он видел, что самолет Вашего сына с переворота под углом 65-70 градусов пошел к земле.

Закончив воздушный бой, Заморин вернулся в район, где оставил старшего лейтенанта Хрущева, но не обнаружил его. Увидев в стороне свои самолеты и полагая, что гвардии старший лейтенант находится среди них, он присоединился к общему строю и прилетел на свой аэродром.

Во время этого боя было сбито 4 самолета противника «фокке-вульф-190». Из состава наших истребителей не вернулся Ваш сын — гвардии старший лейтенант Л. Н. Хрущев.

Организованные мною самые тщательные поиски с воздуха и через партизан пока результатов не дали.

В течение месяца мы не теряли надежды на возвращение Вашего сына, но обстоятельства, при которых он не возвратился, и прошедший с того времени срок заставляют нас сделать скорбный вывод, что Ваш сын гвардии старший лейтенант Хрущев Леонид Никитич пал смертью храбрых в воздушном бою против немецких захватчиков.

Сообщая Вам эту тяжелую весть, прошу принять мое искреннее соболезнование».

А что думает по этому поводу наш эксперт по загадочным происшествиям в авиации, бывший военный летчик С. В. Грибанов? Он тоже втянулся в расследование этой темной истории.

О судьбе Леонида Хрущева, его последних месяцах боевой работы ему рассказал бывший командир 303-й авиадивизии Герой Советского Союза генерал-майор авиации Г. Н. Захаров.

К Георгию Нефедовичу летчик Хрущев попал сразу после трибунала. Как уж там получилось, кто знает, но до генерала Захарова тоже дошли слухи, что этот старший лейтенант кого-то застрелил в ресторане. Никита Сергеевич, говорят, просил Сталина за сына, на что тот ответил: «Что заработал — то и получай...»

И вот в готовности искупить свою вину — кто за что — в дивизии Захарова собрались штрафники В. Брык, Л. Хрущев, П. Шевцов. Каждый день военная прокуратура запрашивала комдива, как ведут себя «проштрафившиеся». Тот отвечал: «Хорошо». Но, не удовлетворяясь устным ответом, прокурор требовал: «Нет, вы напишите, напишите...»

— Помню, прибыл к нам Леня в бекеше, папахе. Определили мы его в восемнадцатый полк. И началась боевая работа. Хрущева поставили ведомым к лучшему летчику полка Ивану Заморину, который насбивал уже

тогда восемнадцать самолетов противника. Леня из бомберов, ему не так-то просто было на истребитель перейти, и командир полка майор Голубев под разными предложениями старался удержать его от воздушных боев...

Снова продолжу версию С. П. Красикова.

С письмом к Н. С. Хрущеву командировали старшего лейтенанта Ивана Заморина, ведущего и свидетеля последнего боя сына Хрущева.

— Война требует жертв, — сказал на это член Военного совета Н. С. Хрущев...

Таково сообщение официальное. Сбитого же самолета Леонида Хрущева на земле так и не нашли. Мог ли он быть расстрелян, а остальное, так сказать, досужие выдумки для заметания следов? Красиков считает, что такое отнюдь не исключено.

Для утешения отца 3 апреля 1943 года Леонид Хрущев был представлен командиром полка к награждению орденом Отечественной войны I степени. Представление утвердили, и орден за № 56428 был передан Никите Сергеевичу.

Но ни в представлении, ни в приказе о награждении не сказано, что Леонид Хрущев награжден посмертно. К тому же генерал-лейтенант Худяков в письме к Н. С. Хрущеву опустил одну деталь, которую он знал из описания боя, составленного командиром полка майором Голубевым: «В момент, когда истребитель противника отвалил от Хрущева, Хрущев с переворота под углом 65–70 градусов пошел к земле, и когда Заморин возвратился, то Хрущева не нашел, и считаю, что сбитым он не может быть, так как снаряды рвались далеко в хвосте, а перетянул ручку и сорвался в штопор».

Происшедший инцидент на встрече Хрущева со Сталиным в Кремле до сих пор всплывает в разговорах старослужащих сотрудников безопасности, в

особенности тогда, когда заходит речь о взаимоотношениях Сталина с Хрущевым и Хрущева со Сталиным. Полагают, что причиной всех нападок Хрущева на усопшего Сталина было неосторожное заявление Н. С. Хрущева в присутствии приближенных: «Ленин в свое время отомстил царской семье за брата, а я покажу мертвому Сталину за сына, где живет кузькина мать».

Поэт Ф. Чуев в беседах с В. Молотовым несколько раз возвращался к этой теме под разными предлогами, но Вячеслав Михайлович не менял однажды высказанного мнения. Вариации, конечно, были разные, но содержание одно. Вот и снова:

«Хрущев в душе был противником Сталина за то, что его сын попал в такое положение, что его расстреляли. Сталин сына его не хотел помиловать... После такого озлобления он на все идет, только бы запачкать имя Сталина».

Журналистка Л. Тархова, занимавшаяся расследованием загадочного исчезновения сына Хрущева, обращает внимание на то, что Хрущев почему-то не предпринял попыток для поисков его самолета. Что бы это могло означать? Некоторые исследователи считают: Хрущев-отец знал, что искать некого — сын не разбился.

Только через семнадцать лет, в 1960 году, командование ВВС провело поисковую операцию в районе Жиздры, где проходили боевые действия. Интересно, что мешало Никите Сергеевичу провести поиски раньше? Со второй половины 1953 года он стремительно набирал вес в Кремле, а вскоре стал полновластным диктатором. Может, слухи о сыне усилились как раз к шестидесятому году, и отсутствие интереса к судьбе Леонида выглядело уж вовсе подозрительным? В частности, наводило на мысль: если не ищет, значит, знает, что там ничего нет.

В ходе поисковой операции в 1960 году истребителя Хрущева-младшего не обнаружили.

Вполне закономерно, что отсутствие достоверных данных о гибели Леонида привело к выстраиванию различных версий, опирающихся на чьи-то свидетельства, домыслы, слухи, иногда совершенно фантастические.

О публикации в «Военно-историческом журнале» со ссылкой на бывшего заместителя начальника Главного управления кадров Министерства обороны СССР генерал-полковника И. А. Кузовлева я уже упоминал. Как помнят читатели, Сталин дал указание похитить попавшего в плен к немцам Леонида Хрущева. Задание было выполнено, но чекисты установили, что он сотрудничал с немцами. Военный трибунал приговорил его к расстрелу.

По другой версии, записанной Л. Тарховой, Хрущев обратился с просьбой отыскать пленного сына к своему другу Ивану Серову, тогда заместителю наркома внутренних дел СССР.

Серов будто бы на просьбу откликнулся и сумел переправить за линию фронта разведчиков, которым удалось отыскать лагерь, где содержался Леонид. Но Сталин — здесь детектив приобретает черты супербоевика — Серова опередил. Группа захвата, посланная вождем, выкрала Леонида Хрущева. Он был расстрелян на родине за то, что согласился сотрудничать с врагом.

Что здесь — правда, что — вымысел? Л. Тархова права: это можно было бы установить с помощью архивов, и исследователи делают такие попытки. Не находя материалов, напрямую относящихся к последнему периоду жизни и исчезновению Леонида Хрущева, они ищут хотя бы отголоски этих событий в других «делах» того же временного отрезка и места

действия. Так добрались до захваченных во время наступления документов немецкой стороны.

Однако и там каких-либо данных о пленении сына Хрущева обнаружить не удалось. На этом, вероятно, можно было бы поставить точку, если бы...

Если бы не обнаружилось, что многие протоколы допросов советских пленных самым беспощадным образом подчищены. В «делах» встречаются записи на русском языке: «изъято...180 листов», «изъято 36 листов». Чистки проводились, как удалось установить, в несколько приемов — в 1949, 1953 и в 1954 годах. Напомню, в 1953 году Никита Сергеевич пришел к власти...

Кто проводил изъятие бесценных для истории документов? Кого старался этим обелить? Леонида Хрущева? Кого-нибудь из «кремлевских детей»? Отцов? Ясно ведь, что десятки компрометирующих листов изымались не ради простого смертного. За это действие исполнителю ведь мог грозить и трибунал! Так ради кого же? Это пока остается загадкой. Возможно, разрешение этой тайны помогло бы прояснить и судьбу Леонида Хрущева.

Говорят, будто бы Никита Хрущев не удовлетворился награждением сына одним орденом Красного Знамени. В 1957 году, когда он уже чувствовал себя вполне уверенно в кресле Первого секретаря ЦК КПСС, он сделал попытку провести представление Леонида к званию Героя Советского Союза.

На это требовалось «добро» министра обороны маршала Жукова. Хрущев, утверждают, сказал ему:

— Есть мнение, Георгий Константинович, что тебе нужно подписать это.

Прочитав документ, маршал, багровея от прилившей к лицу крови, выдавил из себя:

— Я предателей героями не делаю.

В том же 1957 году Жуков подвергся опале. Возможно, за этот дерзкий отказ.

Отозвалась ли криминальная история Леонида на судьбе его жены Любы, или ее арест в 1943 году никак не связан с трагическим выстрелом на вечеринке? Этого не знает и сама Любовь Илларионовна. Пришли, забрали, обвинили в шпионаже в пользу иностранных государств.

Люба была арестована в Куйбышеве, где пережидала войну вся московская элита. Леонид проходил лечение в госпитале. Молодые супруги ходили по гостям. Где, когда Любу могла завербовать иностранная разведка в городе, куда иностранцев не пускали и на расстояние пушечного выстрела? Вопрос Л. Тарховой был бы справедлив, если бы не одно обстоятельство — в Куйбышев из Москвы был эвакуирован весь дипломатический корпус. Впрочем, мы не знаем точно, за что была выслана жена Леонида Хрущева в карагандинский женский лагерь сроком на пятнадцать лет. Связь с иностранной разведкой — это версия, запущенная Сергеем Хрущевым. Но и он не знает, с какой именно. Помните? Она была агентом «то ли английской, то ли шведской» разведки.

Дочь Любы и Леонида Хрущевых Юлю забрали Хрущевы-старшие. Девочке очень долго ничего не рассказывали о родителях. Она знала, что Никита Сергеевич — ее дед, но называла его отцом. Как-то молчаливо было условлено, что ее папа и мама погибли, об этом лучше не вспоминать.

Любовь Илларионовну освободили из лагеря в 1954 году. Она остановилась у сестры Хрущева Ирины Сергеевны. В первый приезд Любе дочь не показали. То ли Хрущевы опасались, что у них отнимут Юлу — так ее звали в семье в отличие от другой Юли, дочери Никиты Сергеевича и рано умершей первой жены его Фроси, то ли не хотели травмировать девочку правдой о матери-

лагернице. А может, просто Никита Сергеевич боялся, что его многочисленные враги раздуют историю Любы, потом за ниточку потянут и историю его непутевого сына? А за его посмертную репутацию Хрущев намеревался еще побороться...

По сведениям Л. Тарховой, Никита Сергеевич виделся с невесткой после ее отсидки всего один раз. И было это в 1969 году, когда Хрущев уже пять лет находился в опале. На каком-то семейном празднике они встретились.

— Здравствуй, Люба! — сказал он и больше не проронил ни слова в ее адрес.

За что же жена Леонида была так жестоко наказана? Был ли в том коварный умысел свекра, или шальная случайность всему причиной? Она этого не знает. Как и не ведает, где и когда сложил голову ее молодой, отчаянный и непутевый муж.

Летчик Заморин, гвардии старший лейтенант, тот самый, что был ведущим у Леонида, дал три версии, касающиеся рокового боя, и все разные! В первом рапорте он указал: самолет Хрущева сорвался в штопор. Во втором — в горячке боя вообще не заметил, что стряслось с его ведомым.

Третья версия вдруг обнаружилась после смерти министра обороны Д. Ф. Устинова. В его архиве нашли письмо все того же Заморина: «Я в рапорте умолчал о том, что, когда немецкий «ФВ-190» рванул на мою машину в атаку, зайдя мне снизу под правое крыло, Леня Хрущев, чтобы спасти меня от смерти, бросил свой самолет наперерез огневому залпу «фоккера». После бронебойного удара самолет Хрущева буквально рассыпался на моих глазах!.. Вот почему на земле невозможно было найти какие-либо следы этой катастрофы. Тем более что искать начальство приказало не сразу — наш бой происходил над территорией, оккупированной немцами».

Письмо написано с одной целью — спасти репутацию Леонида. О том, что самолет «буквально рассыпался», он сообщал впервые. Почему? Почему министр обороны не ознакомил с новой версией Никиту Сергеевича? Не верил в ее правдоподобие? Знал нечто большее?

Заморинские рапорты напомнили мне показания Костина, шофера машины, который вез на допрос к Сталину телохранителя Кирова пятидесятилетнего Борисова, не уберегшего шефа от выстрела в Смольном. Автомобиль с охранником тогда врезался в угол здания, в результате чего Борисов погиб. В разное время создавались три комиссии Политбюро по выяснению обстоятельств этого трагического происшествия, и все три раза шофер Костин давал разные показания — в зависимости от политической конъюнктуры.

Дочь Хрущева Рада Никитична, по мужу Аджубей, долгие годы работала в журнале «Наука и жизнь» заместителем главного редактора. Как и все в их семье, она напрочь отрицает публикации о Леониде, называя их фантастическими, а рассказанное в них — глупостью, выдумками. Кроме того, что действительно был убит человек.

— Мне рассказал об этом Степан Микоян. До того я ничего не знала. Леонид сражался на фронте и погиб. Он был очень хороший, мягкий, мы с ним подружились, когда какое-то время Леня жил с нами...

По словам Рады Никитичны, сейчас те, кто был недоволен когда-то Хрущевым, мстят ему, затрагивая имя сына. Но она к этому привыкла.

Но вот свидетельство отставного лубянского генерала В. Н. Удилова, высказанное им зимой 1998 года:

— В первом же бою, истребитель, пилотируемый Леонидом Хрущевым, резко отвернул от ведущего, ушел в сторону немцев и бесследно пропал...

Эту невероятную историю Удилов слышал от сотрудников отдела административных органов ЦК КПСС и КГБ СССР. Сын Хрущева то ли по собственной инициативе, то ли из-за вынужденной посадки оказался в плену у немцев. Это был второй случай с сыновьями членов Политбюро ЦК ВКП(б), и противник решил воспользоваться им в пропагандистских мероприятиях, объединенных операцией «Цеппелин». Как известно, сын Сталина Яков Джугашвили категорически отказался в какой бы то ни было форме сотрудничать с врагом. А вот сын Хрущева, то ли посчитав себя обиженным советской властью, то ли по какой другой причине, по словам отставного контрразведчика, пошел на сговор с немцами. Это был уже козырь в руках фашистов. Последовала команда Сталина — выкрасть сына Хрущева с оккупированной территории и доставить в Москву. Кто это мог сделать? Конечно, подобную операцию могла провести военная контрразведка «СМЕРШ», руководимая тогда генерал-полковником Виктором Абакумовым, но только если сын Хрущева действительно был у немцев на оккупированной советской территории.

Ну а если немцы переправили его в Германию или Польшу, подобную операцию могли провести те, кто участвовал в уничтожении за границей Троцкого, белогвардейских генералов Кутепова, Миллера и других. Во время войны ими руководил генерал-лейтенант Павел Судоплатов. Незадолго до своей кончины Павел Анатольевич сказал Удилову, что его подчиненные, возможно, участвовали в похищении Леонида Хрущева, но не стал вдаваться в подробности. Он считал, что ущерб, причиненный Хрущевым государству, куда масштабнее, чем история с сыном и сведение счетов с членами Политбюро.

Итак, по Удилову, сын Хрущева был выкраден у немцев и с партизанского аэродрома доставлен в

Москву. «СМЕРШ», специальный орган военной контрразведки, действовавший в тылу врага и полосе военных действий, собрал документальные факты о прегрешениях Леонида Хрущева. Военный трибунал Московского военного округа приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу.

Можно представить, в каком положении оказался Никита Сергеевич. В недавнем прошлом он дважды просил Берия, Серова, лично Сталина о снисхождении к сыну. Узнав о приговоре военного трибунала, он обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) и просил отменить суровую кару. Как ни странно, но и тут Сталин пошел навстречу Никите Сергеевичу. Вопрос о судьбе Леонида Хрущева был вынесен на рассмотрение Политбюро.

И вот заседание Политбюро. Начальник контрразведки «СМЕРШ» генерал-полковник Абакумов изложил материалы дела, приговор военного трибунала и удалился. Первым на заседании выступил секретарь Московского обкома и горкома, он же начальник ГлавПУРа Красной Армии и кандидат в члены Политбюро Александр Щербаков.

От первого выступления зависело многое, и прежде всего, в каком направлении пойдет обсуждение. Щербаков основной упор сделал на необходимости равенства всех перед законом. Нельзя, заявил он, прощать сынков именитых отцов, если они совершили преступление, и в то же время сурово наказывать других. Что тогда будут говорить в народе? Щербаков высказался за то, чтобы оставить приговор в силе.

Затем слово взял Берия. Он был в курсе киевских и куйбышевских проступков сына Хрущева, напомнил о них и подчеркнул, что Леонида Хрущева уже дважды прощали.

Затем высказали свои мнения Маленков, Каганович, Молотов. Они были едины: оставить приговор в силе.

Последним выступил Сталин. По всей вероятности, ему тяжелее других было принимать решение. Его старший сын Яков, напомним, также находился в плену у немцев. Своим решением Сталин как бы заранее подписывал приговор и ему. «Никите Сергеевичу надо крепиться и согласиться с мнением товарищей. Если то же самое произойдет с моим сыном, я с глубокой отцовской горечью приму этот справедливый приговор!» — так, рассказывали Удилову, высказался Сталин, закрывая заседание.

После смерти Сталина и прихода к власти Хрущева в жизни участников этих событий произошли роковые перемены.

В Москве был ликвидирован Щербаковский район, закрыт Щербаковский универмаг. Камень, заложенный в основание памятника Щербакову, был уничтожен, а место заасфальтировано. И больше фамилия Щербакова за все годы правления Хрущева не произносилась и не упоминалась.

Берию арестовали. Непонятно, каким судом он был осужден и приговорен к расстрелу как палач и агент международного империализма. Ни следственного, ни судебного дела никто не видел.

Генерал-полковник Абакумов к моменту прихода Хрущева к власти находился в тюрьме под следствием как сообщник «врачей-вредителей». Дело оказалось липовым, и все подлежали освобождению. Но Абакумова, по просьбе Никиты Сергеевича, оставили в тюрьме и через некоторое время приговорили по другому, тоже липовому, так называемому «ленинградскому делу» к высшей мере и расстреляли.

Специалист по В. Абакумову писатель К. Столяров видит еще один веский довод в доказательство того, что Хрущев стремился как можно быстрее разделаться с Абакумовым — его расстреляли через час с четвертью после оглашения приговора, в то время как, к примеру,

Рюмин (следователь МГБ, написавший жалобу Сталину на своего министра. — *Н. З.*) при прочих равных условиях прожил еще две недели и успел подать ходатайство о помиловании, которое было отклонено по заключению Прокуратуры Союза. Сразу же по окончании процесса над Абакумовым Генеральный прокурор СССР Руденко позвонил из Ленинграда в Москву, рубленной фразой доложил Хрущеву о выполнении задания и спросил, можно ли закругляться. Получив утвердительный ответ, Руденко не стал мешкать. Едва ли Абакумов унизился бы до ходатайства о помиловании, но то, что его лишили этой возможности, — установленный факт.

Во время этого телефонного разговора рядом с Руденко стоял Н. М. Поляков, тогда секретарь Военной коллегии Верховного суда СССР, у которого Столяров и узнал подробности. Н. М. Поляков объяснил звонок Руденко желанием покрасоваться близостью к Никите Сергеевичу, а Столярову данный факт подсказал нечто иное — приговор по делу Абакумова был predetermined задолго до оглашения. Писатель не берется утверждать, принималось ли по Абакумову специальное решение Президиума ЦК КПСС, как в случае с Вознесенским, Кузнецовым и другими, но четкое указание Хрущева было, в этом нет ни малейших сомнений.

Почему Хрущев так энергично спровадил Абакумова на тот свет? Чего он опасался?

Определенно ответить на эти вопросы крайне сложно. Находясь у власти, Хрущев позаботился о том, чтобы изобличавшие его документы были уничтожены. Но живы еще старожилы Лубянки, работавшие под руководством С. Ф. Реденса в Московском управлении НКВД. Они рассказали, что в 1937 году Хрущев ежедневно звонил и спрашивал, как идут аресты. «Москва — столица, — по-отечески напоминал Никита

Сергеевич, — ей негоже отставать от Калуги или от Рязани...» Живы и те, кому поручалось уничтожение порочивших его документов. Захотят они рассказать правду или нет — это другой вопрос.

Известно, что незадолго до смерти Маленков обращался к Андропову в КГБ СССР и приводил доказательства преступных действий Хрущева в годы сталинизма.

Словом, противозаконные действия Хрущева — тропа не торная, она ждет своего исследователя.

В. Удилов между тем продолжает список лиц, подвергнутых репрессиям при Хрущеве, которые могли знать жгучую тайну Никиты Сергеевича.

Генерал-лейтенант Судоплатов был арестован, непонятно за что осужден на 15 лет и отбыл весь срок наказания во Владимирской тюрьме. Впоследствии реабилитирован.

Маленков, Каганович, Молотов как представители «антипартийной группы» отправлены в ссылку под строжайший оперативный и милицейский надзор.

Сталин на XX съезде КПСС был представлен Хрущевым как тиран и поработитель народов.

Фрагмент из книги генерал-майора КГБ в отставке Вадима Удилова «За что Хрущев отомстил Сталину», опубликованный «Независимой газетой» 17 февраля 1998 года, вызвал неоднозначные суждения. Одним из первых откликнулся Владимир Алпатов, заместитель директора Института востоковедения РАН, доктор филологических наук.

Он отметил, что публикация Удилова «За что Хрущев отомстил Сталину» очень интересна прежде всего потому, что ее автор стремится выйти за пределы нынешних стереотипов, рассматривает личность Хрущева иначе, чем было принято. По Алпатову, стереотипных оценок Хрущева две.

Одна из них проста: все большевики — злодеи, а различия между ними несущественны. Спорить с ней просто неинтересно. Вторая совершенно иная: да, все большевики плохи, но Хрущев из них — лучший (не считая, может быть, Горбачева), а его доклад на XX съезде — это Поступок. При этом очень многое забывается. Например, получается, что после смерти Сталина до февраля 1956 года, ничего, кроме разве что ареста и расстрела Берии, не происходило, а потом, после доклада, немедленно началась «оттепель» (хотя одноименная повесть Эренбурга вышла еще в 1954 г.).

Так почему же Хрущев выступил против Сталина? Удилов чуть ли не все сводит к одной причине: мести Хрущева мертвому Сталину и живым его соратникам за расстрелянного сына. Отметим, что приводимая Удиловым недокументированная история, если она верна, была очень глубоко законспирирована. Всегда считалось, что Леонид Хрущев погиб на фронте. Если действительно старший сын Хрущева был расстрелян по приказу Сталину, то этот факт, конечно, многое объясняет. Однако не все. Вопрос серьезнее.

В несомненной личной неприязни Хрущева к Сталину, очень явной в его воспоминаниях, можно выделить как бы поверхностный и глубинный слои. На поверхности — чисто человеческое раздражение и обида. Даже если история с расстрелом Леонида Хрущева и легенда, все равно Никита Хрущев не мог не помнить о том, как по-хамски обращался с ним Сталин. Безусловно, из всех членов Политбюро конца 30-х — начала 50-х годов. Сталин особо третировал Хрущева, отводил ему роль шута, издевался над недостаточной культурой и явной неотесанностью. Конечно, Хрущев не мог не вспоминать, как не раз он сам был на волоске от гибели — и в 1937 году, когда погибли почти все партийные руководители его ранга и сходной биографии, и в 1941 году, после сдачи Киева. В

поведении Хрущева 1953 года по отношению к Сталину много от мести холопа покойному барину.

В этом Хрущев отличался от других партийно-государственных руководителей тех лет. Все они могли иметь счеты к Сталину, все (и это важно подчеркнуть) понимали, что после смерти вождя нельзя оставлять его политику без изменений, но уважение к личности покойного оставалось. Вот лишь один пример. В подготовке доклада Хрущева важную роль играл секретарь ЦК КПСС Петр Николаевич Поспелов. Под конец жизни, изгнанный из ЦК в Академию наук, он любил вспоминать прошлое. И главным для него были воспоминания о том, как он работал с великим человеком — Сталиным. Он, например, рассказывал, как Сталин в минуты хорошего настроения, припоминая семинарский багаж, произносил какие-нибудь латинские изречения, подшучивая: «Вот только мы с вами, Петр Николаевич, здесь знаем латынь». Поспелов был одним из немногих руководителей тех лет, окончивших гимназию. Даже нагоняи от Хозяина в годы редактирования «Правды» старый академик вспоминал с умилением, подчеркивая правоту того в каждом случае. Но как великолепный аппаратчик, Поспелов перед XX съездом выполнил приказ нового Хозяина разоблачить прежнего, которого он искренне любил. И все же ни Поспелов, ни другие участники подготовки доклада не могли исполнить задание так, как хотелось Хрущеву, — недаром он вложил в итоговый текст много своего.

Но, думается, у Хрущева были и глубинные, более серьезные причины нелюбви к Сталину, пусть, может быть, им и не до конца осознанные.

Далее Владимир Алпатов вскрывает «гносеологические» корни предпринятого Хрущевым шага в сторону от линии Сталина. Размышления ученого, безусловно, интересны и, наверное,

правильны, но я не буду приводить их, поскольку это усложнит мое расследование. Для меня главное в том, что ученый не исключает версию генерала Удилова, но не сводит только к ней причину мести Хрущева Сталину. Подчеркнув, что гипотеза лубянского генерала недокументирована, он попутно обнаружил в ней много фактических ошибок и упрощенных оценок. Так, сейчас уже известно, что белый генерал Миллер был не «уничтожен за границей», а тайно вывезен в СССР, судим и расстрелян. Щербаковский район в Москве действительно был переименован по указанию Хрущева, но не на его «второй день правления», как пишет Удилов, а лишь в 1957 году. Щербаковский универмаг был не «закрыт», а также переименован, а здание его снесено позже. Маршал Мерецков был арестован уже тогда, когда НКВД возглавлял Берия: летом 1941 года, и в том же году освобожден. Писатель Владимир Карпов был освобожден из лагеря и отправлен на фронт не в начале войны, а лишь в 1943 году.

Но это, как говорится, детали. Главное в том, что концепция, выдвинутая Удиловым, ученым не отвергается.

Ее с возмущением отрицает Нина Хрущева, приславшая из американского города Принстона гневную отповедь в редакцию «Независимой газеты». Нина Львовна Хрущева, 1963 года рождения, заканчивала в 1998 году аспирантуру Принстонского университета. Она приходится внучкой Леониду Хрущеву, поскольку родилась в семье его дочери Юлии Леонидовны, длительное время работавшей заведующей литературной частью московского театра имени Вахтангова, а в 1998 году — в Московском доме кино.

Редакция письмо принстонской внучки опубликовала. Представительница молодого поколения

Хрущевых обвинила генерала Удилова в недокументированности его версии.

«Иногда кажется, — возмущается она, — зачем писать, возражать, сотрясать воздух — бессмысленно, «на каждый роток не накинешь платок», с другой же стороны, когда версии становятся уж совсем пасквильными и безосновательными, молчать просто невозможно. Говорить все равно будут, на то она и свобода слова, но говорящие хотя будут знать, что их высказывания должны быть хотя бы приблизительно основаны на фактах, а не просто излагать «свою версию» несуществующих событий.

Отрывок из книги Вадима Удилова «За что Хрущев отомстил Сталину», напечатанный в уважаемой мной «Независимой газете» 17 февраля 1998 года, наводит на мысль, что при демократии печати хорошо было бы еще иметь и отдел по проверке фактов (в США, например, каждое серьезное издание имеет такой отдел, причем чем серьезнее оно к себе относится, чем больше заботится о своей репутации, тем дотошнее проверяет и перепроверяет факты. Журнал «Нью-Йоркер» даже маленькую цитату не напечатает, если вы точно не укажете источник, страницу и дату публикации). В начале статьи Удилова корреспондент «НГ», правда, сделал слабую попытку поинтересоваться наличием фактического материала, доказывающего правдивость генеральского повествования о Хрущеве, но как-то удивительно быстро удовлетворился ответом, что никаких документов и фотографий найти нельзя, так как «Хрущев, придя к власти, сразу же позаботился, чтобы никаких следов этой истории не осталось». Удобно, не правда ли — документов нет, следов не осталось. Говори, что хочу, кто проверит?

Главная жертва мстительного Хрущева генерал Судоплатов только упоминается, причем осторожно говорится, что «незадолго до своей кончины Павел

Анатольевич сказал мне (Вадиму Удилову. — *Н. З.*), что его подчиненные, возможно, участвовали в похищении Леонида Хрущева, но не стал вдаваться в подробности». «Возможно», «не стал вдаваться в подробности», хоть никто и не проверит, но все-таки надо быть осмотрительным, мало ли что. Ведь сам Судоплатов в своих мемуарах почему-то ни словом не обмолвился об этом инциденте, хотя Хрущева сам отнюдь не жалует. Причиной же своего ареста считает близкие рабочие отношения с Берией, а отнюдь не участие в каком-то секретном заседании Политбюро, обсуждавшем судьбу «предателя» Леонида Хрущева.

Дело в том, что описываемых бывшим чекистом Удиловым событий просто-напросто не было, поэтому и фактического подтверждения им нет и быть не может».

Откликнулся и сын другого уважаемого человека, А. С. Щербакова. Он и сам уважаемый человек — генерал, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. С Удиловым не согласен.

«Удилов пишет, что утверждение расстрельного приговора обсуждалось на заседании Политбюро и на этом заседании первым выступил мой отец Александр Сергеевич Щербаков, предложивший утвердить приговор. Уверен, что такого заседания Политбюро не было. Во всяком случае там не было Щербакова, и он там не выступал. Почему я это утверждаю? Примерно в это же время меня переводили из ПВО Москвы на 1-й Белорусский фронт. Если в ПВО Москвы попадание в плен исключалось, то на Белорусском фронте вынужденная посадка или прыжок с парашютом за линией фронта были вполне возможны, и отец непременно рассказал бы мне о Хрущеве, лишний раз предупредив о том, что попадать в плен мне нельзя. Но ничего подобного он не говорил. Далее Удилов пишет, что ОКР «СМЕРШ» собрал информацию и документальные факты о прегрешениях Леонида

Хрущева. В чем могли заключаться прегрешения старшего лейтенанта? Немцы могли его использовать только в целях пропаганды. Будучи начальником Главного политического управления Красной Армии, отец знал бы о таких пропагандистских действиях немцев и опять-таки мне об этом сказал бы перед моей отправкой на фронт. Но ничего об этом он не говорил».

О куйбышевской истории — стрельбе по бутылке, стоявшей на голове товарища, — А. А. Щербаков передает со слов Льва Булганина: «Вокруг Леонида собралась компания. Там был летчик местного отряда гражданской авиации, инженер авиапромышленности, лечившийся после ранения сын Долорес Ибаррури Рубен, военные летчики, получавшие в Куйбышеве самолеты. Кто-то из компании предложил «развлечение» — стрелять из пистолета в бутылку, стоящую на голове товарища. Стреляли с близкого расстояния, и поэтому риск был невелик. Ставил себе на голову бутылку и Леонид. В компанию случайно попал моряк, офицер. Он тоже захотел, чтобы ему стреляли в бутылку на голове. Стрелял Леонид. Бутылка осталась целой, а пуля попала моряку в голову. Были следствие и суд. Но Леонид не провел ни одного дня в заключении. Преступление не классифицировалось как тяжелое. Во всяком случае это не было преднамеренное убийство».

Рассказывая о последнем полете Леонида Хрущева, Александр Щербаков ссылается на летчика Ивана Митрофановича Жука, который тоже участвовал в бою, когда был сбит Леонид. Жук видел, как в самолет Леонида стрелял, зайдя в хвост, «фокке-вульф-190», после чего «Як-7» пошел к земле с большим углом пикирования. Так обычно происходило, если летчик был убит или ранен. Парашюта никто из участников боя не видел. Так как местность, над которой шел бой, была лесистой и болотистой, найти упавший самолет в те дни не удалось. Это произошло 11 марта 1943 г., а 27

апреля 1943 г. приказом № 0369 старший лейтенант Хрущев был исключен из списков полка как без вести пропавший. Но его гибель в бою долгие годы ни у кого сомнений не вызывала. Версия о том, что он попал в плен, о его предательстве, похищении из плена и расстреле появилась только в конце 60-х годов.

Но нашлись читатели, которые, в свою очередь, были не согласны как с потомками Хрущева, так и Щербакова. Внучка, сын — это уже другие времена, другие поколения, другая психология и, да простят меня упомянутые родственники знаменитостей, другие профессии.

Об этом хорошо сказал Ю. Борисов, скромно подписавшийся «читатель»: «Глубоко возмутила меня статья генерала Щербакова («НГ» от 27.03.98 г.) Он пишет, что сын Хрущева Леонид развлекаясь в кругу приятелей и стреляя в бутылку на голове одного из них, убивает этого человека, офицера Советской Армии. По словам генерала, это квалифицировали как несчастный случай и отправили Леонида Хрущева на фронт. Автор подчеркивает, что преступление было «не из тяжких». Странное утверждение. Неужели боевого генерала, Героя Советского Союза, не возмущает тот факт, что, во-первых, убит человек, офицер, который мог бы уничтожить еще не одного врага. Во-вторых, убийство совершено ради потехи, ради развлечения; в то время, когда тысячи молодых людей гибли на фронте, сражались с врагом, здесь, в глубоком тылу, сынки высокопоставленных родителей использовали боевое оружие совсем для иных целей. Генерал Щербаков абсолютно не убедителен в своем стремлении реабилитировать Л. Хрущева и представить убийцу таким невинным шалунишкой.

Генерал Щербаков в своей статье, правда, очень кратко, касается причин того, почему Н. Хрущев выступил с разоблачением Сталина.

С моей точки зрения, главный вопрос не в этих самых причинах, а в том, чтобы разоблачив творца так называемой тоталитарной системы, саму эту систему Хрущев не только пальцем не тронул, но и приложил все силы к тому, чтобы и дальше ее укрепить: всячески раздувался культ Хрущева (это называлось укреплением его авторитета), при нем приходила в запустение российская деревня (т. е. добивались остатки крестьянства), велась беспощадная борьба с церковью и т. д. и т. п.

Разоблачая культ личности, Хрущев неизбежно бросал тень на систему, созданную Сталиным. А она, эта система, сыграла свою выдающуюся роль в экстремальных условиях ускоренной индустриализации страны, кровопролитной войны, восстановления народного хозяйства... Наверняка, иного пути, чтобы выстоять, у нас просто не было!

Однако все имеет свои разумные пределы, и то, что являлось благом в экстремальных условиях, перестало срабатывать в послевоенный период. Мирное время требовало экономических стимулов высокопроизводительного труда, задействования мотивов личной заинтересованности в хорошей работе, представления возможности зарабатывать столько, сколько трудящийся человек считает нужным заработать, и т. д. Но Хрущев, критикуя Сталина, упирал именно на то, что культ личности не давал развиваться дальше именно этой мобилизационной, тоталитарной (не в словах дело!) экономике, которую Хрущев (и не только он) называл плановой, социалистической, и поэтому не допускал даже мысли о внедрении в нее элементов рыночных отношений. Его борьба с личным подсобным хозяйством, когда в пригородах Москвы, например, совсем почти не осталось коров в частном пользовании; его сопротивление строительству автозавода для продажи

автомашин населению и многое другое говорит о том, что частная собственность была для него что «нож острый».

Такая недальновидная политика привела к отмиранию у людей инициативности, хозяйственной хватки, а у кого она сохранялась — шли в теневую экономику».

С. П. Красиков:

— Ходит молва, что именно Н. С. Хрущев умертвил И. В. Сталина. Смерть вождя нужна была ему для очистки совести перед прахом сына. Прямых улик о физическом уничтожении Хрущевым Сталина нет. Но, став активным зачинщиком развенчивания его деяний, Хрущев поставил себя в один ряд с теми, кто пожелал бы уничтожить вождя задолго до его физической смерти.

В. Ф. Аллилуеву кажется, что причину надо искать в другом. Она названа, в частности, в интервью В. П. Пронина, председателя Моссовета с апреля 1939 по 1945 год, опубликованном в том же «Военно-историческом журнале» в десятом его номере за 1991 год.

«Вопрос. А Хрущев? Какие воспоминания остались о нем?

Ответ. Взаимоотношения с Никитой Сергеевичем у меня были нормальными. Он очень поддерживал нас, молодых. Хрущев много сделал для благоустройства Москвы. Он способный практический работник, быстро схватывал предложения специалистов, старался их осуществить, но сам предложений, как правило, не вносил.

Многие руководители районов относились к Хрущеву отрицательно. И вот почему. Хрущев малограмотный человек был, в этом его беда.

Он активно способствовал репрессиям. Дело в том, что над ним висел дамоклов меч. В 1920 году Хрущев

голосовал за троцкистскую платформу. И поэтому, очевидно, боясь расправы, сам особенно усердно «боролся» с беспечностью, утерей политической бдительности, политической слепотой и т. д. Хрущев санкционировал репрессии большого количества партийных и советских работников. При нем из 23 секретарей райкомов города почти все были арестованы. И почти все секретари райкомов области. Были репрессированы все секретари МК и МГК партии: Кацеленбоген, Марголин, Коган, Корытный... Все заведующие отделами, включая помощника самого Хрущева. Хрущев, будучи уже на Украине, на Политбюро в 1938 году настаивал на репрессиях и второго состава руководителей Московского городского комитета партии.

Мы, тогда молодые работники, удивлялись: как же нас Хрущев воспитывает насчет бдительности, если все его окружение оказалось врагами народа? Он же один только остался в МК целым.

Вопрос. Вы полагаете, что масштаб репрессий в Москве личная «заслуга» Хрущева?

Ответ. В значительной мере. Ведь после осени 1938 года, после прихода к руководству горкомом Щербакова, никто из работников Моссовета, МК и МГК, райкомов не пострадал. Я знаю, что когда на Политбюро в июле 1940 года возник вопрос о снятии Щербакова с работы за плохую работу авиазаводов, то обвиняли его и в том, что он очень неохотно и очень редко давал согласие на репрессии. Мало того. В моем присутствии на секретариате горкома по представлению Щербакова начальник следственного отдела НКВД был исключен из партии за необоснованные аресты».

Вот где зарыта собака!

Сталин, на которого ныне вешают все репрессии, развязанные в стране, оставался у руля, палач Берия по-прежнему возглавлял НКВД, а репрессии в Москве

прекратились с уходом Н. С. Хрущева. Но зато новая их волна прокатилась по Украине. И не только в отношении гражданских лиц.

Глава 6. ТРЕТИЙ РАСКОЛ В РЯДАХ ПРЕЕМНИКОВ

Антипартийная группа

Хрущевский зять А. И. Аджубей, к которому во время правления его тестя и на козе нельзя было подъехать, не растратил былого самомнения и после бесславного смещения Никиты Сергеевича. Тесть по-прежнему оставался Богом, сошедшим на землю.

Таким его и рисовал Аджубей — отмеченным свыше, выгодно выделявшимся своей живостью на фоне пергаментных лиц сталинских монстров-наркомов.

В 1954 году Никите Сергеевичу исполнилось шестьдесят. Семейных торжеств он якобы не признавал. С утра, как обычно, младшие отправлялись на занятия, старшие — на работу. Однако юбилей все же отпраздновали — явочным порядком. На даче собрались гости — Молотов, Маленков, Ворошилов, Микоян, Булганин... Нельзя было не заметить, насколько хозяин стола отличался от них. Обветренный, загорелый, с седеньким венчиком волос по кругу мощного черепа, Хрущев походил на приезжего родственника, нарушившего чинный порядок застолья. В тот вечер он был в ударе, сыпал пословицами, поговорками, каламбурами, украинскими побасенками. Он чувствовал, конечно, что его простоватость коробит кое-кого из гостей, но это его несколько не смущало. Цепкие глаза бегали по лицам собравшихся, и, казалось, в них, как в маленьких зеркальцах, отражалось все, что владело его вниманием. Без пиджака, в украинской рубашке со складками на рукавах (у него были короткие руки, как он говорил, специально для слесарной работы), Хрущев предлагал и другим снять пиджаки, но никто не захотел.

Гости сидели со снисходительными минами на лицах, не очень-то скрывая желание отправиться по

домам, но встать из-за стола не решались. Было видно, что они принимают Хрущева неоднозначно, что вынуждены мириться с тем, что он попал в их круг, а не остался там, на Украине, где ему самому, по-видимому, жить и работать было легче и сподручнее. Эта несовместимость Никиты Сергеевича с гостями вызывала неловкость и даже тревогу. Нина Петровна сказала: «Давай отпустим гостей».

Арест и расстрел Берии вопреки ожиданиям не сплотил сталинских наследников. Между ними все чаще возникали размолвки, личная неприязнь. Они были абсолютно разными людьми. «Старики» с трудом воспринимали провинциального выскочку, его «деревенскость» во многих вопросах, особенно касавшихся международных дел и идеологии. Это бросалось в глаза даже его сыну Сергею, далекому в те годы от большой политики.

Он тоже замечал, что давно не осталось камня на камне от былого согласия, достигнутого на короткое время в преддверии ареста Берии. Постепенный поворот в международной политике от конфронтации и изоляции к мирному сосуществованию, налаживание торговых и иных связей рассматривались «стариками», и в первую очередь Молотовым, как измена, пусть не государственная, но идеологическая. Маленков в этих вопросах среди своих единомышленников стоял особняком, он никогда не слыл ортодоксом, кое в чем мог пойти дальше Хрущева. Но только без него.

Не было единства и во внутренней политике. Молотов не соглашался с грандиозным проектом освоения целины. Он считал, что деньги лучше вложить в крестьянское хозяйство здесь, в европейской части страны.

Булганина в лагерь своих недоброжелателей толкнул сам Хрущев. Все последние годы они держались вместе: и в момент смерти Сталина, и при

подготовке ареста Берию. Перебирая варианты, обдумывая кандидатуры, подходящие для замены Маленкова на посту Председателя Совета Министров, Хрущев не случайно остановился на Булганине. Казалось, он мог доверять последнему во всем. Во время визита в Великобританию Хрущев вольно или невольно, в силу своего характера, вытеснял Булганина со сцены, перехватывал инициативу, порой не давал ему рта раскрыть. То же самое продолжалось и в Москве. Сначала Булганин терпел, потом стал обижаться, недовольство «деревенщиной» возрастало.

Коллеги по Президиуму ЦК подливали масла в огонь, кто сочувственно, кто язвительно нашептывали:

— Никита тебя ни в грош не ставит!

Наконец Булганин не выдержал, больше с ролью статиста он мириться не желал. Он еще покажет, кто тут первый. Так он и оказался среди противников Хрущева.

Из одиннадцати членов Президиума ЦК семеро стояли за отстранение Хрущева. Казалось, его судьба предрешена. На пост первого секретаря планировался Молотов.

Никита Сергеевич пока ни о чем не догадывался. Подготовка велась в глубокой тайне...

Никаких других мотивов, кроме борьбы за власть, не видел в кремлевских интригах, достигших пика к лету 1957 года, и видный деятель партии, в последующем многолетний член Политбюро В. В. Гришин. Касаясь этой темы, он прямо говорил мне:

— Борьбой за власть следует объяснить и дело так называемой антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и других, их исключение из партии, освобождение от руководящих постов. Они хотели сместить с поста Первого секретаря ЦК Хрущева, но он сумел так организовать дело, что на июньском Пленуме ЦК партии в 1957 году добился

устранения почти всех членов Президиума ЦК, а сам укрепился на постах Первого секретаря ЦК, Председателя Совета Министров СССР.

Главным соперником Хрущева, конечно же, был Маленков. Сразу после смерти И. В. Сталина он стал Председателем Совета Министров СССР и, не будучи секретарем ЦК, возглавил его Президиум. Н. А. Мухитдинов рассказывал: уже на мартовском объединенном заседании Пленума ЦК и Верховного Совета было видно, что он реально становится преемником Сталина. По существу, в поздравлениях, поступавших от местных организаций и зарубежных стран, на это намекали и желали ему успехов. Но... Через полгода он уже не играл ведущую роль в Президиуме ЦК, а через два года прекратилась его работа в правительстве. Трудовой путь он завершил в далеком Усть-Каменогорске, в Казахстане, где его исключили из партии и отстранили от работы директора электростанции в Экибастузе.

Что же произошло? Во всем этом, несомненно, огромную «помощь» ему оказал Хрущев. Если Берию устранили «лобовой атакой», методом, как говорится, «дворцового переворота», то влияние и позиции Маленкова ослаблялись шаг за шагом, поэтапно.

В развернутых решениях июльского Пленума существенным фактором стало повышение роли ЦК и подчинение ему органов госбезопасности. Скоро главой КГБ, по настоянию Никиты Сергеевича, утвердили И. А. Серова, человека, формировавшегося в окружении Берии, известного грубостью, бестактностью, бескультурьем, совершившего ряд противозаконных акций по отношению к целым народам и деятелям, но являвшегося давним другом Хрущева. Маленков же его не переносил.

Пожалуй, самый сильный удар был нанесен Маленкову тем, что Хрущев, избавившись от Берии,

развернув бурную деятельность в партийных органах, уже в августе пятьдесят третьего года поставил вопрос на Президиуме о необходимости избрания Первого секретаря ЦК. Он сослался при этом на настроения коммунистов, якобы недоумевавших, почему столько времени в партии нет руководителя.

На Пленуме ЦК КПСС 7 сентября 1953 года Хрущев сделал доклад о положении в сельском хозяйстве и мерах по его подъему. После обсуждения и принятия решения он был избран Первым секретарем ЦК. Сразу же всю деятельность Президиума он замкнул на себе. Произвел существенные изменения в составе Секретариата, восстановил в нем Сулова, что, естественно, снизило влияние Маленкова. Вскоре добился освобождения Шаталина от должности секретаря ЦК и направил его первым секретарем Приморского крайкома партии.

Это был еще один удар по Маленкову. Дело в том, что Шаталин, умный, вдумчивый, рассудительный человек, был избран в состав Оргбюро и Управления кадров ЦК еще в 1946 году, когда начальником его был Маленков. И именно это сыграло немаловажную роль в дальнейшем освобождении Шаталина от работы в ЦК.

Маленков, партийный аппаратчик до мозга костей, после окончания Высшего технического училища им. Баумана и службы в армии в 24 года ставший инструктором местного партийного комитета, в течение двадцати лет прошел все ступени партийного аппарата и дошел до поста члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС.

В Уставе партии не была предусмотрена должность второго секретаря ЦК, но в конце 40-х годов он настолько приблизился к Сталину, вошел к нему в доверие, что фактически являлся вторым человеком в партии. На XIX съезде КПСС Генеральный секретарь поручил ему сделать отчет ЦК съезду. Этот

беспрецедентный случай показал, какое место занимал Маленков в партийной иерархии. И это предопределило его выход на первые роли буквально в течение нескольких дней в марте.

А спустя всего лишь полгода он оторвался от аппарата Центрального Комитета, этой мощной неафишируемой силы. Никита Сергеевич, наоборот, бурно проявлял инициативу, выдвигал принципиальные предложения по развитию экономики, особенно сельского хозяйства, вникал во внешнюю политику. Ездил по республикам и областям, широко общался с людьми, а Маленков, не имея опыта публичного политика, уже чувствуя, что теряет опору в партии, госбезопасности и армии, не в силах предложить что-либо серьезное, вынужден был согласиться с острой критикой в его адрес, прозвучавшей на Президиуме ЦК, где ему прямо сказали, что он не справляется с работой главы правительства. Ему пришлось оставить этот пост. Продолжая быть членом Президиума ЦК, он стал министром электростанций. А Председателем Совета Министров СССР, по предложению Хрущева, утвердили Булганина. Его кандидатуру одобрил Президиум ЦК.

XX съезд укрепил позиции Хрущева. Но и «старики» цену себе знали. Они явно не собирались уступать горлопану-выскочке. Распри возникли уже на второй день после закрытия съезда, когда Никита Сергеевич предложил новому составу Президиума и Секретариата ЦК собраться. Н. А. Мухитдинов рассказывал, что это произошло то ли 28, то ли 29 февраля 1956 года, сразу после окончания XX съезда.

Собрались в комнате Президиума. Это было не официальное заседание, а обычная деловая встреча. Хрущев поздравил всех с избранием, выразил удовлетворение тем, что съезд прошел в целом нормально.

Далее он сказал:

— У всех членов Президиума служебное положение ясно. Распределение обязанностей между секретарями ЦК осуществим позже, а сейчас хорошо было бы сосредоточиться в ближайшее время вот на чем. Товарищ Суслов, подготовьте, как мы уже договорились, проект постановления ЦК о преодолении отрицательных последствий культа личности Сталина. Привлеките к подготовке документа товарищей Поспелова и Мухитдинова, они в курсе дела. Товарищ Аристов, вы возьмите на себя изучение всего комплекса вопросов, связанных с репрессиями, и будете вносить конкретные предложения на предмет реализации по мере подготовки материалов. Товарищ Беляев, вы с товарищами из Казахстана и целинных земель России изучите уже проделанную работу по освоению целины и определите необходимую им помощь. Думаю, что хотя за два года сделано немало, нужно подкрепить целину техникой, людьми, создать им условия для переселения, выделить нужные финансовые и материально-технические ресурсы. Кроме того, Кунаев правильно сказал на съезде: нужно нам по-новому подходить и развернуть работу по резкому увеличению поголовья и продуктивности овцеводства в несколько раз, чтобы целина давала и зерно, и мясо.

Не успел он закончить свою мысль, как последовала реплика Ворошилова, резко обострившая обстановку. Он сказал, обращаясь к Хрущеву:

— Никита, ты забываешь или не знаешь Россию. Посмотри, в каком положении исконно русские области! В бедственном! Целые деревни, хутора запущены, сплошь бездорожье. Люди не могут одеться, обуться! Многие страдают от безработицы, отсутствия условий для жизни, а ты хочешь все больше государственных денег закопать в песках Казахстана!

Никита Сергеевич побагровел, вышел из себя и, еле сдерживаясь, заявил:

— Клим, ты сам полностью обеспечен, давно оторвался от народа и его жизни! А я хочу, чтобы у всех людей, в том числе и у русских, было для семьи, для детей в досталь хлеба, мяса, жилья и работы.

К нему обратился Молотов:

— Ты сломаешь себе шею на целине.

На это последовал твердый, убежденный ответ:

— Запомни, Вячеслав: какие бы трудности и сопротивление ни были, мы добьемся цели!

Общее молчание. Вдруг Л. М. Каганович говорит:

— Мы договаривались на Президиуме, чтобы доклад о культе не публиковался. А за рубежом его уже опубликовали почти полностью. Кто это организовал? Чья это «заслуга»?

Все молчат. Жуков спрашивает:

— Где и в каких газетах опубликовали?

— Мне сообщили, что в Польше, Италии и в других странах.

Тут же начался серьезный разбор доклада Хрущева, обвинения в том, что он самовольно приводил новые примеры по сравнению с утвержденным текстом, давал оценки по принципиальным вопросам вразрез с утвержденной линией.

Хрущев не сдавался.

— Я вас предупреждал о своем мнении. Утвержденный текст я зачитал, но и высказал в ряде случаев свое мнение. Никто не может запретить мне! Имею право, как любой другой человек! А что касается публикаций, давайте подумаем, как выйти из положения.

Булганин сказал:

— Нужно проверить, как могло случиться, что документы ЦК всего лишь через несколько дней появляются в печати за рубежом и весь мир узнает об этом. Надо поручить Серову расследовать и доложить.

Кто-то спросил, как же быть. Сулов ответил:

— Просто не реагировать пока.

Хрущев заявил:

— В этой ситуации нам нужно ускорить направление информации местным партийным организациям, чтобы ознакомить всех рядовых коммунистов с материалами о культе личности. Секретариату — быстро подготовить. А вы, товарищ Сулов, примите меры, чтобы проект постановления о культе Сталина нам принять в течение 15-20 дней и опубликовать. Этим мы снимем возможные осложнения.

Маленков предусмотрительно добавил:

— Хорошо было бы со всеми документами — информацией и проектом постановления — заблаговременно ознакомить членов Президиума.

Хрущев парировал:

— Самое важное сейчас, чтобы коммунисты, наш народ и в мире сразу почувствовали, что все решения съезда мы будем выполнять и относимся к ним серьезно. Особое значение имеет реабилитация пострадавших в 30-е годы. Публикация решений о реабилитации будет воспринята в стране и за рубежом как новый курс партии и государства, как свидетельство того, что у нас с XX съезда начинается поворот в политике в сторону демократии, справедливости, защиты прав людей.

На том и разошлись. С убеждением, что слаженной работы ожидать не придется, мира и дружбы между членами команды не видать.

Д. Т. Шепилову тоже запомнился послесъездовский, как оказалось, судьбоносный эпизод. Дмитрий Трофимович сидел поздно вечером в своем кабинете в редакции «Правды» и просматривал очередной номер газеты. Раздался звонок кремлевского телефона.

— Товарищ Шепилов?

— Да, это я.

В голосе говорившего слышалось едва сдерживаемое раздражение, он слегка заикался:

— Прекратите ругать в «Правде» Сталина.

Шепилов сразу понял: это был Молотов.

— Я Сталина не ругаю. Я выполняю решения XX съезда.

— Я еще раз прошу вас: прекратите ругать Сталина.

— Товарищ Молотов, — ответил ему Шепилов, — я могу только повторить, что сказал: я выполняю решения XX съезда. Вы недовольны? Тогда выносите вопрос на Президиум ЦК.

Этот разговор, по словам Шепилова, его тогда поразил. Сталин, как поведал Хрущев притихшему съезду, уничтожил тысячи и тысячи безвинных людей. На первом же Пленуме ЦК после XIX съезда КПСС Сталин всячески унижал Молотова, утверждал, что он «трясетя» перед американским империализмом. Сталин посадил его жену в тюрьму. А Молотов просит не ругать в «Правде» Сталина! Он так и сошел в могилу несгибаемым сталинистом.

К мотивам политическим, служебным примешивались личные, бытовые. Крупная ссора случилась на свадьбе сына Хрущева Сергея. На торжественный обед Никита Сергеевич сверх друзей сына и родственников неожиданно пригласил массу людей. Человек общительный, он не мог удержаться от того, чтобы в разговоре не похвастаться: сын женится. После этого ничего не оставалось, как просить собеседника по русскому обычаю почтить торжество своим присутствием.

Среди приглашенных оказались Булганин, Маленков, Ворошилов, Каганович. Были и другие, трудно сказать, как их можно было тогда назвать — оппозиционеры или представители большинства в Президиуме ЦК. Пригласил Никита Сергеевич маршала Жукова и председателя КГБ Серова.

Свадьба, как и полагается, прошла весело. Гости разделились на две компании — молодежь и стариков — и друг другу не мешали. Пили умеренно, Хрущев не любил пьяных. (Это Никита Сергеевич-то? Ну да ладно, сын все же. Не может же он признавать, что отца и на публике редко трезвым видели.)

Жуков все время о чем-то шептался с Серовым. Как только закончились официальные тосты, они вышли в сад и долго гуляли по дорожкам. Можно ли это связать с последующими событиями, Сергей не знает. Возможно, им до этого просто не представлялось случая побеседовать в спокойной обстановке.

Маленковы, немного запоздав, пришли запросто, по-соседски. Маленков глядел сумрачно, хотя обычно с лица Георгия Максимилиановича не сходила приветливая улыбка. Вспомнилась несообразность, отмеченная новобрачной на следующий день, когда она рассматривала свадебные подарки. Одни были побогаче, другие попроще, в зависимости от возможностей дарящего. Одни казенные, другие с душой, в зависимости от отношения к молодоженам.

— А это что? — удивилась жена. Она держала в руках небольшую потрепанную дамскую замшевую сумочку темно-зеленого, его еще называют болотным, цвета.

Сергей с трудом вспомнил, что ему ее сунула в руки Валерия Алексеевна, жена Маленкова. Они тогда, особенно не задерживаясь с поздравлениями, поспешили дальше, к старикам. В сумочке оказался дешевый будильник со слоником, ими в то время были забиты все магазины. На вид тоже не новый, как будто походя взятый с тумбочки. Сергей бы не запомнил этого эпизода, подаркам, он, по его словам, не придавал особого значения, а тем более не приценивался, что дороже, а что подешевле. Его удивило психологическое несоответствие дара сложившемуся в сознании образу

этой семьи. Маленковы очень любили делать подарки, часто без всякого повода, и всегда старались выбрать что-либо необычное, запоминающееся. Этим они отличались от большинства хрущевских знакомых. Когда Сергей поступил в институт, то его одарили чудесной фаберовской готовальней в деревянной полированной коробке. Гляделась она настоящей драгоценностью, и за всю свою жизнь он не рискнул использовать ее по назначению. Совсем без повода он получил набор увеличительных стекол, тоже очень красивых. А тогда...

Эти мысли промелькнули, а может быть, даже не промелькнули в тот день, так, задержались в подсознании. Задумался он лишь после, и тогда же сделал вывод, что для Маленкова в тот день уже все казалось решенным, фигуры на доске встали по-новому, отцу Сергея в предстоящей партии места не отводилось.

Запомнилась ему и размолвка за столом. К тому времени компания старших давно замкнулась в своих интересах, о молодых почти забыли. Молодожен уже упомянул, что пьяных почти не было, но это не значит, что за столом не пили. Чуть подвыпил Булганин, его соратники только пригубливали, держались настороженно.

Отец новобрачного пребывал в отличном праздничном настроении, шутил, задибался. Когда Булганин начал очередной тост, он отпустил беззлобную шутку. Булганин среагировал бурно, просто взорвался. Стал кричать, что не позволит затыкать ему рот, помыкать им, скоро это все кончится... Его еле успокоили. Хрущев уговаривал своего друга: он и в мыслях не держал его обидеть. Неприятную вспышку погасили. Чего не бывает на свадьбе...

В. М. Молотову, по его словам, Хрущев напоминал прасола. Прасола мелкого типа.

— Человек малокультурный, безусловно. Прасол. Человек, который продает скот.

Ошибка Сталина в том, что он никого не подготовил на свое место. Хрущев не случаен. Конечно, не по сеньке шапка. Но и в нашей группе не было единства, не было никакой программы. Мы только договорились его снять, а сами не были готовы к тому, чтобы взять власть.

Я сопротивлялся такому большому освоению целины. Я и теперь считаю это неправильным. Я предлагал осуществить это в половинном размере. Не хватит людей, не хватит машин — мы это сделаем за счет других областей.

Я был против совнархозов и написал письмо в Политбюро, что это дело не подготовлено.

Я был против разделения партии на сельскую и городскую — это противоречит и Конституции, и Уставу партии. Это просто идиотство.

Против был не только Молотов. По свидетельству А. И. Аджубея, в атаку против курса XX партийного съезда пошли семь членов Президиума ЦК. Кроме Молотова, это были Маленков, Каганович, Ворошилов, Булганин, Первухин, Сабуров. Уже в ходе XX съезда Хрущеву стало ясно, что так или иначе последует более глубокий анализ обстоятельств, повлекших массовые репрессии. А главное, утверждались новые, неприемлемые для этих людей принципы партийной работы: выход из кремлевских кабинетов к людям, открытость, правда, демократия. На первый план выдвигалась забота о человеке, не мнимая, не в лозунгах и призывах, а деловая, активная. Молотову претила дипломатия личных контактов. Маленков, Каганович, Молотов помнили о списках арестованных, на которых стояли их резолюции.

Через год после XX съезда Хрущева спасло от поражения на заседании Президиума ЦК только

вмешательство членов ЦК, явившихся в Кремль и потребовавших объяснений по поводу происходившего. К маленькой группе вышли Ворошилов и Булганин, начали кричать на пришедших. Ворошилов заходился от гнева, тыкал Шелепину, тогдашнему первому секретарю ЦК ВЛКСМ: «Это тебе, мальчишке, мы должны давать объяснения? Научись вначале носить длинные штаны».

Окрик «вождей» никого не испугал — уже прошел XX съезд партии. В Кремль спешили все новые группы членов ЦК. Прибывали партийные работники с мест. Их вызвал секретарь Горьковского обкома Н. Г. Игнатов.

Заседание Президиума ЦК, где соотношение сил было семь к трем, обострялось. Хрущева поддерживали А. И. Микоян и первый секретарь ЦК партии Украины А. И. Кириченко. Им важно было затянуть время, добиться созыва Пленума. Упреки в адрес Хрущева сыпались как из рога изобилия: ставили в вину освоение целинных земель, мягкость и уступчивость во внешнеполитической деятельности, либерализм в идеологии. За всем этим стоял страх, связанный с нараставшей критикой Сталина.

Был уже почти решен вопрос об освобождении Хрущева с поста Первого секретаря ЦК и назначении его министром сельского хозяйства — подальше от политики. Однако напор «взбунтовавшихся» партийных работников оказался столь сильным, что «семерка» вынуждена была пойти на созыв Пленума.

Более подробно об этом рассказывает С. Н. Хрущев.

Началось во вторник, 18 июня. Для заседания Президиума ЦК день необычный. По заведенному порядку они проходили по четвергам. Видимо, рассчитывали завершить дело к воскресенью.

Подготовку провели солидную. Расклад не предвещал никаких неприятностей. С одной стороны, Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин,

Первухин и Сабуров, семь членов Президиума ЦК, причем старейших. С другой — сам Хрущев, а с ним лишь Микоян и новичок Кириченко. Правда, кандидаты в члены Президиума, избранные в последние годы — Жуков, Шепилов, Брежнев, Шверник, Мухитдинов, Фурцева, — выступали на стороне Хрущева. Еще один потенциальный сторонник Никиты Сергеевича, секретарь Ленинградского обкома и кандидат в члены Президиума Козлов, отсутствовал. Его не звали, он по уши увяз в организации торжеств по случаю 250-летнего юбилея города. Кандидатов по-серьезному в расчет не принимали, голосовать они не имели права. Пленумы же давно не оспаривали решений, принимаемых Президиумом. Дружно голосовали «за».

Об основных ошибках Хрущева известно, теперь их сопровождал целый шлейф мелких претензий. По словам Хрущева-младшего, частично надуманных, частично смехотворных. Так, Каганович заявил, что Хрущев одно время, в самом начале 20-х годов, еще работая на руднике, поддерживал Троцкого. Тут явно зазвучали отголоски привычной схемы, отработанной в 30-е годы.

Хрущев оборонялся яростно. Ни одного из принципиальных обвинений он не признал, свои действия считал правильными. С мелочами соглашался, но не со всеми. К примеру, свои троцкистские «заблуждения» признал, но напомнил Кагановичу, что даже Сталин, знавший об этой истории, в 37-м не счел нужным акцентировать на ней внимание. Да и сам Каганович, узнавший обо всем от него самого, отбивался Хрущев, советовал, как обойти острые углы. А теперь вытащил пропахшую нафталином «историю» на свет Божий.

Победители рассчитывали склонить Хрущева к компромиссу. В обмен на капитуляцию большинство предлагало ему пост министра сельского хозяйства. Тут

шли по проторенной дорожке: после смещения с поста главы правительства Маленков стал министром энергетики. Теперь настал черед отца Сергея. В противном случае...

Так и подмывает спросить у переполненного праведным гневом Сергея Никитича: а кто эту дорожку торил? Кто сместил Маленкова с поста главы правительства и назначил министром электростанций? Кажись, батюшка возмущенного сына, Никита свет Сергеевич...

О том, что происходило в зале Президиума ЦК КПСС в Кремле 18 июня 1957 года, рассказывает участник заседания Н. А. Мухитдинов.

Как-то в середине июня 1957 г. позвонил ему из Ленинграда Козлов и сказал:

— Скоро в Ленинграде будет большой праздник — 250-летие основания города. Ориентировочно — 23 июня. Идет большая подготовка. Приглашаются члены и кандидаты в члены Президиума ЦК во главе с Никитой Сергеевичем. Ты тоже приглашен, для тебя, как и для других, готовят персональный сувенир.

Мухитдинов поблагодарил за приглашение, а потом задумался: ведь и он должен приготовить подарок ленинградцам...

И вдруг 18 июня на рассвете позвонил Малин, заведующий общим отделом ЦК, и передал поручение — срочно, сегодня же, прилететь в Москву, самолет для дополнительного рейса уже должен быть в Ташкенте. Помощник выяснил в аэропорту, действительно, самолет готов. Думая, что речь идет о торжествах в Ленинграде, Мухитдинов поручил управделами погрузить в самолет подарки.

Прилетел. Встречавшие сказали, что необходимо ехать прямо в Кремль. Это было не совсем понятно, но решил не уточнять. Попросил отвезти подарки для

Ленинграда в управление делами ЦК, а сам сел в машину и отправился в Кремль.

Зал заседаний Президиума ЦК КПСС в Кремле 18 июня 1957 года. (По записям Н. А. Мухитдинова.)

— Захожу в кабинет Президиума, — вспоминает Нуриддин Акрамович. — За столом председательствующего не Хрущев, а Булганин. Никита Сергеевич сидит в общем ряду, справа. На мое приветствие не ответили. Сел на свободное место за длинным столом. Посмотрел вокруг. Вижу, кроме членов Президиума, кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК, никого нет, даже стенографисток.

Когда Мухитдинов вошел, говорил Маленков. Он обвинял в разных грехах персонально Хрущева. Речь шла о том, что он извращает политику партии, дискредитирует ее, игнорирует правительство, неоправданно вмешивается в работу, неэтично ведет себя публично, в том числе за рубежом, и т. д. После него выступил Сабуров, обвинявший Хрущева в том же, но по линии планирования, финансирования, народнохозяйственных дел.

Вообще продуманных, логически выстроенных выступлений не было, скорее, перепалка, взаимная ругань, но, конечно, приводились и факты. Маленков, Молотов, Каганович непрерывно атаковали Хрущева. В числе его грехов было названо и то, что он раздает богатство республикам. Их сторонники поддакивали, добавляя еще что-то.

Затем слово взял Брежнев. Сначала он пытался защитить Хрущева, говорил о начале освоения целины, об улучшении положения в сельском хозяйстве, о лучшем снабжении населения... В этот момент его резко, даже грубо оборвал Каганович:

— Что ты восхваляешь его, угодничаешь, раздуваешь то, чего не было? Ты вместе с ним дискредитируешь партию и правительство! — И

Брежнев, ничего не возразив, прервал свое выступление.

Объявили перерыв. Мухитдинов зашел по приглашению М. Г. Первухина в его кабинет. Он был старым знакомым Нуриддина Акрамовича, помогал в создании узбекского ядерного института и в других делах. Они постоянно поддерживали контакты. Он объяснил, что работать стало просто невозможно: правительство парализовано, Хрущев все вопросы решает единолично, во время поездок допускает безответственные высказывания, дает невыполнимые и безосновательные обещания, грубо, бестактно ведет себя за рубежом. Вот и решили освободить его от обязанностей Первого секретаря и выдвинуть Молотова. Спросил, как Мухитдинов относится ко всему этому.

Нуриддин Акрамович, по его словам, фактически не ответил прямо, напомнил лишь, что происходившие в Кремле интриги ему неизвестны. Но сказал, что в республике Хрущев завоевал авторитет и уважение.

После обеда — снова заседание. Остро и принципиально выступил Жуков, заключив выступление словами: «Армия не потерпит смещения руководства ЦК». Все переглянулись, так как это прозвучало угрозой.

Затем выступил Мухитдинов. Закончил он так:

— Было бы правильно, чтобы Никита Сергеевич остался на должности Первого секретаря ЦК. Надо ли принимать специальное решение, не знаю, но об этом можно договориться и завершить обсуждение в рамках Президиума.

Далее выступил Молотов. Он обрушился на Хрущева, обвиняя его в недопустимом поведении при встречах с иностранцами в стране и за рубежом, в увлечении выпивкой на публике, безответственных высказываниях. Сказал, что Хрущев некомпетентен в вопросах внешней политики, не изучает ее и, видимо,

просто не в состоянии понять. Говорил в присущей ему четкой, лаконичной манере.

Никита Сергеевич пытался парировать выступления, но ему, по существу, не давали говорить.

В поддержку Хрущева выступили Микоян, Суслов, Кириченко. Было уже поздно, и председательствовавший Булганин предложил:

— Давайте решать. Какие будут предложения?

У Нуриддина Акрамовича сохранились краткие записи высказанных предложений.

Каганович. Уже вносили — освободить от поста Первого секретаря ЦК.

Булганин. Но как? (*Голоса:* Правильно. Правильно.) Тогда определимся: кто за это предложение?

Проголосовали кто словами, кто рукой. Получилось: семь из десяти «за». Трое — Суслов, Микоян, Кириченко — не голосовали, но категорически не возражали, выразив свое несогласие лишь молчанием.

Хрущев, ударив кулаком по столу, заявил:

— Не имеете права принимать такое решение! Не вы меня избрали, а Пленум, избранный съездом. Я категорически против вашего решения!

Маленков. Да, избирал Пленум, но он, образовав данный Президиум, поручил ему руководить всеми делами в партии. Принятое сейчас решение, конечно, вынесем на Пленум.

Булганин. Конечно, Хрущев не останется без работы. Быть может, назначить его министром сельского хозяйства? Участок знакомый, он знает и любит это дело. Ну, как дальше поступим?

Хрущев. Я требую выслушать меня на Президиуме! Вы все говорили, а мне не дали возможности ответить.

Кириченко. Да, надо послушать.

Мухитдинов. Это полезно.

Булганин. Ну, тогда подготовим проект постановления Президиума, о чем говорили сегодня.

Завтра будем обсуждать.

На этом закончили. На послеобеденном заседании Брежнева не было. Выйдя в коридор, Мухитдинов оказался рядом с Суловым. Он тихо сказал Нуриддину Акрамовичу:

— Никита Сергеевич приглашает. Могли бы сейчас зайти к нему?

Мухитдинов отправился в кабинет Хрущева на Старой площади.

Кабинет Хрущева в здании ЦК КПСС на Старой площади 18 июня 1957 года. (По записям Н. А. Мухитдинова.)

Когда он вошел, там уже были Сулов, Жуков, Фурцева.

Хрущев. Вот я теперь никто... (Пауза). Не хотелось бы уйти с такими обвинениями, с таким решением. Убежден, мы с вами находимся на верном пути, начали неплохо. Корни их обид, недовольства мною вам известны. Они действуют так из страха перед будущим. Давайте договоримся: уходить мне из ЦК или найдем выход?

Жуков. Вам не надо уходить с поста Первого секретаря. А я их арестую, у меня все готово.

Фурцева. Правильно, надо их убрать.

Сулов. Зачем арестовывать? К тому же в каких преступлениях можно их обвинить?

Мухитдинов. Правильно говорит Михаил Андреевич. Не надо поднимать вопрос об аресте. Надо все решать или внутри Президиума, или на Пленуме. А Пленум вас поддержит, Никита Сергеевич.

Хрущев. Ну, спасибо вам всем за откровенные товарищеские высказывания. Я ценю вашу морально-политическую поддержку. Действительно, наиболее реальный путь — быстро созвать Пленум, перехватить у них инициативу. В рамках Президиума, как видим, они в большинстве, кандидаты в члены Президиума

голосовать не могут. А на Пленуме нас будет большинство.

Все согласились.

Хрущев (*продолжая*). Позиции всех на Президиуме ясны. Возмутительно повел себя Брежнев. Трусливый, беспринципный человек. Стоило Кагановичу резко выговорить ему, он тут же отошел от нас и вполне способен переметнуться к ним. Хорошо было бы выяснить, действительно ли он болен. Уверен, что симулирует, хочет остаться в стороне, спасти свою шкуру... Давайте ускорим созыв Пленума, пока этого не сделали они. Дальнейшая дискуссия на Президиуме бесполезна, хотя может помочь выиграть время для сбора членов ЦК. Быть может, созвать Пленум послезавтра? А завтра стянуть сюда членов и кандидатов в члены ЦК, членов Ревизионной комиссии...

Он продолжал:

— Вы, товарищ Жуков, вместе с Серовым обеспечьте прибытие товарищей с периферии. Товарищ Суслов, пригласите Чураева (орготдел ЦК) и Мыларщикова (отдел ЦК по РСФСР) и постарайтесь всех оповестить так, чтобы люди завтра прибыли. Товарищ Фурцева, займитесь Москвой, чтобы все явились, и подумайте, в какой словесной форме их правильно ориентировать. Вы, товарищ Мухитдинов, найдите возможность, когда придут члены ЦК от азиатских республик, в личном плане поговорить с ними. Пленум давайте созовем в 11 часов.

Все согласились и разошлись. Выйдя из кабинета и спускаясь по лестнице, Мухитдинов увидел Серова, который направлялся к Хрущеву.

На следующий день с утра собрались снова в зале заседаний Президиума, и обсуждение продолжилось.

Зал заседаний Президиума ЦК КПСС в Кремле 19 июня 1957 года. (По записям Н. А. Мухитдинова.)

Изложил свою точку зрения Кириченко, затем слово взял Д. Т. Шепилов. Вначале он вроде бы поддержал Хрущева, но после выступления Молотова явно перевернулся. Начал с критики, сказав, что Министерство иностранных дел обычно готовит серьезные документы для каждой встречи Хрущева с иностранцами, дает ему специальную папку, но он игнорирует ее, даже не читает материалов; говорит от себя, в результате исправить бывает невозможно, а все оказываются перед свершившимся фактом. Иностранцы же делают соответствующие выводы.

(С. Н. Хрущев в своих мемуарах тоже подтвердит: Шепилов в начале сражения выступил на стороне отца. В последнее время они, как говорится, тянули в одной упряжке. Но постепенно к вечеру того же 18 июня Шепилову становилось все яснее: он поставил не на ту лошадь. Он стал нервничать и, наконец, перед самым голосованием, когда положение отца стало казаться окончательно безнадежным, решил поменять ставки. Перед голосованием об освобождении Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК Шепилов перешел на сторону победителей. Ему бы чуть выждать, не паниковать, замечает С. Н. Хрущев. Вся бы жизнь сложилась по-иному, и числился бы он не в «примкнувших», а Бог знает в каком иконостасе. Но не выдержал, как куропатка, захлопал крыльями и взлетел на выстрел...)

Взял слово Н. А. Мухитдинов — получилось, что выступал второй раз. Не успел закончить, как вошел секретарь и взволнованно доложил, что в приемной находится группа членов ЦК, хотят войти.

Булганин. Кто позволил? Нельзя!

Хрущев. Как это нельзя? Это же члены ЦК!

Их перепалка была прервана, так как в зал вошли человек 15–20. Мухитдинов бросил на них взгляд: это были ответственные сотрудники ЦК и преимущественно

работники КГБ, МВД и военные. Впереди — Серов. От имени явившихся он начал резко говорить, что трое суток происходит что-то непонятное.

— Мы все, члены ЦК, оказали вам доверие, избрав в Президиум. Вы же закрылись, нам неизвестно, о чем говорите. Народ, партия в неведении, возникают слухи. Идет резонанс за рубежом. Дела же заброшены. Требуем объяснить, в чем дело, что происходит. Ни один вопрос, входящий в компетенцию Пленума, не должен здесь решаться. Не уйдем, не получив ясного ответа!

Булганин (*стуча кулаком по столу*). Как вы смеете?! Всем ясно, кто и по чьей инициативе собрал эту группу. Все объясним не вам, а Пленуму. Сейчас же расходитесь, не мешайте работать!

Конев (*поддерживая Серова*). Мы же члены ЦК. Народ должен знать правду!

Булганин. Повторяю, расходитесь!

Маленков. Не будем обострять. Поручим товарищу Ворошилову выйти в приемную и объяснить, в связи с чем заседают Президиум.

Булганин. Верно. Давай, Климент, выходи и объясни товарищам.

Хрущев. Не позволю дезинформировать членов ЦК! Я тоже выйду и расскажу всю правду, кто и чем здесь занимается, чтобы партия и народ знали все!

От волнения он покраснел, дрожал, даже пошатывался. Ворошилов и Хрущев направились к дверям. Стоя на пороге, Хрущев бросил:

— Вы сидите, продолжайте. Я поговорю с народом, членами ЦК. Мы вернемся.

Тут же первым струсил Маленков:

— Давайте не будем дальше вести дискуссию. Все можно решить сейчас. Дело не в том, чтобы кого-то сделать жертвой. Пусть Никита Сергеевич и дальше работает.

Каганович. Верно. Надо заканчивать это дело.

А в приемной шел разговор. В зале сидели молча, не шевелясь, не глядя друг на друга. Так продолжалось не меньше часа. Наконец, вернулись Ворошилов и Хрущев. Не успел никто и рта раскрыть, как Хрущев заявил:

— Мы сказали им всю правду. Вот Климент Ефремович вынужден был оправдываться перед членами ЦК. Все происшедшее не вписывается ни в рамки закона, ни в рамки Устава партии. На Пленуме скажем об этом. Требуют созвать его завтра. Как?

Мы поддержали.

— Правильно, скорее созвать Пленум и перенести обсуждение туда.

В этот момент было ясно, что Булганин сам не рад взятой ранее на себя роли председательствующего. Он сидел молча. Инициатива перешла в руки Хрущева. Он обратился к Ворошилову:

— Пошли, Климент, выйдем и скажем, что Пленум завтра.

Присутствовавшие, кто тихо, кто громко, поддержали:

— Да, конечно.

Членам ЦК объявили о завтрашнем Пленуме, они ушли. Булганин пересел на свое прежнее место.

Хрущев. Ваша позиция ясна. Наверное, даже решение подготовили?

Маленков. Не писали никакого решения.

Хрущев. Я Первый секретарь ЦК и буду докладывать на Пленуме обо всем, что здесь произошло. Вы тоже изложите свою позицию. Товарищи всех заслушают и примут решение.

Тут секретарь передал Хрущеву какую-то записку. Он надел очки, прочитал и сказал:

— Это от Брежнева. Вот что он пишет... (В записке говорилось, что Леонид Ильич глубоко сожалеет, что заболел. Полностью поддерживает Никиту Сергеевича,

считает, что он должен оставаться Первым секретарем, осуждает поведение заговорщиков, предлагает вывести их из состава Президиума и строго наказать.)

Никто не сказал ни слова. Но, по словам Мухитдинова, все будто заново увидели истинное лицо автора. Поразила его осведомленность о происходящем, вплоть до последних часов. Но эта весьма своевременная поддержка опять изменила мнение Хрущева о Брежневем, и опять перед ним открылась дорога наверх.

Утром открылся Пленум.

На документе — устрашающие грифы: «Строго секретно. Снятие копий воспрещается. Подлежит возврату в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС». Это стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС.

Его открыл Н. С. Хрущев.

- Из 130 членов Центрального Комитета прибыло и находится здесь 121 член Центрального Комитета, — доложил он, — из 117 кандидатов прибыло 94, из 62 членов Ревизионной комиссии прибыл 51. Некоторые товарищи, которые здесь отсутствуют, больны, некоторые находятся за границей и не успели прибыть. Видимо, придут позже. Считает ли Пленум правоммерным открыть заседание?

— Да! — раздались голоса в зале.

- Объявляю Пленум открытым, — объявил Хрущев. — На обсуждение Пленума Центрального Комитета КПСС вносится внутрипартийный вопрос. Какое мнение членов Центрального Комитета?

— Принять, — слышались одобрительные голоса.

— Принимается. Я хотел бы условиться о распорядке работы Пленума. Есть предложение сегодня работу Пленума вести до 6 часов вечера, видимо, с одним перерывом. Следующее заседание созвать в понедельник, в 10 часов утра.

- Почему не завтра? — спросил Молотов.

- Как видите, я спрашиваю Пленум, а вы вопрос задаете, — повернулся в его сторону Хрущев. Если у вас другое мнение, вы можете внести другое предложение. Мнение это не только мое, но и других членов Президиума.

- Я не знал этого, — произнес Молотов.

- Я ничего не имею против, каждый член Пленума может поставить любой вопрос. Я только объясняю, — сказал Хрущев.

Молотов, похоже, обиделся:

- Я больше ничего не говорю. Я не возражаю.

Хрущев продолжил:

- Сегодня будем работать до шести часов и перерыв с сегодняшнего дня до десяти часов утра понедельника.

— Правильно! — поддержали в зале.

— О регламенте для выступлений. Есть такое мнение, — мы обменялись мнениями среди членов Президиума, — покамест не устанавливать регламент для выступающих. Видимо, когда начнется повторение в выступлениях, а это неизбежно, — тогда мы вернемся к вопросу о регламенте, и, если Пленум найдет нужным, установим какой-то регламент.

— Правильно! — снова раздалось в зале.

- Нет возражений против этого? — Хрущев обвел глазами зал. — Нет. Тогда слово для сообщения имеет товарищ Суслов.

Долговязая, аскетичная фигура секретаря ЦК по идеологии прошествовала к трибуне.

- Президиум Центрального Комитета поручил мне сделать информацию по вопросу, который обсуждался на заседаниях Президиума Центрального Комитета 18, 19, 20 и 21 июня, то есть в течение четырех последних дней, — начал он. — Должен сообщить вам, что текст моей информации не рассматривался и не утверждался

Президиумом ЦК. Прошу учесть также, что стенограммы заседаний Президиума не велось, информацию приходится строить лишь по памяти; времени для подготовки данного информационного сообщения у меня было крайне мало.

После этой преамбулы главный идеолог партии приступил к главному: как возник вопрос и почему его обсуждение приняло столь напряженный характер?

По его информации, дело обстояло так. 8 июня по предложению некоторых членов Президиума было созвано заседание этого высшего коллегиального органа ЦК для обсуждения вопросов, связанных с предполагавшейся поездкой членов Президиума на празднование 250-летия Ленинграда. На заседании Маленков внезапно предложил поручить председательствование главе правительства Булганину, так как речь-де пойдет о крупных ошибках и недостатках в работе Первого секретаря ЦК Хрущева. Маленков затем выступил с резкими нападениями на Никиту Сергеевича, с обвинениями его в культе личности, в нарушении им принципов коллективного руководства. Маленков был поддержан некоторыми другими членами Президиума, в особенности Кагановичем и Молотовым.

Только после решительного протеста со стороны ряда членов Президиума, кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК, указавших на недопустимость с точки зрения партийных норм решать такой большой вопрос в столь поспешном порядке и притом при отсутствии нескольких членов Президиума — Кириченко, Сулова, Сабурова, кандидатов в члены Президиума Шверника, Мухитдинова, Козлова, секретарей ЦК КПСС Аристова, Беляева, Пospelова. Только после этого удалось договориться о том, чтобы заседание Президиума продлить на следующий день, вызвав на него не находившихся в Москве.

— Заседание 19 июня началось с того, — рассказывал Суслов, — что сразу же возник острый спор, кому председательствовать. После дискуссии и настоятельных требований Молотова, Кагановича, Маленкова и других товарищей...

— Кто другие? — прервали оратора из зала.

- Товарищи Булганин, Сабуров, Первухин, Ворошилов... Потом вам, товарищи, станет ясно... Председателем стал Булганин. Прения фактически открыл товарищ Маленков, который сказал, что в Президиуме ЦК сложилась невыносимая обстановка, которую долго терпеть нельзя. По словам товарища Маленкова, товарищ Хрущев нарушает принцип коллективного руководства, у нас растет культ личности Хрущева, что он, товарищ Хрущев, как Первый секретарь, не объединяет, а разъединяет членов Президиума, неправильно понимает взаимоотношения между партией и государством, сбивается на зиновьевское отождествление диктатуры пролетариата с диктатурой партии.

Суслов объяснил залу, что Маленков подверг сомнению и фактически осудил лозунг о том, чтобы в ближайшие годы догнать и перегнать США по производству молока, мяса на душу населения, мотивируя это отсутствием соответствующих расчетов и тем, что этот лозунг будто бы противоречит линии партии на преимущественное развитие тяжелой промышленности.

Выступление Маленкова наиболее активно поддержали Каганович и Молотов. Каганович заявил, что в Президиуме создалась атмосфера угроз и запугивания и что надо ликвидировать, как он говорил, извращения и злоупотребление властью со стороны Первого секретаря, который единолично решает вопросы и извращает политику партии в ряде вопросов.

Остановливаясь на положении дел в сельском хозяйстве, Каганович сказал, что в отношении этой отрасли хозяйства нет критики, успехи преувеличиваются, а лозунг догнать Соединенные Штаты Америки по продуктам животноводства, по мнению Кагановича, выдвинут непродуманно и несолидно.

— Товарищ Каганович, — продолжал Суслов, — допустил грубейшие, по существу, клеветнические выпады в отношении Никиты Сергеевича Хрущева, о которых я не хотел бы здесь говорить.

— Надо сказать, — потребовали из зала.

— Можно сказать, — согласился Суслов. — Например, товарищ Каганович барски пренебрежительно отозвался о поездках товарища Хрущева на места, заявив буквально следующее: Хрущев мотается по всей стране.

Эта фраза вызвала шум, бурное реагирование в зале. Раздавались возгласы:

— Он сам оторвался от народа!

— Хрущев действительно мотается, и его вся страна знает!

— Это — фарисейство!

Переждав бурю возмущения, Суслов продолжал:

— В заключение товарищ Каганович предложил освободить товарища Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК и поставил под сомнение вопрос о том, надо ли вообще иметь пост Первого секретаря.

Стенограмма снова фиксирует шум, оживление в зале, чей-то возмущенный возглас: «Так недолго и до анархии дойти».

— Товарищ Молотов в своем выступлении, кроме обвинения в возрождении культа личности, предъявил товарищу Хрущеву обвинение в том, что он будто бы хочет поколебать ленинский курс политики партии, выдвигая известный лозунг по увеличению

производства продуктов животноводства. Обрушиваясь на этот лозунг, товарищ Молотов заявил, что это правая политика и авантюризм. Далее товарищ Молотов заявил, что во внешней политике товарищ Хрущев будто бы проводит линию «опасных зигзагов». Он также заявил, что нам нет необходимости иметь Первого секретаря ЦК и следует освободить товарища Хрущева от этих обязанностей. Некоторые другие члены Президиума и кандидаты в члены Президиума...

— Кто? — раздались возмущенные голоса.

- В частности, товарищ Шепилов, солидаризировались в той или иной мере с выступлениями товарищей Маленкова, Кагановича и Молотова, но именно выступления названных трех товарищей и их предложения являлись наиболее далеко идущими. Один из названных товарищей, не припомню точно, кто, обвинял секретарей КПСС в том, что они через секретарей обкомов и ЦК компартий союзных республик будто бы ведут работу по охаиванию отдельных членов Президиума.

— Это клевета, — отреагировали в зале.

- Вы назовите, кто? — спросил Л. И. Брежнев.

— Этот вымысел болезненной фантазии, я думаю, легче всего опровергнуть вам, участникам Пленума, поскольку секретари ЦК компартий союзных республик и обкомов партии широко представлены в составе Пленума, — ловко выкрутился докладчик.

— Это мы скажем! — пообещали в зале.

Суслов продолжал далее:

- Выступления всей этой группы товарищей встретили решительный отпор со стороны других членов Президиума, кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК КПСС: Кириченко, Микояна, Суслова, Хрущева, Жукова, Шверника, Фурцевой, Козлова, Мухитдинова, Брежнева, Аристова, Беляева, Пospelова.

— А Брежнев? — спросил кто-то.

— Я выступил на первом заседании, — подал голос Леонид Ильич.

— Я не присутствовал на первом заседании, — сказал Суслов. — Я тогда не был в Москве. Все они категорически отвергали предложение об освобождении товарища Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК как совершенно необоснованное, политически вредное и опасное, могущее нанести огромный ущерб интересам нашей партии и страны.

— Правильно! — одобрительно откликнулись в зале.

- В выступлениях этих товарищей указывалось, что из всей деятельности Центрального Комитета, его Президиума и Первого секретаря за последние четыре года никак не вытекает та крайняя и опасная мера, которую настойчиво предлагали товарищи Маленков, Каганович и Молотов. Напротив. В течение этих трудных лет — в сложной международной обстановке, при запущенности сельского хозяйства, крупных недостатках в работе промышленности и в строительстве, которые имели место в прошлые годы при жизни Сталина, при наличии серьезных отрицательных последствий культа личности Сталина, Центральный Комитет и его Президиум проводили правильную инициативную внешнюю и внутреннюю политику и уверенно вели нашу страну по пути строительства коммунизма.

Стенограмма снова зафиксировала бурные аплодисменты, что говорило об успешной обработке членов ЦК, прибывших с мест. Суслов между тем разразился восторженным панегириком в адрес руководства ЦК:

— Эта политика была и есть ленинская, она разрабатывалась и проводилась коллективным, именно коллективным руководством Центрального Комитета партии, при полной поддержке и напряженной деятельности местных организаций и всей нашей

партии. Эта политика Центрального Комитета и его Президиума, политика XX съезда нашей партии, как всем сейчас очевидно, дает прекрасные плоды. Она способствовала известной разрядке международной обстановки, росту мощи нашей страны, дальнейшему серьезному развитию нашей промышленности, и в первую очередь тяжелой промышленности, дальнейшему подъему сельского хозяйства, повышению материального благосостояния рабочих, колхозников, всех трудящихся нашей страны. Партия провела огромную работу по ликвидации последствий культа личности Сталина, ликвидации нарушений революционной законности, по устранению ранее допущенных извращений в области национальной политики.

Г о л о с а. Правильно.

Суслов. Партия наша стала сильнее, сплоченнее. Возросла в большей мере активность партийных масс. Партия еще больше укрепила свои связи с народом. Советский народ безраздельно одобряет политику нашей партии. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.) Страна переживает огромный политический и хозяйственный подъем. Не видеть это могут только люди, утрачивающие контакт с жизнью, политические слепцы. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Г о л о с. Ослепли в кабинетах.

Суслов. Поэтому недостойный поклеп со стороны отдельных товарищей на линию партии, попытки навести какую-то тень на ее политику партия не может и не будет терпеть. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.) Товарищи законно спрашивали на заседании Президиума, почему в обстановке общего подъема страны и успеха нашей партии, ее Центрального Комитета и Президиума указанная выше группа членов Президиума сочла возможным выступить с неожиданным предложением снять с поста Первого

секретаря ЦК КПСС! Как это вяжется со всей обстановкой, здравым смыслом, с интересами партии и страны? Вызвано ли это принципиальными соображениями действительной заботы об интересах партии или какими-то другими мотивами, настроениями обиды, личной неприязни со стороны этих товарищей?

Г о л о с. Авантюра.

Суслов. Конечно, у товарища Хрущева имеются недостатки, например, известная резкость и горячность. Отдельные выступления его были без должной согласованности с Президиумом, и некоторые другие недостатки, вполне исправимые, на которые указывалось товарищу Хрущеву на заседании Президиума. Правильно отмечалось на заседании, что наша печать в последнее время излишне много публикует выступлений и приветствий товарища Хрущева. Но при всем этом на заседании Президиума выражалась полная уверенность в том, что товарищ Хрущев вполне способен эти недостатки устранить.

Г о л о с а. Правильно.

Суслов. Однако товарищи Маленков, Каганович и Молотов, с одной стороны, невероятно раздували и преувеличивали недостатки товарища Хрущева, а с другой — фактически полностью перечеркивали всю огромную напряженную инициативную работу, которую проводит товарищ Хрущев на посту Первого секретаря ЦК.

Г о л о с. Они оторвались.

Суслов. Товарищи спрашивали, где же тут партийная принципиальность и добросовестность? Разве можно класть на одну чашу весов отдельные недостатки товарища Хрущева и всю его политическую деятельность, которая хорошо известна в партии и стране?!

Г о л о с а. Правильно. (А п л о д и с м е н т ы.)

Суслов. В возражениях товарищам Маленкову, Кагановичу и Молотову говорилось, что самым фактом предложения о снятии Первого секретаря ЦК они ставят под сомнение всю политику нашей партии.

Г о л о с а. Правильно.

Суслов. Принятие такого совершенно необоснованного предложения вызвало бы смятение в рядах партии, создало бы угрозу ее единству, подорвало бы доверие к нашей партии со стороны народа и доставило бы величайшую радость всем нашим врагам.

Г о л о с а. Правильно.

Суслов. В прениях указывалось, что, вынося подобного рода предложение, товарищи легкомысленно играют с огнем, проявляют опасные групповые тенденции и странную, даже чудовищную беззаботность к судьбам нашей партии и страны.

Г о л о с а. Правильно. Авантюризм чистейший. Реваншисты. К власти рвутся.

Суслов. Самый решительный протест большинства присутствовавших на заседаниях Президиума товарищей вызвали попытки товарищей Кагановича, Молотова и Маленкова умалить гигантскую работу партии и всего советского народа по подъему сельского хозяйства, а также бросавшиеся ими обвинения товарищу Хрущеву в принижении им роли государственных органов и якобы в сползании к зиновьевской формуле отождествления диктатуры пролетариата с диктатурой партии.

Г о л о с а. Какой позор! Заучились.

Суслов. Товарищам Маленкову, Кагановичу и Молотову указывалось, что эти обвинения являются сплошным вымыслом. Все же видят сейчас, что в стране проводятся большие мероприятия, направленные на то, чтобы как раз поднять роль Советов в государственном, хозяйственном и культурном строительстве...

Г о л о с а. Правильно.

Суслов... активизировать деятельность профсоюзов, комсомола, всех других общественных организаций и решительно усовершенствовать руководство ими со стороны партийных организаций. Неужели товарищи не понимают, что в условиях, когда вся международная реакция главные свои атаки ведет против руководства Коммунистической партии и всячески клеветает на Коммунистическую партию, когда гнилые людишки и различные антипартийные элементы, которые есть еще и в нашей стране, хотели бы освободиться от партийного руководства, от партии, как направляющей и руководящей силы советского общества, в этих условиях даже глухие намеки с их стороны на мнимую подмену диктатуры пролетариата диктатурой партии льют воду на мельницу наших врагов и могут нанести ущерб и партии, и Советскому государству.

Г о л о с а. Правильно.

Суслов. Что же касается положения дел в сельском хозяйстве, то многие участники заседаний Президиума отмечали, что, конечно, здесь еще имеется много не ликвидированных недостатков, накопившихся за много лет, что предстоит гигантская работа по выполнению решений партии в области сельского хозяйства. Однако это никому не дает оснований для опорочивания проделанной работы и уже достигнутых серьезных успехов в подъеме сельского хозяйства.

Позвольте напомнить вам некоторые данные Центрального статистического управления о производстве основных продуктов сельского хозяйства с 1953 года.

Г о л о с. А в 1953 году до ручки довели, ничего не осталось.

Суслов. Зерно: 1953 год — 82,5 млн. тонн, 1956 год — 127,4 млн. тонн; хлопок: 1953 год — 3,87 млн. тонн, 1956 год — 4,46 млн. тонн; сахарная свекла: 1953 год —

23,2 млн. тонн, 1956 год — 32,5 млн. тонн; льноволокно (была загублена эта культура): 1953 год — 0,16, сейчас производство льна возросло в три с лишним раза; картофель: 1953 год — 72,5 млн. тонн, 1956 год — 96 млн. тонн; мясо (здесь медленно двигались): 1953 год — 5,8 млн. тонн, сейчас — 6,5 млн. тонн; молоко: 36,5 млн. тонн, в 1956 году — 49,2 млн. тонн; шерсть: 235 тыс. тонн, сейчас — 260 тыс. тонн; яйца: 16 млрд. штук, сейчас — 19,5 млрд. штук.

Как видите, является неоспоримым тот факт, что происходит неуклонное движение вперед нашего сельского хозяйства. В этом году усилились темпы развития животноводства. Резко возрастают заготовки продуктов животноводства. Государственные заготовки и закупки скота, например, по всем категориям с 1 января по 1 июня 1957 года составили 900 тыс. тонн, или на 51 процент больше, чем за тот же период прошлого года. С 1 января по 1 июня по всем категориям хозяйств заготовки и закупки молока составили 6,4 млн. тонн, или на 29 процентов больше, чем за такой период в прошлом году. Яиц за это время заготовили на 39 процентов больше, чем на эту же дату в 1956 году. Это, товарищи, серьезный успех.

В колхозах и совхозах раскрываются все новые резервы по ускоренному развитию животноводства. Поэтому, как все здесь могут подтвердить, трудящиеся деревни и партийные организации принимают лозунг «Догнать в ближайшее время США по производству мяса, молока и масла на душу населения» с огромным энтузиазмом.

Г о л о с а. Правильно. (А п л о д и с м е н т ы.)

Суслов. Этот лозунг, несомненно, сыграет большую мобилизующую роль в деле дальнейшего развития нашего сельского хозяйства, и совершенно непонятно, зачем понадобилось некоторым товарищам бросать тень на этот лозунг, и уже совсем нелепо

противопоставлять этот лозунг нашей генеральной линии на преимущественное развитие тяжелой промышленности.

Г о л о с а. Правильно.

Суслов. Товарищи, в своем кратком сообщении я наверняка не смог сказать и десятой доли о ходе четырехдневного обсуждения вопроса. Я уверен, что присутствовавшие на заседании Президиума товарищи сами расскажут (г о л о с. Безусловно) о своих выступлениях, поскольку поднятый вопрос является очень острым и важным для партии. Обсуждение его вызвало большую тревогу и волнение. Лишь во второй половине дня вчерашнего заседания обстановка стала спокойнее. Товарищи Маленков, Каганович, Молотов и другие перестали добиваться освобождения товарища Хрущева от обязанностей Первого секретаря Центрального Комитета.

Глубокоуважаемый всеми нами товарищ Климент Ефремович Ворошилов на этом заседании сказал, что надо теперь сделать все для того, чтобы партия и ее руководство были едины, чтобы народ наш был спокоен.

Товарищ Хрущев в своем выступлении на заседании Президиума, отвергая нездоровую и тенденциозную критику и несправедливые обвинения в его адрес, в то же время признал правильность критики ряда его недостатков и заявил, что он исправит эти недостатки, что он и впредь будет бороться за укрепление единства партии, за укрепление единства руководства партии. (А п л о д и с м е н т ы.)

Президиум ЦК не принял какого-либо решения по обсуждавшемуся вопросу. Однако в ходе прений был высказан ряд ценных пожеланий по дальнейшему улучшению работы Президиума, Секретариата ЦК, об укреплении методов коллективности в работе.

Позвольте, товарищи, выразить уверенность в том, что Пленум Центрального Комитета обсудит вопрос на высоком политическом уровне, и его решение будет способствовать дальнейшему укреплению единства нашей славной партии, ее боевого штаба Центрального Комитета, будет способствовать новым успехам в строительстве коммунизма. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

Г о л о с с м е с т а. Михаил Андреевич, объясните поведение товарища Шепилова на Президиуме и как реагировал Президиум на заявление группы членов ЦК.

Г о л о с а. Поведение Сабурова, Первухина, всех товарищей, которые выступали против приема.

Суслов. Я еще раз повторяю, ведь я не могу и одной десятой сказать, они сами расскажут.

Г о л о с а. Мы просим рассказать.

Хрущев. Здесь Пленум ЦК, расскажите все, как было.

Суслов. Товарищ Шепилов был из самых рьяных выступающих. Его выступление было неправильным и позорным.

Г о л о с а. Карьерист. Провокационное выступление.

Суслов. В ряде случаев его выступление носило провокационный характер стравливания членов Президиума между собой.

Г о л о с а. Ясно.

Суслов. Что касается прихода группы членов ЦК, я бы сказал так. Сначала та часть, о которой я говорил в первой части своего сообщения, приняла этот приход позорно.

Беляев. Вы скажите, что Сабуров сказал.

Хрущев. Вы скажите, как было.

Суслов. Я все не могу схватить. Я помню, что особенно резко возражали товарищи Каганович, Молотов, Маленков, Шепилов кричал с места неистово, затем Сабуров, говорили, что это позор.

Беляев. Скажите, что Сабуров сказал.

Хрущев. Я извиняюсь, можно мне сказать несколько слов? Когда пришли товарищи и заявили, что группа членов ЦК просит принять их, некоторые члены Президиума ЦК заявили: «Позор! Что за обстановка в партии, кто создал такую обстановку? Так нас могут и танками окружить». В ответ на это я сказал: «Спокойно, это не танки, а пришли к нам члены ЦК». Товарищ Жуков протестовал, как министр обороны, против клеветы, которая раздается, потому что танки можно двигать только по его приказу.

Г о л о с а. Молодец.

Хрущев. Я сказал, что надо принимать членов ЦК. Молотов громко заявил, что мы не будем принимать. Тогда мною было сказано следующее: «Товарищи, мы, члены Президиума ЦК, мы слуги Пленума, а Пленум хозяин. (А п л о д и с м е н т ы.)

Суслов. Тов. Хрущев хорошо дополнил.

Хрущев. Это важная деталь. Они говорят: не принимать членов ЦК партии! Как же это можно не принимать? Ведь мы беспартийных принимаем, а это члены ЦК. 20 человек пришли, как их не принимать! «Нет, — говорят они, не принимать. Это что? Это — давление!» «Вы же не знаете, что они скажут, — говорю я этим товарищам, — давайте послушаем, что они скажут». Тогда кто-то внес предложение поручить Булганину принять членов ЦК. С этим я не согласился: «Почему? Давайте все выслушаем». Кто-то сказал: «Ворошилову поручить». Я говорю, что я избран на Пленуме секретарем ЦК, пойду к членам ЦК и буду с ними беседовать. (А п л о д и с м е н т ы.)

Должен сказать, что когда они увидели, какова обстановка, то спесь со многих слетела. Тогда уполномочили Ворошилова, меня, Микояна и Булганина встретиться с членами ЦК. Это было очень плохое решение. Пока названные мною товарищи беседовали с

членами ЦК, остальные в это время за дверью сидели и ожидали, когда кончатся переговоры. Это же позор!

Г о л о с а. Позор!

Хрущев. Боятся с глазу на глаз встретиться с членами ЦК. Куда это годится?! Вот как было, товарищи. Если я неправду говорю, то пусть меня другие поправят. То, что я мог запомнить, постарался точно передать.

Г о л о с а. А что Сабуров говорил?

Хрущев. Он кричал: это позор, давление, не надо принимать, они не имеют права.

Г о л о с а. Вывести из Президиума!

Хрущев. Я тебя, товарищ Сабуров, уважал, а теперь я знаю, кто ты такой.

Г о л о с а. Вывести из членов Президиума. Это позор!

Хрущев. Спокойно, товарищи. Я призываю вас к спокойствию, давайте спокойно обсудим. ЦК вынесет свое решение такое, какое посчитает политически целесообразным, учитывая внутреннюю и международную обстановку. Мне кажется, сейчас нельзя никого выводить. Это непонятно будет, получится так, что только сделали сообщение, и началась расправа. Выступят товарищи, обсудят, тогда вопрос будет яснее. Не надо горячиться. Меня в этом обвиняют, что я горячий, от этого я страдаю, поэтому не следует повторять моих ошибок, за которые меня осуждают.

Шелепин. Никита Сергеевич, какова позиция товарища Булганина?

Хрущев. Она более или менее ясна из информации товарища Суслова, позиция грешная. В своем выступлении я также скажу о позиции товарища Булганина. А сейчас я хочу сообщить о таком факте. Группа, о которой здесь докладывает товарищ Суслов, в последнее время работала отдельно, они сговаривались

между собой. Когда кончилась наша встреча с членами ЦК, было уже поздно, все разъехались по домам. Я уже счет дням потерял, сидели четыре дня. Вчера после встречи с членами ЦК я позвонил Николаю Александровичу по телефону и спросил: «Я хочу поговорить с тобой. Ты один?». Он сделал большую паузу, а потом сказал: «Нет, у меня Молотов, Маленков, Каганович». «Зачем же вместе собрались?» А они собрались, чтобы сговориться, как завтра выступить. Вот вам обстановка.

Г о л о с а. Позор. Фракционеры!

Такое начало Пленума, как можно догадаться, ничего хорошего «антипартийной группе» не предвещало. Тем более что сразу после краткой информации Сулова слово было предоставлено министру обороны Жукову и министру внутренних дел Дудорову. Они буквально смешали оппозиционеров с грязью. Жуков припер сталинскую гвардию к стенке обвинениями в репрессиях против командного состава Красной Армии, Дудоров настроил зал против «антипартийной группы» рассказом о созданной по инициативе Маленкова тюрьме для партийных работников.

И на июньском Пленуме, и на XXII съезде КПСС Хрущев, рассказывая о четырех трудных для него днях, ссылаясь на группу членов ЦК, которая прибыла в Кремль и потребовала объяснений, что происходит в Президиуме ЦК. Помнится, меня еще со студенческих лет интересовали имена этой депутации. Нигде — ни в выступлениях самого Никиты Сергеевича, ни в учебниках по истории КПСС их фамилии не фигурировали. И только работая в ЦК КПСС, в архиве я обнаружил два документа.

Характерная особенность — ни на одном из них не была указана дата. Оба документа озаглавлены одинаково: «В Президиум ЦК КПСС». Да и текст

практически идентичен, как будто писался одним автором. Впрочем, сравните сами.

«Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным Комитетом и руководстве Секретариатом. Нельзя скрывать от членов Пленума такие важные для всей нашей партии вопросы.

В связи с этим мы, члены ЦК КПСС, просим срочно созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение Пленума.

Мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопросов руководства нашей партией».

Под заявлением — подписи: И. Жегалин, Н. Киселев, Н. Патоличев, Г. Денисов, Л. Лубенников, Титов, Школьников, И. Тур, А. Струев, (подпись неразборчива), Ганенко, К. Жуков, Н. Ф. Игнатов, Н. Ларионов, А. Волков, И. Капитонов, Хворостухин, П. Доронин, Д. Полянский, И. Скулков, Ф. Горячев, В. Чернышев, Т. Штыков, Н. Г. Игнатов, Марков, Н. Бобровников, Чураев, Постовалов, Марченко, Соколов, Мыларщиков, М. Яснов, Комаров, Мацкевич, Бойцов, Устинов, Д. Д. Брежнев, Шелепин, Дудоров, Пчеляков, Дементьев, Громыко, Н. Михайлов, Конев, Тихомиров, Лобанов, Малиновский, П. Алферов.

И второе заявление: «Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным Комитетом и руководстве Секретариатом.

Нельзя скрывать от членов Пленума ЦК таких важных для всей нашей партии вопросов.

В связи с этим мы, члены ЦК КПСС, просим срочно созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение Пленума.

Мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопросов руководства нашей партией».

Подписи: И. Замчевский, Н. Лаптев, И. Кузьмин, Кириленко, В. Елютин, Зотов, Дерюгин, К. Мазуров, Байбаков, Р. Руденко, М. Ефремов, И. Серов, Соколовский, Канунников, Москаленко, В. Кучеренко, А. Петухов, В. Кузнецов, Латунов, С. Игнатьев, А. Румянцев, Хруничев, В. Рябиков, Костоусов, Г. Орлов, К. Петухов, Бенедиктов, В. Семенов.

Фамилии исключительно верных Никите Сергеевичу людей. Правда, на тот период. Что он сделает с карьерами многих из них после своей победы на Пленуме — это отдельная тема.

В архиве сохранились и письменные заявления побежденной верхушки «антипартийной группы», поданные 29 июня — в последний день работы Пленума.

«Считаю необходимым письменно подтвердить мое вчерашнее устное заявление на Пленуме ЦК.

Глубоко и искренне сознаю совершенную мною крупную политическую ошибку, нанесшую вред нашей партии. Исправление имеющихся недостатков не требовало таких мер, как упразднение поста Первого секретаря ЦК и освобождения тов. Хрущева от этого поста. Это тем более недопустимо с моей стороны, что я считаю политику нашей партии правильной как внутреннюю, так и внешнюю.

Я также считаю, что наш Президиум ЦК и лично тов. Хрущев имеют большие заслуги в наших достижениях и успехах как внутри страны, так и в международной политике.

Отдавая себе отчет в том, что путь, на который я вступил, путь сговора с другими членами Президиума, это путь вредный, непартийный.

Я прошу ЦК простить мне совершенную ошибку, граничащую с партийным преступлением, и дать мне возможность оправдать ваше доверие. Я приму любое

ваше решение как полагается коммунисту и приложу все силы к тому, чтобы и впредь бороться вместе со всей партией за расцвет нашей Родины, за победу марксизма-ленинизма, за победу коммунизма.

Л. Каганович».

«Членам Пленума ЦК

(Прошу огласить на Пленуме ЦК 29. VI)

В связи с вчерашним выступлением тов. Хрущева, которое было крайне необъективным и при этом в значительной мере направлено в мой адрес, считаю необходимым заявить следующее:

1. Я признавал и признаю политику нашей партии правильной, отвечающей жизненным интересам советского народа, обеспечивающей все новые и новые успехи СССР как в области внутренней жизни страны, так и в международных отношениях — в деле смягчения международного напряжения и сохранения мира.

Считаю все это результатом сложившегося в последние годы коллективного руководства в Президиуме ЦК и причем признаю большие заслуги тов. Хрущева во всем этом деле.

Вместе с тем, как я уже говорил на Пленуме, считаю, что в работе Президиума имеются некоторые недостатки, на которые время от времени законно обращали внимание отдельные члены Президиума ЦК.

2. Ведь и главным поводом к созыву Президиума ЦК 18. VI, как уже здесь говорилось, были некоторые факты нарушения коллективного руководства со стороны тов. Хрущева.

Вместе с тт. Булганиным, Ворошиловым, Кагановичем, Маленковым, Первухиным, а затем и тов. Сабуровым я считал необходимым обсудить этот вопрос на Президиуме ЦК, а в случае необходимости и

соответствующего требования членов Президиума ЦК и на Пленуме ЦК.

Признаю, вместе с тем, политическую ошибочность моей позиции и позиции других членов Президиума ЦК, так как не было оснований ставить вопрос об упразднении поста Первого секретаря, хотя это и вызывалось желанием укрепить коллективное руководство в ЦК.

3. В дни перед заседанием Президиума ЦК 18. VI я не раз встречался с отдельными членами Президиума ЦК и беседовал о созыве Президиума для обсуждения возникшего вопроса, но назвать это «заговором» нет оснований.

Для этого тем более нет оснований, что все эти встречи не выходили за рамки бесед с отдельными членами Президиума, хотя я признаю, что в этом были явления недопустимой групповщины.

4. Признавая указанную ошибочность своей позиции, я заявляю, что во всех своих действиях не преследовал каких-либо личных целей и интересов, а исходил из сознания, что это в интересах партии и ее дальнейших успехов в борьбе за победу коммунизма.

В. Молотов».

«Вчера на заседании Пленума я сказал, что осуждаю свое поведение по вопросу, который рассматривается на настоящем Пленуме, и что решение Пленума обо мне приму как справедливое и должное.

Считаю совершенно правильным сказанное здесь, на Пленуме, многими товарищами, что я и другие члены Президиума могли критиковать недостатки тов. Хрущева, но нельзя и вредно для интересов партии было ставить вопрос о ликвидации поста Первого секретаря ЦК и, следовательно, об освобождении тов. Хрущева от этого поста.

Тем более подлежат осуждению те методы сговора и групповщины между членами Президиума ЦК, к которым мы прибегли.

В своих действиях и во всем поведении я руководствовался только интересами партии, ее безусловного и непоколебимого единства. Из этого я исхожу и теперь. Никогда и никуда за пределы Президиума ЦК я своей критики недостатков в работе Первого секретаря ЦК не выносил. Но допущенная в моих действиях групповщина в отношениях с другими членами Президиума, несомненно, нарушает партийные нормы и с основанием может рассматриваться как носящая антипартийный характер.

Мне предъявлялись на Пленуме ряд обвинений по прошлой работе в период руководства тов. Сталина. Я не хочу и не могу снимать с себя ответственность на этот счет и несу эту ответственность.

У меня не было и нет другого мнения, что политика партии правильная, что, руководствуясь решениями XX съезда партии, Центральный Комитет осуществляет ленинскую политику, что мы имеем огромные успехи во внутренней жизни нашей страны и в международных отношениях.

Я понимаю, что когда справедливо критикуют за допущенный мной тяжелый поступок, то критика эта должна быть суровой, но при принятии окончательного решения я прошу Пленум ЦК предоставить мне возможность на конкретном деле отдать свои силы великому делу построения коммунизма в нашей стране.

Г. Маленков».

Какая историческая аналогия всплывает при чтении покаяний побежденной сталинской гвардии? Правильно, ГКЧП 1991 года. Увы, революции старикам не по силам. Не стариковское это дело.

Спустя сорок лет

— Сейчас иногда можно прочесть: вот-де Шепилов первое время поддерживал Хрущева, а потом выступил против него. Такая точка зрения свидетельствует о неосведомленности. Первое время я действительно хорошо относился к Хрущеву и, как поется в песне, надеялся, что «это взаимно». Я думал: вот пришел простой человек, рабочий, с открытой душой, без сталинской маниакальной подозрительности. Теперь исчезнет атмосфера страха, будет коллективное руководство. Он приезжал ко мне на дачу, иногда с семьей, мы подолгу беседовали. Он доброжелательно принимал разумные советы. Когда я обращался к нему за указаниями как секретарь ЦК или как министр иностранных дел, он частенько говорил: «Да решайте сами...», «Действуйте, действуйте...»

Голос Дмитрия Трофимовича Шепилова — четкий, внятный, несмотря на возраст. Он снова пришел ко мне на Старую площадь — поблагодарить за поддержку. В программу курсов повышения квалификации руководящих журналистских кадров в Академии общественных наук при ЦК КПСС я включил лекцию Д. Т. Шепилова. Впервые после нескольких десятилетий молчания Дмитрий Трофимович получил публичную аудиторию — и какую!

Разговор снова перешел на тему происхождения самой длинной фамилии «И примкнувший к ним Шепилов». И снова Дмитрий Трофимович отмечал: самая большая заслуга Хрущева в том, что он выступил на XX съезде партии и нанес удар по культу личности Сталина, открыл двери бесчисленных лагерей, в которых томилась ни в чем не повинные люди. При Шепилове решались эти вопросы во всех деталях. «Все

двери открыты к чертовой матери и всех невинных освободить», — распорядился Хрущев. Тем самым он спас жизнь тысяч и тысяч людей.

— Дмитрий Трофимович, но ведь Хрущев сам был членом троек, которые приговаривали таких же ни в чем не повинных людей к смертной казни, лагерям и тюрьмам. Он повинен в не меньшей степени, — возразил я.

— Да, это верно, — ответил он. — Хрущев как-то сказал на одном заседании Президиума ЦК вскоре после смерти Сталина: «Я, Хрущев, ты, Клим, ты, Лазарь, ты, Вячеслав Михайлович, — мы все должны принести всенародное покаяние за 37-й год».

— И он принес?

— Я считаю, что Хрущев принес покаяние своим делом — освобождением многих тысяч невинных людей. Но сделал он это не до конца, со всякими отступлениями, противоречиями, импульсивными порывами. Один пример. Как секретарь ЦК по идеологическим вопросам я внес предложение о переименовании Сталинских премий в Ленинские или Государственные. «Зачем? — спросил Хрущев. — Да если б я имел Сталинскую премию, я бы с гордостью носил это звание». Такая противоречивость проявлялась у него во многих делах.

Президиум и Секретариат ЦК, в том числе и Хрущев, прекрасно знали, что никакого отношения к сталинским репрессиям и вообще к нарушениям революционной законности Шепилов не имел. Поэтому в этом плане присоединить его к лицам, фигурировавшим в постановлении июньского (1957 г.) Пленума ЦК, было нельзя. К тому же ЦК КПСС было известно, что Шепилов как секретарь ЦК принимал самое активное участие в подготовке XX съезда партии, выступал на нем, полностью разделял общеполитический курс и

практические мероприятия, которые тогда осуществляла партия.

— И все-таки в постановлении Пленума об антипартийной группе Маленкова, Кагановича и Молотова ваша фамилия значится, хотя в самом конце...

— Это было реакцией Хрущева на мою критику в его адрес за нарушение принципов коллективного руководства. С тех пор и пошло — «И примкнувший к ним Шепилов».

— Почему вас называли примкнувшим?

— Потому, что ни действиями, ни связями я не был с «тройкой» Молотов — Маленков — Каганович, но вместе с тем выступил с критикой методов работы Хрущева. Надо сказать, что в верхах я мало с кем был близок. Пожалуй, единственными такими людьми были вначале Хрущев, а позже Жуков.

По словам Дмитрия Трофимовича, к 1957 году появилось недовольство методами работы Хрущева. В то время накалилась также международная обстановка, положение было тревожным. Но, как ему казалось, ничего организованного против Хрущева в то время не было. Может быть, что-то где-то и было, но Шепилов не знал об этом.

После XX съезда в партии и стране создавалась новая обстановка. Уже нельзя было, как раньше, сажать в тюрьму или расстреливать «фракционеров», поэтому недовольные могли более свободно обмениваться мнениями, и было ясно, что столкновение между Хрущевым и «тройкой» неизбежно. Это и произошло на Пленуме.

Весной 1957 года Жуков как-то сказал Шепилову, что надо бы встретиться, поговорить: Хрущев забрал всю полноту власти, от коллегиальности ничего не осталось. Разговаривали они на прогулке: дачи, квартиры, машины — все круглосуточно прослушивалось, и все это знали.

Обращался к Шепилову и Ворошилов, возмущался: «Голубчик, да он же всех оскорбляет!..» Шепилов, по его словам, ответил: «Вот вы, старейший член партии, и сказали бы ему об этом». — «При чем здесь я? Надо собраться, обсудить!» В это время еще началась эпопея с совнархозами. Дмитрий Трофимович понимал, как экономист, что децентрализация нужна, но делать это надо было продуманно. Фурцева прибежала: «Что делать? Во главе совнархозов — случайные люди! Все решения импульсивны, необдуманно». А дело все в том, что Хрущев был дремуче необразован, хотя имел хорошую голову. Знания, доводы он заменял формулой: «Я нюхом чую», — что совершенно недопустимо для руководителя, тем более такого государства!

— Подчеркиваю: мысль была общая — дальше так жить нетерпимо, нельзя, — делился деталями неудачного «путча» Д. Т. Шепилов. — Я тогда перечитывал завещание Ленина. Почему он, перебирая всех, не назвал никого? Это очень важно понять. Значит, стоял он за коллективное руководство. Именно так я думал тогда, когда разгоралась эта «война». Впечатление от всего, что тогда произошло: все было экспромтом, без строго подготовленного плана. Готовясь собрать экстренный Президиум ЦК, предлагали, чтобы председательствовал на нем Булганин и не ждать Жукова, проводить без него. Он был тогда на учениях в Подмоскowie. Но я внес предложение не проводить без Жукова и дожидаться его приезда.

Шепилов десятки раз вспоминал свое злополучное выступление, стоившее ему карьеры, на заседании Президиума ЦК 18 июня 1957 года, многократно прокручивал в голове каждый тезис, каждую фразу. Начал он с того, что партия и народ заплатили большой кровью за культ личности Сталина. Но потом перешел на критику.

— В первое время вы, Никита Сергеевич, взяли правильный курс: раскрепостили людей, вернули честное имя тысячам ни в чем не повинных людей. Создалась новая обстановка в ЦК и Президиуме. Обсуждение специальных вопросов велось квалифицированно, компетентно, с приглашением специалистов. Но теперь вы «знаток» по всем вопросам: и по сельскому хозяйству, и по науке, и по культуре!

Хрущев перебил его:

— Сколько вы учились?

— Я дорого стоил государству, народу: учился в гимназии, кончил среднюю школу, хотя мать у меня была неграмотной. Потом три года в Институте красной профессуры плюс четыре года университета.

— А я учился всего две зимы у попа за пуд картошки, — сказал Хрущев.

— Так почему же вы в таком случае претендуете на всезнание?!

Хрущев ответил, что он никак не ожидал такого от Шепилова, и расценил его выступление как предательство.

Дмитрий Трофимович рассказывал, что поразило его тогда поведение Молотова: он сидел с каменным лицом, безучастным взглядом. А вот характеристика Маленкова. «Он не был личностью. Он из тех людей, которые должны к кому-нибудь прислониться, которые слепо повинуются более сильному и, если надо, мать родную продадут».

Я спросил у Шепилова:

— Во время июньского Пленума Жуков действительно сыграл решающую роль в защите Хрущева?

— С Жуковым я близко знаком с 1941 года. Именно с того времени и до самой его смерти у нас сохранились теплые дружеские отношения, взаимные симпатии. Не сходились мы с ним лишь в одном — оценке Хрущева: я

вначале был им очарован, а Жуков не мог простить ему развенчания Сталина. На Пленуме Жуков занимал позицию против отстранения Хрущева, что не исключало его критики. Жуков резко выступил против «тройки», предъявил им обвинения в участии в репрессиях. Когда меня изгнали из Президиума, я, уходя, сказал Жукову: «Смотри, следующим будешь ты». — «Как знать!» Прошло всего три месяца, и октябрьский (1957 г.) Пленум, обвинив его в авантюризме, отправил в отставку.

Очень важная деталь. Как понял Шепилов, «тройка» была против избрания кого бы то ни было Первым секретарем ЦК. Ну а дальше — не продумали. Это действительно было необъяснимо: люди зрелые — и никакого конкретного плана, так непродуманно выступили. Поразительно, что они — никто! — не поставили вопрос о виновности самого Хрущева в репрессиях сталинского времени.

Не менее интересно и поведение самого Хрущева на Пленуме: он взял под защиту Сталина (!), возлагая при этом ответственность за репрессии на «антипартийную группу», и в качестве доказательства привел текст ответной телеграммы Сталина на телеграмму Кагановича с Урала (1935 г.) с предложением создать «тройку» для оперативного утверждения на месте приговоров по расстрелу. Сталин: «Что случилось, почему понадобилась тройка? Категорически против рассмотрения приговоров по расстрелу в тройках. Эти дела должны быть рассмотрены обычным нормальным порядком».

— Что было дальше, вы знаете. Я был снят с поста секретаря ЦК КПСС и выведен из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК. Через три года позвонили президенту Академии наук СССР А. Н. Несмеянову и рекомендовали на сессии лишить меня звания члена-корреспондента. Все так и было сделано.

Прошло много мучительных лет, прежде чем меня восстановили в партии. Случилось это лишь в 1976 году.

Я ознакомил вас с точкой зрения побежденного. А теперь слово команде победителей. О том, как достигалась победа, Сергей Хрущев рассказал уже после распада Советского Союза. То есть, не скрывая приемов и методов борьбы за кремлевское кресло.

По его рассказу, для того чтобы победить в июне 1957 года, следовало собрать разбросанных по стране членов ЦК раньше, чем это сделают противники. Действовать предстояло чрезвычайно быстро, счет шел даже не на дни — на часы.

Для такого дела требовался человек проверенный. Выбор Хрущева пал на председателя КГБ генерала Серова. Собственно, у Никиты Сергеевича и не оставалось особого выбора. Все нити, связи или находились в руках КГБ, или контролировались им. Ни позвонить в обком по ВЧ, ни послать фельдсвязью пакет в обход КГБ нечего было и думать. У каждого секретаря обкома имелся охранник-осведомитель, контролировавший каждый его шаг. Особые отделы выполняли ту же функцию при командирах в войсках.

Серову Хрущев доверял. Он сам выдвинул его на столь важный пост, в Москве без сановного покровителя Серов не продержался бы и дня. О необходимости замены Серова на одном из заседаний в открытую заявил Молотов. Серов знал об этом. Хрущев пригласил его на дачу. Он хотел поговорить с председателем КГБ с глазу на глаз. Они отправились на прогулку в лес, подальше от посторонних ушей. Серов догадывался, зачем его позвали, о происходивших событиях он знал все. Он заверил своего покровителя в личной преданности, поклялся в верности линии XX съезда и заявил о готовности выполнить любые поручения Первого секретаря ЦК.

Разветвленная паутина, которой Комитет государственной безопасности опутал всю страну, оказывалась очень кстати, позволяла оперативно и конфиденциально связаться со всеми нужными людьми.

Хрущев попал в двусмысленное положение. Все последние годы он требовал исключения КГБ из политической жизни страны, ограничения его функций борьбой с вражескими разведками, агентурой, шпионами. Он считал, что ни органы госбезопасности, ни армия не имеют права вмешиваться в политическую жизнь.

Теперь он вынужден был первым обратиться к услугам этой организации. Серов получил поручение связаться с членами ЦК на местах.

Естественно, антихрущевское большинство Президиума об этой встрече не узнало. Сообщить о ней мог только Серов. Их изоляция с каждым днем возрастала. Серов контролировал каждый шаг «большинства». (Вот так — председатель КГБ контролировал членов Президиума ЦК КПСС! А еще год назад Хрущев, осуждая Сталина в репрессиях, вменял ему в вину, что при нем органы безопасности были над партией и требовал вернуть их под ее контроль. Стало быть, вернул.)

Серов звонил членам ЦК на места:

— Как можно скорее приезжайте в Москву, собирается Пленум.

Одни добирались самостоятельно, других, особенно из далеких регионов, доставляли на военных самолетах. В этом помогал Жуков.

Сегодня трудно представить, как тяжело в те годы добирались из Сибири в Москву. Гражданские самолеты летали редко. Тихоход Ил-12 перескакивал с аэродрома на аэродром, из города в город. На многотысячекилометровых дистанциях он продвигался не намного быстрее поезда. Секретарей обкомов,

других членов ЦК из отдаленных мест доставляли на реактивных бомбардировщиках.

Усердие и личная преданность Ивана Александровича Серова были по достоинству оценены его высоким покровителем. Через год после спасения Хрущева Серов был снят с поста председателя КГБ СССР и назначен начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба, откуда его переместили в Куйбышев — помощником командующего Приволжским военным округом. Он был понижен в звании до генерал-майора, хотя в июне 1957 года Хрущев на радостях произвел его в генералы армии. Остаток жизни лубянский маршал провел в нищете и забвении, не получая положенной ему персональной пенсии.

Открывшийся в субботу, 22 июня, Пленум лишь подвел итоги. С докладом выступал Хрущев. Можно себе представить: он содержал не сухое перечисление фактов.

С изложением своей позиции выступил Молотов. В отличие от недавних единомышленников, в паническом страхе гадавших о своей участи, он остался тверд. Хрущев, по словам сына Сергея, впоследствии не раз с уважением говорил об этом. Остальные «представители большинства» захлеб каялись.

Члены ЦК выступали крайне резко. Постепенно заседание входило в привычное русло. Каждый стремился вылить свой ушат грязи на «оппозиционеров». Заседания продолжались целую неделю, до 25 июня. Выступить смогли все желавшие.

После институтской практики в первых числах июля 1957 года Сергей Хрущев в полном неведении вернулся домой. Пленум уже закончился, но никаких официальных сообщений еще не публиковалось. Отец ему тоже ничего не рассказал. Так что узнал он о происшедшем из газет.

Почему-то ему запомнилось солнечное летнее утро. Только что привезли почту: разноцветные пакеты, скрепленные сургучными печатями, и газеты. Отец расписался на квитанциях фельдсвязи и, сложив бумаги стопкой на круглом плетеном столике, принялся за прессу. Сын сел рядом и через плечо углядел на первой странице «Правды» официальное сообщение о состоявшемся Пленуме. Глаза привычно скользнули по набранным жирным шрифтом строчкам в конце, там всегда сообщалось о главном, об организационных вопросах: кого избрали, кого убрали. На сей раз перечислявшиеся фамилии заняли целый абзац. Среди исключенных он увидел такие фамилии... Не поверил своим глазам — вожди. К тому же друзья... Совсем недавно все сидели за одним столом на его свадьбе, и вот на тебе.

В то утро он узнал от отца, что против него выступили не четверо поименованных в газете членов «антипартийной группы» — «Маленков, Молотов, Каганович и примкнувший к ним Шепилов», но еще некоторые другие члены Президиума ЦК, в том числе Булганин и Ворошилов.

— Мы решили не называть их фамилий, — сказал отец, — на Пленуме они покаяться. Происшедшее послужит для них хорошим уроком. Да и для внешнего мира так лучше.

Постепенно не названные в официальном сообщении противники отца стали покидать Президиум. Одни, как Сабуров и Первухин, сразу же, другие задержались чуть подольше.

Оставить своих противников в Москве Хрущев не решился. Каганович слыл энергичным руководителем широкого профиля, никакой конкретной профессией, кроме сапожной, он не владел. Его отправили на Урал директором Соликамского калийного комбината. «Должность немалая» — иронизирует сын победителя.

Маленкова, как бывшего министра энергетики, назначили директором крупной Усть-Каменогорской ГЭС на Иртыше.

«Примкнувшего к ним Шепилова» послали преподавать студентам марксистско-ленинское учение на юг, в Среднюю Азию. Молотова — послом в Монголию.

Молотов многие годы состоял в почетных членах Академии наук. Никто не знал, за какие заслуги, но никто и не спрашивал. Сейчас решили его лишить, как вдруг выяснилось, несправедливо полученного высокого звания. Чья это была инициатива, неизвестно, в таком деле инициатор всегда найдется. Когда доложили Хрущеву, он не возражал.

— Какой он ученый, это все Сталин навывдумал, — возмущался Никита Сергеевич вечером, вернувшись домой.

Сказано — сделано. Заодно с Молотовым из членов-корреспондентов исключили и Шепилова.

Как видим, побежденных лишали всего, в том числе и ученых званий, которые, по мнению победителей, на государственной службе как бы и ни к чему. Иное дело те, для кого ученые степени — профессия. Забавную историю в этой связи рассказал бывший первый заместитель председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобков.

Случилось это как раз в хрущевские времена. Вызывает к себе Бобкова председатель КГБ Шелепин, сменивший на этом посту Серова, и говорит:

— Есть тут один физик, который решил поделить лавры с сыном Хрущева Сергеем. Они что-то там разрабатывали. Надо, чтобы он не претендовал на эту работу, ибо она сделана Сергеем Хрущевым.

И Шелепин попросил Бобкова встретиться с этим ученым. «Не очень-то все это прилично!» — подумал молодой работник и прямо сказал об этом.

— Ваше мнение меня не интересует! — оборвал Шелепин совестливого сотрудника, воспитанного на моральном кодексе строителя коммунизма, усиленно пропагандируемого тогда в прессе.

Бобков вышел. Решил, что надо все продумать не горячась. У него не было сомнений в том, что не чекистское это дело — вмешиваться в подобные ситуации. Однако он не имел права отказаться выполнить приказ. Ну что ж, придется подчиниться, надо только хорошенько во всем разобраться.

Оказалось, ученый был болен, и Бобков не стал его беспокоить. Дня через два Шелепин позвонил и спросил, почему ему не доложено о выполнении приказа. Объяснения явно его не удовлетворили.

Чекист выяснил, что физик болен несерьезно и, получив приглашение, поехал к нему. За столом заговорили об их совместной с Сергеем Хрущевым работе. Ученый подробно рассказал обо всем, и чекисту стало ясно: его вклад в разработку значительно больше, чем Хрущева. Судя по всему, хозяин дома уже догадался о цели визита представителя лубянского ведомства и заявил, что данная работа не имеет для него существенного значения, так как он занят другими, более интересными проблемами, а для Сергея Хрущева она очень важна. Словом, он готов отказаться от авторства в пользу Сергея. Расстались дружелюбно, но на душе у чекиста было скверно. Утром он позвонил Шелепину и доложил о выполнении поручения.

— Зайдите!

Зашел. Чувствует: он весь в напряжении, ждет разъяснений.

— Ну что?

— Ваше распоряжение выполнил.

— Но ведь он был болен!

— Пришлось воспользоваться его приглашением. Вы же приказали.

— Вы представились?

— Конечно. Показал ему удостоверение и все объяснил.

— Что именно?

— Сказал, что интересуюсь степенью участия Сергея Хрущева в их совместной работе. Расстались по добром, он обещал больше не претендовать на авторство и предоставить эту честь Сергею Хрущеву. Хотя, если откровенно сказать, Александр Николаевич, Хрущев, безусловно, замахнулся не на свое.

Шелепин улыбнулся, и молодому чекисту показалось, у него отлегло от сердца. Видимо, он и сам боялся за исход переговоров. Бобков и по сей день уверен, все это не он придумал, просьба, скорее всего, исходила от Сергея, а возможно, от самого Никиты Сергеевича.

Прошло много лет. 12 июля 1999 года Сергей Никитич Хрущев, подняв правую руку, принял присягу на верность конституции США, поклонился звездно-полосатому флагу, пообещал защищать эту страну всеми силами и был объявлен гражданином Соединенных Штатов Америки. Вместе с женой Валентиной Голенко, тоже принявшей присягу в католической школе города Провиденс (штат Рой-Айленд).

Западные СМИ пребывали в восторге от того, что сын деятеля, который стучал в ООН ботинком по столу и грозился закопать США, поклялся быть образцовым гражданином и патриотом этой страны. Впрочем, отмечали некоторые издания, цена его клятвам невелика. Это в духе хрущевского рода. Никита Сергеевич, проливая немало крови на Украине, в Москве и Московской области, клялся Сталину: «Мы готовы жизнь отдать за тебя, всех уничтожим». Потом, придя к власти, развенчал культ Сталина и создал собственный.

Среди вопросов к соискателям американского гражданства есть и такой: «Как называется национальный гимн США? Спойте его!» Сын коммуниста номер один 1953–1964 годов ответил: «Звездное знамя!» — и, вытянувшись, спел.

Новоиспеченный американец уверял, что его папа не осудил бы поступок своего сына. Ну и что, если он предпочел Родине более богатую державу? Выходит, папа лицемерил, когда учил советских людей патриотизму? Или сынок теперь готов бросить тень на папашку, чтобы оправдать свои меркантильные интересы? Но, как говорится, Бог им судья.

А вот еще один документ — «живьем» к вопросу о заслуженности или незаслуженности ученых степеней, высших премий и т. д. Документ хранится в бывшем архиве ЦК КПСС, сейчас ЦХСД, имеет порядковый номер 11 874 и датирован 26 марта 1966 года.

«В Президиум ЦК КПСС, в Совет Министров СССР. Копия — президиум Комитета по Ленинским премиям при Совете Министров СССР.

Дорогие товарищи!

В канун XXIII съезда славной партии Ленина обращаемся к Вам с ходатайством о пересмотре решения по поводу присуждения Ленинской премии за выдающиеся достижения в области литературы, искусства и журналистики авторскому коллективу книжки «Лицом к лицу с Америкой» (тт. Аджубей, Ильичев, Сатюков, Шевченко, Шуйский, Лебедев и др.). (Ильчев — секретарь ЦК КПСС, Сатюков — главный редактор «Правды», трое последних — помощники Н. С. Хрущева. — *Н. З.*)

Ленинская премия — высшая награда нашей Родины, присуждаемая выдающимся художникам нашей эпохи за выдающиеся свершения, способствующие коммунистическому воспитанию нашего народа.

Ленинские лауреаты — это Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Мухтар Ауэзов, Муса Джалиль, Александр Довженко, Галина Уланова, Дмитрий Шостакович, Сергей Прокофьев, Мартирос Сарьян, Арам Хачатурян и некоторые другие великие мастера отечественной культуры. Присуждение Ленинской премии этим художникам подняло ее престиж на недостижимую высоту.

Столь же дискредитировало престиж самой священной для нас награды мастерам культуры присуждение премии имени Ленина группе товарищей за произведение, не имеющее НИКАКОЙ ценности — ни художественной, ни идейной, за посредственный репортаж о встрече Хрущева с Эйзенхауэром, собранный в книжку «Лицом к лицу с Америкой».

Авторская группа этой книжки, состоящая из весьма грамотных людей, если бы обладала в малейшей степени скромностью и честностью, должна была бы в период обсуждения снять свои кандидатуры, представленные к столь высокому поощрению весьма безответственно.

Следует заметить, что присуждение премии за эту книгу тем более нелепо, что добрая половина ее — это письма трудящихся по поводу поездки в Америку главы Советского правительства.

Присуждение премии этой группе лиц не только принизило престиж самой премии, но и повлекло за собой заниженные требования к целому ряду других произведений. Присуждение Ленинской премии за ничемную в идейно-художественном отношении книжку тем более постыдно, что комитет отклонил в процессе обсуждения кандидатуры подлинно огромных художников, мастеров советской культуры, таких, как Сергеев-Ценский, Владимир Луговской, Назим Хикмет, Михаил Светлов, Алексей Мачавариани, Ваню Мурадели, Анатолий Новиков, Евгений Вучетич, Дмитрий

Кабалевский, Александр Малышко, и некоторых других, чье творчество не только всенародно известно, но составляет у каждого целую эпоху в развитии нашей социалистической культуры. В целях восстановления подлинно ленинских норм оценки художественных явлений и восстановления действительного идейно-художественного критерия этой дорогой для всего нашего народа награды, просим Вас о пересмотре решения о присуждении Ленинской премии в отношении упомянутой книжки.

Подписи: М. Вершинин. (Вторая подпись неразборчива.)».

На письме пометы: «Ознакомить секретарей ЦК КПСС», «Хранить в архиве. В. Горбунов. 7.1У.66 г.».

Такой вот глас народа.

Высланных из Москвы несогласных с политикой Хрущева недавних друзей ждали материальные трудности, неустроенный быт, душевные терзания. Ослушников отправили из столицы вместе с семьями. Дочь Маленкова Воля, ныне профессор Строгановского художественного института, рассказывала в конце 90-х годов в интервью журналисту Андрею Папушину, что пережитое она будет помнить до конца дней. Летом 1957 года, после известных событий, отца отправили в Усть-Каменогорск на гидростанцию в верховьях Иртыша. Семья поехала с ним. Километров за 30 от города их поезд остановили, дальше повезли на машинах по степи. Они сначала не поняли смысла этих пересадок, потом выяснилось, что сопровождающие сотрудники КГБ имели инструкцию не допустить встречи Маленкова с населением. А горожане приготовили ему торжественную, чуть ли не праздничную встречу с цветами и его портретами — нечто вроде первомайской демонстрации.

Усть-Каменогорская станция была расположена в живописном месте в предгорьях Алтая. Станция была

исправная, отношение людей к Маленкову — не только работников ГЭС, но и всего города, превосходное. Это, видимо, не входило в планы Хрущева, и примерно через год он распорядился перевести Маленкова в Экибастуз — тамошняя ТЭЦ, по статистике, была самой плохой в стране.

Везли их туда тайно. Хрущев настойчиво стремился оградить Маленкова от контактов с людьми. Часть пути плыли на пароходе, ночами. Днем отстаивались в пустынных местах по реке. Наконец прибыли в Экибастуз — неблагоустроенный поселок в степи, никакой зелени, очень грязно. Неудивительно, ведь возник он на месте лагеря. Маленков хладнокровно и упорно начал приводить станцию в порядок.

Забавно, примерно в это время Хрущев в одной из своих поездок по Казахстану, выступая в каком-то совхозе, заявил, что Маленков, мол, ничего не делает, спивается... А сам был при этом не вполне трезв и, как рассказывали, обращался к собранию вместо «уважаемые аксакалы» — «уважаемые саксаулы»... Молва об этом его выступлении быстро распространилась по целине, дошла до Усть-Каменогорска, Экибастуза, Караганды. Позабавила людей в трудное время. Вождь скучать не давал.

По словам Воли, никакие гонения не могли отвернуть людей от отца. Тогда где-то в начале 60-х решили его из партии исключить. За что? Формально инкриминировали потерю партбилета, будто он его в степи потерял. Но это ложь — билет у него выкрали из квартиры... Через местную организацию выгнать не получилось: собрание созывали несколько раз, но рабочие были крайне возмущены и заявили: «Если партия исключает такого человека, то нам эта партия не нужна и мы из нее тоже выходим!..» Маленков с трудом сдерживал рабочих, чтобы они председателя собрания не поколотили. Впоследствии местный

секретарь был с работы снят как не выполнивший «задания». А «решать вопрос» стали на другом уровне, в обкоме. Исключили заочно.

Бывший первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев так рассказывал о дальнейшей судьбе Г. М. Маленкова. После Пленума он был освобожден от должности заместителя Председателя СМ СССР — министра энергетики Союза ССР и направлен на работу директором Усть-Каменогорской ГРЭС. Дела у него на этом участке пошли неплохо, планы на станции выполнялись. Но до Хрущева дошли сведения о том, что Маленков заигрывает с рабочими, ходит к ним в гости, присутствует на свадьбах, дарит подарки. Н. С. Хрущев распорядился перевести его на другую работу — директором в Экибастуз. И здесь контроль за поведением Маленкова резко ужесточился.

Да, действительно, на одной из прогулок Маленков потерял партийный билет. Его нашла школьница и принесла в милицию. Милиция передала документ в горком партии. По Уставу КПСС коммунист, утерявший партийный билет, заслуживал самого сурового наказания, вплоть до исключения из КПСС. В это время горком получил еще один сигнал: какой-то фотограф-любитель снял Маленкова с внуком и стал продавать эти фотокарточки. Вот за эти проступки Маленкову было вынесено строгое партийное взыскание. На XXII съезде КПСС секретарь ЦК Компартии Белоруссии Мазуров подверг Маленкова резкой критике. Первичная партийная организация Экибастузской ТЭЦ немедленно отреагировала на эту критику и приняла соответствующее постановление.

Но предоставим слово документам. Итак, протокол партийного собрания.

«Повестка дня:

Персональное дело члена КПСС тов. Маленкова Г. М. (Докладывает тов. Чусоватин К. Т. - секретарь

первичной партийной организации Экибастузской ТЭЦ.)
— Делегат съезда, секретарь ЦК Компартии Белоруссии тов. Мазуров, раскрывая нарушения революционной законности и злоупотребления властью, привел факты произвола со стороны Маленкова в период 1935–1936 годов. При обмене партийных документов, когда он, Маленков, вместе с Берия создал версию о существовании в Белоруссии развернутого антипартийного подполья, которое возглавили будто бы партийные и советские руководители республики. (Самое интересное, что Л. П. Берия появился в Москве только в 1938 году, в 1935–1936 гг. он работал в Закавказье. — *Н. З.*) На основании этой версии была исключена из партии половина всего состава Компартии Белоруссии, арестованы и погублены многие руководители партии из советских органов, представители творческой интеллигенции, тов. Мазуров заявил, что коммунисты Белоруссии считают невозможным дальнейшее пребывание Маленкова в партии...»

Собрание приняло следующее постановление:

«1. За антипартийность, произвол, беззаконие и фракционную деятельность, совершенные в период работы в ЦК КПСС, тов. Маленкова Г. М. из рядов КПСС исключить (голосовали единогласно).

2. Считать целесообразным оставить Маленкова Г. М. директором Экибастузской ТЭЦ (голосовали: за — 8, против — 7)».

Вскоре после этого собрания состоялось заседание бюро обкома партии.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО
ПАВЛОДАРСКОГО ОБКОМА КП КАЗАХСТАНА
ОТ 19 АПРЕЛЯ 1962 г.**

Дополнить постановление бюро обкома от 15 марта 1962 года «Рассмотрение постановления бюро Экибастузского горкома КП Казахстана от 18 ноября 1961 года об исключении из членов КПСС Маленкова Г. М.» следующим пунктом:

Просить Целинный крайком партии, ЦК КП Казахстана войти с ходатайством в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР о лишении Маленкова Г. М. звания Героя Социалистического Труда, всех орденов и медалей, которыми он был ранее награжден.

Секретарь обкома КП Казахстана И. Слажнев».

Вот так закончилась карьера Г. Маленкова в Казахстане. Однажды он позвонил Кунаеву и сообщил, что с ним поступают несправедливо. Едва ли в той ситуации Кунаев мог помочь ему. Тут были свои, особые правила игры. Москва направила Маленкова на работу в Казахстан и отозвала, не поставив в известность ни ЦК республики, ни правительство. По тем временам обычное дело.

Георгий Максимилианович работал в Экибастузе 10 лет. Весной 1968 года приехал в Москву на похороны матери. Думал, на несколько дней — и обратно. Потом, видимо, что-то решил про себя, сказал: «Пожалуй, пойду на пенсию...» Как только он заявил об этом официально, ему на следующий же день прислали пенсионную книжку...

Глава 7. ЧЕТВЕРТЫЙ РАСКОЛ В РЯДАХ ПРЕЕМНИКОВ

Опасный маршал

2 декабря 1956 года исполнилось шестьдесят лет прославленному полководцу Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову. Никак не могли решить, чем наградить министра обороны, ведь у юбиляра уже были три Звезды Героя Советского Союза.

Спор разрешил Хрущев.

— Для человека, столько сделавшего для нашего народа, и четыре геройских звезды мало, — подвел он итог сомнениям.

На том и порешили. А через десять месяцев Хрущев снял прославленного полководца с поста министра обороны и отправил на пенсию. И тоже удар последовал врасплох, внезапно, из-за угла. Как до этого по Берии. А после — по мертвому Сталину.

Случай с Жуковым, конечно, особый. Народный любимец, полководец Победы. Чистые руки. Не замаран в репрессиях. Словом, не Сталин и не Берия. Чем же тогда объяснить немилость Никиты Сергеевича к прославленному маршалу? А объяснить надо, потому что если не сделать это самим, то возьмутся другие. И такого накопят, что не приведи Господь.

И вот преподающий ныне политологию в американском университете Брауна, энергетик по базовому образованию, доктор физико-математических наук, специалист по ракетной технике Сергей Никитич Хрущев создает трогательную историю любви и нежной привязанности этих двух непохожих людей — своего отца и маршала Жукова. Читая проникновенные строки Сергея Никитича, вспоминаешь анекдот эпохи позднего застоя, когда маршал Жуков, утверждая очередную свою блистательную наступательную операцию, спохватывался и растерянно справлялся у начальника

Генштаба: «А с полковником Брежневым согласовывали?»»

Блиzkих отношений между Хрущевым и Жуковым не могло быть по определению. Хрущев был членом Военного совета ряда фронтов, то есть политработником, которых Жуков, как и все другие строевые командиры, терпеть не мог. И то, что они хорошо знали друг друга, еще ни о чем не говорит. Многие знающие люди рассказывали мне: их отношения не тянули на дружбу, хотя Сергей Никитич считает, что дружескими их можно было назвать: ведь за плечами почти двадцать лет знакомства.

Однако послушаем Сергея Никитича. За долгие годы войны они встречались не раз. И под Сталинградом, и на Курской дуге. Жуков там представлял Ставку Верховного Главнокомандующего, а Хрущев трудился в своей неизменной должности члена Военного совета фронта.

В командование фронтом, где служил Хрущев, переименованным в Первый Украинский, Жуков вступил, когда под автоматными очередями в случайной засаде погиб генерал Ватутин. Уже после освобождения Киева.

В 45-м Жуков, направлявшийся к месту нового назначения на 1-й Белорусский фронт брат Берлин, накоротке повстречался с Хрущевым в Киеве. Тогда-то, в предвкушении победы, он пообещал на обратном пути в Москву завезти к нему в железной клетке плененного Адольфа Гитлера. (Вот так, и никак иначе — не Верховному Главнокомандующему Сталину, а руководителю одной из пятнадцати союзных республик! Снова вспоминается подобострастный голос Жукова из анекдота: «А с полковником Брежневым согласовывали?»)

После войны, по словам Хрущева-младшего, обоих ждала опала. Маршал снова попал на Украину, Сталин

послал его командовать Одесским военным округом. Хрущев же, потерявший пост первого секретаря ЦК, не раз наезжал туда в качестве председателя Совета Министров республики.

Сразу после смерти Сталина Жуков по инициативе Хрущева вернулся в Москву, сначала заместителем военного министра, а затем министром. (Углубленное проникновение в историю опалы Жукова при Сталине убеждает, что в начале 50-х годов между ними началось примирение. В 1947 году Жукова вывели из состава ЦК ВКП(б). В 1952 году Сталин дал указание, чтобы Жукова избрали делегатом XIX съезда партии, на котором в списках кандидатов в члены ЦК тот услышал и свою фамилию. Позднее Жуков рассказывал, что Сталин хотел назначить его министром обороны, да не успел — смерть помешала.)

Свидетельством близких взаимоотношений Хрущева и Жукова, по мнению Хрущева-младшего, явилось и то, что на июньском Пленуме 1957 года вместе с другими поддержавшими отца кандидатами в члены Президиума ЦК Жуков стал полноправным членом расширенного до пятнадцати человек Президиума. Летом он несколько раз появлялся у них на даче. По всем внешним проявлениям отношения между ним и отцом выглядели безоблачными. Они подолгу гуляли по дорожкам парка, что-то обсуждали, смеялись.

И тут как гром среди ясного неба: 27 октября на последней странице газеты «Правда» в рубрике хроники появилось сообщение, что Президиум Верховного Совета назначил Маршала Советского Союза Малиновского Родиона Яковлевича министром обороны СССР.

Чуть ниже мелким шрифтом было набрано сообщение об освобождении Маршала Советского Союза Жукова Георгия Константиновича от обязанностей министра обороны СССР. И никаких

комментариев! Ни на последней, ни на первой странице. Как будто это в порядке вещей!

Когда Сергей вечером попытался расспросить отца, тот неопределенно буркнул, что в силу различных обстоятельств товарищи сочли такое решение правильным.

— Так будет лучше, — произнес он.

В следующее воскресенье, дело было утром, на даче, Сергей случайно оказался свидетелем, видимо, последнего в их жизни разговора.

Сергей как раз входил в дом, когда раздался телефонный звонок. По звуку он определил: кремлевка. Сергей рванулся побыстрее ответить, но тут увидел выходящего из столовой отца. Он направился к телефону. Взмах рукой означал: не надо, сам подойду. Замешкавшись с раздеванием, сын услышал:

— Здравствуй, Георгий, — глухо ответил отец на чье-то приветствие.

Сергей наострил уши и уже намеренно задержался в прихожей. Так, по имени, его отец называл только двух людей: Маленкова и Жукова. Маленков в октябре 1957 года звонить не мог, значит, это Жуков. Он спешно вернулся в Москву. После приветствия наступила пауза. Потом отец недовольно произнес:

— А так, как ты, друзья разве поступают?

Опять молчание. Дольше в прихожей оставаться было неудобно, могло попасть от отца за подслушивание. Сергей прошел в столовую. К завтраку постепенно собиралась вся семья. Через несколько минут вернулся отец. Невольно Сергей вскинул голову с немым вопросом.

— Жуков звонил, — сказал отец, ни к кому не обращаясь.

Необычна точка зрения Н. А. Мухитдинова, объясняющая, почему Хрущев вернул в Москву Жукова после смерти Сталина.

— Возвратив маршала Жукова в Москву из «почетной ссылки», его сразу же назначили первым заместителем министра обороны СССР. Георгий Константинович был невысокого мнения о Хрущеве. Еще во время войны в их отношениях возникла некоторая «прохладность», связанная с разработкой и осуществлением планов нескольких крупных сражений. Возвращение к активной деятельности Жукова, прославленного полководца, пользовавшегося большим авторитетом в армии и народе, в известной мере повлияло на настроение военных и несколько усилило в их среде симпатии к Хрущеву. Вскоре Жуков целиком стал на сторону Никиты Сергеевича и полностью поддержал его действия.

Столь же неожиданно и мнение В. В. Гришина о мотивах отстранения Жукова от поста министра обороны.

— На заседании Президиума ЦК при обсуждении вопроса о сложившемся положении в Президиуме ЦК партии Молотов и Маленков в ответ на критику в их адрес сказали: «Что же, теперь нас окружают танками?» Тут же встал маршал Жуков и возразил: «Я протестую против этого разговора. Танки движутся только по моему приказу!» Это заявление сильно встревожило Никиту Сергеевича. Кроме того, ему стало известно, что в дни, когда заседал Президиум ЦК и шла борьба, к Жукову зашел маршал Москаленко и сказал: «Георгий Константинович, бери власть». Опасаясь за свое положение, Хрущев решил отстранить маршала Жукова от поста министра обороны СССР и вывести его из состава членов Президиума ЦК партии.

Близка к мнению Гришина и точка зрения В. Ф. Аллилуева.

— Жуков провел операцию по аресту Берии на заседании Президиума ЦК, он же сыграл важнейшую роль в победе Никиты Сергеевича над «антипартийной

группой Маленкова, Кагановича, Молотова, Первухина, Сабурова, Булганина и примкнувшего к ним Шепилова»: за считанные часы под его руководством военно-транспортная авиация доставила в Москву на июньский Пленум ЦК КПСС 1957 года всех поддерживавших Хрущева членов ЦК, что и предопределило исход дела. Однако после этого исторического события сильная и властная фигура Жукова оказалась обременительной для Никиты Сергеевича. В октябре 1957 года он отправил маршала в Югославию, откуда тот вернулся простым туристом.

С. Н. Хрущев не без удовольствия описывает, как проводили операцию по изоляции Жукова. От находившегося в Югославии маршала подготовку его смещения держали в строжайшей тайне. Боялись упреждающего удара. Связь с делегацией практически прекратилась.

Тем не менее друг Жукова генерал армии Штеменко, возглавлявший Главное разведывательное управление Генштаба, пошел на риск, послал маршалу предупреждение через свою неподконтрольную ни для кого связь. Что это, проявление воинской солидарности? Или разведчик стремился предупредить своего шефа о чем-то гораздо более значительном? Генерал армии Штеменко никогда не отличался безрассудством. Он и поплатился своей верностью дружбе — Хрущев снял его с должности и разжаловал в генерал-майоры.

По А. И. Аджубею, к отставке маршала Жукова, к разрыву с ним Хрущева привело странное, необъяснимое стечение обстоятельств, которое в тот момент не проанализировал и сам Никита Сергеевич. Хрущевский зять приводит следующий эпизод.

Летом 1957 года, после разгрома фракционеров, Хрущев отдыхал с семьей в Крыму. Там же проводили отпуск еще несколько членов партийного руководства.

Однажды отправились на соседнюю дачу к секретарю ЦК Кириленко — тот отмечал день рождения.

Застолье подходило к концу, все устали от многочисленных тостов. С каких бы «поворотов» ни начинались задравные речи, все они заканчивались славословием в адрес самого Никиты Сергеевича, будто не Кириленко, а он был виновником торжества. Южное вино, хорошее настроение — ведь позади осталась нешуточная борьба — прибавляли компании веселья. Секретарь ЦК Аристов достал уже свою гармошку, начались нестройные песни, ноги сами просились в пляс. И тут слово взял Г. К. Жуков. После набора обязательных «поклонов» в сторону именинника, его чад и домочадцев он неожиданно провозгласил здравицу в честь председателя КГБ генерала Серова, сказав при этом:

— Не забывай, Иван Александрович, что КГБ — глаза и уши армии!

Хрущев отреагировал мгновенно. Он встал и подчеркнуто громко проговорил:

— Запомните, товарищ Серов, КГБ — это глаза и уши партии!

Возможно, эта политическая «пикировка» не была замечена гостями Кириленко, но Аджубею она запомнилась хорошо.

В октябре Жуков улетел в Югославию. Его пребывание там, какие-то демарши, заявления продолжали раздражать Хрущева и, вероятно, стали предметом обсуждений среди членов Президиума ЦК. Множились разговоры о тех или иных проявлениях самовластия Жукова. Говорили, что, просмотрев готовившийся к показу фильм о параде Победы, Жуков приказал переснять эпизод своего выезда на белом коне из Спасской башни Кремля. На аэродроме перед вылетом в Югославию сказал провожавшим его военачальникам:

— Вы тут посматривайте, правительство не очень-то крепко стоит на ногах...

Дело было, конечно, не только в слухах, хотя, как известно, их появление всегда по-своему закономерно: нет дыма без огня. Кто-то раздувал этот огонек, напускал дыму. Аджубей близко наблюдал многих высокопоставленных военных — отношение к Жукову было неоднозначным. Наверное, во многом проявлялась ревность к его военной славе. На Пленуме ЦК не чурались «проехаться» по поводу его близости к Сталину, умелом использовании настроений Верховного в личных целях. Рассказывали, что Жуков непременно хотел первым войти в Берлин, хотя войска его фронта застряли на Зееловских высотах, и тем притормаживалась общая динамика сражения.

А что думает по поводу мотивов смещения Жукова рядовая кремлевская охрана?

С. П. Красиков:

— Много различных домыслов существует по поводу смещения Хрущевым Жукова. Я считаю основной причиной отстранения Жукова от командования задуманное Хрущевым предстоявшее массовое сокращение Вооруженных Сил СССР. Разве мог бы герой нескольких войн, прославленный маршал, сокрушитель лучших неприятельских армий согласиться с уничтожением надводного флота, бомбардировочной авиации, разрушением укрепрайонов, задуманными и впоследствии проведенными этим безалаберным руководителем государства? Не мог! И ни за что не согласился бы. Потому-то Хрущев и убрал его в расчете на согласие с ним более покладистого маршала Малиновского.

Когда Хрущев уже сам оказался на пенсии и его семья занялась работой над мемуарами, Сергей Никитич, по его словам несколько раз задавал вопрос о причинах увольнения Жукова. Вот что рассказал Никита

Сергеевич. С конца июля на Жукова в ЦК стали поступать компрометирующие материалы. Шли они и из КГБ, и из армейских политорганов. Вкратце обвинения сводились к следующему: по распоряжению маршала в Советской Армии формировались специальные диверсионно-штурмовые части. Создавались школы диверсантов. Концентрировались эти спецподразделения якобы в районе Москвы. Всем этим делом заправлял начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал армии С. Штеменко. Все делалось втайне от ЦК. Далее следовал вывод: не исключено, что Жуков готовил заговор.

Проверка подтвердила достоверность фактов. Действительно, такие части существовали. Правда, размещались они не только под Москвой, но и в других регионах, например, на Украине.

В ЦК участились жалобы на Жукова, некоторые из его коллег-маршалов жаловались на нетерпимость, грубость, шепотом произносили страшное слово «бонапартизм».

Ну и, конечно, политработа, не скрываемая Жуковым нелюбовь к говорильне. Из Политического управления шли нескончаемые потоки обид на недооценку маршалом политработников. Доходили слухи: Жуков пригрозил, что научит комиссаров воевать, отучит их болтать и заставит командовать частями. Свое обещание он с жуковской твердостью проводил в жизнь. Многие роптали, видели в этом покушение на свой особый статус. Когда маршал закачался, ему припомнили все, что было и чего не было. Официальную причину смещения министра обороны придумали не случайно: недостаточное внимание к политической работе. Чтоб и другие зарубили на носу.

По мнению Хрущева-младшего, не случись июньской вспышки, отец иначе бы отнесся к стекавшейся к нему информации о Жукове. В той же ситуации он боялся рисковать. Недавние события поневоле заставляли осторожничать. Тщательной и критической проверке, неизбежно насторожившей бы Жукова, а возможно, подтолкнувшей его к решительным действиям, Хрущев предпочел упреждающий удар.

Из случившегося, а вернее, неслучившегося, он сделал далеко идущие выводы: отныне министр обороны не мог входить в высшее партийное руководство, дабы не концентрировать в одних руках слишком большую власть — и законодательную, и исполнительную. Нарушили этот принцип во времена Брежнева, когда Гречко, сменивший Малиновского на посту министра обороны, стал членом Политбюро.

Паркетный Жуков

19 мая 1956 года маршал Жуков направил Первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву текст своего выступления на предстоящем Пленуме ЦК КПСС. «Прошу просмотреть и дать свои замечания», — было сказано в сопроводительном письме.

Речь шла о планировавшемся специальном Пленуме ЦК, на котором предполагалось обсудить вопрос о культе личности Сталина. Однако по некоторым причинам Пленум не состоялся.

На тексте непроизнесенной речи Жукова имеются пометы: «Разослано: тов. тов. Булганину Н. А. и Шепилову Д. Т.», «Хранить в архиве Президиума ЦК КПСС».

Первый раздел речи имеет следующее название: «Состояние и задачи военно-идеологической работы».

В нем утверждается, что главным недостатком во всей военно-идеологической работе в стране до последнего времени являлось засилье в ней культа личности.

«Должен отметить, — говорилось в речи, — что у некоторых товарищей имеется мнение о нецелесообразности дальше и глубже ворошить вопросы, связанные с культом личности, так как, по их мнению, углубление критики в вопросах, связанных с культом личности, наносит вред делу партии, нашим Вооруженным Силам, принижает авторитет советского народа и тому подобное.

Я считаю, что подобные настроения вытекают из несогласия с решением XX съезда партии, полностью одоббившего предложения, изложенные в докладе ЦК по ликвидации последствий культа личности. Если пойти по пути свертывания работы по ликвидации

последствий культа личности, то мы не выполним тех решений, которые единодушно были приняты XX съездом партии. Мы не можем забывать, что культ личности и все то, что с ним было связано, принес нам много вреда и в деле обороны нашей страны. Мы обязаны из этого извлечь все необходимые уроки, продолжать настойчиво разъяснять антиленинскую сущность культа личности, преодолевая боязнь обнажения фактов, мешающих ликвидации культа личности».

По мнению Жукова, особенно широкое распространение культ личности приобрел в вопросах, связанных с Великой Отечественной войной.

Неудачи первого периода войны Сталин объяснял тем, что фашистская Германия напала на Советский Союз внезапно. Это исторически неверно, должен был заявить с трибуны Пленума ЦК Жуков. Никакой внезапности нападения гитлеровских войск не было. О готовившемся нападении было известно, а внезапность была придумана Сталиным, чтобы оправдать свои просчеты в подготовке страны к обороне.

22 июня в 3 часа 15 минут немцы начали боевые действия на всех фронтах, нанося авиационные удары по аэродромам с целью уничтожения нашей авиации, по военно-морским базам и по ряду крупных городов в приграничной зоне. В 3 часа 25 минут Сталин был разбужен Жуковым и ему было доложено о том, что немцы начали войну, бомбят наши города и открыли огонь по нашим войскам. Жуков с Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать, а на повторные вопросы ответил: «Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий. Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия,

Молотова, Маленкова, на совещание прибыть вам и Тимошенко».

Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 минут он не давал разрешения на ответные действия и на открытие огня, а фашистские войска тем временем, уничтожая героически сражавшиеся части пограничной охраны, вклинились в нашу территорию, ввели в дело свои танковые войска и начали стремительно развивать удары своих группировок.

Таким образом, по мнению Жукова, кроме просчетов в оценке обстановки, неподготовленности к войне, с первых минут начала войны в верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, используя которую противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях.

Неправильным является утверждение о том, что Сталин, разгадав планы немецко-фашистского командования, решил активной обороной измотать и обескровить врага, выиграть время для сосредоточения резервов, а затем, перейдя в контрнаступление, нанести сокрушительный удар и разгромить противника. В действительности такого решения не было, а «теория активной обороны» понадобилась для скрытия истинных причин наших неудач в начальном периоде войны.

Второй раздел речи назван так: «Отношение Сталина к личному составу наших Вооруженных Сил».

Всю вину за неудачи в начальный период войны Сталин постарался возложить на личный состав Вооруженных Сил.

Был организован судебный процесс над командованием Западного фронта, по которому были расстреляны командующий войсками Павлов, начальник штаба Климовских, начальник связи Григорьев и ряд других генералов. (Все это так, но на ордерах на арест имеется виза Жукова! А при желании ведь мог бы и отстоять попавших в беду высших командиров начальник Генерального штаба.) Был обвинен в измене и переходе на сторону противника командующий армией Качалов, погибший на поле боя при прорыве из окружения. (А кто как не начальник Генерального штаба докладывал Сталину об этом?) Без всяких оснований были обвинены в измене и другие генералы, в силу сложившейся обстановки попавшие в плен, которые, возвратясь из плена, и по сей день являются честнейшими патриотами нашей Родины. (А кто представлял на них сведения, если не Генштаб?)

Был издан ряд приказов, в которых личный состав наших войск, особенно командиры и политработники, огульно обвинялся в малодушии и трусости.

Уже после того как наши войска показали себя способными не только обороняться, но и наносить серьезные удары по врагу, Сталин нашел нужным в одном из своих приказов написать: «Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток».

Таким приказом, считал Жуков, Сталин незаслуженно опорочил боевые и моральные качества наших солдат, офицеров и генералов. Зачем понадобилось Сталину издавать приказы, позорящие нашу армию? «Я считаю, — собирался сказать на Пленуме Жуков, — что это сделано с целью отвести от себя вину и недовольство народа за

неподготовленность страны к обороне, за допущенные лично им ошибки в руководстве войсками и те неудачи, которые явились их следствием».

В третьем разделе своей речи Жуков намеревался осветить вопрос «О так называемых «сталинских операциях», «сталинской военной науке» и «задачах по ликвидации последствий культа личности».

Многие здесь присутствующие знают, сказал бы Жуков, если бы он выступил на Пленуме, как возникали операции фронтов, как планировались, готовились и проводились наступательные операции наших войск, в последующем получившие название «сталинские».

Надо быть неграмотным в военном деле, чтобы поверить в то, что один человек мог обдумать, рассчитать, распланировать и подготовить современную фронтовую операцию или операцию группы фронтов, проводимых на громаднейшем пространстве, с участием всех видов Вооруженных Сил и родов войск.

«Был ли Сталин творцом вообще каких-либо операций?» — задавался вопросом Жуков. «Да, к сожалению, был», — отвечал он. Об одной такой операции на XX съезде доложил Хрущев. По замыслу Сталина, планировалась и проводилась операция в Прибалтике в районе Либавы, которая безрезультатно повторялась несколько раз и, кроме тяжелых жертв, ничего не дала. За неудачи этой операции Сталин сменил трех командующих фронтами.

Исключительно безграмотно проводились операции севернее Варшавы, в результате которых погибли многие десятки тысяч наших людей. Сталину неоднократно докладывали о том, что по условиям местности там нельзя проводить операцию, однако такие доводы отвергались как «незрелые», и операция многократно повторялась с одними и теми же результатами.

О непонимании Сталиным основ управления войсками можно многое рассказывать из истории оборонительных сражений за Москву. (И это о человеке, которого Ленин посылал своим личным представителем на труднейшие фронты Гражданской. Конечно, танковые армады Гитлера — это не кавалерия 1919 года, но все же, все же... А может, в Жукове говорила личная обида? Тогда это лжесвидетельства, тогда это не известный никому «паркетный» Жуков.)

«В тяжелый момент упорной борьбы, когда противник с ожесточением рвался к Москве, Берия доложил Сталину, что немцы захватили деревню Дедово и Красную Поляну. Сталин, вызвав к телефону меня и Н. А. Булганина, изругав, как полагалось, приказал немедленно выехать мне в Дедово, а Н. А. Булганину в Красную Поляну и взять обратно эти деревни. Наши попытки доказать невозможность в такой тяжелый момент бросать командный пункт и управление войсками фронта, были встречены угрозами расстрела. И в то время, когда мы с Н. А. Булганиным брали эти деревни, не имеющие никакого значения, противник прорвал фронт в другом месте — в районе Нарофоминска, ринулся к Москве, и только наличие резерва фронта в этом районе спасло положение.

Можно привести еще немало отрицательных фактов из оперативного творчества Сталина, чтобы оценить, чего стоят на самом деле его полководческие качества и «военный гений». (А кто его создавал, этот военный гений? Тот же Жуков!)

В угоду культуре личности у нас настойчиво прививалось неправильное представление о том, что Сталиным, якобы, заново разработана советская военная наука. Отдельные его высказывания по случайному поводу превращались в «энциклопедию военной науки». Старые, давно известные положения, вроде знаменитого суворовского афоризма — «готовить

войска тому, что необходимо на войне» — расценивались, как новые гениальные открытия. Высказывание о постоянно действующих факторах, в котором новым была форма, а не существо вопроса, превратилось в основу основ всей советской военной науки, а такой важный и давно известный фактор, как внезапность, стали рассматривать лишь как принадлежность авантюристической стратегии».

Последний раздел несостоявшегося выступления Жукова посвящен неправильному отношению к бывшим военнопленным, возвратившимся на Родину из фашистского плена. Это была больная тема. Бальзамом на душу миллионов должны были лечь слова маршала о том, что в стране до сих пор продолжали проявлять неправильное отношение к бывшим военнопленным, относились к ним с недоверием, устанавливали незаконные ограничения в отношении продвижения по службе, использования на ответственной работе, избрания депутатами, поступления в вузы и так далее.

Итак, по Жукову, культ личности причинил большой ущерб военно-идеологической работе. Задача — решительно очистить от последствий этого культа всю работу.

И это готов бы озвучить человек, которого критикуемый возвел в ранг величайших полководцев мира! Действительно, нет ничего грязнее политики.

Расправа

В оставшихся после смерти В. В. Гришина бумагах с записями о пережитом были и странички о снятии Жукова с поста министра обороны.

В то время, когда маршал Жуков в 1957 году находился с визитом в Югославии по приглашению министра обороны этой страны, в Москве был созван Пленум ЦК КПСС, обсудивший вопрос о Г. К. Жукове. С докладом выступил секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, который обвинил маршала в бонапартизме, грубости, бестактности, высокомерии, пренебрежительном отношении к своим подчиненным, товарищам по работе. Очень резко по отношению к Жукову выступил начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-полковник А. С. Желтов. Он говорил, что министр обороны не считался с политическими органами и партийными организациями в армии и на флоте. Он нескромен, груб, заносчив.

Гришину особенно запомнилась речь Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. Этот скромный, обаятельный человек рассказал, как в ходе битвы под Москвой в октябре — ноябре 1941 года в его дивизию приезжал или звонил по телефону из Москвы Г. К. Жуков, каждый раз бранился, угрожал расстрелом. А он и так каждодневно мог быть убит на фронте.

— И тут вдруг, — рассказывал на Пленуме Рокоссовский, — меня вызывает в Москву Сталин. Я очень забеспокоился. Уж если Жуков угрожает мне расстрелом, то, наверное, из поездки к Сталину мне живым не возвратиться. Но И. В. Сталин принял меня как великий полководец. Он подробно расспросил о положении на моем участке фронта, в чем нуждаются

войска, внимательно выслушал мои ответы и соображения. Я уехал из Кремля воодушевленным. Вскоре дивизия получила подкрепление людским составом, боеприпасами и вооружением.

Короче, два человека — два стиля руководства.

В фойе зала заседаний Пленума была выставлена картина, изображающая Жукова на белом коне, портреты маршала. Пленум ЦК принял решение: вывести Г. К. Жукова из членов Президиума ЦК партии и освободить его от обязанностей министра обороны СССР. Новым министром обороны был назначен Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

Возвратясь из Югославии, Г. К. Жуков сильно переживал случившееся, говорил: «Ведь мы недавно расстались друзьями».

Н. С. Хрущев на Пленуме ЦК и позже говорил, что он хорошо знает Г. К. Жукова и по фронту и после войны, что он как солдат хорошо выполнял свой долг, но как политик оказался человеком слабым и неподготовленным. Далее он сказал, что министр обороны не должен входить в Президиум ЦК, ибо это чревато проявлением бонапартизма.

После Пленума ЦК, освободившего Г. К. Жукова от его обязанностей, в парторганизациях проводились собрания партийного актива, на которых докладывали члены ЦК. Гришину было поручено сделать доклад на собрании партактива Ленинградского района г. Москвы. На нем присутствовало более тысячи человек. В зале было много военных. Доклад был прослушан спокойно, с вниманием. Потом посыпались десятки вопросов, много довольно острых. Чувствовалось, что люди были недовольны решением об освобождении Г. К. Жукова от должности министра обороны СССР, а также члена Президиума ЦК партии. Они болезненно переживали за маршала, высоко ценили его заслуги перед Советской Родиной, нашими вооруженными силами. В душе

Гришин полностью разделял эти настроения, полагая, что с Г. К. Жуковым поступили несправедливо. Потом и другие члены ЦК партии, выступавшие на собраниях партийного актива в различных районах Москвы, в других городах и областях страны, говорили, что и их засыпали вопросами, что люди не понимали причины отставки прославленного маршала, героя Великой Отечественной войны.

Несмотря на время, прошедшее после тех событий, они свежи в памяти и Н. А. Мухитдинова.

Буквально на всех пленумах 1957 года Жуков продвигался по вертикали в высших партийных органах. С чем это было связано? Это было связано с драматическими событиями тех месяцев. Жуков полностью поддержал Хрущева при устранении и ликвидации Берии, затем — при снятии с поста Председателя Совета Министров Маленкова. Итак, на XX съезде он стал кандидатом в члены Президиума ЦК. Далее — раскол внутри Президиума, выступление семи его членов против Хрущева. Тут Жуков твердо поддержал Хрущева — и стал членом Президиума.

При поддержке и участии Жукова были удалены из высшего руководства партии непосредственные и потенциальные противники Хрущева. А после этого... наступила очередь самого Жукова. Избавившись от Берии и наиболее видных членов высшего руководства, уже не боясь угрозы с их стороны, максимально используя авторитет и помощь Жукова, Хрущев круто меняет свое к нему отношение, руководствуясь, как можно было тогда уловить, личными чувствами, прежде всего боязнью соперничества и ревностью.

Зная, что Жукова удалить нелегко, Хрущев со своими новыми приближенными тщательно и всесторонне готовил эту операцию. Где-то в третьей декаде октября того же года позвонил Мухитдинову в Ташкент секретарь ЦК КПСС Кириченко и предложил

срочно прибыть в Москву. Предупредил, что поедут к нему на родину, на Украину. Узбекский лидер принял это вначале за шутку, но все оказалось правдой. Кириченко сказал, что на днях вылетает в Киев и встретит гостей там.

Прибыв в Москву, гость из Ташкента отправился прямо в ЦК и зашел к Козлову, ставшему уже членом Президиума. Он доверительно сказал, что вместе с Никитой Сергеевичем несколько человек из состава Президиума вылетают послезавтра в Киев.

— Ты тоже с ними летишь, — сказал он. — Там будут проводиться учения Киевского особого военного округа.

Мухитдинов спросил, какова при этом его роль.

— Помалкивай. Узнаешь там, — был ответ.

В эти дни министр обороны Жуков находился в Югославии, куда направился по личному приглашению маршала Тито. Досрочного его возвращения не ожидалось, предполагали, что он вернется в конце октября.

Прибыли в Киев. Мухитдинов обратил внимание, что в аэропорту среди встречавших было много военных, собрались почти все маршалы.Guestы разместили в шикарных апартаментах, долго кормили роскошным обедом. Потом всех пригласили в большой зал, где уже присутствовало высшее военное руководство.

Когда расположились, Хрущев обратился к Малиновскому:

— Родион Яковлевич, информируйте нас, как будут проходить учения, кто участвует, план операции, чем и когда она завершится.

Обращаясь к залу, добавил:

— Товарищ Жуков в гостях в Югославии, маневрами будет руководить маршал Малиновский.

Родион Яковлевич доложил основные моменты операции, назвал участников с обеих сторон, командующих, показал на карте, как все будет

проходить и где расположен главный командный пункт. Учения должны были продолжаться полтора дня.

Хрущев задал вопрос:

— Как вы мыслите наше участие?

Малиновский ответил, что в начале операции члены и кандидаты в члены Президиума ЦК будут находиться на главном командном пункте. А далее для всех составлены маршруты, чтобы можно было следить за полем боевых действий.

Хрущев спросил, кто еще участвует, кроме войск Киевского округа и представителей Генерального штаба. Маршал ответил:

— Как мы докладывали вам в Москве, приглашены командующие военных округов и родов войск. Они уже здесь.

На этом Никита Сергеевич отпустил военных и, когда в зале осталась одна партийная верхушка, спросил:

— Ну, теперь вам ясна задача?

Все кивнули. Он продолжал:

— Это только то, что на поверхности. А основное — поговорить с генералитетом, узнать настроение, насколько военные довольны своим положением, работой Генштаба, министра. Как он руководит, справляется ли с делами, каково его отношение к подчиненным маршалам, генералам.

Откровенно говоря, немногие понимали, зачем все это, но при подведении итогов учений и самым непонятливым все стало ясно.

На следующий день утром, собрав приехавших, Хрущев сказал, что каким-то образом наше решение об учениях дошло до Жукова в Белград. Поскольку он считал, что учениями надо руководить ему, а значит, и находиться здесь, запросил, что хотел бы прервать пребывание в Югославии. Ему ответили, что нецелесообразно нарушать столь важную поездку. Он

дал повторную телеграмму. Ответили, что на учениях присутствует председатель Совета Оборона страны. Этот пост занимал Хрущев. Жуков промолчал.

Все вместе приехали на командный пункт Малиновского, побыли там недолго, и он распределил прибывших по войскам. С ним остался Хрущев. Мухитдинов оказался в машине с двумя генералами, один из которых командовал наступающей дивизией. Лил проливной дождь, гостям выдали теплую генеральскую форму без погон и плащ-палатки. Поскольку Мухитдинов с первого и до последнего дня находился на фронте, его не поразило ничего из того, что он увидел. Все-таки учения есть учения, и как бы ни старались войска, здесь мало что напоминает настоящее поле боя.

На следующий день утром беседовали в войсках со старшими офицерами. Разговор был интересный, Никита Сергеевич ударился в военные воспоминания, радовался, что его помнят еще с военных времен. Днем Малиновский подвел итоги, потом выступали генералы, руководившие боевыми действиями. Хрущев попросил подробнее высказываться о недостатках в боевой подготовке войск. Его поняли, и разговор вошел в новое русло.

Вечером за столом сидел весь генералитет армии. Столы были накрыты щедро, с размахом — икра, семга, окорока, почти все виды напитков. Тон задавал Никита Сергеевич, и создалась такая обстановка, что пили и ели вдоволь, не стесняясь, разговоры становились все оживленнее и откровеннее.

Послышались высказывания, что, мол, в руководстве армией имеют место крупные промахи, низок уровень боевой подготовки, в забвении политико-воспитательная работа. В этом же смысле вели речь и отдельные командующие округов и родов войск. Гостей рассадили так, что каждый штатский сидел в

окружении военных, и здесь беседа была еще более непринужденной, впрямую говорили о недовольстве солдат и офицеров. Тосты — дифирамбы в честь Хрущева, великого военачальника и партийного руководителя, становились все громче и раздавались все чаще.

В конце ужина Никита Сергеевич очень тепло попрощался с военными, и они пожелали ему здоровья, успехов. Все, начиная с Малиновского, заверяли, что армия будет твердо поддерживать мудрый политический курс руководства партии.

— Ну, кажется, все ясно, — сказал Хрущев, — армия с нами, не подведет. Пойду спать, а вы погуляйте.

Кириченко пригласил несколько человек в так называемую малую гостиную. За столом — Кириченко, Козлов, Аристов, Брежнев, Подгорный, Мухитдинов. Сидели до поздней ночи.

Утром Никита Сергеевич сказал, что хочет поговорить с членами Совета обороны, а остальным Подгорный покажет свой город. С ним остался Брежнев, курировавший армию и оборонные отрасли промышленности. Видимо, это не было официальное заседание Совета обороны, а состоялась важная доверительная беседа. После осмотра города во второй половине дня вернулись в Москву.

В день возвращения Жукова назначили заседание Президиума. Когда собрались, Хрущев вдруг сказал:

— Сейчас к Москве подлетает Жуков. Его пригласят прямо сюда. Открыто хочу с вами поделиться информацией и впечатлениями. Он замышляет взять власть в стране, проводит в этом направлении серьезную работу, нам кое-что уже известно. Я пожилой человек, мне себя не жалко, но жаль потерять наш политический курс, оборвать то, что успешно начато, допустить установление военной диктатуры. Это опасно, может привести к гражданской войне,

кровапролиту. Все вы окажетесь далеко отсюда. Надо серьезно поговорить с Жуковым, принять решение. На Секретариате договорились, что завтра проведем Пленум и окончательно решим вопрос с Жуковым.

Все сидят, слушают, ни протокола, ни стенограммы, ни одного постороннего. Видно, все хорошо рассчитали. Скоро вошел Жуков и занял свое место за длинным столом.

Он, видимо, уже почувствовал, что назревает что-то из ряда вон выходящее. Сел, не сказав ни слова. Тогда Хрущев заявил:

— Мы вот собрали Пленум, чтобы обсудить ваше поведение, товарищ Жуков. К нам поступают сигналы, что вы зазнались, действуете самовольно, опять взялись за старое — игнорировать партию и ее руководство. В войсках, особенно командном составе, зреет недовольство тем, что вы не считаетесь с ними, подчас оскорбляете. Хотим выслушать ваши объяснения. Мы вам оказали доверие, списали старые грехи, за которые вас вывели в свое время из ЦК. А вы вместо того, чтобы оправдать доверие, так себя ведете, противопоставляете себя ЦК, настраиваете армию против партии.

Жуков встал и сказал:

— Мне вообще непонятно, что происходит, о чем идет речь. Во-первых, товарищ Хрущев, вы подписали документы о проведении учений, на меня возложено руководство ими и точно установлено время. Затем посылаете меня в Югославию, в это время сроки учений переносятся, и их проводят. Так не делается. Зачем же было направлять меня за рубеж, если ко мне есть претензии? А если хотели проводить учения без меня, почему сразу не назначили другие сроки? Теперь по существу. Не знаю, какими данными располагаете. Я служил честно, нигде никогда никого не настраивал против партии и руководства. Наоборот, делал все,

чтобы сплотить армию вокруг партии. Конечно, в армии есть недостатки, упущения, но не я это породил, напротив, старался скорее устранить их. Если есть ко мне конкретные замечания, готов выслушать, принять к сведению и исправить.

Слово взял Брежнев. Он очень сильно критиковал Жукова. На этот раз выступал уверенно, категорично, даже с апломбом, и совсем не был похож на того Брежнева, который совсем недавно, в июне, быстро присмирел и спасовал перед «антипартийной группой».

Жуков молча смотрел на выступавших. Кириченко резко говорил о том, что Жуков плохо относится к командующим, слабо руководит округами, отрывает их от партийных организаций. Затем выступил Малиновский, сказавший, что Жуков не занимается Генеральным штабом, ударился в большую политику, практически запустил дела и не справляется с обязанностями министра, а значит, не оправдывает оказанного ему как члену Президиума доверия. Так же остро выступили против Жукова Козлов, Фурцева.

Мухитдинов, по его словам, тоже взял слово и отметил, что по должности ему иногда приходилось участвовать в заседаниях Военного совета Среднеазиатского округа. Заметно начало положительных перемен, но, конечно, много еще недостатков, в частности, невысок уровень политической работы среди солдат и офицеров, есть факты нарушения уставов, особенно по караульной службе, а это опасно. Недавно пограничники задержали нескольких нарушителей государственной границы. Среди офицеров выявляются случаи хулиганства, рукоприкладства. Правда, эти недостатки вскрываются, по ним принимаются меры.

Отрыв военных от партийных организаций действительно существовал. Но положение улучшается. Военные начали чаще посещать горкомы, обкомы, ЦК.

Немало представителей армии избрано в местные партийные, советские органы. Товарищ Жуков недавно проездом из Индии останавливался в Ташкенте, общался с населением.

Хрущев слушал, не поднимая глаз, опираясь на локти и обхватив голову руками. Кириченко перебил Мухитдинова:

— Ты говори по существу!

Мухитдинов ответил, что говорил по существу, высказал свое мнение.

Хрущев поднял голову.

— Вы кончили говорить?

— Да. — И сел.

После Мухитдинова выступали Аристов, Суслов, затем дали слово Жукову. Он сказал:

— Да, товарищи, я понимаю обстановку. Не могу сейчас спорить с каждым выступающим, но в целом видна направленность: речь идет об оргвыводах в отношении меня. Еще раз повторяю: я честный человек, работаю искренно, очень хочется после Сталина добиться перелома в лучшую сторону во всех сферах, в том числе в армии. Кто-то говорил здесь о ее слабости перед возможным врагом. Я это отмечаю! Наша армия в состоянии дать отпор любому противнику, ответить на любую провокацию!

Хрущев. Вы, товарищ Жуков, видимо, переоценили свои заслуги в очищении правительства и ЦК от нечистоплотных деятелей. А ведь это сделал весь состав руководства. Зачем противопоставляете себя ему? Вас уже однажды упрекали в бонапартизме, а вы снова проявляете те же замашки.

Жуков. Этого никогда не было и не будет.

Хрущев. Тогда объясните членам Президиума, почему тайно создали специальные формирования особых войск? С целью захвата власти?

Жуков. Никаких специальных формирований не создавал и о таких целях не помышлял. Это клевета!

Хрущев вынул из папки бумагу и зачитал. Из текста явствовало, что в армии созданы тайные диверсионные формирования для захвата власти в стране. Описывалось, как туда отбирали людей, совершенно секретно вели их обучение. Эти люди были вооружены всем необходимым для осуществления диверсий и переворота, с последующим уничтожением нежелательных элементов.

Жуков. Это не тайные диверсионные группы, а просто обычные формирования, созданные, кстати, по примеру американских, где в структуре армии имеются военные подразделения со специально обученным личным составом для ведения разведки и уничтожения ракетных установок. Вот и мне наши специалисты предложили создать такую группу для действий против вражеских ракетных войск.

— Большая эта группа?

— Меньше дивизии.

— А вы докладывали ЦК о создании такой специальной дивизии?

— Нет. Но не думал, что этому может быть придано такое значение. Это обычное в армейской жизни повышение боевой готовности.

Хрущев. А вот мы имеем другие подробные данные. Ведь их же обучали, тренировали в Москве, и, очевидно, они хорошо ориентируются внутри Кремля — в коридорах, кабинетах и так далее.

Жуков. Ничего подобного тому, что вы говорите, нет. Признаю только, что прежде чем создавать эти группы, лучше было бы посоветоваться.

Тут большинство присутствовавших обрушились на него.

Брежнев. После таких действий товарища Жукова какое может быть к нему доверие? Как можно теперь

работать с ним, к тому же в высшем звене партии и государства? Его надо освободить от обязанностей министра обороны и члена Президиума ЦК.

Голоса. Правильно! Правильно!

Жуков сидел молча.

Хрущев. Нет других предложений?

Голоса. Нет! Нет!

Хрущев. У вас, товарищ Жуков, есть что сказать?

Жуков. Нет, Никита Сергеевич.

Хрущев. Тогда давайте так: товарищи Суслов и Брежнев, подготовьте необходимую информацию и проект решения. Есть предложение завтра созвать Пленум ЦК. Вы, товарищ Жуков, будете иметь полную возможность рассказать обо всем членам ЦК. Согласны?

Жуков. Согласен.

Хрущев. Тогда вы свободны. Ведь только что прилетели, отдыхайте. Завтра встретимся на Пленуме.

Жуков. Во сколько?

Суслов. В 11 часов, в Свердловском зале.

Жуков вышел. Хрущев предложил сделать десятиминутный перерыв. Кто курил, кто пил чай. Затем вновь собрались.

Хрущев (*показывая папку*). Вот материалы о поведении Жукова за рубежом. Это недостойно: рисуется, позер, огромное самомнение. Будто он в Советском Союзе один, это он победил Германию, выиграл войну. Это опасно. Вот подробная информация о его спецдивизии, готовой совершить переворот и захватить власть. Нужно уже сейчас установить наблюдение за его домом и телефоном — с кем общается, о чем говорит. Товарищ Брежнев, займитесь этим, поручите Серову и кому еще положено.

Брежнев. Хорошо, Никита Сергеевич.

Хрущев. Вот здесь донесения о его похождениях во всех странах, куда выезжал. Желающие могут ознакомиться. Окончательное мнение, видимо, будет

такое: Жукова вывести из состава Президиума и снять с должности министра обороны. Докладчиком давайте утвердим товарища Суслова. Нет возражений?

— Нет.

Хрущев напомнил:

— Тогда, Михаил Андреевич, готовьте с Брежневым доклад и проект решения... Теперь о министре. Кого назначим? Быть может, товарища Малиновского? Он опытный военачальник, специалист, хорошо отличился на фронтах. Согласны? (Все «за».) Об этом тоже сообщим на Пленуме. Товарищ Суслов, явка будет обеспечена?

— Да, почти все уже собрались.

— Проверьте еще раз.

Из стенографического отчета октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС.

Н. С. Хрущев. Товарищи! Мне никогда не приходилось выступать против товарища Жукова. Конечно, я видел и некоторые отрицательные черты и многое делал, чтобы помочь ему преодолеть их. Только недавно на московском активе военных работников первый раз я выступил против него и вот выступаю сегодня. Причем то, что я думаю и знаю о товарище Жукове, я говорю открыто. Повторяю, что раньше никогда и нигде я не выступал против него. Правда, Сталин как-то приписал мне такую глупую мысль, что когда-то во время войны якобы я рассказал ему, Сталину, что Жуков, приезжая на фронт, берет землю, нюхает ее и определяет, можно наступать или нет. Когда я услышал об этом, то прямо сказал товарищу Сталину, что никогда такими глупостями Жуков не занимался, а я тем более не мог этого сказать. Возможно, что Сталин сам это выдумал. Товарищи Булганин и Микоян знают, что он об этом несколько раз говорил.

Голоса из президиума. Правильно, правильно.

Хрущев. Когда товарищ Жуков был в опале, то, казалось бы, почему мне не выступить против него, если его бьют, то почему и мне не лягнуть? Но я никогда не делал этого, так как считал, что в отношении товарища Жукова поступали тогда неправильно и это было бы противоречием моему пониманию оценки товарища Жукова...

Как военный — я и теперь так думаю — он показал себя достойно и должен сохраниться. Но как политический деятель товарищ Жуков оказался просто банкротом. И не только банкротом, а даже страшным человеком...

И докладчик, и все выступавшие на Пленуме товарищи, как члены ЦК, так и не члены ЦК, как гражданские, так и военные коммунисты правильно говорили, что Вооруженные Силы — это могучий страж безопасности нашей страны. После смерти Сталина наша страна выдержала большой экзамен. Если говорить о Центральном Комитете нашей партии, то он провел огромную работу, и его авторитет, как органа коллективного руководства, еще более возрос. Партия раскритиковала культ личности Сталина, раскритиковала Сталина за то, что он за последний период своей деятельности допустил много грубейших извращений. Перед ним дрожали, но в смысле незыблемости советского строя, нашей страны в народе говорили, что мы стоим за Сталиным, как за каменной горой. Это была суть всей его жизни. И Сталин перед смертью частенько говорил: вот умру, а вы как слепцы, вас как котят передушат, и вы не почувствуете врагов.

Но вот кончилась жизнь Сталина. Четыре с половиной года мы живем без Сталина. И наша страна, наша партия не стали за это время слабее. Наоборот, и страна, и партия еще более окрепли, набрали новую силу. Мы провели XX съезд партии, который явился проявлением ленинской мудрости и который принял

такие решения, которые признаются как исключительно правильные и своевременные всеми коммунистическими партиями всех стран — и социалистических, и капиталистических. Враги пытались нас критиковать, но и они все же вынуждены были признать, что решения XX съезда КПСС являются действительно мобилизующими решениями, сильнейшим оружием, которое дано теперь в руки коммунистических и прогрессивных рабочих партий.

Посмотрим на изменения, происшедшие за это время в жизни нашей страны. Если раньше наше сельское хозяйство длительное время топталось на месте, было разорено, то теперь оно находится на крутом подъеме...

На хорошем подъеме находится и наша промышленность...

Больших успехов добился Советский Союз и в области развития культуры, науки. Ведь мы буквально ошеломили наших врагов, запустив искусственный спутник Земли. Американские и другие зарубежные газеты очень много пишут об этом, комментируют это событие огромного исторического значения. Буквально на днях одна американская газета писала, что вот, мол, русские запустили свой спутник Земли и этот спутник летает над миром, лукаво смотрит сверху на Америку и улыбается...

Кириченко. Издеваясь над Вашингтоном.

Хрущев. ...И вот в этих условиях нам приходится на Пленуме ЦК КПСС рассматривать вопрос об ошибках, о неправильной линии товарища Жукова, которую он проводил, будучи министром обороны Советского Союза. Дорогой Георгий Константинович! Вот ты мне звонил в субботу, мы целый час с тобой по телефону говорили. «Ты лишаешься лучшего друга», — сказал мне товарищ Жуков. Но, товарищ дорогой, не обо мне ведь персонально идет речь. И дело здесь не в личных

отношениях, а гораздо серьезнее и глубже. А ты все пытаешься свести к личным отношениям с тем или иным товарищем. И ко многим вопросам ты подходил именно с личной точки зрения, забывая, на какой пост тебя поставила партия. Когда личное становится выше партийного, общественного долга, это для государственного, партийного деятеля уже трагедия...

Когда развяжешь всю цепочку фактов, характеризующих поведение товарища Жукова, понимание им принципов партийности, просто неприятно и страшно становится. Венцом всего этого является его заявление: если будет нужно, я к армии, к народу обращусь, и они меня поддержат! Причем он говорил это к тому, что он, Жуков, может когда-то обратиться с призывом к армии, к народу помимо Центрального Комитета партии, помимо правительства. Разве это заявление партийного руководителя? Родион Яковлевич Малиновский мне сказал, что его как удар грома ошеломило такое заявление товарища Жукова. И вот когда мы сказали товарищу Жукову об этом, он нам ответил:

— Верно, я говорил так на собраниях. Но что же здесь такого? Я правильно говорил, я с антипартийной группировкой боролся!

А что в этом правильного, товарищ Жуков? Ведь и теперь ты мог бы обратиться к армии, к народу и сказать, что вот, мол, антипартийная группировка осуждает меня. Разве позволительны такие заявления партийному руководителю, стремление обратиться к армии и народу через голову Центрального Комитета? Я, мол, как Господь Бог, я Жуков, я сказал, значит, это и есть правда. А какая это правда? Любой произвол мог изображаться как правда товарища Жукова. А это — страшное дело, товарищи...

Товарищи, Вооруженные Силы — это очень важный и сложный инструмент нашей партии, нашего

государства, это ответственный инструмент нашей политики. Поэтому такой инструмент должен быть не в руках одного лица, пусть самого уважаемого и доверенного, а в руках партии. Мы сперва вам доверили, товарищ Жуков, Вооруженные Силы страны, а сейчас убедились, что вы этого доверия партии не оправдали.

Партия должна иметь самую тесную, органическую связь по многим каналам с массами, в том числе и с армейскими коммунистами. А в армии и на флоте имеется сейчас 700 тысяч коммунистов. Как можно этих членов партии оторвать от партии, поставить в полную зависимость от военного командования, чтобы связь партии с этими коммунистами зависела только от желания министра обороны. А фактически ведь так складывались обстоятельства. Нельзя допускать такого положения. Надо, товарищи, решительно вытравить это.

Товарищ Жуков любит говорить, что в любом деле военные коммунисты поддержат Центральный Комитет партии. Никто не сомневается в том, что военные коммунисты поддержат Центральный Комитет партии, но если они будут поддерживать ЦК партии только по призыву, по приказу министра обороны, то тогда плохое положение будет у Центрального Комитета партии. Если Центральный Комитет партии позволил бы, чтобы коммунисты поддерживали Центральный Комитет только по приказу министра или его заместителей, то это означало бы смерть партийному руководству. Тогда все бы пошло по-другому. Мы должны полным голосом сказать о том, что должна была быть повседневная связь партии с военными работниками, с военными коммунистами, потому что они, коммунисты, посланы на военную работу партией. Армейские коммунисты всегда являлись и являются посланцами нашей партии, Центрального Комитета партии в армии, и они, конечно,

всегда должны иметь самую тесную и крепкую связь с Центральным Комитетом партии, поддерживать и проводить политику партии, политику Центрального Комитета. В этом, товарищи, главное. *(Аплодисменты.)*

...Беда Жукова в том, что он очень самонадеянный человек. Когда его избрали в Президиум ЦК, он по всем вопросам стал давать советы и наставления, просто иной раз неприлично слушать. Ты узнай сначала суть дела, дай другим высказаться, а потом советуй. А он частенько сам как следует не разберется в вопросе, а уже пишет резолюцию. Нельзя же так, товарищи. Мы, руководители, будь то министр обороны или секретарь ЦК партии, как и другие руководители, мы охватываем своим руководством всю жизненную деятельность нашей страны. Поэтому мы слушаем все и по всем вопросам должны принимать решения: по ракетам, по запуску спутника, по сельскому хозяйству, по промышленности, по народному образованию, по медицине и даже по абортам. Это ведь тоже, товарищи, жизненный вопрос. И что же, по абортам вы тоже будете давать конкретные указания? Ведь это было бы смешно...

...Товарищи! Всех, очевидно, волнует вопрос, что теперь будет с единоначалием? Думаю, товарищи, что единоначалие в армии должно и дальше еще больше укрепляться, но оно должно укрепляться на основе развития самосознания бойцов, офицеров, командиров, чтобы они это единоначалие укрепляли сознательно, а не при помощи страха. Если ты не будешь меня слушать, я, мол, с тебя погоны сниму, лампасы сорву. Такое понимание ничего общего не имеет с политикой нашей партии. Укрепляя единоначалие в армии, мы должны в то же самое время развивать и самокритику. Она обязательно должна быть у армейских коммунистов, должен быть правильно решен вопрос критики и самокритики в армейских парторганизациях,

потому что, если мы ее не будем иметь, если в армейских партийных организациях будет исключена должная критика и самокритика, это значит взять под защиту самодура.

Вот товарищ Жуков — он логичный человек. Контр-адмирала, который выстрелил в матроса и которого хотели судить, он взял под свою защиту, снизил его в звании, дал ему пенсию в 1500 рублей и сказал — иди. Но разве это коммунистический подход? Товарищ Жуков, что вы этим хотели сказать?

Жуков. Никита Сергеевич, это не совсем правильно, это надо разобрать, я к этому делу не имею отношения.

Хрущев. Товарищ Жуков, говорят, что в прошлом году или за этот год самодурами-командирами самочинно было убито семь солдат?

Голос. В Московском округе.

Хрущев. И Центральному Комитету партии об этом, между прочим, не было доложено, мы узнали это только после недавнего актива. Должно ли это насторожить министра обороны, заставить его обратить внимание на тот факт, почему это командиры стреляют в своих солдат? Конечно, должно. Ведь одно время у нас не было смертной казни даже для убийц, а здесь командиры солдат расстреливают. Если дать такое право, что командир должен добиваться повиновения своих подчиненных путем принуждения, вплоть до применения огнестрельного оружия, то каждый самодур может свести свои счета с любым неугодным ему человеком... А вас, товарищ Жуков, это не беспокоит, потому что такое положение вытекает из вашей политики, которую вы проводите. Партия не может мириться с такими явлениями. И чтобы не допускать их, партийная работа должна всегда быть на высоком уровне...

Вспомните, товарищи, Гражданскую войну, когда только что созданная Красная Армия громила всех

врагов Советской власти. Какое там было единоначалие, какая была тогда у нас армия с точки зрения сплоченности, каков был уровень наших красноармейцев? В сравнении с сегодняшним днем, когда Советскому государству исполняется 40 лет, все это было тогда в младенческом состоянии. И эта армия, в которой не было единоначалия, разбила офицерские части, разбила Колчака, Врангеля и прочих генералов и адмиралов, разбила вооруженные до зубов войска интервентов и вышвырнула их вон с нашей советской земли.

Чем же побеждала тогда Красная Армия, чем громила она всех своих врагов? О товарище Буденном Семене Михайловиче — нашем народном герое, когда он разгромил Мамонтова под Воронежем, — белогвардейцы писали, что Буденный — это генерал, перешедший на сторону красных. Они не могли допустить мысли, что бывший фельдфебель старой армии мог их разбить.

Буденный. Старший унтер-офицер царской армии.

Хрущев. Извините, Семен Михайлович, что я неточно назвал тот чин, который был у вас в царской армии. Но дело не в этом. Враги не могли допустить мысли, что красные войска под командованием старшего унтер-офицера громят армии генерала Мамонтова, Шкуро и всяких там шкурников. Чем же била своих врагов Красная Армия? Тем, что моральная сила народа была на стороне Ленина, на стороне нашей партии, а это главный залог победы, товарищи. *(Аплодисменты.)*

...Но не могу не сказать и о следующем. Сам я не слышал, но мне говорят, что товарищ Жуков не раз заявлял: «Я за время войны не имел ни одного поражения». Ну, товарищи, а кто же имел поражения, как же мог быть без поражения маршал, который был начальником Генерального штаба всей нашей армии,

когда началась война и наша армия откатывалась к Москве, к Сталинграду? А товарищ Жуков говорит, что поражений он не имел. Кто же тогда их имел?

...Мы члены партии и должны брать на себя и неудачи, и удачи. Мы берем ответственность и за то, что отступали, берем и славу того, что разбили после этих отступлений врага. А ты хочешь только красоваться на белом коне на фоне Бранденбургских ворот. Но ты, мил человек, покрасуйся и на фоне развалин наших городов и селений, разрушенных фашистскими захватчиками. Наши войска, сражаясь с врагом, вынуждены были отступать, нести потери. Отступали они и под твоим командованием. Конечно, не только под твоим, но и под командованием других генералов, маршалов. Но нельзя так делать — славу брать себе, а всякие поражения, неудачи приписывать другим. Это недобросовестно, нечестно, не по-партийному.

Конечно, у нас были крупные ошибки во время Отечественной войны. Одной из таких ошибок было то, что Павлов, этот малограмотный человек, пьянчужка, командовал Белорусским фронтом. Теперь мы реабилитировали его в политическом отношении. Уверен, что врагом он не был, но и умным тоже никогда не был. А в результате того, что этот человек был поставлен на такой ответственный пост, мы понесли очень крупное поражение.

Мы должны правильно оценивать действия наших войск и, следовательно, действия нашего командного состава с тем, чтобы верно и по заслугам оценить каждого, а главное, чтобы в результате делового анализа выявить как сильные, так и слабые наши стороны, которые сложились в ходе войны. И нельзя ошибки, которые были тогда допущены, сваливать на кого-то одного.

Ошибки были и у таких хороших генералов, как товарищ Жуков, у которого много достоинств, но имелись и большие недостатки...

...Я уже говорил о том, как разрабатывались планы Сталинградской операции. Помню, как-то на Воронежском фронте мы беседовали с товарищем Кузнецовым Ф. Ф. о Сталинградской битве. Он мне и говорит: «Замечательная была операция! Сталин очень хорошо разработал Сталинградскую операцию». По простоте душевной я ему и говорю: «Не Сталин. Убежден в том, что разработка планов Сталинградской операции шла коллективно. Много было предложений от командующих фронтами. Генеральный штаб, и это вполне закономерно, обобщил все предложения, выбрал все лучшее, разработал единую операцию, которая была проведена блестяще»...

...Товарищ Жуков был командующим 1-м Украинским фронтом. Я был членом Военного совета этого фронта и какое-то время работал с Жуковым. Так как во время войны мне приходилось мало быть на фронтах вместе с товарищем Жуковым, то я не собираюсь давать ему характеристику, как командующему.

Мы знаем товарища Жукова как хорошего генерала и хорошего солдата, ценили его и сейчас отдаем ему должное. Но это не значит, что другие генералы и маршалы все делали только то, что Жуков скажет. В прошлую войну мне приходилось вместе работать со многими генералами, ныне маршалами, будучи членом Военного совета, на фронтах, где командующими были товарищи Кирпонос, Тимошенко, Гордов, Еременко, Малиновский, Ватутин и какое-то время работал вместе с Жуковым. И я могу сказать, что многие маршалы и генералы могут поспорить с товарищем Жуковым по своим военным знаниям и умению управлять войсками, организовывать их. Я, например, хорошо знаю товарища

Малиновского, буквально с первых дней войны и до окончательного разгрома немецких войск. И я восхищался его умением организовать работу штаба, умением ориентироваться в обстановке, находить правильные решения, умением командовать войсками. Я не буду называть имена других достойных наших маршалов и генералов.

Поэтому нельзя сейчас поднимать одного, к примеру, товарища Жукова, который явно проявляет в этом отношении слабость и тянет за собой товарища Василевского, и принижать других...

...В своем выступлении товарищ Жуков спрашивал: что случилось, почему неожиданно поставлен этот вопрос? Здесь товарищи хорошо объяснили, что случилось. Я скажу, как возник этот вопрос. В какое-то время члены ЦК и члены Президиума обменивались мнениями и задавали друг другу примерно такие вопросы:

— Как вы, товарищ Хрущев, смотрите на Жукова?

— А что?

— Просто так спрашиваю.

— Жуков хороший товарищ, — отвечаю.

— Ну хорошо, очень хорошо.

Прошло время, другой товарищ спрашивает:

— Товарищ Хрущев, как вы считаете Жукова?

Эти вопросы заставляют думать: чем объяснить, что товарищи о Жукове спрашивают? Эти вопросы возникали потому, что начали побаиваться Жукова, беспокоиться, уже запахло нехорошо вокруг Жукова.

Жуков. Это — нашептывание.

Хрущев. Товарищ Жуков! Может быть, вы думаете, что это английская разведка доносила? Он считает, что вроде мы вдвоем деремся — Хрущев и Жуков. Но так понимать — это значит не разбираться в самых элементарных вещах, это же просто примитивные рассуждения. Разве эти товарищи, которые здесь

присутствуют, захотели бы двое суток сидеть и слушать перебранку двух хотя бы и уважаемых товарищей? Они бы сказали, перестаньте нам головы морочить, и мы замолчали бы.

Поведение Жукова всех беспокоило — маршалов, генералов, членов ЦК. Вы слышали, что они говорят. Они говорят о политических ошибках товарища Жукова, говорят с сознанием чувства ответственности за партию. Вот почему мы рассматриваем этот вопрос...

...Теперь я остановлюсь на одном вопросе, о котором здесь говорили, но я также хочу подробно о нем рассказать, так как он имеет принципиальное значение. На Президиуме ЦК мы обсуждали вопрос о капиталовложениях в атомную промышленность. Это было еще при жизни Завенягина, которого мы все знаем как хорошего товарища. При обсуждении, естественно, как всегда, министры хотят получить побольше денег. Товарищ Жуков тоже требовал больше, но мы ему всего не дали. Здесь присутствует много министров, они знают, как всегда упорно добиваются капиталовложений, как они могут мобилизовать побочные силы в поддержку своих предложений. Ну что же, на это обижаться не стоит. Правда, товарищ Устинов?

Устинов. Так и должны делать.

Хрущев. А мы должны смотреть и не хлопать ушами. Дело не в том, что Жуков требовал больше денег, а как требовал. Берет слово Жуков и держит речь. Должен признаться, что я несколько дней ходил под впечатлением его речи. Он произнес совершенно недопустимую пораженческую речь. На заседании были члены Госплана, присутствовало много работников не членов Президиума ЦК. Жуков стал доказывать, какое соотношение сил СССР и США, и говорит: я как министр обороны заявляю, что если так дальше будет продолжаться и не будет изменено положение, то нас

США могут разбить и разобьют. Скажи, товарищ Жуков, говорил ты это?

Жуков. Сказал, но немножко не так.

Хрущев. Может быть, тон другой, но, по существу, так было сказано. Тогда я тихо говорю товарищу Жукову: ты министр обороны, нельзя так, пытался его одергивать. Товарищ Конев тогда присутствовал, кажется, и товарищ Соколовский был, они знают. Потом я громче сказал товарищу Жукову: нельзя так говорить. Как же это так? Выходит, на сороковом году революции мы живем милостью американцев? А как же мы в первые дни революции разбили 14 государств? Зачем нужны такие заявления? Затем, чтобы вырвать деньги.

Товарищ Жуков, разве это речь министра обороны, члена Президиума ЦК или члена ЦК? Тебя за одно это выступление, за такое неправильное поведение надо было строго наказать.

Или возьмем другой вопрос. Здесь присутствует товарищ Зорин — заместитель министра иностранных дел. Он по поручению правительства вел переговоры в Лондоне по вопросам разоружения. Он знает, что американцы внесли свои наглые, совершенно неприемлемые предложения. В этих предложениях фигурировало и предложение Эйзенхауэра открыть советское небо для облета американскими самолетами.

Обмениваясь мнениями между собой, мы говорили: американцы знают, что этого предложения мы не примем, поэтому они выдвигают свои предложения о воздушной инспекции.

Товарищ Жуков написал записку в Центральный Комитет партии о том, что надо принять предложение Эйзенхауэра. Товарищ Ворошилов и другие товарищи выступили с горячим протестом против предложения Жукова, сказали, что этого делать нельзя. Булганин и Микоян еще до заседания рассуждали так: если мы примем, то американцы откажутся от своего

предложения, и эти рассуждения товарищ Жуков, видимо, понял, что они вроде поддерживают его. Но когда стали обсуждать вопрос, то Булганин и Микоян тоже высказались против предложения Жукова. Но главное состоит в том, какую речь произнес тогда Жуков! Он говорил примерно следующее: нам надо принять, нам выгодно принять предложения американцев, нужно разведать их объекты с тем, чтобы нанести удар и т. д. Мы сказали тогда Жукову: как же это можно пойти на такое соглашение? Ни в коем случае нельзя. Я и сейчас хочу сказать, что мы никогда не должны согласиться с тем, чтобы пустить американцев контролировать наши атомные заводы, наши другие заводы. Им инспекция нужна только для того, чтобы разведать и потом начать войну против нас. Если в этом вопросе кто пойдет на уступки американцам, то это будет граничить с изменой.

Голоса. Правильно.

Хрущев. Как же министр обороны мог такие вещи нам предлагать, чтобы мы приняли предложение американцев? Товарищ Жуков, своим выступлением вы растоптали честь нашей страны и нашей армии, которая, как вы утверждали, будто бы не может сопротивляться американцам. А теперь вы хотите быть Георгием-победоносцем. Разве может так поступать настоящий коммунист? Так конъюнктурно нельзя выступать только для того, чтобы побольше вырвать денег для министерства. И он буквально вырывал деньги. А что из этого получилось? Вот кончается год, а он 2 миллиарда 200 миллионов рублей не может использовать. Когда обсуждали проект бюджета в Госплане и Министерстве финансов, Жуков требовал, и там пошли навстречу, выделили. Теперь же оказывается, что больше двух миллиардов остается неиспользованными. Это же рвачество.

Теперь относительно Комитета государственной безопасности. Жуков заявил Серову: «Не верь Хрущеву, я ему не говорил, что тебя надо снять». Спрашивается: почему я стал бы врать Серову? Что я буду заискивать перед ним? Я Первый секретарь ЦК, а Серов — председатель Комитета государственной безопасности, он подчинен ЦК и должен делать то, что ЦК указывает, и делать не потому, что я нравлюсь или не нравлюсь, а по долгу службы, потому что так поручил Центральный Комитет партии. Товарищ Жуков хотел, чтобы все было при Министерстве обороны — и Комитет государственной безопасности, и Министерство внутренних дел. А где место Центрального Комитета? Если Жукову все отдать, то через месяц он сказал бы: «И ЦК должен быть при Министерстве обороны, уж я буду вас защищать»...

...Относительно школы диверсантов. На последнем заседании Президиума ЦК мы спрашивали товарища Жукова об этой школе. Товарищ Малиновский и другие объяснили, что в военных округах разведывательные роты и сейчас существуют, а Центральную разведывательную школу начали организовывать дополнительно, и, главное, без ведома ЦК партии. Надо сказать, что об организации этой школы знали только Жуков и Штеменко. Думаю, что не случайно Жуков опять возвратил Штеменко в разведывательное управление. Очевидно, Штеменко ему нужен был для темных дел. Ведь известно, что Штеменко был информатором у Берии — об этом многие знают, и за это его сняли с работы начальника управления.

Возникает вопрос: если у Жукова родилась идея организовать такую школу, то почему в ЦК не скажешь? Мы бы обсудили и помогли это лучше сделать. Но он решил: нет. Мы сами это сделаем: я — Жуков, Штеменко и Мамсуров. А Мамсуров оказался не Жуковым и не Штеменко, а настоящим членом партии, он пришел в ЦК

и сказал: не понимаю в чем дело, получаю такое важное назначение и без утверждения в ЦК. Непонятно, говорит он, почему об этом назначении должен знать только министр обороны. Вы знаете что-нибудь об этой школе? Мы ему говорим: мы тоже первый раз от вас слышим. Можете себе представить, какое это впечатление производит на человека.

Неизвестно, зачем нужно было собирать этих диверсантов без ведома ЦК. Разве это мыслимое дело? И это делает министр обороны с его характером. Ведь у Берии тоже была диверсионная группа, и перед тем, как его арестовали, Берия вызвал группу своих головорезов. Они были в Москве, и если бы его не разоблачили, то неизвестно, чьи головы полетели бы.

Товарищ Жуков, ты скажешь, что это — большое воображение. Да, у меня такое воображение.

Голоса. Правильно.

Хрущев. ...Следует также сказать и о том, что товарищ Жуков плохо относится к новой технике, плохо понимает ее.

В августе перед моим уходом в отпуск и других товарищей мы провели заседание Президиума ЦК, на котором приняли решение о поставках Советской Армии основных видов боевой техники. Предложения по этому вопросу были внесены товарищем Жуковым, и мы приняли их. А потом мы вернулись к этому вопросу, потому что предложения были плохие. Если бы вы, товарищ Жуков, хорошо понимали эти вопросы, то разве внесли бы такие предложения? Что это за предложения? Там записано, сколько для армии нужно авиационной и другой техники, сколько процентов бомбардировщиков, какой должен быть процент истребителей и других самолетов. При этом планируются главным образом поставки устаревших средств вооружения.

Голос. И на долгий период времени...

Хрущев. В век атомной энергии, в век реактивной техники, в век такого высокого расцвета науки надо думать об использовании всех новейших достижений науки и техники в военном деле. Никакой дурак сейчас в штыки сходить не будет. Надо иметь в виду, что в будущей войне наш возможный главный враг — это Соединенные Штаты Америки. Они очень расчетливы, не будут устилать трупами своих солдат нашу землю, а будут пользоваться главным образом стратегическими средствами ведения войны. Они эти средства уже имеют и будут иметь в будущем еще больше.

Наша ракетная техника буквально потрясла американцев. Они сон потеряли. Как это так получилось, рассуждают американцы, мы русских считали лапотниками, а они первые запустили баллистическую ракету, первые запустили спутник Земли. И они делают из этих фактов выводы, все мобилизуют для того, чтобы создать такие же баллистические ракеты. А товарища Жукова больше занимает вопрос, как его рисуют на белом коне, как создается кинокартина, как редактируется дикторский текст к этой картине. Не лучше ли было бы министру обороны товарищу Жукову заняться вопросами обороны, а не чепухой, которой вы занимаетесь!

Голос с места. Правильно.

Хрущев. Я хочу сказать свое мнение по итогам обсуждения этого вопроса. Я, как член Центрального Комитета партии, исключительно доволен тем, что Пленум Центрального Комитета понимает серьезность этого вопроса, правильно подходит к его решению и выражает полное единодушие.

Обсуждение показывает, что все члены ЦК и не члены ЦК, которые здесь присутствуют, в том числе и командующие округами, имеют правильное понимание этого вопроса, который обсуждается на настоящем Пленуме ЦК.

Голоса с мест. Правильно.

Хрущев. Многим товарищам хотелось бы высказаться, но не всем им представилась такая возможность. Но я думаю, что мы свое единодушие покажем также голосованием, покажем, что людям, которые нарушают партийные нормы и принципы, надо давать по рукам! *(Аплодисменты.)*

Все выступающие вносили предложение о том, чтобы вывести товарища Жукова из состава Президиума ЦК и из членов ЦК. Я также считаю, что это правильное предложение.

Товарищ Жуков уже не молодой человек, и он мог бы по-другому кончать свою деятельность. Я говорю «кончать», учитывая его возраст. Мне тоже скоро будет 64 года, а Жукову — 61. По возрасту мы люди, которые, как говорят, едут с ярмарки, а не на ярмарку. Поэтому товарищу Жукову надо было бы подумать, чтобы время, когда едешь с ярмарки, мог провести получше, чтобы деятельность твоя была примером для нашего подрастающего поколения...

Председательствующий тов. Хрущев. Есть предложение закончить прения. Выступило 27 товарищей, записалось 80. Возражений нет?

Голоса. Нет.

Председательствующий тов. Хрущев. Товарищ Суслов просит освободить его от заключительного слова.

Голоса. Удовлетворить просьбу.

Председательствующий тов. Хрущев. Есть такое предложение: сейчас решить вопрос о выводе из состава членов Президиума ЦК КПСС и из состава членов ЦК товарища Жукова. Давайте этот вопрос решим, а потом будем говорить о резолюции. Нет возражений? Нет.

Как будем голосовать — вместе о выводе из членов Президиума ЦК и из членов ЦК или отдельно?

Голоса. Давайте отдельно...

Решение принималось открытым голосованием. Отдельно голосовали: члены ЦК, кандидаты в члены ЦК, члены Центральной Ревизионной Комиссии, приглашенные. Все единогласно проголосовали за вывод Г. К. Жукова из состава Президиума ЦК, а затем и членов ЦК.

Глава 8. ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗАГОВОРЩИКА

Подготовка смещения

В записях В. В. Гришина есть странички и о том, как снимали Н. С. Хрущева в октябре 1964 года. Вопреки расхожему мнению о заговоре, многолетний лидер столичной парторганизации отрицает наличие такового. Что же, на его взгляд, тогда произошло?

Как свидетель и в какой-то мере участник тех событий, он заявляет для потомков, что никакого заговора, как пишут, «дворцового», не было. Просто созрели условия, возникла острая необходимость изменений в высшем руководстве партии и страны. В ЦК партии образовалась группа деятелей, взявших на себя непростую задачу — сместить Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК и Председателя Совета Министров СССР. Это было рискованное дело, связанное с возможными тяжелыми последствиями в случае неудачи. Идейным, если можно так сказать, вдохновителем этого дела являлся Н. В. Подгорный — член Президиума и секретарь ЦК. Практическую работу по подготовке отставки Н. С. Хрущева вел Л. И. Брежнев, являвшийся, по существу, вторым секретарем ЦК партии. Он привлек к подготовке этой акции секретарей ЦК П. Н. Демичева, А. Н. Шелепина, министра обороны СССР Р. Я. Малиновского, председателя КГБ В. Е. Семичастного, А. Н. Косыгина. Лично переговорил по этому поводу с каждым членом и кандидатом в члены Президиума ЦК и, в частности, с Гришиным. Просил Виктора Васильевича поддержать это решение, ибо он представлял многомиллионную организацию, будучи председателем ВЦСПС.

Гришин согласился с Брежневым, при этом выразил мнение: может быть, установить для Хрущева какую-то почетную отставку? Когда Гришин вернулся от

Брежнева, ему позвонил Демичев, попросил зайти. При встрече он стал рассказывать о намерении группы товарищей поставить вопрос об освобождении Хрущева от занимаемых им постов. Гришин сказал, что знает об этом, на эту тему с ним говорил Брежнев. Демичев выразил свое удовлетворение, заявив:

— Я очень рад, что мы вместе.

Однако углубление в тему смещения Хрущева показало, что Гришина ввели в круг посвященных одним из последних. События раскручивались давно. Паутина плелась не только в старой сплетнице Москве.

С 1 июля 1964 года первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест отдыхал с семьей в Крыму на даче № 5 «Чаир».

Предыстория его срочного ухода в отпуск такая. Ему из Москвы позвонил Брежнев и передал, что 20 июня надо во что бы то ни стало быть в Крыму по важному вопросу. Шелест ответил, что у него отпуск с 1 июля. Раньше в Крым приехать он никак не может. Брежнев перезвонил и сказал:

— С твоими предложениями, Петро, мы согласны.

Шелест, по его словам, тогда еще не подозревал, какие планы бродили у кое-кого из московских членов Президиума ЦК.

Не ждал подвоха от соратников и Никита Сергеевич. Весной 1964 года он отметил свое 70-летие. 17 апреля, в день юбилея, славословия изливались потоками патоки, сосед стремился перещегоолять соседа.

Умасленный льстивыми речами, Хрущев и представить не мог, что сразу после пышных юбилейных торжеств развернулась невидимая подготовка к смене власти. Доверенные люди заговорщиков разъезжали по ближним и дальним регионам, как бы ненароком заводили с первыми секретарями обкомов разговор о «старике», осторожно прощупывали, каждую минуту готовые отступить в

тень, превратить разговор в шутку. Необходимости в этом практически не возникало, раньше или позже общий язык находился. И вот уже в списке членов Центрального Комитета, хранящемся в сейфе у Брежнева, против очередной фамилии возникал крестик. Минусов он почти не ставил, с заведомо ненадежными предпочитали не говорить. В решительный момент их, по сведениям Сергея Хрущева, собирались блокировать, а если понадобится, изолировать.

После приторных восхвалений Брежнев вызывал к себе председателя КГБ Семичастного и вел с ним долгие доверительные беседы. Он все никак не решался назначить дату. Страх парализовал его волю. Ему мечталось, чтобы все свершилось само собой, сделалось чужими руками. Самым простым выходом Брежневу представлялось физическое устранение Хрущева. Естественно, с помощью КГБ. Какие только варианты не обсуждались в этих беседах. Брежнев хватался то за одно, то за другое.

Сначала он предложил отравить Никиту Сергеевича. Такая смерть казалась ему наиболее естественной. Однако председатель КГБ проявил осторожность. Семичастному чисто по-человечески претило убийство. Кроме того, он принадлежал к другой группировке. Брежнев представлялся «комсомольцам» только лишь переходной фигурой, ступенькой. Зачем отдавать ему такой козырь в руки?

Семичастный отказался, сославшись на невыполнимость предложения. Женщина, которая обслуживает Хрущева, убеждал он Брежнева, предана ему, работает с ним еще со Сталинграда, с войны. Подкупить ее, как советовал Леонид Ильич, невозможно. К тому же логика преступления требовала устранения убийцы, а затем убийцы убийцы. И так без конца.

— Так очередь дойдет и до меня, — улыбнулся Семичастный, — а потом и до вас, — кивнул он Брежневу.

Леонид Ильич снял свое предложение. Только затем, чтобы выдвинуть новое. Преступление его притягивало магнитом. Следующая идея: устроить авиационную катастрофу в момент возвращения Хрущева после государственного визита в Египет. В том самолете летел и Сергей Хрущев. И здесь Семичастному удалось отговориться. От участия в массовом убийстве пассажиров и экипажа самолета он отказался наотрез.

Фантазия у Брежнева оказалась богатой, он заменил авиационную катастрофу на автомобильную. По его мнению, наиболее удобным местом мог оказаться Ленинград, куда Хрущев собирался в начале июня на краткую встречу с Тито. И тут ничего не вышло, Семичастный проявил твердость.

Последняя идея родилась уже просто от отчаяния. Леонид Ильич вознамерился арестовать Хрущева в окрестностях Москвы, когда он в первых числах июля поездом возвращался домой после поездки по Скандинавским странам. Снова поражение, он не мог ответить на вопрос: «А что дальше? Что последует за арестом?»

Хрущев благополучно вернулся в Москву. Кто знает, не припомнил ли Брежнев свои неудачи, когда впоследствии решался на замену Семичастного на Андропова?

Предпринимались ли попытки предупредить объект заговора? По прошествии стольких лет ответить на этот вопрос все труднее. Свидетелей становится все меньше. Иные же не заинтересованы в истине. Одно ясно: желающих отыскалось немного. Хрущев оказался в изоляции.

Что Хрущеву-младшему удалось узнать нового по этому поводу? Летом 1964 года его сестре Раде

позвонила какая-то женщина. Фамилии ее она не запомнила. Эта женщина настойчиво добивалась встречи с Радой Никитичной, заявляя, что обладает важными сведениями. Рада Никитична от встречи отказалась. Отчаявшись, женщина сказала по телефону, что ей известна квартира, где собираются заговорщики и обсуждают планы устранения Хрущева.

— А почему вы обращаетесь ко мне? Такими делами занимается КГБ. Вот вы туда и звоните, — ответила Рада Никитична.

— Как я могу туда звонить, если председатель КГБ Семичастный сам участвует в этих собраниях! Именно об этом я и хотела с вами поговорить. Это настоящий заговор.

Семичастный, так же, как и Шелепин, в те времена дружил с Алексеем Ивановичем Аджубеем, не раз бывал у него в гостях.

Информация показалась Раде Никитичне несерьезной. Она не захотела тратить время на неприятную встречу и ответила, что, к сожалению, ничего сделать не может, она лицо частное, а это — дело государственных органов. Она попросила больше ей не звонить.

Новых звонков не последовало.

С аналогичными предупреждениями обращался к ней и Валентин Васильевич Пивоваров, бывший управляющий делами ЦК. По поводу его звонка Рада Никитична даже советовалась со старым другом семьи профессором Александром Михайловичем Марковым, в то время возглавлявшем Четвертое главное управление при Минздраве. Он порекомендовал не придавать этой информации значения, сочтя ее за плод повышенной мнительности Пивоварова. Дочь Никиты Сергеевича воспользовалась авторитетным мнением и выбросила этот случай из головы.

В своей книге «Пенсионер союзного значения» Сергей Хрущев написал, что тревожная информация доходила и до помощника его отца Григория Трофимовича Шуйского, «боярина», как порой называл его Никита Сергеевич. Но дальше она не шла, оседала в его объемистом портфеле. Об этом Сергею Никитичу рассказал бывший начальник охраны отца Никифор Трофимович Литовченко.

Однако вернемся к воспоминаниям украинского лидера П. Е. Шелеста. Они наиболее подробны и дают полное представление о панораме событий, разворачивавшихся в Кремле, на Старой площади, в строгих кабинетах обкомов-крайкомов и в привилегированных местах отдыха высшей партийно-государственной номенклатуры.

3 июля Петру Ефимовичу сообщили обслуживавшие его офицеры из Девятого управления КГБ, что к нему на дачу собирается приехать Л. И. Брежнев. Откровенно говоря, Шелеста это несколько озадачило. С Брежневым он не так был близок, чтобы он просто так приехал, без особой надобности. Петр Ефимович мог ожидать приезда Н. В. Подгорного, который в это время отдыхал в Крыму на даче, в Мухолатке. Ибо руководитель украинских коммунистов не один раз бывал у него дома и на даче, да и Николай Викторович не обходил своего преемника на посту первого секретаря ЦК Компартии республики своим присутствием, посещениями и самыми душевными разговорами. Но факт есть факт, а гость — священная особа, и Шелест распорядился, чтобы Брежнева достойно приняли.

Часа через два на даче появился Брежнев. Его любезно встретил приветливый хозяин. Сели на скамейку, завели ничего не значивший разговор о погоде, воде, купанье. В это время к ним подошел внук Шелеста Петя. Брежнев к нему обратился: «Мальчик, как тебя зовут?» Петя ответил. «А тебя как зовут?» —

обратился он к Брежневу. Тот тоже ответил. Петя подумал немного и сказал: «А, знаю, ты дядя Леня из кинобудки». Догадка внука, надо сказать, слегка озадачила деда, да и Брежнев, чувствовалось, был несколько смущен.

Шелесту стало не по себе от невоспитанности внука. Секретарь ЦК КПСС, и вдруг похож на «дядю Леню из кинобудки»! Оказалось, что на дачу приезжал киномеханик, тоже дядя Леня. В общем, недоразумение было выяснено, и Брежнев после этого долго в разговорах и рассказах вспоминал свою встречу с шелестовским внуком Петей и передавал ему приветы. Бывало, говорил Петру Ефимовичу:

— Передай, Петро, привет Пете от дяди Лени из кинобудки.

Такая была у Леонида Ильича шутка.

Брежнев предложил хозяину дачи пройтись и поговорить, чтобы никто им не мог помешать. Шелест пригласил пройти на пирс, выкупаться и там в беседке спокойно поговорить. Предложение было принято, но о чем будет идти разговор, Шелест, по его словам, понятия не имел. Брежнев начал расспрашивать, как работается, много ли трудностей, как его поддерживают члены ЦК КПУ и в целом партийный актив? Шелест ответил, что объем работы огромный, на этой работе он сравнительно недолго, и, естественно, есть трудности, недочеты, недоработки и даже возможны упущения. Что касается поддержки членов ЦК и партийного актива, то имеется определенный деловой контакт и хорошая поддержка. Жаловаться нельзя, надо больше контактировать, прислушиваться, принципиально относиться к решению вопросов, тогда меньше останется времени рассуждать, кто и как к кому относится. Такой был ответ, и он, как почувствовал рассказчик, насторожил Брежнева.

Леонид Ильич повернул разговор в другое русло — о работе промышленности и сельского хозяйства. Через некоторое время он между прочим, невзначай задал вопрос: «А как к тебе относится Хрущев?» Шелест ответил, что сколько с ним ни встречался, всегда вел разговор откровенно, он всегда выслушивал, давал советы. Если с чем не соглашался, то спокойно растолковывал мою ошибку, доказывал свою правоту. В заключение сказал, что относится, наверное, скорее, как опытный руководитель к младшему, начинающему. Со стороны Хрущева никогда в свой адрес не слышал ни окрика, ни грубого обращения.

Выслушав Шелеста, Брежнев как-то не совсем внятно проронил слова:

— Это он в глаза, а за глаза может другое говорить. И говорит.

Шелест немного растерялся, подумал, что Брежнев кое-что знает об истинных отношениях к нему Хрущева. Но тут же ему ответил: Хрущев занимает такое положение, что ему нет надобности говорить одно в глаза, а другое за глаза. Да и вообще, у него такая ответственность и нагрузка, что все должны его понимать, если он даже кое-что скажет резкое. Но он не злопамятный по своей натуре, добрый и отзывчивый человек. Брежнев в ответ на это сказал, что Шелест мало о нем знает, замкнулся здесь в своей провинции, ничего не видит и не чувствует.

Шелест скромно произнес:

— Что кому положено, тот то и делает.

— Это так, — отозвался Леонид Ильич, — но надо немного шире смотреть на происходящее. Все, что происходит в партии, стране, в хозяйстве, исходит от вас, членов Президиума ЦК, решений правительства. И мы видим, что вы все единодушны в принимаемых решениях и все поддерживаете предложения Хрущева и первыми аплодируете ему. Но в действительности все

далеко не так, как видится со стороны. Нам с Хрущевым трудно работается. Об этом я и приехал с тобой, Петро, поговорить откровенно. Но об этом никто не должен знать.

Время подошло к обеду, Шелест пригласил Брежнева пообедать в кругу своей семьи. Приглашение было принято, и они приятно провели время. Обед продолжался долго. Они снова вышли на улицу, когда уже солнце спряталось и начало темнеть.

Возобновился разговор, но уже более оживленный по вполне понятной причине. Брежнев сказал тогда Шелесту: «Ты, Петро, должен нам помочь, поддержать нас!» Шелест ответил: «Не знаю, в чем и кого поддерживать? Расскажите, в чем суть постановки вопроса? Тогда, может быть, можно что-то сказать». Брежнев снова заговорил о том, что на местах не знают, как трудно работать с Никитой Сергеевичем. А в последнее время вообще стало невозможно. «Хрущев с нами не считается, грубит, дает нам прозвища и приклеивает разные ярлыки, самостоятельно принимает решения. Он недавно заявил, что руководство наше старое и его надо омолодить. Он подбирает ключи, чтобы нас всех разогнать». Тут Шелест ему сказал: «Не знаю о прозвищах, ярлыках и как там у вас принимаются решения, но я сам из уст Хрущева слышал, что в Президиуме ЦК собрались старики и надо бы состав значительно омолодить». Брежнев, в упор глядя на Шелеста, спросил: «Я думаю, что в центральные руководящие органы надо брать людей в возрасте самое большее 45-50 лет. А в нацкомпартии, обкомы и крайкомы и того моложе. А вы как считаете?» — обратился он к Шелесту. Тот ответил, что с ним согласен, но со счетов опыт старших товарищей сбрасывать нельзя. Брежнев, улыбаясь: «А вам сколько лет?» Шелест: «Пошел уже 55-й год». «Э, да вы тоже старик». Продолжая начатый разговор,

Шелест похвалил Хрущева: мол, если беспокоится об омоложении руководящего ядра — это хорошо, должна быть преемственность.

— Тут Брежнев мне сказал, что я его по этому вопросу неправильно понял, — вспоминал детали того разговора Шелест. — А потом, мол, надо понимать, что он только прикрывается омоложением кадров, а на самом деле хочет разогнать опытных работников, чтобы вершить самостоятельно все дела. Брежнев снова начал говорить, что я его не хочу понять и что о его приезде, тем более о разговоре в такой постановке вопросов никто не знает и не должен знать. Я ему ответил: «Если вы мне не доверяете, то нечего было вам ко мне ехать и вести разговор, а о конфиденциальности прошу мне лишний раз не напоминать». Тут Брежнев, очевидно, спохватился и сказал: «Ты, Петро, правильно меня пойми, мне тяжело все это говорить, но другого выхода у нас нет». Снова сказал, что Хрущев над многими из нас просто издевается — нет никакой жизни. Тут же, как мальчишка, расплакался и сказал: «Без тебя, такой крупной организации, как Компартия Украины, мы не можем предпринять что-либо, улучшающее наше положение». Я сказал Брежневу, что им всем надо собраться и откровенно, открыто поговорить с Хрущевым о недостатках, и мне кажется, что с Никитой Сергеевичем можно вести такой разговор, он может понять. Брежнев ответил: «Ты это так говоришь потому, что не знаешь истинного положения дел. Если мы попытаемся это сделать, он нас всех поразгоняет, и в это не верить нельзя».

Долго, далеко за полночь, вели они разговор на одну и ту же тему. Зашли в дачный особняк, перекусили, выпили по рюмке коньяка, на прощанье Брежнев обнял, поцеловал хозяина и сказал: «Петро, мы на тебя очень надеемся». Шелест ответил, что по данному вопросу надо бы еще поговорить. Это вопрос

чрезвычайно серьезный, и с ним надо не спеша разобраться. Брежнев отправил на своей машине, так как он сам об этом просил. Когда гость уехал, Шелест долго, почти до рассвета, бродил в парке и по набережной. Не мог уснуть до самого утра, так это его взволновало и растревожило.

Шелест не предупредил Хрущева о приезде Брежнева и разговоре с ним. Риск, конечно, был огромный: а вдруг и визит, и крамольная тема беседы были санкционированы Хрущевым? Вдруг вождь проверял столь нетрадиционным способом свои кадры на преданность?

Из дневниковых записей П. Е.Шелеста. 4 июля — 8 октября 1964 года.

4 июля. Дождавшись утра, я позвонил в Мухоматку Подгорному и сказал ему, что у меня вчера был Брежнев, мы много говорили, но он просил никому о его приезде и разговорах не говорить. Подгорный сказал: ему известно, что Брежнев был у меня, и примерное содержание наших разговоров тоже известно. Затем спросил, чем я занят. Я ответил, что переживанием вчерашних или уже и сегодняшних разговоров и встречи. Подгорный мне сказал: «Если сможешь, подъезжай ко мне, будем вместе переживать». Я сразу же уехал в Мухоматку и по дороге все гадал и думал, что бы все это значило, меня этот вопрос очень тревожил.

Подгорный меня очень хорошо встретил, обнял, поцеловал. Я ему вкратце изложил содержание нашего разговора с Брежневым. Он внимательно выслушал, а затем сказал: «Мне все известно». Я спросил, зачем же он меня выслушивал? Он ответил, что убеждался, все ли ему рассказал Брежнев. «Ведь он после того, как побывал у тебя, был у меня и все рассказал. Посещением остался доволен, хотя по некоторым вопросам насторожен».

Я спросил Подгорного: «Почему Брежнев приехал ко мне, а не ты?» Он ответил: «Так надо было. Позже узнаешь». Я снова спросил Подгорного, что же случилось? Он ответил, что обстановка сложная и что-то надо решать, так дальше работать нельзя. Я сказал, что кое-что я понял, потому что Брежнев в разговоре со мной даже расплакался. Подгорный переспросил меня, правда ли это. Я подтвердил. Он сказал: «Ты этому не очень доверяй, есть пословица, что Москва слезам не верит».

Подгорный уточнил некоторые подробности нашего разговора с Брежневым, а затем, на миг задумавшись, сказал: «Да, дела складываются очень сложно». В это время мы сидели на веранде второго этажа дачи и увидели, что появился Брежнев. Подгорный мне сказал: «Ты в разговоре не подавай вида, что я знаю о посещении тебя Брежневым».

Пришел Брежнев, как всегда, несколько «ретивый», игривый, немного навеселе. Как ни в чем не бывало, зашел новый разговор обо всем и понемногу. Наконец Брежнев начал старый разговор о трудностях работы с Хрущевым. Я снова начал уточнять эти «трудности». Оказалось, что Хрущев очень требовательный, проводит самостоятельную линию, независимо решает вопросы, много разъезжает по стране и за границу. Сельское хозяйство превратил в свою монополию, много проводит разных реорганизаций в народном хозяйстве, в партии и советских органах. Разделил их на городские и сельские. Явно пренебрегает вопросами идеологии, требует конкретной работы, а не «болтовни», как он говорит.

Во внешней политике и взаимоотношениях с соцстранами и их компартиями допускает большие промахи, что отрицательно отражается на авторитете нашей партии и страны. Заигрывает с социал-демократами и капиталистическими странами Западной

Европы. Не обошел вопроса об испорченных взаимоотношениях с Китаем, карибского кризиса, посылки Аджубея в Бонн и поездки в Скандинавские страны. И еще много разных прегрешений и недостатков. И все же при всем этом главный вопрос был тот, что он их не слушает и хочет со всеми разделаться поодиночке.

В разговоре я сказал: все, что делалось, очевидно, принималось на Президиуме, и, как видно из всех документов и действий, все мероприятия внутриполитического и внешнеполитического характера всеми поддерживались. Если есть какие отклонения от принятых решений и они имеют принципиальное значение, соберитесь все вместе, обсудите, выскажите свое мнение Хрущеву, исправьте положение.

Тут Брежнев не выдержал, почти выкрикнул: «Я уже тебе говорил, что в откровенный разговор не верю. Кто первый об этом заговорит, тот будет вышвырнут вон из состава руководства». Я довольно многозначительно посмотрел на Брежнева, а затем на Подгорного, очевидно, это было правильно понято, и тут, наконец, напряжение было снято словами Подгорного: «Довольно нам играть в жмурки, я знаю ваш разговор с Брежневым, и ты, Петр, правильно пойми все, что делается. Очевидно, надо идти по большому счету. Возможно, чтобы решить вопрос, о котором ты говоришь, надо выходить на Пленум ЦК, а без мнения Украины и членов ЦК КПСС, которые от Украины избраны, вопрос решить невозможно, ведь всем известно, что украинская партийная организация имеет большой вес и авторитет, да это и основная опора Н. С. Хрущева. Поэтому тебе надо быть готовым повести откровенный, но осторожный разговор со всеми твоими товарищами, входящими в состав ЦК КПСС, а их на Украине немало — 36 человек. Возможно, поговорить

надо с доверительным активом по всем вопросам, которые мы тебе изложили». Я ответил: что ж, ради справедливого дела поговорить можно, хотя это и очень рискованный и опасный прием. Тут же я сказал, что имеются три человека, с которыми я не могу повести никакого разговора. Это И. Сенин, О. Иващенко, А. Корнейчук. Эти люди прямо и даже в частном порядке могут сейчас же все передать Н. С. Хрущеву, от которого, я думаю, не будет хорошо никому.

Тут же Брежнев заявил, что он может сам переговорить с О. Иващенко, хвастаясь, что он с ихним братом умеет вести беседы. На такое заявление Подгорный сказал: «Леня, ты не бери на себя много, посмотрим, как ты с треском провалишься». О многом еще мы говорили, и я снова пытался внушить мысль, что с Н. С. Хрущевым надо откровенно поговорить, но они не верили в откровенность, просто боялись этого. Кое-что мне было известно, например, что Брежнев до смерти боится Хрущева, тот, в свою очередь, не уважает Брежнева, считает пустозвоном, рисовальщиком, да и немалым льстецом, причем довольно квалифицированным. Пусть будет так, но Подгорного он уважает, доверяет ему, считает его доверенным лицом. Что же здесь? Неужели Подгорный попал под влияние Брежнева? Этого не может быть ни по уму, ни по опыту и подготовке. Остается догадка: неужели у Подгорного осталась обида за то, что Хрущев забрал его с Украины? Все может быть.

Становится одно ясным, что тут — большой замысел. Брежнев и Подгорный намереваются устранить Хрущева от руководства. Но сильно боятся этого шага, тем более что он основывается на трусости и беспринципности, на жажде власти. Вот и ищут опору, возлагая большие надежды на партийную организацию Украины и, в частности, на мои с ними действия. И все же пока со мной ведут не совсем

откровенный разговор, боятся. Но уже на этом этапе я с ними зашел очень далеко.

10 июля — 6 августа. Во время моего пребывания в Крыму я несколько раз встречался с Брежневым и Подгорным. На одной из этих встреч условились, что для встречи и разговора с партийными работниками и хозяйственниками надо нам втроем выехать в Крымскую область. Мне было поручено подготовить маршрут и встречу с людьми. Я все время ходил под каким-то гнетом, все рассуждал сам с собой, к чему может привести вся эта затея и чем она может кончиться?

Через некоторое время мы решили встретиться втроем с О. Иващенко и И. Сениным, которые в это время отдыхали на даче в Алуште. Решили приехать внезапно, вроде бы мимоходом проведать их. Так и вышло, когда Брежнев, Подгорный и я появились на даче. Иващенко напустилась на меня, почему я не предупредил их о нашем маршруте — версия случайного заезда не вызвала сомнений. Погуляли немного в парке. Брежнев все это время стремился уединиться с Иващенко. Но, видно, у него ничего не получалось, и Подгорный над ним подтрунивал. К обеду на дачу прибыл зять Хрущева Гонтарь и его супруга Юлия, дочь Н. С. Хрущева. Тут Леня совсем растерялся и начал настаивать на том, чтобы мы срочно уехали. Подгорный и я уговорили его остаться на обед. Больше Брежнев не затевал разговора с Иващенко, тем более с Сениным, но зато за обедом провозгласил тост за здоровье Никиты Сергеевича. Вот этого я уж никак не ожидал.

По дороге домой Подгорный спросил Брежнева: «Ну как, Леня, поговорил с Ольгой?» В ответ он только буркнул: «Вот проклятая баба».

Еще несколько раз мы собирались по «делу» — как теперь именовался наш разговор по поводу действий Н.

С. Хрущева. Я получил прямое задание провести зондаж по «делу» с членами ЦК КПСС по разным вопросам, в том числе и по вопросам «дела». За время отпуска я 9 дней был в Москве и только 4 дня в Киеве. И все время был в большом напряжении.

7 августа. Закончился отпуск, прошел он удовлетворительно, хотя много было и остается причин, чтобы волноваться, нервничать и быть неуверенным даже в завтрашнем дне в связи со сложившимися обстоятельствами и ситуацией вокруг «дела», связанного с Н. С. Хрущевым. Самому мне надо иметь большую выдержку, чтобы все это переварить, осмыслить, пережить, но конец этому напряжению должен быть. Трагедия еще в том, что к Брежневу отношусь с некоторым недоверием, слишком он легкий человек. Верю Подгорному, очевидно, потому и пошел на это довольно рискованное и серьезное «дело». Узел завязан, и развязать его, очевидно, не удастся, придется рубить. Но при рубке не только щепки летят, может и голова слететь.

Из Крыма возвращался машиной, побывал в Запорожской, Днепропетровской, Харьковской и Полтавской областях. Везде вел разговоры по хозяйству, но осторожно затрагивал вопросы и по «делу». Реакция была разная. Но особая реакция была в Днепропетровской области. Здесь я на реке Волчьей под Новомосковском встретился со Щербицким, в пределах допустимого проинформировал его о ситуации, которая складывается вокруг Н. С. Хрущева. Он воспринял это с особым злорадством, но и с большой трусостью, ведь по своей натуре он очень трусливый человек.

8-10 августа. Подгорный был в Киеве, приехал на «охоту». Встреча была хорошая, обсудили много организационных вопросов, связанных с «делом». Оба

пришли к выводу: во избежание разоблачения все вопросы, связанные с «делом», надо форсировать.

12 августа. Позвонил Н. С. Хрущеву, доложил вопросы по сельскому хозяйству республики.

Разговор был спокойным, хорошим. Н. С. Хрущев поздравил с успешной работой, просил передать привет моим товарищам по работе. Эти последние слова защемили мое сердце и душу, я думал, что он-то ничего не знает, что делается вокруг него, как-то доверительно относится ко мне, не зная моей предательской роли. Все это нелегко переживать.

14 августа. Из Москвы позвонил мне Л. И. Брежнев. Интересовался, был ли днями у меня разговор с Н. С. Хрущевым. Я ответил, что разговор был, изложил суть и содержание наших бесед. Тут Брежнев не выдержал, потому что его больше всего интересовал именно этот вопрос, и спросил меня: «А о нас ничего не говорил и не спрашивал?» Я ответил, что других разговоров, кроме тех, что доложил, не было. Чувствовалось, что беспокойство и панический страх у Брежнева были сняты.

21 августа. Прилетел в Киев Подгорный. Я еще раз остро поставил вопрос о «деле» — оно принимает затяжной характер, и все это может кончиться не то что плохо, а просто трагично. Из истории подобных ситуаций хорошо известно: часто бывает так, что зачинатели вопросов при сложной и опасной ситуации уходят в сторону, а привлеченный народ страдает. Из разговоров с Подгорным было уяснено, что он тоже недоволен бездействием и инертностью Брежнева, и вообще, заключил Подгорный, не надежный он человек. Я спросил Подгорного, как же быть в таком случае. Он неуверенно сказал: «Надо более решительно действовать, иначе нас могут предать». Я спросил Подгорного, кто же это может сделать? В ответ он только ухмыльнулся. Вместе с Подгорным проведдали Д.

С. Коротченко. Он отдыхал в Конче-Заспе. Состоялся хороший разговор. Коротченко все подтвердил, что говорил со мной по вопросу «дела». Подгорный с хорошим настроением утром 31 августа улетел в Крым закончить там свои дела. «Сразу же, — сказал, — улетаю в Москву «штурмовать Леню». При этом пообещал мне, что нажмет на него как следует. Подгорный изложил мне содержание пакета, переданного ему через меня, и тут же добавил, что Леня трусит и просит его скорее возвратиться в Москву, там накопилось много дел.

В тот же день мне позвонил Брежнев и поинтересовался, вручил ли я пакет Подгорному. Я ответил, что да. «А ты содержание его не знаешь?» Я ответил, что он адресован не мне и содержание мне не может быть известно. Затем, очевидно, для проформы, он поинтересовался состоянием в сельском хозяйстве. А затем подробно поинтересовался всеми вопросами, которые были связаны с «делом». На все вопросы были даны ответы. Тут же я сказал, что лично я обеспокоен затяжкой «дела». Он начал меня успокаивать и сказал, что ведется определенная работа и по другим республикам. «Ну что ж, — ответил я, — тем лучше, легче нам будет».

Сентябрь. Позвонил мне Л. И. Брежнев, подробно поинтересовался, как идут вопросы, связанные с нашим общим «делом». Я подробно проинформировал. Брежнев, в свою очередь, сказал, что по «делу» все обстоит хорошо, передал мне привет от Полянского и Устинова.

Мне известно, что Полянский, Шелепин, Андропов и частично Демичев подрабатывали материалы к предстоящему Пленуму ЦК, но с явным креном по «делу».

Переговорил с Ломако П. Ф., председателем Госплана СССР, по всем вопросам плана республики на

1965 год. Тот обещал поддержать по многим вопросам. В разговоре со мной он несколько раз порывался рассказать о его разговоре с Брежневым по «делу» и все же в разговоре до конца не раскрывался, видимо, чего-то опасался, но вместе с этим хотел дополнительно получить какие-то сведения.

11-20 сентября. Из Софии позвонил наш посол Органов и сообщил, что наша парламентская делегация, которая находится в Болгарии, возвращается на родину. Делегацию возглавляет Л. И. Брежнев. Он вместе с делегацией предполагает сделать остановку в Киеве на 2-3 часа. Состав делегации — четыре основных и семь сопровождающих товарищей.

Органов просил встретить делегацию и оказать ей знаки внимания. Выехал встретить делегацию в Бориспольский аэропорт, затем поехали вместе с Брежневым посмотреть город и заехали в ЦК КПУ, где я имел довольно острую беседу по затеянному «делу». Я сказал, что в «дело» посвящено слишком много людей, и промедление его решения чревато большими неприятностями для ни в чем не повинных людей. Брежнев пытался что-то объяснить, но все было довольно невнятно и даже подозрительно.

Я ему твердо сказал, что надо отступить от затеянного, спустить на тормозах или же смелее двигать «дело», нечего держать людей в подвешенном состоянии. Мне показалось, что на такую постановку вопроса Брежнев реагировал болезненно. На аэродроме вся делегация и встречающие ее пообедали, и делегация улетела в Москву. На прощание Брежнев мне сказал: «Ты, Петро, не беспокойся. Мы принимаем все меры, но как подойти к решению этого «дела», еще не знаем, дополнительно будем советоваться».

26 сентября. Это был субботний день. В Свердловском зале Кремля расширенное заседание,

присутствуют члены Президиума ЦК тт. Хрущев, Подгорный, Косыгин, Воронов, Сулов, Брежнев, Полянский, Кириленко, Шверник. Присутствовало много людей разных рангов и чинов. Открыл заседание Н. С. Хрущев. Основной вопрос — «О пятилетнем плане народного хозяйства страны на 1965-1970 гг.».

Немало из присутствующих членов ЦК уже знали о подготовке мероприятий, направленных против Н. С. Хрущева. Но пока что никто точно не знал ни сроков, ни самой формы исполнения задуманного «дела». Даже сами организаторы находились еще в какой-то прострации, неуверенности и неопределенности. После расширенного заседания Президиума ЦК все члены и кандидаты Президиума ЦК собрались в комнате Президиума в Кремле за Свердловским залом заседания. Как обычно, началось обсуждение прошедших событий. Хрущев обратился ко всем и спросил: «Ну как, товарищи, ваше мнение о проведенном мероприятии и моем выступлении?» С удивительным утонченным лицемерием многие заявили, что все хорошо, просто отлично! И, к моему удивлению, больше всех хвалебные речи расточал Брежнев. Больно и обидно было все это слушать, просто становилось страшно, какая гнусная вещь лицемерие, и не хватило ни у кого мужества сказать правду. Позже некоторые, в том числе и Брежнев, объясняли такое гнусное поведение тактическим приемом, чтобы, мол, не навлечь подозрений и не вызвать тревогу у Хрущева.

В открытом споре, даже в борьбе единомышленников это подлый, недостойный прием. Как впоследствии окажется, это основной стиль Брежнева для расчистки себе дороги к власти — заигрывание, интриги, избавление от людей, которые много знают о нем, которые помогали ему на определенном этапе, и хуже всего — имеют свое собственное мнение.

Хрущев высказал соображение о созыве очередного Пленума ЦК, дал некоторые поручения. Сам он собирался уехать в отпуск. Поручено было вести все дела по Президиуму и Секретариату Н. В. Подгорному.

В это время в ЦК была создана группа Шелепина и Полянского, которая готовила материал для предстоящего Пленума ЦК, но Хрущеву не было известно, что материал готовится не по его заданию и против него. Он же, Хрущев, в разговорах утверждал, что доклад к Пленуму в своей основе готов и что во время отпуска он его посмотрит, а где-то в ноябре проведем Пленум ЦК. По всему было заметно, что он не знал истинного положения, не знал, что ему готовится. Внешне держался спокойно. Вся игра вокруг него, безусловно, не была известна, хотя временами и чувствовалась какая-то настороженность в его обращении.

Он во многом полагался и надеялся на Украину, на ее поддержку его деятельности, доверял он товарищам, с которыми работал в Президиуме ЦК КПСС. Во всей затее и политической игре отводилась огромная роль Украине. Это понимали и товарищи, которые готовили материал к Пленуму, вот почему контакты по всем вопросам и информации были регулярными.

29 сентября Шелест находился в командировке в Черкасской области. Вечером ему позвонил в Черкассы Н. В. Подгорный и сказал:

— Срочно вылетай в Крым. Надо встретить Никиту Сергеевича. Он отправляется туда отдыхать. Потом перезвони мне или Брежневу.

Шелест сразу же из Черкасс вылетел в Симферополь. 1 октября туда прибыл Хрущев — на отдых. Шелест встретил высокого московского гостя, поселился недалеко от его дачи и каждый день навещался к нему. Обедали, вместе охотились на фазанов.

На четвертый день своего пребывания в Крыму Хрущев решил лететь в Пицунду, на Кавказ, где отдыхал Микоян. Погода в Крыму начала портиться, и Никита Сергеевич решил провести отпуск в другом месте.

4 октября. Утром я проводил Хрущева в Пицунду. По возвращении в Киев я имел разговор с Подгорным и Брежневым, доложил им о своем разговоре с Н. С. Хрущевым, о его высказываниях и настроениях. Сообщил им, что Хрущев улетел в Пицунду. У меня после встречи и длительных разговоров с Хрущевым остался очень тяжелый осадок в том отношении, правильно ли мы делаем, что затееваем «дело». Ведь это же прямой политический заговор! Он переплетен с интригами и явными замыслами борьбы за власть. Но все это так далеко зашло с этим «делом», теперь уже нет у меня возможности перестроить свои позиции...

5-7 октября. У меня вновь состоялись разговоры с Брежневым и Подгорным. Они мне звонили, интересовались вопросами по ходу «дела» в республике и, в свою очередь, меня проинформировали по ряду вопросов. В частности было сказано, что в других республиках, краях и областях дела складываются хорошо. Я ответил: «Тем лучше. Нам будет легче».

Брежнев при разговоре со мной передал мне привет от Полянского и Устинова, при этом еще раз сказал, что все идет хорошо. Для меня это было больше, чем понятно. Сообщил, что был разговор с А. А. Гречко по поводу роли армии во всех мероприятиях по «делу». Он воспринял все с большим испугом и, по существу, ушел от прямого ответа. Р. Малиновский заявил определенно, что армия в решении внутривнутриполитических вопросов участия принимать не будет.

Руководство КГБ не только было сориентировано, но В. Е. Семичастный принимал самое активное участие во всех мероприятиях и обеспечивал всю безопасность. За

свою активность, как это у нас принято, он тоже поплатился, но об этом будет сказано позже и более подробно. Так было условлено, что я должен был чаще звонить Хрущеву, информировать его о состоянии дел в республике. В этом замысле было заложено два вопроса: показать, что все обстоит спокойно, и проследить за его реакцией, настроением, высказываниями.

8 октября. Я позвонил в Москву Брежневу, проинформировал его об окончательных результатах переговоров с членами, кандидатами в члены ЦК КПСС и членами Центральной ревизионной комиссии КПСС, вкратце изложил высказанное ими мнение. Сказал также о том, что я звонил в Пицунду Н. С. Хрущеву, докладывал ему о ходе дел в республике. Ничего особого со стороны Н. С. не заметил. Разговор он вел спокойно, интересовался, сколько Украина сдала хлеба, я ответил, что уже сдано 720 млн пудов. В разговоре с Брежневым я заметил какую-то неуверенность в его высказывании по «делу», и меня это встревожило. Я позвонил Н. В. Подгорному, высказал свое беспокойство. Я знал, что он занимает более определенную и решительную позицию. Подгорный меня несколько успокоил, сообщив мне, что все идет нормально, правда, под нажимом, потому что Леня расхолодился. Но отступлений нет, Полянский и Шелепин активно работают с другими республиками и членами ЦК по Российской Федерации, уже собран материал для доклада на Пленуме ЦК. В. П. Мжаванадзе по нашему поручению проводит определенную работу с Мазуровым — он тогда был первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии и занимал отрицательно-выжидательную позицию. Пришлось с ним вести разговор второй раз и уже на более откровенной основе. Мне снова пришлось вести разговор с Брежневым и Подгорным, ибо уже до меня самого

начали доходить слухи о том, что в Москве якобы существует группа, настроенная против Н. С. Хрущева. Это было признаком утечки информации и наших разговоров, и замыслов — все это было опасно и чревато большими неприятностями.

Нервы у всех были напряжены до предела.

Донос

Мало кому известно, что П. Е. Шелест исписал горы бумаги. Это несколько тысяч страниц убористого текста. Петр Ефимович не знал, что с ними делать. Издательства их не брали, поскольку, конечно же, видный деятель коммунистической эпохи не блистал литературным слогом. Но сколько в его записях ценных сведений, неизвестных фактов, потрясающих подробностей!

Престарелый ровесник XX века последовал умному совету и сдал свои рукописи в Центральный партийный архив. Теперь он называется Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории. Понемногу записи П. Е. Шелеста становятся достоянием историков, политологов, журналистов. Какая-то часть его дневников и воспоминаний — необработанных, клочковатых — «живьем» вошла в книгу «...Да не судимы будете», вышедшую трехтысячным тиражом. Но большая часть — по-прежнему не востребована. Вот еще сведения, как говорится, из первоисточника.

Из дневниковых записей П. Е. Шелеста. Странички о действиях заговорщиков накануне снятия Н. С. Хрущева.

Все мы, кто знал и был посвящен в некоторые подробности подготовки «дела», ходили по острию лезвия. Хотя многие вопросы и были уже блокированы, но опасность сохранялась громадная. Н. С. Хрущев был первым секретарем ЦК КПСС, Председателем Совмина СССР. В наших условиях это не ограниченная ничем власть и, по существу, свобода действий. Его команда, одно слово — и многие из нас были бы обезврежены, изолированы и даже уничтожены, ведь велся по существу и форме заговор против главы правительства,

а чем это кончается, хорошо известно. Но, несмотря на наличие сигналов и даже явных фактов политической интриги и прямого заговора, на сей раз Хрущев проявил излишнюю доверчивость, притупил бдительность и остроту. Он очень верил в свой авторитет, доверялся всякой лести и признаниям в верности ему. В подтверждение этому можно привести немало фактов. Один из них — мой разговор с Подгорным в Киеве.

Возвращаясь из Венгрии или Болгарии (это было уже накануне октябрьского Пленума ЦК), Подгорный сделал «вынужденную» посадку в Киеве «из-за погодных условий». Мы с ним встретились наедине ночью и много говорили о сложившейся обстановке. Я проинформировал его по вопросу, с кем из членов ЦК КПСС я встречался и вел беседу в разных формах. Со многими разговор был откровенным, некоторых прощупывал. Отношение и реакция были разные, некоторые терялись и отвечали на вопрос что-то не совсем внятное. С некоторыми товарищами я просто опасался вести разговоры на эту тему, об этом я и сказал Подгорному. Он мне в ответ сказал: «Будь осторожным». Впоследствии я убедился, что опасения были небезосновательными. Н. В. Подгорный проинформировал меня о проводимой работе по «делу» и тут же сказал, что из некоторых источников известно, что многие члены и кандидаты в члены Президиума ЦК занимают не твердую позицию, а довольно шаткую и опасную, что кое-кого даже пришлось предупредить об ответственности за возможные последствия, разглашения или выдачу сведений по «делу».

Суслов, Косыгин и некоторые другие занимали осторожно-выжидательную позицию, при этом ссылались на большой авторитет Хрущева в партии и народе и на то, как все это может отразиться на внешней политике и наших внутренних делах. Подавались голоса (Суслов): «А не вызовет ли это

раскол в партии или даже гражданскую войну?» Многие спрашивают, какую позицию занимает Украина. К этому времени я еще не имел разговора со всеми членами Президиума ЦК КПУ, в том числе и с Д. С. Коротченко, который долгое время в Москве и на Украине работал вместе с Хрущевым.

Позиция Коротченко была нам немного ясна, но все же некоторые вопросы вызывали настороженность. Поэтому Брежнев и Подгорный настоятельно требовали переговорить с ним и их проинформировать. У меня состоялся обстоятельный разговор с Коротченко, я шел на определенный риск — открыл ему все карты наших действий. Он немного подумал, очевидно, все взвешивал, а затем сказал: «Я Никиту знаю давно, он хороший организатор, преданный коммунист, но, очевидно, на этом посту он зарвался — считает, что он уже «вождь». Много натворил политических ляпов, организационной неразберихи в нашей партии. Очевидно, будет лучше для него и для партии, когда он уйдет с этого поста, да и должности Первого секретаря и Предсовмина надо разделить. В 70 лет трудно руководить и управлять таким государством, как наша страна, да еще со старческим характером Никиты». После этого я прямо спросил: «Демьян Сергеевич, что мне передать Брежневу и Подгорному?» Он ответил: «Передай, что я с вами, и если нужно, могу по этому вопросу выступить где угодно». Содержание этого разговора мной было передано в Москву.

При нашей встрече в Киеве Подгорный мне сообщил следующее: перед самым отъездом в отпуск Н. С. Хрущева у него был довольно неприятный разговор, если не сказать худшего. «Пригласил меня, — говорит Подгорный, — и прямо поставил вопрос: «Что-то, товарищ Подгорный, идут разговоры, будто существует какая-то группа, которая хочет меня убрать, и вы к этой группе причастны?» («Представляешь мое состояние и

положение?» — говорил мне тогда Подгорный.) Я собрался с силами и ответил: «Откуда вы, Никита Сергеевич, это взяли?» А сам думаю, какой подлец мог выдать все это? Хотя вероятность такая могла быть. Леня (Брежнев), ты знаешь, обращается ко мне, медлит и трусит, он даже мне сказал: «Может быть, отложить все это?» Я его выругал и сказал: «Хочешь погибать — погибай, но предавать товарищей не смей». Продолжали разговор почти всю ночь, Подгорный под конец сказал мне, что о якобы существующей группе заговора ему, Никите Сергеевичу, сказал его сын Сергей, которого предупредил какой-то работник КГБ.

А дело обстояло так: Игнатов Н. Г., будучи тогда Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, был в курсе «дела», и всех обстоятельств, связанных с организацией. По неосторожности, а может быть, бравируя знанием вопросов, доверился своим приближенным. Один из них обо всем написал письмо Н. С. Хрущеву, в письме почти все было изложено, что делалось за спиной Хрущева. Когда это письмо было прочитано Хрущеву, он пригласил к себе Подгорного, показал это письмо и при этом спросил: «Вы что-нибудь по этому вопросу знаете?»

Подгорный отвечал, что ему ничего не известно и тут же предложил поручить КГБ проверить все факты, изложенные в письме, будучи уверенным в том, что КГБ даст нужный ход этому письму. Но Хрущев по какой-то интуиции не принял этого предложения, а сказал, что он поручает этот вопрос А. И. Микояну: пусть он вызовет Игнатова, расследует и доложит. Нависла явная угроза над всеми нами. Но через В. П. Мжаванадзе, который в то время находился в Москве, сумели своевременно предупредить Игнатова о нависшей угрозе. Игнатову было сказано, чтобы он все отрицал в беседе с Микояном. Таким образом, письмо было передано в КГБ, откуда оно так никуда и не пошло.

Во всем этом и других вопросах особо важную роль играли Шелепин А. Н. и Семичастный В. Е. Впоследствии их Брежнев уберет так, как и многих других, которые много знали, имели свое мнение и их нежелательно было оставлять в руководстве. Что касается Хрущева, то его бдительность усыпили. Дело в том, что Н. С. Хрущев по своей человеческой натуре был доверчивым, верил товарищам, с кем ему приходилось работать. А главное, он уверовал, что его все поддерживают, авторитет его непоколебим. Он чересчур доверился, это его и погубило. Но нас всех, которые активно участвовали в заговоре против Хрущева, ненадолго спасло от прямой и организованной расправы, исходящей прямо от Брежнева.

С Н. В. Подгорным мы пришли к верному убеждению, что «промедление в этом деле смерти подобно», надо форсировать события, доводить вопрос до развязки, причем максимально для этого использовать время отсутствия в Москве Н. С. Хрущева.

История с утечкой информации о заговоре против Н. С. Хрущева в целом верна. Неточны лишь отдельные детали. Например, утверждение о письме сотрудника КГБ, которому стало известно о готовившемся смещении Никиты Сергеевича, и о пересылке этого письма Микояном руководству КГБ для проверки. У С. Н. Хрущева находим более достоверные сведения, поскольку именно к нему обратился сотрудник КГБ.

Однажды в доме Хрущева зазвонила правительственная «вертушка». В трубке, которую снял Сергей Никитич, раздался незнакомый голос:

— Можно попросить к телефону Никиту Сергеевича?

— Его нет в Москве, — ответил Хрущев-младший, недоумевая, кто же это звонит на квартиру. Тот, кто может звонить по этому телефону, прекрасно знал, где в тот момент находился отец.

— А кто со мной говорит? — последовал вопрос.

В голосе чувствовалось разочарование.

— Это его сын.

— Здравствуйте, Сергей Никитич, — заторопился собеседник, — с вами говорит Галюков Василий Иванович, бывший начальник охраны Николая Григорьевича Игнатова. Я с лета пытаюсь дозвониться до Никиты Сергеевича, мне надо ему сообщить очень важную информацию, и никак мне это не удается. Наконец, я добрался до «вертушки», решился к нему позвонить домой, и опять неудача.

Хрущев-младший очень удивился: о чем может говорить бывший начальник охраны Игнатова с Хрущевым, что у них может быть общего? Ситуация была необычной. Игнатов в то время занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, членом Президиума ЦК КПСС уже не состоял.

— Выслушайте меня, — заторопился Галюков, опасаясь, и не без оснований, что собеседник положит трубку, — мне стало известно, что против Никиты Сергеевича готовится заговор! Об этом я хотел сообщить ему лично. Это очень важно. О заговоре мне стало известно из разговоров Игнатова. В него вовлечен широкий круг людей.

«Час от часу не легче, — подумал Сергей. — Это, наверное, сумасшедший. Какой может быть заговор в наше время? Чушь какая-то!..»

— Василий Иванович, вам надо обратиться в КГБ к Семичастному. Подобные дела в их компетенции, тем более что вы сами работаете там. Они во всем разберутся, если надо будет, доложат Никите Сергеевичу, — сказал Сергей, радуясь, что нашел выход из создавшегося положения. Однако радоваться было рано.

— К Семичастному я обратиться не могу, он сам активный участник заговора вместе с Шелепиным, Подгорным и другими. Обо всем этом я хотел лично

рассказать Никите Сергеевичу. Ему грозит опасность. Теперь, когда вы сказали, что его нет в Москве, я не знаю, что и делать!..

После некоторых раздумий Сергей Хрущев встретился с Галюковым возле жилого дома ЦК на Кутузовском проспекте. Оттуда поехали за город, в молодой сосняк. Шли по тропке, и Галюков рассказывал различные эпизоды, характеризовавшие отношение Игнатова и других членов кремлевской верхушки к Никите Сергеевичу. По мнению Галюкова, замышлялось что-то подозрительное.

— Сергей Никитич, пожалуйста, звоните мне только в случае крайней необходимости, — прощаясь, сказал Галюков. — И прошу вас, ничего по телефону не говорить, только условиться о встрече. Мой телефон прослушивается, я в этом убежден. Даже проверял: не платил за телефон долгое время. По всем законам аппарат должны были отключить, а этого не сделали. Значит, меня подслушивают.

Как стало ясно Сергею позднее, и Галюков, и он были одинаково наивны в оценке возможностей КГБ. Его опасения о подслушивании домашнего телефона оказались только частью истины. Телефон правительственной связи на квартире Хрущева тоже подслушивался, а встреча Сергея с Василием Ивановичем была зафиксирована от первого до последнего шага. Потом они не могли сделать ни шагу без ведома компетентных органов.

Через некоторое время Хрущев вернулся в Москву. Во время вечерней прогулки сын рассказал ему о странном звонке и встрече с Галюковым.

— Повтори, кого назвал этот человек, — наконец прервал молчание отец.

— Игнатов, Подгорный, Брежнев, Шелепин, — стал вспоминать Сергей, стараясь быть поточней.

Отец задумался.

— Нет, невероятно. Брежнев, Подгорный, Шелепин — совершенно разные люди. Не может этого быть, — в раздумье произнес он. — Игнатов — возможно. Он очень недоволен, и вообще он нехороший человек. Но что у него может быть общего с другими?

В понедельник Сергей впервые после болезни отправился на работу. За ворохом новостей о происходившем на полигоне он совсем забыл о Галюкове.

Вечером, когда отец вернулся из Кремля, Сергей был уже дома. Отец, продолжая вчерашний разговор, сразу же начал без предисловий:

— Видимо, то, о чем ты говорил, чепуха. Мы с Микояном и Подгорным вместе выходили из Совета Министров, и я в двух словах пересказал им твой рассказ. Подгорный просто высмеял меня: «Как вы только могли такое подумать, Никита Сергеевич?» — вот его буквальные слова.

У Сергея сердце упало. Этого только не хватало: завести себе врага на уровне члена Президиума ЦК.

— В среду я отправлюсь, как собирался, на Пицунду, по дороге залечу в Крым, проеду по полям в Краснодарском крае, — продолжал отец. — На всякий случай я попросил Микояна побеседовать с этим человеком. Он тебе позвонит. Пусть проверит. Он тоже собирается на Пицунду, задержится тут немного, все выяснит, когда прилетит, мне расскажет.

— Может, тебе задержаться и самому поговорить с этим человеком? — робко предложил сын.

Отец поморщился. Было видно, что заниматься этим делом он не станет.

— Нет, Микоян — человек опытный. Он все сделает. Я устал, хочу отдохнуть. И вообще... давай прекратим этот разговор.

— Можно я тоже прилечу на Пицунду? В этом году я в отпуске не был. Поживу там с тобой, — переменял

Сергей тему разговора. В конце концов, отцу виднее, как поступать в подобной ситуации.

— Конечно! Мне будет веселее, — обрадовался он. — Сведешь этого чекиста с Микояном, бери отпуск и приезжай.

Отец улетел в Крым, где провел пару дней, а затем, с заездом в Краснодарский край, прибыл на Пицунду. Сергей оставался в Москве, решив не проявлять больше инициативы.

И вдруг в один из этих предотъездных дней у него на столе зазвонил телефон. Сергей снял трубку.

— Хрущева мне, — раздался требовательный голос.

Обращение было по меньшей мере необычным, и Сергей несколько опешил.

— Я вас слушаю...

— Микоян говорит, — продолжал собеседник. — Ты там говорил Никите Сергеевичу о беседе с каким-то человеком. Можешь его привезти ко мне?

— Конечно, Анастас Иванович. Назовите время, я созвонюсь и привезу его, куда вы скажете, — отозвался Сергей.

— На работу ко мне не привози. Приезжайте на квартиру сегодня в семь часов вечера. Привези его сам и поменьше обращайтесь на себя внимание, — то ли попросил, то ли приказал Анастас Иванович.

Сергей тут же набрал телефон Галюкова. На счастье, он оказался дома и сам снял трубку.

В тоне Галюкова было мало радости по поводу звонка, а когда Сергей сказал о Микояне, он просто испугался.

— Я бы не хотел, чтобы меня узнали...

— Не беспокойтесь. Мы поедем прямо на квартиру в моей машине, я сам буду за рулем. В семь часов уже темно. Охрана меня хорошо знает в лицо, я часто у них бываю, дружу с сыном Микояна Серго. Они не будут

выяснить, кто сидит со мной в машине, — успокоил Хрущев-младший.

Без пяти минут семь они были у ворот особняка Микояна.

Обычно Анастас Иванович встречал Сергея приветливо, осведомлялся о делах, подшучивал. На этот раз он был холодно-официален и всем своим видом подчеркивал, насколько ему неприятен этот визит. Такой прием Сергея окончательно расстроил — вот первый результат его вмешательства не в свое дело. А что будет дальше?

Анастас Иванович предложил сесть в кресла. Сам он устроился за столом. Обстановка была сугубо официальной.

— Ручка есть? — спросил он Сергея.

— Конечно, — не понял он, полез в карман и достал авторучку.

Микоян показал на стопку чистых листов, лежавших на столе.

— Вот бумага, будешь записывать наш разговор. Потом расшифруешь запись и передашь мне.

После этого он обратился к Галюкову несколько приветливее:

— Повторите мне то, что вы рассказывали Сергею. Постарайтесь быть поточнее. Говорите только то, что вы на самом деле знаете. Домыслы и предположения оставьте при себе. Вы понимаете всю ответственность, которую берете на себя вашим сообщением?

Василий Иванович к тому времени полностью овладел собой. Конечно, он волновался, но внешне это никак не проявлялось.

— Да, Анастас Иванович, я полностью сознаю ответственность и отвечаю за свои слова. Позвольте изложить вам только факты.

Галюков почти слово в слово повторил то, что он говорил Хрущеву-младшему во время их встречи в лесу.

Сергей быстро писал, стараясь не пропустить ни слова.

Пока Галюков рассказывал, Микоян периодически кивал ему головой, как бы подбадривая, иногда слегка морщился. Но постепенно он стал явно проявлять все больший интерес.

Василий Иванович закончил рассказ об уже известных Сергею событиях и вопросительно посмотрел на Микояна.

— Вы давно работаете с Игнатовым? Расскажите о нем, может быть, вас что-то настораживало раньше? — поинтересовался Микоян.

Галюков начал вспоминать о каких-то фактах многолетней давности, они неожиданно вплетались в недавние события.

Микоян сидел, задумавшись, не обращая на гостей никакого внимания. Мысли его были где-то далеко. Наконец он повернул к гостям голову. Выражение лица было решительным, глаза блестели.

— Благодарю вас за сообщение, товарищ...

Анастас Иванович запнулся и взглянул на Сергея.

— Галюков, Василий Иванович Галюков, — торопливо вполголоса подсказал Сергей.

— ...Галюков, — закончил Микоян. — Все, что вы сказали, очень важно. Вы проявили себя настоящим коммунистом. Я надеюсь, вы учитываете, что делаете это сообщение мне официально и тем самым берете на себя большую ответственность.

— Я понимаю всю меру ответственности. Перед тем как обратиться с моим сообщением, я долго думал, перепроверял себя, и целиком убежден в истинности своих слов. Как коммунист и чекист, я не могу поступить иначе, — твердо ответил Галюков.

— Ну что ж, это хорошо. Я не сомневаюсь, что эти сведения вы нам сообщили с добрыми намерениями и благодарю вас. Хочу только сказать, что мы знаем и

Николая Викторовича Подгорного, и Леонида Ильича Брежнева, и Александра Николаевича Шелепина, и других товарищей как честных коммунистов, много лет беззаветно отдающих все свои силы на благо нашего народа, на благо Коммунистической партии, и продолжаем к ним относиться, как к своим соратникам по общей борьбе!

Увидев, что Сергей положил ручку, Анастас Иванович коротко бросил:

— Запиши, что я сказал!

От всего этого Сергей оторопел: для кого предназначалась столь выпренная декларация? Галюков говорил о своих подозрениях, а эти слова перечеркивали все сказанное.

Василий Иванович недоуменно посмотрел на Микояна. В глазах мелькнул страх. А Сергей в который уже раз подумал, что напрасно ввязался в это дело.

Анастас Иванович встал, давая понять, что разговор закончен.

— Если у вас будут какие-то добавления или новости, позвоните Сергею. Когда понадобится, мы вас вызовем, — и, повернув голову к Хрущеву-младшему, Микоян закончил: — Оформи запись беседы и передай мне. Я третьего улетаю на Пицунду.

— Я тоже поеду туда, хочу догулять отпуск, — ответил Сергей.

— Туда и привезешь запись. Никому ее не показывай, ни одному человеку. Я расскажу обо всем Никите Сергеевичу, посоветуемся.

Анастас Иванович протянул Галюкову руку.

— Сергей отвезет вас.

На следующее утро Сергей, как обычно, был на работе. Нужно было ликвидировать долги перед отпуском, как всегда, накопилось много дел — завершались одни проекты, начинались другие. И,

главное, нужно было успеть оформить стенограмму беседы.

Расшифровать ее несложно. А как быть дальше? Печатать Сергей не умел, а доверить эту тайну кому-то постороннему невозможно. Было у них, конечно, машинописное бюро, где печатают самые секретные документы. Может, отдать туда? Нет, слишком рискованно. Придется писать от руки. Почерк у Сергея препаршивейший, но выбора нет.

Разложив свои листочки, он принялся за работу. Писал разборчиво, почти печатными буквами. Дело продвигалось медленно. Он вспоминал каждую фразу, старался не упустить ни слова. Постепенно втянулся, разговор врезался в память намертво. Крупные буквы заполняли страницу за страницей. Откуда-то пришло чувство собственной значимости, причастности к решению проблем государственной важности. Тревога последних дней отступила на второй план. Свою роль он выполнил. Сейчас Микоян уже на Пицунде, там они разберутся, что к чему, и примут все необходимые решения.

Вот и последняя страница. Заявление Анастаса Ивановича Сергей опустил: как-то оно не укладывалось в общий тон сухого перечисления фактов. Ведь готовилась не декларация, а справка для памяти.

Аккуратно собрал исписанные листы. Получилось хорошо, читалось легко, буквы все четкие, разборчивые. Мелькнула мысль: «Надо было бы под копирку сделать второй экземпляр». И тут же ее отбросил: «Зачем? Документ слишком секретный. Мало ли кому он может попасть в руки?» В тот момент он не мог себе представить реальной судьбы этой записки. Потом пришлось восстанавливать все по его заметкам, благо, хватило ума их не сжечь...

Итак, он в отпуске.

Через час-полтора дела закончены, и они выходят на аллею, тянущуюся вдоль пляжа. Но сначала заходят в соседний дом за Микояном.

Сергею не терпится узнать, что же происходит, но вопросов не задает. Надо будет — сами скажут.

И все-таки, не утерпев, встревает в их разговор:

— Я привез запись, Анастас Иванович. Что с ней делать?

— Вернемся, отдашь Анастасу, — отвечает за Микояна отец. — Вчера приезжал к нам Воробьев, секретарь Краснодарского крайкома, — продолжил он. — Мы его спросили обо всех этих разговорах с Игнатовым. Он все начисто отрицал. Оказывается, ничего подобного не было. Он нас заверил, что информация этого человека, забыл его фамилию, — плод его воображения. Он у нас тут целый день был. Еще пару индюков в подарок привез, очень красивых. Ты сходи на хозяйственный двор, посмотри.

Считая тему исчерпанной, отец вернулся к текущим делам.

Сергей, по его словам, оторопел. Так, значит, они все эти дни не только ничего не предпринимали, но даже не пытались выяснить, соответствует ли истине полученная информация?!

«Поговорили с Воробьевым»... Но если он действительно о чем-то договаривался с Игнатовым, что-то знает, то, без сомнения, им ничего не скажет. Интересно, чего они ожидали: признания в подготовке отстранения Хрущева? Что это? Наивность? Как можно проявлять такое легкомыслие?

Дорожка была узкой, втроем в ряд не уместиться. Хрущев-младший несколько поотстал и предался невеселым мыслям. Начало смеркаться. Стал накрапывать мелкий дождичек.

Наконец, они вернулись к даче. Микоян сказал, что пойдет к себе, а после ужина зайдет. Никита Сергеевич

пригласил его вечером посмотреть присланный из Москвы новый кинофильм.

Пока они разговаривали, Сергей сбегал в свою комнату и принес папку с записью беседы. Правда, он уже перестал понимать, нужна ли она еще кому-нибудь здесь, на Пицунде.

Анастас Иванович, не раскрывая, сунул папку под мышку и ушел к себе.

Вечером, после окончания фильма, Анастас Иванович попросил Сергея зайти. Недоумевая, он пошел следом за ним.

На даче Микоян жил один. Они поднялись на второй этаж, и он жестом пригласил Сергея в спальню. Там он открыл трехстворчатый гардероб и, согнувшись, полез рукой под высокую стопку белья, лежавшую на нижней полке. Повозившись, он достал из-под белья папку, которую привез Сергей.

— Все правильно записано, только добавь в конце мои слова о том, что мы полностью доверяем и не сомневаемся в честности товарищей Подгорного, Брежнева и других, не допускаем мысли о возможности каких-то сепаратных действий с их стороны.

Микоян говорил «мы» по привычке, от имени Президиума ЦК. Сергея это не удивило.

Они вышли из спальни в столовую, точно такую же, как и у Хрущева на даче. Даже мебель и чехлы на ней были одинаковы.

— Садись, пиши.

Сергей присел и начал писать. Анастас Иванович стоял рядом, изредка поглядывая через плечо.

Закончив писать, Сергей протянул ему рукопись. Тот внимательно прочитал последний абзац и удовлетворенно кивнул. Некоторое время он о чем-то раздумывал, потом протянул листы назад.

— Распишись.

Сергей удивился: это же не официальный документ.

— А зачем?

— Так лучше. Ведь ты же записывал беседу.

Никаких оснований возражать у Сергея не было. На многочисленных стенограммах, которые ему приходилось читать вслух отцу, всегда внизу стояло: «Беседу записал такой-то».

Сергей взял листок и расписался.

— Вот теперь все хорошо. — Анастас Иванович аккуратно подровнял листы, сложил их в папку и молча направился в спальню. Сергей не знал, что ему делать, и, секунду поколебавшись, так же молча последовал за ним. Микоян открыл шкаф и засунул папку под стопку рубашек.

Повернувшись, он уловил недоуменный взгляд Сергея.

— Здесь будет сохраннее, — немного смутившись, пояснил Анастас Иванович, — а вообще этот твой человек, видимо, много навывдумывал. Воробьев вчера полностью все отрицал. Бывает, у людей излишне разыгрывается подозрительность.

Сергей попытался осторожно заметить, что если сказанное Галюковым — правда, то вряд ли Воробьев — участник всего этого дела — сразу, без каких-либо доказательств, признается.

— Ладно, иди домой, — ответил Микоян, явно не желая обсуждений.

Интересные подробности, не правда ли? Сергей Хрущев, который очень дружен и сейчас с сыном Микояна, не делает никаких выводов. Их за него пытается сделать бывший работник хрущевского ЦК публицист и общественный деятель Ф. М. Бурлацкий.

Судя по рассказу Сергея, Микоян не показал протокола Никите Сергеевичу, он только в общей форме передал ему эту историю. И, вероятно, передал в успокоительных тонах. Поэтому Хрущев не принял никаких контрмер. Бурлацкий прямо говорит: он не

верит в версию, которая промелькнула в воспоминаниях Сергея, будто его отец сам отказался от борьбы, так как устал. Нет! Это был боец, и боец неистовый! Достаточно вспомнить XX съезд, или июнь 1957 года, или Венгрию в 1956 году, или карибский кризис. И был еще Хрущев в прекрасной рабочей форме. Что-то не то и не так.

Бурлацкий полагает, что на этот раз Никита Сергеевич понял бесполезность борьбы. Все было разыграно куда более умело, чем в 1957 году. Аппарат ЦК, КГБ и даже армия, которую возглавлял друг Хрущева Малиновский, больше не подчинялись ему. И еще ближайший соратник Микоян по-настоящему побоялся включиться в борьбу. Делать было нечего. Надо было подставить непокорную прежде, лобастую голову под неизбежный удар судьбы. Нет доказательств, что Хрущев внутренне сломался. Ему было всего семьдесят лет, и он мог продолжать свою деятельность. К тому же психологически он был совершенно не готов к крушению, напротив, чувствовал себя на вершине власти. Видимо, неожиданность удара и полное единство всех других членов руководства потрясли его. Он понял не только невозможность борьбы за власть, но и тщетность своих реформаторских усилий. Больше всего, по мнению Бурлацкого, Хрущев был поражен поведением самых близких соратников, подобранных им самим. Наверное, то же самое испытывает мужчина, когда застаёт любимую и прежде верную ему жену в постели с любовником. Онемение. Но если в последнем случае можно что-то предпринять, то в случае с Хрущевым сделать было ничего нельзя...

Смещение

Из дневниковых записей П. Е. Шелеста. Страницы от 12-13 октября 1964 года.

12 октября. Наконец я вылетел в Москву по сигналу Н. В. Подгорного. Улетая в Москву, я дал указания под разными предлогами пригласить в Киев всех членов и кандидатов в члены ЦК, членов Ревкомиссии КПСС и задержать их на несколько дней в Киеве до особого указания. Все эти организационные меры осуществлялись через А. Н. Соболя, второго секретаря ЦК КПУ. Подобные меры были приняты и по другим республикам. Что же касается членов ЦК от РСФСР, то они, по существу, все были уже в Москве.

В Москве я имел длительную беседу с Подгорным, Брежневым, Кириленко, Шелепиным и другими товарищами. Обсуждался главный вопрос, какую найти форму и причину, чтобы пригласить Н. С. Хрущева в Москву. Не догадается ли он обо всем и не примет ли ответных контрмер?

Обсуждали, какие вопросы поставить на Президиуме в присутствии Хрущева, кому выступить первому — Подгорному или Брежневу. Выступать им первыми нельзя было. Это было бы воспринято как борьба за власть. «Наивная скромность» — оно-то фактически так и было! Ведь никаких идейных или организационных мотивов в подходе к свержению Хрущева не было, а подбострастие перед ним его окружения продолжалось до рокового октябрьского Пленума ЦК. До этого Хрущеву никто не сказал осуждающего слова, только одобрение и преклонение. У многих был страх за свое положение, и он вызывал скрытую неприязнь за организацию интриг вокруг

Хрущева. Вот принцип политиканства в борьбе за власть.

12 октября почти весь день заседал Президиум ЦК КПСС без Хрущева. Там выработывалась методика проведения Президиума по прибытии и с участием Н. С. Хрущева. Заседание проходило в нервозности, страхе и неуверенности. Наконец, пришли к решению, что причиной для вызова Хрущева на заседание Президиума должно послужить то, что многие члены ЦК от РСФСР, Москвы, Ленинграда, Украины и Грузии задают много вопросов и требуют на них ответы по составлению 7-летнего или 8-летнего плана. Много было вопросов по записке Н. С. Хрущева по реорганизации сельского хозяйства. Что по этим и другим вопросам, мол, требуется ваше присутствие, Никита Сергеевич, члены Президиума тоже такого мнения и считают ваш приезд крайне необходимым. Такова была «легенда». По существу, уже на этом Президиуме обсуждался вопрос о стиле работы Н. С. Хрущева, о мерах и методах устранения его от руководства. Раздавались робкие голоса, мол, возможно, надо разделить посты Первого секретаря ЦК КПСС и Предсовмина, оставив на посту Предсовмина Хрущева. Но, зная характер и приемы Хрущева, против этого предложения яро выступил Брежнев.

Обстановка была довольно сложной. Если бы в кое-каких звеньях получилось хотя бы малейшее колебание, то трудно было предсказать, чем все это могло закончиться. «Гордиев узел» не развязать. Пришли к единому мнению: надо рубить.

Решено было, что на Президиуме первым в обсуждении вопроса должен выступить я — «все же голос периферии» — и сразу дать почувствовать, что Украина критикует существующие порядки и стоит за изменение стиля и методов руководства. Пришли также к единому мнению, что вечером 12 октября надо

звонить в Пицунду Н. С. Хрущеву и приглашать, по существу, вызывать, требовать его приезда в Москву на заседание Президиума. По логике, звонить должен был Подгорный, так как он фактически исполнял все обязанности по ЦК. Но после некоторого обсуждения и выступления Подгорного, в котором чувствовалось его нежелание звонить (а доводы были такие, что накануне Хрущев разговаривал с Подгорным и никаких подобных вопросов не возникало, поэтому звонок Подгорного будет нелогичным и может вызвать некоторое подозрение), было решено, что звонить должен Брежнев.

Где-то около 21 часа Брежнев звонит Хрущеву. Мы все находимся тут же, в комнате заседаний Президиума ЦК КПСС в Кремле. При нас состоялся разговор. Брежнев волновался, терялся, некоторые вопросы приходилось подсказывать. Чувствовалось, что Хрущев с Брежневым разговаривал строго. Последний при разговоре побледнел, губы посинели, и говорил с какой-то дрожью в голосе. Все же Брежнев кое-как провел разговор, изложил суть дела и высказал просьбу, что желательно, чтобы Н. С. Хрущев прибыл в Москву 13 октября. Брежнев нам передал, что Хрущев сказал: «Что у вас там случилось? Не можете и дня обойтись без меня? Хорошо, я подумаю. Здесь Микоян, я с ним посоветуюсь. Позвоните мне позже».

На этом первый разговор и закончился. Чувствовалось какое-то замешательство и возбуждение.

Спустя час Брежнев снова позвонил Хрущеву. Никита Сергеевич сказал с некоторым раздражением: «Хорошо, я завтра в 11. 00 вылетаю в Москву вместе с Анастасом Ивановичем».

Микоян позже говорил, что Никита Сергеевич после звонка из Москвы сказал ему: «Чувствую я, Анастас Иванович, что-то недоброе». Микоян по незнанию обстановки и простоте своей успокаивал его.

Н. С. Хрущев любил рассказывать во всех подробностях и тонкостях дела, как он организовывал борьбу с «антипартийной» группой, как арестовывал Берию. Многие методы, приемы и тактика, известные из рассказов Хрущева, были применены нами при подготовке мероприятий по смещению самого Н. С. Хрущева.

12 октября ночью в особняке № 7 на Ленинских горах я готовился, составляя тезисы выступления на Президиуме ЦК. Требовалось аргументированное и разоблачающее, обличающее пороки Хрущева выступление. Эта ночь запомнилась мне на всю жизнь. Она была очень тяжелой, ибо ни я, ни кто другой не знал, куда мы идем, и будет ли это лучше, но пути отступления уже были отрезаны, да и отступить некуда было.

13 октября. В Москву прибыли все члены ЦК КПСС. Члены ЦК от Украины тоже по команде из Киева выехали в Москву и разместились все в гостинице «Москва».

Хрущев прямо с аэродрома прибыл в свой кабинет в Кремле. Не успел он оглядеться, как вся его охрана была заменена. Тут четко сработал В. Е. Семичастный. И в дальнейшем органы КГБ полностью контролировали всю систему охраны и всю внутреннюю и внешнюю связь. Так все выходы на внутренний и внешний мир были блокированы. Что это было сделано правильно, мы в этом убедились позже.

В 3 часа дня в кремлевском зале заседаний Президиума ЦК мы были в полном сборе — все члены Президиума, кандидаты и секретари ЦК КПСС. Ждали прибытия Н. С. Хрущева и А. И. Микояна. И ждали не без волнения, а с большим напряжением, ведь мы сидели в помещении, оторванные от внешнего мира, не зная о том, что делается вокруг нас. И полагались на информацию, поступающую от Семичастного и

Шелепина. Они обеспечивали все, и мы в эти часы находились в их руках и их власти.

Наконец наступила долгожданная минута, когда в зал заседаний вошли Н. С. Хрущев и А. И. Микоян. Все притихли. Хрущев поздоровался и спросил: «Ну что здесь случилось? Кто будет вести Президиум?» Так как место председательствующего занято не было, Хрущев занял его и открыл заседание. Нами так было предусмотрено, что председательствовать будет Хрущев, это, мол, признак еще одного проявления «демократической воли Президиума», хотя уже все заранее было распределено и известно, и все это было одной из деталей расписанного сценария.

Заняв председательское место, Н. С. Хрущев, ни к кому не обращаясь, спросил: «Кто же будет говорить, в чем суть вопроса?» Наступило, как говорится, гробовое молчание, хотя видно было, что и Хрущев напрягает все силы, чтобы не сорваться. Выглядит он очень усталым, осунувшимся.

После некоторого молчания и замешательства слово «для информации» взял Л. И. Брежнев — так было условлено на Президиуме до приезда Хрущева. Уже тогда даже по этому можно было понять, что основная группа членов Президиума делает ставку на Брежнева в решении предстоящих организационных вопросов. Хотя, прямо сказать, можно и нужно было делать ставку и на других, которые имели большой опыт работы и более солидную подготовку, да и другими лучшими качествами обладали. Здесь конкретно речь идет о Н. В. Подгорном, и впоследствии время само это подтвердит. Но вместе с этим надо отдать должное Брежневу: он сумел сделать информацию острой, да иначе и быть не могло, ведь шли ва-банк.

Брежнев говорил, что в Президиуме нет коллегиальности. Многие решения принимаются непродуманно. Допускается оскорбление

единомышленников по работе. Непомерно возрождается и растет культ личности Хрущева. Разделение обкомов партии на промышленные и сельские — это большая ошибка, в партии и народе это не поддерживается, неприемлемо. Последняя записка по управлению сельским хозяйством путаная. Здесь все запутано. Речь Брежнева была короткой, но, правду надо сказать, содержательной, казалась аргументированной и убедительной. Но в его речи ничего не было сказано, а какова же во всех этих вопросах роль самого Президиума ЦК. Чувствовалось, что все эти «жгучие» вопросы в такой плоскости ставятся впервые.

Взял слово Н. С. Хрущев. Он сказал: «Все здесь сказанное Брежневым, к моему огорчению, я, возможно, и не замечал, но мне никто никогда об этом и не говорил, а если это так, то надо бы было сказать, ведь я тоже просто человек. Кроме всего, вы ведь все меня во всем поддерживали, всегда говорили, что делается все правильно. Вас всех я принимал как единомышленников, а не противников или врагов. Вы ведь не можете сомневаться в моем честном и искреннем отношении ко всем вам. Что касается некоторых выдвинутых здесь вопросов, в том числе и разделения обкомов партии на промышленные и сельские, так ведь этот вопрос не один я решал, он обсуждался на Президиуме, а затем на Пленуме ЦК КПСС и был одобрен, в том числе и вами, здесь присутствующими. Каждое мое предложение было направлено к лучшему, а не к худшему, и каждое из них обсуждалось вместе с вами. Я предан нашей партии и народу, я, как и все, мог иметь какие-то недостатки. Так спрашивается: почему же о них мне раньше никто не сказал, разве это честно среди нас, единомышленников? Что касается допущенных

грубостей к некоторым товарищам, то я приношу извинения». Вот содержание его первого выступления.

Начался самый тягостный момент, надо было начинать обсуждать вопрос. Как и было установлено, надо было мне выступать первому.

На этом прервем дневниковые записи П. Е. Шелеста. Официально стенограмма заседания Президиума ЦК КПСС 13-14 октября 1964 года не велась. Сохранились лишь рукописные записи заведующего Общим отделом ЦК В. Н. Малина.

Текст писался на специальных карточках. Вот они, с сохранением орфографии.

Из рукописных записей заведующего Общим отделом ЦК КПСС В. Н. Малина выступлений на заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября 1964 года.

т. Шелест. *(Первый секретарь ЦК КП Украины. В апреле 1964 года на праздновании 70-летия Хрущева поднял тост «За вождя партии!»)*

В 1957 г. ставили задачу догнать и перегнать США, а получился провал деятельность нашу дискредитирует говорили о жилье — не выполнили.

т. Воронов. *(Председатель Совета Министров РСФСР.)*

В результате неправильного и непарт. отн. т. Хрущева создалась нетерпимая обстановка возник новый культ личности Хрущева. По существу коллективного рук. нет. Не терпит никаких замечаний.

т. Козлов. *(Секретарь ЦК КПСС.)*

Последнее совещание: т. Хрущев наговорил много ерунды. Мне говорил — вы самый опасный человек. Прекратить практику сосредоточения власти в одних руках. Отпустить на пенсию я бы проголосовал.

т. Шелепин. *(Председатель Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР.)*

У вас сосред. власть вы ею стали злоупотреблять — боялись. Нетерпимая обстановка. Культ личности полностью сложился. Вера в вас падала, падала. Самомнение непомерное. Характеристика данная Лениным Сталину — полностью относится к вам. Окружили себя сомнит. людьми. Темп за 10 лет — упал. Национ. доход — с 11 % до 4 % упал. С империалистами мы должны быть на страхе. Отступаете от гл линии. Кубинский кризис — авантюра, жонглирование судьбами народа. Вы сказали «Октябрьскую революцию совершили бабы».

т. Кириленко. *(Первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР.)*

Речь идет о серьезных ошибках — грубо стал нарушаться ленинский стиль в руководстве. Ничем не оправдано сосредоточение власти в одних руках слащавость любите. А людей честных — отталкиваете почему вы таким стали?

т. Мазуров. *(Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии.)*

Стиль работы — записки нездоровое соревнование — догнать Америку. Непрерывные реорганизации. Критики в ЦК — нет.

т. Ефремов. *(Председатель Бюро ЦК КПСС по руководству сельским хозяйством.)*

Вы были другим человеком. Вы грубите с кадрами. Игра в вождизм. Высмеивание и сарказм назойливо выпячивается документация с вашим именем.

т. Суслов. *(Секретарь ЦК КПСС.)*

Все положит. приписыв. Хрущеву, недостатки — обкомам поощряете подхалимов. Семейные выезды. Поездки Аджубея бесполезны. Шумиха в печати. Самореклама. В беседе с японскими социалистами — наговорили много лишнего.

т. Гришин. *(Председатель ВЦСПС.)*

Газеты заполнены вашими выступлениями фотографиями. Правительственные органы парализованы. Ни ответа ни привета по вопросам материального положения (в семилетке).

т. Полянский. *(Заместитель Председателя Совета Министров РСФСР.)*

Другой Хрущев стал. В первую пятилетку вел себя хорошо. В последнее время захотел возвыситься над партией стал груб. Сталина поносите до неприличия неудовлет. дела в деревне. Седеет деревня. Лысенко — Аракчеев в науке. Вы 10 академиков Тимирязевки не принимаете два года, а капиталистов с ходу принимаете. Тяжелый вы человек. Теперь вы другой. Заболели манией величия. Уйти вам со всех постов в отставку.

т. Шелепин. т. Микоян ведет себя неправильно послушайте его.

т. Микоян. *(Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.)*

Нет мстительности. Идет на смелое выдвижение людей. Неправильное отсечь. Т. Хрущеву разгрузить, должен оставаться у руководства партии.

т. Рашидов. *(Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана.)*

В вашем характере — противоречивость. Товарищей унижаете.

т. Косыгин. *(Первый заместитель председателя Госплана СССР.)*

Стиль т. Хрущева — не ленинский. Все сам все сам. Письма льстивые рассылаете а критические нет. Интриговали — вы не радуетесь росту людей. Доклад т. Сулова сначала хвалил потом хаил. Вас освободить от всех постов.

т. Подгорный. *(Секретарь ЦК КПСС.)*

Согласен с выступлениями всех (кроме т. Микояна). Мы все с уважением относились к т. Хрущеву. Сейчас он

другой. Вы виноваты. Обстановка с т. Хрущевым невозможно поговорить. Лучше если бы сам попросил освободить.

т. Брежнев. (*Секретарь ЦК КПСС.*)

Согласен со всеми. С вами я прошел с 38 г. В 57 г. боролся за вас. Не могу вступать в сделку со своей совестью. Освободить т. Аджубея от обязанностей редактора Известий. Освободить т. Харламова от пред к-та радио и телевидения. Освободить т. Хрущева от заним. постов.

т. Хрущев. С вами бороться не могу. Вашу честность ценю. По-разному относился, прошу извинения за грубость т. Полянского и Воронова. Гл. ошибка — слабость проявил, а потом не оказал сопротивления. Грубость по адресу Сахарова признаю. Келдыша — тоже. Зерно и кукуруза — придется вам заниматься. Укрепление соц. лагеря все надо делать, чтобы трещины не было. Не прошу милости — вопрос решен. Я сказал т. Микояну — бороться не буду. Зачем буду искать краски и мазать вас. Радуюсь наконец партия выросла и может контролировать любого человека. Собрались — и мажете говном, а я не могу возразить. Выражаю с просьбой об освобожден. Если надо — как надо поступить я так и поступлю. Где жить?

Из дневниковых записей П. Е. Шелеста.

14 октября 1964 года. В 18.00 в Свердловском зале Кремля открылся Пленум ЦК. По поручению Президиума ЦК открыл заседание Н. В. Подгорный.

На повестке дня один вопрос — организационный. С докладом выступил М. А. Суслов. Сказав несколько слов о положительных моментах работы ЦК, он перешел к изложению сути вопроса по Хрущеву.

Н. С. Хрущев в президиуме, в стороне, понурил голову. Думаю, что ему было очень и очень тяжело, это надо было набраться мужества все выслушать и вытерпеть. Может быть, это было и излишним, что он

присутствовал на Пленуме, это ведь для него непоправимая тяжелая морально-политическая травма. В докладе Суслова было высказано все, что было сказано в течение двух дней заседания Президиума ЦК, но некоторые вопросы еще больше обострены. Чувствовалось, что была проведена большая работа среди членов ЦК, то и дело раздавались выкрики «правильно», но это, как правило, одни и те же крикуны, они бывают во все времена. Хрущеву они тоже кричали «правильно».

В основном же Пленум проходил с большим напряжением, каждый серьезный человек чувствовал ответственность за принимаемый акт и думал о будущем: а что будет дальше?

Доклад Суслова длился около двух часов, после доклада никаких вопросов не поступило, обсуждения доклада тоже не было. Решение Пленума было принято с поспешностью, просто штурмом. В один миг освободили Н. С. Хрущева от должности Первого секретаря ЦК и Предсовмина, вывели из состава Президиума ЦК. Членом ЦК оставили. Правда, те же крикуны подавали голос, чтобы вывести его из состава ЦК. Но за это надо было голосовать тайно, и была некоторая опасность, а вдруг что? Удовлетворили просьбу Н. С. Хрущева об уходе его на пенсию. Как только это решение было принято, сделали перерыв.

Н. С. Хрущев, понурив голову, придавленный, просто раздавленный, уехал и до своей кончины не был в Свердловском зале.

Так закончилась политическая карьера этого энергичного, общительного, своеобразного человека.

Свои воспоминания о снятии Хрущева оставили и другие видные деятели той эпохи. Их записки и устные рассказы содержат свое видение подробностей политической борьбы, развернувшейся в Кремле. Всплывают неизвестные прежде детали, в частности,

кто готовил заявление Хрущева об освобождении его со всех постов, которое Никита Сергеевич подписал. Выясняется, что авторство принадлежало В. В. Гришину. Он же свидетельствовал, что на дачу в Пицунду, где отдыхал Хрущев, звонил именно Брежнев, а не Сулов, как потом рассказывали некоторые. При этом вызванные с мест в Кремль члены и кандидаты в члены ЦК, члены Центральной ревизионной комиссии находились в зале пленумов ЦК — рядом с залом, где заседал Президиум ЦК.

На заседании Президиума было решено, чтобы Л. И. Брежнев позвонил по телефону на госдачу в Пицунду, где отдыхал Н. С. Хрущев, и пригласил его прилететь в Москву на заседание Президиума ЦК. Войдя в соседнюю комнату, Л. И. Брежнев быстро созвонился с Н. С. Хрущевым и передал ему просьбу срочно прилететь в Москву. После некоторых колебаний Н. С. Хрущев согласился прибыть на заседание.

Прямо с аэродрома Внуково Н. С. Хрущев вместе с А. И. Микояном (он был в то время Председателем Президиума Верховного Совета СССР и находился с Хрущевым в Пицунде) приехал в Кремль и пришел в зал заседаний Президиума ЦК.

Все сидели на своих местах. Н. С. Хрущеву предложили, как и прежде, председательствовать на заседании. Первым выступил Л. И. Брежнев. Он рассказал, что в партии и стране накопилось много претензий к работе Н. С. Хрущева как Первого секретаря ЦК, Председателя Совета Министров СССР. В этих условиях целесообразно, чтобы он подал в отставку и ушел на пенсию. Далее Н. С. Хрущев предоставлял поочередно слово всем членам и кандидатам в члены Президиума ЦК. Каждый отмечал недостатки и ошибки в работе Первого секретаря ЦК, предлагал ему подать заявление об уходе на пенсию. Лишь один А. И. Микоян, не возражая против

освобождения Никиты Сергеевича от занимаемых постов, рекомендовал утвердить его министром сельского хозяйства. На заседании выступал и Гришин. Он говорил, что по возрасту Н. С. Хрущеву уже трудно выполнять возложенные на него обязанности, что он стал почти недоступен для решения вопросов, возникающих у руководящих товарищей, даже входящих в состав Президиума ЦК, и что в сложившейся обстановке ему целесообразно перейти на пенсию.

Последним выступил Н. С. Хрущев. Он выразил признательность всем товарищам за критические замечания в свой адрес, посетовав на то, что раньше этих замечаний ему не высказывали. Говорил, что все свои силы, опыт, жизнь он посвятил партии. Был и будет до конца ей верен (здесь он заплакал). Сказал: пусть подготовят заявление о переходе на пенсию, которое он подпишет. Президиумом было поручено Гришину и секретарю ЦК Л. Ф. Ильичеву подготовить такое заявление. Оно было составлено, Никита Сергеевич его подписал.

У Гришина находим подробности решения вопроса о преемнике Хрущева. После того как Никита Сергеевич покинул зал Президиума ЦК, заседание было продолжено. Л. И. Брежнев предложил выдвинуть на пост Первого секретаря ЦК Н. В. Подгорного. Но тот отказался, сказав, что на этот пост надо рекомендовать Л. И. Брежнева. Такое решение было принято, и все пошли проводить Пленум ЦК. Пригласили Никиту Сергеевича. Он пришел, накинув на плечи габардиновое светлое пальто. Сел в президиум в конце стола. Вид у него был как у больного человека. Пленум доложил о заявлении Н. С. Хрущева о переходе на пенсию, о решении Президиума ЦК по этому вопросу и внес предложение освободить Н. С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК, члена Президиума ЦК партии и Председателя Совета Министров СССР (этот вопрос

потом решался Верховным Советом СССР) в связи с уходом на пенсию. Прения по докладу на Пленуме не открывались, не выступал и Никита Сергеевич. Пленум освободил его от занимаемых постов в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья. Затем Пленум избрал Первым секретарем ЦК партии Л. И. Брежнева.

На состоявшейся вскоре сессии Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева освободили от должности Председателя Совета Министров СССР. Новым председателем Совмина стал А. Н. Косыгин. В связи с уходом на пенсию А. И. Микоян был освобожден от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР в 1965 году. На эту должность был избран Н. В. Подгорный.

День 14 октября 1964 года Н. А. Мухитдинову запомнился тем, что утром ему позвонил на работу заведующий Общим отделом ЦК Малин и сообщил, что в Свердловском зале Кремля через три часа состоится Пленум ЦК. Нуриддин Акрамович спросил о повестке дня. Главный протоколист ЦК сказал, что не знает.

Когда все собрались в зале, из боковой комнаты вышел Брежнев и занял место председательствующего. За ним остальные члены Президиума, последним показался Хрущев и сел на крайний стул с правой стороны. Сразу можно было понять, что произошло и о чем пойдет речь...

Леонид Ильич, объявив Пленум открытым, сообщил, что Президиум вносит на рассмотрение одно предложение, о чем доложит Суслов, и предоставил ему слово. Суслов говорил около тридцати минут. Это был не доклад, а сообщение, подготовленное, чувствовалось, на скорую руку. В нем назывались события, факты, обвиняющие Хрущева. В конце своего сообщения он объявил, что Никита Сергеевич подал заявление об освобождении его от занимаемой должности по состоянию здоровья.

Брежнев сказал, что, видимо, нет нужды открывать прения: вопрос ясен, к тому же есть обращение самого Хрущева. Аристов и Пегов выступили с короткими заявлениями в поддержку Суслова. Леонид Ильич зачитал проект решения. Все единогласно проголосовали.

Затем он предоставил слово Н. В. Подгорному. Тот отметил достоинства, способности и авторитет Брежнева и от имени Президиума предложил избрать его Первым секретарем ЦК КПСС, добавив, что все, находящиеся в зале, его хорошо знают и, надеется, что поддержат внесенное предложение. Он зачитал проект решения. Проголосовали за него единогласно и аплодисментами поздравили нового лидера партии.

Ну а кремлевский охранник С. П. Красиков внес свой штрих в эту историю.

Никита Сергеевич последнее время гневался не только на охрану и на соратников, но даже и на лично преданных ему друзей — Николая Викторовича Подгорного и Леонида Ильича Брежнева за то, что те позволяли себе в его присутствии курить. Курильщиков он не жаловал. Гневался с громом и молнией, с грозными окриками и даже с рукоприкладством. Подгорного, закурившего однажды при нем на Внуковском аэродроме, он с криками: «Пошел вон!» — грубо оттолкнул от себя.

А перед очередным чествованием космонавтов на Красной площади стрепетом кинулся на закурившего Брежнева, вместе с губами схватил у него сигарету с мундштуком и так рванул, что сначала раздался резкий щелчок брежневских губ, а затем щелчок кинутого на асфальт мундштука.

— Сколько раз нужно тебе говорить: не дыми мне в лицо! Сколько раз говорить?

Будущий генсек на выходку Хрущева никак не среагировал, продолжал разговаривать с Шелепиным,

будто ничего не случилось.

Красиков, по его словам, поднял мундштук и протянул его Брежневу.

— И ты с ними заодно? — взвизгнул Хрущев почти в микрофон. Подбежав, снова выхватил мундштук у Брежнева и с негодованием запустил его на лестницу.

Сотрудники охраны подобрали инкрустированную дымокурню, но передавать мундштук Брежневу не рискнули: очень уж много неприятных воспоминаний нес он владельцу.

Как знать, может, именно толчки в спину, окрики и вырванный из губ мундштук и стали впоследствии теми каплями, которые и настроили членов Президиума на смещение Хрущева, заключает бывший офицер «девятки».

Технические детали

Члены хрущевской команды дружно возмущаются: каких только нелепых слухов не вводят в оборот общественного мнения иные всезнающие публицисты по поводу того, как протекало само возвращение Хрущева с Пицунды, какими детективными обстоятельствами оно было обставлено. Аджубей тоже иронизировал: тут и смена охраны в самолете, и невозможность связаться по радио с Москвой, и попытка лететь в Киев. Все это за гранью документального, считает хрущевский зять. Есть точные данные о прилете Хрущева в Москву, о совете ехать прямо на заседание Президиума ЦК, равно как и сведения о том, к каким мерам готов был прибегнуть Брежнев для смещения Хрущева. Сказать об этом может только бывший председатель КГБ В. Е. Семичастный. Когда он скажет, мы будем знать полную правду.

Аджубей, по его словам, мог засвидетельствовать только одно: Хрущев прилетел с Пицунды с прежней командой личной охраны, правительственный телефон в особняке, где он жил, работал исправно (по нему в те дни Алексею Ивановичу в «Известиях» неоднократно звонила жена), Хрущеву подавался автомобиль с его прежним шофером и т. д. Ни он, ни Микоян не говорили о каких-то чрезвычайных мерах вокруг их персон. Аджубею хорошо запомнилось, как вернувшись поздно вечером домой после первого заседания, Никита Сергеевич сказал начальнику своей охраны полковнику Литовченко: «Завтра утром поеду к зубному врачу».

Хрущев был в те часы очень немногословен, прошел к себе на второй этаж в кабинет и не спустился в столовую. Анастас Иванович Микоян задержался на

несколько минут у подъезда. Тут стояли его сын Серго, Сергей Хрущев, Рада и Аджубей. Они услышали от него: «Хрущев забыл, что при социализме тоже может вестись борьба за власть». Еще одну фразу он сказал Аджубею: «Хорош твой друг Шелепин, ты его пропагандировал, а он тебя сейчас обливал грязью...»

Ф. М. Бурлацкий считает, что Сергей Хрущев искренне заблуждается, когда утверждает, что главной пружиной в заговоре против его отца был Брежнев. Это заблуждение, объясняет свою точку зрения известный политолог и общественный деятель хрущевского призыва, впрочем, легко понять, так как именно Брежнев должен был вызывать особую ненависть у Хрущева и его семьи после «октябрьского переворота», поскольку ни к кому другому Хрущев так хорошо не относился, как к нему. Кроме того, Сергей, вероятно, не может признаться себе самому, в какой степени он, и в особенности Аджубей были обмануты Шелепиным и Семичастным — комсомольскими «младотурками», как их между собой называли побежденные хрущевцы. Те не только сумели вкратиться к ним в доверие, выглядеть самыми надежными, закадычными друзьями-приятелями, прежде всего Аджубея, но и самым ловким образом провели родственников Хрущева в драматический момент октябрьского Пленума.

Нет, утверждает Бурлацкий, свержение Хрущева готовил вначале не Брежнев. Многие полагают, что это сделал Суслов. На самом деле начало заговору положила группа «молодежи» во главе с Шелепиным. Собирались они в самых неожиданных местах, чаще всего на стадионе во время футбольных состязаний. И там сговаривались. Особая роль отводилась Семичастному, руководителю КГБ, рекомендованному на этот пост Шелепиным. Его задача заключалась в том, чтобы парализовать охрану Хрущева. И действительно, когда Хрущева вызвали на заседание Президиума ЦК

КПСС из Пицунды, где он отдыхал в это время с Микояном, его встретил на аэровокзале один Семичастный. Хрущев, видимо, сразу понял, что к чему. Но было уже поздно.

Бурлацкий ссылается при этом на сведения, можно сказать, из первых рук. Вскоре после октябрьского Пленума он с Е. Кусковым готовил речь для П. Н. Демичева, который был в ту пору секретарем ЦК. И он торжественно рассказал им, как Шелепин собирал бывших комсомольцев, в том числе его, и как они разрабатывали план «освобождения» Хрущева. Он ясно давал понять, что инициатива исходила не от Брежнева и что тот только на последнем этапе включился в дело. Бурлацкому хорошо запомнилось взволнованное замечание Демичева: «Не знали, чем кончится все и не окажемся ли мы завтра неизвестно где». Примерно то же сообщил, правда, в скупых словах и Андропов.

А бывший председатель КГБ В. Е. Семичастный вообще рассказывал, что будто бы в суете борьбы за власть Л. И. Брежнев выяснял у него возможность чуть ли не физического устранения Хрущева. Однако, по словам Бурлацкого, Семичастный явно пытается взвалить ответственность за организацию заговора на Брежнева и снять ее с себя, выдвигая против него самые неправдоподобные обвинения.

Бурлацкий напрочь их отменяет: осторожный и трусоватый Брежнев никогда не решился бы на такое предложение — убить Хрущева. Да и нравы к тому времени радикально изменились в сравнении со сталинской эпохой. Никто из членов Президиума ЦК не поддержал бы такой чудовищной акции. Бурлацкий полагает: это высказывание Семичастного служит как раз дополнительным доказательством того, что заговор исходил от них — от Шелепина, Семичастного и их ближайших приверженцев. Иначе зачем надо было бы задним числом возводить напраслину на Брежнева? В

общем-то, это довольно обычное дело: когда люди начинают говорить неправду, они не могут остановиться.

И снова взгляд на эту проблему сотрудника кремлевской охраны. Неважно, что бывшего. Рассказ Анатолия Михайлова, старшего сержанта из личной охраны Хрущева, записал журналист М. Руденко из газеты «Труд».

Отдых был, как всегда: купались, загорали — как в раю. А потом стали замечать, чувствовать: происходит что-то не то.

На траверзе залива вдруг замаячили бронекатера, которых раньше здесь никогда не бывало. Прислуга стала молчаливой, замкнутой... В воздухе повисла гнетущая тишина. А главное, Никита Сергеевич несколько раз уходил с Анастасом Микояном на дальнюю косу и о чем-то с ним долго беспокойно беседовал.

Гром грянул, когда однажды среди ночи «Крокодил» (так бойцы называли своего командира, майора по званию. — *Н. З.*) вдруг объявил о «немедленном свертывании постов» и возвращении в Москву.

Часа в четыре утра они уже были на аэродроме, а еще через полчаса Ил-18, нагруженный под завязку пассажирами, челядью и охраной, взлетел и взял курс на Москву.

Казалось бы, обычное дело: ведь летали с Никитой Сергеевичем много раз. И он всегда был приветлив, находил минуту, чтобы выйти и перекинуться парой прибауток. На этот раз все было иначе.

Явно чем-то расстроенный, он принялся вдруг расхаживать по дорожке салона, нервно потирая руки и озираясь по сторонам. И минут через десять впервые за все годы забарабил кулаком в задраенную дверь пилотской кабины, которую — и Хрущев прекрасно знал

об этом — пилотам категорически запрещалось открывать в полете.

Как и следовало ожидать, на стук Никиты Сергеевича никто не отзывался. Минут через пять он постучал снова. И снова «глухо». Тогда бросился к «Крокодилу»:

— Майор! Приказываю экипажу лететь на Киев! В столице — заговор!..

Охранники, конечно, наблюдали за Никитой Сергеевичем и уже внутренне напряглись до предела.

Их шеф, разумеется, был закаленным, много повидавшим на своем майорском веку служакой. Но и он от слов Хрущева опешил...

Повторив несколько раз свой приказ, Никита Сергеевич принялся ходить от одного к другому, хватая каждого за рукава:

— Товарищи, заговор! Поворачивайте на Киев!

Драма усугублялась тем, что охранникам категорически запрещалось разговаривать с вождем. И сцена эта от их молчания становилась просто невыносимой!

Хрущев на некоторое время впал в оцепенение, посидел молча, затем снова поднялся и подскочил к «Крокодилу» с криком:

— Полковник! Ты Герой Советского Союза! Поворачивай на Киев. Это мой последний приказ.

«Крокодил» отмолчался снова, и Никита Сеогеевич крикнул всем с нотками непередаваемой тоски и отчаяния в голосе:

— Ребята! Вы все — Герои Советского Союза! Летим на Киев. Там — наше спасение...

Видя, что охрана в «отключке», Хрущев вскоре прекратил эти призывы и удалился в свой салон.

Дошло дело наконец до приземления. Невыносимо долго самолет рулил куда-то по полосе, не подавали трап... Те, кто мельком взглянул в иллюминатор,

обомлели: подъехал не традиционный лимузин вождя, а предназначенный для охраны облезлый ЗИЛ.

Томительно долго открывали дверь, в которую первой юркнула стюардесса в белых перчатках и встала на верхней ступеньке с левой стороны. Следом шагнул нахохлившийся Никита Сергеевич, понутив голову и став от этого еще ниже. Увидев там, внизу, трех цековских деятелей «второго сорта», переминавшихся в неловких позах, Хрущев дал волю переполнявшим его душу чувствам:

— Предатели! Хриstopродавцы! Перестреляю, как собак!..

В это мгновение силы оставили его, и в тишине все услышали глухие рыдания, прерывавшиеся время от времени проклятиями и угрозами...

Губительный путь

Из выступления министра обороны Р. Я. Малиновского на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 года.

Развенчивая культ Сталина, Хрущев создавал свой. Перестал советоваться и все возражения отвергал с ходу. Поэтому люди стали избегать высказывать свои мысли.

Карибский кризис мы создали сами и с трудом выкрутились. В итоге мы тут много потеряли, и наш авторитет оказался подмоченным.

Реорганизацию и сокращение армии провели непродуманно. Миллион двести тысяч у нас не получилось. Потом был поход против авиации как анахронизма. Здесь он пошел вопреки логике и принес прямой вред. Не соглашавшихся с ним обзывал рутинерами. Все это било по нашей боеготовности.

Флот. Десять лет утверждалась программа строительства. Но и сегодня нельзя сказать, что все утрясено. А совсем недавно под удар попали танки...

Ракетная техника. Челомей (академик АН СССР, конструктор крылатых ракет. — Н. З.) через Сережу (сын Хрущева, работал у Челомея. — Н. З.) обрабатывал папу, как хотел, всеми силами тянул свою «крылатку». А Сережа делал погоду своими докладами отцу из первых рук. С большим трудом и даже с помощью обмана прошла «штука» Макеева (создатель баллистических ракет. — Н. З.).

На Пленуме и другие военные говорили о том, что Хрущев с легкостью невероятной, как подгулявший купчик, творил свою волю. Однажды ему показали боевую машину пехоты, на что он ответил: «Раз есть снаряд, пробивающий броню, делайте простые

автомобили». Корабль, по его выражению, должен был стать «крылатым, ныряющим, плавающим». Даже самое богатое воображение не могло представить корабль, обладающий одновременно всеми этими свойствами.

Странно, если бы было иначе. У Хрущева было воинское звание всего лишь генерал-лейтенанта, которое он получил в 1943 году. Специального военного образования он не имел. Назначался членом Военного совета Юго-Западного направления, ряда фронтов. Впрочем, сравнивать его военные заслуги с заслугами поистине видных военачальников вряд ли уместно. Некоторые живописные полотна 50-60-х годов воспевали военное мужество и полководческую мудрость Никиты Сергеевича. Однако ни документы военной поры, ни воспоминания соратников, ни даже собственные мемуары Хрущева не дают подтверждения этому. Полотна свидетельствуют лишь о том, что и он, увы, как многие государственные деятели, не избежал искушения быть запечатленным в героическом виде. На войне он был человеком, в меру сил старавшимся добросовестно выполнять свои обязанности, но не оказывавшим существенного влияния на ход событий.

Из беседы Ф. Чуева с Л. Кагановичем:

Каганович. Я Хрущева выдвигал. Он был способный человек. Но самоуверенный. Попал не на свое место. В качестве секретаря обкома, крайкома он мог бы работать и работать. А попал на пост секретаря ЦК, голова у него вскружилась, а главное, он линию непартийную повел шумно очень. То же самое о Сталине можно было по-другому провести.

Я выдвигал Хрущева. Я считал его способным. Но он был троцкист. И я доложил Сталину, что он был троцкистом. Я говорил, когда выбирали его в МК. Сталин спрашивает: «А сейчас как?» Я говорю: «Он борется с троцкистами, активно выступает, искренне

борется». Сталин тогда: «Вы выступите на конференции от имени ЦК, что ЦК ему доверяет». Так и было.

Чуев. Этот эпизод я слышал в таком виде. Уже после «антипартийной группы» Хрущев выступал и сказал примерно так: «Каганович хотел меня уничтожить. Когда меня выдвигали в МК, в последний момент Каганович встал и сказал: «Товарищ Сталин! Хрущев был троцкистом». А Сталин говорит: «Товарищ Каганович, мы об этом знаем».

Каганович. Серьезно?

Чуев. Да, так рассказывают.

Каганович. Я пишу Сталину записку, кого я выдвигаю. И вот Хрущева выдвигаю. А он был троцкистом. Я должен выступить на конференции. Он подошел ко мне со слезами: «Как мне быть? Говорить ли мне на конференции, не говорить?» Я говорю: «Я посоветуюсь со Сталиным». Сталин сказал: «Ну, хорошо, он был троцкистом, пусть выступит, расскажет. Потом ты выступишь и скажешь: ЦК знает это и доверяет ему...» Так и было сделано.

К горьким, но симптоматичным выводам приходит ветеран госбезопасности, один из ее руководителей в последние перед развалом Советского Союза времена, генерал армии Ф. Д. Бобков.

Глядя на все, что происходило в стране, через призму той деятельности, которой ему самому приходилось заниматься, он задумывается: какие же политические процессы привели, по существу, к краху советской государственности? И здесь в первую очередь ему хочется сказать о партии. Не зря же в американских планах «холодной войны» разрушению коммунистической партии в СССР придавалось первостепенное значение.

Никаким президентским указом «закрывать» компартию невозможно. Партия начала утрачивать свое истинное значение намного раньше, когда ее вынудили

заниматься хозяйственными вопросами, превратив в инструмент экономической, а не политической деятельности. Произошло не только сращивание партии с государством и создание так называемого партийно-государственного аппарата, фактически партия отошла от своей истинной роли. Она взяла на себя руководство и контроль над государством, и это привело к тяжелейшим последствиям.

До войны в партийном аппарате не существовало хозяйственных структур. Хотя аппарат этот и влиял на государственную деятельность, но все-таки в значительной степени он занимался партийно-политической работой, не случайно же в структуре партийных органов основным считался тогда отдел агитации и пропаганды. В годы войны ЦК партии превратился в аппарат Государственного комитета обороны, которому была подчинена вся хозяйственная жизнь страны. Комитет руководил промышленностью, сельским хозяйством, культурой. Все советские и государственные органы, начиная с Совнаркома, были подчинены ЦК партии, который фактически взял на себя всю исполнительную власть. В условиях военного времени это было необходимо. Но вот кончилась война, и XIX съезд партии открывал перед страной совсем иные перспективы. Решения съезда по кадровым вопросам предполагали коренным образом изменить функциональную роль партии в государстве. Сейчас, когда Бобков размышляет над всем этим, ему представляется, что партия постепенно начинала отходить от хозяйственных дел. Недаром съезд предлагал новую структуру руководства партии: вместо Политбюро был создан Президиум ЦК, в составе которого появилось много новых имен, главным образом, людей молодых, энергичных, как тогда представлялось — лучшая часть интеллектуальных сил.

Съезд избрал в Президиум ЦК 25 членов и 11 кандидатов.

Все, казалось, шло к тому, что партия вернется к своей основной идеологической работе, хозяйственными проблемами снова займется правительство. К сожалению, этого не произошло. С приходом к власти Хрущева все вернулось на круги своя.

5 марта 1953 года умер Сталин, и уже на следующий день был создан новый Президиум ЦК, куда вошли всего девять человек — только те, кто входил в состав Политбюро до XIX съезда. В кандидатах, как и прежде, остались четыре человека. Значительно позже Президиуму вернули старое название — Политбюро, но надежды на уход партии из сферы хозяйственной деятельности не сбылись, напротив, основное место в аппарате ЦК заняли отраслевые отделы: промышленный, транспортный, сельскохозяйственный. Руководство хозяйством полностью захлестнуло партийных работников всех рангов — от сельских райкомовцев до аппаратчиков ЦК. А коль скоро партию окончательно превратили в инструмент хозяйствования, то партийные работники все чаще и чаще дискредитировали себя в глазах общества, тем более что многие из них в экономике были абсолютно некомпетентны, но считали, что им дано право поучать специалистов, требовать выполнения заведомо нереальных планов и сурово взыскивать за просчеты и ошибки вплоть до исключения из партии и возбуждения уголовного дела. И здесь тон задавал Хрущев.

Решения XIX съезда партии открывали перед страной широкие перспективы, но путь, по которому ее повел Н. С. Хрущев, оказался губительным. Сталин дважды упустил возможность возродить авторитет партии, хотя после XIX съезда такая перспектива наметилась. Хрущев тоже не воспользовался ею, и в

этом состояла его роковая ошибка. Не сумели исправить положение и его преемники, что послужило в конечном счете одной из главных причин развала партии и государства.

Что можно добавить к этим горестным замечкам умного, усталого человека? Действительно, Хрущев сознательно создавал отраслевые отделы ЦК, укрепляя свои позиции в борьбе с Маленковым, а потом с Булганиным, возглавлявшими Совет Министров.

И еще мнение одного очень умного человека, доктора исторических наук профессора Р. И. Косолапова. Ричард Иванович тоже отличается широтой охвата исторических событий, глубоким анализом причинно-следственных связей.

Р. И. Косолапов считает, что секретный доклад «О культе личности и его последствиях», с которым Хрущев выступил 25 февраля 1956 года, готовился узкой группой лиц (называют обычно Петра Поспелова и Дмитрия Шепилова) и был вынесен на съезд самочинно, без коллективного одобрения. «Он обманул ЦК», — говорил Косолапову Дмитрий Чесноков, бывший тогда членом Президиума ЦК КПСС. Хрущева частенько, прежде всего на Западе, похваливали за такую «смелость», но, в сущности, поведение его было антипартийным. Ведь прений по докладу не открывали, ограничившись резолюцией в десять строк. В силу этого то, что потом громко именовалось «линией» или же «духом XX съезда», строго говоря, так и не получило статуса партийной легитимности.

Дело вовсе не в том, что Сталина-де не за что было критиковать, как до сих пор утверждают некоторые ветераны. Ответственность Сталина за многочисленные проявления произвола, политические ошибки и нарушение законности не подлежит сомнению. Дело в другом, а именно в том, что хрущевская критика велась как бы со стороны. Она была по всей партии и каждому

коммунисту, задевала, перехлестывая через край, несмотря на ритуальные поклоны, Ленина, теорию и практику научного коммунизма. Не случайно в стане его противников поднялся радостный ажиотаж. Ликовали все антисоветчики — от колчаковцев до власовцев, от уцелевших гитлеровцев до маккартистов. С тех пор жупел сталинизма был взят на вооружение различными отрядами реакции и контрреволюции.

Нет сомнения в том, что КПСС легко перенесла бы прививаемую ей хрущевцами болезнь мещанского самоедства, будь партийные кадры способны на взвешенный конкретно-исторический анализ. В репрессиях, приведших к гибели немало невинных людей, они могли бы увидеть сложное проявление классовой борьбы, ее не понятых Сталиным новых форм, в частности, проникновения в правоохранительные органы чужеродных элементов, которые как раз к тому и стремились, чтобы дискредитировать и обескровить Советскую власть, зачастую разя доверенным ей мечом и тех, кто был ей предан. Разве не наблюдали мы в 60-80-х годах аналогичное проникновение в мозговые структуры советского общества — аппарат ЦК КПСС и Академию наук СССР — антимарксистов и антикоммунистов, которые все более откровенно работали не на упрочение, а на демонтаж социализма, освящая своими «учеными» титулами буквально все, что шло «из-за бугра»? Только крах горбачевской «перестройки» и капитализаторская горечь ельцинских «реформ» позволили всерьез осознать, какие силы были вызваны к жизни Хрущевым.

Тогда это так не оценивалось, но реакция начала шаг за шагом теснить позиции социализма. Подрыв целостной плановой экономики непродуманным региональным дроблением народнохозяйственного комплекса на совнархозы; деградация

производительных сил аграрного сектора, обеспеченная ликвидацией машинно-тракторных станций; кукурузный шаблон «от Сухуми до Якутии» и погром травопольной системы земледелия; вытеснение сельского населения в города гонениями на личное подсобное хозяйство; ослабление сети бытового обслуживания поспешным огосударствлением промышленной кооперации — таковы лишь некоторые хрущевские «художества», шедшие вразрез с принятыми ранее научными установками.

Однако главное, о чем приходится сожалеть, обозревая сорокалетний период, — это общая дезорганизация развития страны. Навязанный XXI съезду голословный вывод о «полной и окончательной победе социализма» резко снизил требования к новому строю и размагнитил кадры. В том же направлении сработала и принятая XXII съездом Программа КПСС, которая наметила построение в основном коммунистического общества на рубеже 80-х годов и, в силу своей утопичности, вскоре стала дискредитировать эту идею. «Оттепель» дала распутицу.

На XIX партсъезде (05-14.10.52) состоялось переименование ВКП (большевиков) в КПСС под тем предлогом, что с победой ленинизма меньшевистское, буржуазно-оппортунистическое крыло в партии якобы перестало существовать. Сталину тут изменила обычная осмотрительность. Он должен был не только помнить, что России часто мстила ее мелкобуржуазность, но и учесть, что ВКП(б), образно говоря, дважды погибнув на полях Отечественной войны, имела в значительной степени обновленный состав, правда, обстрелянный в огне сражений, но сильно нуждающийся в идейно-политической закалке. Вирус меньшевизма (правого и левого) никогда не покидал КПСС и всякий раз оживлялся, когда в

обществе в силу тех или иных причин активизировались капиталистические тенденции. Думающие старые партийцы, начинавшие работать еще до войны, называли деятелей из высшего руководства, «хромавших на правую ножку», — Георгия Маленкова, Лаврентия Берию, Анастаса Микояна, а также Никиту Хрущева. По-видимому, этот уклон и реализовался в дальнейшем, оседлав реальную потребность общества в высвобождении инициативы масс, всесторонней демократизации.

Сталин, несмотря на потери командного состава Красной Армии в результате прискорбных репрессий 30-х годов и поражений первого года войны, блестяще справился с формированием офицерского корпуса, который во всем мире был признан образцовым. Свой звездный урожай Никита Хрущев, а потом и Леонид Брежнев собирали с трудов ученых и конструкторов, инженеров и рабочих тех перспективных отраслей, которые заложил он: гидро- и атомной энергетики, авиа- и ракетостроения, космонавтики и радиотехники. Но подготовить столь же профессионально и нравственно безупречную когорту партийно-государственных руководителей Сталин не сумел. Нельзя сказать, что он не пытался это делать. «Как-то в 1947 году, — вспоминал Микоян, — Сталин выдвинул предложение о том, чтобы каждый из нас подготовил из среды своих работников 5-6 человек, таких, которые могли бы заменить нас, когда ЦК сочтет нужным это сделать. Он это повторял несколько раз, настаивал». Однако, судя по той же микояновской записи, это жизненно значимое для советского строя предложение натолкнулось на доказывание чиновниками собственной незаменимости и, по сути, саботировалось.

И, наконец, портрет самого творца «оттепели», скорее напоминавшей распутицу. Доктор исторических наук А. Понамарев, специализирующийся на

хрущевской эпохе и личности ее творца, пишет, что и сегодня, отмечая вероломство, мстительность Хрущева, как правило, приводят лишь факты, относящиеся к первым годам после смерти Сталина: закулисные маневры при освобождении с занимаемых высоких постов В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Н. А. Булганина, безжалостная дискредитация маршала Г. К. Жукова и т. д. Между тем эти качества Хрущев проявил еще в предвоенные годы, возглавляя вначале московскую, а затем украинскую партийные организации. Да и в доверие к «вождю» он вошел во многом благодаря откровенному подхалимажу и активнейшему участию в массовых репрессиях. Могут сказать, что в этом повинен не только он. Бесспорно. Но то, что среди первых секретарей местных партийных организаций тех лет особенно рьяно действовал именно Хрущев, подтверждают сохранившиеся документы, хотя Никита Сергеевич изрядно «почистил» архивы, уничтожая все, что бросало на него тень. Сохранившихся материалов достаточно для характеристики его деятельности в те недоброй памяти годы.

Еще в 1930 году, избранный по требованию тогдашнего руководителя Московской партийной организации Л. М. Кагановича секретарем партячейки Промакадемии ВСНХ, Хрущев учинил в ней настоящий погром. В течение двух-трех месяцев там устроили «проработку» десяткам коммунистов. Обвинение — связи с «бухаринцами». Исключение из партии или строгий выговор, а затем, как правило, изгнание из академии обрушились на головы почти 40 человек. Уже тогда некоторые из «проштрафившихся» обвиняли секретаря ячейки в ударах «ниже пояса». «В ответ на оглашенное тов. Хрущевым заявление, — говорил один из них, — что якобы я веду на швейной фабрике явно фракционную работу и что брат у меня бывший белый офицер, с которым поддерживаю связь, категорически

отрицаю и заявляю, что это наглая ложь». «Два месяца нахожусь под ударом, — жаловался другой. — Я не понимаю, чего вы от меня хотите. Вы меня пытаете».

В начале 1932 года, когда Хрущев с помощью Л. М. Кагановича продолжает пробиваться наверх, один из столичных функционеров записал в своем дневнике: «Меня и некоторых других удивляет быстрый скачок Хрущева. Очень плохо учился в Промакадемии. Теперь — второй секретарь, вместе с Кагановичем. Но удивительно недалекий и большой подхалим». Он же, присутствуя в ноябре 1936 г. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, где обсуждалась новая Конституция страны, заносит в дневник следующие оценки происходящего: «Все по мере сил славословят т. Сталина. Особенно выделяется славословие Хрущева... Все его длинное выступление, вернее чтение, пронизано явным заискиванием. Даже т. Сталин, слушая его, все время хмурится... В речи Хрущева склонялось имя Сталина много больше полсотни раз. Это становилось неприятным».

Но особенно проявила себя «восходящая партийная звезда» в борьбе с «врагами народа». В январе 1936 года, подводя итоги проверки партийных документов в столичной организации, Хрущев хладнокровно докладывал пленуму горкома: «Арестовано только 308 человек. Надо сказать, что не так уж много мы арестовали людей... 308 человек для нашей Московской организации — это мало». Даже принимая во внимание обстановку того времени, нельзя не поражаться цинизму формулировок Хрущева. В отчетных докладах летом 1937 года на IV Московской городской и областной партийных конференциях уже в самом начале работы он сообщил делегатам, что «агенты врагов народа» просочились на районные, городскую и областную конференции. «Я фамилии покамест называть не буду, — заявил Хрущев, — и вы меня не

заставите. У нас бывает до известного времени так, но нужно будет, мы не постесняемся, мы скажем...»

Сомнения, поучал он, черта не наша, не большевистская. И в качестве примера сослался на самого себя, как он поступил в недавней ситуации. «Вот на 1-м заводе вышел какой-то слюнтяй, подголосок или голос врагов, троцкистов и начал болтать... Его коммунисты сволторозили и хорошо набили ему морду. Некоторые сейчас же позвонили в МК: «Как это так, избили?» — А я им сказал: молодцы, что избили. Молодцы».

Временами тон докладов мало чем отличался от инструктажа тех лет в ведомстве внутренних дел. «В Калуге — там надо покопаться, там все не раскопали, — давалась установка делегатам, — там, надо иметь в виду, жили Каменев и Зиновьев в свое время. Безусловно, они свое гнездо какое-то оставили. Покопаться следует и в Москве, и на предприятиях, и в учреждениях».

При молчаливом согласии «рулевого московских большевиков» (а по некоторым сведениям, он не чурался и сам присутствия при допросах арестованных) органы НКВД буквально выкосили значительную часть московского актива. Были репрессированы 35 из 38 секретарей МК и МГК ВКП(б), работавших в 1935–1937 годах, 136 из 146 секретарей райкомов и горкомов, многие руководящие советские, профсоюзные и комсомольские работники.

Много лет спустя в своих воспоминаниях Хрущев пытался доказать, что на Украине, куда Сталин направил его наводить порядок, ему пришлось расхлебывать последствия «ежовщины». По ней, мол, как «Мамай прошел». Однако утверждения Хрущева находятся в явном противоречии с известными фактами. На проходившем летом 1938 года съезде компартии республики один из первых секретарей

обкомов отвесил «комплимент» в адрес «шефа»: «Я присоединяюсь к мнению товарищей о том, что настоящий беспощадный разгром врагов народа на Украине начался после того, как Центральный Комитет ВКП(б) прислал руководить большевиками Украины тов. Никиту Сергеевича Хрущева. Теперь трудящиеся Украины могут быть уверены, что разгром агентуры польских панов, немецких баронов будет доведен до конца».

Кстати, на реплику Кагановича уже на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК: «А вы не арестовывали людей на Украине?» — Никита Сергеевич не нашелся что ответить. Почти прямым текстом о причастности его к массовым репрессиям сказал на этом же Пленуме и маршал Жуков, что ему «аукнулось» буквально через четыре месяца!

Даже в 1939–1940 годах, когда число репрессий уменьшилось, Хрущев все еще продолжал свирепствовать. Выступая в марте 1939 года на XVIII съезде партии, он захлебывался, живуписуя, каких успехов удалось добиться в искоренении инакомыслия на Украине, перещеголял в этом отношении даже выступившего незадолго до него Берию. «Подлые шпионы любченки, хвыли, затонские и другая нечисть, эти изверги, отбросы человечества», — неслось с трибуны по адресу бывших республиканских руководителей. Их обвиняли во всевозможных преступлениях, вплоть до сознательного развала животноводства. «Мы будем травить как тараканов всякую мерзость» — самое мягкое из хрущевских выражений по поводу троцкистов, бухаринцев и других людей, попавших в разряд «врагов партии и народа».

Могут сказать: да, Хрущев, как и все окружение Сталина, виноват во многих беззакониях. Но он нашел в себе мужество сказать жестокую правду о культе личности, положил начало тому, что теперь принято

называть «оттепелью». Весь вопрос в том, что заставило его так поступить: проснувшаяся совесть, раскаяние за участие в том, что творил в стране сталинский режим, или жажда власти, во имя которой хороши любые политические маневры. Во всяком случае, судя по тому, что творил в последние годы своего «царствования» Никита Сергеевич, его нельзя отнести к раскаявшимся грешникам.

Из докладной записки Комиссии Политбюро по реабилитации жертв политических репрессий (возглавлялась А. Н. Яковлевым):

Н. С. Хрущев, работая в 1936–1937 годах первым секретарем МК и МГК ВКП(б), а с 1938 года — первым секретарем ЦК КП(б)У, лично давал согласие на аресты значительного числа партийных и советских работников. В архиве КГБ хранятся документальные материалы, свидетельствующие о причастности Хрущева к проведению массовых репрессий в Москве, Московской области и на Украине в предвоенные годы. Он, в частности, сам направлял документы с предложениями об арестах руководящих работников Моссовета, Московского обкома партии. Всего за 1936–1937 годы органами НКВД Москвы и Московской области было репрессировано 55 тысяч 741 человек.

С января 1938 года Хрущев возглавлял партийную организацию Украины. В 1938 году на Украине было арестовано 106 тысяч 119 человек. Репрессии не прекратились и в последующие годы. В 1939 году было арестовано около 12 тысяч человек, а в 1940 году — около 50 тысяч человек. Всего за 1938–1940 годы на Украине было арестовано 167 тысяч 465 человек.

Усиление репрессий в 1938 году на Украине НКВД объяснял тем, что в связи с приездом Хрущева особо возросла контрреволюционная активность правотроцкистского подполья. Лично Хрущевым были санкционированы репрессии в отношении нескольких

сот человек, которые подозревались в организации против него террористического акта.

Летом 1938 года с санкции Хрущева была арестована большая группа руководящих работников партийных, советских, хозяйственных органов и в их числе заместители председателя Совнаркома УССР, наркомы, заместители наркомов, секретари областных комитетов партии. Все они были осуждены к высшей мере наказания или длительным срокам заключения. По спискам, направленным НКВД СССР в Политбюро только за 1938 год, было дано согласие на репрессии 2140 человек из числа республиканского партийного и советского актива.

К исторической оценке хрущевской эпохи возвращалось каждое новое руководство страны. Не обошлось без этого и при Андропове.

Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС 12 июля 1983 года.

Черненко (рассказывает о встрече с Молотовым, восстановленным в КПСС). Я принимал Молотова, беседовал с ним. Он воспринял наше решение с большой радостью и чуть не прослезился. Молотов сказал, что это решение означает его второе рождение. Молотову сейчас 93 года, но выглядит он достаточно бодрым и говорит твердо. Он заявил, что Политбюро ЦК сохраняет и продолжает ту работу, которую настойчиво вела партия. Только, мол, плохо, что работаете вы, как и мы раньше, допоздна. Молотов рассказал о том, что он интересуется прессой, читает периодические журналы. Он заявил: ведете вы дело правильно, за это и получаете поддержку народа...

Устинов. Это важная оценка с его стороны.

Тихонов. В целом мы правильно сделали, что восстановили его в партии...

Черненко. Но вслед за этим в ЦК КПСС поступили письма Маленкова и Кагановича, а также от Шелепина, в котором он заявляет о том, что-де был последовательным борцом против Хрущева, и излагает ряд своих просьб.

Разрешите мне зачитать письмо Кагановича. *(Читает письмо.)* Письмо аналогичного содержания, с признанием своих ошибок прислал и Маленков...

Устинов. А на мой взгляд, Маленкова и Кагановича надо было бы восстановить в партии. Это все же были деятели, руководители. Скажу прямо, что если бы не Хрущев, то решение об исключении этих людей из партии принято не было бы. Вообще не было бы тех вопиющих безобразий, которые допустил Хрущев по отношению к Сталину. Сталин, Сталин, что бы там ни говорилось, — это наша история. Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также и в отношении Сталина.

Громыко. На мой взгляд, надо восстановить в партии эту двойку. Они входили в состав руководства партии и государства, долгие годы руководили определенными участками работы. Сомневаюсь, что это были люди недостойные. Для Хрущева главная задача заключалась в том, чтобы решить кадровые вопросы, а не выявить ошибки, допущенные отдельными людьми...

Чебриков. Я хотел бы сообщить, что западные радиостанции передают уже длительное время сообщение о восстановлении Молотова в партии. Причем они ссылаются на то, что до сих пор трудящиеся нашей страны и партия об этом ничего не знают. Может быть, нам следует поместить сообщение в Информационном бюллетене ЦК КПСС о восстановлении Молотова в партии?

Что касается вопроса о восстановлении в партии Маленкова и Кагановича, то я бы попросил дать нам

некоторое время, чтобы подготовить справку о тех резолюциях, которые писали эти деятели на списках репрессированных. Ведь в случае восстановления их в партии можно ожидать немалый поток писем от реабилитированных в 50-х годах, которые, конечно, будут против восстановления их в партии, особенно Кагановича. Но надо быть к этому готовыми. Я думаю, что такая справка должна быть в поле зрения Политбюро ЦК при принятии окончательного решения.

Тихонов. Да, если бы не Хрущев, они не были бы исключены из партии. Он нас, нашу политику запачкал и очернил в глазах всего мира.

Чебриков. Кроме того, при Хрущеве ряд лиц вообще незаконно реабилитирован. Дело в том, что они были наказаны вполне правильно. Возьмите, например, Солженицына.

Горбачев. Я думаю, что можно было бы обойтись без публикации в Информационном бюллетене ЦК КПСС сообщения о восстановлении Молотова в партии. Отдел организационно-партийной работы мог бы в оперативном порядке сообщить об этом в крайкомы и обкомы партии. Что касается Маленкова и Кагановича, то я тоже выступил бы за их восстановление в партии. Причем время восстановления не нужно, видимо, связывать с предстоящим съездом партии.

Романов. Да, люди эти уже пожилые, могут и умереть.

Устинов. В оценке деятельности Хрущева я, как говорится, стою насмерть. Он нам очень навредил. Подумайте только, что он сделал с нашей историей, со Сталиным. По положительному образу Советского Союза в глазах внешнего мира он нанес непоправимый удар. Не секрет, что западники нас никогда не любили. Но Хрущев им дал в руки такие аргументы, такой материал, который нас опорочил на долгие годы.

Громыко. Фактически благодаря ему и родился так называемый еврокоммунизм.

Тихонов. А что он сделал с нашей экономикой! Мне самому довелось работать в совнархозе.

Горбачев. А с партией, разделив ее на промышленные и сельские партийные организации!..

Черненко. Что касается письма Шелепина, то он, в конце концов, просит для себя обеспечения на уровне бывших членов Политбюро.

Устинов. На мой взгляд, с него вполне достаточно того, что получил при уходе на пенсию. Зря он ставит такой вопрос.

Черненко. Я думаю, что по всем этим вопросам мы пока ограничимся обменом мнениями. Но как вы сами понимаете, к ним еще придется вернуться.

В апреле 1994 года в демократической России отмечали столетний юбилей со дня рождения Никиты Сергеевича Хрущева. Торжества проходили по высшему разряду — в Колонном зале Дома союзов. А в помещении научно-исследовательского центра «Фонд Горбачева» состоялась международная научная конференция.

В отличие от Колонного зала, где юбиляру курили фимиам, на конференции некоторые выступавшие говорили правду. Например, академик ВАСХНИЛ Александр Никонов сообщил: в результате деятельности юбиляра в России исчезло 139 тысяч «неперспективных деревень». Они исчезали со скоростью 13 деревень в день!

В выступлениях других ученых, поработавших в когда-то наглухо запертых архивах, содержались и вовсе сенсационные сведения. Оказывается, Хрущев и Жданов выступали одновременно, в один и тот же день, в Киеве и Ленинграде с одинаковыми по сути и по разностной форме докладами о положении в литературе

и искусстве. Но Никита Сергеевич «уступил лыжню» Жданову. Доклад свой он не издал. Не захотел прославиться.

После распада Советского Союза стали известны и некоторые факты его «пролетарско-шахтерского» происхождения. Генералы с Лубянской площади, проверявшие его анкету, раскрыли тайну: родился Никита Сергеевич в семье шорника, производившего для продажи хомуты, подпруги, вожжи, а также лямки из сыромятной кожи, которые покупали в начале века шахтеры Донбасса для перевозки с их помощью в шахтах вагонеток с углем. Будучи еще подростком, Никита стал возить эти лямки в Донбасс и непосредственно в шахтах их продавать.

Глава 9. САМЫЙ ТАИНСТВЕННЫЙ ЧЛЕН ПОЛИТБЮРО

Его политическая карьера началась в 1920 году, когда Ленин встретился с молодым армянским большевиком Анастасом Микояном и принял решение о его назначении секретарем Нижегородского губкома партии.

Правда, тогда он еще был Аванесовичем. Превращение в Ивановича произошло само собой, ведь он потом всю жизнь работал среди русских. Хотя воспитывался в патриархальной армянской семье, где, кроме него и брата Артема, который впоследствии стал автором знаменитых МИГов, росло еще трое детей.

У Анастаса Ивановича Микояна было пятеро сыновей — Степан, Владимир, Алексей, Ваню и Сергей. Три старших брата воевали, один с фронта не вернулся.

Вано

Двоюродный брат Василия Сталина В. Ф. Аллилуев:

— Была весна 1943 года, когда в один из ее дней Володя Шахурин застрелил Нину Уманскую, а потом и себя. Роковые выстрелы были сделаны из пистолета системы «вальтер», принадлежавшего Вано Микояну, с которым Володя учился в одной школе. Этот «вальтер» да еще дневник Володи одно время лежали у нас в буфете.

Моя мать этот дневник нашла и тотчас отдала С. М. Вовси, матери Володи. Что это за дневник, она, конечно, понятия не имела. И очень жаль, так как из этого дневника следовало, что Володя Шахурин был «фюрером» «подпольной организации», в которую входил мой брат Леонид, Вано и Серго Микояны, Артем Хмельницкий, сын генерал-майора Р. П. Хмельницкого, и Леонид Барабанов, сын помощника А. И. Микояна, все эти ребята учились в одной школе. Софья Мироновна, получив от моей матери дневник сына, через некоторое время передала его... Л. П. Берии, снабдив своими комментариями. В результате все эти 13-15-летние подростки оказались во внутренней тюрьме на Лубянке. Последним был арестован Серго Микоян.

Следствие длилось около полугода, а затем ребят выслали в разные места: кого в Омск, как Леонида, кого в Томск, а Вано Микояна по просьбе отца — на фронт, обслуживать самолеты, на которых летали братья.

Можно интерпретировать эту историю по-разному. Но я размышляю так. Шла война, тяжелая и беспощадная. И вот еще два бессмысленных трупа, странный дневник со странными шалостями детей «верхов», о которых Сталин в сердцах как-то сказал: «Проклятая каста!» Потом эти комментарии С. М. Вовси,

сплетни, разговоры вокруг этой истории. Можно ли было оставить ее без последствий, замять? Сомневаюсь. Ребятам, конечно, был дан суровый урок, который не мог пройти бесследно для детских душ.

Бывший сотрудник кремлевской охраны С. П. Красиков:

— В конце войны среди детей ответственных работников правительства произошла невыносимая трагедия. Советский дипломат Уманский был назначен послом в Мексику. С ним должны были выехать жена и пятнадцатилетняя дочь Нина. Однако пятнадцатилетний сын наркома авиационной промышленности А. Шагурина запретил невесте выезжать. Для объяснения пригласил ее на лестницу Большого Каменного моста, спускающуюся к Театру эстрады. Там он сначала застрелил Нину, а затем пустил пулю в себя. Пистолет Володе дал один из сыновей Микояна. Сталин на это сказал: «Волчата». Началось следствие, и выяснилось, что «кремлевские дети» играли в «правительство»: выбирали наркомов и даже собственного главу правительства.

Прокуратура СССР в игре состава преступления не нашла, однако Сталин настоял на пересмотре дела. При пересмотре двое детей Микояна, Серго и Ваню, были арестованы и сосланы. Однако в ссылке пробыли недолго и вскоре после войны вернулись домой.

На одном из заседаний Политбюро Сталин неожиданно спросил Микояна:

— Что поделывают твои сыновья?

— Учатся в школе, — ответил Микоян.

— Они заслужили право учиться в советской школе, — произнес вождь обычную таинственно-банальную фразу.

Тем ли это вызвано или чем-то иным, но в пятидесятых годах, при жизни Сталина, часовым и дежурным постов, стоящим на входных воротах Кремля,

вменялось в обязанность обязательно оповещать Анастаса Ивановича по телефону, если его сыновья Ваню и Серго возвращались домой после двенадцати часов ночи. Что проделывал отец с провинившимися отпрысками, знают только они да разве что толстые кремлевские стены. Не докладывать было нельзя, так как одни службы Кремля дублировались другими, и опоздание детей после означенного времени все равно становилось известно их родителям.

Доктор исторических наук Серго Анастасович Микоян:

— Мало кто знает о том, что репрессии коснулись и семьи Микояна. В 43-м увезли на Лубянку моего брата Ваню, ему было 15, а вскоре и меня, четырнадцатилетнего. Дело нам «шили» нешуточное: «Участие в организации, ставившей своей целью свержение Советской власти». У одного из парней, с которым мы играли на улице, нашли книжку Гитлера «Майн кампф». На Лубянке мы с братом просидели где-то с полгода. Потом нас выслали в Таджикистан.

Уже в году 49-м Сталин поинтересовался: «Скажи-ка Анастас, а что стало с твоими сыновьями?» — «Все нормально, — ответил он, — один учится в МГИМО, другой — в Академии имени Жуковского». Сталин спросил: «А они заслужили право учиться в советских высших учебных заведениях?» Отец промолчал, потом несколько месяцев ждал, что нас с Ваню снова арестуют.

Самое интересное, что мы, пятеро микояновских сыновей, «незаконнорожденные». Отец с матерью всю жизнь прожили нерасписанными. Старший мой брат, Володя, в 41-м, в 17 лет, ушел на фронт, в 42-м погиб. В 86-м умер брат Алексей, который всю жизнь служил в ВВС. Нас осталось трое: Степан, генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза, был летчиком-испытателем, сейчас работает в космической

промышленности. Ваню трудится в КБ имени Артема Микояна (брат отца умер в 1970 году). Я был главным редактором журнала «Латинская Америка», сейчас — исследователь Института проблем мира. У Анастаса Ивановича — шестнадцать внуков, несколько правнуков и даже один праправнук.

Писательница Л. Васильева:

— В 1943 году Ваню Микояну было пятнадцать лет. Школьник. Однажды на даче охранник позвал Ваню на рыбалку, но повез его в Москву на Лубянку. Мать хватилась сына, искала, звонила мужу на работу. Ночь. Отец ничего не знал.

История убийства Нины Уманской Володей Шахуриним и его самоубийство взбудоражили Москву 1943 года. Даже на фоне сводок с фронтов и обстоятельств международного значения это казалось невероятным событием.

Подростки Володя и Нина подружились до любви. И когда стало известно, что отца Нины отправляют послом в Мексику, Володя, сын наркома авиационной промышленности, потребовал, чтобы она осталась в Москве. Он попросил у своего приятеля Ваню Микояна пистолет — тогда, в годы войны, оружие было повсюду, — застрелил Нину и застрелился сам.

В ходе разбирательства следователи Лубянки размотали клубок школьной дружбы. Оказалось, что подростки Шахурин, Хмельницкий, Хрулев, братья Ваню и Серго Микояны, другие ребята создали штаб... Мастера ломать крепкую мужскую, не то что подростковую психику, лубянские следователи без труда доказали, что сынки высокопоставленных родителей принимали активное участие в молодежной антисоветской организации. Сыновей Микояна сослали в Сталинабад.

Генерал-лейтенант Степан Анастасович Микоян:

— Там Ваню учился в авиационно-техническом училище, четырнадцатилетний Серго — в школе. Мать замкнулась и внутренне сжалась, ездила к ним в ссылку, возила продукты и вещи. Через год они вернулись. Ваню пришел за две недели до окончания войны.

Из письма Алексея Микояна брату Владимиру:

«Знаешь, а Степка в больнице. Попал в аварию и вот лежит. Была ясная зимняя погода. Дул северный ветер. Ярко блестящая на солнце машина Степана горела как факел. Не растерявшись, он не бросил машину, а повел ее на посадку. Огонь жег уже руки, лицо. Но земля была еще далеко. Степа мужественно спасал машину. Он посадил ее на полянке в лесу. Позже знающие люди говорили, что теоретически сесть здесь невозможно. Но машина была посажена прекрасно! Последний момент посадки Степа не помнит: от боли потерял сознание. Он обжег руки, лицо, поломал ногу. А спасли его деревенские ребята. Они довели Степана на лыжах к дороге, а потом в санях лошадью — до полевого госпиталя. Сейчас раны заживают, скоро будет ходить, потом опять летать. Он передает тебе привет...»

Историк советской авиации С. В. Грибанов:

— Не знал Алексей о действительной причине «Степкиной аварии». Все произошло тогда настолько неожиданно и до обидного глупо, что и от многих других решили скрыть истинную причину случившегося.

Дело в том, что сбил лейтенанта Микояна не лютый враг, а свой же краснозвездный советский истребитель. Случилось это 16 января сорок второго где-то под Истрой. Перепутал сокол ясный силуэт боевой машины, решил, что «мессер» летит, зашел в хвост, как учили, ну и ахнул из всех пушек. Степан даже растеряться не успел. Видно, не случайно до сих пор жива в народе не слишком веселая шутка: «Бей своих, чтоб чужие боялись...»

Пропавший сын

В. Ф. Аллилуев:

— В боях под Сталинградом погиб Володя Микоян. Это известие почему-то скрывали от Ашхен Лазаревны, Ваню и Серго. Ваню, видимо, догадывался о случившемся и часто допытывался у меня о брате. Я знал о гибели Володи от Василия Сталина и однажды не выдержал очередного «допроса» и сказал правду. Так эта горестная весть дошла до жены Анастаса Ивановича, а мне за это крупно досталось от мамы и Василия.

С. П. Красиков:

— Второй по возрасту из пятерых сыновей А. И. Микояна Владимир впоследствии оказался в 434-м авиационном полку с братом Степаном и однажды решил показать командиру полка В. И. Сталину такой класс высшего пилотажа, который не вписывался ни в одну программу и ни в какую инструкцию. Командир объявил лейтенанту В. А. Микояну пять суток домашнего ареста. А побыть пять суток дома во время войны не лучшее ли это поощрение?...

Он погибнет в первом же бою 18 сентября 1942 года в районе станции Котлубань. Командир 434-го полка в боевом донесении сообщит: «Прикрывающая группа истребителей наших войск, которую вел капитан Долгушин, видела, как старший лейтенант Микоян после второй атаки стал падать в трех-четырех километрах южнее деревни Котлубань. Затем прикрывающая группа была атакована истребителями противника. После окончания воздушного боя все наши самолеты вернулись на аэродром, за исключением самолета старшего лейтенанта Микояна Владимира».

Осенью 1942 года военнопленный Павел Петроченко на временно захваченной немцами территории близ деревни Синьково Брянской области убирал в поле хлеб. Неожиданно из-за облаков вывалился горящий самолет и устремился на колонну немецкой техники, состоящей из танков и автомашин противника... Самолет шаровой молнией врезался в колонну противника так сильно, что от удара из кабины «ястребка» выбросило летчика. Первыми к нему подбежали немцы и принялись обшаривать карманы. Обшарили и начали кричать: «Микоян! Микоян!» Петроченко вспомнил, что летчик был одет в кожаный коричневый реглан. Эту деталь подтвердят затем братья Владимира Степан и Алексей. Немцы же забрали не только документы летчика, но и сапоги, и реглан... После чего дали распоряжение его закопать...

С. П. Грибанов:

— Владимир, второй по возрасту из пятерых сыновей Анастаса Ивановича Микояна, под Сталинград перелетел вместе со Степаном, своим старшим братом. Степан только что вышел из госпиталя, с ним проблем в отправлении на фронт не было — уже обстрелянный боец, обожженный. А вот Володю решили не пускать: ну какой из парня истребитель, если год назад впервые только в небо поднялся! Но он упорно настаивал, писал на имя Василия Сталина — начальника инспекции ВВС — рапорты. Вот один из них:

«Прошу Вашего разрешения об отправке меня с 434-м истребительным авиационным полком для участия в боевых операциях. К работе в полку считаю себя подготовленным. Старший лейтенант Микоян В.».

Дальнейшие события с отправкой Володи на один из самых тяжелых фронтов — да в какое время! — решались помимо рапорта. Как все это происходило, мне рассказал сам Анастас Иванович, и не только

рассказал, а даже описал подробности последней встречи и разговора с сыном.

Анастас Иванович рассказывал, как рвался его сын на фронт. Перед отлетом 434-го истребительного авиаполка Володя нервничал и как-то с возмущением бросил: «Все из-за этой фамилии — Микоян!» На что отец возразил: «А чем она тебе мешает?» Ну, Володя популярен и объяснил, мол, был бы Ивановым, хоть завтра на фронт, а так нашли отговорку: достаточно в полку одного Микояна — Степана.

«И тогда я ему сказал, — не торопись, с акцентом Анастас Иванович передавал грустную историю проводов сына на его гибель. — Ты не прав, Володя. Фамилия твоя не должна быть помехой в этом деле. Скажи своему начальству от моего имени, что ты военный летчик и должен быть там, где твои товарищи...»

Анастас Иванович во вторую нашу встречу припомнил письмо одного красноармейца, который рассказывал, что, будучи пленным, он с товарищами видел, как погиб Володя, и похоронил его. Я, естественно, спросил разрешения ознакомиться с письмом. Микоян распорядился сделать копию, и после аудиенции мне предложили пройти в соседний кабинет. Вот там мужик, с виду интеллигент, и врезал по мне короткую очередь.

— Ты какого х... все ищешь здесь? — спросил он.

Я хотел объяснить помощнику Микояна: мол, никто не забыт и ничто не забыто, мол, поиск неизвестного солдата...

Тут кабинет прошла очередь пожестче, подлиннее и еще откровеннее. Но я все-таки получил копию того письма, диспут решил не продолжать и поспешил оставить святилище.

Володя Микоян погиб, по сути, в первом же бою.

Почти одновременно с ним в полк к Клещеву прибыло звено девчат из соединения Марины Расковой: Клавдия Блинова, Ольга Шахова, Антонина Лебедева, Клавдия Нечаева. Сначала сбили Нечаеву, потом погиб любимец полка Николай Парфенов. 18 сентября из третьего боевого полета на прикрытие наших войск в районе станции Котлубань не вернулся и Владимир Микоян.

Вечером того же дня командир 434-го истребительного авиаполка Иван Клещев писал боевое донесение: «Прикрывающая группа наших истребителей, которую вел капитан Долгушин, видела, как старший лейтенант Микоян после второй атаки зажег еще самолет противника — Хе-111, который горящим стал падать в трех-четыре километра южнее деревни Котлубань. Затем прикрывающая группа была атакована истребителями противника.

После окончания воздушного боя все наши самолеты вернулись на свой аэродром, за исключением самолета старшего лейтенанта Микояна Владимира».

Не поднялась рука храброго рубаки Ивана Клещева написать, что летчик Микоян погиб...

В тот же день, 18 сентября 1942 года, приемный сын Иосифа Сталина лейтенант Сергеев, командир батареи, оправился после ранения и прилетел в Москву за боевой наградой.

«Помню, сразу же позвонил Ашхен Лазаревне, матери Володи, — рассказывал генерал Сергеев. — И она попросила меня позвонить в инспекцию, узнать о сыновьях: «Мне тяжело сегодня, Артем. Я что-то сильно волнуюсь за мальчиков...»

С. Грибанов поехал в глухое брянское село и нашел там Петроченко — того самого красноармейца, который после войны написал письмо Анастасу Ивановичу о том, что он хоронил его сына.

С. Грибанов:

— О боевой судьбе 18-летнего истребителя была подготовлена публикация. Но с каким трудом она проходила... Казалось бы, какие во всей этой истории военные или государственные тайны? Вся-то судьба героя — школьная парта, год в кабине самолета да пара боев. Однако не так-то все просто оказалось. Члены редколлегии, помню, крепко засомневались и высказали опасения по поводу эпизода с отправкой Володи на фронт.

А вот эпизод о пленных, о последних мгновениях жизни летчика один из заместителей главного редактора перечеркнул красным карандашом и публиковать категорически запретил. «Вы знаете, где эти люди? А если они где-нибудь там? Сбежали, как предатели? — сурово вопрошал зам. — Прочитают газету и завтра нам привет пришлют?...»

Л. Васильева:

— Владимир, второй сын Анастаса и Ашхен Микоян, ушел добровольцем на фронт. Ему было семнадцать. Он окончил летную школу.

В сентябре 1942 года Владимир Микоян погиб в бою под Сталинградом. Его самолет долго искали — не нашли, хотя летчики заметили, где он упал. Мать не видела его мертвым. И она, все оставшиеся двадцать лет своей жизни с 1942 по 1962 год, не уставала ждать его возвращения.

— Он мог попасть в плен, — говорила она, — сколько таких случаев. — И в душе содрогалась, зная, как Сталин относится к попавшим в плен людям.

Наверное, представляла себе, что живет ее сын где-нибудь в Канаде или в Австралии, но вернуться, как пленный, не смеет, боясь попасть на Колыму, и хочет подать о себе весточку, да не может, чтобы не повредить высокопоставленному отцу, ведь если он имеет возможность хоть изредка читать советские газеты, то знает, что Микоян по-прежнему «наверху».

Разве ей трудно такое представить, зная советские обстоятельства не понаслышке, а изнутри?

Материнская надежда исчезает вместе с последним выдохом. Комната Владимира на даче была священна, в ней никто не жил и все вещи лежали, как будто он где-то недалеко.

— Когда Володя пропал без вести, мама ходила к гадалкам, — говорит один из младших сыновей Ваню Анастасович.

Итак, в одном случае знаменитая писательница говорит, что Владимир Микоян погиб в бою, в другом — пропал без вести. Военные люди знают: это не одно и то же.

В фаворе у Сталина

Серго Микоян:

— Не думаю, что кавказское происхождение отца способствовало его приближению к вождю. Как рассказывал отец, для Сталина было безразлично, кто ты по национальности. Вспомните, скольких грузин он репрессировал.

— А армянина Микояна не тронул, — заметил интервьюер Александр Гамов.

— Я и сам иногда думаю, почему отец, по характеру гордый и независимый, не попал в «сталинскую мясорубку»? Он был очень хитрым человеком, никогда «не высовывался». Но главное, Сталин высоко ценил отца как безотказного работника.

Политолог из Мюнхена А. Авторханов:

«Работая в бакинском подполье помощником Микояна по делам иностранных разведок, Берия продолжал, минуя не только Микояна, но и Дзержинского, связываться со Сталиным. Постепенно Берия сделался ценнейшим осведомителем Сталина, работающим в среде старых кавказских большевиков — соперников Сталина. Микоян прекрасно знал, что и о нем самом Берия информирует Сталина. Но куда легче перехитрить лису, чем Микояна. Он решил оградить себя от полицейского зуда Берии и нашел для этого верное средство. Каждый свой политический доклад в Москву, в ЦК и в ЧК Микоян «строго доверительно» показывал Берии, а из этих докладов Берия вычитывал, как Микоян высоко ценит его работу. Расчеты Микояна вполне оправдались — Берия начал расхваливать Сталину до небес политические акции Микояна, чтобы придать его свидетельству о самом себе надлежащий вес».

Л. Васильева:

— Почему Анастас Иванович удержался во власти «от Ильича до Ильича»? Сыновья говорят, что Сталин не расправился с Микояном потому, что он был производственником, так же, как Каганович и Косыгин, а не политиком. Но сколько производственников было расстреляно и пошло по этапу!

Некоторые историки считают, что Микоян выжил благодаря своей уживчивости и абсолютному послушанию Сталину, всегда помня, что именно Сталин вызвал его в Москву. В сущности, в 20-30-е годы вождь произвел постепенную замену ленинской гвардии на своих людей. За исключением Молотова, Буденного и Ворошилова, которые оставались всегда. В этом есть своя историческая правота, но, думаю, немалую роль в кремлевской устойчивости Микояна сыграла Ашхен Лазаревна, создавшая ему крепкий устойчивый семейный быт. Ашхен не раздражала собой грозной сталинской тени, хотя могла вызывать хорошую холостяцкую зависть образцовым материнством и подчеркнутой сосредоточенностью на своей семье. Этим же самым могла быть скучна Сталину и неинтересна.

Ему не к чему было придраться в ее поведении, пока не подросли последние сыновья. Тут-то и она, по сталинским нормам, оказалась замарана: «плохо воспитала».

В. М. Молотов:

— Хрущев изображал из себя архисталинца, Микоян — архисталинца, а в душе они были другие.

Летом 1920 года в Нижнем Новгороде меня сменил Микоян. Он способный человек. Способный, способный... Малопринципиальный, невыдержанный, легко поддающийся... После смерти Сталина стал тесно связан с Хрущевым. А до этого не был. Последний период, да.

— Говорят, идею развенчать Сталина подал Хрущеву Микоян, — сказал Феликс Чуев.

— Я не исключаю этого, — согласился Молотов. — Хрущевцы могут этим гордиться, хрущевцы. А коммунистам не подходит... Партию разделить на сельскую и промышленную — нелепо, безусловно.

— Считалось, что это было по тем временам прогрессивно, новое слово.

— Какое новое — гнилое! И сам-то Анастас был гнилой. Микоян очень связан с Хрущевым. Я думаю, что он и настраивал Хрущева на самые крайние меры... Хрущев и Микоян в свое время дошли до того, что пытались доказать, будто бы Сталин был агентом царской охранки. Но документов таких сфабриковать им не удалось.

Микоян подлую роль сыграл. Приспособленец. Приспособлялся, приспособлялся, до того неловко... Сталин тоже его недолюбливал. Сталин иногда его крепко прижимал. Но он, конечно, очень способный работник. В практических делах — хозяйство, торговля, пищевая промышленность. Он там как раз и приспособился, делал хорошие обороты, работал упорно, человек он очень трудолюбивый.

Из записки «Комиссии Яковлева» от 25 декабря 1988 года в ЦК КПСС «Об антиконституционной практике 30-40-х и начала 50-х годов». «Сов. секретно. Особая папка»:

«Прямую ответственность за участие в массовых репрессиях несет **А. И. Микоян**. С его санкции были арестованы сотни работников системы Наркомпищепрома, Наркомвнешторга СССР. Микоян не только давал санкции на арест, но и сам выступал инициатором арестов. Так, в письме на имя Ежова от 15 июля 1937 года он предлагал осуществить репрессии в отношении ряда работников Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и

океанографии Наркомпищепрома СССР. Аналогичные представления делались Микояном и в отношении работников ряда организаций Внешторга СССР. Осенью 1937 года Микоян выезжал в Армению для проведения чистки партийных и государственных органов этой республики от «врагов народа». В результате этой кампании погибли сотни и тысячи кадров партийных, советских работников. Микояна в этой поездке сопровождал Маленков и группа работников НКВД. Результатом непосредственной деятельности Микояна и Маленкова был арест 1356 коммунистов.

Микоян возглавлял комиссию по обвинению в контрреволюционной деятельности видных членов партии. Он, в частности, вместе с Ежовым был докладчиком на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) по делу Бухарина (1937 год). Именно Микоян выступал от имени Политбюро ЦК ВКП(б) на торжественном активе НКВД, посвященном 20-летию органов ВЧК — ГПУ — НКВД. После восхваления деятельности Ежова, оправдания массовых незаконных репрессий Микоян закончил свой доклад словами: «Славно поработало НКВД за это время!», — имея в виду 1937 год».

В опале у Сталина

Серго Микоян:

— Как-то они с Молотовым отправились отдыхать на юг, где в то время находился и Сталин. Пошли к нему в гости. Сидят, обедают. Вдруг сталинский помощник Поскребышев говорит: «Товарищ Сталин, пока вы здесь отдыхали, Молотов с Микояном против вас в Москве организовали заговор». У Молотова кусок в горле застрял. А отец вскочил, схватил стул — и на Поскребышева: «Ах ты сволочь!» Сталин стул у отца отнял: «Не обращай внимания». Оказалось, эту мизансцену придумал он сам. Вождь был очень доволен, что мой папа чуть было искренне не пришиб Поскребышева.

Н. А. Мухитдинов:

— 1952 год. Октябрь. Первый организационный Пленум ЦК КПСС после XIX съезда. Сталин назвал по алфавиту персональный состав нового органа — Президиума ЦК из 25 человек. Никаких вопросов. Как он предложил, так и было принято. Предложил персональный состав Бюро Президиума — приняли единогласно. Далее он поименно назвал секретарей ЦК — избрали также единогласно.

После этого Сталин сказал:

— Молотова и Микояна нет в составе Бюро. Микоян давно в составе руководства, но допустил ряд серьезных ошибок во время войны по снабжению армии, а также в послевоенный период в организации торговли с другими государствами. Его безответственность дорого обошлась нашему государству и народу. Что касается Молотова, то хотя он много делал для страны, особенно во внешней политике, но в некоторых вопросах перед войной, во время войны и после не

всегда проявлял принципиальность, он проглядел ряд серьезных проблем.

Мы все с исключительным напряжением слушали и следили за происходящим.

Молотов поднял руку, попросил слова. Сталин кивнул. Вячеслав Михайлович спустился к трибуне и сказал:

— Товарищи! Конечно, в моей работе были ошибки и упущения, но я всегда был учеником товарища Сталина. — И вернулся на свое место.

Поднял руку Микоян, попросил разрешения сказать несколько слов. Сталин опять кивнул. Анастас Иванович, подойдя к трибуне, сказал:

— Товарищи! Признаю, что и у меня были ошибки, но не преднамеренные. Каждое свое действие, внутри страны и на международной арене, я согласовывал и старался осуществить как можно лучше, с пользой для нас...

Сталину, видимо, надоело слушать, и, посмотрев на Микояна, стоявшего к нему спиной, он махнул рукой. Зал немедленно отреагировал очень эмоционально, стали кричать:

— Хватит заниматься самооправданием! Знаем вас, товарищ Микоян!

— Кончайте вводить в заблуждение ЦК!

Микоян хотел сказать еще что-то, но зал прервал его, он сел на место.

Сталин сказал:

— Давайте оставим их в составе Президиума. В печати публиковать персональный состав Бюро Президиума не стоит, поскольку это внутренний орган ЦК. Опубликуем составы Президиума, Секретариата, руководства Центральной ревизонной комиссии и Комитета партийного контроля.

Все согласились. Затем он сказал буквально несколько слов о задачах, вытекающих из итогов

съезда и данного Пленума. И закрыл Пленум.

После этого И. В. Сталин прожил всего лишь четыре месяца и 21 день.

27 бакинский комиссар

С. Кинзер, корреспондент «Нью-Йорк таймс», из Баку (1997 г.):

«История 26 комиссаров является одновременно волнующей легендой о жертвах и предметным уроком использования истории в политических целях.

Через несколько месяцев после того, как Ленин в 1917 году захватил власть, он был втянут в борьбу с турками и англичанами за власть над нефтедобывающим Кавказом. Он послал в Баку одного из своих верных помощников, Степана Шаумяна, которому было поручено установить советскую власть.

Шаумян и его товарищи сумели захватить власть в Баку. Они бросили в тюрьмы своих противников, закрыли газеты, распустили городской Совет и бездействовали в то время, когда армянские боевики убивали тысячи азербайджанцев, подозреваемых в антикоммунистических убеждениях.

Но, поскольку Ленин не сумел послать Шаумяну военную помощь, его правительство вскоре пало, и его сменило новое правительство, провозгласившее независимость Азербайджана. Комиссары были арестованы, перевезены через Каспийское море. Их посадили на поезд, идущий в пустыню, которая теперь является территорией Туркменистана. 20 сентября 1918 года, незадолго до рассвета, их вывели на насыпь и расстреляли.

Независимый Азербайджан продержался всего 23 месяца. Марксисты восстановили здесь свою власть и вскоре начали прославлять комиссаров как героев-мучеников. Вина за их гибель была возложена на английские войска, которые тщетно пытались помешать большевикам установить контроль над Кавказом.

Поскольку Азербайджан — это страна поэтов, об этих мучениках было написано множество стихотворений и песен.

Попытки современных ученых установить правду о казни комиссаров не имели успеха. Нынешний консул Великобритании в Баку Кейт Оливер сказал, что все, что ему удалось сделать, — это установить на основе прочитанного, что обвинения в участии англичан в этих казнях были ложными.

Один вопрос, который остается без ответа, — это вопрос о том, каким образом молодому армянскому большевику Анастасу Микояну, который был арестован вместе с комиссарами, удалось избежать смерти. Микоян продолжал занимать высокие посты при всех советских руководителях — от Ленина до Брежнева, подтверждая репутацию мастера выживания, которую он впервые приобрел в Баку.

Недавно одна бакинская газета опубликовала статью, в которой выдвигается предположение о том, что Шаумян тоже убежал от расстрельной команды и направился в Индию, где начал новую жизнь, но в статье не приводится никаких доказательств.

«Последние дни бакинских комиссаров всегда были окружены большой тайной», — пишет историк Питер Хопкирк. Чтобы узнать всю правду, надо, по его словам, «войти в лабиринт лжи, уверток, исчезнувших телеграмм и пропаганды».

Микоян — Берия. Микоян — Хрущев. Микоян — 27 бакинский комиссар. Его роль во всей сталинско-хрущевской эпохе, несомненно, очень велика и до конца не прояснена.

С Хрущевым

С. Н. Хрущев:

— Резко подняло акции Хрущева устранение с политической арены Берии. Я не хочу пересказывать всю эту историю. Отец подробно описывает происходившие события в своих воспоминаниях. Напомню только, что он стал инициатором этой непростой акции и довел ее до конца. Помню, как 26 июня, в день решающего заседания Президиума ЦК, отец все утро просидел на лавочке в дачном саду один на один с Анастасом Ивановичем Микояном. Приближаться к себе он запретил, и я увивался вокруг начальников охраны отца и гостя, прогуливающих поодаль по дорожкам сада.

Все в тот день выглядело необычно. Ежедневно отец уезжал на работу к девяти, а гости, если приезжали, то вечером, и в разговорах с ними принимали участие (в качестве слушателей) все члены семьи: и взрослые, и не очень взрослые. Эта же утренняя беседа затянулась. Наконец они поднялись и пошли к дому. Лица у обоих сосредоточенные. Они запомнились своей необычностью: я привык к прощальной улыбке отца и приветливому взгляду Анастаса Ивановича. Миновав дом, они направились к стоящей на площадке машине. Отец с усилием открыл тяжелую бронированную дверь ЗИСа, пропустил вперед гостя и залез сам. Бронированный автомобиль тоже вызывал недоумение. Я стоял рядом. Отец наконец заметил меня, улыбнулся и помахал на прощание рукой. Охранник с тихим клацанием захлопнул дверь и быстро занял место впереди. Машина тронулась.

Мы ничего не подозревали. Только вечером, когда усталый отец возвратился на дачу, он сообщил:

— Сегодня арестовали Берию. Он оказался врагом народа и иностранным шпионом.

Ошеломленные, мы не смогли выдать ни слова. Даже я не задал ни одного вопроса. Об обстоятельствах дела мы узнали значительно позднее.

В. М. Молотов:

— Хрущев вызвал меня в ЦК, я пришел. «Насчет Берии хочу поговорить. Нельзя ему доверять».

Я говорю: «Я вас вполне поддерживаю, что его надо снять, исключить из состава Политбюро».

Ну-с, потом обратились к Микояну, что вот Берию нельзя оставлять, это опасно и так далее. «Нет, почему?» — сказал Микоян. Одним словом, не согласился. Не согласился. А занял такую выжидательную позицию и стал возражать. Он вертелся — ни да, ни нет. С ним говорил, по-моему, Маленков. Маленков поддерживал его.

Л. Каганович:

— Единственный, Микоян пришел позже немного и говорит:

— В чем дело? Что тут произошло?

Ему рассказали. Он говорит:

— Как это так?

Микоян вначале не был в курсе дела.

По рассказу Кагановича, когда Хрущев поделился с ним планом нейтрализации Берии, осторожный Лазарь Моисеевич спросил:

— А Микоян знает?

— Нет, — ответил Хрущев, — мы ему не говорили, а то он Берии расскажет.

Л. Каганович:

— Так что Микояну не говорили. Поэтому Микоян, когда пришел на заседание, удивленно так глаза выпялил и говорит:

— Что, что?

Ему рассказали. Он тоже проголосовал «за». Никто не проголосовал против. Вот как было дело. Так что Бурлацкий болтает всякую ерунду со слов Хрущева.

- Молотов мне говорил, что все проголосовали «за», а Микоян воздержался, — замечает Ф. Чуев.

— По Берии? Я не помню. Мне кажется, что он не возражал. Может быть, и воздержался... Я спросил: «А Микоян знает?» Для меня это было очень важно. Не «большинство как» я спрашивал, а «знает ли Микоян?» Потому что я с Микояном был... «Нет, ему нельзя этого доверять. Этого он не знает».

С. Н. Хрущев:

— Когда начались известные события в Будапеште осенью 1956 года, отец направил туда Микояна и Сулова.

В первые часы и дни у Анастаса Ивановича не хватило твердости и решительности, он просто не смог переломить ситуацию. Ведь и ему так свойственны были колебания, сомнения.

Накануне поездки отца в Брест, где он намеревался встретиться с польскими руководителями, а было это где-то под полночь, едва он начал засыпать, его разбудил резкий звонок «вертушки». Отец встрепенулся и поспешно схватил трубку. В эти тревожные дни ночной звонок мог означать все, что угодно.

Звонил Микоян. Они с Суловым только что прилетели из Будапешта. Анастас Иванович стал рассказывать о своем видении происходивших там событий. Они становились все более грозными, непредсказуемыми, но Микоян надеялся на разум Имре Надя, считал, что может наступить перелом.

Ничего нового, оправдывавшего столь поздний звонок, Анастас Иванович не сообщал. События в Будапеште развивались, подчиняясь хорошо прогнозируемой внутренней логике. Да и решение уже принято...

Отец собрался поблагодарить Микояна и прекратить затянувшийся разговор. Как бы почувствовав изменение настроения на другом конце провода, Анастас Иванович заторопился. От волнения армянский акцент усилился, он зачастил, проглатывая слова. Микоян втолковывал, что вооруженное вмешательство — огромная ошибка, оно преждевременно. Принятое днем решение Президиума ЦК нужно отменить или по крайней мере собраться для повторного обсуждения и выслушать их с Суловым точку зрения.

— Сулов мне не звонил, — с едва заметной ноткой раздражения перебил Микояна отец. — И мы уже приняли решение...

Микоян стоял на своем.

«Началось», — промелькнуло в голове у отца.

Он приготовился убеждать Гомулку, а начать придется здесь, в Москве, с Микояна. Принятое решение он не собирался изменять, время сомнений прошло. Они остались далеко в прошлом, в предыдущей бессонной ночи, принадлежали теперь истории. Пришла пора действовать, и всякое дополнительное обсуждение только затянет время, еще больше накалит обстановку, приведет к новым ненужным жертвам.

Микоян продолжал говорить. Казалось, он боялся остановиться.

— Анастас, мы сейчас ничего не добьемся, время позднее, — вновь перебил своего собеседника отец, — вчера я ночь не спал, просидел с китайцами, и завтра день предстоит нелегкий. Если хочешь, давай встретимся перед моим отъездом в аэропорт, еще раз обсудим на свежую голову. А пока ты остынь, подумай...

Микоян неохотно согласился, он подойдет пораньше утром, благо особняки на Ленинских горах, где жили и отец, и Микоян, располагались рядом.

Положив трубку, отец еще долго не мог заснуть, ворочался.

Утром отец встал затемно, я еще спал. В столовой его ждал обычный завтрак. Он отодвинул тарелку, глотнул чаю с лимоном. Допивать чай не стал. Встал из-за стола и, перейдя в соседнюю комнату, поднял трубку телефона, соединяющего с дежурным начальником охраны. Прозвучала дробь уставного ответа: «Капитан... слушает».

— Хрущев говорит, — голос отца звучал глухо, — передайте Микояну, что я выхожу.

— Слушаюсь, — прозвучал ответ.

Микоян не заставил себя ждать. Поздоровались они не сухо, но и без обычной теплоты. Время раннее, а тема предстоящего разговора не располагала ни к шуткам, ни к улыбкам.

В дом решили не заходить, пошли по дорожке вдоль забора. Анастас Иванович начал первым, он повторил сказанное по телефону: «Еще не все потеряно, надо выждать, посмотреть, как станут развиваться события, ни в коем случае не пускать в дело войска».

Отец чрезвычайно высоко ценил ум, вернее, мудрость, способность Микояна вести переговоры, но, когда доходило до действий, тут требовался иной склад характера.

Время истекало. Вдали ухнули ворота, во двор вполз громоздкий ЗИС-110. Пора ехать. А Микоян все говорил.

— Так чего же ты добиваешься, Анастас? — перебил его отец. — Там вешают, убивают коммунистов, а мы будем сидеть сложа руки, ожидать, когда американские танки очутятся у наших границ? Мы обязаны помочь венгерским рабочим, нашим братьям по классу. История не простит нам нерешительности и малодушия.

Микоян молчал.

— К тому же решение принято, — продолжал отец, — мы все обсудили и не нашли другого выхода. Думаешь, мне легче?

Отец на мгновение замолчал, тяжело вздохнул и добавил: «Надо действовать, ничего иного не остается».

Отец свернул на дорожку, ведущую к машине, но Анастас Иванович удержал его.

— Если начнется кровопролитие, я не знаю, что с собой сделаю! — почти выкрикнул он.

Отец удивленно посмотрел на Микояна, таким он его еще не видел. Но что он мог ему ответить? Уговаривать бесполезно, да и время вышло. На аэродроме его ожидали Маленков и Молотов.

— Анастас, ты разумный человек. Подумай, оцени, взвесь, и ты поймешь, что принято единственно правильное решение. Даже если прольется кровь, она уберет нас от еще большего кровопролития, — отец пытался успокоить, вразумить своего друга. — Подумай, и ты поймешь...

Отец не договорил, круто повернулся и решительно направился к машине. Анастас Иванович понуро побрел к калитке.

У отца всю дорогу кошки скребли на сердце, но он не усомнился в своей, в их общей правоте. Ни Маленкову, ни Молотову он не стал рассказывать о состоявшемся разговоре. Нет, он не боялся поколебать их решимость, не хотел «подводить» своего друга, выступившего против коллективного решения Президиума ЦК. Если Микоян захочет, он скажет сам.

В самолете отцу все вспоминались последние отчаянные слова Анастаса Ивановича. «Ничего он не сделает», — успокоил отец себя. Микоян ничего и не сделал, он подчинился решению партии.

С. Н. Хрущев:

— Во время первой попытки смещения Хрущева в июне 1957 года Микоян занял глубоко продуманную, основательную позицию. Он, антисталинист по убеждению, и отца поддерживал по убеждению. Вернее, не поддерживал, они боролись за одну идею, и

им оставалось или вместе победить, или вместе погибнуть.

Во время Берлинского кризиса отец решил свое предложение передать американскому президенту не официально, а сделать его как бы невзначай. Для подобной миссии требовался особый посланец. Посол не годился, президент может его вообще не принять. Громыко представлялся отцу для подобной миссии недостаточно гибким. Он остановил свой выбор на Анастасе Ивановиче Микояне. Если вообще существует возможность договориться, то лучше Микояна кандидатуры не отыскать, считал отец. Немаловажным по тем временам считалось и то обстоятельство, что Микояну уже приходилось бывать за океаном. «У него там, — шутил отец, — поднакопилось знакомых». Вот этим последним обстоятельством отец и решил воспользоваться. Анастасу Ивановичу на официальное приглашение американского правительства рассчитывать не приходилось. Он отправился в США как гость деловых кругов.

19 января 1959 года президент принял Микояна в Белом доме. Конечно, говорили о Берлине. Конечно, точки зрения не сходились ни в чем, кроме одного, — ни в коем случае нельзя довести дело до войны. Микоян предложил встречу на высшем уровне по примеру Женевской. Когда заседают пусть очень умные министры, они вынуждены строго придерживаться полученных директив. До высших руководителей точка зрения оппонента доходит множество раз переваренная в желудках внешнеполитических ведомств, окрашенная их симпатиями или антипатиями. На встрече в верхах за один день можно пройти путь, который с помощью дипломатии не преодолеть и за год.

Эйзенхауэр отреагировал пессимистически. По его мнению, Женевская встреча не принесла результатов. Он не ощущал необходимости непосредственного

общения. Если отцу так хочется, пусть соберутся министры. Что же касается Берлина, то тут вообще разговаривать не о чем. Западные союзники ни на йоту не отойдут от Потсдамских соглашений.

Отца не только разочаровал, но несколько уязвил ответ. Однако он сохранял оптимизм. Рассказы о встречах Микояна в США он комментировал с улыбкой, американцы еще сядут за стол переговоров.

Серго Микоян:

— При Хрущеве репрессий не было, но мороки хватало. Особенно у отца. Наши дачи находились по соседству, даже специальную калитку в заборе соорудили, чтобы отец с Никитой Сергеевичем могли общаться. Они обычно гуляли после ужина, и Хрущев ежесекундно выдавал какие-то идеи: то Академию наук решит разогнать («Академики ни черта не делают, а получают по пять тыщ!»), то преобразовать девятые и десятые классы в «фабзауч» («Я вон после фабзауча первым секретарем работаю»). Во многих случаях отцу удавалось хрущевский пыл остудить, но порой Никита был неуправляем.

Он как-то задался вопросом: почему наш парламент такойдохлый? Буржуазия разрешает своим депутатам спорить с президентом, вызывать на ковер премьер-министра. Конечно, они потом поступают так, как им нужно. Но зато есть видимость демократии.

Брежнев, занимавший тогда пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, по мнению Хрущева, на пост главы «демократического» парламента не годился. Леонида Ильича назначили вторым секретарем ЦК, а моего отца председателем.

— И Микоян отплатил Хрущеву за свою карьеру, вступив против него в сговор? — не отставал дотошный корреспондент.

— Версия кинофильма «Серые волки» не имеет под собой никаких оснований. Отец был единственным, кто

до конца защищал Хрущева.

С. П. Красиков:

— После смерти вождя на XX съезде Микоян решительно занимает прохрущевскую позицию и сразу же после съезда руководит формированием ста комиссий, с выездом их в лагеря и места заключения, для пересмотра обвинений всех политических заключенных.

На июньском Пленуме ЦК в 1957 году Микоян снова на стороне Хрущева и решительно выступает против группы Кагановича, Маленкова, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова.

В конце 1962 года в дни карибского кризиса А. И. Микояна посылают на Кубу в качестве посредника между Хрущевым, Кеннеди и Кастро. Именно в эти дни у него умирает жена Ашхен Лазаревна, с которой Анастас Иванович прожил свыше сорока лет. В Гавану приходит правительственная депеша, сообщающая о смерти А. Л. Микоян-Туманян. Овдовевшему выражаются соболезнования и разрешение поступить в ситуации по собственному усмотрению. Микоян на похороны не выезжает, предпочитает остаться на дипломатическом посту.

Ашхен Лазаревну хоронят трое сыновей и младший брат Анастаса Артем, известный авиаконструктор. Четвертый сын вместе с отцом в это время находится на легендарном острове Куба.

В июле 1964 года Хрущев назначает А. И. Микояна Председателем Президиума Верховного Совета СССР вместо Л. И. Брежнева. Через три месяца Микоян подпишет указ об освобождении Н. С. Хрущева от обязанностей Председателя Совета Министров СССР. Но на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября 1964 года он скажет:

— Деятельность Хрущева Никиты Сергеевича — это большой политической капитал партии. Одно

развенчание культа личности Сталина чего стоит. Решиться на такой шаг мог лишь человек большого мужества и верности идеалам социализма. — И предложит оставить Н. С. Хрущева на посту Председателя Совета Министров, освободив его лишь от должности Первого секретаря ЦК КПСС. Пленум предложения Микояна не поддержал.

А в ноябре 1964 года (нет, гораздо позже — в 1966 году!) он и сам следом за Хрущевым уйдет на пенсию. Встреч ни с кем из бывших сослуживцев искать не станет, не навестит на пенсии и любимого Никиту Сергеевича.

А. И. Аджубей, зять Н. С. Хрущева:

— Анастас Иванович Микоян, попрощавшись с Хрущевым после заседания октябрьского Пленума ЦК партии в 1964 году, ни разу не говорил с Хрущевым. Сын Микояна Серго, отвечая в 1988 году на вопросы о том, почему его отец, так близко стоявший к Хрущеву, ни разу не встретился с Никитой Сергеевичем, поведал в оправдание отцу, по-моему, малодостоверную историю. Будто бы Хрущева и Микояна поссорили между собой их шоферы (?!). Один говорил своему опальному хозяину что-то нелестное о Микояне, а другой рассказывал, как ругают в его машине Хрущева. Наивное объяснение. Оба они, и Хрущев, и Микоян, прекрасно знали, как могут обернуться их возможные встречи и разговоры. По старому опыту они берегли не столько себя, сколько семьи.

Бывший лидер Албании Э. Ходжа:

— Самым отрицательным, самым подозрительным элементом и самым заядлым интриганом среди членов Президиума Центрального Комитета КПСС был Микоян. Этот торговец, который все время жевал губами и скрежетал своими вставными зубами, как выяснилось впоследствии, так же жевал коварные антимарксистские, заговорщические, путчистские

планы. Этот жестокосердный, антипатичный и по своей внешности человек показывал себя зловещим особенно с нами, албанцами. С этим перекупщиком и барышником мы поддерживали связи по экономической и торговой части. Все, что касалось Албании, — как предоставление кредитов, так и торговый обмен, — этот индивидуум рассматривал исключительно сквозь торговую призму. В нем уже исчезли интернационалистские, социалистические, дружественные чувства. Со всеми нашими экономическими делегациями Микоян обращался, как перекупщик.

В апреле 1957 года, когда еще не была ликвидирована «антипартийная группа» Маленкова, Молотова и др., я находился в Москве с нашей партийно-правительственной делегацией. Закончив неофициальный ужин в Екатерининском зале в Кремле, мы уселись в уголок пить кофе вместе с Хрущевым, Молотовым, Микояном, Булганиным и др. Молотов, обращаясь ко мне, будто в шутку сказал:

— Завтра Микоян вылетает в Прагу. Пусть попытается заварить и там кашу, если заварил ее в Будапеште.

Чтобы расширить беседу, я говорю ему:

— А что, разве Микоян заварил кашу там?

— А кто же? — ответил Молотов.

— В таком случае, — говорю я ему, — Микояну уже нельзя ездить в Будапешт.

— В случае, если Микоян вновь поедет туда, — отметил Молотов, — его повесят.

Хрущев сидел с опущенной головой и размешивал кофе ложечкой. Микоян чернел и чавкал. Цинично улыбаясь, он сказал:

— Можно мне ездить в Будапешт, почему нельзя. Если повесят меня, то заодно повесят и Кадара, ведь мы вместе заварили кашу.

Роль хрущевцев в венгерской трагедии мне была
ясна.

В Пицунде

П. Е. Шелест, бывший член Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины:

— Утром 3 октября за мной пришли, пригласили к Н. С. Хрущеву завтракать. После завтрака пошли на фазанью охоту, она была удачной. За обедом вдруг Хрущев заявил, что погода в Крыму портится, да и тут никого нет, скука. В Пицунде отдыхает Микоян, он решил завтра туда лететь. Я пытался уговорить его остаться в Крыму. Но он решительно все отклонил и распорядился наутро назначить вылет на Кавказ. За ужином у нас был тоже разговор на те же темы.

Ф. М. Бурлацкий, политолог, общественный деятель:

— Одной из главных причин пассивности Хрущева в критической ситуации было и то, что он полностью передоверил Микояну установить правдивость информации, поступившей к Сергею Хрущеву от Галюкова, одного из охранников Н. Г. Игнатова — активного участника заговора. И Микоян подвел Хрущева, вероятно, почувствовав, что сделать ничего нельзя.

Микоян пригласил Галюкова к себе в дом, что находился в нескольких метрах от дома Хрущева на Ленинских горах. Галюков подробно рассказал обо всем, что ему было известно, в том числе об участии Брежнева, Подгорного, Шелепина, Семичастного в заговоре.

Реакция Микояна была более чем странной. После окончания рассказа он, по словам Сергея, сидел задумавшись. Наконец повернул голову, выражение лица его было решительным, глаза блестели.

— Ну что ж, это хорошо. Я не сомневаюсь, что эти сведения нам сообщили с добрыми намерениями, и я благодарю вас. Хочу только сказать, что мы знаем Николая Викторовича Подгорного, и Леонида Ильича Брежнева, и Александра Николаевича Шелепина, и других товарищей как честных коммунистов, много лет беззаветно отдающих все свои силы на благо нашего народа, на благо Коммунистической партии, и продолжаем к ним относиться как к своим соратникам по общей борьбе!

Микоян потребовал от Сергея, чтобы он составил подробный протокол встречи. Сергей добросовестно выполнил это, но опустил за ненадобностью приведенное выше заявление Микояна. Тот решительно настоял, чтобы заявление слово в слово было внесено в протокол, и даже заглядывал через плечо Сергея, чтобы не было ошибки.

Закончив писать, Сергей протянул Микояну рукопись. Тот внимательно прочитал последний абзац, некоторое время о чем-то раздумывал, потом протянул листы Сергею и сказал: «Распишись». Сергей расписался. Микоян отметил: «Вот теперь все хорошо», — открыл платяной шкаф и засунул папку под стопку рубашек.

О чем раздумывал Микоян, выслушав рассказ Галюкова? Быть может, вспоминал свою молодость, когда каким-то странным образом ему удалось ускользнуть из тюрьмы в Баку? Он был в числе 27 бакинских комиссаров, но расстреляно было только 26, а Микоян спасся. Или он вспоминал, как Сталин при его участии расправился с Каменевым, Зиновьевым, Бухариным? Или свое выступление в 1937 году на одном из партийных совещаний, когда он требовал: бить, бить, бить? Но быть может, он думал о неудачной попытке снять Хрущева в 1957 году и своих колебаниях в тот момент, на чью сторону встать?

Кто знает. Микоян уже после снятия Хрущева продолжал занимать высокий пост и ушел только по старости, с почетом и сохранением всех благ для себя и своей семьи. Вручил ли он пресловутый протокол, написанный сыном об отце, самому Брежневу и когда — до заседания Президиума ЦК или в перерыве, когда соотношение сил стало для него вполне ясным, — неизвестно. Но, так или иначе, сыгранная им во всей этой истории роль выглядит крайне странной. Думаю, что он использовал сообщение Сергея в своих целях.

С. Н. Хрущев:

— Вечером к нам пришел Микоян.

После обеда состоялось заседание Президиума ЦК уже без участия отца. Микояна делегировали к нему проинформировать о принятых решениях.

Сели за стол в столовой, отец попросил принести чаю.

— Меня просили передать тебе следующее, — начал Анастас Иванович нерешительно. — Нынешняя дача и городская квартира (особняк на Ленинских горах) сохраняются за тобой пожизненно.

— Хорошо, — неопределенно отозвался отец.

Трудно было понять, что это — знак благодарности или просто подтверждение того, что он расслышал сказанное. Немного подумав, он повторил то, что уже говорил мне:

— Я готов жить там, где мне укажут.

— Охрана и обслуживающий персонал тоже останутся, но людей заменят.

Отец понимающе хмыкнул.

— Будет установлена пенсия 500 рублей в месяц и закреплена автомашина. — Микоян замялся. — Решили сохранить за тобой должность члена Президиума Верховного Совета, правда, окончательного решения еще не приняли. Я еще предлагал учредить для тебя

должность консультанта Президиума ЦК, но мое предложение отвергли.

— Это ты напрасно, — твердо сказал отец, — на это они никогда не пойдут. Зачем я им после всего, что произошло? Мои советы и неизбежное вмешательство только связывали бы им руки. Да и встречаться со мной им не доставит удовольствия... Конечно, хорошо бы иметь какое-то дело. Не знаю, как я смогу жить пенсионером, ничего не делая. Но это ты напрасно предлагал. Тем не менее спасибо, приятно чувствовать, что рядом есть друг.

Разговор закончился. Отец вышел проводить гостя на площадку перед домом.

Все эти дни стояла теплая, почти летняя погода. Вот и сейчас было тепло и солнечно.

Анастас Иванович обнял и расцеловал Хрущева. Тогда в руководстве не было принято целоваться, и потому это прощание всех растрогало.

Микоян быстро пошел к воротам. Вот его невысокая фигура скрылась за поворотом. Никита Сергеевич смотрел ему вслед. Больше они не встречались.

После Хрущева

С. П. Красиков:

— Как только разнеслась молва о смерти А. И. Микояна, по словам его сына Серго, в квартиру пожаловали сотрудники Института марксизма-ленинизма и люди из компетентных органов с соответствующими мандатами. Однако ни те, ни другие вскрыть сейф усопшего не могли. Пригласили специалистов по сейфам, и содержимое сейфа изъяли для изучения, которое изучается по сей день.

А. И. Аджубей:

— Анастас Иванович Микоян умер в 1978 году. В его сейфе обнаружили книгу «Хрущев вспоминает», изданную в Америке. Как рассказывал мне один из сыновей Анастаса Ивановича, Иван, этот факт вызвал страшный гнев власть предержащих. Охранники Микояна, не «уследившие» за появлением крамольной книги, были строго наказаны.

Внучок

С. П. Красиков:

— С внуком А. И. Микояна — Стасом Наминым — меня познакомил на радиостанции «Юность» композитор Р. Мануков (Манукян), где мы в то время работали. В начале шестидесятых Станислав был скромным, застенчивым молодым музыкантом. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что Стас Намин (псевдоним взят по имени матери) намеревается провести концерт рок-н-рольщиков всего мира не где-то в концертном зале, а на мемориально-исторической Красной площади, около праха пращуров.

Эх, судьба-судьбинушка, плаха и дубинушка! Чей же ты сын, Стас Намин?

А после Стас Намин выступил с чудовищным предложением — возить саркофаг с телом Ленина по столицам мира и показывать советского вождя за деньги.

— Это чисто коммерческий благотворительный проект, — сказал Анастас Микоян (таковы его имя и фамилия по паспорту), причем достаточно выгодный. Если бы мы Владимира Ильича повезли по столицам мира и показывали за плату, получили бы около двух миллиардов долларов, что позволило бы обеспечить безбедную старость людям, которые всю жизнь верили в Ленина.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

АБАКУМОВ Виктор Семенович (1908-1954). В 1941-1943 гг. — заместитель наркома внутренних дел СССР и начальник управления Особых отделов НКВД СССР, в 1943-1946 гг. — заместитель наркома обороны СССР, начальник Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР, в 1946 г. — заместитель министра государственной безопасности СССР, в 1946-1951 гг. — министр государственной безопасности СССР. В июне 1951 г. арестован; расстрелян в декабре 1954 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

АДЖУБЕЙ Алексей Иванович (1924-1993). Зять *Н. С. Хрущева* (1949). В 1957-1959 гг. — главный редактор газеты «Комсомольская правда», в 1959-1964 гг. — главный редактор газеты «Известия». На другой день после смещения *Н. С. Хрущева* был направлен в журнал «Советский Союз» на должность заведующего отделом. На его публикации был наложен негласный запрет, снятый после обращения к *М. С. Горбачеву* в 1985 г.

АЛЛИЛУЕВ Владимир Федорович (1935). Сын *Анны Сергеевны Аллилуевой* (1896-1964) и *Станислава Францевича Реденса* (1892-1940). После ареста отца был усыновлен дядей *Федором Сергеевичем Аллилуевым*.

АЛЛИЛУЕВА Надежда Сергеевна (1901-1932). Родилась в Баку. В 1919 г. вышла замуж за *И. В. Сталина*. Работала в секретариате у *В. И. Ленина*, затем в редакции журнала «Революция и культура» при газете «Правда», в 1929-1932 гг. училась в Промышленной академии на факультете искусственного волокна. В ночь на 9 ноября 1932 г. покончила жизнь самоубийством.

АЛЛИЛУЕВА Светлана Иосифовна (1926). Дочь И. В. Сталина. В 1966 г. осталась за рубежом, выехав в Индию на похороны мужа. Возвращалась в СССР, но вновь уезжала. Проживает в Англии.

АНДРЕЕВ Андрей Андреевич (1895-1971). Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1932-1952 гг. В 1931-1935 гг. — нарком путей сообщения СССР. С 1935 г. — секретарь ЦК ВКП(б), в 1943-1946 гг. — нарком земледелия, в 1939-1952 гг. — председатель КПК при ЦК ВКП(б). В 1946-1953 гг. — заместитель Председателя СМ СССР. В 1953-1962 гг. — член Президиума Верховного Совета СССР, затем советник при Президиуме Верховного Совета СССР.

АНДРИАНОВ Василий Михайлович (1902-1978). Член Президиума ЦК КПСС в 1952-1953 гг. В 1949-1950 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии. С 1953 по 1956 г. — заместитель министра Госконтроля СССР. С 1956 г. на пенсии.

АРИСТОВ Аверкий Борисович (1903-1973). Член Президиума ЦК КПСС в 1952-1953, 1957-1961 гг., секретарь ЦК КПСС в 1952-1953, 1956-1960 гг. В 1961-1973 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ПНР, в Австрии.

АРТЕМ (Сергеев) Федор Андреевич (1883-1921). Участник революций 1905 и 1917 гг. в Харькове. В 1920-1921 гг. — секретарь МК, председатель ЦК союза горнорабочих. Погиб во время испытаний аэромобиля. Сын воспитывался в семье И. В. Сталина.

БАГИРОВ Мир Джафар Аббасович (1895-1956). Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в марте — июле 1953 г. С 1933 по 1953 г. — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана и Бакинского горкома партии. Одновременно в апреле — августе 1953 г. — Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР. В марте 1954 г. был выведен из состава членов ЦК КПСС и исключен из рядов партии. В 1956 г. расстрелян по

приговору Военной коллегии Верховного суда СССР как сообщник *Л. П. Берии*.

БЕЛЯЕВ Николай Ильич (1903-1966). Член Президиума ЦК КПСС в 1957-1960 гг., секретарь ЦК КПСС в 1952-1961 гг. В 1957-1960 гг. — первый секретарь ЦК КП Казахстана, в 1960 г. — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. С 1960 г. был на пенсии.

БЕРИЯ Лаврентий Павлович (1899-1953). Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1946-1953 гг.; в 1938-1945 гг. и в марте — июне 1953 г. — нарком (министр) внутренних дел СССР, одновременно в 1941-1946 гг. — заместитель Председателя СНК СССР, а в 1946-1953 гг. — заместитель, первый заместитель Председателя Совмина СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности (1941 г.). Маршал Советского Союза (1945 г.), Герой Социалистического Труда (1943 г.). Был председателем Государственной комиссии при испытании и взрыве первой плутониевой бомбы на Семипалатинском полигоне в августе 1949 г. На июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС выведен из состава ЦК и исключен из рядов КПСС. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР снят со всех государственных постов. 23 декабря 1953 г. расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР.

БЕРИЯ (Гегечкори) Нина Теймуразовна (1905-1992). Жена *Л. П. Берии*. Арестована в июле 1953 г. В тюрьме находилась до конца 1954 г., когда на основании решения Президиума ЦК КПСС от 17 ноября 1954 г. была отправлена вместе с сыном в административную ссылку в Красноярский край.

БЕРИЯ Серго Лаврентьевич (С. А. Гегечкори) (1924-2000). Сын *Л. П. Берии*. Окончил разведшколу и Ленинградскую военную академию связи имени С. М. Буденного. Работал в Центральной радиотехнической

лаборатории МВД СССР, главным конструктором КБ-1. За создание ракетных систем награжден орденом Ленина и удостоен Государственной премии СССР. Доктор технических наук. В связи с делом отца в июле 1953 г. был арестован вместе с беременной женой и двумя малолетними детьми и до конца 1954 г. содержался в Лефортовской и Бутырской тюрьмах. После освобождения из заключения под именем Сергея Алексеевича Гегечкори (фамилия матери) отправлен в ссылку в г. Свердловск, где в течение десяти лет работал старшим инженером. По ходатайству группы видных ученых переведен в г. Киев, в НИИ «Квант». С 1990 г. — научный руководитель, главный конструктор киевского НИИ «Комета».

БЕРУТ Болеслав (1892-1956). В 1948-1954 гг. — председатель, в 1954-1956 гг. — первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии.

БРЕЖНЕВ Леонид Ильич (1906-1982). В 1946-1950 гг. — первый секретарь Запорожского, Днепропетровского обкома и горкома партии, в аппарате ЦК ВКП(б). В 1950-1952 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Молдавии. С октября 1952 г. по март 1953 г. — секретарь ЦК КПСС, затем заместитель начальника Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В 1954-1956 гг. — второй, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. С 1956 по 1960 г. и в 1963-1964 гг. — секретарь ЦК КПСС. В 1960-1964 гг. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. С октября 1964 г. по ноябрь 1982 г. — Первый, Генеральный секретарь ЦК КПСС.

БУЛГАНИН Николай Александрович (1895-1975). В 1938-1941 и в 1947-1953 гг. — заместитель Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР, с 1944 г. — заместитель наркома обороны (министра Вооруженных Сил) СССР, с 1953 г. — первый

заместитель Председателя, в 1955–1958 гг. — Председатель Совета Министров СССР. Маршал Советского Союза (1947–1958 гг.). В июне 1957 г. за участие в «антипартийной группе» снят с поста и отправлен председателем Ставропольского совнархоза, одновременно понижен в воинском звании с маршала до генерал-полковника. С 1960 г. был на пенсии.

БУРДОНСКИЙ Александр Васильевич (1941). Режиссер Театра Российской армии. Народный артист России. Сын *В. И. Сталина*.

ВАННИКОВ Борис Львович (1897–1962). Заместитель руководителя Спецкомитета (руководитель *Л. П. Берия*), занимавшегося созданием атомной бомбы в СССР. Генерал-полковник, трижды Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии. С 1958 г. находился на пенсии.

ВАСИЛЬЕВА Капитолина Георгиевна (1923). Третья жена *В. И. Сталина*. 19-кратная чемпионка и рекордсменка СССР по плаванию.

ВИНОГРАДОВ Владимир Николаевич (1882–1964). С 1934 г. заведующий терапевтическим отделением Кремлевской больницы. Действительный член Академии медицинских наук (1948). В 1952 г. арестован по «делу кремлевских врачей». После освобождения в 1953 г. вернулся на прежнее место работы.

ВЛАСИК Николай Сергеевич (1896–1967). Генерал-лейтенант, начальник Главного управления охраны МГБ СССР. Почти четверть века возглавлял охрану *И. В. Сталина*. Родился в деревне Бобиничи Слонимского района Барановичской области в семье крестьянина-бедняка. С 7 лет пас скот, с 12 лет работал поденщиком у помещика, в 15 лет стал землекопом. В 1915 г. был призван в армию. Награжден Георгиевским

крестом. Со Сталиным познакомился при обороне Царицына. Арестован в 1952 г.

ВОВСИ Мирослав Семенович (1897-1960). Советский терапевт, академик, в 1941-1950 гг. — главный терапевт Советской Армии. В 1952 г. был арестован вместе с другими кремлевскими врачами по обвинению во вредительстве в лечебном деле. После смерти И. В. Сталина освобожден и реабилитирован.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ Николай Алексеевич (1903-1950). Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1947-1949 гг. В 1938-1941 и в 1942-1949 гг. — председатель Госплана СССР, одновременно в 1939-1941 гг. — заместитель, в 1941-1946 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Репрессирован в 1949 г. в связи с «ленинградским делом», расстрелян 1 октября 1950 г. В апреле 1954 г. реабилитирован. В феврале 1988 г. восстановлен в партии.

ВОРОНОВ Геннадий Иванович (1910-1994). Член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1961-1973 гг. В 1948-1955 гг. — первый секретарь Читинского обкома партии. В 1955-1957 гг. — заместитель министра сельского хозяйства СССР. С 1957 по 1961 г. — первый секретарь Оренбургского обкома КПСС, в 1961-1962 гг. — заместитель, первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В 1962-1971 гг. — Председатель Совета Министров РСФСР, в 1971-1973 гг. председатель Комитета народного контроля СССР. С 1973 г. был на пенсии.

ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович (1881-1969). Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1926-1960 гг. В 1934-1940 гг. — нарком обороны СССР. Маршал Советского Союза (1935). С 1940 г. — заместитель Председателя СНК СССР и председатель Комитета Обороны при Совнарком. В годы Великой Отечественной войны — член ГКО, главнокомандующий Северо-Западным направлением, командующий

войсками Ленинградского фронта, главнокомандующий партизанским движением. В 1946–1953 гг. — заместитель Председателя Совета Министров СССР. С 1953 по 1960 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. С 1960 г. член Президиума Верховного Совета СССР. Дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда.

ВЫШИНСКИЙ Андрей Януарьевич (1883–1954). Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в октябре 1952 — марте 1953 гг. С 1935 по 1939 г. — Прокурор Союза ССР. В 1939–1944 г. — заместитель Председателя СНК СССР. С 1940 по 1954 г. — в МИД СССР: первый заместитель министра, министр. В 1953 г. назначен постоянным представителем СССР в ООН.

ГОГЛИДЗЕ Сергей Арсентьевич (1901–1953). В 1950–1951 гг. — начальник Главного управления охраны МГБ СССР на железнодорожном и водном транспорте, в 1951 г. — заместитель министра государственной безопасности СССР, затем министр госбезопасности Узбекской ССР, в 1952 г. — заместитель министра госбезопасности СССР и начальник Третьего управления МГБ СССР, с ноября 1952 г. — первый заместитель министра госбезопасности СССР, в марте — июне 1953 г. — начальник Третьего управления МВД СССР, генерал-полковник. В декабре 1953 г. расстрелян по приговору специального военного присутствия Верховного суда СССР.

ГОМУЛКА Владислав (1905–1982). В 1943–1948 гг. — генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии, в 1951 г. арестован, в 1954 г. освобожден, в 1956 г. реабилитирован. В 1956–1970 гг. — первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии.

ГРИШИН Виктор Васильевич (1914–1992). Член Политбюро ЦК КПСС в 1971–1986 гг. На партийной работе с 1941 г. С 1950 г. — в Московском обкоме КПСС, в 1956–1967 гг. — председатель ВЦСПС, затем до

1985 г. — первый секретарь МГК КПСС. С 1985 г. был на пенсии. В годы горбачевской «перестройки» был провозглашен одним из столпов «застоя» и главным соперником М. С. Горбачева. Сам В. В. Гришин это отрицал.

ДЕМИЧЕВ Петр Нилович (1918). Кандидат в члены Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1964–1988 гг., секретарь ЦК КПСС в 1961–1974 гг. В 1974–1986 гг. — министр культуры СССР. С 1986 по 1988 г. — первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1988 г. на пенсии.

ДЖУГАШВИЛИ Евгений Яковлевич (1936). Сын *Я. И. Джугашвили* и Ольги Голышевой.

ДЖУГАШВИЛИ Яков Иосифович (1907–1944). Сын И. В. Сталина от брака с Екатериной Сванидзе. Закончил институт инженеров железнодорожного транспорта и Артиллерийскую академию РККА. 16 июля 1941 г. попал в плен к немцам. В 1944 г. убит часовым в концлагере Заксенхаузен.

ДИМИТРОВ Георгий (1882–1949). С 1935 г. — генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, с 1946 г. — председатель Совета Министров Болгарии, с 1948 г. — Генеральный секретарь Болгарской компартии.

ЕГОРОВ Петр Иванович (1899–1967). В 1947–1952 гг. — начальник Лечебно-санитарного управления Кремля. Арестован в 1952 г. по «делу кремлевских врачей». В 1953–1964 гг. — заведующий кафедрой и проректор Центрального института усовершенствования врачей, в 1964–1967 гг. — заведующий сектором Института медико-биологических проблем.

ЕФРЕМОВ Леонид Николаевич (1912). Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1962–1966 гг. В 1958–1962 гг. — первый секретарь Горьковского обкома партии. С 1962 по 1964 г. — первый заместитель

председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В 1964–1970 гг. — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. С 1970 по 1988 г. — первый заместитель председателя Госкомитета СССР по науке и технике. С 1988 г. на пенсии.

ЖДАНОВ Андрей Александрович (1896–1948). Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1939–1948 гг. Секретарь ЦК ВКП(б) в 1934–1948 гг., одновременно (декабрь 1934 г. — декабрь 1944 г.) — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны — член военных советов Северо-Западного направления, Ленинградского фронта. Генерал-полковник (1944).

ЖИГАРЕВ Павел Федорович (1900–1963). В 1941–1942 гг. — командующий ВВС Красной Армии, зам. наркома обороны СССР, в 1942–1945 гг. — командующий ВВС Дальневосточного фронта, в 1945 г. — командующий воздушной армией, в 1949–1957 гг. — Главком ВВС, в 1957–1959 гг. — начальник Главного управления ГВФ, в 1959–1963 гг. — начальник Военной командной академии ПВО.

ЖУКОВ Георгий Константинович (1896–1974). Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны — командующий войсками Резервного, Ленинградского и Западного фронтов. С августа 1942 г. — первый заместитель наркома обороны, заместитель Верховного Главнокомандующего. После войны — командующий Одесским и Уральским военными округами. С марта 1953 г. — первый заместитель министра обороны, в 1955–1957 гг. — министр обороны СССР. Смещен в октябре 1957 г. С 1958 г. в отставке.

ЗАВЕНЯГИН Авраамий Павлович (1901–1956). Заместитель наркома внутренних дел СССР, член Специального комитета ГКО, дважды Герой

Социалистического Труда. Один из организаторов советской атомной промышленности. С 1955 по 1956 г. — министр среднего машиностроения СССР.

ЗУБАЛОВ Лев Константинович (Леван-Иосиф) (1853–1914). Родился в семье тифлисских армян. Отец был отставным штабс-капитаном Нижегородского драгунского полка, расквартированного на Кавказе. В 1880-х гг. приобрел нефтяные промыслы в районе Баку, ставшие основой богатства семьи. Сын Лев с пятнадцати лет жил в Одессе, где обучался в частной классической гимназии. После смерти отца унаследовал с братьями огромное богатство. Всю жизнь собирал художественные ценности. Был хозяином домов в Москве и загородных имений в Подмосковье, одно из которых в советские времена стало дачей И. В. Сталина.

ИГНАТОВ Николай Григорьевич (1901–1966). Член Президиума ЦК КПСС в 1957–1961 гг., секретарь ЦК КПСС в 1952–1953 и в 1957–1960 гг. С 1960 г. — заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета заготовок СМ СССР. В 1962–1966 гг. — Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР. Сыграл ключевую роль в предотвращении попытки снятия с поста *Н. С. Хрущева* в июне 1957 г. и в его смещении в октябре 1964 г.

ИГНАТЬЕВ Семен Денисович (1904–1983). Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. В 1950–1952 гг. — заведующий отделом ЦК партии, одновременно в 1951–1953 гг. — министр государственной безопасности СССР. В марте — апреле 1953 г. — секретарь ЦК КПСС, в апреле 1953 г. выведен из состава ЦК, на июльском (1953 г.) Пленуме восстановлен членом ЦК. С 1953 г. — первый секретарь Башкирского, с 1957 г. Татарского обкомов партии. С 1960 г. был на пенсии.

ИЛЬЧЕВ Леонид Федорович (1906–1990). Секретарь ЦК КПСС в 1961–1965 гг. С мая 1965 г. — заместитель министра иностранных дел СССР, с

1989 г. — советник МИД СССР. Имел ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Доктор философских наук, действительный член АН СССР, лауреат Ленинской премии.

КАГАНОВИЧ Лазарь Моисеевич (1893–1991). Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1930–1957 гг. В 1928–1939 гг. — секретарь ЦК ВКП(б), в 1930–1935 гг. — первый секретарь МК партии и одновременно в 1931–1934 гг. — первый секретарь МГК. Руководитель ряда союзных наркоматов. С 1947 г. — заместитель Председателя, в 1953–1957 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, одновременно в 1955–1956 гг. — председатель Государственного комитета СМ СССР по вопросам труда и заработной платы. С 1957 г. — управляющий трестом «Союзасбест» в Свердловской области. На июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС был выведен из состава Президиума ЦК и из состава ЦК. Первичной парторганизацией исключен из партии в декабре 1961 г. С 1961 г. был на пенсии.

КАДАР Янош (1912–1989). В 1946–1948 гг. — заместитель генерального секретаря ЦК КП Венгрии, одновременно в 1948–1950 гг. — министр внутренних дел ВНР. В 1951 г. арестован и приговорен к пожизненному заключению, в 1954 г. реабилитирован. В 1956–1988 гг. — первый, генеральный секретарь ЦК ВСРП, одновременно в 1956–1958 гг. — председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства.

КИРИЛЕНКО Андрей Павлович (1906–1990). Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1962–1982 гг., секретарь ЦК КПСС в 1966–1982 гг. С 1982 г. был на пенсии.

КИРИЧЕНКО Алексей Илларионович (1908–1975). Член Президиума ЦК КПСС в 1953–1955 гг. В 1953–1957 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Украины. Секретарь ЦК КПСС в 1957–1960 гг. С 1960 г. — первый

секретарь Ростовского обкома КПСС, потом на хозяйственной работе. С 1962 г. был на пенсии.

КОБУЛОВ Борис Захарьевич (1904–1953). В 1939–1941 гг. — начальник Главного экономического управления НКВД СССР, в 1941 г. заместитель наркома госбезопасности СССР, в 1943–1945 гг. — первый заместитель наркома госбезопасности СССР, в 1946–1953 гг. — заместитель начальника Главного управления советским имуществом за границей, одновременно с 1950 г. — заместитель председателя Союзной контрольной комиссии в Германии, в марте — июне 1953 г. — первый заместитель министра внутренних дел СССР, генерал-полковник. В июне 1953 г. арестован и 23 декабря 1953 г. расстрелян по делу *Л. П. Берии*.

КОЗЛОВ Фрол Романович (1908–1965). В 1953–1957 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. С 1957 г. — Председатель Совета Министров РСФСР, с 1958 г. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1960–1964 гг. — секретарь ЦК КПСС. Член Президиума ЦК КПСС в 1957–1964 гг. С 1964 г. на пенсии.

КОРОТЧЕНКО Демьян Сергеевич (1894–1969). Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. В 1947–1954 гг. — Председатель Совета Министров Украинской ССР. В 1954–1969 гг. — Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР.

КОСИОР Станислав Викентьевич (1889–1939). Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. С 1928 г. генеральный, первый секретарь ЦК КП(б) Украины. В январе 1938 г. был назначен заместителем Председателя Совнаркома СССР и председателем Комиссии советского контроля при СНК СССР. В том же году репрессирован, в феврале 1939 г. расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

КОСЫГИН Алексей Николаевич (1904–1980). Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1948–1952, 1960–1980 гг. С октября 1964 по октябрь 1980 г. Председатель Совета Министров СССР.

КРУГЛОВ Сергей Николаевич (1907–1977). В 1939–1941 гг. — заместитель наркома внутренних дел СССР по кадрам, в 1941–1945 гг. — заместитель, первый заместитель министра внутренних дел СССР, в 1945–1953, 1953–1956 гг. — нарком (министр) внутренних дел СССР, в марте — июне 1953 г. — первый заместитель министра внутренних дел СССР, в 1956–1957 гг. — заместитель министра строительства электростанций СССР, в 1957–1958 гг. — заместитель председателя Кировского совнархоза, с 1958 г. на пенсии. Генерал-полковник.

КУЗНЕЦОВ Алексей Александрович (1905–1950). С 1938 г. второй, с 1945 г. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, один из организаторов обороны города в 1941–1944 гг., генерал-лейтенант. В 1946–1949 гг. — секретарь ЦК ВКП(б) и начальник Управления кадров ЦК партии. С февраля 1949 г. — секретарь Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б). В 1949 г. арестован по «ленинградскому делу». Расстрелян в 1950 г. Реабилитирован в 1954 г.

КУЗНЕЦОВ Николай Герасимович (1902–1974). В 1939–1946 гг. — нарком Военно-Морского Флота СССР, главнокомандующий ВМФ. Был дважды контр-адмиралом, трижды вице-адмиралом, дважды имел высшее воинское звание на флоте — Адмирал Флота Советского Союза. В 1955 г. снят с поста первого заместителя министра обороны и главкома ВМФ и уволен в отставку. В 1988 г. посмертно восстановлен в звании Адмирал Флота Советского Союза.

МАЛЕНКОВ Георгий Максимилианович (1902–1988). В 1939–1946 гг. и в 1948–1953 гг. — секретарь ЦК, в 1953–1955 гг. — Председатель Совета Министров

СССР. В 1955–1957 гг. — министр электростанций и заместитель Председателя Совета Министров СССР. С 1957 г. — директор Усть-Каменогорской и Экибастузской ГЭС. В 1957 г. за антипартийную деятельность выведен из состава ЦК. С 1961 г. на пенсии, в том же году исключен из КПСС.

МАЛИНОВСКИЙ Родион Яковлевич (1898–1967). Советский военачальник, Маршал Советского Союза. В 1957–1967 гг. — министр обороны СССР.

МАЛИН Владимир Никифорович (1906–1982). В 1954–1965 гг. — заведующий Общим отделом ЦК КПСС, в 1965–1970 гг. — ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС, с 1970 г. на пенсии.

МАСЛЕННИКОВ Иван Иванович (1900–1954). В 1939–1943, 1948–1954 гг. — заместитель наркома (министра) внутренних дел СССР, генерал армии. В годы Великой Отечественной войны командующий ряда фронтов. Застрелился 16 апреля 1954 г.

МЕЛЬНИКОВ Леонид Георгиевич (1906–1981). Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. В 1947–1953 гг. — секретарь, второй, первый секретарь ЦК Компартии Украины. С 1953 г. — посол СССР в Румынии. В 1955–1957 гг. — министр строительства предприятий угольной промышленности СССР. С 1957 г. в Казахской ССР: первый заместитель, заместитель председателя Совета Министров, председатель Госплана, председатель Госгортехнадзора республики. В 1961–1966 гг. — председатель Госгортехнадзора при Совете Министров РСФСР, в 1968–1981 гг. — председатель Гостехнадзора СССР.

МЕХЛИС Лев Захарович (1889–1953). В 20-е годы — помощник И. В. Сталина, затем главный редактор газеты «Правда». В 1937–1940 гг. — начальник Политуправления Красной Армии. В 1940–1946 гг. — нарком Госконтроля СССР. В 1941–1942 гг. — одновременно начальник Главного политического

управления Красной Армии и заместитель наркома обороны СССР. С 1942 г. — член военных советов ряда армий, фронтов. В 1946–1950 гг. — министр Госконтроля СССР (освобожден по состоянию здоровья). Генерал-полковник (1944).

МЕШИК Павел Яковлевич (1910–1953). В 1946–1953 гг. — начальник Первого Главного управления при СНК (Совмине) СССР, в марте — июне 1953 г. — министр внутренних дел УССР, генерал-лейтенант. В декабре 1953 г. расстрелян по приговору специального военного присутствия Верховного суда СССР (дело *Л. П. Берии*). В мае 2000 г. Верховный суд РФ установил, что его преступления носят должностной характер и «тянут» на 25 лет лишения свободы.

МЖАВАНАДЗЕ Василий Павлович (1902–1988). В 1953–1972 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Грузии. С 1972 г. был на пенсии.

МИКОЯН Анастас Иванович (1895–1978). Возглавлял ряд партийных комитетов, наркоматов. Являлся заместителем, первым заместителем Председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР с 1937 по 1955 г. Член Государственного комитета обороны в годы Великой Отечественной войны. В 1955–1957 и в 1958–1964 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. С 1964 г. — Председатель, в 1965–1974 гг. — член Президиума Верховного Совета СССР. Член Политбюро ЦК КПСС с 1935 по 1966 г. С 1974 г. на пенсии. Единственный советский деятель, сохранивший места в руководстве партии и государства независимо от резких перемен в высших эшелонах власти и смены политического курса.

МИХАЙЛОВ Николай Александрович (1906–1982). С 1938 по 1952 г. — первый секретарь ЦК ВЛКСМ. В октябре 1952 г. — марте 1953 г. — секретарь ЦК КПСС и заведующий отделом ЦК, затем до 1954 г. — первый секретарь Московского обкома КПСС. В 1954–1955 гг. —

Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ПНР. С 1955 по 1960 г. — министр культуры СССР. В 1960–1965 гг. — посол СССР в Республике Индонезия. С 1965 по 1970 г. — председатель Комитета по печати при Совете Министров СССР. С 1970 г. был на пенсии.

МОЛОТОВ (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986). Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1926–1957 гг., член Оргбюро и секретарь ЦК в 1921–1930 гг. В 1930–1941 гг. — Председатель СНК. В 1941–1942 и в 1946–1953 гг. — заместитель Председателя, в 1942–1946 и в 1953–1957 гг. — первый заместитель Председателя СНК (Совета Министров) СССР. Одновременно в 1941–1945 гг. — заместитель председателя Государственного комитета обороны, в 1939–1949, 1953–1956 гг. — нарком (министр) иностранных дел СССР, в 1956–1957 гг. — министр Госконтроля СССР. С 1957 г. — посол СССР в Монголии, представитель СССР в МАГАТЭ. В 1962 г. исключен из партии, восстановлен в 1984 г. С 1962 г. был на пенсии.

МУХИТДИНОВ Нуриддин Акрамович (1917). В 1951–1953 и в 1954–1955 гг. — председатель Совета Министров Узбекской ССР, в 1953–1954 гг. — первый заместитель председателя Совмина Узбекистана. В 1955–1957 гг. — первый секретарь ЦК КП Узбекистана. С 1957 по 1961 г. — секретарь ЦК КПСС. В 1957–1961 гг. — член Президиума ЦК КПСС. В дальнейшем заместитель председателя правления Центросоюза, первый заместитель председателя Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР. В 1968–1977 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Сирийской Арабской Республике. С 1977 г. — заместитель председателя президиума Торгово-промышленной палаты СССР. С 1987 г. на пенсии, переехал в Ташкент.

НЕГОВСКИЙ Владимир Александрович (1909). Академик Российской академии медицинских наук.

Дважды лауреат Государственной премии СССР. Проблемами оживления человека начал заниматься еще в 20-е годы. В 30-е годы работал в лаборатории Брюхоненко, который умел воскрешать не только собак, но даже их изолированные головы. По мотивам этих экспериментов писатель А. Беляев создал знаменитый роман «Голова профессора Доуэля». В США его называют «отцом реаниматологии», в Италии в книге «Великие имена XX столетия — медики» (1974) его имя среди имен Рентгена, Флеминга и Фрейда. Автор учебника для военврачей «Восстановление жизненных функций организма, находящегося в состоянии агонии или периоде клинической смерти» (1943). В 1998 г. вместе с *Г.Д. Чесноковой* был последним живым из тех, кто находился на сталинской даче в Кунцеве 2–5 марта 1953 г.

НОВИКОВ Александр Александрович (1900–1976). В 1942–1946 гг. — командующий ВВС Советской Армии, одновременно заместитель наркома обороны (министра Вооруженных Сил) СССР, дважды Герой Советского Союза. В 1946 г. арестован, в 1953 г. реабилитирован. В 1953–1955 гг. — командующий дальней авиацией, одновременно в 1954–1955 гг. — заместитель главнокомандующего ВВС. С 1956 г. на пенсии.

ПЕЛЬШЕ Арвид Янович (1899–1983). С марта 1941 г. по 1959 г. — секретарь, в 1959–1966 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Латвии. С 1966 г. — председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Член Политбюро ЦК КПСС в 1966–1983 гг.

ПЕРВУХИН Михаил Георгиевич (1904–1978). Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1957 гг., кандидат в члены Президиума ЦК в 1957–1961 гг. С 1939 г. — нарком электростанций и электропромышленности. В 1940–1944 гг. — заместитель Председателя СНК. Одновременно в 1942–1950 гг. — нарком, министр

химической промышленности СССР. В 1950 г. — марте 1953 г. и декабре 1953-1955 гг. — заместитель Председателя Совета Министров СССР. Одновременно с 1953 г. — министр электростанций и электропромышленности СССР. В 1955-1957 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1957-1958 гг. — министр среднего машиностроения, председатель Госкомитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям. С 1958 по 1963 г. — посол СССР в ГДР. В 1963-1978 гг. — начальник управления СНХ СССР, начальник отдела, член коллегии Госплана СССР.

ПИТОВРАНОВ Евгений Петрович (1915-2000). В 1946-1950 гг. — начальник Второго Главного управления МГБ СССР, в 1951 г. — заместитель министра государственной безопасности СССР, с октября 1951 г. по ноябрь 1952 г. находился под следствием, реабилитирован, в 1953-1957 гг. — старший советник МВД СССР — КГБ при СМ СССР при органах госбезопасности ГДР, генерал-майор.

ПОДГОРНЫЙ Николай Викторович (1903-1983). В 1957-1963 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Украины. В 1963-1965 гг. — секретарь ЦК КПСС. С 1965 по 1977 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1960-1977 гг. С 1977 г. был на пенсии.

ПОЛЯНСКИЙ Дмитрий Степанович (1917). С 1958 по 1962 г. — Председатель Совета Министров РСФСР. В 1962-1965 гг. — заместитель Председателя Совета Министров СССР, с октября 1965 г. по февраль 1973 г. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1973-1976 гг. — министр сельского хозяйства СССР. Член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1960-1976 гг. С 1976 г. на дипломатической работе: посол СССР в Японии, Норвегии. С 1987 г. на пенсии.

ПОНОМАРЕВ Борис Николаевич (1905–1995). С 1955 г. — заведующий отделом ЦК КПСС. В 1961–1986 гг. — секретарь ЦК КПСС. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1972–1986 гг. Лауреат Ленинской премии. С 1986 г. на пенсии.

ПОНОМАРЕНКО Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984). Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг., кандидат в члены Президиума ЦК в 1953–1956 гг. В 1948–1953 гг. — секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1950–1953 гг. — министр заготовок СССР. В 1953–1954 гг. — министр культуры СССР, в 1954–1955 гг. — первый секретарь ЦК КП Казахстана. С 1955 г. — на дипломатической и преподавательской работе. С 1965 г. был на пенсии.

ПОСКРЕБЫШЕВ Александр Николаевич (1891–1965). Помощник И. В. Сталина. С 1930 г. — заведующий секретным отделом, с 1934 г. — особым сектором ЦК ВКП(б). В 1952–1953 гг. — секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС. С 1953 г. на пенсии. Генерал-лейтенант. В молодости — фельдшер-ветеринар. Был женат на родственнице Л. Д. Троцкого, впоследствии арестованной НКВД. Отличался феноменальной памятью.

ПОСПЕЛОВ Петр Николаевич (1898–1979). В 1940–1949 гг. — главный редактор газеты «Правда», в 1949–1952 гг. — директор Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). В 1953–1960 гг. — секретарь ЦК КПСС. В 1961–1967 гг. — директор ИМЛ при ЦК КПСС, в 1967–1979 гг. — член президиума АН СССР. Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1953–1960 гг.

РАКОШИ Матиас (1892–1971). В 1924–1925 гг. — на подпольной работе в Венгрии, в 1925–1940 гг. находился в заключении в Венгрии, в 1940–1945 гг. проживал в СССР, в 1945–1948 гг. — генеральный секретарь ЦК компартии Венгрии, в 1948–1956 гг. — генеральный секретарь ЦК Венгерской партии

трудящихся, одновременно в 1952–1953 гг. — председатель Совета Министров Венгрии. В июле 1956 г. решением пленума ЦК Венгерской партии трудящихся освобожден от партийных должностей и выехал в СССР. В августе 1957 г. был выслан в Краснодар, позднее переведен в г. Токмак (Киргизия), затем в Арзамас и наконец в Горький. В августе 1962 г. исключен из ВСРП.

РОДИОНОВ Михаил Иванович (1907–1950). В 1946–1949 гг. — Председатель Совета Министров РСФСР. В марте 1949 г. направлен на учебу в Академию общественных наук при ЦК ВКП(б), в августе того же года арестован по «ленинградскому делу», осужден, в октябре 1950 г. расстрелян. В 1954 г. реабилитирован, в 1987 г. восстановлен в КПСС.

РОКОССОВСКИЙ Константин Константинович (1896–1968). Маршал Советского Союза, Маршал Польши. Дважды Герой Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны — командующий войсками ряда фронтов. Был министром обороны Польской Народной Республики.

РЫЧАГОВ Павел Васильевич (1901–1941). Генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза. С августа 1940 г. — начальник Главного управления ВВС Красной Армии. 8 марта 1941 г. назначен заместителем наркома обороны СССР, а постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии» от 9 апреля 1941 г. снят со всех постов «как недисциплинированный и не справляющийся с обязанностями руководитель ВВС». Арестован на второй день Великой Отечественной войны. Расстрелян в октябре 1941 г.

РЮМИН Михаил Дмитриевич (1913–1954). В 1947–1951 гг. — старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР, в 1951–1952 гг. — заместитель министра ГБ СССР и начальник

следственной части по особо важным делам, в 1952-1953 гг. — старший контролер Министерства госконтроля СССР. В марте 1953 г. арестован и в июле 1954 г. расстрелян.

САБУРОВ Максим Захарович (1900-1977). Член Президиума ЦК КПСС в 1952-1957 гг. В 1941-1942, 1949 г. — марте 1953 г. и с июня 1953 г. по 1955 г. — председатель Госплана СССР. Одновременно в 1941-1944 гг. — заместитель Председателя СНК СССР. В 1947 г. — марте 1953 г. и с декабря 1953 г. по 1955 г. — заместитель Председателя Совета Министров СССР. В марте — июне 1953 г. — министр машиностроения СССР. В 1955-1957 гг. — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, одновременно в 1955-1956 гг. — председатель Госэкономкомиссии СССР. С 1957 г. — заместитель председателя Госкомитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям, затем на хозяйственной работе. С 1967 г. был на пенсии.

СВАНИДЗЕ Мария Анисимовна (1889-1942). Жена брата первой жены И. В. Сталина. Осуждена в 1939 г. к восьми годам лишения свободы. В 1942 г. по тем же материалам была расстреляна.

СЕМИЧАСТНЫЙ Владимир Ефимович (1924-2001). В 1958-1959 гг. — первый секретарь ЦК ВЛКСМ, затем второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана. В 1961-1967 гг. — председатель КГБ СССР. В 1967-1981 гг. — заместитель председателя Совета Министров Украинской ССР, затем заместитель председателя правления Всесоюзного общества «Знание».

СЕРОВ Иван Александрович (1905-1990). В 1941-1954 гг. — заместитель, первый заместитель наркома (министра) внутренних дел СССР, в 1954-1958 гг. — председатель КГБ при Совмине СССР, генерал армии. В 1958-1963 гг. — начальник Главного разведывательного

управления Генштаба Вооруженных Сил СССР, с 1965 г. на пенсии.

СМУШКЕВИЧ Яков Владимирович (1902–1941). В 1939–1940 гг. — начальник ВВС Красной Армии, в 1940–1941 гг. — помощник начальника Генерального штаба. Генерал-лейтенант авиации, дважды Герой Советского Союза. Арестован в июне 1941 г., в октябре того же года расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1954 г.

СПИРИДОНОВ Иван Васильевич (1905–1991). В 1956–1957 гг. — первый секретарь Ленинградского горкома КПСС. В 1957–1962 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, одновременно в 1961–1962 гг. — секретарь ЦК КПСС. С 1962 по 1970 г. — Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР. С 1970 г. был на пенсии.

СПЫХАЛЬСКИЙ Мариан (1906–1980). Маршал Польши, в 1956 г. — министр национальной обороны, сменивший на этом посту Маршала Советского Союза и Маршала Польши *К. К. Рокоссовского*.

СТАЛИН Василий Иосифович (1921–1962). Сын И. В. Сталина и *Н. С. Аллилуевой*. В 1938–1939 гг. учился в Качинской авиашколе, затем в 1940–1941 гг. на Липецких высших авиационных курсах. Участник Великой Отечественной войны, закончил войну командиром истребительной авиадивизии, совершил 27 боевых вылетов, сбил 2 самолета противника. В 1947–1952 гг. — заместитель командующего, затем командующий ВВС Московского военного округа. Арестован 28 апреля 1953 г. и осужден 2 октября 1955 г. Военной коллегией Верховного суда СССР к 8 годам лишения свободы за незаконное расходование, хищение и присвоение государственного имущества, а также «враждебные выпады и антисоветские измышления в отношении руководителей КПСС и Советского государства». Был освобожден досрочно в январе 1960 г., а в апреле того же года вновь водворен

в тюрьму для дальнейшего отбытия наказания. Освобожден в апреле 1961 г. и направлен на постоянное жительство в г. Казань, где умер 19 марта 1962 г. при невыясненных обстоятельствах. В 1999 г. судимость частично снята. В 2002 г. перезахоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

СТАЛИНА Надежда Васильевна (1943–1999). Дочь *В. И. Сталина* от первого брака с Г. Бурдонской. Последняя из рода Сталиных, сохранившая его фамилию. В 1966 г., будучи студенткой филологического факультета МГУ, вышла замуж за актера А. А. Фадеева — сына знаменитого писателя и актрисы МХАТа Ангелины Степановой. Ради мужа бросила учебу и посвятила себя семье. Они прожили вместе 27 лет. До Надежды у А. А. Фадеева было две жены — актрисы Л. Гурченко и Л. Лужина. А. А. Фадеев скончался в 1993 г. Надежда Васильевна умерла от инсульта и похоронена в колумбарии Ваганьковского кладбища. Вела замкнутый образ жизни, не давала интервью, за всю свою жизнь не сказала дурного слова ни об отце, ни о деде.

СТАРОСТИН Николай Петрович (1902–1991). Патриарх советского футбола, заслуженный мастер спорта СССР, впервые вышел на зеленое поле в 1918 г. В 1989 г. работал начальником команды московского «Спартака». В 1942 г. Николай и его братья Александр, Андрей и Петр были арестованы и лишены свободы сроком на 10 лет.

СУДОПЛАТОВ Павел Анатольевич (1907–1996). Генерал-лейтенант госбезопасности. В 30-е годы заместитель начальника Иностранного отдела НКВД. Во время Великой Отечественной войны — начальник Четвертого (разведывательно-диверсионного) управления НКВД — НКГБ. После войны возглавлял особую группу МГБ, был заместителем начальника Первого (разведывательного) главного управления МГБ.

После ареста *Л. П. Берии* снят с должности и осужден на 15 лет лишения свободы. Реабилитирован в 1992 г.

СУСЛОВ Михаил Андреевич (1902–1982). Член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1952–1953, 1955–1982 гг., секретарь ЦК партии в 1947–1982 гг., одновременно в 1949–1951 гг. — главный редактор газеты «Правда».

ТЕЛЕГИН Константин Федорович (1899–1981). В годы Великой Отечественной войны член военных советов ряда фронтов, генерал-лейтенант. В послевоенное время на политработе. В 1947 г. уволен из армии, в 1948 г. арестован. В июле 1958 г. реабилитирован и восстановлен в Вооруженных Силах.

ТИМАШУК Лидия Феодосьевна (1898–1983). Родилась в Брест-Литовске в семье унтер-офицера. В 1918 г. поступила на медицинский факультет Саратовского университета. С 1926 г. — в Лечебно-санитарном управлении Кремля, где трудилась до выхода на пенсию в 1964 г.

ТИМОШЕНКО Семен Константинович (1895–1970). Советский военачальник. Маршал Советского Союза. В 1940–1941 гг. — нарком обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны — главнокомандующий войсками Западного и Юго-Западного направлений, командующий войсками ряда фронтов. В 1945–1960 гг. — командующий войсками ряда военных округов. С 1960 г. — в группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

ТИТО Иосип Броз (1892–1990). С 1940 г. — генеральный секретарь ЦК компартии Югославии, с 1953 г. — президент СФРЮ.

ТОВСТУХА Иван Павлович (1889–1935). С 1922 г. — помощник И. В. Сталина. С 1931 г. заместитель директора Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).

УДИЛОВ Вадим Николаевич (1924). Генерал-майор КГБ в отставке. Участник Великой Отечественной войны. В контрразведке прослужил 37 лет. Перед выходом на пенсию — первый заместитель начальника 2-го Главного управления КГБ.

УМАНСКИЙ Константин Александрович (1902–1945). В 1939–1941 гг. — полпред в США, в 1941–1943 гг. — член коллегии НКВД, в 1941–1945 гг. — полпред в Мексике. Его пятнадцатилетнюю дочь застрелил на Большом Каменном мосту в Москве сын наркома авиационной промышленности *А. И. Шахурин*.

ФУРЦЕВА Екатерина Алексеевна (1910–1974). Член Президиума ЦК КПСС в 1957–1961 гг., секретарь ЦК КПСС в 1956–1960 гг. В 1960–1974 гг. — министр культуры СССР.

ХРУЩЕВ Никита Сергеевич (1894–1971). В 1939–1964 гг. — член Политбюро (Президиума) ЦК, в 1949–1953 гг. — секретарь ЦК ВКП(б) — КПСС, в 1953–1964 гг. — Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958–1964 гг. — Председатель Совета Министров СССР. Смещен со всех постов в октябре 1964 г., с того же времени был на пенсии.

ЧЕСНОКОВ Дмитрий Иванович (1910–1973). Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. В 1952–1953 гг. — заведующий Отделом ЦК КПСС, одновременно главный редактор журнала «Коммунист». С 1953 г. — заведующий отделом, секретарь Горьковского обкома партии, в 1957–1959 гг. — председатель Гостелерадио СССР. С 1959 г. — на научной и педагогической работе. Ему приписывают роль теоретического обоснователя готовившейся в 1953 г. И. В. Сталиным депортации евреев из Москвы и других крупных советских городов.

ЧЕСНОКОВА Галина Дмитриевна (1911). Доктор медицинских наук, профессор. Специалист по тонким операциям на черепе и головном мозге. В 1998 году вместе с *В. А. Неговским* была последней из тех, кто

находился на сталинской даче в Кунцеве 2-5 марта 1953 г.

ШАТАЛИН Николай Николаевич (1904-1984). В 1953-1955 гг. — секретарь ЦК КПСС, в 1955-1956 гг. — первый секретарь Приморского крайкома КПСС, в 1956-1957 гг. — заместитель министра Госконтроля СССР. С 1960 г. был на пенсии.

ШАХУРИН Александр Иванович (1904-1975). В 1940-1945 гг. — нарком авиационной промышленности СССР, в 1946 г. арестован, в 1953 г. реабилитирован, в 1953-1957 гг. — заместитель, первый заместитель министра авиационной промышленности.

ШВЕРНИК Николай Михайлович (1888-1970). В 1944-1946 гг. — Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, в 1946-1953 гг. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1956-1966 гг. — председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. С 1966 г. был на пенсии.

ШЕЛЕПИН Александр Николаевич (1918-1994). В 1952-1958 гг. — первый секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1958 г. — заведующий Отделом ЦК КПСС, в 1958-1961 гг. — председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. В 1961-1967 гг. — секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1962-1965 гг. — председатель Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР, заместитель Председателя Совета Министров СССР. В 1967-1975 гг. — председатель ВЦСПС. С 1975 г. — заместитель председателя Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию. С 1984 г. был на пенсии.

ШЕЛЕСТ Петр Ефимович (1908-1993). В 1963-1972 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Украины, в 1972-1973 гг. — заместитель Председателя Совета Министров СССР, затем на хозяйственной работе в Москве. С 1978 г. был на пенсии.

ШЕПИЛОВ Дмитрий Трофимович (1905–1995). Главный редактор «Правды» (1952–1956), секретарь ЦК КПСС (1955–1957), министр иностранных дел СССР (1956–1957), в феврале — июне 1957 г. — вновь секретарь ЦК КПСС. После июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС назначен директором Института экономики Киргизской ССР. В 1959 г. снят с этой должности и переведен в заместители. Лишен звания члена-корреспондента АН СССР. С 1960 г. — на рядовой должности ученого археолога в Главном архивном управлении при Совете Министров СССР. В 1961 г. исключен из КПСС. Восстановлен в 1976 г. На пенсии был с 1982 г.

ШКИРЯТОВ Матвей Федорович (1883–1954). Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. В 1934–1939 гг. — секретарь партколлегии КПК при ЦК ВКП(б), в 1939–1952 гг. — заместитель председателя, в 1952–1954 гг. — председатель КПК при ЦК КПСС.

ЩЕРБАКОВ Александр Сергеевич (1901–1945). С 1936 г. — секретарь ряда обкомов. В 1938–1945 гг. — первый секретарь МК и МГК, одновременно с 1941 г. — секретарь ЦК ВКП(б), с 1942 г. — начальник Главного Политического управления Красной Армии, заместитель наркома обороны, начальник Совинформбюро. Генерал-полковник (1943). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) в 1941–1945 гг.

ЭЙТИНГОН Наум Исакович (1899–1981). До октября 1951 г. — заместитель начальника Бюро № 1 МГБ СССР, с октября 1951 г. по март 1953 г. — заместитель начальника отдела МВД СССР. Один из организаторов покушения на Л. Д. Троцкого в Мексике (1940).

ИСТОЧНИКИ

Архив Президента Российской Федерации (АПРФ) — бывший Архив Политбюро ЦК КПСС

Личный архив И. В. Сталина:

Письмо Василия Сталина отцу от 21 сентября 1931 г. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1552. Л. 1. Автограф.

Письмо Василия Сталина отцу от 5 августа 1933 г. Там же. Л. 3. Автограф.

Записка И. В. Сталина коменданту дачи в Зубалово С. А. Ефимову от 12 сентября 1933 г. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1533. Л. 2-3. Автограф.

Письмо К. В. Паукера И. В. Сталину от 15 сентября 1933 г. Там же. Л. 4-5. Автограф.

Шифрограмма К. В. Паукера Н. С. Власику от 23 сентября 1933 г. Там же. Л. 6. Машинописная копия.

Письмо Василия Сталина отцу от 1 октября 1933 г. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1552. Л. 4. Автограф.

Письмо Василия Сталина К. В. Паукеру (не позднее 16 июня 1934 г.). Там же. Л. 2. Автограф.

Письмо Василия Сталина К. В. Паукеру от 16 июня 1934 г. Там же. Л. 6-7. Автограф.

Письмо Василия Сталина отцу от 14 сентября 1934 г. Там же. Л. 8-9. Автограф.

Письмо Василия Сталина отцу от 26 сентября 1934 г. Там же. Л. 10. Автограф.

Письмо Василия Сталина отцу от 2 сентября 1935 г. Там же. Л. 11. Автограф.

Письмо С. А. Ефимова Н. С. Власику от 22 сентября 1935 г. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1553. Л. 7-8. Автограф.

Письмо И. В. Сталина учителю Василия В. В. Мартышину от 15 июня 1938 г. Там же. Л. 9.

Машинописная копия.

Письмо Н. В. Макеева И. В. Сталину от 15 июня 1938 г. Там же. Л. 13–16. Автограф.

Письмо В. В. Мартышина И. В. Сталину (после 5 июля 1938 г.) Там же. Л. 17–18. Машинописная копия.

Письмо Л. П. Берии И. В. Сталину от 8 декабря 1938 г. Там же. Л. 20–22. Подлинник.

Письмо Василия Сталина отцу от 15 декабря 1938 г. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1552. Л. 14. Автограф.

Летно-строевая характеристика на курсанта Василия Иосифовича Сталина. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1553. Л. 26–28. Заверенная копия.

Выпускная аттестация В. И. Сталина. Там же. Л. 38–39. Заверенная копия.

Партийная характеристика В. И. Сталина. Там же. Л. 40. Заверенная копия.

Письмо Василия Сталина отцу от 4 марта 1941 г. Там же. Л. 17–18. Машинописная копия.

Записка секретариата Разведупра Генштаба РККА отделу управления кадров ЦК ВКП(б) о выезде на фронт Василия Сталина от 26 августа 1941 г. Там же. Л. 45. Подлинник.

Заключения Лечсанупра Кремля о состоянии здоровья В. И. Сталина от 4 апреля 1943 г. Там же. Л. 47. Подлинник.

Приказ наркома обороны СССР о снятии с поста командира авиаполка В. И. Сталина от 26 мая 1943 г. Там же. Д. 1557. Л. 1. Заверенная копия. Л. 2–3. Черновик.

Аттестация на командира 286-й истребительной авиационной Нежинской Краснознаменной ордена Суворова дивизии гвардии полковника Сталина Василия Иосифовича по состоянию на 10 июня 1945 г. Там же. Д. 1558. Л. 63–64. Заверенная копия.

Докладная записка начальника Лечсанупра Кремля П. Егорова И. В. Сталину о состоянии здоровья Василия

Сталина. Там же. Д. 1553. Л. 54-55. Автограф.

Протокол допроса арестованного Сталина Василия Иосифовича от 9-11 мая 1953 г. Там же. Д. 1557. Л. 83-98. Заверенная копия.

Записка С. Круглова Г. М. Маленкову от 8 августа 1953 г. Там же. Д. 1558. Л. 1-6. Подлинник.

Письмо В. И. Сталина В. М. Молотову от 21 декабря 1953 г. Там же. Л. 84. Машинописная копия.

Заявление В. И. Сталина Президиуму ЦК КПСС от 23 февраля 1955 г. Там же. Д. 1559. Л. 35-44. Заверенная копия.

Письмо В. И. Сталина Н. С. Хрущеву от 10 апреля 1958 г. Там же. Л. 98-99. Автограф.

Письмо В. И. Сталина Центральному Комитету КПСС от 19 января 1959 г. Там же. Д. 1560. Л. 1-2 об. Автограф.

Докладная записка А. Н. Шелепина, Р. А. Руденко в ЦК КПСС от 5 января 1960 г. Там же. Л. 19-20. Ксерокопия.

Запись беседы К. Е. Ворошилова с В. И. Сталиным от 9 апреля 1960 г. Там же. Л. 39-48. Машинописная копия.

Записка Р. А. Руденко и А. Н. Шелепина в ЦК КПСС от 7 апреля 1961 г. Там же. Л. 93-94. Заверенная копия.

Записка В. Е. Семичастного Н. С. Хрущеву от 19 марта 1962 г. Там же. Л. 113. Подлинник.

Медицинская история болезни (история болезни) Н. С. Аллилуевой. Ф. 45. Оп. 1. Д. 155.

Медицинская история болезни (история болезни) И. В. Сталина. Ф. 45. Оп. 1. Ед. Д. 1482.

Дневник М. А. Сванидзе. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1.

Журнал регистрации посетителей И. В. Сталина: май-июль 1941 г. Ф. 45. Оп. 1. Д. 412. февраль-март 1953 г. Ф. 45. Оп. 1. Д. 418.

Протокол совместного заседания Пленума Центрального Комитета КПСС, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР от 5 марта 1953 г. Ф. 2. Оп. 2. Д. 196. Л. 1-7.

Письма Л. П. Берии из тюремного бункера. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 163-174. Рукописи.

Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС от 12 июля 1983 г. Л. 22-25.

Об антиконституционной практике 30-40-х и начала 50-х годов. Докладная записка в ЦК КПСС комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов. Пакет № 50(90). Подлинник.

Записка И. В. Сталина секретарю ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущеву. Ф. 45. Оп. 1. Д. 59. Л. 10а — 10б. Автограф.

Непроизнесенная речь маршала Г. К. Жукова. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4-30. Подлинник.

Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС от 12 июля 1983 г. Л. 22-25.

***Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) — бывший
Центральный партархив***

История болезни И. В. Сталина в 1921 г. Ф. 558. Оп. 4. Д. 675.

Фонд документов П. Н. Поспелова. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54.

***Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) — бывший
Центральный Государственный архив Октябрьской революции***

Прошение Н. С. Власика о помиловании. Ф. 7523. Оп. 107. Ед. хр. 127.

Особые папки И. В. Сталина. Ф. 9401-с. Д. 64, 66, 67, 97, 236, 269, 428.

***Центр хранения современной документации
(ЦХСД) — бывший Архив ЦК КПСС***

Анонимное письмо на имя Н. С. Хрущева от 9 марта 1953 г. об обстоятельствах отравления И. В. Сталина.

Закрытое письмо собственного корреспондента газеты «Труд» по Грузинской ССР С. Статникова главному редактору Б. Буркову о событиях 5–9 марта 1956 г. в Тбилиси. Ф. 5. Оп. 30. Д. 140. Л. 53–65.

Коллективное письмо М. Вершинина и др. в Президиум ЦК КПСС и СМ СССР об отмене решения о присуждении Ленинской премии авторам книги «Лицом к лицу с Америкой». Ф.5. Оп.30. Д.490. Л.92.

Письмо Н. Т. Берия Н. С. Хрущеву 7 января 1954 г. из Бутырской тюрьмы МВД СССР. Ф. 5. Оп. 30. Д. 78. Л. 12–17.

Решение Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 30 октября 1958 г. о заявлении С. Л. Берии с просьбой восстановить в КПСС. Ф. 6. Оп. 4. Д. 1375. Л. 33–35.

Сводки МГБ СССР о настроениях и слухах в армии в связи с болезнью И. В. Сталина.

***Литература закрытого пользования (из фондов
специального хранения)***

Авторханов А. Технология власти. М.: Мысль. 1959.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. США, 1967.

Аллилуева С. Только один год. США, 1969.

Аллилуева С. Далекая музыка. Индия, 1984.

Menan K. The Fying Troika. London, 1963.

Averell Harriman. Peace with Russia. New York, 1959.

Conguest R. The Great Terror. London, 1971.

Мониторная радиозапись станции «Свобода» выступления Н. С. Хрущева на митинге в Москве в честь приезда венгерской партийно-правительственной делегации 19 июля 1964 г.

Новые сведения о деле Берии. Бюллетень «Радио Свобода», 27 января 1972 г.

Медведев Р. Хрущев: Полит. биография. Нью-Йорк: изд-во В. Чалидзе, 1966.

Мясников А. Рукопись воспоминаний о болезни и смерти И. В. Сталина.

Хрущев о Сталине. Нью-Йорк, 1989.

Литература открытого пользования

Аджубей А. Те десять лет. М.: Сов. Россия, 1989.

Аллилуева С. Книга для внучек. Октябрь. 1991. № 6.

Аллилуева С. Просто Светлана: Беседа с А. Боровиком. Версия. 1998. № 1-12.

Бобков Ф. КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995.

Борисов Ю. Генерал Щербаков не убедил. Независимая газета. 1998. 8 мая.

Брот А. Воспоминания о Василии Сталине. Аргументы и факты. 1991. 14 апр.

Бурдонский А. Внук Сталина — народный артист России: Интервью М. Рыбьянову. Комс. правда. 1997. 11 дек.

Бурлацкий Ф. Русские государи. Эпоха реформации. М.: Фирма «Шарк», 1996.

Васильева К. Василий, младший сын отца народов: Интервью С. Рыкову. Комс. правда. 1998. 28 апр.

Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Т. 1-2. М., 1989.

Горбачев М. Жизнь и реформы. В 2 кн. М.: АО «Изд-во «Новости», 1995.

Грибанов С. Заложники времени: Сочинение летчика-истребителя на свободную тему. М.: Воениздат, 1992.

Гришин В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина. Мемуары. М.: Аспол, 1996.

XXII съезд КПСС: Стеногр. отчет. М., Госполитиздат, 1962.

Die Welt, 1.9.1956.

Der Spiegel, 1963. № 32.

Колесник А. Хроника жизни семьи Сталина. М., 1990. И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. М.: Звонница-МГ, 1998.

Косолапов Р. «Оттепель» дала распутицу. XX съезд КПСС: взгляд через сорок лет. Правда. 1996. 13 февр.

Красиков С. Возле вождей. М.: Современник, 1997.

Лиханов Д. За что убили Василия Сталина. Республика, Минск. 1995. 28 апр.

Маленкова В. «Пришел Маленков — поели блинков!»: Интервью А. Папушину. Рос. газета. 1995. 24 марта.

Микоян С., Микоян А. От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича: Интервью А. Гамову. Комс. правда. 1995. 24 нояб.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Междунар. фонд «Демократия», Гуверовский институт войны, революции и мира, Стэнфордский университет, 1998.

Мухитдинов Н. Река времени. От Сталина до Горбачева. М.: Руст-Рости, 1995.

Наумов В. Утвердить докладчиком товарища Хрущева. Московские новости. 1996. № 4.

Пашин В. «Я тебя научу Родину любить...». Парламент. газета. 1998. 3 окт.

Последняя «антипартийная» группа: Стеногр. отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Ист. архив. 1993. № 3.

Радзинский Э. Сталин. М.: Вагриус, 1997.

Рассказ о почетном шахтере. Сталино-Донбасс, 1961.

Рапопорт Я. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 1988.

Рыбин А. Рядом со Сталиным. М., 1992.

Руденко М. Когда рыдают вожди. Труд. 1996. 14 нояб.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1990.

Стаднюк И. Исповедь сталиниста. Воспоминательная повесть. М.: Патриот, 1993.

Старостин Н. Как Василий Сталин спас меня от Лаврентия Бери. Огонек. 1989. № 89.

Сухомлинов А. За что сгноили сына отца народов. Совершенно секретно. 1998. № 6.

Тархова Л. Заложники Кремля. М.: Аст-Пресс, 1998.

Удилов В. За что Хрущев отомстил Сталину. Независимая газета. 1998. 17 февр.

Хрущев Н. Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989.

Хрущев Н. О культе личности и его последствиях: Доклад XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

Хрущева Н. За что сталинисты мстят Хрущеву? Независимая газета. 1998. 4 апр.

Шелест П. ...Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Edition g, Квинтэссенция, 1995.

Щербаков А. Леонид Хрущев не был предателем! Независимая газета. 1998. 27 марта.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1988.
Чуев Ф. Так говорил Каганович. М., 1992.